РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Том 4

Часть 1

Сборник материалов X Конвента РАМИ

8–9 декабря 2016 г.
МГИМО–Университет

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Российская ассоциация международных исследований (РАМИ)

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 4

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В двух частях

Часть 1

Под общей редакцией А. В. Мальгина

Москва
Издательство «МГИМО–Университет»
2017

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)
Д22

РАМИ не несет ответственности за содержание статей.
Мнение авторов не обязательно совпадает с точкой зрения
Исполнительной дирекции и Руководящего совета РАМИ

Со всеми материалами X Конвента можно ознакомиться
на сайте Ассоциации www.risa.ru

Научные редакторы:
И. Н. Платонова, А. С. Булатов,
А. Г. Олейнов, В. И. Салыгин, А. В. Абрамова

Д22 **«25 лет внешней политике России»** : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 4 : Россия и современный мир: экономика и право. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. А. В. Мальгина ; [науч. ред.: И. Н. Платонова и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). — Москва : МГИМО–Университет, 2017. — 662, [5] с.

ISBN 978-5-9228-1748-6 (т. 4, ч. 1)
ISBN 978-5-9228-1743-1

Издание представляет собой сборник статей, подготовленных модераторами и участниками секций X Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ), а также участниками пленарного заседания. Публикация отражает спектр проблем, которые обсуждались в ходе Конвента.

УДК 327(470+571)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-9228-1748-6 (т. 4, ч. 1)
ISBN 978-5-9228-1743-1

© МГИМО МИД России, 2017

Оглавление

РОССИЯ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Российская Федерация и организация Черноморского экономического сотрудничества: кооперация в сфере науки, технологий и образования в целях международного экономического развития
А. А. Афанасьев 9

Перспективы расширения экспорта зерна из Сибирского Федерального округа в страны Азии
Т. В. Ахмадулина 30

Торговля Украины с Россией и ЕС в условиях интеграционного выбора
И. П. Гурова 50

Перспективы развития электроэнергетической отрасли Российской Федерации в контексте мировых трендов
Я. Н. Зубкова 65

Глобальные вопросы современности и конкурентоспособность российских компаний
Н. Ю. Конина 81

Российско-иранские экономические связи в новых геополитических условиях
Н. М. Мамедова 94

Ресурс как фундаментальная составляющая стратегии инновационного прорыва России в мировую экономическую сферу
Н. Л. Орлова 106

От наднациональности в интеграции к партнерству на основе межгосударственного сотрудничества
В. В. Перская 122

Взаимодействие международной торговли и структурных изменений в глобальной экономике
И. Н. Платонова 142

Российский экспорт и курс рубля
А. П. Поливач 161

Проблемы развития национальной системы стандартизации в России и ЕАЭС
Е. С. Ратушняк 176

Приход в РФ секьюритизационных тенденций мирового финансового рынка
О. В. Хмыз, Н. В. Сергеева 190

Позиция России на мировом рынке нефти в современных геополитических условиях
А. В. Шевелёва 202

ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В МИРЕ

Институциональные аспекты политики глобализации
Е. Бренделева 215

Россия в международном движении капитала: прошлые, нынешние и будущие тенденции
А. С. Булатов 223

Водная проблема в условиях глобализации
В. А. Горбанёв 240

«Прорывные» инновации и технологии в наиболее развитых и быстрорастущих экономиках: влияние на глобальные процессы
И. В. Данилин 253

Эволюция рынка природного газа в условиях глобализации
О. И. Дегтярева, В. С. Дмитриев 267

Современные вызовы и угрозы глобальной энергетической проблемы
А. Н. Захаров 282

ТНК Китая как субъект интеграции национальной экономики в мировое хозяйство
Д. Б. Калашников 297

Экономическая глобализация в структуре общественной глобализации: к методологии и теории исследования
В. В. Карлусов 315

Факторы и тенденции, определяющие парадигму развития глобального рынка нефти
Т. А. Малова 328

Концептуальные границы экономики и политики глобальных процессов
А. Г. Олейнов 350

Феномен биткойна
С. Ю. Перцева 360

Исследование экономического роста с использованием модели Солоу в программной среде Simulink
Л. С. Притчина, Ю. А. Кавин 380

Участие Японии в глобальной экономике
С. М. Ребрей 393

Глобальные цепочки добавленной стоимости и их влияние на развитие национальной экономики
Е. Б. Рогатных *408*

Прямые зарубежные инвестиции Китая как следствие экономической глобализации страны
Н. Ю. Сенюк *422*

Фискальное регулирование в региональных интеграционных объединениях в условиях глобализации
Е. А. Сергеев *435*

Проблемы проведения макроэкономической политики в открытой экономике
А. В. Холопов *459*

Научная картина мира как инструмент геополитического соперничества
В. А. Шупер *471*

ВНЕШНЯЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ

Стратегии нефтяных компаний в условиях перехода к «зеленой» экономике
О. Л. Гаранина *487*

Современные вызовы энергетической дипломатии России
И. А. Гулиев *501*

Роль современных рыночных институтов во внешней энергетической политике России
О. И. Дегтярева *518*

Энергетический фактор в международных отношениях в Арктике
Л. А. Матияк *534*

Россия на мировом рынке сооружения АЭС: стратегия и тактика
Ю. В. Черняховская *547*

РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ

Расходы на обеспечение мира и безопасности как компонент официальной помощи развитию: политико-экономические аспекты пересмотра правил статистического учета
В. И. Бартенев *573*

Японская политика содействия развитию и уроки для России
Г. М. Костюнина *596*

Оглавление

Что мы знаем и не знаем о российском СМР?
А. В. Максимова *619*

Содействие международному развитию
в сфере охраны окружающей среды: интересы России
Н. А. Пискулова *633*

Списание суверенных долгов как форма участия России
в содействии международному развитию
А. В. Сумин *652*

Россия
в мировой экономике

Модератор

И. Н. Платонова

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: КООПЕРАЦИЯ В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ОБРАЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А. А. АФАНАСЬЕВ

Аннотация. *Экономическое развитие Черноморского региона представляет особый интерес для всех стран-участниц Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Кооперация в сфере науки и образования может позволить расширить двустороннее и многостороннее сотрудничество России с другими странами Черноморского региона. В данной связи были исследованы текущее состояние и перспективы двустороннего и многостороннего сотрудничества России и стран-участниц ОЧЭС в области науки, технологий и образования. В ходе исследования был проведен библиометрический анализ публикационной активности 12 стран-участниц ОЧЭС за период 2010–2016 гг., проиндексированных в базе данных Scopus, который показал, что вне зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, сложившейся в последние годы, сотрудничество России с государствами-членами ОЧЭС в сфере науки и образования сохраняется, тем не менее, кооперация в данной сфере имеет потенциал для дальнейшего развития, в том числе в качестве инструмента расширения экономического развития в регионе. В рамках исследования были рассмотрены 27 укрупненных научно-исследовательских направлений и выявлены основные направления расширения сотрудничества в сфере науки, а также сформирована матрица совместных публикаций России и государств-членов ОЧЭС по научным направлениям за 2010–2016 гг., которая позволила выявить количество стран-участниц ОЧЭС, имеющих общий интерес к определенным научно-исследовательским тематикам, а также определить тематики, по которым в странах имеется наибольшее количество публикаций в соавторстве с российскими научно-образовательными центрами. По некоторым направлениям*

у России сложились достаточно прочные связи с другими странами Черноморского региона. Библиометрический анализ показал, что все страны-участницы ОЧЭС сотрудничают с Россией, как минимум, по нескольким из 27 укрупненных научно-исследовательских направлений. Россия поддерживает и активно развивает прямые партнерские связи с научно-образовательными учреждениями государств-членов ОЧЭС, в том числе в рамках Сети университетов Черноморского региона. Страны Черноморского региона обладают значительным потенциалом в области образования и науки. Представляется, что кооперация в сфере науки, технологий и образования может позволить преодолеть барьеры двустороннего и многостороннего сотрудничества в Черноморском регионе и обеспечить дальнейшее экономическое развитие государств-членов ОЧЭС и всего региона в целом. Развитие сотрудничества в сфере науки и образования посредством инструментов научной дипломатии, создания коллабораций в научно-образовательной сфере, реализации международных научно-технических исследований и проектов, а также методов популяризации науки, ориентированных на привлечение молодёжи в науку, обеспечит возможность для дальнейшего развития экономического потенциала в рамках, двустороннего и многостороннего сотрудничества России с государствами-членами Организации черноморского экономического сотрудничества.

Ключевые слова: *международное сотрудничество; научные коллаборации; научная дипломатия; Россия; ОЧЭС; библиометрический анализ.*

Введение. Наука, технологии и образование являются одними из ключевых драйверов развития двусторонних и многосторонних отношений России с другими странами. В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина к Федеральному собранию 1 декабря 2016 года отмечается особая значимость науки (как прикладной, так и фундаментальной) для «накопления научных и технологических заделов, необходимых для экономического роста и социального развития»[1]. Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг., события 2014–2015 гг. (резкое падение мировых цен на нефть, санкции со стороны ЕС и США, события на Украине и напряженность в отношениях с Турцией) не могли не отразится на развитии сотрудничества Российской Федерации с зарубежными странами в области науки, технологий и образования. Отечественными и зарубежными учеными отмечается высокая значи-

[1] Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года.

мость изучения направлений международного сотрудничества в сфере науки и технологий не только для развития международных отношений по целому ряду направлений [Weiss, 2015, с. 411–430], представляющих интерес для национальных экономик, но и реализации национального инновационного потенциала [Kotsemir, 2015, с. 54–72], в том числе, посредством научной дипломатии [Linkov, 2015, с. 331–334]. Экономическое развитие и безопасность азово-черноморского региона представляют особый интерес как для Российской Федерации, так и для других государств-членов Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

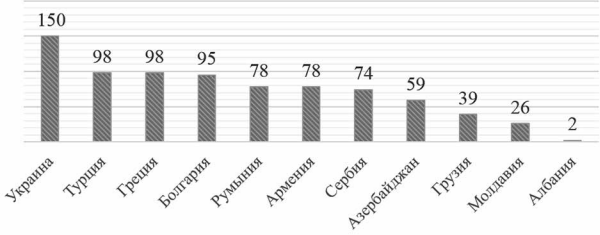
Теоретические основания исследования. Сотрудничество в области образования, науки и техники, а также реализация совместных образовательных и научно-исследовательских проектов, которые реализуются в рамках деятельности соответствующих Рабочих групп ОЧЭС [Dordevic, 2016, 11–14], оказывает влияние не только на развитие кооперации в сфере науки и технологий [Gryga, 2016, 15–23], но и обеспечивает возможность дальнейшего двустороннего и многостороннего экономического сотрудничества в рамках стран Черноморского региона. При этом проекты в сфере образования, направленные на расширение академических обменов, реализацию совместных образовательных программ и исследовательских проектов также представляют общий интерес для всех государств-членов ОЧЭС [PABSEC Report, 2013], не только с точки зрения развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в рамках Организации, но и для улучшения образовательного потенциала, трансфера лучших практик и обмена опытом, а также вовлечения молодежи в научные и исследовательские проекты. Российская Федерация достаточно активно участвует в развитии сотрудничества с другими странами в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) при этом общая внешнеполитическая конъюнктура, специфический образ России, который активно продвигается рядом государств в последние годы оказывают негативное влияние на развитие потенциала международного двустороннего и многостороннего сотрудничества России и государств-членов ОЧЭС. Представляется, что достижения науки и образования стран-участниц ОЧЭС и кооперация в данной сфере может позволить расширить двустороннее и многостороннее сотрудничество России и государств-членов ОЧЭС. В данной связи были исследованы текущее состояние и перспективы двустороннего и многостороннего сотрудничества России и стран-участниц ОЧЭС в области науки, технологий и образования.

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования заключается в предположении, что кооперация в сфере науки, технологий и образования может позволить преодолеть барьеры двустороннего и многостороннего сотрудничества в Черноморском регионе и обеспечить дальнейшее экономическое развитие государств-членов ОЧЭС и всего региона в целом посредством развития науки и образования, как через инструменты научной дипломатии, так и популяризации науки, ориентированные на привлечение молодёжи в науку.

Методология исследования. В качестве основных методов исследования были использованы библиометрический анализ публикационной активности 12 стран-участниц ОЧЭС за период 2010–2016 гг., а также метрики Snowball Metrics компании Elsevier. Материалом для исследования послужили статьи ученых из государств-членов ОЧЭС, опубликованные за последние 5 лет в реферируемых журналах, проиндексированных в базе данных Scopus, в том числе в соавторстве с другими странами-участницами ОЧЭС. Кроме того, была использована информация Росстата; ОЭСР, ЮНЕСКО, отчеты и рабочие материалы Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) и Парламентской Ассамблеи Черноморского Экономического Сотрудничества (ПАЧЭС). В рамках исследования были рассмотрены 27 укрупненных научно-исследовательских направлений, используемых в базе данных Scopus при классификации научных исследований.

Процедура исследования. На основе анализа публикаций, проиндексированных в Scopus, на конец 2016 г. в 12 государствах-членах ОЧЭС можно выделить 628 научно-образовательных институтов, результаты деятельности которых представлены в международных реферируемых журналах, проиндексированных в базе данных Scopus. При этом

Рис. 1. Количество научных и образовательных учреждений, находящихся в коллаборации с российскими научными и образовательными центрами по странам ОЧЭС за 5 лет с 2011 по 2016 гг.

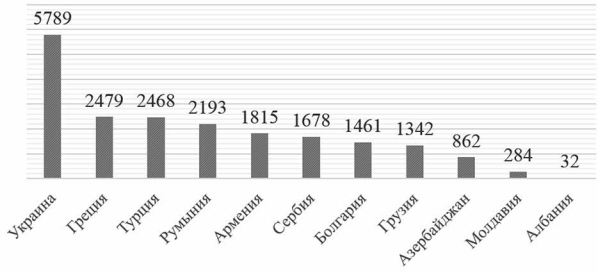


на конец 2016 года на территории России можно выделить 188 научных и образовательных центров, в Турции — 198, Украине — 82, Греции — 50, Румынии — 44, Болгарии — 34, Азербайджане — 11, Сербии — 7, Албании — 7, Молдове — 1.

Следует отметить, что на конец 2016 г. показатель количества научных и образовательных учреждений, находящихся в коллаборации с российскими научными и образовательными центрами, в целом продолжил расти. С Российской Федерацией наиболее активно сотрудничают научно-образовательные центры Украины, Турции, Греции, Болгарии, Румынии, Армении, Сербии и Азербайджана (рис. 1).

Учеными государств-членов ОЧЭС за последние 5 лет (с 2011 по 2016 гг.) было опубликовано более 860 тысяч статей в международных реферируемых журналах, проиндексированных в базе данных Scopus. При этом наблюдается ежегодный рост количества публикаций в соавторстве государств-членов ОЧЭС с российскими научными и образовательными центрами (метрика за 2011–2016 гг. представлена на рис. 2).

Рис. 2. Количество публикаций по странам в соавторстве с российскими научными и образовательными центрами за 2011–2016 гг.

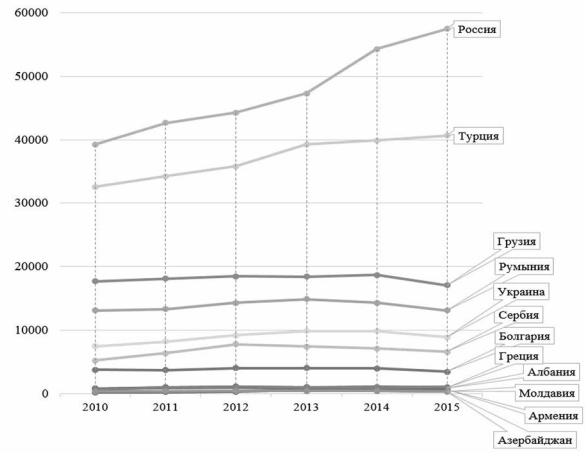


Анализ метрики результатов исследовательской деятельности показывает, что усредненный показатель количества публикаций ученых из России в соавторстве с зарубежными учеными составляет 28,2% от общего числа публикаций за 2010–2016 гг. (рис. 3).

Уровень данного показателя связан с общим высоким уровнем публикационной активности отечественных ученых — 316,282 публикаций, проиндексированных в базе данных Scopus за последние 5 лет (в период с 2011 по 2016 гг.).

Следует отметить положительную статистику в плане кооперации научных и образовательных центров России с другими странами-участницами ОЧЭС. Библиометрический анализ публикаций Scopus за

Рис. 3. Общая динамика публикационной активности по странам ОЧЭС с 2010 г. по 2015 г. (публикации, проиндексированные в базе данных Scopus)



2010–2016 гг. показывает, что все страны-участницы ОЧЭС сотрудничают с Россией, как минимум, по нескольким из 27 укрупненных научно-исследовательских направлений. Список научных направлений в классификации Scopus с соответствующим наименованием на русском языке представлен в табл. 1.

Составленная по итогам исследования Матрица научных направлений совместных публикаций России и государств-членов ОЧЭС позволила выявить количество стран-участниц ОЧЭС, имеющих общий интерес к определенным научно-исследовательским тематикам, а также определить соответствующие тематики, по которым в странах имеется наибольшее количество публикаций в соавторстве с российскими научно-образовательными центрами. Так, по Физике и Астрономии и Инженерным наукам — 10 государств-членов ОЧЭС имеют значительное количество публикаций в соавторстве с российскими учеными, 9 стран по направлению Медицина, 6 стран в сфере Материаловедения, 5 стран по направлениям Математика, Науки о Земле и Планетоведение). Выборка основных научно-исследовательских тематик, представляющих наибольший интерес для стран-участниц ОЧЭС представлена в рис. 4.

Следует отметить наличие интереса государств-членов ОЧЭС к аналогичным научно-исследовательским тематикам. При этом есть потенциал для расширения сотрудничества по актуальным тематикам,

Таблица 1
Список научных направлений в классификации SCOPUS

Наименование направления по Scopus	**Наименование направления на русском языке**
Agricultural and Biological Sciences	Сельскохозяйственные и биологические науки
Arts and Humanities	Искусство и гуманитарные науки
Biochemistry, Genetics and Molecular Biology	Биохимия, генетика и молекулярная биология
Business, Management and Accounting	Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет
Chemical Engineering	Химическая инженерия
Chemistry	Химия
Computer Science	Компьютерные науки
Decision Sciences	Методы поддержки принятия решений
Dentistry	Стоматология
Earth and Planetary Sciences	Науки о Земле и планетоведение
Economics, Econometrics and Finance	Экономика, эконометрика и финансы
Energy	Энергетика
Engineering	Инженерия
Environmental Science	Наука об окружающей среде
Health Professions	Медицинские специальности
Immunology and Microbiology	Иммунология и микробиология
Materials Science	Материаловедение
Mathematics	Математика
Medicine	Медицина
Multidisciplinary	Междисциплинарные направления
Neuroscience	Нейронауки
Nursing	Сестринское дело
Pharmacology, Toxicology and Pharmaceutics	Фармакология, токсикология и фармацевтика
Physics and Astronomy	Физика и Астрономия
Psychology	Психология
Social Sciences	Общественные науки
Veterinary	Ветеринарная медицина

Рис. 4. Матрица основных научных направлений государств-членов ОЧЭС

Страна

Научное направление	Азербайджан	Албания	Армения	Болгария	Греция	Грузия	Молдавия	Румыния	Сербия	Турция	Украина
Earth and Planetary Sciences	13	2	11	109	118	60	10	122	47	120	485
Engineering	127	0	245	187	290	166	57	269	245	295	798
Materials Science	99	0	56	77	109	19	86	124	34	129	1225
Mathematics	25	0	91	76	106	79	17	80	104	150	290
Medicine	22	12	67	134	269	47	34	261	141	243	366
Physics and Astronomy	560	0	1408	859	1617	987	134	1375	1080	1466	3150

Количество совместных статьей

представляющим интерес для обеих стран и по которым показатели публикационной активности в обеих странах являются достаточно высокими, а количество публикаций в соавторстве в реферируемых журналах в базе данных Scopus — относительно низкое (табл. 2).

Следует отметить, что по-прежнему остается актуальной проблема эффективности расходов на исследования и разработки. Россия занимает 9 место в мире по объему расходов на исследования и разработки (на 2015 г. — 914.7 млрд руб., темп прироста за год в % к ВВП составил 1,13%) и 4 место в мире по объему бюджетных ассигнований на науку гражданского назначения, при этом эффективность российских исследовательских организаций существенно ниже, чем в странах-лидерах (Соединенные Штаты Америки, Япония, Республика Корея, Китайская Народная Республика)[2].

В Послании Президента России В. В. Путина к Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. подчеркивается необходимость превращения исследовательских заделов в успешные коммерческие продукты путем «тесной интеграции деятельности научных центров с системой образования, экономикой и высокотехнологичными компаниями»[3]. В данной связи одним из вариантов превращения исследовательских заделов в успешные коммерческие продукты становится реализация

[2] По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ (Затраты на науку в России и ведущих странах мира, 2016 г.).

[3] Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года.

Таблица 2
Перспективные направления сотрудничества

Страна	Количество направлений	Название направления
Азербайджан	1	Computer Science
Албания	6	Social Sciences, Economics, Econometrics and Finance, Arts and Humanities, Computer Science, Medicine
Армения	2	Social Sciences, Earth and Planetary Sciences
Болгария	5	Veterinary, Computer Science, Social Sciences, Energy, Chemical Engineering
Греция	4	Medicine, Computer Science, Social Sciences, Arts and Humanities
Грузия	1	Medicine
Молдова	1	Computer Science
Румыния	3	Engineering, Computer Science, Social Sciences
Сербия	5	Medicine, Computer Science, Chemistry, Pharmacology, Toxicology and Pharmaceutics
Турция	12	Medicine, Veterinary, Dentistry, Social Sciences, Agricultural and Biological Sciences, Computer Science, Pharmacology, Toxicology and Pharmaceutics Sciences, Psychology, Neuroscience, Chemical Engineering, Chemistry
Украина	4	Engineering, Computer Science, Mathematics и Economics, Econometrics and Finance

парадигмы развития предпринимательских университетов формата 3.0. В университетах ведутся научные исследования, генерируются идеи, создается интеллектуальная собственность, на базе университетов формируются малые инновационные предприятия, создаются Стартапы, которые начинают работать в рамках университета, при этом должен возникать и соответствующий экономический эффект. Нужно стремиться, чтобы Количество объектов интеллектуальной собственности, объем высокотехнологичной продукции (его экспорта) и объем ВВП были сопоставимыми.

Страны Черноморского региона обладают значительным потенциалом в области образования, который может служить в качестве инструмента модернизации экономики и углубления региональной интеграции. В данном контексте следует отметить деятельность Сети

Таблица 3

Количество вузов сети университетов Черноморского региона по странам

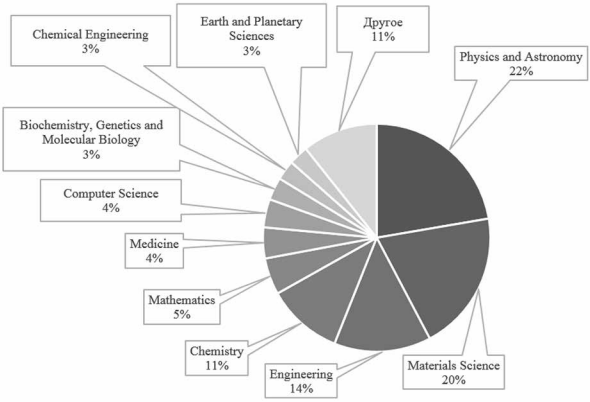
18	3	4	7	7	6
Азербайджан	Албания	Армения	Болгария	Греция	Грузия
3	8	16	1	17	21
Молдова	Россия	Румыния	Сербия	Турция	Украина

— кол-во вузов — страна

университетов Черноморского региона (BSUN), организации, которая объединяет вузы стран Черноморского региона. Количество вузов Сети университетов Черноморского региона (BSUN) по странам представлено в таблице 3.

Изучение публикационной активности за 2010–2016 гг. научно-образовательных учреждений России, входящих в Сеть университетов Черноморского региона (BSUN), в частности Южного федерального университета (3227 публикаций), Национального исследовательского технологического университета «МИСиС» (2741 публикация), Саратовского государственного университета (2002 публикаций), Российского университета дружбы народов (1486 публикаций) и Кубанского госу-

Рис. 5. Соотношение научно-исследовательских тематик научно-образовательных учреждений России, входящих в Сеть университетов Черноморского региона (BSUN) за 2010–2016 гг. по данным Scopus.



дарственного университета (525) позволило выявить, что наиболее приоритетными научно-исследовательскими тематиками российских университетов, входящих в сеть университетов Черноморского региона являются: Physics and Astronomy (3933 публикаций), Materials Science (3466 публикаций), Engineering (2466 публикаций), Chemistry (1935 публикаций), Mathematics (972 публикаций), Medicine (733 публикации), Computer Science (716 публикаций). Процентное соотношение научно-исследовательских тематик научно-образовательных учреждений России, входящих в Сеть университетов Черноморского региона (BSUN) представлено на рис. 5.

Помимо кооперации университетов в рамках Сети университетов Черноморского региона (BSUN) Россия поддерживает и активно развивает прямые партнерские связи образовательных учреждений и организаций стран ОЧЭС и России. Соответствующая выборка по количеству вузов государств-членов ОЧЭС, заключивших партнёрские соглашения с вузами России представлена в таблице 4.

Таблица 4

Количество вузов государств-членов ОЧЭС, заключивших партнёрские соглашения с вузами России

5	7	51	7	8	4	8
Азербайджан	Армения	Болгария	Греция	Молдова	Румыния	Сербия

— кол-во вузов — страна

Болгария является одним из наиболее активных партнеров России в данной сфере (более 50 российских и болгарских университетов осуществляют прямые партнерские связи в рамках подписанных соглашений о сотрудничестве). Указанная статистика коррелирует с количеством совместных публикаций и коллабораций научно-исследовательских организаций стран-участниц ОЧЭС и показывает актуальность коллаборации и совместной работы, вне зависимости от наличия прямых партнерских соглашений о сотрудничестве.

Следует выделить несколько основных международных проектов, затрагивающих страны Европейского союза, в том числе государства-члены ОЧЭС, например, международный проект источника синхротронного излучения третьего поколения «CANDLE» (включая экспериментальные программы AREAL и DELTA), реализуемый в Республике

Армения в рамках проекта «Горизонт-2020» и получивший высокую оценку авторитетных международных экспертных комиссий. Кроме того, в рамках проекта рамочной программы Европейского союза по научным исследованиям и инновациям «Горизонт-2020» финансирование получил проект «Углубления межрегионального сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между Европейским союзом и странами черноморского региона» (Black Sea Horizon), со сроком выполнения до января 2018 г. Проект направлен на поддержку внешних отношений ЕС с целевым регионом в целях развития диалога по вопросам политики в области науки, технологии и инноваций ЕС и ОЧЭС, а также за счет увеличения базы знаний о внешней среде ЕС. Проект также ставит совей целью стимулирование межрегионального сотрудничества в области науки, технологии и инноваций, укрепление экономической конкурентоспособности ЕС и создание благоприятных рамочных условий путем содействия объединению ресурсов и выявления передовых тематик для сотрудничества в сфере науки, технологии и инноваций. Проект «Углубления межрегионального сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций между Европейским союзом и странами черноморского региона» (Black Sea Horizon) не связан напрямую со сферой образования, тем не менее Black Sea Horizon имеет потенциал выступать в качестве смежного долгосрочного проекта (получил финансирование в рамках Рамочной программы ЕС Горизонт 2020 до 1 января 2018 года), который может позволить расширить сотрудничество не только в сфере науки, технологий и инноваций, но и в сфере образования стран Черноморского региона.

Также интерес представляет инициатива ERA.Net RUS Plus реализуемая с 2013 года (со сроком выполнения до октября 2018 г.) направлена на усиление координации научно-исследовательских программ между государствами-членами ЕС, ассоциированными членами и Россией. В рамках проекта реализуются совместные научно-исследовательские проекты в области нанотехнологий, здравоохранения, охраны окружающей среды, социальных и гуманитарных наук и инноваций. ERA.Net RUS Plus является продолжением проекта ERA.Net RUS, в ходе которого известные российские инвесторы принимали участие в многосторонней схеме финансирования. В рамках ERA.Net RUS Plus группа по финансированию отобрала 18 инновационных проектов и 45 проектов в области науки и техники. Финансирование составило 20 млн евро, включая 3,5 млн евро со стороны Европейского Союза. Проект ERA.Net RUS Plus является самым географически крупным проектом ERA.NET, а также основной инициативой в научно-техническом сотрудничестве

между Россией и Европейского Союзом. Представляется, что данная инициатива будет способствовать повышению значимости партнерства между Европейским союзом и Россией и позволит выйти на новый стратегический уровень в научно-техническом сотрудничестве.

Следует отметить инициативы Рабочей группы ОЧЭС по образованию в сфере реализации проекта Единой виртуальной среды для учреждений высшего образования государств-членов ОЧЭС и дальнейшему развитию Образовательного портала «Высшее образование в ОЧЭС» (инициатива Греции). Образовательной портал ОЧЭС направлен на проектирование, разработку и развертывание платформы с открытым исходным кодом для расширения кооперации в сфере высшего образования. Дальнейшее развитие указанного проекта позволит повысить координацию деятельности высших учебных заведений со значительным опытом в различных областях, предоставляющих инструменты для виртуального сотрудничества и интеллектуального управления мультимедиа контентом, а также предполагает развитие кооперативного образования и научно-исследовательской деятельности и предоставление единого доступа к образовательным ресурсам (в контексте роста интереса к дистанционному, электронному обучению). Подобная информационная, виртуальная среда может позволить наладить междисциплинарный и межкультурный диалог между государствами-членами ОЧЭС. Следует отметить, что, на основе взаимодействия с международными организациями, в частности кооперации с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, возможно дальнейшее совершенствование и развитие проекта Единой виртуальной среды. Также планируется расширение взаимодействия образовательных учреждений государств-членов ОЧЭС в рамках Сети университетов Черноморского региона (BSUN), в том числе в части совместного обеспечения качества обучения. В качестве дальнейшего развития кооперации в сфере образования, следует отметить предложенный Российской Федерацией проект по созданию ключевых национальных университетов государств-членов ОЧЭС в сотрудничестве с BSUN. При этом основной целью ключевых университетов ОЧЭС станет повышение уровня интернационализации высшего образования и академической мобильности, согласование статистических данных в сфере образования ОЧЭС (с учетом международных данных и стандартов), а также развитие профессионально-технического образования / программ подготовки (с учетом текущих потребностей привлечения молодежи на соответствующий рынок труда) и создания возможностей для реализации стратегии обучения через всю жизнь.

Результаты исследования. Проведенный библиометрический анализ публикационной активности 12 стран-участниц ОЧЭС за период 2010–2016 гг. (проиндексированных в базе данных Scopus), показал, что несмотря на внешнеполитическую конъюнктуру, сложившуюся в последние годы, сотрудничество в сфере науки и образования России с государствами-членами Организации черноморского экономического сотрудничества сохраняется, тем не менее, кооперация в данной сфере имеет потенциал для развития. В рамках исследования были рассмотрены 27 укрупненных научно-исследовательских направлений, используемых в базе данных Scopus при классификации научных исследований и выявлены основные направления расширения сотрудничества в сфере науки, а также сформирована Матрица совместных публикаций России и государств-членов ОЧЭС по научным направлениям за 2010–2016 гг. По некоторым направлениям у России сложились достаточно прочные связи с государствами-членами ОЧЭС, в частности, Россия активно сотрудничает с научно-исследовательскими и образовательными организациями Турции, Украины, Греции, Румынии и Болгарии. При этом по ряду направлений есть потенциал для расширения сотрудничества по актуальным тематикам, представляющим общий интерес для стран-участниц ОЧЭС и по которым показатели публикационной активности в рамках двусторонних отношений в странах являются достаточно высокими, однако количество публикаций в соавторстве в реферируемых журналах в базе данных Scopus — относительно низкое. По-прежнему остается актуальной проблема эффективности расходов на исследования и разработки. Россия поддерживает и активно развивает прямые партнерские связи с научно-образовательными учреждениями государств-членов ОЧЭС, в том числе в рамках Сети университетов Черноморского региона (BSUN). Следует отметить, что страны Черноморского региона обладают значительным потенциалом как в области образования, так и науки, который может служить в качестве инструмента модернизации национальной экономики и углубления региональной интеграции.

Анализ результатов. Большинство стран-участниц ОЧЭС разделяет необходимость и значимость научно-обоснованных инноваций для долгосрочного развития и проявляют интерес к развитию международного научного сотрудничества как в рамках Европейского Союза, так и с Российской Федерацией, при этом им приходится сталкиваться с рядом проблем, включая устаревание научно-исследовательской инфраструктуры и проблемы с человеческим капиталом, кроме того, наряду с общей неблагоприятной экономической обстановкой, в последние не-

сколько лет бюджет многих высших учебных заведений резко сократился, что не могло не отразиться на показателях академической мобильности и привлечения зарубежных специалистов в национальные научно-образовательные учреждения. У российских вузов Сети университетов Черноморского региона (BSUN) показатели по интернационализации (в частности количеству зарубежных преподавателей) относительно низкие (в сравнении с Турцией, Сербией и Азербайджаном). Замедлять сотрудничество может слабое развитие партнерских отношений между университетами и деловыми кругами. Следует отметить, что ряд стран, в частности Турция, по многим количественным показателям затрат в области науки и техники обгоняет большую часть черноморских стран, что в значительной степени связано с социально-экономическим преобразованиями в стране за последние десятилетия, а также конкурентной борьбой за рынки и созданием благоприятной экономической среды для деловой активности, что подтверждается данными Доклада ЮНЕСКО по науке [UNESCO, 2015]. В рамках исследования были рассмотрены 27 укрупненных научно-исследовательских направлений, используемых в базе данных Scopus при классификации научных исследований. На основе библиометрического анализа публикаций, проиндексированных в Scopus, на конец 2016 года в 12 государствах-членах ОЧЭС было выделено 628 научно-образовательных институтов, результаты деятельности которых представлены в международных реферируемых журналах, проиндексированных в базе данных Scopus. При этом наблюдается ежегодный рост не только количества соответствующих научно-образовательных институтов, публикующих результаты деятельности в журналах, проиндексированных в базе данных Scopus, но и количества публикаций государств-членов ОЧЭС в соавторстве с российскими научными и образовательными центрами в журналах, проиндексированных в базе данных Scopus, а также количество коллаборациий указанных научно-образовательных институтов в рамках ОЧЭС. Следует отметить наличие интереса государств-членов ОЧЭС к аналогичным научно-исследовательским тематикам. При этом есть потенциал для расширения сотрудничества по актуальным тематикам, представляющим интерес для обеих стран, по которым показатели публикационной активности в обеих странах являются достаточно высокими, а количество публикаций в соавторстве в реферируемых журналах в базе данных Scopus — относительно низкое. Библиометрический анализ публикаций за последние 5 лет позволяет утверждать, что государства-члены ОЧЭС имеют потенциал продолжить двустороннее и многостороннее сотрудничество и обеспечить дальнейшее укрепление отношений в рамках

ОЧЭС по научным направлениям, соответствующим долгосрочным национальным стратегиям (в т.ч. Стратегии развития науки и технологии России 2030), а также искать новые точки пересечения интересов со всеми государствами-членами ОЧЭС. Например, расширять сотрудничество в сфере исследований и разработок по альтернативной энергетике, которая пользуется особым интересом в государствах-членах ОЧЭС. Россия поддерживает и активно развивает прямые партнерские связи с научно-образовательными учреждениями государств-членов ОЧЭС, в том числе в рамках Сети университетов Черноморского региона (BSUN). Хотя страны Черноморского региона обладают значительным потенциалом в области образования, который может служить в качестве инструмента модернизации экономики и углубления региональной интеграции, по-прежнему остается актуальной проблема эффективности расходов на исследования и разработки, проблема превращения исследовательских заделов в успешные коммерческие продукты. В данной связи представляется значимым не только использование потенциала Сети университетов Черноморского региона (BSUN) для увеличения показателей академической мобильности (хотя академическая мобильность и свободное передвижение студентов, лекторов и исследователей имеет огромное значение для государств-членов ОЧЭС в деле укрепления учебных и научных связей и сотрудничества в сфере образования) и развития прямых партнерских связи с научно-образовательными учреждениями государств-членов ОЧЭС, но и реализации конкретных международных проектов, нацеленных на решение реальных научных, социальных и экономических задач с привлечением высокотехнологичных компаний, бизнеса, научных и образовательных центров, что способствует научно-техническому прогрессу и устойчивому развитию экономики. Одним из вариантов превращения исследовательских заделов в успешные коммерческие продукты становится реализация парадигмы развития предпринимательских университетов формата 3.0. Двустороннее и многостороннее взаимодействие научно-образовательных учреждений в Сети университетов Черноморского региона (BSUN) в рамках подобной парадигмы предпринимательских университетов позволит как университетам, так и странам в целом получить соответствующий экономический эффект от реализации научной деятельности, позволит сделать шаг на пути к приведению сопоставимых показателей количества объектов интеллектуальной собственности, объема высокотехнологичной продукции (его экспорта) и объема ВВП. Кроме того, представляется, что разработка соответствующих образовательных программ по актуальным научным тематикам (соответствующим общим

интересам государств-членов ОЧЭС и России в научно-исследовательской сфере), наряду с увеличением количества инициатив по популяризации научных знаний, привлечением представителей бизнеса к просветительским проектам и проведением соответствующих популярных научных мероприятий для людей разных возрастов и профессий позволит не только сохранить, но и значительно расширить двустороннее и многостороннее сотрудничество в рамках ОЧЭС. В краткосрочной перспективе, на 2017–2018 гг. основными направлениями развития сотрудничества государств-членов ОЧЭС в области образования на 2017 год станут: расширение академической мобильности (студентов, преподавателей и ученых); обеспечение качества обучения в системе высшего образования; разработка и реализация совместных, сетевых образовательных программ; создание информационных систем/баз с данными по сотрудничеству в сфере образования (и оптимизация существующих процедур сбора данных); обмен передовым опытом и информацией в области образования в двустороннем и многостороннем формате сотрудничества. Кроме того, отдельное внимание рядом стран в рамках ОЧЭС в ближайшие несколько лет будет уделено вопросам образования беженцев (например, временному образованию Сирийских граждан в Турции, беженцев из Афганистана, Ирака, Ирана) и другим гуманитарным вопросам, включая вопросы значимости формирования многокультурных и многоязычных групп и использование разнообразных методов обучения. Следует отметить, что в дополнение к текущим проектам государств-членов ОЧЭС, связанным со сферой образования, целесообразно активное вовлечение научно-образовательных учреждений и представителей бизнеса в крупные международные мероприятия, имеющие потенциал использования в качестве площадок не только для расширения кооперации в сфере образования и науки, но и развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества. Представляется, что применение инструментов научной дипломатии, создание коллабораций в научно-образовательной сфере, реализация международных научно-технических исследований и проектов, а также применение методов популяризации науки, ориентированных на привлечение молодёжи в науку могут позволить преодолеть барьеры двустороннего и многостороннего сотрудничества в Черноморском регионе и обеспечить дальнейшее экономическое развитие государств-членов ОЧЭС и всего региона в целом.

Заключение. Несмотря на то, что страны-участницы ОЧЭС разделяют общую позицию относительно необходимости расширения сотрудничества и взаимодействия в сфере науки и образования и ре-

ализуют целый ряд проектов и инициатив для решения актуальных проблем в данных сферах, общая внешнеполитическая конъюнктура и информационный фон относительно образа России в зарубежных СМИ, а также напряженность в отношениях с рядом стран может замедлить сотрудничество России со странами-участницами ОЧЭС. В значительной степени для России масштабы кооперации в рамках ОЧЭС будут зависеть от позиции и желания государств-членов ОЧЭС вести конструктивный диалог по развитию отношений в сфере науки, технологий и образования. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации определяется новая роль науки и технологий «как основополагающих элементов решения многих национальных и глобальных проблем, обеспечения возможности прогнозировать происходящие в мире изменения, <…> своевременно распознавать новые большие вызовы и эффективно отвечать на них»[4]. Представляется, что кооперация в сфере науки, технологий и образования может позволить преодолеть барьеры двустороннего и многостороннего сотрудничества в Черноморском регионе и обеспечить дальнейшее экономическое развитие государств-членов ОЧЭС и всего региона в целом. Развитие сотрудничества в сфере науки и образования посредством инструментов научной дипломатии, создания коллабораций в научно-образовательной сфере, реализации международных научно-технических исследований и проектов, а также методов популяризации науки, ориентированных на привлечение молодёжи в науку, обеспечит возможность для дальнейшего развития экономического потенциала в рамках, двустороннего и многостороннего сотрудничества России с государствами-членами Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года.
2. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».
3. Информационный бюллетень ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Затраты на науку в России и ведущих странах мира, 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/09/20/1123278216/NTI_N_19_20092016.pdf (дата обращения: 15.10.2016).

[4] Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

4. Dordevic B. (2016) Cooperation among Member States of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) in the field of Science and Technology / Science, Technology & Innovation in the Black Sea: Moving Forward International / Xenophon Paper N15, PP. 11–14.
5. Gryga V. (2016) STI Performance in the Black Sea region / Science, Technology & Innovation in the Black Sea: Moving Forward International / Xenophon Paper N15. PP. 15–23.
6. Kotsemir M., Kuznetsova T., Nasybulina E., Pikalova A. (2015) Identifying Directions for Russia's Science and Technology Cooperation. Foresight and STI Governance. Nol. 9. No 4. PP. 54–72. DOI: 10.17323/1995–459x.2015.4.54.72.
7. Linkov I. Basu S. Fisher C. Jackson, N. Jones, A.C., Kuklja M. M., Trump B. D. (2016). Diplomacy for science: strategies to promote international collaboration / Environment Systems and Decisions. Vol. 36. Issue 4, PP. 331–334.
8. Weiss C. (2015). How Do Science and Technology Affect International Affairs? / Minerva. Vol. 53. Issue 4. PP. 411–430.
9. PABSEC Report "Benefits and perspectives of cooperation at the postgraduate level among universities of the BSEC member states", Doc. GA41/CC40/REP/13, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ (дата обращения: 15.05.2016).
10. UNESCO Science Report: towards 2030. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf (дата обращения: 20.12.2016).

THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ORGANIZATION OF THE BLACK SEA ECONOMIC COOPERATION: FACILITATING ECONOMIC DEVELOPMENT VIA COOPERATION IN THE FIELD OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND EDUCATION

Anton Afanasyev

Abstract. *All countries of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) are interested in a sustainable economic development of the Black Sea region. Cooperation in the field of science, technology and education may allow Russia to strengthen bilateral and multilateral cooperation with other countries in the Black Sea region. This study examines the current state and prospects of bilateral and multilateral cooperation between Russia and the BSEC member states in the field of science, technology and education. The research methodology includes bibliometric analysis of indexed in the Scopus database publications of 12 BSEC member states over the period of 6 years (2010–2016). Cooperation of Russia with the BSEC member states in the field of science, technology and education maintains on a decent level, however, cooperation in these fields has the potential for further development, inter alia applied as a tool aimed at*

fostering economic development in the region. Within this study 27 research subject areas were considered, based on the Scopus classification. The study resulted in identification of a range of areas of common interest for enhancing cooperation in the field of science and technology, as well as the development of the matrix of joint publications of Russia and the BSEC member states over the period of 6 years, that showed the number of publications of the BSEC member states co-authored with Russian scientific and educational centers. Moreover, all BSEC member states cooperate with Russia in several research subject areas. Russia supports and is actively developing direct partnerships with scientific and educational institutions of the BSEC member states, inter alia within the framework of the Black Sea Universities Network. The study concludes with the idea that cooperation in the field of science, technology and education may allow to overcome barriers to bilateral and multilateral cooperation in the Black Sea region and ensure further economic development of the BSEC member states. International cooperation in the field of education, science and technology can be enhanced by the science diplomacy, creation of collaborations, implementation of international R&D projects, as well as implementation of science outreach and communication methods, including popular science interpretation, focused on engaging youth into scientific projects, that will provide an opportunity for further development of the economic potential framework of bilateral and multilateral cooperation between Russia and the BSEC member states.

Keywords: *international cooperation; scientific collaboration; science diplomacy; Russia; BSEC; bibliometric analysis*

References

1. Dordevic, B. (2016) Cooperation among Member States of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC) in the field of Science and Technology / Science, Technology & Innovation in the Black Sea: Moving Forward International / Xenophon Paper N15, PP. 11–14.
2. Executive Order (ukase) of the President of Russian Federation on the Scientific and Technological Development Strategy, N642 (December 1, 2016).
3. Gryga, V. (2016) STI Performance in the Black Sea region / Science, Technology & Innovation in the Black Sea: Moving Forward International / Xenophon Paper N15. PP. 15–23.
4. HSE ISSEK information bulletin. R&D Expenditures in Russia and the World's Leading Countries, 2016. Available at: https://issek.hse.ru/data/2016/09/20/1123278216/NTI_N_19_20092016.pdf, (accessed at: 15.10.2016).
5. Kotsemir, M., Kuznetsova, T., Nasybulina, E., Pikalova, A. (2015) Identifying Directions for Russia's Science and Technology Cooperation. Foresight and STI Governance. Nol. 9. No 4. PP. 54–72. DOI: 10.17323/1995–459x.2015.4.54.72.

6. Linkov, I. Basu S. Fisher C. Jackson, N. Jones, A.C., Kuklja M. M., Trump B. D. (2016). Diplomacy for science: strategies to promote international collaboration / Environment Systems and Decisions. Vol. 36. Issue 4, PP. 331–334.
7. PABSEC Report "Benefits and perspectives of cooperation at the postgraduate level among universities of the BSEC member states", Doc. GA41/CC40/REP/13, 2013. Available at: http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ (accessed at 15.05.2016).
8. The annual Presidential Address to the Federal Assembly (December 1, 2016).
9. UNESCO Science Report: towards 2030. 2015. Available at: http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf (accessed at: 20.12.2016).
10. Weiss, C. (2015). How Do Science and Technology Affect International Affairs? / Minerva. Vol. 53. Issue 4. PP. 411–430.

Информация об авторе:
Афанасьев Антон Анатольевич
кандидат экономических наук; старший научный сотрудник; Центр научных исследований «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике», Южный федеральный университет, Российская Федерация
Эл.почта: afanasyevanton@sfedu.ru
Anton Afanasyev
PhD; Senior research Fellow; Research center "Instrumental, Mathematical and Intellectual Support of Economy", Southern Federal University; Russia
E-mail: afanasyevanton@sfedu.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ЭКСПОРТА ЗЕРНА ИЗ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В СТРАНЫ АЗИИ

Т. В. АХМАДУЛИНА

Аннотация: *Рост мирового спроса на продовольствие в совокупности с процессами истощения ресурсной базы традиционных регионов мирового сельского хозяйства обуславливает актуальность исследования вопроса о возможности вовлечения новых регионов в мировое производство продовольствия.*

Сельское хозяйство Сибирского федерального округа (СФО) может сыграть ключевую роль в создании крупного зернового хозяйства с ориентацией экспортных поставок зерна в страны Азии. Однако для успешной реализации имеющегося аграрного потенциала Сибири необходимо решить ряд достаточно серьезных проблем развития сельского хозяйства региона, в частности: пространственные ценовые различия, обусловленные удаленностью округа от экспортных зерновых терминалов и ростом транспортной и логистической составляющих в экспортной цене на пшеницу; проблема «накопленного» диспаритета цен; отсутствие развитой системы страхования посевов; дефицит профессиональных кадров; недоинвестирование в основной капитал сельскохозяйственных предприятий; проблема обеспечения соответствующего мировым стандартам качества зерновых; отсутствие в России целостной системы государственной поддержки экспорта сельскохозяйственной продукции; отсутствие развитой системы потребкооперации в зерновой отрасли; отсутствие диверсификации каналов сбыта зерновых.

Возможными мерами, способствующими реализации экспортного зернового потенциала СФО, должны стать:

— *создание национальной инновационной системы развития АПК. Ключевым звеном в национальной инновационной системе развития АПК России должно стать создание Российской корпорации сельскохозяйственных исследований, связанной с Министерством сельского хозяйства России;*

— *расширение производства продукции сельского хозяйства в СФО с использованием контрактации;*
— *присвоение инвестиционным проектам в сфере развития зерновой инфраструктуры статуса «особо важного инвестиционного проекта» с целью предоставления инвестору налоговых льгот, финансовой и нефинансовой поддержки на уровне субъекта Российской Федерации;*
— *следует внедрять новые сбытовые модели, основанные на принципах кооперации, в том числе на международном уровне;*
— *обеспечить предоставление АО «Российским экспортным центром» связанных кредитов импортерам российского зерна и продукции перемола;*
— *расширение участия России в многосторонних проектах по укреплению продовольственной безопасности.*

Ключевые слова: *зерно, экспорт, Сибирский федеральный округ.*

Введение. Ожидается, что к 2050 году численность населения Земли увеличится приблизительно до 9 млрд человек. Одновременно повышаются требования населения к качеству продовольствия. По мнению экспертов ООН, такая ситуация потребует увеличения ежегодного мирового производства зерновых на 1 млрд тонн и на 200 млн тонн продукции животноводства. Рост численности населения Земли сопровождается увеличением антропогенной нагрузки на мировые аграрные ресурсы. Это приводит к истощению ресурсной базы традиционных регионов мирового сельского хозяйства. Особенно стремительно эта тенденция развивается в густонаселенных странах Азии.

В связи с этим возникает вопрос о возможности вовлечения новых регионов в мировое производство продовольствия. Россия, обладая значительным аграрным потенциалом, имеет широкие возможности существенно укрепить свои экспортные позиции на мировом рынке некоторых видов продовольствия, прежде всего на рынке зерновых.

Значительный потенциал увеличения экспортных поставок зерновых имеется в Сибирском федеральном округе (СФО). Сибирь обладает существенными конкурентными преимуществами, такими как значительная неиспользуемая пахотная площадь, богатые ресурсы пресной воды, географическая близость к быстрорастущим азиатским рынкам сбыта, высокий научно-исследовательский потенциал. Сельское хозяйство Сибири может сыграть ключевую роль в создании крупного зернового хозяйства с ориентацией экспортных поставок зерна в страны Азии. Однако для успешной реализации имеющегося аграрного потенциала Сибири необходимо решить ряд достаточно серьезных проблем

развития сельского хозяйства региона, обуславливающих реализацию возможностей аграрного производства в Сибири.

Теоретические основания исследования. Исследованию перспектив спроса на продовольствие в странах Азии, проблеме реализации экспортного аграрного потенциала России посвящено большое количество научных работ как российских, так и зарубежных ученых.

В частности, теоретические и методологические основы формирования и регулирования мирового рынка продовольствия отражены в работах Архипова В.Я., Гомелько Т.В., Назаренко В.И., Папцова А.Г., Ревенко Л.С., Савельевой А.В., Лестера Брауна, Эрика Холт Хименеса и других исследованиях.

Проблематикой развития аграрного сектора России занимались такие ученые, как Алтухов А.И., Вершинин А.А., Петриков А., Плотников В., Серков А.Ф, Силаева Л.П., Тимофеева Г.В., Усенко Л.Н. и другие ученые.

Проблемы развития мирового и национального рынков зерна исследованы в работах Барсуковой С.Ю., Башкировой В.Г., Гуровой М.М., Дюмулен М.А., Жоровой М.Д., Колинько О.Н., Лихмана И.В., Рылько Д.Н. и других трудах.

Значительное внимание исследованию проблем совершенствования аграрной политики России уделено в работах Алтухова А.И., Антамошкиной Е.Н., Вершинина А.А., Гуровой М.М., Папцова А.Г., Шуйского В.П. и в трудах других ученых.

Несмотря на наличие многих работ, посвященных анализу мирового продовольственного рынка и торгового сотрудничества России и стран Азии, выявлению и обоснованию возможностей значительного расширения экспорта зерна из Сибири в страны Азии в проведенных исследованиях уделено недостаточно внимания. Кроме того, динамичное развитие мирового рынка продовольствия требует постоянного анализа и коррекции аграрной политики правительства России с учетом происходящих изменений. Поэтому исследования, проведенные даже несколько лет тому назад, уже не в полной мере отражают новые реалии.

Исследование: основная часть

Методология. При решении поставленных задач применялись индуктивный и дедуктивный методы познания, комплексный и стратегический подходы, расчетно-аналитические, экономико-статистические методы, методы системного и сравнительного анализа, экспертных оценок, а также метод графической интерпретации.

Процедура исследования. СФО занимает 30% территории и 25% земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации. Доля

Таблица 1
Посевные площади сельскохозяйственных культур в России и СФО

Год		1990	2000	2010	2015
Вся посевная площадь, тыс. га	РФ	117 705,16	84 669,64	75 187,9	79 319,0
	СФО	23 426,91	16 650,36	14 555,4	15 026,7
в т.ч под зерновые, тыс. га	РФ	59 511,73	44 664,97	41 889,	45 054,24
	СФО	—	10 038,12	9249,9	9623,06
Доля СФО в общей посевной площади РФ		19,9%	19,7%	19,4%	19,0%

Источник: составлено автором на основе данных ЕМИСС/РОССТАТ, Посевные площади Российской Федерации в 2015 году. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedstat.ru/indicator/data.do

Таблица 2
Валовые сборы основных зерновых культур в СФО и России в хозяйствах всех категорий

Наименование культуры	Валовой сбор, тыс. ц				Доля СФО в общероссийском валовом сборе, %	
	Россия		СФО			
	1996 г.	2015 г.	1996 г.	2015 г.	1996 г.	2015 г.
Пшеница яровая	180 966,20	197 258,48	75 118,23	89 006,37	42	45
Рожь озимая	59 208,15	20 861,63	3169,41	2000,30	5	10
Рожь яровая	70,77	5,12	67,12	1,95	95	38
Ячмень яровой	146 222,00	154 465,12	10 391,17	18 975,81	7	12
Кукуруза на силос, зеленый корм и сенаж	710 814,27	283 343,00	122 555,81	29 545,75	17	10
Просо	4410,00	5721,70	265,83	298,36	6	5
Овёс	83 256,83	45 356,41	18 815,44	16 986,10	23	38
Гречиха	4822,98	8612,36	430,07	4004,46	9	47
Всего зерновых	674 028,15	1 024 291,06	108 857,63	134 792,05	16	13

Источник: рассчитано автором по данным ЕМИСС/Росстат/ Валовой сбор сельскохозяйственных культур. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/30950

посевных площадей округа в общероссийской посевной площади на протяжении последних 20 лет относительно постоянна и составляет около 20% (см. табл. 1).

Выращивание зерновых культур является главным направлением сельского хозяйства в Сибири. Анализ производства зерновых в Сибири с конца 90-х годов до настоящего времени повзолил выявить основные особенности его развития. На округ приходится значительная доля общероссийского сбора (см. табл. 2) таких зерновых культур, как: пшеница яровая — 45%, овёс — 38%.

С 1996 по 2015 год наиболее существенные изменения отмечаются в объемах сбора гречихи, в настоящее время в округе собирается 47% валового сбора этой культуры в стране, под выращивание гречихи отведено 3,3% всех посевных площадей округа, 93% посевов под эту культуру сосредоточено в Алтайском крае.

За исключением яровой пшеницы (рост на 18%) и ячменя (рост на 82%), а также гречихи (рост в 9 раз) валовые сборы зерновых культур в СФО сократились. Наиболее существенное уменьшение характерно для озимой ржи — на 37% от уровня 1996 года, яровой ржи — в 34 раза, кукурузы на силос, зеленый корм и сенаж — в 4 раза (см. табл. 2).

Пшеница стала основной зерновой культурой растениеводства СФО. На нее приходится 67% от общего валового сбора зерновых и зернобобовых в округе.

Несмотря на то, что СФО относится к ключевому региону-производителю в структуре зернового хозяйства России, потенциал округа в производстве зерновых не соответствует объемам его экспорта. Из СФО на экспорт направляется около 16% от валового сбора зерна в округе[5].

Проведенный анализ возможностей расширения экспорта зерна из СФО в страны Азии позволил классифицировать все факторы на две группы: стимулирующие и ограничивающие.

Факторы, стимулирующие расширение экспортных поставок зерна из Сибири в страны Азии.

Основными факторами, определяющими зерновой потенциал СФО, являются значительные неиспользуемые резервы территории в срединной и южной полосе Сибири, пригодные для ведения интенсивного

[5] Ахмадулина Т. В. Статистическое исследование экспорта зерновых культур из Сибирского федерального округа // Прикладные статистические исследования и бизнес-аналитика. Международная научная конференция (Москва, 12–14 декабря 2016 г.): материалы и доклады / Под общ. ред. проф. Н. А. Садовниковой и Е. В. Сибирской. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 60–63.

Таблица 3
Структура сельскохозяйственных угодий России и СФО, 2010 год

Субъект	Категории земель сельскохозяйственного назначения	Площадь категории земель сельскохозяйственного назначения, тыс га	Структура сельскохозяйственных угодий
Российская Федерация	Залежь	4197.4	2.1%
	Многолетние насаждения	1169.8	0.6%
	Пастбища	56 769.9	29.0%
	Пашня	115 337.6	58.8%
	Сенокосы	18 597.1	9.5%
	Сельскохозяйственные угодья (всего)	196 071.8	100%
Сибирский федеральный округ	Залежь	1630.7	3.3%
	Многолетние насаждения	141.4	0.3%
	Пастбища	17 213.2	34.7%
	Пашня	23 039	46.5%
	Сенокосы	7561.6	15.2%
	Сельскохозяйственные угодья (всего)	49 585.9	100%

Источник: составлено автором по данным Ростата/ база данных ЕМИСС/Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/38149

сельского хозяйства и богатые водные ресурсы пресной воды, исторически сложившаяся культура ведения сельского хозяйства, высокий научно-исследовательский потенциал, географическая близость к быстрорастущим азиатским рынкам.

По оценкам ООН, потенциал земель за Уралом России может прокормить до 1,5 млрд человек. А Россия в целом способна поднять объем производства и экспорта продовольствия до величины, сопоставимой с одной четвертой частью номинального ВВП России[6].

[6] Создание инфраструктуры организации экспорта сибирского зерна в КНР, с целью стимулирования устойчивого развития сельскохозяйственного комплекса СФО / Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibacc.ru/upload/iblock/ec0/ec0a8f03516f245ec1a4708510985c5d.pdf

Структура земельных ресурсов СФО представлена в настоящее время следующим образом:

— 59,0% земель, покрытых лесами;
— 8,1% — болота;
— 11,1% — сельскохозяйственные угодья;
— 3,3% — водные объекты;
— 18,5% — другие угодья.

Из всех земель под оленьими пастбищами — 11,0%[7].

Структура использования сельскохозяйственных угодий в СФО существенным образом отличается от общероссийской (см. табл. 3). На долю пашни приходится менее 50% площади сельскохозяйственных угодий, тогда как в целом по России этот показатель приближается к 60%. Половина площади сельскохозяйственных земель отведено под пастбища (35%) и сенокосы (15%), что также выше общероссийского уровня. Учитывая тот факт, что на округ приходится 19% общероссийского поголовья крупного рогатого скота, овец и коз, можно предположить, что нагрузка животноводства на сельхозугодья в СФО не высокая, а земли, используемые под пастбища и сенокосы являются резервом для расширения посевных площадей.

Наличие пахотного потенциала подтверждается и уровнем распаханности в СФО, который ниже среднероссийского — 59% и составляет 46%.

В СФО 3% сельскохозяйственных угодий занимают залежные земли — 1,6 млн га, что составляет почти 40% всей залежи в стране. Залежные земли также представляют собой земельные резервы и могут быть возвращены в сельхозоборот с минимальными издержками. Так в Алтайском крае на зележь приходится более 3% (350 тыс га) всех сельхозугодий субъекта.

Анализ динамики посевных площадей также доказывает наличие пахотного потенциала СФО. Так посевная площадь в СФО сократилась с 1990 по 2015 года на 34% с 23,4 млн га до 15,0 млн га, что составляет 65% пахотных земель округа. По мнению экспертов только под зерновые и зернобобовые культуры посевные площади сократились почти на 5 млн га. Как следствие в 4 раза сократился излишек зерна в округе.

Учитывая, что общая площадь пашни в округе — 23,0 млн га, потенциальная площадь для расширения посевов — неиспользуемая пашня составляет около 5 млн га. Только в Новосибирской области, по некоторым оценкам более 600 тыс. га пашни не используется и, в каком

[7] Официальная интернет-страница СФО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibfo.ru

она состоянии и возможен ли её возврат в культурный оборот, на данный момент нет точной информации. В большей или меньшей степени схожая ситуация характерна и для остальных субъектов СФО.

Был проведен трендовый анализ зависимости валового сбора яровой пшеницы от урожайности зерновой в СФО за период с 2000 по 2015 года. Полученное полиномиальное уравнение второй степени (см табл. 4) позволяет сделать прогноз (см. табл. 5): при увеличении средней урожайности яровой пшеницы в СФО с текущей 14 ц/га (средняя урожайность сглаженного ряда) до 18–24 ц/га, валовой сбор составит от 12,5 до 14,6 млн тонн (см. табл. 5), что на 40–60% превышает средний (с 2000 года) валовой сбор (9 млн тонн).

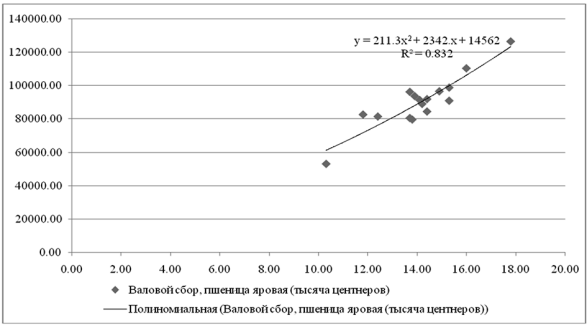
Таблица 4

Трендовый анализ валового сбора ярой пшеницы в СФО

Полиномиальное уравнение (2 степени)	$y = 211.3x^2 + 2342.x + 14562$
R^2	0.832
Средняя ошибка аппроксимации	6.12%
Критерий Фишера	69.33
F табличное	4.6
Среднее квадратическое отклонение	15031.19
Коэффициент вариации	16.63%

Рисунок 1.

Зависимость валового сбора яровой пшеницы в СФО от урожайности культуры с 2000 по 2015 года



Источник: разработка автора на основе данных Ростата о валовом сборе и урожайности яровой пшеницы

Таблица 5
Прогноз валового сбора пшеницы яровой в СФО

Урожайность, ц/га	Прогноз валового сбора пшеницы яровой, ц
18	12 5179.2
24	14 5922

Источник: разработка автора на основе данных Ростата о валовом сборе и урожайности яровой пшеницы

Факторы, ограничивающие расширение экспорта зерна из Сибири в страны Азиатского региона

Ключевым фактором, сдерживающим расширение экспортных поставок сибирского зерна, являются пространственные ценовые различия, обусловленные транспортной удаленностью округа от основных экспортных зерновых терминалов. Как отмечают эксперты ИКАР, различия в цене на зерно и пшеницу в пяти ключевых регионах-производителях — Южном федеральном округе, Центрально-Черноземном районе, Приволжском округе, на юге Урала и в Западно-Сибирском районе увеличились за последние 10 лет. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, за последние годы все пять регионов достигли довольно устойчивых уровней производства излишков продукции (за исключением периода засухи 2010 г.). При этом экспорт постепенно стал основным каналом сбыта отечественной пшеницы. Это резко усилило связь между региональными ценами на зерно, особенно на пшеницу, и паритетной экспортной ценой: чем ближе регион к экспортным терминалам, тем выше цена на пшеницу, и наоборот. Сильная связь наблюдается в течение большей части сезона и исчезает только в месяцы и годы отсутствия на рынке значимых излишков.

Во-вторых, в последние годы транспортные расходы, особенно на транспортировку зерна, растут гораздо быстрее цен на зерно. Так, с середины 2000-х годов мировые цены на пшеницу выросли весьма значительно. Но большая часть прибыли, которую могли бы получить российские производители пшеницы была присвоена местными элеваторами, железными дорогами и экспортными предприятиями[8].

По результатам анализа, проведенного ФАС в 2014 году, было выявлено, что в период 2011–2012 годов стоимость транспортировки зерна, как автомобильным, так и железнодорожным транспортом, значительно превышает средние тарифы по хранению зерна в регионах. Учитывая отсут-

[8] Рылько Д. Н., Колинько О. Н., Башкирова В. Г. Российский экспорт пшеницы: экономические аспекты. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — С. 56.

ствие свободных финансовых средств у мелких и средних сельхозпроизводителей, эти хозяйства либо продают собранный урожай зерновых по низким ценам, либо до реализации хранят его в хозяйствах, не прибегая к помощи элеваторов[9]. Более того, экспортеры вынуждены оплачивать завышенные ставки на услуги по перевозке грузов в направлении глубоководных портов Новороссийск и Туапсе по причине доминирующего положения «Русагротранса». Суммарные затраты на перемещение зерна из центров производства в центры потребления и экспортные порты в настоящее время одни из самых высоких в мире. По экспертным оценкам, в себестоимости производства зерна на долю инфраструктурных и логистических затрат при поставке его на корм животным, промышленную переработку, пищевые цели и экспорт приходится до 30 до 70%[10].

При прочих равных условиях для обеспечения конкурентоспособной цены на ключевом экспортном рынке (FOB/CPT Новороссийск) производители из Омской области должны продавать пшеницу 4-го класса по цене дешевле, чем производители из Ростовской области. Более того, из-за проблем с железнодорожной инфраструктурой (недостаточное предложение вагонов) и на фоне сезонного переизбытка зерна в регионе (по описанным выше причинам) реальная спотовая цена на юге Урала и в Западной Сибири была намного ниже паритетного уровня цен[11].

С 2013 года ФСТ были введены на постоянной основе понижающие коэффициенты при транспортировки железнодорожным транспортом зерна и продуктов его переработки. Было принято решение об установлении в рамках Прейскуранта №10–01 понижающего коэффициента 0,33 за расстояние, превышающее 2000 км зерна и продуктов его переработки, а также понижающего коэффициента 0,28 за расстояние перевозки, превышающее 2500 км, и дополнительного коэффициента 1,04, независимо от расстояния перевозки, на железнодорожные перевозки жмыхов и шротов[12].

---

[9] Анализ состояния конкурентной среды на рынке услуг по хранению и складированию зерна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fas.gov.ru/netcat_files/File/Analiz%20rynka%20zerna%202014%20god.pdf

[10] Проект « Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации на 2016–2025 годы и на перспективу до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/34595.133.htm

[11] Рылько Д. Н., Колинько О. Н., Башкирова В. Г. Российский экспорт пшеницы: экономические аспекты. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — С. 57.

[12] О внесении изменений в Прейскурант №10–01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» в части тарификации перевозок зерна, продукции мукомольно-крупяной промышленности, жмыхов и шрота, а также перевозок рыбы с острова Сахалин железнодорожным транспортом. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fstrf.ru/press/news/1663

Долгое время обсуждается вопрос о возможности перевода зерна и продуктов его переработки в первый тарифный класс. Однако Минтранс мотивирует свой отказ относительно небольшими объемами поставок этой продукции[13].

Сравнение стоимости перевозки зерна из СФО и Южного федерального округа (ЮФО) приведены в таблице 6.

Таблица 6

Расчет провозной платы пшеницы, 1 вагон (вес груза 60 тонн) до восточных и южных морских портов

Маршрут	Расстояние, км	Стоимость, руб, в т.ч.			
		Инфраструктурная составляющая	Вагонная составляющая	НДС (18%)	Итого
85100 Новосибирск — Главный (перев.) (Западно-Сибирская дорога) — 98010 Владивосток (перев.) (Дальневосточная дорога)	5958	150 366.59	56 524.54	37 240.38	244 131.51
85100 Новосибирск — Главный (перев.) (Западно-Сибирская дорога) — 52120 Новороссийск (перев.) (Северо-Кавказская дорога)	4110	125 265.79	40 978.59	29 923.92	196 167.92
52890 Краснодар — Сортировочный (эксп.) (Северо-Кавказская дорога) — 52120 Новороссийск (перев.) (Северо-Кавказская дорога)	140	16 883.72	7647.97	4415.76	28 947.76
52890 Краснодар — Сортировочный (эксп.) (Северо-Кавказская дорога) — 98010 Владивосток (перев.) (Дальневосточная дорога)	9938	204 638.33	90 139.25	53 060.04	347 838.04

Источник: Он-лайн сервис расчета ж/д тарифов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alta.ru/railonline/

[13] Тариф на перевозку зерна будет зависеть от его объемов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovecon.ru/analytics/market/2013/06/06/news_6988.html?showcomments=1

Таблица 7
Сравнительная производительность труда в сельском хозяйстве в некоторых развитых странах, России и в СФО, 2014 год

	Доля занятых в сельском хозяйстве, %	Доля сельского хозяйства в ВВП, %	Соотношение между долей ВВП и долей занятых
Россия	9,4	4,8	0,5
СФО	10,0	5,9	0,6
Канада	2,0	1,6	0,8
США	0,7	1,6	2,3
ЕС	5,0	1,6	0,3
Австралия	3,6	3,7	1,0

Источник: рассчитано автором по данным Регионы России. Социально-экономические показатели — 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm; The World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/us.html

Расчеты показывают, что перевозка сибирского зерна через южные порты выгоднее и по длительности и по стоимости. Также необходимо учитывать, что на Дальнем Востоке отсутствуют зерновые терминалы и перегрузка осуществляется методом вагон — судно (что является более дорогостоящим способом). Разница между стоимостью транспортировки из СФО и ЮФО различается в разы. Как следствие сибирское зерно большую часть сезона оказывается непроходным для экспорта, а сибирские зернопроизводители недополучают прибыль, которая могла бы быть направлена на модернизацию производственных мощностей.

Таким образом, потенциал Западно-Сибирского региона в значительной степени зависит от затрат на логистику и ситуации в сфере железнодорожных перевозок. Если политика российского правительства станет более агрессивной, нацеленной на решение логистических и транспортных проблем, в том числе направленных на развитие «Восточного транспортного коридора», то огромный потенциал региона будет реализован, и тогда можно будет говорить о постепенно увеличивающемся региональном экспортном потенциале пшеницы на 2–5 млн тонн[14].

[14] Рылько Д. Н., Колинько О. Н., Башкирова В. Г. Российский экспорт пшеницы: экономические аспекты. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — С. 66.

Что касается проблемы диспаритета цен в сельском хозяйстве России, то в настоящее время и на среднесрочную перспективу, ее влияние на развитие отрасли менее значимо по сравнению с 1990-ми годами. Так, рост цен за период с 2002 по 2015 года на промышленные товары и услуги, приобретенные сельскохозяйственными организациями составил 5 раз, а цен производителей продукции растениеводства 4 раза.

Более актуальна проблема «накопленного» диспаритета цен, которая негативным образом влияет на производительность сельскохозяйственного производства[15]. В основных странах-конкурентах России на мировом рынке уровень производительности труда в сельском хозяйстве выше (см. табл. 7). В итоге сельхозпроизводители не имеют достаточных ресурсов для повышения технологического уровня производства и снижения производственных затрат.

В целом предприятия зернового комплекса России показывают высокую рентабельность, уровень просроченной суммарной кредиторской задолженности по экспертным оценкам соответствует сельскохозяйственной отрасли в целом и по данным на 2015 год составляет 46 млрд рублей или 2,55% от общего объема суммарной кредиторской задолженности. Объем суммарной кредиторской задолженности, которая включает в себя задолженность по кредитам банков и полученным займам, предприятий агропромышленного комплекса в целом составила 1811 млрд рублей, предприятий, осуществляющих деятельность по складированию и хранению зерна — 47 млрд рублей. Значительная кредитная нагрузка предприятий зернового комплекса усиливает финансовые риски предприятий отрасли и снижает их устойчивость в кризисных ситуациях.

Важным фактором снижения финансовых рисков сельскохозяйственных товаропроизводителей является страхование посевов. В 2014 году наметилась тенденция роста застрахованных посевных площадей и числа сельскохозяйственных товаропроизводителей, заключивших договоры страхования с государственной поддержкой. Площадь посевов, застрахованных по договорам с субсидированием, составила в 2014 году 12,8 млн га, или 17,7% от общей посевной площади в стране, против 16,3% в 2013 году. При этом в развитых странах, например, в США, доля застрахованных посевов составляет более 70%[16].

[15] Ползиков Д. А. Об актуальности проблемы ценового диспаритета в АПК России // АгроXXI. — № 1–3. — 2014. — С. 9–10.

[16] Проект «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации на 2016–2025 годы и на перспективу до 2030 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/34595.133.htm

Таблица 8
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства крупных и средних организаций, % к предыдущему году

	2014 год	2015 год
	январь–декабрь	январь–декабрь
Российская Федерация	93.2	87.1
Республика Алтай	120.5	86.1
Республика Бурятия	31.8	36.6
Республика Хакасия	40.8	-
Алтайский край	100.1	71.7
Забайкальский край	125	33.5
Красноярский край	79.2	86.6
Иркутская область	71.3	107.4
Кемеровская область	118.3	65.1
Новосибирская область	67.4	77.3
Омская область	87.6	88.2
Томская область	98.0	52.1

Источник: составлено автором по данным Росстата/ЕМИСС/ Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, % к предыдущему году. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43905

Дефицит профессиональных кадров — важный фактор, препятствующий развитию сельского хозяйства Сибири и реализации ее экспортного аграрного потенциала. Такая ситуация сложилась, в первую очередь, из-за низкой привлекательности сельскохозяйственных профессий и неразвитости инфраструктуры. Несмотря на продолжение тенденции опережающего роста среднедушевых располагаемых ресурсов сельских домашних хозяйств по сравнению с городскими, среднемесячная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составляет 58% от среднероссийского уровня[17]. Как следствие, относительно низкая заработная плата в отрасли приводит к отсутствию стимулов у предпринимателей к увеличению капиталоемкости производства

[17] Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000–2015 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t3.xlsx

и внедрению инноваций в хозяйственную практику. Эту взаимосвязь, в частности, убедительно доказывает Роберт Аллен, основываясь на многочисленных примерах социально — экономического развития различных стран мира[18].

В большинстве субъектов СФО наблюдается сокращение физических объемов инвестиций в основной капитал крупных и средних сельскохозяйственных организаций (см. табл. 8). Более того, показатели округа ниже показателей в среднем по России. Вероятно, что в крестьянских (фермерских) хозяйствах ситуация схожая. Данная тенденция подтверждает мнение экспертов о положительной зависимости технологического уровня производства и, в целом, эффективности производства от относительно близости экспортных рынков.

Таким образом, относительно более низкий уровень производительности сельского хозяйства СФО приводит к снижению конкурентоспособности ее аграрной продукции на мировом рынке, но, с другой стороны — Россия обладает огромным потенциалом увеличения производительности труда, причем с помощью уже разработанных и опробованных развитыми странами мер и инструментов. Современный характер сельского хозяйства Сибири обуславливает наличие потенциальной высокой капиталоотдачи отрасли при условии решения ряда указанных выше проблем.

На мировом рынке российское зерно пока выигрывает за счет двух естественных преимуществ — недооцененной стоимости земли и низкой оплаты труда в сельском хозяйстве, поэтому переход российского сельского хозяйства на инновационную модель развития — жизненно важен для будущего отрасли.

По показателю обеспеченности научными кадрами СФО отстает от среднероссийских показателей. В округе на 1000 жителей приходилось в 2014 году 28 человека, занятых научными исследованиями и разработками, а в 2000 году — 30 человек/10 000 жителей, в среднем по России — 51 человек/10 000 жителей[19]. Таким образом, реализация агропотенциала региона потребует:

— использование в полной мере имеющхся научно-технических ресурсов Сибири,
— активизации старых и налаживание новых связей между научным и бизнес сообществами,

[18] Аллен Р. Глобальная экономическая история. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 224 с.

[19] Регионы России. Социально-экономические показатели — 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm

— обеспечения дополнительных возможностей воспитания молодых ученых, ведущих разработки в сфере аграрных наук.

Важнейшим условием ускоренного развития агропромышленного сектора Сибири является формирование инновационной системы в сельскохозяйственном производстве. Так в Новосибирске успешно работает Технопарк Новосибирского Академгородка, одним из направлений деятельности которого является промышленная биотехнология — разработка и производство современных биологических препаратов для сельского хозяйства, здравоохранения, экологии[20].

Важным фактором, ограничивающим экспорт зерна из России, в том числе из СФО, остается проблема обеспечения соответствующего мировым стандартам качества зерновых. Ряд ключевых зарубежных рынков остается недоступным для экспорта отечественного зерна ввиду специфических местных фитосанитарных требований[21].

В отличие от основных стран-экспортеров зерна в России отсутствует контроль за качеством зерна со стороны государства. Ранее контроль за соблюдением стандартов качества зерна, сертификацию осуществляла Государственная хлебная инспекция, которая просуществовала 80 с небольшим лет — с 1923 по 2004 гг.[22].

Результаты исследования. Возможными мерами, способствующими реализации экспортного зернового потенциала как СФО, так и в целом России, могут стать:

— создание национальной инновационной системы развития АПК. Ключевым звеном в национальной инновационной системе развития АПК России должно стать создание Российской корпорации сельскохозяйственных исследований, связанной с Министерством сельского хозяйства России;
— расширение производства продукции сельского хозяйства в СФО с использованием контрактации;

---

[20] Официальный сайт Академпарка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academpark.com/akadempark/activities/biotechnology/

[21] Проект «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации на 2016–2025 годы и на перспективу до 2030 года». [Электронный ресурс]. URL: www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/34595.133.htm

[22] Дюмулен М. А. Организационно-экономические аспекты производства и реализации пшеницы за рубежом: диссертация … кандидата экономических наук: 08.00.14. — Москва, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vniiesh.ru/documents/document_20657_%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%94%D1%8E%D0%BC%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%BD.pdf

— присвоение инвестиционным проектам в сфере развития зерновой инфраструктуры статуса «особо важного инвестиционного проекта» с целью предоставления инвестору налоговых льгот, финансовой и нефинансовой поддержки на уровне субъекта Российской Федерации;
— следует внедрять новые сбытовые модели, основанные на принципах кооперации, в том числе на международном уровне;
— обеспечить предоставление АО «Российским экспортным центром» связанных кредитов импортерам российского зерна и продукции перемола;
— расширение участия России в многосторонних проектах по укреплению продовольственной безопасности.

Анализ результатов исследования. В результате исследования были выявлены возможности превращения СФО в крупный центр по производству зерна на основе результатов оценки ее аграрного потенциала, доказывающие наличие ресурсов диверсификации экспорта округа и увеличения валютных доходов для России.

Был предложен комплекс мер по совершенствованию экономической политики российского государства с целью созданию в СФО крупного центра по экспорту зерновых в страны Азии. Он охватывает сферу производства и инфраструктуры сельского хозяйства округа и меры по поддержке производителей — экспортеров аграрной продукции.

Заключение. Таким образом, проблема наращивания экспорта зерна из СФО в страны Азии — многофакторная. Без активной государственной поддержки сибирские аграрии не смогут на выгодных для себя условиях значительно расширить экспорт зерна в страны Азии. Наряду с государственной поддержкой аграриев на стадии производства, необходимы разработка и применение мер, направленных на поддержку экспортеров — производителей сельскохозяйственной продукции. Считаем, что государственная поддержка сельского хозяйства должна осуществляться на всех стадиях процесса воспроизводства и на всех этапах жизни отрасли. Без выполнения данного условия реализация существующего зернового экспортного потенциала СФО будет невозможно.

Литература

1. Аллен Р. Глобальная экономическая история. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
2. Рылько Д. Н., Колинько О. Н., Башкирова В. Г. Российский экспорт пшеницы: экономические аспекты. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

3. Анализ состояния конкурентной среды на рынке услуг по хранению и складированию зерна. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fas.gov.ru/netcat_files/File/Analiz%20rynka%20zerna%202014%20god.pdf
4. Ахмадулина Т. В. Статистическое исследование экспорта зерновых культур из Сибирского федерального округа // Прикладные статистические исследования и бизнес-аналитика. Международная научная конференция (Москва, 12–14 декабря 2016 г.): материалы и доклады / Под общ. ред. проф. Н. А. Садовниковой и Е. В. Сибирской. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. С. 60–63.
5. Дюмулен М. А. Организационно-экономические аспекты производства и реализации пшеницы за рубежом: диссертация … кандидата экономических наук: 08.00.14. — Москва, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vniiesh.ru/documents/document_20657_%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%94%D1%8E%D0%BC%D1%83%D0%BB%D0%B5%D0%BD.pdf
6. Межрегиональная схема размещения и специализации сельскохозяйственного производства в субъектах Российской Федерации Сибирского федерального округа. [Электронный ресурс]. URL: http://sibacc.ru/images/content/projects/books/book15.pdf
7. Москва вновь отправляет сибирских зернопроизводителей на Восток. [Электронный ресурс]. URL: http://altapress.ru/story/70951
8. Наиболее благоприятным для экспорта зерна из Сибири является азиатско-тихоокеанское направление/ Аналитический портал Казах-Зерно. [Электронный ресурс]. URL: http://kazakh-zerno.kz/novosti/mirovoj-rynok-selskogo-khozyajstva-i-prodovolstviya/127249-rossiya-naibolee-blagopriyatnym-dlya-eksporta-zerna-iz-sibiri-yavlyaetsya-aziatsko-tikhookeanskoe-napravlenie
9. О внесении изменений в Прейскурант №10–01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые российскими железными дорогами» в части тарификации перевозок зерна, продукции мукомольно-крупяной промышленности, жмыхов и шрота, а также перевозок рыбы с острова Сахалин железнодорожным транспортом. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fstrf.ru/press/news/1663
10. Официальная интернет — страница СФО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibfo.ru
11. Официальный сайт Академпарка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academpark.com/akadempark/activities/biotechnology/
12. Ползиков Д. А. Об актуальности проблемы ценового диспаритета в АПК России // АгроXXI. — № 1–3. — 2014. — С. 9–10.
13. Проект «Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации на 2016–2025 годы и на перспективу до 2030 года».

[Электронный ресурс]. URL: www.mcx.ru/documents/file_document/v7_show/34595.133.htm
14. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2015 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm
15. Создание инфраструктуры организации экспорта сибирского зерна в КНР, с целью стимулирования устойчивого развития сельскохозяйственного комплекса СФО / Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibacc.ru/upload/iblock/ec0/ec0a8f03516f245ec1a4708510985c5d.pdf
16. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000–2015 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zarplata/t3.xlsx
17. Тариф на перевозку зерна будет зависеть от его объемов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sovecon.ru/analytics/market/2013/06/06/news_6988.html?showcomments=1

PROSPECTS OF GRAIN'S EXPORT FROM SIBERIAN FEDERAL DISTRICT TO ASIAN COUNTRIES

Tatiana V.Akhmadulina

Abstract. *The growth in global demand for food and the depletion of the resource base of traditional agricultural regions make relevant the study of the possibility of the involvement of new regions in the world food production.*

Agriculture of the Siberian Federal District (SFD) can play a key role in the expansion of grains production export's focused to Asian region. However, for the successful implementation of the existing agrarian potential of the SFD is necessary to solve a number of quite serious problems of agricultural development in the region such as: spatial price differences due to the remoteness of the SFD from the main grains export terminals and increasing transportation and logistics components in the export price for wheat; the problem of "accumulated" price disparity; lack of a developed system of crop insurance; shortage of professional staff; insufficient investment in fixed assets of agricultural enterprises; problem of meeting the world standards of grains quality; Russia's lack of a coherent system of state support for agricultural exports; lack of a developed system of consumer cooperation in the grain industry; lack of diversification of the grain distribution channels.

Possible measures that may help to realize of the export grain potential of the SFD, should be:

— *The creation of a national innovation system development of agribusiness. A key element in the national innovation system of Russia agribusiness development have to be the creation of the Russian Corporation of Agricultural Research, associated with the Ministry of Agriculture;*
— *Expansion of agricultural production in SFD with contracting system;*
— *Assignment of investment projects in the sphere of grain infrastructure development status of "a particularly important investment project" in order to provide investors tax incentives, financial and non-financial support at the level of the Russian Federation;*
— *Should implement new marketing model based on the principles of cooperation, including at the international level;*
— *Ensure the provision of JSC "Russian export center" tied loans to Russian grains importers;*
— *Extension of Russia's participation in multilateral projects to improve global food security.*

Keywords: *grain, export, Siberian Federal District.*

Информация об авторе
Ахмадулина Татьяна Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Российская Федерация
доцент кафедры мировой и национальной экономики
E-mail: tvakhmadulina@gmail.com
TatianaV.Akhmadulina
Candidate of pedagogical sciences
Associate Professor of Department of world and national economy
Russian Foreign Trade Academy of
Ministry of Economic Development of the Russian Federation
E-mail: tvakhmadulina@gmail.com

ТОРГОВЛЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ И ЕС В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЫБОРА

И. П. ГУРОВА

***Аннотация**. Украинский кризис является переломным моментом в международной политике и в региональной экономике. В его исследовании основное внимание уделяется политическим проблемам, в то время как торгово-экономические аспекты интеграционного выбора Украины рассматриваются недостаточно и односторонне. Концепция интеграционной конкуренции между ЕС и Россией, а также концепция торговой и экономической зависимости являются теоретическим основанием для объяснения изменений в торговле Украины с Россией и ЕС. Долгосрочная тенденция снижения торговой взаимозависимости Украины и России, значимости взаимной торговли и экономической зависимости Украины от России, сопровождаемого ростом аналогичных показателей, характеризующих торгово-экономические отношения Украины с ЕС, наблюдается с 1990х гг. При этом происходит снижение асимметрии в торговле Украины с Россией и ее рост в торговле с ЕС. Значимой тенденцией является снижение показателей важности основных торговых партнеров во внешней торговле Украины за счет роста значения третьих стран в экспорте и импорте.*

Динамика торгово-экономических показателей за 1995–2015 гг. характеризует вытеснение России из внешнеторгового оборота Украины и ее замещение Евросоюзом. На смену одному крупному партнеру приходит другой более крупный и могущественный партнер, для которого Украина имеет гораздо меньшую важность. Это создает предпосылки для углубления асимметрии в торгово-экономических отношениях и экономической зависимости, а также материальную основу для политического давления институтов Евросоюза на Украину.

Концепция интеграционной конкуренции, несомненно, отражает реалии «украинского вопроса» и выбора Украины. Однако необходимо преодолеть фатализм данного подхода, проявляющегося в форме «интеграционной дилеммы», а также одностороннее применение концепции, асимметрично трактующее отношения торговой и экономи-

ческой зависимости. Последовательно применяя концепцию интеграционной конкуренции, необходимо рассматривать торговую и экономическую зависимость не только в отношениях Украины и России, но и Украины и ЕС, не отрицая возможности «третьего пути».

Ключевые слова: *торговая и экономическая зависимость, асимметрия в торговле, интеграция*

Введение. Украинский кризис, возникший в результате обострения геополитических и геоэкономических противоречий, является переломным моментом в международной политике и в региональной экономике. Ученые и политики дают различные толкования внешних и внутренних причин, неоднозначные оценки последствий кризиса и способов его преодоления.

Важнейшее значение имеет политико-экономический вопрос о предпочтениях Украины в региональной торгово-экономической интеграции по отношению к основным партнерам: России и Европейскому союзу (ЕС). С момента создания Содружества независимых государств (СНГ) Украина проявляла непоследовательное и неоднозначное отношение к интеграционным проектам на пост-советском пространстве, так как уже в 1990е гг. обозначила свой выбор в пользу европейской интеграции. Обсуждение вопроса о свободной торговле между Украиной и ЕС началось еще в 1994 г., в конце 1990х гг. президент Кучма объявил о том, что членство в ЕС является стратегической целью, а в 2004 г. для создания условий для вступления в ЕС был принят документ «Путем европейской интеграции», рассчитанный на период до 2015 г. В 2007 г. начались переговоры о соглашении об ассоциации с ЕС, однако в конце 2013 г. президент Янукович, избранный в 2010 г., отказался подписать соглашение ввиду его очевидной экономической невыгодности для Украины. В июне 2014 г. в результате смены власти в Киеве Соглашение об ассоциации Украины с ЕС было подписано. Несмотря на отказ Нидерландов ратифицировать этот документ, высказанный на референдуме, многие его положения уже осуществляются на практике, так как законодательство Евросоюза допускает временное действие соглашений, не получивших поддержку отдельных государств-членов. В частности, вступил в силу договор о свободной торговли (со стороны ЕС — с 2014 г., со стороны Украины — с 2016 г.), нотифицированный в ВТО как действующее соглашение о свободной торговле и экономической интеграции (в соответствии со ст. XXIV ГАТТ ст.V ГАТС).

В течение многих лет, продвигаясь к своей стратегической цели, Украина в то же время использовала очевидные экономические выгоды от преференциального доступа к ресурсам стран СНГ, прежде все-

го, России, к масштабному региональному рынку благодаря участию в интеграционных проектах СНГ, в 1994 г. подписав соглашение стран СНГ о создании зоны свободной торговли[23], а в 2011 г. — договор о свободной торговле[24]. Очевидно, что Украина имеет особую важность для региональной экономики СНГ: это относительно крупная экономика с емким внутренним рынком, обладающая значительным потенциалом экономического роста и развития. Включение украинского рынка одновременно в зону свободной торговли и ЕС и стран СНГ может привести к неблагоприятным последствиям, так как он может стать каналом неконтролируемого потока более конкурентоспособной европейской продукции на региональный рынок СНГ. Поэтому в связи с инициацией участия Украины в соглашении о свободной торговле с ЕС, указом Президента РФ с 1 января 2016 г. в России было приостановлено действие Договора о зоне свободной торговли, подписанное 8 странами СНГ в 2011 г., в отношении Украины в силу исключительных обстоятельств, затрагивающих интересы и экономическую безопасность России[25].

В условиях обострения политических разногласий Россия и Украина ввели ряд взаимных санкций, оказывающих негативное влияние на торгово-экономические отношения двух стран. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить изменения в торговле Украины с основными торговыми партнерами: Россией и ЕС, — происшедшие за годы открытого конфликта с Россией, а также предпосылки для формирования долгосрочных тенденций в торговле, которые могут повлиять на будущее Украины.

Теоретические основания исследования. И в российской и в зарубежной литературе украинский кризис рассматривается как результат длительного соперничества и борьбы про-российских и про-западных сил в Украине после распада СССР [Bagheri, Reza Akbarpour, 2016, p.92]. В частности Д. С. Васфилов высказывает мнение, что действия Украины, как и некоторых других стран СНГ, «нужно анализировать исключительно в контексте взаимодействия двух ключевых акторов — России

[23] Соглашение стран СНГ от 15.04.94 «О создании зоны свободной торговли»: Текст документа с изменениями и дополнениями по состоянию на ноябрь 2007 года. URL:http://www.lawrussia.ru/texts/legal_913/doc91a751x232.htm (дата обращения: 11.01.2017).

[24] Договор о зоне свободной торговли (Подписан в г. Санкт-Петербурге 18.10.2011). URL:http://cis.minsk.by (дата обращения: 11.01.2017).

[25] О приостановлении Российской Федерацией действия Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины: Указ Президента РФ № 628 от 16 декабря 2015 г. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.01.2017).

и Европейского союза — в рамках сложившейся на постсоветском пространстве подсистемы международных отношений» [Васфилов, 2014, с. 43]. В духе признания интеграционной конкуренции ЕС и России вокруг Украины сформулированы выводы экспертов в докладе «ЕС и Россия: до и после украинского кризиса». В документе названы причины обострения противоречий: 1) отсутствие политического контроля и значительные аналитические ошибки, допущенные институтами ЕС, переоценившими готовность украинского руководства подписать соглашение о свободной торговле с ЕС и недооценившими противостояние со стороны России; 2) особенности и исключительный характер Украины, значимость партнерства России и Украины [EU and Russia, 2015, p. 63–65].

Изучая выбор Украины в пользу европейской интеграции, как правило, выделяют приоритет политических мотивов. В частности А. С. Скриба отмечает: «С самого начала 1990-х годов ЕС сделал ставку на привлечение восточноевропейских государств не экономическими выгодами, а своей цивилизационной и политической привлекательностью … В целом такой подход оказался весьма результативным применительно ко многим постсоциалистическим (не только постсоветским) государствам региона, для которых европейская интеграция стала самым очевидным средством политических и экономических преобразований» [Скриба, 2014, с. 98]. Оценивая последствия европейского выбора для Украины, этот же автор приходит к выводу о том, что «создание ассоциации будет означать новые экономические и социальные потрясения, политические последствия которых едва ли можно уверенно прогнозировать» [Скриба, 2014, с. 108]. Следует отметить, что концепция интеграционной конкуренции ЕС и России имеет крайнее проявление в форме «интеграционной дилеммы», не отставляющей какого-либо иного выбора для Украины кроме присоединения к европейской либо евразийской интеграции [Васфилов, 2014, с. 42; Дурдыева, 2015, с. 134–140].

В современной литературе можно выделить еще один подход к «украинскому вопросу», основанный на концепции зависимости Украины от России, в центре которой выделяется энергетическая и торговая зависимость. Р. Драгнева и К. Волжук интерпретируют многолетнюю непоследовательность Украины в вопросах региональной интеграции как поведение зависимого государства, а украинский кризис как «конец экономической зависимости» [Dragneva, Wolczuk, 2016, p. 693]. Однако этот подход носит односторонний характер, так как недостаточное внимание уделяется другой стороне интеграционного выбора Украины, а именно: торгово-экономическим последствиям ее ассоциации с ЕС.

Экономическая взаимозависимость является ключевым понятием в теории международных экономических отношений. Подходы к его определению систематизированы в работе М. Крешенци «Экономическая взаимозависимость и конфликт в мировой политике» [Crescenzi, 2002, p. 57]. Согласно этой систематизации, в литературе экономическая взаимозависимость интерпретируется следующим образом:

— как функция альтернатив, с которыми государства сталкиваются в сфере экономических связей. Отсутствие альтернатив на рынке приводит к взаимозависимости. И отсутствие разнообразия в торговых партнерах, и высокая доля международной торговли в экономике государств усугубляет проблему;
— как результат ситуации, в которой взаимные выгоды и издержки экономических связей в межгосударственных отношениях превышают альтернативные варианты. Экономическая взаимозависимость проявляется как взаимные альтернативные издержки, которые рассматриваются как издержки разрыва существующих экономических связей;
— как дорогостоящие взаимные связи. Краткосрочные затраты на адаптацию к разрыву экономических связей или расходы, связанные с поддержанием отношений, рассматриваются как чувствительность, а долгосрочные затраты, сохраняющиеся в случае разрыва отношений несмотря на адаптацию, — как уязвимость;
— как взаимосвязь торговой значимости и симметрии между двумя государствами. Торговая значимость определяется внешнеторговым взаимодействием двух государств в сравнении с их взаимодействием со всей международной системой, а симметрия — балансом важности партнеров во взаимной торговле;
— как экономическая взаимозависимость, разделенная на односторонние зависимости, рассматриваемые как доли взаимной торговли между государствами в ВВП каждого из них.

В качестве теоретического основания для исследования торговли Украины с Россией и ЕС, а также торгово-экономических изменений мы используем концепцию интеграционной конкуренции, а также концепцию торговой и экономической зависимости.

Исследование: основная часть. Рабочая гипотеза заключается в том, что с момента распада Советского Союза в Украине, отдавшей предпочтение европейской интеграции, несмотря на очевидные преимущества экономической интеграции с естественными торговыми партнерами на пространстве СНГ, прежде всего, с Россией, происходят соответствующие изменения в структуре внешней торговли

Украины. Они ведут к определенным сдвигам в отношениях взаимной торговой зависимости и экономической зависимости Украины от России и ЕС.

Методология исследования. Базовым показателем, характеризующим важность торговых отношений с партнером, является торговая доля, измеряемая его удельным весом во внешнеторговом обороте страны. Но основным инструментом для получения результатов в данном исследовании является система аналитических индикаторов, предложенная М. Крешенци, включающая показатели значимости торговли, симметрии в торговле, торговой взаимозависимости, экономической зависимости от партнера [Crescenzi, 2002, p. 54–55].

Показатель значимости является усредненным индикатором долей партнеров во внешнеторговом обороте страны, рассчитанным как среднее геометрическое значение показателей удельного веса партнеров во внешнеторговом обороте. Показатель может принимать значения от 0 (минимальное) до 1 (максимальное).

$$Salience_{ij} = \sqrt{TradeShare_{ij} * TradeShare_{ji}} \quad (1)$$

где $TradeShare_{ij}$ — доля страны *j* во внешнеторговом обороте страны *i*, а $TradeShare_{ji}$ — доля страны *i* во внешнеторговом обороте страны *j*.

Симметрия в торговле измеряется путем сравнения удельных весов партнеров во внешнеторговом обороте. Чем больше разрыв в этих показателях, тем больше асимметрия и тем ниже показатель симметрии, который может принимать значения от 0 (минимальная симметрия) до 1 (максимальная симметрия, когда партнеры имеют абсолютно равные позиции во внешнеторговом обороте друг друга).

$$Simmetry_{ij} = 1 - \left|TradeShare_{ij} - TradeShare_{ji}\right| \quad (2)$$

Торговая взаимозависимость является синтетическим показателем торговой значимости и симметрии. Показатель может принимать значения от минимального нулевого уровня до максимального значения равного 1.

$$Interdependence_{ij} = Salience_{ij} * Symmetry_{ij} \quad (3)$$

Экономическая зависимость определяется на основе известного торгового показателя открытости экономики: внешнеторговой квоты. Обычно этот показатель используют для анализа торговой открытости экономики страны в системе международных экономических отношений, а также зависимости от мировой экономики, так как зависимость является оборотной стороной открытости. Но этот подход можно при-

менить и в отношении отдельных торговых партнеров по следующей формуле:

$$Depend_{ij,t} = \frac{X_{ij,t}+M_{ij,t}}{GDP_{i,t}} \quad (4)$$

где $X_{ij,t}$ — экспорт страны *j* в страну *i* в момент времени *t*, $M_{ij,t}$ — импорт страны *j* из страны *i* в момент времени *t*, $GDP_{i,t}$ — ВВП страны *i* в момент времени *t*.

Показатель экономической зависимости позволяет более рельефно обозначить альтернативу в выборе партнера, так как дает надежное основание для сравнения.

Процедура исследования. Важнейшей предпосылкой устойчивой региональной интеграции является сопоставимость уровней социально-экономического развития. Макроэкономические индикаторы России, Украины, ЕС, характеризующие масштабы экономик и потребительских рынков, уровень международной конкурентоспособности и социально-экономического развития, показывают глубину разрыва, усугубившегося в условиях украинского кризиса (см. табл. 1).

Таблица 1

Макроэкономические показатели России, Украины и ЕС в 2013 и 2015 гг.

	Население, млн чел.	**Экспорт, млрд долл.**		**ВВП, млрд долл.**		**ВВП на душу населения, долл.**	
		2013 г.	**2015 г.**	**2013 г.**	**2015 г.**	**2013 г.**	**2015 г.**
Россия	143	523	340	2079	1296	14501	9036
Украина	45	64	38	190	96	4218	2142
ЕС28	507	6074	5387	17997	16067	35538	31668

Источник: UNCTADStat[26]

Для Украины и Россия и ЕС являются крупными партнерами, но следует отметить, что если разрыв между Украиной и Россией в уровне дохода на душу населения является значительным, но преодолимым, то разрыв между Украиной и ЕС — безнадежным. Ни в одной стране ЕС нет такого низкого уровня душевого дохода, как в Украине, численность населения которой составляет около 9% населения ЕС, а ВВП — всего 0,5%.

Россия и прочие страны СНГ, а также ЕС являются основными торговыми партнерами Украины. В 2015 г. на их долю приходилось более

[26] UNCTADStat. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 11 января 2017).

половины украинского экспорта и более 2/3 импорта страны. При этом следует отметить, что с 1995 г. важность этих направлений в торговле Украины заметно сократилась за счет диверсификации географической структуры экспорта и импорта и роста важности третьих стран, на долю которых в середине 1990х гг. в экспорте приходилось около 30 и в импорте — 15%, а в 2015 г. — около 50 и 30% соответственно (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные торговые партнеры Украины: доля в экспорте и импорте (%)

Страна/ Группа стран	1995 г.		2008 г.		2010 г.		2013 г.		2015 г.	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Россия	39	50	24	23	26	37	24	30	12	20
Прочие страны СНГ	11	13	11	16	10	7	11	6	8	8
ЕС	21	23	27	34	25	32	26	35	33	41
Всего	71	86	62	73	61	76	61	71	53	69

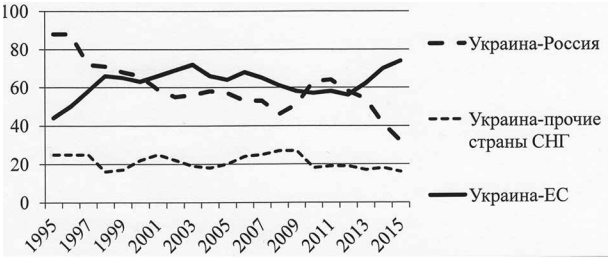
Источник: UNCTADStat

С середины 1990х гг. доля России неуклонно сокращалась и в экспорте и в импорте Украины, но наиболее резкое снижение произошло в период открытого конфликта в 2014–2015 гг. В тоже время важность ЕС заметно возросла. Следует отметить, что Украина являлась важным рынком для России, на долю которого в 1990е гг. приходилось до 8% российского экспорта. Но происходило постепенное сокращение этого показателя до 3% в 2010е гг., в 2015 г. доля Украины в российском экспорте сократилась до 2%.

Динамика структуры внешнеторгового оборота Украины в 1995–2015 гг. отражает интеграционный выбор страны: снижение торговой важности России сопровождается зеркальным ростом важности ЕС при относительно стабильном уровне торговли с прочими странами СНГ (см. рис. 1).

Изменения происходили главным образом за счет сокращения поставок минерального топлива из России, что привело к улучшению баланса в двусторонней торговле. Следует отметить благоприятные качественные изменения в торговых отношениях Украины на пространстве СНГ, которые были выявлены в результате исследования внутриотраслевой и межотраслевой торговли [Гурова, Ефремова, 2012, с. 30–39]. Анализ динамики индекса Грубеля–Ллойда для торговли Украины по-

Рис. 1. Доля ЕС, России и прочих стран СНГ во внешнеторговом обороте Украины в 1995–2015 гг. (%).



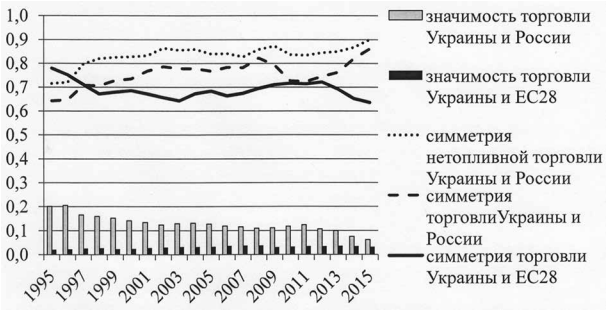
Источник: UNCTADStat

казал рост доли внутриотраслевой торговли в товарообороте страны с государствами-участниками СНГ и, наоборот, ее снижение в торговле с третьими странами, что можно рассматривать как благоприятные предпосылки для участия Украины в евразийской интеграции.

Однако в 2000 г. доля ЕС во внешнеторговом обороте превысила долю России и лишь на короткий период правления Януковича (2010–2013 гг.) приоритет России в торговле Украины восстановился, главным образом за счет роста топливно-энергетического импорта. Если еще в начале 2000х гг. из России поступало более половины импорта минерального топлива, в 2010–2013 гг. — около 70%, то теперь — около ⅓. С 2014 г. происходит замещение российского топлива поставками из стран ЕС, прежде всего, из Германии, Венгрии и Польши, а также из Норвегии. В частности, доля Германии в украинском импорте минерального топлива составляла не более 0,5%, но в 2013 г. она выросла до 2%, а в 2015 г. — до 9%.

Происходят и другие изменения в структуре торговли: количество наименований продукции в торговле Украины с ЕС (и в импорте и в экспорте) увеличивается в то время, как в торговле с Россией, наоборот, уменьшается. В 2001–2015 гг. значительно сократилась важность российского рынка для экспорта таких товаров из Украины как молочные продукты (с 60 до 2,5%) и крупы (с 30 до 3%), животные и растительные масла (с 30 до 0,2%), продукция самолетостроения (с 22 до 4%). Однако Россия по-прежнему является значимым рынком для отдельных видов продукции, являющихся сферой специализации Украины в международной торговле: в 2015 г. высокой оставалась доля российского рынка в экспорте украинского чугуна и стали (10%) и изделий из них (28%), железнодорожных локомотивов (50%), продуктов неорганической химии (63%).

Рис. 2. Показатели значимости и симметрии взаимной торговли.

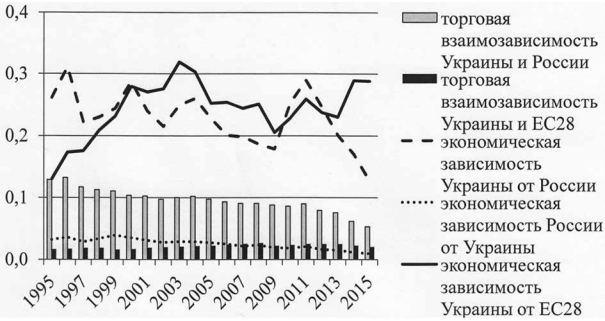


Сокращение важности взаимной торговли Украины и России, с одной стороны, и рост важности торговли Украины и ЕС, с другой, — находят соответствующее отражение в динамике показателей значимости торговли, рассчитанных по формуле 1. Однако двустороння торговля Украины и России остается более значимой, чем торговля Украины и ЕС, так как доля Украины во внешнеторговом обороте ЕС составляет всего 0,3% (см. рис. 2).

Еще более интересную картину представляет динамика показателей симметрии торговли, определяемой на основе сравнения взаимных торговых долей (формула 2). В теории экономической зависимости сильная торговая асимметрия рассматривается как предпосылка для политического давления со стороны могущественной державы в отношении менее крупного партнера. Например, этот аргумент используют для характеристики российско-украинских отношений Р. Драгнева и К. Волжук [Dragneva, Wolczuk, 2016, p. 680].

На рисунке 2 представлена динамика показателей симметрии в торговле Украины с Россией и ЕС. Для анализа российско-украинских отношений сделан расчет не только показателя общей симметрии в совокупной торговле, но и симметрии в нетопливной торговле для того, чтобы учесть влияние энергетической зависимости. В последнем случае симметрия высока (достигает значения 0,9) и заметно превышает показатель общей симметрии, особенно в периоды роста поставок российского минерального топлива в Украину, например, в 2010–2013 гг. Торговые отношения Украины и ЕС носят более асимметричный характер, чем отношения Украины и России. Более того, наблюдается тенденция к дальнейшему снижению показателя симметрии торговли Украины с ЕС (см. рис. 2).

Рис. 3. Показатели торговой взаимозависимости и экономической зависимости.



Аналогичные тенденции характерны для показателей торговой взаимозависимости (формула 3) и экономической зависимости (формула 4). Торговая взаимозависимость Украины и России, с одной стороны, и Украины и ЕС, с другой, — носит умеренный характер (значение показателей в пределах 0,1) (см. рис. 3).

Торговая взаимозависимость Украины и России пока выше, чем Украины и ЕС, но происходит ее снижение. Динамика показателей экономической зависимости Украины от России и от ЕС отражает драматизм интеграционного выбора страны, в результате которого снизилась зависимость от одного крупного партнера, но при этом заметно возросла зависимость от другого еще более крупного и могущественного партнера. Однако следует обратить внимание и на тенденцию одновременного понижения экономической зависимости Украины и от России и от ЕС, проявившуюся в 2000–2009 гг.

Результаты исследования. С 1990х гг. происходит снижение важности России в торгово-экономических отношениях Украины, в том числе и в такой стратегической сфере как поставки минерального топлива. Резкое изменение всех показателей, характеризующих торгово-экономические отношения Украины с основными торговыми партнерами, произошло в период открытого конфликта, то есть в 2014–2015 гг. Однако долгосрочная тенденция снижения взаимной торговой зависимости Украины и России, значимости взаимной торговли и экономической зависимости Украины от России, сопровождаемого ростом аналогичных показателей, характеризующих торгово-экономические отношения Украины с ЕС, наблюдается с 1990х гг. И если в отношениях торговой взаимозависимости в настоящее время приоритет пока еще на стороне России, то в экономической

зависимости Украины лидирующим партнером является Евросоюз. При этом наблюдается рост симметрии (соответственно снижение асимметрии) в торговле Украины с Россией и ее снижение (рост асимметрии) в торговле с ЕС. Еще один результат исследования заключается в выявлении факта снижения показателей важности России и ЕС во внешней торговле Украины за счет роста участия третьих стран в экспорте и импорте страны.

Анализ результатов. Полученные результаты исследования торговли Украины с Россией и ЕС в пост-советский период подтверждают концепцию интеграционной конкуренции. Динамика торгово-экономических показателей за 1995–2015 гг. характеризует вытеснение России из внешнеторгового оборота Украины и ее замещение Евросоюзом. На смену одному крупному партнеру приходит другой более крупный и могущественный партнер, для которого Украина имеет гораздо меньшую важность. Это создает предпосылки для углубления асимметрии в торгово-экономических отношениях и экономической зависимости, а также материальную основу для политического давления институтов Евросоюза на Украину.

Вместе с тем, результаты исследования показывают несостоятельность фаталистической интерпретации концепции интеграционной конкуренции в форме «интеграционной дилеммы». За 20 лет пост-советской истории Украине удалось диверсифицировать как внешние рынки, так и источники импорта, снизив значимость основных торговых партнеров. Благоприятные изменения происходят в товарной структуре импорта за счет заметного снижения доли минерального топлива. Теоретически можно предположить, что Украина, являясь членом ВТО и опираясь на либеральный режим многосторонней торговой системы, способная диверсифицировать географическую и товарную структуру, имеет перспективу, не связанную с выбором между европейской и евразийской интеграцией.

Заключение. Концепция интеграционной конкуренции, несомненно, отражает реалии «украинского вопроса» и выбора Украины. Однако необходимо преодолеть фатализм данного подхода, проявляющегося в форме «дилеммы интеграций», а также одностороннее применение концепции, асимметрично трактующее отношения торговой и экономической зависимости. Последовательно используя концепцию интеграционной конкуренции, необходимо оценивать торговую и экономическую зависимость не только в отношениях Украины с Россией, но и Украины с ЕС, а также возможности «третьего пути» в преодолении украинского кризиса.

Литература

1. Васфилов Д. С. Системный анализ взаимодействия России и Европейского союза на постсоветском пространстве // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 3 С. 31–46.
2. Гурова И. П. Внутриотраслевая и межотраслевая торговля СНГ/ И. П. Гурова, М. В. Ефремова // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 3 (16). С. 30–39.
3. Дурдыева А. А. Дилемма интеграций на евразийском пространстве в контексте украинских событий // Вестник МГИМО–Университета. 2015. № 3 (42). С. 134–140.
4. Скриба А. С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 3. С. 96–111.
5. Bagheri S. Reinvestigation of the West's Sanctions against Russia in the Crisis of Ukraine and Russia's Reaction / S.Bagheri, H.Reza Akbarpour // Procedia Economics and Finance. 2016. Vol. 36. P. 89–95.
6. Crescenzi M. J. Economic Interdependence and Conflict in World Politics. University of North Carolina, Chapel Hill, 2002. 276 p.
7. Dragneva R., Wolczuk K. Between Dependence and Integration: Ukraine's Relations With Russia / R. Dragneva, K. Wolczuk // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68 , Iss. 4. P. 678–698.
8. EU and Russia: Before and Beyond the Crisis in Ukraine: House of Lords Paper 115 Session 2014–15 (House of Lords Session 2014–15). Published by the Authority of the House of Lords. February 2015. 123p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.publications.parliament.uk (дата обращения: 11.01.2017).

UKRAINE'S TRADE WITH RUSSIA AND EU AND THE INTEGRATION CHOICE

Irina P.Gurova

Abstract. *Ukrainian crisis is a turning point in international politics and in regional economy. Literature focuses on political issues and gives insufficient and one-sided interpretation of the trade and economic aspects of the Ukraine's integration choice. The concept of integration competition between European Union (EU) and Russia, as well as the concept of trade and economic dependence, constitutes theoretical background for the study of the Ukraine's trade with Russia and EU.*

The long-term fall of the Ukraine-Russia trade interdependence, trade salience and economic dependence of Ukraine on Russia, accompanied with growth of the similar indicators characterizing Ukraine-EU trade and economic relations, is observed in 1990–2010s. At the same time, asymmetry decreases

in the Ukraine — Russia trade and increases in the Ukraine-EU trade. Another important tendency is a decrease of the share of the main trading partners in foreign trade of Ukraine due to the growth of participation of third countries in exports and imports.

The dynamics of trade and economic indicators for the 1995–2015s characterizes the displacement of Russia from Ukraine foreign trade and its replacement with EU. It means that in place of one large partner comes another larger and more powerful partner for which Ukraine has much less importance. This creates a prerequisite for the deepening of asymmetries in trade and economic relations and economic dependence, and the material basis for political pressure of the EU institutions to Ukraine.The concept of the integration competition, undoubtedly, reflects realities of "the Ukrainian question" and the choice of Ukraine. However it is necessary to overcome fatalism of this approach which is shown in the form of "an integration dilemma" and also the one-sided application of the concept which asymmetrically treats the trade and economic dependence. Consistently applying the concept of the integration competition, it is necessary to address trade and economic dependence not only in the Ukraine-Russia, but also Ukraine-EU relations, without denying a possibility of "the third way".

Keywords: *trade and economic dependence, asymmetry in trade, integration*

References

1. Bagheri, S., Reza Akbarpour H. (2016). Reinvestigation of the West's Sanctions against Russia in the Crisis of Ukraine and Russia's Reaction. *Procedia Economics and Finance*, 36, 89–95.
2. Crescenzi, M. J. (2002). Economic Interdependence and Conflict in World Politics. Chapel Hill: University of North Carolina.
3. Dragneva, R., Wolczuk, K. (2016). Between Dependence and Integration: Ukraine's Relations With Russia. *Europe-Asia Studies*. 68 (4), 678–698.
4. Durdyeva, A.A. (2015). Dilemma integracij na evrazijskom prostranstve v kontekste ukrainskih sobytij [Integration Dilemma within the Eurasian Space in the Context of the Ukrainian Crisis]. *Vestnik MGIMO Universiteta [Vestnik MGIMO–University]*, 3 (42), 134–140.
5. *EU and Russia: Before and Beyond the Crisis in Ukraine (2015, February 20). House of Lords Paper 115 Session 2014–15*. Retrieved 11 January, 2017 from https://www.publications.parliament.uk
6. Gurova, I.P., Efremova, M.V. (2012). Vnutriotraslevaja i mezhotraslevaja torgovlja SNG [Inta-Industry and Inter-Industry Trade in the CIS Region]. *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija [Euroasian Economic Integration]*, 3 (16), 30–39.

7. Skriba, A.S. (2014) Vyzovy i perspektivy evrazijskoj integracii posle ukrainskogo krizisa [Challenges of Eurasian Integration after the Ukrainian Crisis]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal],* 9 (3), 96–111.
8. Vasfilov, D.S. (2014). Sistemnyj analiz vzaimodejstvija Rossii i Evropejskogo sojuza na postsovetskom prostranstve [Systems Analysis of Interaction between Russia and the European Union in the Post-Soviet Space]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal].* 9 (3), 31–46.

Информация об авторе
Гурова Ирина Павловна
доктор экономических наук, профессор
профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей
МГИМО МИД России
Эл.почта: igurova@mail.ru
Irina P.Gurova
Doctor of Economics, Professor,
full Professor of the Department of international economic relations and foreign economic ties
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Russia
E-mail: igurova@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТРЕНДОВ

Я. Н. ЗУБКОВА

Аннотация. *В статье рассматриваются основные мировые тренды в электроэнергетике, а также их отражение в перспективе развития электроэнергетики России. Анализ основан на предположении о формировании нового технологического уклада в преддверии повышательной волны большого цикла Кондратьева и теории международного движения капитала в условиях создания инноваций. Основная часть исследования посвящена рассмотрению возможных структурных изменений отрасли; патентному ландшафту технологий в электроэнергетике; увеличению доли альтернативной генерации в глобальном масштабе; региональной интеграции энергорынков и сделкам по слиянию и поглощению. Результатом исследования стал вывод о следовании электроэнергетики России современным тенденциям, но в значительно меньшем масштабе, что в первую очередь связано с дефицитом собственных технологий и долгосрочного капитала. Анализ результатов показал, что высокие страновые риски связаны с отсутствием системного подхода к регулированию отрасли, что негативно влияет на инвестиционную привлекательность российской электроэнергетической отрасли и экономики в целом. Однако присутствующие сложности не должны мешать интенсивному развитию национальной электроэнергетики в рамках глобальных трендов. В связи с этим России следует рассмотреть возможности более эффективного привлечения прямых иностранных инвестиций и технологического партнерства с иностранными инвесторами.*

Ключевые слова: *возобновляемые источники энергии, мировые тенденции, интеграция электроэнергетических рынков, слияния и поглощения, прямые иностранные инвестиции, инновации*

Введение. Электроэнергетика является основополагающей отраслью, так как играет ключевую роль в формировании экономики и экономической эффективности страны. Так как доля, приходящаяся

на электроэнергию в себестоимости производимых товаров, остается достаточно высокой, то снижение стоимости производства и передачи электроэнергии, использование энергоэффективных технологий способны обеспечить конкурентоспособность выпускаемых в стране товаров на мировых рынках. Это в свою очередь повышает мировую конкурентоспособность страны и ее инвестиционную привлекательность для внутренних и внешних инвесторов. Важным аспектом при этом остается поддержание бесперебойного энергоснабжения и энергобезопасности.

Технологические особенности, связанные с одновременным производством и потреблением электроэнергии, и в настоящее время оставляют для дискуссий вопрос об отнесении электроэнергии к услугам в рамках регулирования ВТО[27]. Именно отсутствие возможности хранения электроэнергии в промышленных масштабах обуславливает необходимость содержания резервных мощностей, строительство новых перетоков для возможности экспорта и импорта «излишков» более дешевой электроэнергии. Стремление стран сократить издержки на производство, передачу и распределение электроэнергии способствует совершенствованию системы ценообразования, повышению эффективности инвестиционных механизмов, внедрению новых технологий и региональной интеграции энергетических систем.

Еще одной важной чертой электроэнергетической отрасли является ее высокая социальная значимость, поэтому, несмотря на необходимость постоянного притока инвестиций для поддержания работоспособности электроэнергетической инфраструктуры, существуют определенные проблемы с привлечением капитала для строительства и модернизации основных фондов: невысокая доходность, длительные сроки окупаемости инвестиционных проектов капитального строительства, риск увеличения дебиторской задолженности, аварийность.

Таким образом, основными направлениями развития мировой электроэнергетики являются внедрение новых более совершенных и эффективных технологий, а также повышение экономической эффективности и обеспечение энергетической безопасности через трансформацию энергорынков и их регулирования.

Для России первым шагом к созданию конкурентного рынка электроэнергии стала реструктуризация естественной монополии ОАО РАО «ЕЭС России», которая должна была стимулировать приток частного,

[27] Thomas S. Hall D. GATS and the Electricity and Water Sectors [Electronic resource] / PSIRU, Business School, University of Greenwich. — Electronic data. — London, March 2006. — Mode of access: http://practicalaction.org/media/view/5820

в первую очередь иностранного, капитала в отрасль. Однако мировая практика по либерализации энергетических рынков, интеграции энергосистем, созданию энергетических бирж, развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) не может не оказывать влияния на энергетическую политику России, как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе. Помимо этого нельзя игнорировать значительные изменения в области инновационных технологий, которые потенциально способны вызвать структурные изменения в отрасли. Массовое производство и внедрение электродвигателей, увеличение доли альтернативной генерации, внедрение «умных сетей» (англ. Smart Greed), исследования в области беспроводной передачи электроэнергии и промышленных накопителей способны изменить значение электроэнергетики в глобальном масштабе.

Спрос на новые технологии, укрупнение энергетических рынков, изменения уровня концентрации электроэнергетических рынков влияют на направление инвестиционных потоков. Соответствует ли развитие электроэнергетической отрасли Российской Федерации мировым трендам и насколько сильно влияние современных тенденций в электроэнергетике на будущее развитие мировой экономики — являются наиболее актуальными вопросами в преддверии формирования нового технологического уклада.

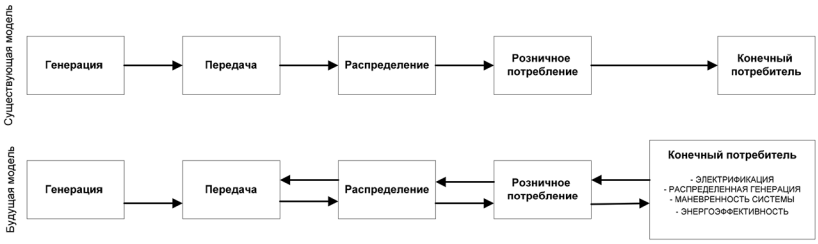
Теоретические основания исследования. В данной работе мировая электроэнергетика рассматривается с точки зрения формирования нового технологического уклада, совпадающего с повышательной волной шестого большого цикла Кондратьева (2018–2040 гг.)[28]. Предполагается, что инновационные разработки в области хранения электроэнергии, будут способствовать переходу от традиционных ископаемых энергоносителей к ВИЭ и смогут устранить основные проблемы, вызывающие удорожание электроэнергии: содержание резервных мощностей, рост цен на топливо, строительство систем перетоков и пр.

Теория движения капитала, обоснованного созданием новых передовых технологий, обуславливает увеличение мировых инвестиций в перспективные проекты энергонакопителей, ВИЭ, Smart Greed и уменьшение доли инвестиций в традиционные источники энергии.

Исследование: основная часть. Среди современных тенденций мировой электроэнергетики в части технологий можно выделить: рост

[28] Акаев А. Шестой большой цикл Кондратьева в развитии мировой экономики вступает в силу [Электронный ресурс] / Аскар Акаев, Андрей Коротаев // Полит.ру. — 2016. — 14 июня. — Режим доступа: http://polit.ru/article/2016/06/14/kondratiev/

Рис. 1. Ожидаемая трансформация энергосистемы



Источник: составлено по данным The Future of Electricity Attracting investment to build tomorrow's electricity sector [Electronic resource] / World Economic Forum. — Electronic data. — 2015. — Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEFUSA_FutureOfElectricity_Report2015.pdf

объемов малой распределенной генерации; увеличение доли ВИЭ; удешевление существующих и создание более совершенных технологий; необходимость развития энергосетевой инфраструктуры, в том числе технологий Smart Greed.

Все перечисленные тренды являются тесно взаимосвязанными, и их развитие постепенно приведет к системным изменениям в отрасли (см. рис. 1).

На рисунке показано, как развитие малой распределенной генерации и использование технологий умных сетей позволяют создать энергоэффективную и гибкую систему, базирующуюся на управлении спросом.

Экономическое управление спросом (англ. demand response) подразумевает снижение энергопотребления конечным потребителем при определенных экономических сигналах рынка электроэнергии с получением выручки за осуществление такого снижения потребления. В России правила применения ценозависимого потребления установлены в постановлении Правительства РФ от 20.07.2016 № 699 «О внесении изменений в Правила оптового рынка электрической энергии и мощности». Итоги внедрения такого механизма регулирования объемов потребления на текущем этапе ограничиваются единичными заявками, тем не менее, его возможная экономическая эффективность способна привлечь больше участников рынка с 2017 года.

Однако помимо экономической эффективности ценозависимого потребления, рассматриваемая трансформация энергосистемы является эффективной и гибкой благодаря использованию Smart Greed, которая обеспечивает возможность оперативного мониторинга, анализа

и реагирования на изменения в системе. Таким образом, энергоблоки и малая распределенная генерация домашних хозяйств может быть связана с единой энергосистемой, выполняя функции, как потребителя, так и производителя электроэнергии.

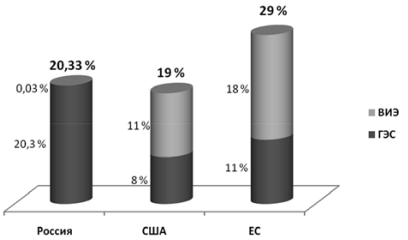
Увеличение влияния децентрализованного производства ВИЭ, учитывая ограниченные возможности промышленного хранения электроэнергии в среднесрочной перспективе, провоцирует необходимость совершенствовать электросетевой комплекс. Продолжающийся рост инвестиций в проекты по ВИЭ на практике влекут за собой дополнительные инвестиции в развитие сетей. Именно развитие электросетевого комплекса обеспечивает эффективную интеграцию альтернативной генерации в действующую энергосистему. Таким образом в 2015 году мировые инвестиции в сетевую инфраструктуру составили более 260 млрд долл. [World Energy Investment, 2016, p. 17]. Важно отметить, что все эти изменения являются предметом регулирования, что усиливает важность стабильной и прозрачной регуляторной среды для поддержания адекватного уровня инвестиций.

Мировые инвестиции в энергетический сектор в 2015 году снизились до 1,8 трлн долл. с 2 трлн долл. в 2014 году [World Energy Investment, 2016, p. 13]. Наблюдаемое уменьшение связано с сокращением инвестиций в сегмент добычи нефти и газа. Инвестиции в повышение энергоэффективности в 2015 году достиг уровня в 220 млрд долл. Несмотря на значимое замедление роста спроса на электроэнергию, инвестиции в сектор электроэнергетики выросли до рекордных 690 млрд долл., что составляет более 37% от общего объема инвестиций в энергетику [World Energy Investment, 2016, p. 13]. Из них почти 40% направлены на замену старых основных средств, что было сделано для поддержания безопасности поставок электроэнергии даже при условии, что будущая макроэкономическая и энергетическая политики будут способствовать замедлению роста спроса на энергию в глобальном масштабе.

Несмотря на приоритетное развитие ВИЭ в рамках единого энергетического рынка ЕС, а также роста патентной активности (по технологиям ВИЭ) в США, совокупная доля ВИЭ, с учетом гидроэлектростанции (ГЭС) Росси не уступает их показателям.

Тем не менее, на рис. 2 видно, что объемы ВИЭ без учета крупных ГЭС в США и ЕС значительно выше установленной мощности альтернативной генерации в России. Производство электроэнергии ВИЭ с учетом ГЭС в мире составляет 22,8% от общей выработки (5353 ТВт·ч): 16,6% — гидрогенерация, 3,1% — ветрогенерация; 1,8% — генерация на биомассе; 1% — солнечная генерация, 0,5% — геотермальная генерация

Рис. 2. Доля ВИЭ и ГЭС в установленной мощности России, США, ЕС (данные на 01.01.2016)



Источник: составлено по данным Министерства энергетики РФ // http://minenergo.gov.ru/node/532; Shahan Z. Renewables = 99% Of New Electricity Capacity In Q1 2016 In USA (CleanTechnica Electricity Reports) [Electronic resource] / CleanTechnica. — Electronic data. — May 2016. — Mode of access: https://cleantechnica.com/2016/05/31/renewables-99-new-electricity-capacity-q1–2016-usa/; Energy Transition in the Power Sector in Europe: State of Affairs in 2015. Review of the Developments and Outlook for 2016 [Electronic resource] / Berlin, Agora Energiewende. — Electronic data. — 2016. — April. — 42 p. — Mode of access: https://www.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2016/EU-Review_2015/Agora_State_of_Affairs_EU_2015_WEB.pdf

[World Energy Perspectives, 2016, p. 3]. Ожидается, что в течение следующих 5 лет ВИЭ составят более 60% роста мировых генерирующих мощностей, что превысит эквивалент комбинированной генерации в США и ЕС в настоящее время (7600 ТВт·ч к 2021 году). Следует отметить, что существующее российское законодательство в области регулирования ВИЭ не способствует экономической эффективности проектов по строительству альтернативной генерации. При этом дефицит собственных конкурентоспособных на мировом рынке «прорывных» технологий в этой области также тормозит развитие «зеленой» генерации.

Мировой передовой опыт доказывает эффективность использования ВИЭ, что обусловлено также наблюдающимся удешевлением технологий альтернативной генерации. Приведенная стоимость производства электроэнергии в 2015 году для ветроэнергетики составила 32–77 $/МВт·ч, для большой солнечной энергетики — 50–70 $/МВт·ч, что сопоставимо с показателями для парогазовой генерации — 52–78 $/МВт·ч и газотурбинных электростанций 68–101 $/МВт·ч. [Lazard's Levelized Cost, 2015, p. 3].

Предполагается, что на развитию ВИЭ будет положительно влиять ратификация Парижского соглашения (The Paris Agreement), регули-

рующего меры по снижению уровня углекислого газа в атмосфере с 2020 года. Данное соглашение было подписано на Рамочной конвенции ООН об изменении климата и вступило в силу с 4 ноября 2016 года, фактически заменив Киотский протокол. Целью Парижского соглашения является удержание роста глобальной средней температуры значительно ниже 2°С и ограничение роста температуры величиной в 1,5°С[29]. Ратификация Соглашения Россией ожидается не ранее 2021 года, как и в большинстве подписавших его стран.

Если рассматривать мировой патентный ландшафт, то можно выделить следующие направления развития инновационных технологий: переработка отходов, улавливание и хранение CO2, водородные технологии, приливные электростанции, гидроэнергетика, биотопливо, ветрогенерация и солнечная энергия. Специализируются на создании технологий в области ВИЭ прежде всего страны с инновационной экономикой: Япония, США, Австралия, Канада, наиболее экономически развитые страны ЕС, Великобритания, а также Китай.

Эти страны обладают высоким инвестиционным потенциалом. Их сравнительно стабильное экономическое развитие, инвестиционная привлекательность, а также наличие доступа к долгосрочному капиталу дает основания говорить об их положении «инновационных лидеров» в области электроэнергетики[30].

Еще одним важным современным трендом развития электроэнергетики стала интеграция энергетических рынков. Опыт создания единых электроэнергетических рынков есть у ЕС (наиболее успешным результатом европейской интеграции считается система рынков Nordpool), а также SIEPAC, NAFTA, UNASUR; в настоящее время условия формирование общего электроэнергетического рынка разрабатывает и ЕАЭС[31]. Перечисленные рынки имеют различные уровни коммерческой и регуляторной интеграции. К наиболее высокому уровню интеграции можно отнести SIEPAC (Central American Electrical Interconnection System; исп. Sistema de Interconexión Eléctrica de los Países de América Central). Этот рынок регулируется наднациональными органами, а торговля электроэнергией происходит в рамках единого рынка.

---

[29] Adoption of the Paris Agreement. — Paris, 12 December 2015. — 32 p.

[30] Зубкова Я. Н. Концепция «инновационного лидерства» / Я. Н. Зубкова // Горизонты экономики. — 2016. — № 6. — С. 85–91.

[31] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 12 "О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза" — Москва, 2015.

Процесс интеграции касается как генерации, так и сетевой инфраструктуры, которая является основополагающим элементом трансграничных перетоков электроэнергии. Включение с энергосистему большого количества распределенной генерации, и в целом увеличение доли генерации на ВИЭ повышает риски веерного отключения, нарушения энергоснабжения (blackout) и падения напряжения в сети (brownout). Стабильную эксплуатацию энергосистемы на текущем этапе может обеспечить использование технологий Smart Greeds, которые уже фрагментарно внедряются во многих странах.

Если говорить о концентрации оптовых рынков электроэнергии, а также о возможностях достижения экономической стабильности энергетических транснациональных корпораций (ТНК), то следует обратить внимание на сделки по слиянию и поглощению (Mergers and Acquisitions, M&A). Основные транзакций электроэнергетических компаний в 2015 — I полугодие 2016 произошли в рамках конвергенции и инвестиций в сегменты переработки (англ.midstream) и добычи (англ.upstream).

Электроэнергетические компании прибегли к разнообразным возможностям для роста, сохранения и оптимизации капитала в условиях глобального экономического спада: мега-слияния газовых и электроэнергетических активов в США, конвергенция с телекоммуникационными компаниями в Японии, технологическое партнерство в Европе (см. таблицу).

В России M&A в электроэнергетики чаще всего происходят в рамках увеличения доли генерирующей компании исключительно на внутреннем рынке или в рамках диверсификации деятельности энергетических ТНК; реже — для получения синергетического эффекта при реализации нефтегазовых проектов (строительство собственных энергоблоков). В части деятельности иностранных инвесторов в электроэнергетической отрасли России следует отметить высокий уровень страновых рисков, связанных с волатильностью экономики и частым использованием «ручного управления» отраслью государством. Инвестиции только по договорам о поставки мощности (ДПМ) составили для Fortum — 2,5 млрд евро, для E.on — 2,8 млрд евро и 0,8 млрд евро для Enel. Дочерние общества названных европейских энергокомпаний построили по ДПМ в России 2,4; 2,5 и 0,82 ГВт новой мощности соответственно. В настоящее время компания Enel рассматривает возможность продажи своих активов в России. В 2015 г. чистый убыток компании составил 48,6 млрд руб., при капитализации около 26,2 млрд руб.[32]

[32] Фомичева А. «Энел» продадут частями [Электронный ресурс] / А. Фомичева // Коммерсант.ru. — 2016. — Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/2955896 (дата обращения: 11.10.2016).

Таблица.

Крупнейшие сделки M&A (II кв. 2015 — II кв. 2016)

Дата объявления сделки	Целевая компания	Целевая страна	Потенциальный инвестор	Страна инвестора	Сумма сделки (млн $)	Обоснование	Сегмент
Североамериканский и Южноамериканский регионы:							
10 августа 2015	Energy Future Holdings (EFH)	США	Consortium led by Hunt Consolidated	США	12 500	Возможность для EFH избежать банкротства. После приобретения, EFH будет преобразована в инвестиционный фонд недвижимости и операционную компанию	Смешанный
31 мая 2016	Westar Energy Inc.	США	Great Plains Energy Inc.	США	12 117	Сокращение эксплуатационных затрат и выгода более чем для 90 000 потребителей штата Канзас и 600 000 потребителей в Миссури	Смешанный
26 августа 2015	GL Resources	США	Southern Company	США	11 936	Создание второй по величине энергетической компании в США по количеству клиентов	Передача и распределение: газ
09 февраля 2016	ITC Holdings Corporation	США	Fortis Inc.	Канада	11 305	Соответствие стратегии Fortis в целях диверсификации юрисдикций в области государственного регулирования, предпринимательских рисков и экономической эффективности состава оборудования	Передача и распределение: электроэнергия
04 сентября 2015	TECO Energy	США	Emera	Канада	10 362	Расширение присутствия в регулируемом секторе электроснабжения и коммунальных услуг США	Передача и распределение: электроэнергия и газ

Дата объявления сделки	Целевая компания	Целевая страна	Потенциальный инвестор	Страна инвестора	Сумма сделки (млн $)	Обоснование	Сегмент
Европа:							
18 ноября 2015	Enel Green Power S.p.A.	Италия	Enel S.p.A.	Италия	3363	Создание синергии оперативного управления и координации деятельности поддержит повышенное внимание к возобновляемым источникам энергии	Генерация ВИЭ: ветряная, солнечная, биоэнергия
22 апреля 2015	Madrilena Red de Gas, S.A.U.	Испания	Consortium (EDF и PGGM)	Франция	2159	Формирование портфеля из генерирующих активов со стабильными денежными потоками	Передача и распределение: газ
16 октября 2015	Verbundnetz Gas Aktiengesellschaft (VNG)	Германия	Energie Baden-Württemberg AG (EnBW)	Германия	2082	В рамках сделки по реструктуризации между EnBW и EWE: для увеличения (в два раза) газового бизнеса EnBW	Передача и распределение: газ
13 июня 2016	WindMW GmbH (доля — 80%)	Германия	China Three Gorges Corporation	Китай	1802	Расширение глобального присутствия China Three Gorges	Генерация ВИЭ: ветряная генерация
14 октября 2015	E.ON E&P Norge AS	Норвегия	DEA Deutsche Erdoel AG	Германия	1600	Улучшение общего финансового положения компании E.on и обеспечение гибкости ее текущей стратегии	Прочее: разведка и добыча
Азиатско-Тихоокеанский регион:							
07 ноября 2015	Sanxia Jinshajiang Chuanyun Hydroelectric Power Co Ltd	Китай	China Yangtze Power Co Ltd	Китай	12 537	Соответствие стратегии China Yangtze Power в целях повышения качества активов и укрепления конкурентоспособности на рынке	Генерация ВИЭ: гидроэлектроэнергия

24 ноября 2015	TransGrid	Австралия	Caisse de depot et Placement du Quebec (CDPQ); Hastings Funds Management Limited; Spark Infrastructure Group; Tawreed Investments Ltd.; Wren House Infrastructure Management Limited	Канада, Австралия, ОАЭ, Кувейт	7377	Стремление инвесторов приобрести высококачественные регулируемые активы со стабильными денежными потоками	Передача и распределение: сети
08 сентября 2015	Power Assets Holdings Limited (PAH)	Китай (Гонконг)	Cheung Kong Infrastructure Holdings Limited (CKI)	Китай (Гонконг)	4990	Возможность для CKI капитализировать большие денежные остатки PAH и инвестировать в инфраструктуру	Смешанный
07 ноября 2015	China Yangtze Power Co Ltd (доля — 9.09%)	Китай	An investment group led by Ping An Asset Management Co., Ltd.	Китай	3800	Соответствие стратегии инвестора в целях улучшения качества активов и укрепления конкурентоспособности на рынке	Смешанный
29 апреля 2016	Jiangsu Guoxin Investment Group Limited (активы теплогенерации)	Китай	Sainty Marine Corporation Ltd	Китай	3244	Соответствие стратегии Sainty Marine в целях расширения бизнеса тепловой генерации	Теплогенерация

Источник: составлено по данным Power transactions and trends 2015 review and 2016 outlook [Electronic resource] / EYGM Limited. — Electronic data. — 2016. — Mode of access: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-power-transactions-and-trends-q4–2015/%24FILE/EY-power-transactions-and-trends-q4–2015.pdf; Power transactions and trends Q2 2016 [Electronic resource] / EYGM Limited. — Electronic data. — 2016. — Mode of access: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-power-transactions-and-trends-q2–2016/%24FILE/ey-power-transactions-and-trends-q2–2016.pdf; Power transactions and trends Q2 2015 [Electronic resource] / EYGM Limited. — Electronic data. — 2015. — Mode of access: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY-power-transactions-and-trends-q2–2015/$FILE/EY-power-transactions-and-trends-q2–2015.pdf; Power transactions and trends Q3 2015 [Electronic resource] / EYGM Limited. — Electronic data. — 2015. — Mode of access: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_-_Power_transactions_and_trends_-_Q3_2015/%24FILE/EY-power-transactions-and-trends-Q3–2015.pdf; Power transactions and trends Q1 2016 [Electronic resource] / EYGM Limited. — Electronic data. — 2016. — Mode of access: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-power-transactions-and-trends-q1–2016/%24FILE/ey-power-transactions-and-trends-q1–2016.pdf

Методология исследования. Для проведения исследования был использован эмпирический подход, а также теоретический подход в части: интеграции электроэнергетических рынков при соблюдении теории относительных преимуществ; практическая значимость теории международного движения капитала при рассмотрении мировых инвестиций в энергетику и теория больших волн Кондратьева при анализе перспектив формирующегося технологического уклада.

При работе со статистическими данными и аналитическими материалами используются методы системного и сравнительного анализа, а также метод экспертных оценок.

Материалы исследования. Основными материалами исследования стали аналитические доклады о состоянии современной электроэнергетики, перспективах развития инновационных технологий в электроэнергетике и движении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мировой энергетике. Также были рассмотрены тенденции на рынке M&A, законотворческие инициативы и международные соглашения.

Процедура исследования. По итогам анализа материалов исследования укрупнено были выделенные наиболее значимые современные мировые тренды в развитии мировой электроэнергетики. Параллельно были определены перспективы развития указанных тенденций в электроэнергетической отрасли России и выявлены основные сложности для ее эффективного развития.

Результаты исследования. Современными трендами в мировой электроэнергетики являются: рост объемов малой распределенной генерации; увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ); удешевление существующих и создание более совершенных технологий; необходимость развития энергосетей, в том числе технологий Smart Greed.

Высокая капиталоемкость инфраструктуры электроэнергетической отрасли предполагает постоянное вливание инвестиций, как в модернизацию существующих объектов, так и в капитальное строительство.

Для обеспечения эффективности работы отрасли во многих странах, в том числе и в России, была проведена либерализация электроэнергетики, которая была также направлена на повышение инвестиционной привлекательности для частных и иностранных инвесторов.

Наблюдается тенденция к интеграции электроэнергетических рынков, например рынки ЕС, SIEPAC, NAFTA, UNASUR, а также потенциальный общий электроэнергетический рынок ЕАЭС.

При этом мировая практика показывает, что трансформация естественной монополии (электроэнергетики) в рынок имеет свои слож-

ности, которые связаны с противоречиями между прибыльностью инвестиций и социальной значимостью отрасли, а также с технологическими особенностями производства и потребления электроэнергии. В России это с высокой периодичностью выливается в использование регулирующими органами «ручного управления», что вызывает недовольство большинства инвесторов.

Отсутствие или недостаток передовых технологий, как и доступного капитала, провоцирует государственные власти, так или иначе, открывать свою электроэнергетику для прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что подтверждается в первую очередь примерами стран в Азиатско-Тихоокеанском и Ближневосточном регионах. В настоящее время на территории России присутствуют три крупных иностранных компании: Fortum, E.ON и Enel.

Так как процесс глобализации способствует росту значимости транснациональных корпораций (ТНК) в мировой электроэнергетике, то основные потоки инвестиций имеют сильную зависимость от интересов крупных ТНК в тех или иных странах и сегментах. Принятие инвестиционных решений осуществляется с учетом как мировых трендов в электроэнергетике, так и регуляторной политики конкретной страны или региона, что отражается в характере сделок M&A за последние годы.

Подписание Россией Парижского соглашения по климату, законодательные инициативы в части ценозависимого потребления электроэнергии и политика импортозамещения могут иметь положительное влияние на повышение инвестиционной привлекательности отрасли в долгосрочной перспективе. Однако существующие ограничения доступа к долгосрочным кредитам, технологиям ВИЭ и отсутствие системного подхода к регулированию отрасли существенно повышают риски инвесторов.

Анализ результатов. Несмотря на тенденции следования мировым трендам, электроэнергетическая отрасль Российской Федерации имеет ряд сложностей, которые связаны как с отсутствие свободного доступа к «длинным деньгам», так и с отсутствием конкурентоспособных технологий, что становится особенно заметно на этапе создания нового технологического уклада. Эти два негативных фактора являются взаимозависимыми, что усугубляется наличием догоняющей модели экономического развития. Создание инновационными экономиками принципиально новых технологий способно еще больше увеличить технологический разрыв между «инновационным лидером» и импортером инноваций. Отсутствие собственных технологий, конкуренто-

способных на мировом рынке, определяет необходимость их приобретения, что осложняется дефицитом капитала в отрасли и снижением инвестиционной привлекательности для иностранных стратегических инвесторов, которые склонные вкладывать средства в более прибыльные инновационные проекты (в том числе энергетическое машиностроение) и страны с низким уровнем инвестиционных рисков и стабильной регуляторной политикой отрасли.

Таким образом, негативное влияние на интенсивное развитие электроэнергетики России оказывают: высокий износ существующей инфраструктуры, использование преимущественно импортного оборудования, потребность в новых технологиях и потребность в долгосрочном капитале.

Для устранения этих факторов требуется привлечение ПИИ, как в электроэнергетическую отрасль, так и в смежную отрасль энергетического машиностроения (в том числе создание совместных предприятий, которые позволят осуществлять не только трансфер, но и совместные НИОКР); системное управление электроэнергетической отраслью, основанное на многосценарном подходе; вовлечение России в глобальные процессы «обновления» мировой энергетики; международное сотрудничество в рамках смежной отрасли.

Заключение. Несмотря на скептическое отношение многих российских аналитиков к надежности ВИЭ, доля «зеленой генерации» в мире продолжает расти. Развитие альтернативной энергии подкрепляется созданием новых, более совершенных и экономически эффективных технологий.

Мировые тренды в части M&A и региональной интеграции энергорынков проявляются в России в меньшем масштабе. Тем не менее, глобализация экономики толкает мировую электроэнергетику к «укрупнению» как в территориальном, так и в экономическом отношении. Являясь членом Большой восьмерки (Group of eight, G8), Россия не может оставаться в стороне от происходящих изменений, поэтому на данном этапе важным является объективная оценка современного состояния электроэнергетической отрасли страны и возможностей ее наиболее эффективного развития.

Литература

1. World Energy Investment 2016 / IEA — Paris, 2016. — 177 p.
2. World Energy Perspectives Renewables Integration 2016 [Electronic resource] / World Energy Council. — Electronic data. — 2016. — 138 p. — Mode of access: http://www.worldenergy.org/wp-content/uploads/2016/09/Variable-Re-

newables-Integration-in-Electricity-Systems-2016-How-to-get-it-right-_-Full-Report-1.pdf
3. Lazard's Levelized Cost of Energy Analysis — Version 9.0 [Electronic resource] / Lazard. — Electronic data. — November 2015. — 19 p. — Mode of access: https://www.lazard.com/media/2390/lazards-levelized-cost-of-energy-analysis-90.pdf

DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ELECTRIC POWER INDUSTRY IN THE CONTEXT OF WORLD TRENDS

Yaroslava N. Zubkova

Abstract. *The article discusses the main global trends in the power industry, as well as their reflection in the long term development of Russian power industry. The analysis is based on the assumption that the new technological formation in anticipation of the upward wave of the Kondratiev big cycle and the theory of international capital flows in terms of creating innovations. The main part of the study deals with the possible structural changes in the industry; patent landscape of technologies in the power sector; increasing the share of alternative energy generation on a global scale; regional integration of energy markets and mergers and acquisitions. The result of this research concluded that Russian power industry follows the current trends, but in a much smaller scale, which primarily is due to the lack of its own technologies and long-term capital. Analysis of the results showed that the high country risks associated with the lack of a systematic approach to industry regulation that negatively affects the investment attractiveness of the Russian electric power industry and the economy as a whole. However, the present difficulties should not prevent intensive development of national electric power industry in the framework of global trends. In this regard, Russia should consider the possibilities of attracting direct foreign investments and technology partnerships with foreign investors.*

Keywords: *renewables, global trends, integration of electricity markets, mergers and acquisitions, foreign direct investments, innovations*

References

1. World Energy Investment 2016. IEA, 2016. 177 p.
2. World Energy Perspectives Renewables Integration 2016. World Energy Council, 2016. Available at: http://www.worldenergy.org/wp-content/uploads/2016/09/Variable-Renewables-Integration-in-Electricity-Systems-2016-How-to-get-it-right-_-Full-Report-1.pdf
3. Lazard's Levelized Cost of Energy Analysis — Version 9.0. Lazard, November 2015. Available at: https://www.lazard.com/media/2390/lazards-levelized-cost-of-energy-analysis-90.pdf

Информация об авторе
Зубкова Ярослава Николаевна

соискатель кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности МГИМО МИД России, специалист департамента координации энергосбытовой и операционной деятельности ПАО «ЛУКОЙЛ»

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия

Yaroslava N. Zubkova

Specialist of Energy Sales and Operations Department, LUKOIL, Applicant at the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities of MGIMO University of the MFA of Russia

Moscow State Institute of International Relations of the MFA of Russia, Russia

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Н. Ю. КОНИНА

Аннотация. *Статья посвящена новым глобальным вопросам и проблемам конкурентоспособности российских фирм.*

Исследуются новые глобальные проблемы, связанные с замедлением глобального развития в условиях новой нормальности и ускоряющейся технологической революции. Новые реальности внешней среды меняют подходы компаний к конкурентоспособности. Завтрашняя конкурентная позиция российских компаний будет определяться адаптацией к новым реалиям глобальной экономики, тесным взаимодействием с государством для выживания в условиях геоэкономических войн и способностью применить новейшие прорывные технологические достижения.

Ключевые слова: *Глобальная внешняя среда, новые реальности мировой экономики, волатильность, неопределенность, глобализация, технологическая революция, геоэкономическое оружие, санкции, Интернет вещей, прорывные технологии, роботизация, цифровая революция, информационно-коммуникационные технологии, тенденции развития, конкурентоспособность*

Введение. Ученые в XX веке пытались найти ответы на усложняющиеся вопросы развития современного общества. Исследования глобальных проблем привлекали пристальное внимание исследователей в Советском Союзе в конце 70-х — начале 80-х гг., как ответ марксистской научной мысли на исследования Римского Клуба. После этого на долгое время эта тема стала менее популярной, а сам термин глобализация в российском экономическом сообществе обрел некий негативный контекст.

Процессы глобализации ускорились в конце 1980-х гг. Технологический прогресс, либерализация торговли и финансовой деятельности во многих частях мира привели к значительному росту мировой торговли, усилению перелива капиталов и глобальной взаимозависимости.

Значительно выросла миграция. Особенно динамично развивается глобальный обмен информацией. Благодаря современным ИКТ (информационно-коммуникационным технологиям) по состоянию на январь 2016 г. более 3,419 млрд человек (более 46% населения земного шара, составлявшего 7,395 млрд человек) пользовались услугами Интернета, более 2,307 млрд человек активно общались в социальных сетях и более 3,79 млрд человек пользовались мобильной связью. Транснационализация производства и капитала привели к росту значения ТНК и формированию глобальных цепочек добавленной стоимости, на долю которых приходится большая часть международной торговли. Деятельность экономических агентов все более определяется такими понятиями, как «глобальные проблемы», «глобальные тенденции», «глобализация».

Вопросы, связанные с осмыслением некоторых злободневных глобальных проблем и их влиянием на деятельность российских фирм и являются предметом данного исследования.

Теоретические основания исследования

Глобальными проблемами принято называть такие проблемы, которые качественно отличаются от международных проблем, имеют планетарный масштаб, затрагивают интересы, как всего человечества, так и отдельных больших групп людей. Глобальные проблемы вырастают из политических, экономических, социальных и культурных противоречий различных участников процесса глобализации. Для глобальных проблем характерны сложность, комплексный характер, быстрота, взаимозависимость, иерархичностью, системный характер и т. д. Глобальные проблемы связаны с единством и борьбой противоположностей, характеризующих развитие человеческой цивилизации на современном этапе, когда технологическое развитие значительно обогнало социальное, культурное и духовное развитие человечества. Как отмечает У. Бек, глобальные проблемы являются следствием нелинейных (трансграничных) процессов мирового развития.

В своей книге «Глобальные вопросы» К. Хайт и Дж. Зайтц подчеркивают, что глобальные проблемы качественно отличаются от международных и возникают из растущих международных взаимозависимостей, что придает им комплексный характер[33]. Современное общество характеризуется все более сложной системой взаимопроникающих и взаимосвязанных сил и факторов, которые приводят к дальнейшему сближению людей, культур, рынков, верований и практики.

[33] John L. Seitz, Kristen A. Hite, Global Issues: An Introduction, 4th Edition, New Haven, Wiley-Blackwell, 2011, p.75

Исторически исследования глобальных проблем выросли из документов, подготовленных ведущими мировыми учеными в середине XX века, в связи с критическим анализом угроз существования человечеству в силу научно-технического прогресса в военном деле, а также из большой совокупности исследований, проведенных представителями, как естественных наук, так и социальных наук по вопросам перспектив развития человечества. Среди тех, чьи идеи о глобальных проблемах человечества намного опередили свое время, нельзя не назвать выдающихся отечественных ученых К. Циолковского и Н. Тимофеева-Ресовского, В. Базарова-Руднева и В. Вернадского, А. Сахарова, Н. Моисеева, Н. Иноземцева и других. Описать тенденции глобального развития человеческого общества в своих моделях пытались С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, М. Фридман, Э. Гидденс и пр.

Современные научные школы имеют различные подходы к глобальным проблемам. В частности, Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Р. Хейлбронер, Р. Дюмон, О. Тоффлер и другие важнейшими проблемами полагают демографические, перенаселение планеты, истощение природных ресурсов, разрушение биобаланса и разнообразия и экологии. Я. Тинберген, В. Леонтьев, М. Месарович и другие одной из важнейших глобальных проблем обоснованно выделили проблему неравенства и экономического отставания ряда развивающихся государств. Первый президент Римского клуба А. Печчеи рассматривал в качестве глобальной проблемы необходимость преобразования сознания человека и его приспособления к внешней среде. Э. Ласло отмечает системный кризис, охватывающий весь мир, при этом из точки бифуркации возможен переход как к всеобщей катастрофе, так и новому прорыву человечества под руководством негосударственных международных организаций. Проблемы, связанные с зарождением информационного общества исследовали в своих работах американские ученые А. Тоффлер, Д. Белл, Дж. Фелпс, Г. Кан. Не все глобалисты придерживаются пессимистического взгляда на стоящие перед человечеством проблемы, согласно исследований ряда ученых (Х. Линненман, И. Кайа, И. Судзуки, Я. Тинберген, Э. Ласло, Д. Габор и др.), человечество может справиться с ограниченностью источников энергии, продуктов, минералов и т.п., так как они связаны со структурными диспропорциями. При этом, ряд исследований проведенных экспертами ОЭСР и ООН, содержит оптимистичный вывод о перспективах экономического роста.

Существует много попыток классификации глобальных проблем. Одна из классификаций разработана И. Фроловым и В. Загладиным и позволяет сгруппировать глобальные проблемы по проблематике.

Первую группу составляют проблемы предотвращения войны и сохранения мира, развития международного разделения труда и международного обмена. Вторая группа глобальных проблем касается экологии, обеспеченности энергией, топливом, сырьевыми ресурсами, пресной водой и т.д. Третья группа глобальных проблем связана с развитием человека и общества, проблемами здравоохранения, образования, культуры и демографии .

Наблюдается тесная связь между глобальными проблемами и глобализацией. В 2000 г. Международный валютный фонд (МВФ) выделил четыре основных аспекта глобализации: рост международной торговли, движение капитала и инвестиций, миграции и перемещения людей, а также распространение знаний. К острым глобальным проблемам, порожденным глобализацией, относят экологические проблемы, такие как глобальное потепление, трансграничное загрязнение воды и воздуха, а также истощение рыбных запасов океана.

От глобализации выиграли большинство участников, но растущая взаимосвязанность мировой экономики породила ряд проблем. Некоторые глобальные проблемы носят краткосрочный характер, такие как новая нормальность, связанная с длительным периодом нулевого роста, финансово-банковский кризис, высокая безработица и низкий уровень инвестиций, геоэкономическое противостояние. Некоторые краткосрочные глобальные проблемы, например, нефтяной шок 1970-х гг., навсегда изменили ситуацию на мировом рынке нефти. Другие глобальные проблемы носят долгосрочный характер и требуют стратегического подхода к поиску решений. Эти проблемы включают в себя глобальное неравенство и неравное экономическое развитие, глобальную бедность, истощение невозобновляемых ресурсов, истощение окружающей среды и глобальное потепление, а также системные проблемы, связанные с недостаточным регулированием финансовых рынков. В последнее время на передний план выступили глобальные проблемы, связанные со сверхбыстрым развитием технологического прогресса, и в частности с цифровой революцией.

Во взаимосвязанной мировой экономике глобальные факторы все больше определяют характеристики деятельности компаний. Конкурентоспособность фирм, являющаяся сложной динамической категорией, все больше зависит от способности фирмы приспособиться к динамически меняющейся внешней среде и приспособиться в частности к геоэкономическим реалиям и технологическим переменам. Конкурентные позиции компаний всегда определялись совокупностью присущих им динамических свойств и качеств, при этом активы,

да и прошлые достижения в наступающем периоде развития значат все меньше, в силу того, что ключевые конкурентные преимущества становятся все размытее и длятся меньше по времени.

Исследование: основная часть

К важным мировым глобальным проблемам, как правило, относят растущую глобальную нестабильность — как финансовую, так и политическую; растущее экономическое неравенство и сохранение нищеты застойного характера в отдельных географических регионах и отдельных странах; возникновение глубокого социально-экономического разрыва, обусловленного прежде всего технологически, между наиболее развитыми странами и остальным миром.

В настоящем исследовании автор предполагает остановиться на двух глобальных проблемах, существенно влияющих в настоящее время на деятельность всех экономических агентов на микроуровне. Речь идет о нарастающей геоэкономической нестабильности в условиях так называемой «новой нормальности» и глобальные проблемы, связанные с активным применением искусственного интеллекта, роботов и четвертой промышленной революцией.

Одной из глобальных проблем является нарастание геоэкономического и геополитического противостояния на фоне исчерпания возможностей извлечения сверхприбыли на основе существующих производительных сил.

Для компаний возрастают политические и геоэкономические риски. Характерными чертами современного состояния дел в мировой экономике являются приобретение глобализацией нового измерения, и кризис сложившихся подходов к глобальному управлению. Сложно формируется многополярный мир, в котором США оставаясь великой державой в экономическом и военно-политическом смысле, утрачивают основания для безраздельного господства и гегемонии как в мировой экономике, так и глобальной политике. ТНК выступают как главные участники и бенефициары глобализации, в формирующемся многополярном мире много реальных участников и национальные государства являются лишь некоторыми из них.

При этом американские ТНК в ряде секторов экономики теряют те доминирующие позиции, которые они занимали 50 или 40 лет назад. Динамичные перемены происходят в высокотехнологичном секторе, начинается новая волна перестройки крупнейших компаний и крупных поглощений. При этом ТНК большинства секторов экономики развитых стран испытывают натиск ТНК новых стран, особенно Китая и Индии. Если в 2005 г. приобретение китайской компанией Lenovo стратегиче-

ского центра хозяйствования IBM, занятого персональными компьютерами, было первым шагом на пути экспансии формирующихся китайских ТНК, то сегодня можно говорить о десятках крупнейших компаний Китая, Индии, России, Бразилии, вошедших в элиту ведущих компаний многих секторов экономики.

После глобального кризиса 2008–2009 гг., который так и не был до конца преодолен, на фоне возникновения так называемой новой нормальности, для решения мировых экономических проблем и глобального управления недостаточно форматов G7 или — G8, все больше значение приобретают обсуждения в рамках G20. На фоне падения роли экономики США, Евросоюза и Японии, значительно усиливаются экономические позиции Китая и Индии, невзирая на замедление темпов экономического развития.

Пробуксовка ВТО особенно заметна на фоне стремления США создать под своим лидерством крупнейшие метарегиональные группировки Транстихоокеанское партнерство и Трасантлантическое Партнерство. Свои интеграционные проекты Шелкового Пути и пояса шелкового Пути активно реализует Китай.

Деятельность крупнейших мировых компаний сейчас осуществляется в ситуации неопределенности и значительной волатильности на фоне уменьшения числа факторов роста и фактической стагнации при очевидной неэффективности политики количественного смягчения, реализуемой ведущими мировыми центробанками**.** Развитые страны проводят политику низких процентных ставок, которая дает минимальный эффект: рост ВВП в США, ЕС и Японии, по всем прогнозам, в этом году не превысит 2%. темп инфляции не превышает 2%, население и бизнес придерживаются сберегательной модели поведения, а чистая прибыль всех фирм за исключением сверхкрупных компаний снижается.

Политика дешевых денег, которую проводят центробанки развитых стран, не дает нужного эффекта. При этом растут долги, размер которых уже втрое превысил глобальный ВВП, а доходность по ценным бумагам и вкладам уходит в отрицательную зону. Одновременно с этим накачка рынка сверхдешевыми деньгами приводит к пузырям на финансовых рынках[34]. Нарушены фундаментальные подходы к инвестициям, например, за последние несколько недель произошел самый сильный структурный сдвиг в истории рынков: 30-дневная корреляция акций

[34] International Monetary Fund (IMF). 2015. «Where Are We Headed? Perspectives on Potential Output.» World Economic Outlook: Uneven Growth-Short-and Long-Term Factors (April): 70–110.

и облигаций достигла экстремальных значений[35]. При этом цены на финансовые активы растут, но оторваны от реальности, происходит формирование очередного финансового пузыря.

С 2008 г. центробанки мира 668 раз снижали процентные ставки, суммарный объем денежных вливаний с их стороны превысил 12 трлн долл. На середину 2016 г. ЦБ принадлежали финансовые активы на 25 трлн долл., что эквивалентно почти трети мирового ВВП[36].

Центральные банки мира не намерены отступать от политики количественного сдерживания, расширяя круг задействованных инструментов, в частности скупая корпоративные бонды. Так, за 17 месяцев проведения операций по количественному смягчению ЕЦБ уже потратил около 1 трлн евро, из них на начало сентября 2016 г. более 20,5 млрд евро было потрачено на скупку корпоративных бондов, в перспективе возможно увеличение суммы на эти цели до 600–700 млрд евро, как и покупка акций компаний[37]. Массовые количественные смягчения серьезно деформировали модель поведения инвесторов, разогрели сверх меры фондовый рынок и создали предпосылки для создания новых финансовых пузырей.

Для успеха компаний возрастает значение взаимодействия со своими правительствами и одновременно для успеха экономик и компаний той или иной страны возрастает значение экономической политики, реализуемой национальными правительствами.

Важной глобальной проблемой, влияющей на деятельность компаний, стали геоэкономические войны.

Нежелание Запада учитывать законные интересы России на постсоветском пространстве привело к тяжелейшему геополитическому и геоэкономическому кризису вокруг Украины. Введение антироссийских экономических санкций под различными предлогами является продолжением геоэкономической войны в интересах транснациональных компаний и банков развитых стран, прежде всего США.

США очень активно применяют геоэкономическое оружие. Достаточно вспомнить борьбу вокруг военных заказов Boeing и EADS и якобы имевшего место дотирования деятельности Airbus. Гигантские штрафы наложены на банки, сильно теснившие своих американских конку-

[35] Центробанки стали крупнейшими покупателями долга Ведомости.07 сентября 2016 г. http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/07/655988-tsentrobanki-dolga

[36] Мировые центробанки оказались в монетарном тупике.23 сентября 2016.http://www.vestifinance.ru/articles/75389/print

[37] Центробанки стали крупнейшими покупателями долга Ведомости.07 сентября 2016 г. http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/07/655988-tsentrobanki-dolga

рентов, в частности на английский HSBC и швейцарские UBS и Credit Suisse. Из последних событий следует упомянуть раздутие скандала «Дизельгейт» вокруг Фольксвагена, который может стоить этому германскому автопроизводителю до 50 млрд долл., и штрафы в размере более 15 млрд долл., начисленные Минфином США на ведущий банк Германии Deutsche Bank. При этом американскими администрациями предприняты все возможные меры давления и принуждения по защите от конкурентного расследования по уклонению от выплат налогов посредством использования налоговых лазеек и оффшорных центров таких компаний как Starbucks, Apple, Miscrosoft.

В основе этих процессов лежит понимание, как ведущими западными компаниями так и западными правительствами, того, что в глобальном мире успех в глобальной конкурентной борьбе зачастую достигается путем лоббирования интересов национальных компаний, защиты деятельности собственных ТНК от антимонопольных действий конкурентов, от установления выгодных собственным компаний стандартов и правил поведения на рынке.

В условиях обострившейся геоэкономической обстановки конкурентоспособность ведущих российских компаний во многом будет определяться тем, насколько удастся реализовывать программы частно-государственного партнерства и насколько эффективными будут меры государственной поддержки и защиты российского бизнеса.

Серьезными глобальными проблемами, непосредственно влияющими на конкурентные позиций компаний, являются социально-экономические и технологические последствия, связанные с активным применением искусственного интеллекта, роботами и 4-ой промышленной революцией. Такие инновационные технологии как Интернет вещей, обработка больших данных в «облаках», применение искусственного интеллекта и глубокого обучения, робототехника, трехмерная печать и другие аддитивные технологии наряду с широким спектром цифровых технологий, глобальный аутсорсинг радикально меняют современное промышленное производство. При этом в высокотехнологичном бизнесе жизненный цикл инноваций сокращается, произошла коммодизация компьютеров, ноутбуков, теперь смартфонов. Институт глобальных исследований McKinsy в результате исследования определил 12 наиболее перспективных технологий, которые в ближайшие годы приведут к переменам на мировых рынках. К этим передовым технологиям относятся мобильный интернет; интернет вещей; применение искусственного интеллекта для автоматизации офисного труда; автономные или почти автономные движущие средства (прототип та-

ких — электрическая самоуправляемая машина от Google); передовая геномика; облачные технологии; хранилища энергии; трехмерная печать; робототехника; материаловедение; новые методы добычи нефти и газа; возобновляемые источники энергии (солнце, ветер, вода и другие)[38]. Четвертая промышленная революция происходит сейчас. Ключевые технологии — это конвергенция промышленности и информационно-коммуникационных технологий, 3D принтеры. Широко развивается применение искусственного интеллекта, от автономного вождения автомобилей и беспилотников, до виртуальных помощников или программного обеспечения финтеха. Впечатляющий прогресс, достигнутый в разработках искусственного интеллекта в последние годы, обусловлен экспоненциальным ростом вычислительной мощности и наличием огромного количества данных, разработкой специального программного обеспечения, используемого для широкого спектра вопросов, от поиска новых лекарственных препаратов до разработки алгоритмов, используемых для прогнозирования наших культурных запросов.

Уменьшаются транзакционные издержки по производству мелкосерийной или уникальной продукции. Широко будут использоваться сетевая инфраструктура IT для прямого обмена информации между сенсорами датчиками, роботами, автоматизированными линиями и станками и программными продуктами с применением глубокого обучения и искусственного интеллекта. Промышленный Интернет, предполагающий прямую связь между умными продуктами «Интернета вещей» и умными машинами, которые их производят, будет означать, что машины смогут определять целевое производство в зависимости от нужд, определенных на основе полученных данных. Согласно прогноза Gartner, уже в 2020 г. в рамках Интернета вещей будет включено в сеть более 20,797 млрд единиц устройств и размер рынка в 2020 г. превысит 3,01 трлн долл.[39] Четвертая промышленная революция приведет к изменению бизнеса в четырех измерениях: ожиданиях и требованиях клиентов, совершенствовании товаров, совместных инновациях и организационных формах.

Динамичное развитие и более высокую норму прибыли по сравнению с другими секторами экономики демонстрируют компании, действу-

[38] Mapping Global Markets 2008 / McKinsey Global Institute. — 2008. — PP. 11–17. Режим доступа: http://www.mckinsey.com/mgi/publications/fifth_annual_report_Executive_Summary.asp и Global stock values top $50 trln: industry data//Reuters. — 2007. — 21st March

[39] http://www.gartner.com/newsroom/id/3165317

ющие в области информационно-коммуникационных технологий, опережая по темпам роста продукции, капитализации занятости прежних лидеров, например, автомобилестроительные фирмы. Важную роль играют новые крупные интернет-компании — Google, Facebook, Amazon, Twitter и различные облачные сервисы. Эти же компании возглавляют рейтинги по технологическому развитию и инновационной активности, добиваясь этого как за счет модели открытых инноваций, так и лидируя по числу и стоимости поглощений наиболее передовых компаний. Параллельно происходит изменение всей структуры экономики развитых стран, рынка рабочей силы, стратегии и бизнес-моделей крупнейших компаний, капитализации компаний и их операций на глобальных рынках.

Радикальные инновации подрывают конкурентоспособность фирм, связанную с природной рентой, ведут к сжатию традиционных рынков сбыта, как это произошло со сланцевым газом и с производством никеля. Для повышения конкурентоспособности российских фирм требуется радикальное стратегическое переосмысление топ-менеджерами моделей бизнеса, переход по возможности в новые наукоемкие сектора экономики, развитие экспорта перспективных товаров и услуг.

Российские компании пока отстают в секторе ИКТ и прорывных технологий, хотя в России сформировались свои высокотехнологичные высококонкурентоспособные компании, среди которых можно упомянуть компании сотовой связи, интернет-компании Яндекс, Мэйл.Ру а также Лабораторию Касперского. Kasperskyi Lab, Parallels и Acronis являются ведущими российскими экспортерами программного продукта. При этом экспорт программного обеспечения из России активно развивается, невзирая на геоэкономические войны, и в 2016 г. приблизился к 7 млрд долл. Высокую конкурентоспособность российских компаний сотовой связи подтверждает тот факт, что в России 57% домохозяйств имеют доступ к высокоскоростному Интернету, средняя скорость интернета в два раза превышает среднемировой показатель 3,8 Мбит; хорошо развита мобильная связь — в 2016 г. по статистике насчитывался 153 активный абонент на 100 человек населения, что существенно превосходит уровень как большинства развитых, так и развивающихся стран. Высокой конкурентоспособностью обладают небольшие и средние российские компании, связанные с мобильным Интернетом, Интернетом вещей, облачными вычислениями. Главный поисковик страны, Яндекс создал популярный сервис Яндекс-такси. Россияне также могут использовать Яндекс для платежа за различные услуги, например, парковку. Специалисты Яндекс по машинному обучению и анализу данных разрабатывают базирующиеся в «облаках» программы бизнес-аналитики для розничной

торговли, электронной коммерции, банковского и телекоммуникационного секторов. Разработчик программного обеспечения для машинного перевода ABBYY теперь специализируется на программном обеспечении быстро растущего сегмента оптического распознавания символов и сбора данных приложений. Компании, которые реализуют прорывные инновации, будут лидерами завтрашних рынков. При этом наиболее перспективные направления в экономике в ближайшее время будут связаны с роботизацией, с искусственным интеллектом, с наноматериалами. Те компании, которые займут ключевые позиции в этих сегментах рынка, будут глобальными лидерами в обозримом будущем.

Новые, перспективные, растущие рынки завтрашнего дня возникают в связи с разрушительными инновациями и задача российского государства и каждой российской компании, исследовав перспективы изменения рынков и потребления, под влиянием этих трендов искать и найти адекватные ответы относительно своей стратегии, образа и способа действий. Конкурентоспособность российских компаний будет определяться способностью адаптировать свою деятельность с учетом происходящих радикальных технологических изменений. Для повышения конкурентоспособности промышленных компаний гражданского сектора нужны федеральные целевые госпрограммы по развитию и широкому применению разработок в сфере роботизации, искусственному интеллекту, наноматериалам. Нужны налоговые льготы и каникулы, равно как нужно доступное суперльготное финансирование для тех реальных компаний, которые уже действуют в этих сегментах экономики и могут там появиться.

Результаты исследования

Геоэкономическое противостояние и радикальные технологические нововведения требуют активных совместных усилий государства и бизнеса по повышению эффективности компаний реального сектора экономики. Для повышения конкурентоспособности российских фирм требуется радикальное стратегическое переосмысление топ-менеджерами моделей бизнеса, переход в новые наукоемкие сектора экономики, развитие экспорта перспективных товаров и услуг.

Заключение

В число глобальных проблем вошли новые, среди которых по силе воздействия на деятельность фирм можно выделить геоэкономическое противостояние и радикальное технологическое обновление. Для конкурентоспособности компаний возрастает значение как взаимодействие с национальными государствами, так и способность динамически приспособиться к новым технологиям и бизнес-моделям. Росту

конкурентоспособности российских компаний будут способствовать различные мероприятия как на уровне фирм, так и с участием государства, в частности активизация работы Российского экспортного центра по продвижению промышленного экспорта, льготное финансирование экспорта готовой продукции, обновление оборудования экспортных производств, стратегическая перестройка всей деятельности .

Литература:

1. Abbas J. Ali, (2013) "Global economic challenges: the pressing and visible issues", Competitiveness Review: An International Business Journal, Vol. 23 Iss: 3, pp. 192–198.
2. Hite Kristen A., Seitz John L. Global Issues: An Introduction, 4th Edition, New Haven, Wiley-Blackwell, 2011, 304 p.
3. Feldkircher, M., Huber, F. and Moder, I. (2015), Towards a New Normal: How Different Paths of US Monetary Policy Affect the World Economy. Economic Notes, 44: 409–418. doi:10.1111/ecno.12041
4. International Monetary Fund (IMF). 2015. "Where Are We Headed? Perspectives on Potential Output." World Economic Outlook: Uneven Growth-Short- and Long-Term Factors (April): 70–110.
5. Krugman, P. 2014. "Four Observations on Secular Stagnation." In Secular Stagnation: Facts, Causes, and Cures, 61–8. Edited by C. Teulings and R. Baldwin. London: Centre for Economic Policy Research, VoxEU.org eBook.
6. Sirkin Harold L., James W. Hemerling, Arindam K. Bhattacharya, (2008) "Globality: challenger companies are radically redefining the competitive landscape", Strategy & Leadership, Vol. 36 Iss: 6, pp.36–41
7. Scholte Jan Aart, (2010) "Governing a more global world", Corporate Governance: The international journal of business in society, Vol. 10 Iss: 4, pp.459–474
8. Барановский В.Г., Богатуров А.Д., Дундич А.С. Современные глобальные проблемы.Московский государственный университет международных отношений, Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Москва, 2010.
9. Дынкин А.А., Войтоловский Ф.Г., Загладин Н.В., Косолапов Н.А., Рябов А.В., Афонцев С.А., Данилин И.В., Демидова Л.С., Михеев В.В., Жуков С.В., Загашвили В.С., Иванова Н.И., Кондратьев В.Б., Кузнецов А.В., Мачавариани Г.И., Миркин Я.М., Никитина Е.Н., Рылько Д.Н., Хесин Е.С., Вайнштейн Г.И. и др. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / Институт мировой экономики и международных отношений РАН; под редакцией А.А. Дынкина. Москва, 2011.
10. Конина Н.Ю. Глобальная производственная система как источник конкурентных преимуществ ТНК//Экономические науки. 2009. № 53. С. 356–362.

11. Конина Н. Ю. Конкурентоспособность фирмы в глобальном мире. М.: Проспект, 2012. — 368 с.
12. Конина Н. Ю. Реинжиниринг компаний ФРГ и их глобальная конкурентоспособность.// Проблемы теории и практики управления. 2000. № 4. С. 94–97.
13. Конина Н. Ю. Особенности функционирования транснациональных корпораций. // Маркетинг. 2008. № 4. С. 15–24.
14. Максимова М. Глобализация и внешнеэкономические связи в исследованиях ИМЭМО. Мировая экономика и международные отношения. 2007. №1. С. 96–106.
15. Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–29.
16. Мировые центробанки оказались в монетарном тупике. 23 сентября 2016. http://www.vestifinance.ru/articles/75389/print
17. Центробанки стали крупнейшими покупателями долга Ведомости.07 сентября 2016 г. http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/07/655988-tsentrobanki-dolga
18. Mapping Global Markets 2008 / McKinsey Global Institute. — 2008. — PP. 11–17. Режим доступа: http://www.mckinsey.com/mgi/publications/fifth_annual_report_Executive_Summary.asp и Global stock values top $50 trln: industry data// Reuters. — 2007. — 21st March

MODERN GLOBAL PROBLEMS AND COMPETITIVENESS OF RUSSIAN COMPANIES

Natalia Y. Konina

Abstract. *The subject of the study are new global problems associated with the slowdown of global development in the new normality and accelerating technological revolution. The new realities of the environment are changing the way companies are competing. Tomorrow the competitive position of Russian companies will be determined by the adaptation to the new realities of the global economy, revision of their business strategy, close cooperation with state to overcome the geo-economic war and capability to apply the latest technological disruptive innovations.*

Информация об авторе
Конина Наталия Юрьевна
д.экон.н., заведующая кафедрой Менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО МИД России. Эл.почта: nkonina777@gmail.com
Natalia Y. Konina
PhD in Economics, Head of Management, Marketing and Foreign Economic Operations Department, MGIMO University.
E-mail: nkonina777@gmail.com

РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Н. М. МАМЕДОВА

***Резюме**. В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями в отношениях между Россией и Ираном после заключения в 2015 г. Венского соглашения (СВПД). Отмена санкций в отношении Ирана, рост напряженности в отношениях между Россией и Западом оказали значительное влияние на состояние российско-иранского сотрудничества. Основное внимание в статье уделено тем проблемам, которые тормозят развитие экономических связей, а также перспективам их роста.*

***Ключевые слова:** Иран, Россия, санкции, торгово-экономическое сотрудничество, совместные проекты.*

Введение. Российско-иранское сотрудничество чрезвычайно актуально не только с точки зрения состояния и развития взаимных экономических связей, но также и с точки зрения их отражения на региональном и мировом уровне. Достаточно назвать такие примеры экономических связей России и Ирана как строительство АЭС в Иране, отправка в 2016 г. низкообогащенного урана из Ирана в Россию, которые являлись частью такой глобальной проблемы как ядерное соглашение с Ираном. Немаловажное значение для мирового сообщества имеют соглашения 2016 г. о строительстве в Иране новых АЭС, о военно-техническом сотрудничестве, об участии России в международных транспортных проектах, связанных с Ираном. Экономические связи России и Ирана с Сирией, с Афганистаном, со странами Каспийского региона, странами ШОС, странами АЕЭС также, безусловно, влияют на региональные проблемы, на возможности их решения.

Большинство работ, посвященных исследованию отношений между Россией и Ираном, как отечественных, так и зарубежных, включая работы иранских аналитиков, касается геополитическим аспектам российско-иранских связей, анализу государственных, дипломатических и военных контактов на двухстороннем уровне, в отношениях с ведущими странами мира, с соседними странами.

В данной статье основной акцент сделан на исследовании тех изменений, которые произошли в экономических отношениях Ирана и России в последние несколько лет, особенно после подписания в июле 2015 г. в Вене Соглашения, ставшего основой разрешения кризиса в отношениях Ирана с мировым сообществом из-за развития ядерной программы. Уже начавшиеся в конце 2013 г. переговоры Ирана с «шестеркой» (члены СБ ООН и Германия) показали интерес к иранскому рынку компаний разных стран, в том числе российских компаний.

Основная часть. Взаимные связи России и Ирана имеют давнюю историю. В отдельные периоды преобладали экономические интересы, в другие — политические, или даже военные (например, в период Второй мировой войны) интересы. Современный период отношений отмечен совпадением позиций по многим проблемам региональной и глобальной политики, что определило достаточно высокий уровень российско-иранских политических связей. Это стало одной из отличительных особенностей двухсторонних отношений, в которых в прошлое десятилетие политические отношения явно превалировали над нашими экономическими отношениями.

После установления в Иране исламской формы правления экономическое сотрудничество между странами практически прервалось,

Таблица 1
Объем торговли России с Ираном в 2010–2016 гг. (млн долл.)

год	экспорт	импорт	товарооборот	Отношение экспорта к импорту
1995	249	27	276	9,2
2000	633	53,6	686,6	11,8
2010	3378	272	3650	12,4
2011	3400	350	3750	9,7
2012	1900	430	2330	4,4
2013	1170	430	1600	2,7
2014	1327	355	1682	3,7
2015	1000	240	1240	4,2
2016*	1713	307	2020	3,5

*прогноз
Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации. http:/www.ved.gov.ru
http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4745/

и положительный сдвиг произошел после вывода советских войск из Афганистана и распада СССР, т. е в 90-е годы, когда обе страны начали активно осваивать рыночные методы хозяйствования.

Объемы, динамика и структура взаимного товарооборота. Для России иранское направление внешнеторговой деятельности является экономически выгодным. Во-первых, для России сальдо внешнеторгового оборота с Ираном было всегда положительным — и в начале налаживания наших торговых связей (в 1995 г. экспорт превышал импорт более чем в 9 раз, и в период резкого спада торговли, т.е. в 2013 г. — в 2,7 раза).

Рост российского экспорта и обеспечивал, главным образом, рост торговли между нашими странами (см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, с 1995 г. до 2000 г. торговля между Ираном и Россией была крайне незначительной по объемам, тем не менее, более чем вдвое выросла — с 0,3 до 0,7 млрд долл. Но уже за первое десятилетие 2000-х годов объем товарооборота увеличился в 5,3 раза, достигнув в 2011 г. 3,75 млрд долл. При этом российский экспорт превысил импорт почти в 10 раз. Этот объем торговли стал высшим в объемах взаимной торговли, хотя внешняя торговля с Ираном для России по общему объему не достигает и 1–2% ее внешней торговли. Для Ирана этот показатель только чуть выше, и Россия не входит до сих пор в число его главных импортеров и особенно экспортеров. Нельзя не заметить, что даже в шахский период, в расцвет нашего экономического сотрудничества, оборот торговли не превышал 600–650 млн долл.

К тому же после 2011 г. в результате новых санкций в отношении Ирана, главным образом, со стороны США и ЕС, экономические связи между Ираном и Россией стали резко сокращаться. Торговля сократилась в 2015 г. до 1,2 млрд долл. Сократился и импорт и экспорт, но сальдо для России осталось положительным, и экспорт превышал импорт более чем в 4 раза. Колебания в динамике товарооборота отчетливо видны на графике 1.

Во-вторых, главным для России были не объемы, а то, что в Иран Россия поставляла, в отличие от других стран, промышленные товары. Даже в 2014 г., когда Россия резко увеличила поставки в Иран зерна (40% российского экспорта), более половины ее экспорта составили промышленные товары. А ведь для России и для Ирана характерно преобладание в их экспорте топливных товаров. В России их доля в экспорте составляла в 2008 г. 73,1%, в 2013 г. — 71,4%. В Иране — аналогичная картина: в 2008 г. — 84,2%, в 2013 г. — 70,6%[40]. Попытки двух стран

[40] http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4745/ (время обращения — 5.12.2016)

График 1
Динамика торговли России с Ираном в 2010–2016 гг. (млн долл.)

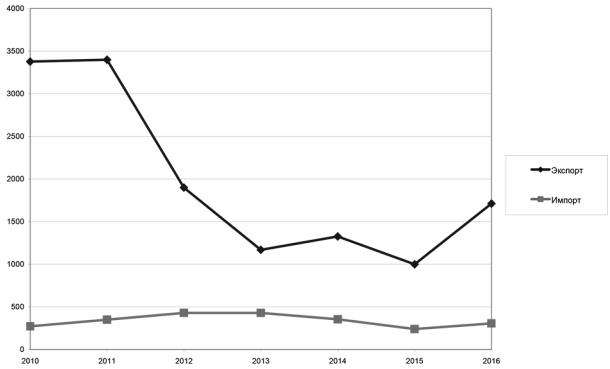
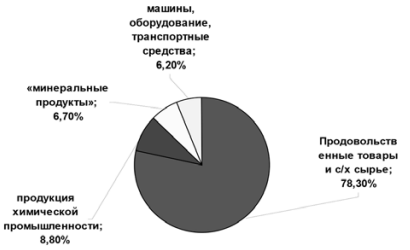


График 2
Товарная структура экспорта России в Иран, 2015 г.

Товарная структура экспорта Ирана в Россию, 2015 г.



изменить структуру экспорта в сторону увеличения доли ненефтяного экспорта пока не дали впечатляющих результатов. Иран сумел изменить общую структуру экспорта только в результате санкций в отношении импорта иранской нефти.

Товарную структуру российского экспорта в Иран и иранского экспорта в Россию, по данным Министерства экономического развития РФ, характеризует график 2.

Немаловажным было то, что росли объемы экономического сотрудничества, торговля услугами. В 1990-е годы во многом благодаря строительству Бушерской АЭС, экономическому сотрудничеству в области космоса, ВТС, — продержались «на плаву» атомная и оборонная промышленность России. В торговле услугами, главным образом, научно-техническими, баланс — также положительный в пользу России. Пусть в небольших объемах, но осуществлялся приток взаимных прямых инвестиций. В результате объем накопленных российских инвестиций в 2010–2011 гг. превышал 12,2 млн долл., иранских — 4,5 млн долл. Но после того, как в 2012–2013 гг. из Ирана вышли российские крупные компании, прирост российских инвестиций стал сокращаться, в 2014 г. сумма накопленных российских инвестиций даже несколько уменьшился (до 12,2 млн долл.), а объем накопленных иранских инвестиций в России увеличился до 17,5 млн долл.[41]

Объективно расширение экономических связей в первое десятилетие 2000-х годов и экономически и политически было выгодно и для самой России, и для ее стратегических партнеров — Армении и некоторых центральноазиатских стран. В это время начал ставиться вопрос о стратегическом партнерстве двух стран. Но достаточно тесное партнерство двух стран не достигло уровня стратегического, главным образом, из-за ужесточения санкционного режима в отношении Ирана. А присоединение России к международным санкциям против Ирана (а к ним присоединились все члены Совета безопасности ООН, включая Китай), Иран воспринял крайне болезненно, что отразилось и на экономических связях двух стран. Хотя при этом некоторые из политических сил в Иране (а политические связи с Ираном находились в то время на высоком уровне) осознавали, что при обсуждении набора санкций Россия стремилась минимизировать их. Да и потом, в работе «шестерки» по разрешению ядерного кризиса Россия заняла конструктивную в отношении Ирана позицию.

[41] http:/www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/e3628ae3–7eae-4e47–8967–12cbf6 9bb662|

Из-за санкционного режима в отношении Ирана, особенно со второй половины второго десятилетия, Россия оказалась в крайне сложном положении. Выгода от экономических связей с Ираном значительно уступала потерям от нарушения санкционного режима, особенно учитывая то, что основными акторами внешнеэкономических связей (и с российской, и с иранской стороны) были крупные компании — либо государственные, либо частные компании олигархического типа, тесно связанные с государством, в наибольшей степени подвергаемые санкционному контролю.

Заключение Венского соглашения (СВПД) в июле 2015 г. и начало его имплементации в январе 2016 г. объективно создали возможности для возобновления и расширения деятельности российских компаний на иранском рынке. Большое значение в изменении психологического климата в сторону сближения позиций и активизации экономического сотрудничества сыграла активизация политических связей. Пожалуй, не меньшую роль сыграла и поставка в Иран С-300, начавшаяся 18 февраля 2016 г. В 2010 г. контракт на поставку С-300 был разорван по инициативе России, что крайне негативно было воспринято в Иране, т.к. этот вид ракетно-зенитных комплексов не входил в перечень санкционных ограничений, наложенных СБ ООН и Иран расценил отказ России как результат давления на нее США и Израиля. В 2016 г. был заключен новый контракт и к лету весь комплекс был поставлен в новой модификации. После смягчения санкционного режима восстановился положительный рост иранской экономики, что повысило покупательные возможности Ирана. МВФ прогнозирует рост ВВП Ирана в 2016–17 гг. на уровне 4,5%, Всемирный банк — в 4,2% на 2016 г. и 4,6% — на 2017 год[42].

Рост экономического потенциала Ирана, безусловно, обуславливает интерес к иранскому рынку, хотя, как признают иранские государственные деятели — сторонники расширения связей с Россией, отраслей, конкурентоспособных с точки зрения мирового рынка, и в России и в Иране, немного[43].

Для России восстановление экономических связей Ирана с компаниями западных стран, особенно в сфере передовых технологий, может представить интерес в случае ужесточении санкции против

[42] https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/56754/president-upbeat-over-economic-prospects

[43] Gholamreza Shafei. Iranian pessimism towards Russia is one of the reasons hindering further economic cooperation. URL: http://iras.ir/iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hinderin (дата обращения — 6 декабря 2016).

самой России. Иран может стать поставщиком и промышленных и продовольственных товаров. Как показал опыт с временным ограничением импортных поставок продовольствия из Турции, именно иранские товары смогли в определенной мере компенсировать эти поставки. Был налажен импорт из Ирана овощей, фруктов, рыбной продукции. В декабре 2015 г. была принята дорожная карта развития российско-иранских отношений, в рамках которой должно быть подписано контрактов на сумму 30–40 миллиардов долларов. Предложенная Россией эта программа сотрудничества, а также создание российской стороной кредитной линии в пять миллиардов долларов и кредитной линии «Внешэкономбанка» в два миллиарда долларов для нужд Центрального банка Ирана стала позитивной мерой для еще большего стимулирования сотрудничества между торгово-экономическими объединениями обеих стран[44]. В Тегеране в декабре 2016 г. прошла 13-я сессия Постоянной межправительственной комиссии по сотрудничеству, которая завершилась подписанием девяти меморандумов о взаимопонимании в области экономики, транспорта, содействия развитию торговли, банковского дела и газа[45]. Переговоры в течение 2016 г. выявили готовность Ирана закупить российских вооружений на 10 млрд долл.[46] Хотя вряд ли эти цифры можно расценивать как реальные, т.к. по бюджету на 2017 г. на закупку вооружений из бюджета выделено менее 1 млрд долл., хотя в эту сумму не входят бюджетные затраты на КСИР и армию[47]. В связи с этими программами обе стороны вновь стали говорить о необходимости повысить степень взаимосвязей до уровня стратегических отношений. Хотя экономические связи начали стремительно активизироваться, препятствий для их развития достаточно много.

Каковы риски для России и для расширения экономических связей двух стран в настоящее время? Согласно мнению большинства экспертов — российских и зарубежных, их можно разделить на экономические и геополитические.

---

[44] http://inosmi.ru/politic/20160115/235062543.html

[45] https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/56835/iran-russia-trade-obstacles-reviewed

[46] Хоссейни С.Я. Доклад «Политическая нестабильность в ближневосточном регионе как фактор развития военно-технического сотрудничества РФ и Ирана» — на конференции «Мусульманский Восток на исторических рубежах России». ИВРАН. 12, 14декабря 2016.

[47] https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/56754/president-upbeat-over-economic-prospects

К экономическим ограничителям следует отнести:

— низкие цены на нефть, экспорт которой обеспечивает основные валютные поступления и для Ирана и для России,
— сохранение санкций в отношении Ирана, особенно энергетических санкций США (Так, США 16.11.16 г. продлили санкции 1996 г еще на 10 лет),
— изменившиеся отношения России с Западом и вводимые санкции в отношении России. ЕС ввел санкции в июле, а затем более жесткие в сентябре 2014 г., которые продлены.

В эту же группу следует включить ориентацию на экспорт нефти и газа, что делает обе страны объективными конкурентами на рынке энергоресурсов. И это действительно так. Но это нужно считать за аксиому в наших отношениях, и строить эти отношения, пытаясь использовать этот фактор для их развития. Например: согласовывая маршруты вывода на рынки энергоресурсов, используя опыт каждой из стран в добыче и переработке, участвуя в совместных проектах по освоению ресурсов и выводе их на рынки.

К этому виду рисков следует отнести заметные в последние годы акценты в экономической политике и Ирана и России на внешнеторговый протекционизм и импортзамещение.

К ограничителям политического и геополитического характера следует отнести, на наш взгляд, сохраняющиеся сложные отношения с ведущими игроками мирового рынка у Ирана и у России, вовлеченность Ирана в региональные конфликты, в шиитско-суннитские противоречия. Западные эксперты не исключают и возможность в отношении Ирана военного вмешательства со стороны некоторых государств[48], что Россия не может не учитывать.

К этой группе рисков можно отнести и особенности самого характера правления в Иране, которые влияют на формирование делового климата в Иране — исламские нормы работы финансовой системы, разные условия деятельности для различных форм предпринимательства, например, более льготный режим для исламских фондов, являющихся крупнейшими коммерческими холдингами. Хотя исламские формы деятельности предприятий, банков и т.п. фактически являются формальными, и в Иране, особенно после снятия международных санкций, все более очевидна тенденция к экономической либерализации, модернизации экономической структуры в сторону вестернизации, наличие этих исламских норм необходимо учитывать, как и возможное их

[48] Iran Weekly Brief. Atien Group.22 February 2016 Risk Factors to Consider. P. 1.

«возрождение» при изменениях политического климата. Нужно иметь в виду, что при сохранении исламской системы правления внутри нее идет постоянная борьба между различными политическими группировками, которая отражается и на формировании экономического климата, в том числе на внешнеэкономических связях. Особенно нужно учитывать сохраняющееся экономическое влияние КСИР, в первую очередь его компании «Хатам аль-Анбия», которая является крупнейшим инвестором в стране и фактически не подконтрольна правительству, а ее деятельность не подлежит аудиту.

Перспективы сотрудничества

В данный исторический период Иран активно ищет выхода из экономического кризиса, стремясь использовать для этого связи и с Европой, и с Азией, и с Россией.

Динамика политических и экономических российско-иранских связей в последние два года — положительная. Сколько-нибудь серьезных разногласий — и политических, и экономических, у России и Ирана нет, как нет и противоречий в оценке геополитической ситуации в регионе.

Развитие торговых и научно технических связей необходимо развивать в рамках двухсторонних отношений, а также в формате региональных организаций, особенно ШОС, ЕАЭС.

Совершенно очевидно, что Иран без санкций, но стремящийся сохранить самостоятельность в проведении своей экономической и внешней политики, может представить интерес для ЕАЭС, и как выгодный экономический партнер, и как своеобразный буфер в отношениях России с Западом. Участие в ЕАЭС для Ирана тоже выгодно и экономически и политически[49]. И ЕАЭС и Россию Иран тоже рассматривает в качестве и экономических партнеров, и в качестве своеобразного давления на западных партнеров, особенно в свете продолжающих сохраняться американских санкций.

Перспективным направлением остается все более расширяющееся сотрудничество между отдельными регионами России и Ирана. Помимо традиционных связей иранских компаний с мусульманскими регионами России, все чаще устанавливаются связи между отдельными останами (провинциями) Ирана и административными единицами России. И Иран и Россия организовали несколько СЭЗ, довольно активно совместный бизнес действует в «Алабуге» (Татарстан).

[49] Н.М. Мамедова. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века :основные тенденции и перспективы. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М. ИВ РАН. 2016, с. 214.

Перспективным для России остается рынок по строительству АЭС. 11 ноября 2014 г. был подписан контракт на сооружение новых энергоблоков АЭС. Иран заинтересован в возобновлении научно-технического сотрудничества в области космоса.

Велика вероятность участия наших компаний в традиционных отраслях сотрудничества — в строительстве и модернизации железных дорог Ирана, в строительстве электростанций, особенно в связи с выделением кредита в 2,5 млрд евро на эти инфраструктурные проекты (в т.ч. для модернизации железной дороги Гармсар — Инчебурун).

Перспективны возможности сотрудничества в сфере инновационного развития, научно-технического сотрудничества и пр. Так, в мае 2016 г. в Тегеране было подписано соглашение о сотрудничестве российской АНО «Наносертифика» и Центра развития нанотехнологий Ирана. 1июня 2016 г. принято решение о создании совместного инвестиционного фонда между Ираном и «Роснано», идет формирование правовой основы и перечня совместных проектов.

Иран и Россия приняли решение о использовании национальных валют для взаимных расчетов, что в связи с использованием подобной формы в отношениях Ирана с Индией и Турцией, объективно будет стимулировать торговлю между этими странами, создавая тем самым определенную защиту от возможного введения финансовых санкций.

Как упоминалось выше, в Тегеране в конце 2016 г. прошла 13-я сессия Постоянной межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которая подтвердила решимость развивать это сотрудничество в разных сферах.

Заключение. Таким образом, Россия и Иран на новом этапе отношений, связанных с изменением их отношений с мировым сообществом, и политически и экономически заинтересованы в интенсификации экономического сотрудничества. Заключенные в 2015–2016 гг. соглашения, меры по облегчению тарифного режима, совершенствованию логистических схем доставки товаров, облегчению визового режима и т.д., — отчетливо свидетельствуют о перспективах роста взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества. При этом, стороны признали, что для реализации намеченных целей каждая из стран должна сблизить правовые основы привлечения и защиты иностранного капитала, активизировать участие российских и иранских участников в национальных зонах свободной торговли, создать специальную зону свободной торговли между Россией и Ираном, расширить участие во внешнеторговом обмене малого и среднего бизнеса, более активно участвовать в региональных организациях и региональных проектах.

Для России и Ирана наиболее перспективным является возобновление работ по обустройству МТК «Север-Юг», которые фактически были заморожены из-за санкционного режима в отношении Ирана. Этот транспортный коридор, становится весьма актуальным и для Ирана, так как он смыкается в Бендер-Аббасе с проектом Нового шелкового пути, в значительной мере финансируемым Китаем, и для России, для которой участие в проекте позволит сохранить и упрочить экономические позиции в регионе. Россия заинтересована в присоединении Ирана к ЕАЭС, в том числе и через создаваемую Ираном и Арменией свободную экономическую зону. В условиях сохраняющейся неопределенности отношений с Западом, Иран и Россию и ЭАЭС рассматривает не только в качестве экономических партнеров, но и в качестве своеобразного давления на западных партнеров. Перспективы развития взаимного экономического сотрудничества будут зависеть и от геополитических факторов. Нельзя не учитывать также влияния возможных изменений в соотношении политических сил в Иране, особенно после ухода из жизни в январе 2017 г. Али Акбара Хашеми Рафсанджани, во многом способствовавшего на президентских выборах в 2013 г. победе Хасана Роухани, сторонникам которого удалось добиться подписания Венского соглашения и улучшения отношений Ирана с мировым сообществом. В случае прихода к власти в Иране радикальных группировок духовенства укрепление экономических связей России с Ираном до уровня стратегического партнерства может осложнить отношения мирового сообщества не только с Ираном, но и с Россией.

Литература

1. Мамедова Н. М. Экономическое развитие Ирана во втором десятилетии XXI века :основные тенденции и перспективы. Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М. ИВ РАН. 2016.
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. http://www.ved.gov.ru, http://www.rusexporter.com/research/country/detail/4745/
3. Хоссейни С. Я. Доклад «Политическая нестабильность в ближневосточном регионе как фактор развития военно-технического сотрудничества РФ и Ирана» — на конференции «Мусульманский Восток на исторических рубежах России». ИВРАН. 12, 14декабря 2016.
4. Gholamreza Shafei. Iranian pessimism towards Russia is one of the reasons hindering further economic cooperation.
5. URL: http://iras.ir/iras.iren/doc/interview/1190/gholamreza-shafei-iranian-pessimism-towards-russia-is-one-of-the-reasons-hinderin (дата обращения — 6 декабря 2016).

6. Iran Weekly Brief. Atien Group.22 February 2016 Risk Factors to Consider.
7. inosmi.ru
8. Financial Tribune. Iranian Economic Daily. https://financialtribune.com

RUSSIAN-IRANIAN ECONOMIC TIES IN THE NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS.

Nina M. Mamedova

Abstract. *The article deals with issues related to the changes in the relations between Russia and Iran after the conclusion in 2015 Vienna Agreement (Joint Comprehensive Plan of Action). Lifting of sanctions against Iran, increasing tension in relations between Russia and the West have had a significant impact on the state of Russian-Iranian cooperation. The main attention is paid to the problems that hamper the development of economic relations and their prospects for growth.*

Keywords: *Iran, Russia, sanctions, economic and trade cooperation, joint projects.*

Информация об авторе
Мамедова Н. М.
К.э.н., ведущий научный сотрудник, зав. сектором Ирана ИВ РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ
Эл.почта: mamedovan@mail.ru
Nina M. Mamedova
Ph. D. Economics, Chief Researcher Fellow, Head of Iran Deptt., Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, assjsiate professor Department of Global Economy MGIMO
E-mail: mamedovan@mail.ru

РЕСУРС КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОРЫВА РОССИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СФЕРУ

Н. Л. ОРЛОВА

Аннотация: *Автором рассматривается категория «ресурс» через призму мировых воспроизводственных процессов. Обоснована позиция, по которой ресурс становится центральным звеном международных воспроизводственных цепей и выступает основным фактором усиления конкурентных позиций стран в современной мировой экономике. Приведены методика и расчет уровня ресурсопотенциала объекта, определен контур ресурсного прогнозирования будущего, выявлены новые направления развития конкурентоспособности России в современной мировой экономике с позиций ресурсного моделирования.*

Ключевые слова: *ресурс, ресурсные блоки воспроизводственной цепочки добавленной стоимости, уровень ресурсопотенциала, культурологичекий ресурс, цивилизационный ресурс, инновационный ресурс.*

Введение. Вызовы глобализации требуют переосмысления сложившихся институциональных и экономических представлений. На мировом хозяйственном ландшафте появляются новые ареалы экономического роста, для которых характерен новый тип взаимоотношений друг с другом и мировой системой в целом. Для реализации глобальных инновационных проектов востребован широкий спектр ресурсов практически со всех регионов мира. На этом фоне участники мировых воспроизводственных цепей, тяготеющие к их ресурсному звену выходят на новый уровень в борьбе за долю мирового дохода от функционирования интернационализированных воспроизводственных систем.

Теоретические основания исследования. Основные положения научных трудов российских и зарубежных авторов по проблемам глобализации экономических систем, функционирования международных экономических отношений, внешнеэкономических связей на региональном и глобальном уровнях, диверсификации экспортных ресурсов, а также справочные издания международных организаций

послужили основой для данного исследования. Анализ публикаций позволяет заключить, что категория «ресурс» в современном понимании приспособлена для сугубо прагматичных целей и ограничена в основном расчетно-вычислительным представлением. Исходя из этого, предлагается следующее определение, которое не только включает с себя количественные параметры в оценке ресурсов, но и по-новому раскрывает их качественную сторону с позиций геоэкономики.

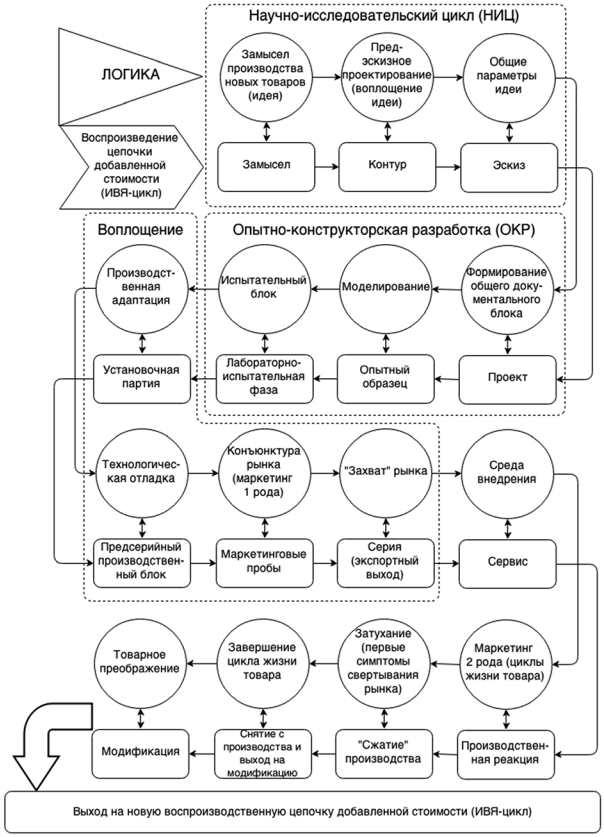
Ресурс (Resource) — 1) совокупность средств и их источников, предопределяющих реальную реализацию моделей стратегического развития; 2) потенциал, способный к задействованию при решении как среднесрочных, так и долговременных задач и доктрин выхода на новый уровень взаимодействия с внешним миром; 3) компонент, формирующий внутреннюю политику по преобразованию сложившегося уклада и продвижения к новым равновесным позициям в развитии национальных систем.

Исследование: основная часть. Задумываясь об эффективности оперирования ресурсами в геоэкономическом пространстве следует выделить две проблемы, требующие своего решения. Во-первых, речь идет о поиске необходимых ресурсов и задействовании их в воспроизводственный оборот. Во-вторых, следует иметь четкое представление о том, как распорядиться этими ресурсами при выходе на оперирование в геоэкономическом пространстве с целью прорыва национальной экономики к мировому доходу. Общий контур этой технологии состоит в следующем: а) эффективное использования какого-либо ресурса всегда сопровождается целым шлейфом аналогичных или сопутствующих ресурсов; б) любой вовлеченный в геоэкономическое пространство ресурс, самим этим фактом демонстрирует свою востребованность и дает общий импульс к быстрому инновационному преображению источника этого ресурса; в) ресурс, нашедший свое место в геоэкономическом пространстве, уже своим появлением в нем открывает новые сферы своего применения, так как попадает по внимание широкого круга субъектов мирообщения. В этом случае он свободно проникает во многое отрасли и производственные сферы; г) своевременное прогнозирование конъюнктуры и момента схода ресурса с мировой хозяйственной арены дает возможность без прерывания воспроизводственного цикла модернизировать ресурс в соответствии с возросшим инновационно-технологическим уровнем воспроизводственного цикла. Не должны оставаться без внимания и возможные риски на этом пути, в связи с тем, что инновационная компонента во многих сферах несет обратный стратегический эффект. Представляется, что снятие

этого противоречия лежит на пути геоэкономического подхода к ресурсной составляющей воспроизводственных цепочек добавленной стоимости.

Методология. Ресурсные связи в современной мировой экономике преобразовались в подпространственную форму глобализационной системы, методом познания которой стал геогенезис — «объемно-пространственная методология осознания, восприятия и отображения (интерпретации) мира» [Кочетов, 2015, с. 34]. Этот метод сформировался одновременно с объектом своего изучения — глобалистикой и ее центральным звеном геоэкономикой. Представляется целесообразным

Рис. 1. Логика и интерпретация воспроизводственных цепочек добавленной стоимости



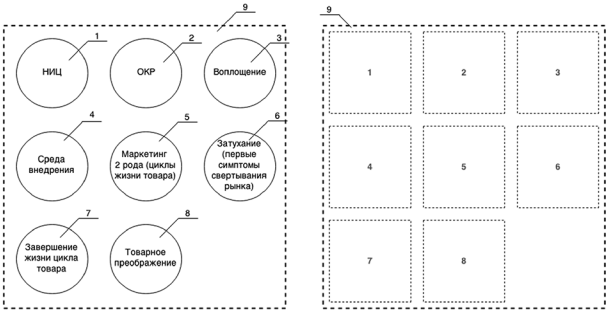
рассмотреть проблему инновационного прорыва России в мировую экономическую сферу через призму ресурсного моделирования. Ресурсные блоки мировых воспроизводственных циклов будут рассмотрены через геоэкономическую призму.

Процедура исследования. Конкурентные преимущества экономик интеграционных группировок, отдельных стран, отраслей в современной мировой экономике в существенной мере зависят от результатов функционирования всей цепочки накопления стоимости, представленной на рисунке 1, а не только от ее производственного звена.

«Воспроизводственные цепочки добавленной стоимости (ВЦДС), трансформируясь и преображаясь под воздействием целей отдельных проектов, привлекают целую гамму ресурсов» [Орлова, 2015, с. 52]. При этом важно отметить наличие «среды», состоящей из мировых финансовых и валютно-кредитных сфер, миграционных потоков, рынков информационных услуг, технологий и пр. Одним из важнейших параметров геоэкономической среды является ее сетевая структура. В течение

Рис. 2а. Интерпретация геоэкономического пространства (ресурсная составляющая)

Рис. 2б. Интерпретация геоэкономического пространства (анализ)



1 — НИЦ: замысел производства новых товаров (идея), предэскизное проектирование (воплощение идеи), общие параметры идеи,

2 — ОКР: формирование общего документального блока, моделирование, испытательный блок,

3 — воплощение: производственная адаптация, технологическая отладка, конъюнктура рынка, «захват рынка,

4, 5, 6, 7, 8 — смысловые логические блоки воспроизводственной цепи,

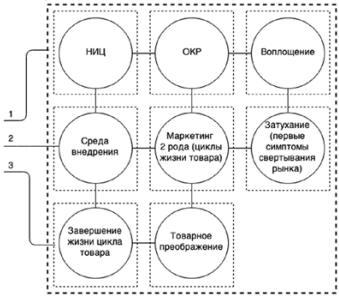
9 — среда функционирования воспроизводственных цепочек добавленной стоимости (ВЦДС).

последних десятилетий «…развитие мировых высокотехнологичных промышленных комплексов опирается на современную кластерно-сетевую организацию инновационного типа. Россия примеривает на себя эту передовую модель. Сеть есть система соединенных и взаимосвязанных узлов. Сети имеют исключительные преимущества как инструмент организации благодаря присущей им высокой гибкости и адаптивной способности — решающим свойствам, позволяющим выжить и преуспеть в быстро меняющемся мире» [Сапир, 2011].

Ресурсные блоки среды вступают в тесное взаимодействие системными ресурсными блоками ВЦДС через систему прямых и обратных связей (см. рис 2а, 2б, 3).

Важным является определение круга ресурсов для реализации цепочек. Ресурсный анализ и синтез ВЦДС позволяет проводить ранжирование ресурсов по степени их значимости как на отдельных звеньях, так и в целом.

Рис. 3. Ресурсная интерпретация (синтез) воспроизводственных цепочек добавленной стоимости (ресурсные блоки в геоэкономическом измерении)



1 — среда функционирования воспроизводственных цепочек;
2 — звено воспроизводственного цикла;
3 — ресурсный блок.

Распространение и эффективное функционирование ВЦДС ведет к росту заключаемых региональных торговых соглашений, что позволяет дать ответ вызовам глобализации.

Попытка создания инструментария для описания модели ресурсной среды была предпринята в научной монографии «Ресурс: Новое прочтение и геоэкономическое измерение экспортного потенциала». На примере сырьевого ресурса были рассмотрены показатели ресурсоконкурентоспособности и ресурсообеспеченности, с помощью кото-

рых можно оценить товарные потоки[50]. Данные показатели относятся к, так называемой, категории относительных показателей структуры. Они представляют собой отношение размеров части и целого. Помимо относительных показателей структуры выделяют относительные показатели интенсивности, относительные показатели сравнения и относительные показатели динамики.

Одним из таких показателей может быть уровень ресурсопотенциала. В общем случае уровень ресурсопотенциала рассчитывается как отношение расчетного количества резерва ресурса к количеству использованного ресурса за определенный промежуток времени. Наиболее наглядно уровень ресурсопотенциала описывает сырьевой ресурс. Под расчетным количеством ресурса здесь понимается доказанный резерв запасов, а под количеством использованного ресурса — ресурс произведенный (добытый).

Под объектом, описываемым уровнем ресурсопотенциала выступает рыночная среда или географический сегмент разного уровня. Им может быть как отдельная страна или ее регион, так и региональная интеграционная система или укрупненный регион (континент, часть света).

Уровень ресурсопотенциала объекта может быть представлен в виде формулы:

$$k_{RP} = \frac{R_i^R}{R_i^P}, \quad (1)$$

где k_{RP} — уровень ресурсопотенциала отдельного объекта системы (страны),

R^R_i — доказанный резерв запасов,

R^P_i — произведенный (добытый) ресурс за определенный период времени.

Экономическая сущность показателя уровня ресурсопотенциала в фиксированной временной точке заключается в определении временного периода в течении которого объект (страна) будет располагать имеющимся в запасе ресурсом. Как правило, базисным периодом считается год. Соответственно, рассчитывая уровень ресурсопотенциала, определяется количество лет, в течение которого объект будет распо-

[50] См. подробнее: Орлова Н.Л. Ресурс: Новое прочтение и геоэкономическое измерение экспортного потенциала. Научная монография / Под общ. науч. ред. д.э.н. Кочетова Э.Г. / Н.Л. Орлова. — М.: «Дашков и К», 2016.

лагать (страна обеспечена) ресурсом при условном стабильном уровне производства (добычи) и неизменным доказанным резервом. Уровень ресурсопотенциала применяется в анализе как сравнительный показатель. Сравнение уровней ресурсопотенциала нескольких объектов иллюстрирует степень их обеспеченность ресурсами относительно друг друга. То есть, чем выше уровень ресурсопотенциала объекта, тем выше его обеспеченность ресурсами на перспективу. В качестве

Таблица 1
Расчет уровня ресурсопотенциала никеля по состоянию на 2015 год

Страны	Резервы (в тоннах)	Добыча (в тоннах)	Уровень ресурсо-потенциала	Ранг по		
				резерву	добыче	уровню ресурсо-потенциала
Куба	5 500 000	57 000	96,5	5	10	1
Бразилия	10 000 000	110 000	90,9	2	7	2
Австралия	19 000 000	234 000	81,2	1	4	3
ЮАР	3 700 000	53 000	69,8	7	11	4
Новая Каледония	8 400 000	190 000	44,2	3	5	5
Гватемала	1 800 000	50 000	36,0	11	12	6
Россия	7 900 000	240 000	32,9	4	2	7
Мадагаскар	1 600 000	49 000	32,7	12	13	8
Китай	3 000 000	102 000	29,4	9	8	9
Индонезия	4 500 000	170 000	26,5	6	6	10
Колумбия	1 100 000	73 000	15,1	13	9	11
Канада	2 900 000	240 000	12,1	10	2	12
Филиппины	3 100 000	530 000	5,8	8	1	13
Прочие страны	6 500 000	410 000	—	—	—	—
Весь мир	79 000 000	2 508 000	31,5	—	—	—

Источник: Расчеты по данным Mineral Commodity Summaries 2016, U.S. Geological Survey. URL: http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2016/mcs2016.pdf — p. 115.

примера рассмотрим расчет уровня ресурсопотенциала стран-лидеров в добычи никеля, приведенный в таблице 1.

Как видно из таблицы 1 лидером по уровню ресурсопотенциала является Куба, которая поддерживает относительно низкий уровень добычи никеля при средней величине резерва. В первую очередь это вызвано недостаточной развитостью экономики страны в силу, применявшихся к ней длительное время санкций, отсутствием инвестиций как внутренних, так и внешних. Уровень ресурсопотенциала Кубы по никелю свидетельствует о том, что при сохранении политики в отношении добычи ресурса, а также, при прочих равных условиях, запасов никеля Кубе хватит на 96 лет. Высокий уровень ресурсопотенциала и у лидера по резервам — Австралии. А вот, у находящейся на третьем месте по объему располагаемых резервов Новой Каледонии уровень ресурсопотенциала значительно ниже, что вкупе с другими общими характеристиками страны свидетельствует о моноресурсном типе ее экономики. Сравнительное исследование динамического ряда уровня ресурсопотенциала позволяет определить изменяющиеся позиции страны по обеспеченности ресурсами. Сравнительный и динамический анализ в совокупности дает почву для разработки и принятия государственных решений, направленных на поддержание положительных

Таблица 2
Расчет уровня ресурсопотенциала России по никелю за 2006–2015 годы

Годы	Резервы (в тоннах)	Добыча (в тоннах)	Уровень ресурсопотенциала
2006	6 600 000	320 000	20,6
2007	6 600 000	322 000	20,5
2008	6 600 000	276 000	23,9
2009	6 600 000	266 000	24,8
2010	6 000 000	265 000	22,6
2011	6 000 000	280 000	21,4
2012	6 100 000	270 000	22,6
2013	6 100 000	250 000	24,4
2014	7 900 000	260 000	30,4
2015	7 900 000	240 000	32,9

Источник: Расчеты по данным U.S. Geological Survey. URL: http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/copper/index.html#mcs

тенденций в обеспеченности ресурсами и исправление тенденций отрицательных.

На примере Российской Федерации рассмотрим динамическое изменение уровня ресурсопотенциала никеля за последние 10 лет в таблице 2.

Из таблицы следует, что уровень потенциала России по никелю резко вырос три года назад в связи с увеличением доказанных резервов, и из-за относительно стабильного уровня добычи последние годы колеблется в районе 30 лет.

Для перспективного анализа следует сделать корректировку показателей, используемых при расчете уровня ресурсопотенциала на ожидаемые темпы роста (падения). Вносимые в формулу показатели будут корректироваться на темпы их роста (падения).

$$k_{RP} = \frac{t_r \times R_i^R}{t_p \times R_i^P}, \quad (2)$$

где t_r — коэффициент темпа роста (падения) в значении доказанных резервов,

t_p — коэффициент темпа роста (падения) в производстве (добыче) ресурса.

Для целей сопоставимости показателей в формулах используются натуральные измерители.

Как правило, сырьевой ресурс считается невозобновляемым и ему присуща исчерпаемость. Происходящая постоянная добыча в таком случае очевидно приводит к уменьшению резервов. Поэтому наиболее вероятным трендом показателя доказанных резервов кажется его снижение (то есть, коэффициент <1). Однако практически невозобновляемость ресурсов заставляет промышленные субъекты искать новые месторождения, обнаруживать дополнительные запасы в разрабатываемых месторождениях. Применение новых технологий геологоразведки, также, дает прирост в доказанных резервах.

Имея несколько показателей уровня ресурсопотенциала можно построить динамический ряд, с помощью которого анализируются показатели по времени.

Каждый динамический ряд можно рассматривать как некую совокупность нескольких (*n*) меняющихся во времени показателей, которые можно обобщить в виде средних величин. Такие обобщенные (средние) показатели особенно необходимы при сравнении динамики изменений того или иного показателя ВЭД в разные периоды, в разных странах и т.д.

Динамический ряд показателя уровня ресурсопотенциала представляется равномерным моментным. Соответственно при определении среднего уровня ряда применяется средняя хронологическая простая.

$$\overline{k_{RP}} = \frac{\frac{k_{RP1}}{2} + k_{RP2} + k_{RP3} + \ldots + k_{RP(n-1)} + \frac{k_{RPn}}{2}}{n-1} = \frac{\frac{k_{RP1} + k_{RPn}}{2} + \sum_{i=2}^{n-1} k_{RPi}}{n-1}, \quad (3)$$

На основании расчетов, проведенных в таблице 2 средний уровень динамического ряда уровня ресурсопотенциала России по никелю за последние 10 лет составит 24 года.

Раскрывая сущность показателей оценки товарных потоков следует прокомментировать термин «ресурсное проклятие», прочно вошедший в научный лексикон экономистов с середины 90-х годов прошлого века. Ресурсным проклятием называется прослеживающаяся тенденция, при которой страны, обладающие значительными запасами природных ресурсов, отстают в своем экономическом развитии от стран с незначительными их запасами или с запасами, которые отсутствуют вовсе. В более узком смысле — это обратная зависимость размеров природных богатств страны и темпов роста ее экономики. Попробуем ответить на вопрос: так ли страшно это «проклятие»? И стоит ли увязывать это понятие с ситуацией в России? Практика мирового развития показывает, что многие ныне, считающиеся развитыми экономики успешно прошли путь от экономики сырьевой до экономики с преобладающим высокотехнологическим производством обрабатывающей и инновационной промышленности.

Агентство 24/7 Wall St. в 2012 году опубликовало результаты исследования в котором был сформирован список из 10 самых богатых природными ресурсами стран. Основные показатели сгруппированы в таблице 3.

В результате сравнения размеров валового внутреннего продукта (ВВП) указанных в таблице 3 стран, а также темпов роста их ВВП, следует отметить, что связь между общими природными богатствами с вышеуказанными показателями не прослеживается.

Если же говорить о ресурсном проклятии, то следует уточнить, что речь идет о, так называемом, *моноресурсном* проклятии. Например, к странам, имеющим наибольший удельный вес в мировых запасах ресурсов (медь, алмазы, железная руда, никель, газ, нефть, алюминиевое сырье) к началу 2015 года относятся: Австралия, Ботсвана, Бразилия, Венесуэла, Иран, Китай, Новая Каледония, Россия, Саудовская Аравия, Чили. Вместе с тем, для понимания «сырьевого проклятия» важен факт преобладания сырьевых товаров в экспорте той или иной страны. На-

Таблица 3
Десять стран с самыми богатыми природными ресурсами
(оценка запасов в трлн долл. США)

Место	Страна	Общая стоимость ресурсов	Запасы нефти	Запасы природного газа	Запасы древесины
1	Россия	75,7	7,08	19,0	28,4
2	США	45,0	Не в топ 10	3,1	10,9
3	Саудовская Аравия	34,4	31,5	2,9	Не в топ 10
4	Канада	33,2	21,0	Не в топ 10	11,3
5	Иран	27,3	16,1	11,2	Не в топ 10
6	Китай	23,0	Не в топ 10	Не в топ 10	6,5
7	Бразилия	21,8	Не в топ 10	Не в топ 10	17,5
8	Австралия	19,9	Не в топ 10	Не в топ 10	5,3
9	Ирак	15,9	13,6	1,3	Не в топ 10
10	Венесуэла	14,3	11,7	1,9	Не в топ 10

пример, по данным The Observatory of Economic Complexity (https://atlas.media.mit.edu/) доля нефти в качестве товара в экспортной торговле следующих стран превышает 50%: Ангола — 96%, Венесуэла — 76%, Габон — 81%, Ирак — 99%, Иран — 73%, Казахстан — 58%, Конго — 65%, Кувейт — 66%, Ливия — 78%, Нигерия — 74%, Оман — 63%, Саудовская Аравия — 76%, Судан — 64%, Чад — 64%, Эквадор — 50%, Экваториальная Гвинея — 68%, Южный Судан — 100%.

Доля газа существенна в экспорте следующих стран: Бруней — 50%, Катар — 58%, Туркмения — 81%.

Продажа железной руды на экспорт составляет 65% всего экспортного товарооборота Сьерра-Леоне. А Эритреи 94% экспорта дает торговля медной рудой.

В этой группировке уже заметен явный перевес стран, которые следует причислять к развивающимся, и по их экономическому развитию видно, что перспектив вырваться из сырьевой зависимости у них немного. Основная проблема это отсутствие предпосылок к развитию такой характеристики экономической системы, которую предлагается назвать *полиэкономика*, то есть экономика, не ориентированная на один ресурс, а развивающая различные производственные направления.

Другой проблемой становится отсутствие инновационных решений в экономике. Нельзя сбрасывать со счетов и нестабильную политическую обстановку, в которой существуют такие страны, где за доступ к распределению ренты от добычи полезных ископаемых идет борьба за власть, иногда переходящая даже в гражданскую войну, от которой страдает экономика страны и человеческий капитал.

С другой стороны в этот перечень стран можно добавить, например, Норвегию, у которой суммарная доля в экспорте сырьевых углеводородов (нефти — 30%, и природного газа — 29%) также превышает 50%, что можно считать доказательством того, что возможно стать развитой страной и при наличии зависимости от *моноресурса*. Под этим термином предлагается понимать ресурс, который довлеет над экономической (общественной) жизнью страны. Но для ситуации с Норвегией, даже применение понятия зависимости от моноресурса не совсем корректно. Норвегия, имея значительный удельный вес сырьевого фактора в экономике, тем не менее, сумела создать задел для инновационной экономики, занимая лидирующие позиции, например в машиностроении для, все того же, нефтегазового комплекса, в химической промышленности, в цветной металлургии. В частности Норвегия занимает первое место в Западной Европе по производству алюминия.

В России по сравнению с другими странами не самая высокая доля в экспорте, которую занимает моноресурс (самый большой — нефть (35%)). То есть, имеются и другие основания говорить о новых возможностях для России в сфере приложения «ресурсных сил». В первую очередь, это должны быть решительные управленческие ходы на государственном уровне, способствующие поощрению предпринимательской деятельности сначала в областях смежных с нефтегазовым сектором, несомненно являющимся локомотивом экономики России в настоящее время. Такими направлениями может быть продолжение взвешенной налоговой политики, работа в банковском секторе для создания удобной финансовой среды.

Поиск новых сфер приложения геоэкономических ресурсных сил является еще одной немаловажной проблемой, требующей своего решения. Обозначились два стратегических равновесных вектора ресурсной экспортной направленности: западноевропейский и восточный. Определены приоритеты российского экспортного потенциала в условиях смены стратегической конъюнктуры и усиления восточного вектора. В связи с этим требуется формирование в сжатые сроки качественно новой инфраструктуры в широком ее понимании: транспортно-коммуникационной, финансовой, миграционной, производственной и т. д.

Для России, что особенной важно, это сопровождается необходимостью задействования и других сопричастных к ресурсу сфер, а именно, инновационной, культурологической, цивилизационной и др. Здесь представляется уместным дать определение формирующим данные сферы ресурсам, отталкиваясь от общего определения ресурса как научной категории, приведенного выше.

Инновационный ресурс (Innovative resource) — необходимый инструмент поддержания на высоком технологическом уровне мировых воспроизводственных циклов (ИВЯ-циклов); система взаимосвязанных инноваций, выстроенная на интернациональной основе и способная стимулировать выход на новые ареалы зарождения и развития новых геоэкономических воспроизводственных систем; класс нарождающихся институтов инновационного характера, а также носителей нового знания (в том числе «тонкого знания»); среда, в которую погружены мировые воспроизводственные конвейеры с постоянной поддержкой обратных связей между средой и данными воспроизводственными системами.

Культурологический ресурс (Cultural resource) — это качественная и количественная мера возможности той или иной страны, заключающаяся в наличии исторически сложившейся культурологической ауры с ее яркими языковыми, культурными чертами и обычаями для использования в качестве мощного рычага включения в мировые геоэкономические процессы; это, по большому счету, ментальность населения, своего рода призма, через которую оно рассматривает возможность участия в тех или иных геоэкономических проектах; это среда, имеющая способность и возможность через систему обратных связей корректировать состав, структуру, общий контур геоэкономических проектов и находить их оптимальный вариант; и, наконец, это ресурс особого класса, который сам по себе представляет огромную ценность, несущую в себе картину мира на базе его многогранности, разносторонности. Иными словами, данный ресурс является основой многообразия современного мира, его красочным моментом.

Цивилизационный ресурс (Civilization resource) — есть составная часть (общий атрибут) цивилизационных моделей, отражающая специфику отношений к национальным, локальным и глобальным воспроизводственным цепям; среда, дающая определенную окраску воспроизводственному циклу либо его определенным звеньям, влияющая на маршруты прохождения производственных циклов и сопровождаемая асистемными эффектами от инновационной, инвестиционной и производственной деятельности на мировой арене.

Как представляется, такой многоплановый подход к ресурсному полю даст основание в перспективе к обновлению мировой хозяйственной системы и статуса ее участников. Будут меняться критерии их оценки с учетом соотношения ресурсной составляющей и технико-инновационной базы внешнеэкономической деятельности.

Результаты исследования. При рассмотрении уровня конкурентоспособности России в современной мировой экономике следует обращать внимание на экспортный потенциал страны, стратегические ресурсные запасы, необходимые и достаточные для демпфирования различных ситуаций в современных условиях развития глобальной экономики и, в особенности, на новые сферы приложения ресурсных сил — формирование своеобразного стратегического задела будущего. Не менее важно ресурсное прогнозирование будущего. Для этого необходима выработка новой логики ресурсного спроса, в которой найдет отражение не только роль и место традиционных российских ресурсов, но и задействование глобального инновационного спектра ресурсов, с одной стороны, и с другой — новый взгляд на количественную оценку ресурсных потоков с применением элементов системного подхода. Производственно-инвестиционная модель внешнеэкономических связей, выстраиваемая на кластерно-сетевых подходах качественно преображает роль ресурсной составляющей воспроизводственных циклов мирового хозяйства. Четко просматриваются новые ареалы ресурсного спроса в будущем. Кардинально расширяется география ресурсного спроса. В этом плане на приоритетные позиции выходят Мировой океан как особая ресурсная зона, решение проблемы неубывающих ресурсов, и особую важность принимает смена ментальности в восприятии ресурсной составляющей.

Анализ результатов. Мировая система в условиях рыночной глобальной композиции подвержена конъюнктурным колебаниям, и амплитуда этих колебаний становится очень чувствительной не только для динамики определенных ресурсов, но и для динамики самого развития на базе этого ресурса. В этих условиях перед Россией, как и перед мировым сообществом в целом, возникла грандиозная задача по диверсификации ресурсного спроса. Эта проблема своими корнями уходит не только в проблему эффективности развития на базе тех или иных ресурсных компонентов, но и в такие факторы, как истощение ресурсных источников, активное наступление на окружающую среду.

Заключение. Таким образом, обозначились два стратегических равновесных вектора ресурсной экспортной направленности России: западноевропейский и восточный. Определены приоритеты россий-

ского экспортного потенциала в условиях смены стратегической конъюнктуры и усиления восточного вектора. В связи с этим требуется формирование в сжатые сроки качественно новой инфраструктуры в широком ее понимании: транспортно-коммуникационной, финансовой, миграционной, производственной и т. д. Для России, что особенной важно, это сопровождается необходимостью задействования и других сопричастных к ресурсу сфер, в первую очередь инновационной, культурологической, цивилизационной.

Литература

1. Кочетов Э. Г. МИРЫ: Пролегомены к философии преображения ЧЕЛОВЕКА и его бытия в МИРАХ гуманитарного космоса. — М.: Международные отношения, 2015. — 560 с.
2. Орлова Н. Л. Ресурс в мировой воспроизводственной системе // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 22. — С. 52–55.
3. Сапир Е. В. Инновационная геоэкономическая среда: локальные сетевые модели и механизмы // Электронная библиотека Viperson. — 2011. — 06 мая [Электронный ресурс]. URL: http://viperson.ru/articles/elena-sapir-innovatsionnaya-geoekonomicheskaya-sreda-lokalnye-setevye-modeli-i-mehanizmy (дата обращения: 05.11.2016).

RESOURCE AS A FUNDAMENTAL COMPONENT OF THE STRATEGY OF RUSSIA INNOVATIVE BREAKTHROUGH INTO THE GLOBAL ECONOMIC SPHERE

Orlova N. L.

Abstract: *The author considers the category of «resource» through the prism of the world reproductive processes. Substantiates the position at which the resource is becoming central to international chains, and reproduction is the main factor in strengthening the competitive position of countries in the modern world economy. The method and calculation of resource potential level are setting. The contour of resource forecasting is defined. The new directions of development of Russia's competitiveness in today's global economy from the standpoint of resource modeling are revealed.*

Keywords: *resource, resource blocks reproductive value chain, resource potential level, cultural resource, civilizational resource, innovative resource.*

References

1. Kochetov, E. (2015). *WORLDS: Prolegomena to the philosophy of the Mankind's transformation and its existence in the universe of humanitarian space*. Moscow, Mezhdunarodniye Otnosheniya.

2. Orlova, N. (2015). Resources in the Global Reproductive System. *Theory and Practice of Social Development, 22,* 52–55.
3. Sapir, Y. (2011). *Innovative Geo-Economic Environment: the Local Network Models and Mechanisms* | *VIPERSON.* [online] Viperson.ru. Available at: http://viperson.ru/articles/elena-sapir-innovatsionnaya-geoekonomicheskaya-sreda-lokalnye-setevye-modeli-i-mehanizmy [Accessed 5 Nov. 2016].

Информация об авторе
Орлова Наталья Леонидовна
к.э.н., доцент; доцент департамента мировой экономики и мировых финансов; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия
Эл.почта: nladlerova@gmail.com
Natalia L.Orlova
PhD in Economics, Assistant Professor, World Economy and International Business Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

ОТ НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ В ИНТЕГРАЦИИ К ПАРТНЕРСТВУ НА ОСНОВЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В. В. ПЕРСКАЯ

Аннотация. *В статье анализируется неизбежность перехода интеграционного союза стран ЕАЭС в условиях многополярности от наднациональности к межгосударственному партнерству. Исследована гносеология возникновения категории наднациональности в теории интеграции, доказано, что необходимость этого была обусловлена биполярностью мирового сообщества и развитием «блоковой идеологии», направленной на противостояние двух социально-экономических систем; в условиях перехода к полицентричности развитие взаимодействия осуществляется на основе взаимоуважения, национального суверенитета, реализации национальных интересов стран-участниц и выявлении точек взаимного интереса для формирования общих сфер и условий партнерства; анализ содержательной части ТТП и проекта ТТИП позволяет так же сделать вывод, что за основу принимается партнерство, основанное на согласованных межгосударственных отношениях стран-участниц и ратифицированное в дальнейшем сторонами; исследование институциональной базы НАФТА так же подтвердило указанный вывод; наднациональный характер интеграции в рамках Евросоюза в современных условиях отягощается напряженностью социально-экономической политики в интеграции, уровнем диспропорциональности доходов, а так же «толерантностью» отношения к асоциальному поведению мигрантов; наднациональность в рамках ЕС — явление, пришедшее в современный мир из биполярного «блокового противостояния», которое не совместимо с полицентричной конфигурацией мирового сообщества, о чем свидетельствуют Brexit и протестное голосование в США, приведшее к власти Д. Трампа: последний провозгласил развитие экономики США, исходя из собственно интересов страны, отказываясь о стратегии выстраивания глобальных цепочек стоимости и вынуждая ТНК привнести реальный сектор на территорию страны, в юрисдикцию США; в условиях полицентричности мирового хо-*

зяйства только межгосударственная основа взаимодействия позволяет полноценно использовать потенциал национального суверенитета странами-участницами; инструмент наднационального регулирования может быть использован только при условии возникновения угроз национальной безопасности, обеспечения территориальной целостности, террористических угроз по согласованию сторон и на определенный временной период; в условиях многополярности только сохранение полноты национального суверенитета и сохранение свободы принятия решений позволяют государствам в процессе взаимодействия обеспечивать реализацию национальных интересов, направленных на устойчивость развития; для стран ЕАЭС это положение подтверждается достаточно радикальной позицией Белоруссии и Казахстана, отвергающих идеи ущемления национального суверенитета и выступающих против «политизации» этого объединения, отклоняя предложения о создании любых наднациональных органов. В условиях перехода к многополярности приоритет имеют именно двусторонний уровень взаимодействия для развития сотрудничества на уровне хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: *наднациональность, интеграция, межгосударственное партнерство, экономическое сотрудничество*

Введение. Актуальность избранной темы определяется усложнением геоэкономической ситуации в мировой экономике и усилением противостояния процессу перехода к многополярной конфигурации. В этой связи усиление координации и согласования стратегических направлений развития национальных хозяйств стран членов ЕАЭС на уровне двусторонних и многосторонних контактов отвечает задачам роста национальной конкурентоспособности стран-участниц организаций, достижения ими устойчивого развития в условиях перехода к многополярности, используя взаимный потенциал и практику взаимодополнения при поступательности развития.

Согласно этому определена цель настоящей работы, которая заключается в выявлении потенциала и внесении рекомендаций для развития межгосударственного взаимодействия в рамках ЕАЭС. Для достижения указанной цели определены основные задачи исследования, которые заключаются в выявлении определяющего тренда развития интеграционных объединений в части использования инструментария наднационального или межгосударственного взаимодействия при переходе к многополярности, в исследовании приоритетных для развития взаимного потенциала стран ЕАЭС сфер реального сектора, а также форм сотрудничества, позволяющих усилить процесс взаимодополняющего развития.

Теоретические основания исследования базируются на гносеологии идеологии возникновения необходимости наднациональности в интеграционных образованиях в условиях биполярности. Для этого были изучены основные аргументы основоположников «полной» интеграции XX века — от трудов B.Balassa, R.Lipsey. , J.Sakamoto, R. Mikesel до современных исследователей интеграции B. Buzan, A. Sadek Hosny, H.Dieter и Marta Gómez-Puig и др. Переход к многополярности в современных условиях воздействует на трансформирование институтов и механизмов функционирования интеграционных образований, что следует из анализа практики реализации мега-региональных проектов (ТТП и ТТИП), а так же анализа современной диспропорциональности распределения доходов и росте социальной напряженности в Евросоюзе, практики развития сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования заключается в предположении, что регионализация международного сотрудничества является составной частью процесса интернационализации воспроизводственной цепочки создания мирового ВВП. Согласно существующим теориям интеграции и их итераций образования в виде региональных интеграционных объединений признаются высшей формой процесса регионализации, поскольку имеют институционально оформленные рамки и компетенции, а также четко сформулированные задачи и цели. В процессе анализа исследованы гносеологические корни возникновения теории интеграции [1], процесс эволюции этих форм в зависимости от научных школ, а так же практику реализации на примере таких объединений как НАФТА, ЕС и АСЕАН, а так же мега-региональных проектов ТТП (Транс-тихоокеанское партнерство и ТТИП (Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство). Полученные результаты имплементированы на развитие интеграционного сотрудничества государств-членов ЕАЭС в условиях перехода к многополярности.

Методология исследования — основана на общих и специальных методах познания, на диалектике исследования содержания интеграции в условиях перехода к многополярности, на эмпирическом подходе выявления специфики современного развития интеграционных процессов, на текущем и перспективном анализе и синтезе материалов теоретического и практического характеров.

Процедура исследования.

Процесс перехода к многополярности оказался достаточно болезненным, и воспринимается развитыми странами не очень благожелательно. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, процессы форми-

рования мега-региональных объединений, где доминирующую роль будут играть США. Теория развития интеграции, разрабатываемая в 70-е года прошлого века, была направлена на обоснование следующей этапности становления (или формы реализации) [2]: зона свободной торговли (согласование тарифов и инструментов нетарифного регулирования странами-участницами против третьих стран), таможенный союз (исключение дискриминации в движении товаров и согласование уровня тарифов по отношению к третьим странам — не членам таможенного союза), общий рынок, который сформирует комплексные условия для экономической интеграции в виде экономического союза. В финальной (или наиболее результативной в тот период мирового развития) своей форме экономический союз предполагает объединение денежно-кредитной, налогово-бюджетной, социальной политик, а так же совместной политики противодействия цикличности развития рыночной экономики, что должно сформировать полноценную наднациональную политическую власть, решения которой должны быть обязательными для всех стран-участниц интеграционного объединения. В последствии финальную стадию стали называть «полная интеграция» [2], объясняя процесс развития экономической интеграции как поступательное движение от низшей формы к более высокой форме экономических взаимоотношений [3]. В качестве преимуществ такого эволюционирования указываются: расширение емкости внутренних рынков и их объединения; повышение покупательной способности населения при снижении цен на товары и рост подушевого дохода (ВНП на душу населения); повышение конкурентоспособности производств и рост хозяйственной эффективности; эффект «масштаба производства» от углубления специализации; формирование более эффективной структуры производства с учетом конкурентных преимуществ каждой страны; повышение инвестиционной привлекательности за счет объединения рынков и обеспечения четырех свобод — движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, повышения производительности труда; ускорение темпов экономического роста. В качестве интеграционных издержек указываются сокращение бюджетных поступлений при снижении таможенных тарифов и с изменением структуры национальных хозяйств, что выражается в сокращении рабочих мест неэффективных отраслей и предприятий, переобучением кадров, повышением бюрократических издержек на содержание аппарата. Преимущества получают как правило экономически более развитие страны, а для менее развитых экономик могут явственно проявиться негативные последствия [3].

Проблемы процесса перехода экономической интеграции к наднациональности, наибольшую известность пробрели «три теоретических направления: федерализм и неофедерализм, функционализм и неофункционализм и транснационализм или плюралистический подход». В частности, например, Основоположниками функционализма принято считать Д. Митрани и Э. Хаас [4], их разработки получили развитие в теории формирования Евросоюза, получив отражение в Лиссабонском договоре и Конституции ЕС. Применительно к ЕС в сфере формирования системы европейских международных отношений выделяется так называемая «функциональная альтернатива», обеспечивающая всеобъемлющее единство или «функциональное сообщество», которое будет распространено на весь мир. Кроме того, сторонники данного подхода придерживаются тезиса, что возможность развития региональной интеграции может быть не связана с географической приближенностью территорий. Это дало основание, например, утверждать, что «моноцентричность мирового сообщества »обусловливает то, что страны БРИКС или ЕАЭС так же должны пойти по пути постепенной утраты национального суверенитета [5]. В связи с этим [6] для развивающихся стран и трансформационных экономик в качестве приоритетов на первой фазе важны вопросы благосостояния наций, повышения культурного и образовательного уровней, улучшения системы здравоохранения и качества медицинских услуг. Для более высокого уровня (или так называемой фазы истинного взаимодействия — collaboration), к которой перейдут все страны — участницы интеграционного процесса, внешнеполитическое позиционирование становится определяющим. Таким образом сторонники данной системы взглядов так же обосновывают безусловность развития наднационального формирования интеграции в рамках ЕАЭС, но подчеркиваем, что доминирующим доказательством по-прежнему является догма «противостояния» или «блокового подхода» на международной арене. [7]

K. Deutsch [8] как основоположник *плюралистической модели интеграции* рассматривает интеграцию в терминах «коммуникационных сетей», что определяет пути интеграции: амальгамный — т.е. объединение ряда стран в одно государственное образование; и плюралистический — когда интеграционное «сообщество» функционирует при сохранении политической независимости государств.

Для амальгамной интеграции население интегрирующихся стран должно быть разделять идентичные ценности, иметь достаточный опыт общения друг с другом, иметь одинаковые ожидания выгод от объединения, а также схожие формы организации жизни. Другими словами, главной целью интеграции является создание «чувства сообщества».

Эти же вопросы стали предметом спора и среди представителей *теории межгосударственного подхода* — современной версии теории плюралистической модели интеграции. Однако, рассматривая интеграцию как коммуникационную сеть, S.Hoffmann [9]в качестве основной составляющей интеграционного процесса выделяет государственные интересы, которые всегда будут способствовать росту противоречий между национальными государствами и наднациональными институтами, формируя неопределенность в государственных отношениях. Для того, чтобы проявление этих противоречий не носило разрушительного характера, интеграционное образование, по мнению другого представителя данной теории de Puig, M. Gómez-Puig [10], должно представлять собой «систему согласия» (concordance system). Иными словами, в интеграционном образовании ключевые решения принимаются только при согласии всех государств-наций, при этом одному из государств отводится особая роль в части определения решений, который должны стать общими для всех.

Подводя контурный итог рассмотренным выше теориям, можно сделать вывод, что они определяют интеграцию как высокий уровень взаимодействия между государствами, который выражается в передаче участниками данного политического процесса части своих полномочий или национального суверенитета наднациональным органам.

Это вид взаимодействия между государствами был закономерной фазой состояния развития мирового сообщества в определенный исторический период и отражал доминирующую концепцию развития мирового сообщества — системного противостояния на базе разных социально-экономических формаций в условиях биполярности и последующей моноцентричности. Указанные теоретические положения трактуют направленность интеграционного развития цивилизационными, географическими, технологическими, экономическими и другими факторами.

В исследованиях различных экспертных сообществ в современных условиях [11] финальная стадия экономической интеграции характеризуется термином «коллаборации», которая обозначает «конституирование» региональной интеграции. Обоснование фазы «конституирования» (или принятия конституции, которая бы закрепила наднациональность экономической интеграции) доказывается преимущественно историческим опытом Немецкого таможенного союза (с 1834 г.) и достаточно успешным развития народного хозяйства СССР в течение 40 лет послевоенного периода, основанного так же на процессе региональной интеграции. Однако, например, при рассмотрении членства Норвегии в ЕС, Евросоюз столкнулся с противодействием со стороны

национального правительства, отстаивающего сохранения своего права на делиберализацию внешнеэкономических связей.

В этом же исследовании указывается, что тренд трансформирования постсоветского пространства, и в частности создание ЕАЭС, должно пойти по традиционному пути развития региональной экономической интеграции — к ускоренному созданию политического союза. Это же относится и к странам БРИКС, использующим региональную интеграции для формирования единого политического позиционирования в мировом сообществе [12]. Таким образом, в все теоретические положения развития экономической интеграции имплементируют постулат «биполярного противостояния», распространяя его и на условия многополярности. Таким образом, традиционные подходы к теории интеграции наглядно демонстрируют «блоковость» восприятия мирового хозяйства, причем эта «блоковость» имеет явно антагонистическую направленность, которая в принципе не будет способствовать устойчивому развития мирового хозяйства в целом. Анализ проекта Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства между США и ЕС — это последовательная либерализация большинства секторов трансатлантической экономики и сотрудничество в области формирования новых глобальных правил и принципов. Данное соглашение [13] будет затрагивать не только сферу торговли между США и ЕС, но воздействовать на полный комплекс торгово-экономических отношений, внося коррективы в уже сложившуюся систему многостороннего регулирования в рамках ВТО, на взаимоотношения с третьими странами, в том числе со странами ЕАЭС и Россией, в частности. Это соглашение направлено на устранение оставшихся таможенно-тарифных барьеров на пути движения товаров из США: особенно это касается сельскохозяйственной сферы, фармацевтической промышленности, производства продуктов питания и использования ГМО, а так же разрешения использования стандартов США в Европе (в ЕС они более жесткие против США).

Представляет интерес попытка США обеспечить свое доминирование в мировом хозяйстве на основе ускоренного подписания 12-ю странами Соглашения о Транс-тихоокеанском партнерстве.

Соглашение о ТТП можно охарактеризовать как многонациональное торговое соглашение, которое будет расширять права иностранных корпораций и вводить ограничения на право использование прав интеллектуальной собственности, унифицировать правовое поле сотрудничества практически во всех сферах хозяйственной деятельности, включая функционирование госкорпораций и гозакупки со стороны национальных государств. Одновременно оно направлено на фактическое внедрение

действующих в США законов и правил, в т.ч. правоприменительной практики, в международное сотрудничество, подменяя существующие международные правила, переписывая их, упраздняя существующие договоренности в рамках ВТО или на уровне действующих в регионе интеграционных соглашений[51]. США связывают с подписанием ТТП идею *написания правил и норм функционирования экономической и политической систем мирового сообщества, приняв* за основополагающую модель справедливой конкуренции — а *именно национальное хозяйство США.* Это соглашение направлено на создание условий ***противостояния тенденции к большей экономической*** интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По информации CNN одной из целей ТТП является нейтрализация возрастающей мощи Китая в мировой торговле и попытка лоббирования американских компаний для повышения их конкурентоспособности. По оценке экспертов *New York Times* , «абсолютными победителями в результате соглашения о ТТП станут ***американское сельское хозяйство и технологические и фармацевтические компании, страховщики и большое число крупных*** производителей, которые смогут расширить экспорт в другие страны, подписавшие договор». [14] В настоящее время доля продукции по программе «сделано в Америке» выросла в экспорте почти на 50% и обеспечила почти ⅓ общего экономического роста с 2009 по 2014 г.г. Американский экспорт поддерживает 11,7 миллионов рабочих мест в США, увеличив их на 1,8 млн мест за последние 5 лет. Каждый 1 млрд долл. экспорта США — это в среднем + 5.8 тыс. рабочих мест.

[51] Содержание Транс-тихоокеанского партнерства преследует изменение следующих сегментов международного сотрудничества:
Изменить правила финансовой системы, чтобы исключить крах долларового доминирования в мировой экономике;
Ограничить свободу использования Интернета и поставить под контроль свободу поведения граждан стран ТПП;
Ликвидировать программы стимулирования "Купить местные товары" и сформировать пропаганду предпочтений "Купить сделанные в США" товары;
Ограничить использование более дешевых дженериков, производимых в развивающихся странах, заменив их оригинальными препаратами страны происхождения;
Изменить правила определения безопасности пищевых продуктов, включая на табак и маркировку ГМО, применяя принятые в США стандарты;
Запретить законы / правила, ограничивающие экспорт нефти, сжиженного природного газа, угля и воды. И, наконец, используя правовую систему США, разработать такие национальные законы, которые позволят предъявлять правительствам стран иски со стороны иностранных корпораций за упущенную ими выгоду в результате принятых национальных законов, актов и регулирующих норм. Это беспрецедентное условие для развития международного сотрудничества.

Проверенными инструментами реализации успешного лидерства США в рамках как ТТП , так и ТТИП выступают:

1. экспорт административно-правовой (прецедентной, отработанной в течение столетий) системы исков и ответственности, включая уголовное право;
2. экспансионистская политика 600 крупнейших компаний мира, подавляющая часть головных компаний которых находится в США, называемых в мировой экономике — ТНК и МНК, и достаточно эффективно регулируемых со стороны правительства США;
3. отвечая в первую очередь потребностям экономики США, долларовая эмиссия Федеральной резервной системой США, выполнение долларом США функции мировой валютой, которая во внешнеэкономических связях в 80% выполняет функции валюты цены и валюты расчетов.

При этом основной аргумент экспансии США как успешно функционирующей модели национального развития, это то, что если они не возьмут на себя инициативы, то рискуют передать руководство другим странам, которые не разделяют приверженности ценностям США. Но хотим обратить внимание, что и ТТП, ТТИП базируются на межгосударственности взаимодействия, т.е. **сохраняя национальный суверенитет подписантов.**

Интересен и факты Брексита Великобритании из Евросоюза, а так же та растерянность истеблишмента в ЕС, связанная с неожиданным избранием Д. Трампа Президентом США. Это подтверждает то, что утрата национального суверенитета странами — членами в попытке сформировать «полную интеграцию» даже несколько превзошла ожидания идеологов европейской интеграции, поскольку все идеологические инструменты и детерминанты внешней политики стали полностью зависеть от внешней политики США.

Устойчивое динамичное развитие стран ЕАЭС, как центрального звена этих трех объединений, может обеспечить геоэкономическую стабильность не только на евразийском материке, но базируясь на международном праве и сохраняя условия межгосударственных договоренностей, реализовывать национальные интересы, противодействуя надвигающейся внешней экспансии.

Взаимодействие в раках государств ЕАЭС базируется на принципе соблюдения **принципов межгосударственности и равноправности партнерства**, способствуя реализации приоритетных национальных задач развития.

В этой связи укрепление межгосударственности связей предполагает оптимизацию механизма взаимодействия как на уровне правительств, так и в рамках межгосударственных финансово-экономических организаций.

Существенное значение в этой связи имеют реализация проектов взаимного интереса, позволяющих реализовывать национальные интересы и развивать хозяйственные потенциалы стран (например, «Экономический пояс Шелкового Пути» и «Северный морской путь»).

При таком партнерстве стран ЕАЭС исключаются требования:

— снижения роли национального государства в регулировании экономик;
— повышения доли платных всех услуг в формировании ВВП страны;
— доминирования экономических интересов одной страны или ее крупных компаний над интересами других партнеров;

Хотим подчеркнуть, что **постулатом** для реализации поступательного взаимодействия стран ЕАЭС является **сохранение целостности национальных законодательных систем стран-участниц** Союза.

И в этой связи нам представляется необходимой разработка собственно механизма сопряжения национальных интересов государств-членов ЕАЭС, позволяющего оптимизировать процесс поступательного развития, используя потенциал государств ШОС и БРИКС, в условиях жесткого противостояния при переходе к многополярности.

Понятие этапности или пятиступенчатости развития интеграции — т.е. так называемой «полной интеграции», результатом которой является политический союз, сформировалось на базе трудов Б. Балаши, в шестидесятые годы, когда создавался Евросоюз, и именно в этот период впервые было обосновано, что целесообразность формирования интеграции должна идти ступенчато, т.е. постепенно переходя от одной фазу к другой. Чем он оперировал, чем было вызвано? Потому что существовал Советский Союз, Союз 15-ти республик, который обладает высочайшей степенью мобилизации экономических ресурсов, в т.ч. человеческого капитала. Во-вторых, СССР обладал антицикличной устойчивостью экономического развития, которая практически недоступна странам с рыночной системой отношений. И в этой связи Б. Балаша обосновал, что Евросоюз, образованный в 1957 году, обязан обладать той же самой устойчивостью развития, исключить цикличность и обеспечить высокий уровень социальной защищенности, которой обладал СССР. Все это могло быть реализовано на основе той самой наднациональности в рамках интегрирующихся шести стран ЕЭС, которая бы соответствовала наднациональному устройству СССР и могла противостоять и противодействовать Советскому Союзу. Это и было основным аргументом в пользу формирования наднационального принципа развития интеграции на территории Европы.

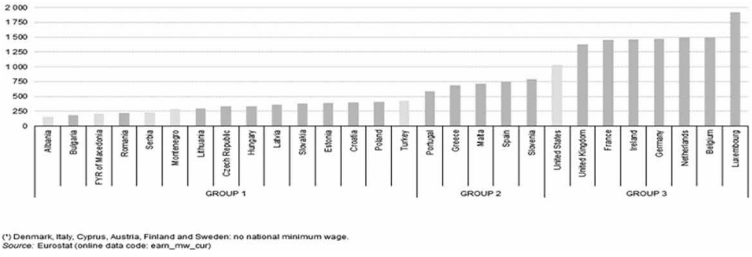
В современных условиях экономика России и государств-членов ЕАЭС базируется на рыночной модели хозяйствования. Другими словами социально-экономическая основа функционирования что в странах Евразийского экономического союза, в Евросоюзе и странах-членах ШОС и БРИКС — идентична.

Наднациональность в ЕАЭС «пробуксовывает», и будет «пробуксовывать» в силу исторических, политических и ментальных условий развития государств-членов ЕАЭС.

Существенным фактором, препятствующим движению по пути развития межгосударственных отношений, укрепляя интеграционное взаимодействие, является то, что нормативно интеграция строится на своде документов, которые написаны в контексте: а) ВТО, б) прообраза формирования Евросоюза. То есть, нормативная база ЕАЭС базируется, понимаете, на документах, которые сегодня в рамках Евросоюза обусловливают развитие сонма противоречий, причем очень глубоких между странами-участницами, рост радикализма, снижение социальной защищенности и отхода ЕС от принципа развития социально-ориентированной экономики. Да и сам ЕС, фактически, вступил в фазу весьма противоречивого функционирования, о чем свидетельствует Брэксит Великобритании.

Подтверждением выше обозначенной тенденции отхода от социальной ориентированности, снижения роли учета социального фактора в развитии ЕС и постепенного принятия американской модели индивидуализации развития служат данные о дифференциации уровня минимальной заработной платы (рис. 1) и индексе Джини в ЕС (в целом) и отдельных странах (Таблица 1), что нарушает устойчивость развития ЕС как интеграционного объединения.

Рис. 1. Минимальная заработная плата в январе 2015 г. (евро)



(*) Denmark, Italy, Cyprus, Austria, Finland and Sweden: no national minimum wage.
Source: Eurostat (online data code: earn_mw_cur)

Источник: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/File:Minimum_wages,_January_2015_(%C2%B9)_(EUR_per_month)_YB15_II.png

Таблица 1
Индекс Джини в отдельных странах ЕС

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ЕС–28	30,4	30,8	30,4	30,5	30.9	31.0
ЕС–27	30,4	30,7	30,4	30,5	31.0	31.0
ЕС–18	30,2	30,5	30,3	30,6	31.0	30.7
Германия	29,3	29,0	28,3	29,7	30.1	30.1
Франция	29,8	30,8	30,5	30.1	29.2	29.2
Венгрия	24,1	26,8	26,9	28,0	28.2	28.2
Латвия	35,9	35,1	35,7	35,2	35,5	35.4

Источник: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&language=en&pcode=tessi190
http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12

Что же касается ВТО, то в современных условиях она проявила неспособность работать. Так зачем же мы положили эти принципы в основу функционирования ЕАЭС? И правы здесь мои коллеги, которые говорят, что экономический истэблишмент России сегодня не готов работать в новых политических условиях, если Россия принимает политический вызов, проводя внешнеполитическую линию, отвечающую национальным интересам и позиционируясь как суверенное государство, то в сфере экономики пока не созданы условия, обеспечивающие суверенность экономической политики в полном смысле слова. Согласно преобладающему воззрению в экономической теории, развивающиеся экономики (соответственно и трансформационные так же) [15] вступают в процесс интегрирования по причинам своей слабой развитости, в связи с чем решение вопросов повышения занятости и образовательного уровня преобладают в системы приоритетов. Кроме того, всем странам данной категории свойственна сырьевая ориентация, в связи с чем эффект от производственного взаимодействия существенно незначителен. И поскольку в национальных политиках преобладают аспекты повышения уровня здравоохранения и санитарии, образовательного и общекультурного ценза, то и эффект согласования политик в налоговой, бюджетной и фискальной сферах, а тем более политического союза, т.е. достижения самой высокой стадии интеграции, просто не достижимы для этой группы стран.

Указанная система ориентиров в экономической теории интеграции — отражение «блоковости» восприятия интеграционного процес-

са для реализации цели противостояния (противодействия), что было верным для биполярной модели мирового сообщества, основанной на двух формах социально-экономических отношений и форм собственности. В современных условиях, когда рыночные отношения — это базовая форма экономических отношений, а цикличность развития рыночной экономики свойственна всем национальным хозяйствам, то и интеграция как экономический процесс предполагает также возможность трансформирования критериев определения степени интернационализации и путей эволюции. При этом процесс глобализации, основанный на интернационализации процесса создания мирового ВВП на уровне 70–75%), не только имеет место, но и развивается в современном мире.

В условиях перехода к многополярности (основанной на процессе регионализации) [16]мировая система должна приобрести , как мы показали ранее, динамику развития, которая и должна обеспечивать устойчивость ее функционирования.

Для стран пост советского пространства наднациональность не представляется возможной для реализации во-первых, в силу того, что они прошли через систему наднационального устройства в рамках Советского Союза. Во-вторых, это может быть просто не востребованным практикой интегрирования для реализации согласованной стратегии по отношению к третьим странам, что доказано на примере НАФТА и АСЕАН[52], которых нельзя упрекнуть в том, что им не свойственно позиционирование в мировом сообществе или неспособность оказывать воздействие на процессы регулирования в рамках G-20.

Обозначенной целью ЕАЭС является создание условий стабильного развития «на основе модернизации в целях обеспечения повышения жизненного уровня населения стран-участниц. Принципы международного права, включая принцип равенства государств —членов Евразийского экономического союза являются базовыми. В целях обеспечения консенсуса по рассматриваемым вопросам ЕЭК, как регулирующий орган ЕАЭС, руководствуется принципами взаимовыгодного сотрудничества и максимального учета национальных интересов и приоритетов всех участников проекта. Деятельность ЕЭК не носит политический характер и не направлена на решение политических задач. В деятельности ЕАЭС уважаются особенности политического устройства госу-

[52] Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Экономические векторы взаимодействия ШОС и ЕАЭС (Евразийского экономического союза) в условиях перехода к многополярности. УДК 339.9:338.1;339.9:330.34, Регистрационный № НИОКР 115100170007, октябрь. 2015 г.

дарств — членов объединения, и вырабатываются предложения исключительно в сферах экономики, зафиксированных в Договоре о ЕАЭС.

Результаты исследования

Доказано, что в условиях полицентричности мирового хозяйства только межгосударственная основа взаимодействия позволяет полноценно использовать потенциал национального суверенитета странами-участницами. Инструмент наднационального регулирования может быть использован только при условии возникновения угроз национальной безопасности, обеспечения территориальной целостности, террористических угроз по согласованию сторон и на определенный временной период. Наднациональность как принцип эволюционирования интеграционного процесса был свойственен интеграционным объединениям только в условиях биполярного мирового сообщества, когда устойчивость развития в рамках мировой экономики достигалась на уровне разных социально-политических формаций. В условиях многополярности только сохранение полноты национального суверенитета и сохранение свободы принятия решений позволяют государствам в процессе взаимодействия обеспечивать реализацию национальных интересов, направленных на устойчивость развития. В настоящее время именно государства-члены НАФТА из числа проанализированных интеграционных организаций наиболее полно обладают свободой принятия решений и достижения целей, отвечающих их национальным задачам. Это подтверждается достаточно радикальной позицией Белоруссии и Казахстана, отвергающих идеи ущемления национального суверенитета и выступающих против «политизации» этого объединения, отклоняя предложения России о создании любых наднациональных органов. Мега-региональные соглашения ТТП и ТТИП — это так же соглашения, основанные на межгосударственности взаимодействия или на сохранении национального государственного суверенитета.

Анализ результатов. Совпадение векторов экономического взаимодействия стран-членов ЕАЭС является не только возможным в силу согласованных сторонами принципов межгосударственного функционирования этих организаций, но и в силу того, что по составу стран эти организации дополняют друг друга. Обоснованием является то, что структуры национальных экономик имеют потенциал для продуктивного взаимодополнения развития, что обеспечивает устойчивое поступательное развитие стран-участниц.

Анализ вхождения хозяйствующих субъектов стран-участниц ЕАЭС в глобальные цепочки стоимости позволил сделать вывод, что участие в них не способствует повышению конкурентоспособности собствен-

но национальных хозяйств, носит подчиненный интересам ТНК и МНК характер и закрепляет монокультурную специализацию стран ЕАЭС. Государства-участницы обладают потенциалом развития международной специализации и кооперации в приоритетных для национальных хозяйств сегментах, чему будет способствовать политика координации и синхронизации национальных законодательных и макроэкономических стратегий на двустороннем и многостороннем уровнях. В условиях перехода к многополярности приоритет имеют именно двусторонний уровень взаимодействия для развития сотрудничества на уровне хозяйствующих субъектов. Анализ потенциала и форм взаимодействия в сельском хозяйстве и фармацевтической промышленности позволил внести практические предложения, касающиеся данных отраслей как базовых для формирования общих целевых установок устойчивого развития стран ЕАЭС, привлекая так же потенциал государств-членов и наблюдателей ШОС.

Исследование внешне-внутриполитических контуров взаимодействия стран ЕАЭС позволило сделать вывод, что формирование многополярной модели характеризуется сложной международной обстановкой, где идет столкновением интересов новых и старых центров силы. Создание и развитие интеграционных объединений на постсоветском пространстве с участием России сопровождается возникновением новых очагов нестабильности по внешнему и по внутреннему контуру Евразии, которые могут и способствовать, и препятствовать координации и сближению ЕАЭС со странами ШОС. Многослойное структурное переплетение и взаимопроникновение экономик стран ЕАЭС формирует благоприятные условия для сближения этих организаций. Такая форма взаимодействия как проекты взаимного интереса («Шелковый путь», «Северный морской путь») при реализации в международном сотрудничестве принципа межгосударственности представляется наиболее результативной для поступательного развития стран-участниц. При этом повышается значимость фактора оптимального, отвечающего национальным интересам развития, государственного регулирования процесса реализации проекта странами-организаторами и участниками.

Заключение. В результате исследования обосновано, что для современного этапа развития ЕАЭС только межгосударственность построения международного сотрудничества в рамках интеграционного союза отвечает как национальным интересам, обеспечению национальной безопасности территорий и народов стран, способствуя формирования национально ориентированных элит истеблишмента. Такой подход позволяет повысить кумулятивный эффект для национальных

экономик от взаимодействия по проектам взаимного интереса. Кроме того, эти проекты представляют собой площадку для потенциального расширения членов-участников рассматриваемых международных организаций, в т.ч. ШОС и ЕАЭС за счет привлечения новых участников к реализации крупномасштабных проектов

Литература

1. Учебник «Мировая экономика и международные экономические отношения» (под ред. А. С. Булатова и Н. Н. Ливенцева), М., Магистр, 2008
2. Balassa, Bela. 1961. The Theory of Economic Integration. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin.
3. Mitrany D. A working peace system //The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. — P. 99–120.;
4. Haas E. The Uniting of Europe // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. — P. 145–149;
5. Jensen C. Neo-functionalism //European UnionPolitics. — Oxford,UK, 2003. — P. 123–130.
6. См. H.Dieter " Globalization, economic interdependence and new agreements: trade policy in the era of mega-regionals" Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs and Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, June 22–24, 2014;
7. L. Chen, P. De Lombaerde. Testing the relationships between globalization, regionalization and the regional hubness of the BRICS/ — Journal of Policy Modeling, 2014 — Elsevier, p. 111–131.
8. Amr Sadek Hosny. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. International Journal of Economy, Management and Social Sciences, 2(5) May 2013, p. 140–143.
9. Friedrichs, J. (2016) 'An intercultural theory of international relations: how self-worth underlies politics among nations', *International Theory*, 8(1), pp. 63–96. doi: 10.1017/S1752971915000202
10. Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. — P. 121–143.
11. S. Hoffmann. International Organization und International System. 1997. ; S. Hoffmann. Reflection in the Nation State und in Western Europe Today. 1995 in European Seraphs: Essays an Europe 1964–1995
12. De Puig, Mr. (1996). Organizing security in Europe-political aspects Assembly of Western European Union Extraordinary Session Documents, 26/01/1996;
13. Marta Gómez-Puig. EMU AND EUROPEAN GOVERNMENT BOND MARKET INTEGRATION. NO 1079 / AUGUST 2009.

14. H.Dieter " Globalization, economic interdependence and new agreements: trade policy in the era of mega-regionals" Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs and Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, June 22–24, 2014, p. 3.
15. Amr Sadek Hosny .Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature — International Journal of Economy, Management and Social Sciences, 2(5) May 2013, Pages: 133–155.
16. Mikesell, R. F. 1965. The theory of common markets as applied to regional arrangements among developing countries. In International Trade Theory in a Developing World, edited by Harrod and Hague. New York: St. Martin's Press.);
17. Sakamoto, Jorge. 1969. Industrial development and integration of underdeveloped countries. Journal of Common Market Studies 7 (4): pp. 283–304;
18. Lipsey, R. G. 1957. The theory of customs unions: Trade diversion and welfare. Economica, New Series 24 (February): pp. 40–46.
19. Lipsey, R. G. 1960. The theory of customs unions: A general survey. The Economic Journal 70 (279): pp. 496–513.
20. Demas, William G. 1965. The economics of development in small countries with special reference to the Caribbean. Montreal: McGill University Press.; Abdel Jaber, Tayseer. 1971.
21. A review article: The relevance of traditional integration theory to less developed countries. Journal of Common Market Studies 9 (3): pp. 254–267.
22. Barry Buzan. The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers. Sage Journals, 2011, 04.01.

FROM SUPRANATIONAL IN INTEGRATION TO PARTNERSHIP BASED ON INTERSTATE COOPERATION

Victoria Perskaya

Abstract. *The article analyzes the inevitability of the transition countries of EAEC Integration Union in conditions of multipolarity to supranational interstate partnership. Studied epistemology occurrence category supranational integration theory, proved that this was due to the need bipolarity of the international community and the development of "bloc ideology," aimed at the confrontation of two socio-economic systems; in the transition to a polycentric development cooperation is based on mutual respect for national sovereignty, the implementation of the national interests of the participating countries and identifying points of mutual interest for the formation of the common areas and the partnership conditions. Analysis of the content of the TTP and the project allows TTIP also conclude that shall be based on partnership, based on agreed international relations of the member countries and ratified by the parties in the future; a study of the institutional framework of*

NAFTA also confirmed this conclusion; supranational integration within the European Union in the current conditions is compounded by the strength of socio-economic policy in the integration level of disproportionality of income, as well as "tolerant" attitude toward antisocial behavior of migrants; supranationality within the EU — a phenomenon that has come into the modern world of bipolar "bloc confrontation", which is not compatible with the configuration of a polycentric world community, as evidenced by Brexit and a protest vote in the United States, which led to power D.Trampa: last announced the development of the US economy, on the basis of the actual interests of the country, abandoning a strategy of building global value chains and forcing TNCs to bring the real sector of the national territory, in the jurisdiction of the United States; in a polycentric world economy only interstate basis of interaction allows you to fully exploit the potential of national sovereignty of Member States. Supranational regulation tool can be used only if the occurrence of threats to national security, territorial integrity, terrorist threats and agreed by the parties for a certain period of time; in conditions of multipolarity only preserve the completeness of national sovereignty and the preservation of freedom of decision-making enable States in the process of interaction to ensure the implementation of national interests, aimed at the development of resistance; for EAEC countries, this position is confirmed by quite a radical position of Belarus and Kazakhstan, rejecting the idea of infringement of national sovereignty and opposing the "politicization" of the association, rejecting any proposal for the establishment of supranational bodies. Member States EAEC have the potential development of international specialization and cooperation in priority sectors for the national economy, which will contribute to policy coordination and synchronization of national legislative and macroeconomic policies at the bilateral and multilateral levels. In the transition to multipolarity precedence is a bilateral level of cooperation for the development of cooperation at the level of economic entities.

Keywords: *supranationality, integration, inter-state partnership, economic cooperation*

References

1. Мировая экономика и международные экономические отношения / под ред. А.С. Булатова и Н.Н. Ливенцева), М., Магистр, 2008, с. 175.
2. Balassa, Bela. 1961. The Theory of Economic Integration. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin., p. 174; учебник «Мировая экономика и международные экономические отношения» (под ред. А.С. Булатова и Н.Н. Ливенцева), М., Магистр, 2008, с. 165.
3. Там же, с.166.

4. Mitrany D. A working peace system //The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. — P. 99–120.; Haas E. The Uniting of Europe // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. — P. 145–149; Jensen C. Neo-functionalism // European UnionPolitics.-Oxford,UK, 2003. — P. 123–130.
5. См. H.Dieter " Globalization, economic interdependence and new agreements: trade policy in the era of mega-regionals" Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs and Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, June 22–24, 2014; L Chen, P De Lombaerde. Testing the relationships between globalization, regionalization and the regional hubness of the BRICS/ — Journal of Policy Modeling, 2014 — Elsevier, p.111–131.
6. Amr Sadek Hosny. Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature. International Journal of Economy, Management and Social Sciences , 2(5) May 2013, p. 140–143.
7. Friedrichs, J. (2016) 'An intercultural theory of international relations: how self-worth underlies politics among nations', *International Theory*, 8(1), pp. 63–96. doi: 10.1017/S1752971915000202.
8. Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003. P. 121–143.
9. S. Hoffmann. International Organization und International System. 1997. ; S. Hoffmann. Reflection in the Nation State und in Western Europe Today. 1995 in European Seraphs: Essays an Europe 1964–1995
10. См. de Puig, Mr. (1996). Organizing security in Europe-political aspects Assembly of Western European Union Extraordinary Session Documents, 26/01/1996; Marta Gómez-Puig. EMU AND EUROPEAN GOVERNMENT BOND MARKET INTEGRATION. NO 1079 / AUGUST 2009.
11. H.Dieter "Globalization, economic interdependence and new agreements: trade policy in the era of mega-regionals" Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs and Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, June 22–24, 2014, p. 3; Amr Sadek Hosny .Theories of Economic Integration: A Survey of the Economic and Political Literature — International Journal of Economy, Management and Social Sciences, 2(5) May 2013, Pages: 133–155.
12. H.Dieter "Globalization, economic interdependence and new agreements: trade policy in the era of mega-regionals" Stiftung Wissenschaft und Politik. German Institute for International and Security Affairs and Konrad-Adenauer-Stiftung, Berlin, June 22–24, 2014. p.3, 4, 5.
13. Internet. URL; http://www.russia-direct.org/opinion/how-ttip-will-impact-russias-interests-europe/
14. Internet. URL: *http: //www.newsweek .com*

15. Mikesell, R. F. 1965. The theory of common markets as applied to regional arrangements among developing countries. In International Trade Theory in a Developing World, edited by Harrod and Hague. New York: St. Martin's Press.
16. Barry Buzan. The Inaugural Kenneth N. Waltz Annual Lecture A World Order Without Superpowers. Sage Journals, 2011, 04.01

Информация об авторе:
Перская Виктория Вадимовна
доктор экономических наук; профессор, директор института исследований мм междунардных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, г. Москва
Эл. почта: Vperskaya@fa..ru
Victoria Perskaya
PhD; Professor, Director of Institute for Research of International Economic Relations; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E-mail: Vperskaya@fa..ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

И. Н. ПЛАТОНОВА

Аннотация. *Актуальность анализа тенденции замедления развития мировой торговли товарами, которая сформировалась в мировой экономике в последние четыре года, определяет необходимостью изучения причин и факторов, оказавших тормозящее влияние на динамику мировой торговли. Несмотря на то, что в экономической литературе появились первые исследования причин, сдерживающих темпы роста мировой торговли, полного представления о путях преодоления сложившейся тенденции, противоречащей объективному процессу глобализации мировой экономики, пока не представлено.*

Исследование гипотезы о том, что важнейшим фактором, сдерживающим рост мировой торговли, является структурная перестройка международного разделения труда на основе оптимизация глобальных производственных систем, позволяет определить противоречия в интересах национальной торговой политики и многосторонней торговой системы.

На основе концепции формирования цепочек стоимости в рамках теории конкурентных преимуществ стран Майкла Портера был сделан вывод, что повышение конкурентоспособности стран в посткризисный период может быть достигнуто при переходе к производству высокотехнологичной продукции в первую очередь в сфере производства информационно-коммуникационной техники.

Раскрыты факторы, оказывающие понижательное влияние на динамику темпов мировой торговли, среди наиболее важных факторов отмечены протекционистские тенденции в торговой политике США, которые являются одной из ведущих стран-экспортеров продукции ИКТ.

Обосновано, что для снижения издержек в высокотехнологичном производстве будет продолжена его международная фрагментация за счет роста глобальных цепочек стоимости. Технологический прорыв на этап «четвертой индустриализации» в глобальной экономике

ведет к увеличению доли высокотехнологичной продукции в мировом товарообороте в условиях обострения конкуренции и создаст условия для ускорения динамики мировой торговли. Статистически доказано, что в процессе перехода к новому технологическому уровню при производстве информационно-коммуникационной техники лидерские позиции будут занимать страны Азиатского региона.

Ключевые слова: *Мировая торговля, ВТО, глобальные цепочки стоимости*

Введение. Успешный рост мировой экономики в начале XXI в. сменился через семь лет после кризиса 2008 г. затянувшимся замедлением экономического роста как глобальной экономики в целом, так и экономик развитых и развивающихся стран. Характерная тенденция для углубления глобализации экономики в 2001–2014 гг., заключающаяся в опережающем развитии мировой торговли по сравнению с ростом ВВП, сменилась замедлением международного движения потоков товаров, услуг и капитала.

Согласно прогнозу Всемирной торговой организации, впервые за последние 15 лет темпы роста мировой торговли ниже по сравнению с теми, что прогнозировались ранее. В соответствии с пересмотренным прогнозом прошлого года темпы прироста могут составить в 2016 г. всего 1,7%, вместо 2,8% как ожидалось ранее. Оценка того, что в 2017 г. мировая торговля вырастет в пределах от 1,8 до 3,1%, также существенно ниже ранее прогнозируемого роста в 3,6%[53].

Замедление темпов роста мировой торговли при отсутствии мощного инвестиционного импульса, отражает необходимость структурных изменений в целях ускорения развития мировой экономики.

Неспособность развитых стран достигнуть экономической активности, при отсутствии интереса к инвестициям и роста реальной заработной платы, снижение темпов экономического роста развивающихся стран, длительное понижение цены на энергоносители, влияющее на рост экономики стран, экспортирующих сырьевые товары, в конечном итоге проявляется в торможении мирового товарооборота из-за существенного сокращения совокупного спроса. Изменения, происходящие в международном разделении труда, свидетельствуют о необходимости структурных изменений в глобальной экономике, предполагают поиск стимулов для наращивания спроса и предложения товаров и услуг в соответствии с потребностями перехода стран на качественно

[53] WTO: 2016 Press Releases 7April 2016/ [Электронный ресурс] URL.: https://www.wto.org/english/news_e/pres16_e/pr768_e.htm (дата обращения 25.11.2016)

более высокую ступень научно-технического развития, соответствующего «четвертой индустриализации» глобальной экономики, которая невозможна без технологического рывка (информатизация, роботизация, новая энергетика, биотехнологии) и внедрения более совершенной техники. Перестройка экономики стран на новом технологическом уровне, в т.ч. и в России, позволит глубже интегрироваться в мировую экономику и занять более высокие конкурентные позиции.

Теоретические основания исследования. Снижение темпов роста мирового товарооборота в зарубежной литературе рассматривается отдельными авторами как результат различных изменений стратегии в предпринимательской деятельности крупных участников мирового товарного рынка, создающих дисбалансы в товарных потоках и влияющих на динамику мировой торговли.

В числе факторов, понижательно влияющих на динамику мировой торговли, многие российские и зарубежные авторы выделяют снижение цен на энергоносители. Подчеркивая, что «главной виновницей указанного сдвига стала нефть. Цены на этот энергоноситель за 2014–2015 гг снизились более чем в два раза» [Шуйский, 2016, с. 54]. Влияние конъюнктурных изменений на мировом товарном рынке отмечает И. И. Дюмулен, считая их результатом того, что «вялое развитие международной торговли в 2012–2016 гг. и причина падения цен на многие товары — это результат сочетания действия как циклических, так и структурных факторов. Циклические факторы — это слабый спрос на многие товары и услуги как результат нынешней фазы мирового экономического цикла, которая может быть названа «депрессивным экономическим развитием» [Дюмулен, 2016, с. 6].

Существенным стимулом для роста мирового товарооборота может стать разрастание глобальных цепочек создания добавленной стоимости и широкая географическая дифференциация участвующих стран и корпораций. Влияние глобальных цепочек стоимости на торговую политику подчеркнули как революционное Р. Болдуин и Д. Таглиони [Baldwin, Taglioni, 2012], а влияние глобальных цепочек создания стоимости на мировую экономику рассматривает Г. Гереффи [Gereffi, 2005]

К важнейшим факторам, влияющим на снижение темпов роста мировой торговли эксперты международных организаций, относят:

— торможение роста мирового производства из-за медленного роста инвестиционной активности как развитых, так и развивающихся стран [UNCTAD/WIR/2016, p. 2–6],
— старение глобальных цепочек добавленной стоимости, рост протекционизма [Global, 2016, p. 4],

— стремление мировых финансовых рынков к краткосрочным и спекулятивным операциям [UNCTAD/TDR/2015, p.2],
— низкий уровень спроса в развитых странах, сдерживающий рост мировой экономики [UNCTAD/TDR/2015, p.8].

Особое внимание эксперты ЮНКТАД уделяют необходимости структурных преобразований. Как они отмечают «Структурные преобразования требуют комплексного подхода. Это включает в себя стратегическую политику для международной торговли, ориентированной на экономический рост, макроэкономической политики для обеспечения высокого уровня совокупного спроса и стабильный и конкурентоспособный обменный курс, а также политику в поддержку прибыли и инвестиций [UNCTAD/TDR/2016, p.2].

С теоретических позиций необходимость достижения устойчивого роста мировой экономики на основе структурных преобразований, рассматривается нами как обязательное условие для восстановления роста динамики мировой торговли.

Исследование: основная часть. Рабочая гипотеза заключается в том, что восстановление опережающего роста мировой торговли по отношению к динамике мирового производства может быть достигнуто в результате восстановления инвестиционного спроса как следствия структурных изменений в международном разделении труда. Структурные преобразования, затрагивающие производственную сферу на основе перехода стран на качественно более высокую ступень научно-технического развития, соответствующего «четвертой индустриализации» глобальной экономики, стимулируют увеличение потребительского и производственного спроса на информационно-коммуникационную технику (ИКТ), позволяют не только совершить технологический рывок, но и увеличить мировой товарооборот за счет роста предложения и спроса на продукцию высокотехнологичных отраслей.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежит ретроспективный анализ и системный подход к оценке влияния структурных сдвигов в международном разделении труда на мировую торговлю. Использование концепции формирования цепочек стоимости в рамках теории конкурентных преимуществ стран Майкла Портера, дает основание предполагать, что повышение конкурентоспособности стран в посткризисный период может быть достигнуто при переходе к производству высокотехнологичной продукции при снижении издержек за счет роста глобальных цепочек стоимости на более высоком технологическом уровне. Таким образом, увеличение доли высокотехнологичной продукции в мировом товарообороте в условиях обостре-

ния конкуренции создаст условия для ускорения динамики мировой торговли.

Материалы исследования. Основными материалами исследования стали аналитические доклады международных организаций о новых тенденциях в развитии глобальных цепочек стоимости и их взаимосвязи с изменениями в торговой политике на национальном и международном уровне. Результаты исследований о влиянии фрагментации производственного процесса на динамику мировой торговли, которых представлены в международных реферируемых журналах, проиндексированных в базе данных Scopus.

Процедура исследования. Новым этапом в углублении международного разделения труда в XXI веке стол переход к технологической специализации стран и участие крупных ТНК в формировании глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС). В соответствии с докладом ВТО о торговой политике в 2016 г. в экспорте развитых стран 48% приходится на поставки товаров по ГПС, а в экспорте развивающихся стран их доля 48,6%. Лидерами с 2011 г. являются страны Юго-Восточной Азии, такие как Сингапур, Южная Корея и Малайзия, у которых производство продукции на экспорт, включенное в ГПС увеличилось более чем до 60–65%[54].

Следуя совместным выводам ВТО, ЮНКТАД и ОЭСР, которые были представлены в 2013 г. в ходе встречи лидеров G20 в Санкт-Петербурге, значение для стран от участия в ГЦС существенно возрастает, поскольку они получают возможность, как импортировать необходимые компоненты для своего производства, так и экспортировать свою компонентную продукцию. Участие в ГЦС позволяет использовать восходящие связи (upward linkages in GVCs), образующиеся при экспорте вспомогательных материалов, полуфабрикатов, компонентов и сырья, необходимые для производства технологически более сложной продукции и отражающие долю экспорта, которая будет подвергнута переработке в третьих странах. Другая возможность участия в ГЦС проявляется через нисходящие связи (backward (downward) linkages in GVCs), включающие экспорт произведенной конечной продукции и услуг, на основе импорта сырьевых товаров и компонентов, т.е. отражающие долю иностранной добавленной стоимости в экспорте конечной продукции. Такое участие в ГЦС характерно не только для развитых стран — США,

[54] Trade in Value Added and Global Value Chains, WTO, 2016. [Электронный ресурс] URL.: // https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/Explanatory_Notes_e.pdf (дата обращения 20.11.2016)

Германии, Франции и Японии, но и для развивающихся стран, таких как Китай, Сингапур, Малайзия, Тайвань, Республика Корея, Вьетнам, Индия.

В результате усиления производственной фрагментации и постоянного роста обмена промежуточными изделиями и компонентами, их доля в мировом торговле товарами и услугами постоянно растет. Координирующую роль в этом процессе играют ТНК, на долю которых приходится 80% мировой торговли[55]. Однако, участие не только все большего числа стран, но и ТНК в создании ГЦС существенно влияло на рост мирового товарооборота, до тех пор пока в условиях циклического спада глобальной экономики издержки на размещение производства товаров и услуг за рубежом были меньше, чем совокупные расходы, включая на оплату труда изготовления промежуточных изделий и их транспортировку. С ростом транзакционных издержек, повышением оплаты труда в Китае, Малайзии и ряде развивающихся стран наметился процесс торможения роста ГЦС и торговли промежуточными товарами.

Анализ изменений в производственной стратегии Китая показывает, что на фоне снижения темпов экономического роста до 6,7% в 2016 г. [Global, 2017, p.86], сдерживающим фактором роста ГЦС является политика локализации производства продукции на экспорт, проводимая в Китае, в результате которой произошло сокращение его импорта компонентов и вспомогательных материалов из других стран. Так, доля их ввоза по отношению к общему экспорту сократилась в Китае с 60% в 1990-х годах до 35% в 2012 г. [Global, 2015. P. 57]. Аналогичные процессы стремятся проводить Республика Корея, Тайвань и Сингапур, у которых, по данным ВТО, доля иностранной добавленной стоимости в экспорте превышает 40%, а у Малайзии — 66% [Trade in Value, 2016].

Однако, принимая во внимание, что далеко не во всех отраслях, где используются глобальные производственно-сбытовые цепочки, возможно быстро перейти к замещению импортных компонентов отечественными, можно выделить те отрасли, в которых страны стремятся закрепить за собой лидерство при производстве конечной продукции. Так, доля иностранной добавленной стоимости в стоимости экспорта существенно выше в высокотехнологичных отраслях, производящих ИКТ (компьютеры, телекоммуникационное оборудование, потребительская электроника, электронные компоненты), обеспечивающих

[55] World Investment Report, 2013, UNCTAD. [Электронный ресурс] URL.: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013overview_ru.pdf (дата обращения 20.11.2016)

технологический прорыв и существенный шаг в сторону «четвертой индустриализации» глобальной экономики, а также позволяют совершить технологический рывок в целом ряде отраслей (информатизация, роботизация, новая энергетика, биотехнологии). Так, доля иностранной добавленной стоимости в стоимости экспорта при производстве компьютеров достигает от 40–45% в Сингапуре до 68% в Малайзии, а при производстве автомобилей, как правило, не выше 35–37%[56].

Переход к производству ИКТ следующего технологического поколения приводит к дальнейшей диверсификации подетального, технологического разделения труда, отдельные стадии которого могут быть рассредоточены между зарубежными филиалами крупнейших ТНК. По оценке ЮНКТАД, на внутрифирменный экспорт приходится более 40% мирового товарооборота. Вывод производства ИКТ крупными корпорациями развитых стран за рубеж изменил структуру экспорта развитых и развивающихся стран в последние пятнадцать лет (см. табл.1).

Таблица 1

Экспорт товаров ИКТ развитых и развивающихся стран в 2000–2014 годы

Направления экспорта	**Всего в мире**			**В развитые страны**			**В развивающиеся страны**		
	2000	**2010**	**2014**	**2000**	**2010**	**2014**	**2000**	**2010**	**2014**
Всего млрд долл.	999,1	1723	1979	636,3	826,6	842,9	349,4	872,5	1109
В %	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Развитые страны, млрд долл.	569,9	561,1	532,8	381,3	335,3	318,2	176,2	211,9	202,8
В %	**57,0**	**32,5**	**26,9**	**59,9**	**40,6**	**37,8**	**50,4**	**24,3**	**18,3**
Развивающиеся страны, млрд долл.	428,6	1160	1441	254,7	490,6	521,9	173,1	660,0	905,4
В %	**42,9**	**67,3**	**72,8**	**40,0**	**59,4**	**61,9**	**49,5**	**75,6**	**81,6**

Источник: UNCTADStat. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 20.12.2016

Если в 2000 г. более 63% мирового экспорта продукции ИКТ осуществлялось развитыми странами, то уже в 2010 г. их доля сократилась до 49,9%, в то время как доля экспорта технологически сложной про-

[56] Рассчитано на основе данных Bilateral trade flows by ICT goods categories. [Электронный ресурс] URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 20.12.2016)

дукции в экспорте развивающихся стран увеличилась с 34,9% в 2000 г. примерно до 50,1% в 2010 г. Реализацией стремления ТНК посткризисной стратегии к снижению издержек за счет более дешевого труда в развивающихся странах стало увеличение экспорта товаров ИКТ в 2014 г. из развивающихся стран до 59,6% против сокращения экспорта развитых стран до 42,5%.

В результате сложившаяся схема международного разделения труда в начале 2000-х гг., в которой развивающиеся страны производят компоненты, а развитые страны осуществляют конечную сборку при производстве наукоемкой продукции, постепенно трансформируется в схему, в которой инновационные, наиболее «наукозатратные» и наукоемкие компоненты, определяющие основные характеристики модели, производятся в развитых странах — США и ЕС, а менее сложные компоненты в новых индустриальных странах — Южной Корее, Сингапуре, Индонезии, Тайване, а конечная сборка продукции — в странах с дешевой рабочей силой, но уже имеющей достаточную квалификацию (Малайзия, Китай), но в то же время наметившийся постепенный рост цены труда китайских рабочих заставляет ТНК искать более дешевые рынки труда (Вьетнам, Индия).

По отчетам японской организации по развитию внешней торговли (JETRO), вьетнамские производители поставляют 33% вспомогательных материалов для японских заводов во Вьетнаме. В то время как в Китае в результате локализации доля отечественных высокотехнологичных комплектующих материалов достигает 64%, а в Таиланде — 53%[57]. А по информации компании Samsung, вьетнамские компании смогли наладить поставку лишь 10% комплектующих материалов и деталей для ее предприятий на территории Вьетнама [Платонова, Фам Чан Хай Нга, 2016, с. 8–17].

Среди развитых стран крупнейшими экспортерами высокотехнологичной продукции ИКТ являются США, доля которых в экспорте на мировой рынок ИКТ составляет 27,2%, Германия — 6,2%, Япония — 0,99%[58]. Углубление технологического разделения труда и фрагментация производственного процесса в сфере ИКТ с включением в цепочки создания стоимости развивающихся стран в большей степени характерно для США и Японии, в то же время Германия, Франция, в этих целях размещают филиалы и стремятся заключать кооперационные соглашения с ТНК других развитых стран и в первую очередь стран ЕС (см. табл. 2).

[57] JETRO: Vietnam supporting industries improving// The Saigon times. [Электронный ресурс]. URL: http://english.thesaigontimes.vn/41397/JETRO-Vietnam-supporting-industries-improving.html (дата обращения 23.03.2015).

[58] UNCTADStat. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 06.01. 2017

Таблица 2
Экспорт товаров ИКТ в отдельных развитых странах

Направления экспорта	Всего в мире			В развитые страны			В развивающиеся страны		
	2000	2010	2014	2000	2010	2014	2000	2010	2014
Всего млрд долл.	999,1	1723	1979	636,3	826,6	842,9	349,4	872,5	1109
В %	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
развитые страны, млрд долл.	569,9	561,1	532,8	381,3	335,3	318,2	176,2	211,9	202,8
В %	**57,0**	**32,5**	**27,0**	**59,9**	**40,6**	**37,8**	**50,4**	**24,3**	**18,3**
в т.ч.									
США	27,5	24,0	27,2	19,8	13,0	14,3	45,8	42,9	48,9
Япония	18,9	14,6	10,9	15,3	6,3	4,2	28,7	28,6	21,8
Германия	8,1	11,5	12,7	9,8	14,8	16,0	4,4	5,9	7,3
Нидерланды	6,7	10,9	11,6	7,5	16,0	16,9	0,9	2,7	3,1
Франция	5,6	4,0	4,1	6,3	4,4	4,6	4,1	3,4	3,3

Источник: UNCTADStat. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 06.12.2016)

Тенденция к увеличению кооперационных связей у ТНК США и Японии с развивающими связями более отчетливо проявилась после кризиса 2008 г., о чем свидетельствует увеличение американского экспорта в страны АТР. В 2000 г. из американского экспорта продукции ИКТ, который оценивался в 156,7 млрд долл. на развивающиеся страны приходилось 45,8%, то в 2014 г. — уже 48,9%.

В отличие от США, которые в 2014 г. заняли второе место на мировом рынке продукции ИКТ после Китая, японские ТНК, уступили свои позиции странам АТР, при этом сохранив кооперационные связи с капиталом развитых стран, значительную часть филиалов разместили в развивающихся странах. В результате углубления кооперационных отношений в сфере ИКТ экспорт Японии в эти страны увеличился с 46,2% в 2000 г. до 76% в 2014 г.

Однако у стран, лидирующих в Европе по экспорту продукции ИКТ, таких как Германия, Нидерланды и Франция в качестве торговых партнеров преобладали развитые страны, в которые направлялось в 2000 г. соответственно 9,8%, 7,5%, 6,3% высокотехнологичного экспорта указанных стран. В рамках реализации стратегии «Европа 2020» у каждой

из трех названных стран в 2014 г. в географической структуре экспорта продукции ИКТ основное место занимали страны ЕС, в которых торговля наукоемкой продукцией с высокой добавленной стоимостью рассматривается не только как возможность для создания высокооплачиваемых рабочих мест, но и как формирование условий для устойчивого экономического роста. Этим объясняется то, что в посткризисный период экспорт продукции ИКТ за пределы ЕС несколько сократился[59].

В результате сформировавшегося международного разделения труда при производстве товаров ИКТ лидерами на мировом рынке 2014 г. стали развивающиеся страны, доля которых в мировом экспорте достигла более 72%, в первую очередь Восточной и Юго-восточной Азии, в числе которых доля экспорта продукции ИКТ Китая составляет боле 42% (см. табл. 3).

Таблица 3
ЭКСПОРТ ТОВАРОВ ИКТ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Направления экспорта	**Всего в мире**			**В развитые страны**			**В развивающиеся страны**		
	2000	**2010**	**2014**	**2000**	**2010**	**2014**	**2000**	**2010**	**2014**
Всего млрд долл.	999,1	1723	1979	636,3	826,6	842,9	349,4	872,5	1109
В %	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Развивающиеся страны, млрд долл	428,6	1159,9	1441	254,7	490,6	521,9	173,1	660,0	905,4
В %	**42,9**	**67,3**	**72,8**	**40,0**	**59,4**	**61,9**	**49,5**	**75,6**	**81,6**
в т.ч.									
Китай	10,3	39,6	42,1	9,8	48,8	52,3	10,9	32,5	36,0
Гонконг	11,7	15,3	16,6	8,2	7,4	7,7	16,9	21,2	21,7
Сингапур	17,6	10,4	8,5	15,9	6,7	4,7	20,4	13,2	10,8
Тайвань	14,7	8,2	8,1	15,8	6,3	5,2	13,1	9,6	9,9
Республика Корея	13,8	8,6	7,8	13,9	6,9	4,8	13,7	9,8	7,9
Малайзия	12,1	5,8	4,7	11,7	5,2	4,6	12,7	6,3	10,8
Вьетнам	0,18	0,49	2,5	0,04	0,5	3,2	0,3	0,4	1,9

Источник: UNCTADStat. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 20.12.2016)

[59] Показатели «Европа 2020» — R&D и инновации. Евростат. URL: http://www.spbstu.ru

Таким образом, уже с начала 2000 г. по 2014 г. стала очевидна тенденция более широкого участия развивающихся стран в создании ГЦС, в результате которого доля Китая в мировом экспорте продукции ИКТ увеличилась почти в 14 раз. Произошло изменение в схемах ТНК по созданию продукции ИКТ на основе глобальных цепочек стоимости с участием развивающихся стран. В результате перевода ТНК производства высокотехнологичной продукции в развивающиеся страны участником глобальных цепочек создания стоимости в начале 2000 г. стал Вьетнам. В силу не только наличия более дешевых трудовых ресурсов, но и в результате либерализации торгового законодательства в процессе подготовки к присоединению к ВТО, которая была начата еще в конце 1990-х годов, вьетнамский экспорт продукции ИКТ к началу 2015 г. увеличился в 45 раз.

Еще одна важная тенденция, которая проявилась в середине первого десятилетия 2000 гг. заключается в том, что развивающиеся страны интегрировались в производство достаточно сложной высокотехнологичной продукции. Постепенно ТНК развитых стран в своих филиалах в развивающихся странах азиатского региона перешли от сборки изделий к производству самых сложных электронных узлов и компонентов, на которые в настоящее время приходится наибольшая доля взаимной торговли продукцией ИКТ. Изменение в международном разделении труда затронуло, в первую очередь, производство электронных компонентов, доля которых в экспорте товаров ИКТ достигает более 30%. Наибольшая доля электронных компонентов в 2014 г. зафиксирована в экспорте Сингапура и превышала 80%, у Малайзии — более 60%, а у Республики Корея — примерно 54%. Эти структурные изменения также существенно повлияли на рост их взаимного экспорта.

В значительной степени на формирование новой тенденции повлияла либерализация и упрощение процедур в торговой политике развивающихся стран. Так, например, Китай, присоединившийся к ВТО в 2000 г., после либерализации торговой политики, включая упрощение оформления документации и взимания платежей, создал привлекательные условия для иностранных ТНК и постепенно превратился из «сборочной мастерской» сложных узлов для электронной продукции и компьютеров в поставщика электронных компонентов, и в итоге занял лидирующие позиции экспортера продукции ИКТ не только в своем регионе, но и в мире.

Однако, как отмечают международные организации, вовлечение развивающихся стран в ГЦС, которые формируются ТНК развитых стран, оказывает наиболее существенное влияние на увеличение мирового

товарооборота, поскольку все более детальная фрагментация производства с участием развивающихся проявляется в их участии сразу на нескольких стадиях производственного процесса и при экспорте произведенной продукции в развивающихся странах с участием иностранного импорта [Global, 2013]. В результате происходит завышенная оценка участия развивающихся стран в восходящих и нисходящих связях в ГЦС. По инициативе международных организаций — ВТО и ОЭСР предложена методология «Торговля по добавленной стоимости» (Trade in Value-Added — TiVA), в которой подчеркивается противоречивость существующей оценки глобальных цепочек создания стоимости и необходимость их комплексной оценки [Statistics on Trade, 2013]. Кроме того международные организации обращают внимание на то, что продолжение политики либерализации торговли товарами и услугами будет способствовать восстановлению мирового товарооборота. С этих позиций подписание в конце 2015 г. Вьетнамом, Малайзией и Сингапуром соглашения о Транстихоокеанском партнерстве рассматривается ими как возможность еще больше расширить свое участие в ГЦС, как выгодное условие для развития национального бизнеса, привлечения иностранного капитала и для увеличения их доли в мировом товарообороте, что в итоге будет способствовать росту мирового товарооборота. Можно предположить, что при отказе американской администрации от ратификации этого соглашения существенно усилится регионализация в торговых отношениях азиатских стран. О чем свидетельствует тот факт, что уже в 2014 г. на долю развивающихся стран в их взаимном товарообороте приходилось 62,8%[60].

Наряду с факторами, влияющими на рост мирового товарооборота в результате разрастания ГЦС при производстве высокотехнологичной продукции, были выделены факторы, тормозящие рост мировой торговли за счет сокращения ГПЦ в краткосрочном периоде и обеспечивающие их возможный рост на новой технологической основе в долгосрочной перспективе в развитых странах.

После экономического кризиса 2008 г. начался процесс структурной перестройки в развитых странах, которые стремятся увеличить долю рабочих мест, поддерживаемых зарубежным конечным потреблением. В результате следования стратегии размещения производства многих видов продукции за рубеж в странах ОЭСР сформировалась зависимость рынка труда от зарубежного потребления. В наибольшей степе-

[60] Рассчитано по данным: Bilateral trade flows by ICT goods categories. URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 20.12. 2016)

ни зависит от зарубежного конечного потребления Германия, где 40% рабочих мест создано зарубежным спросом производителей товаров и услуг, участвующих в ГЦС, а наименьшая зависимость в этом плане наблюдается у США — приблизительно 10% [Мешкова, Моисеичев, 2015, с. 88–89].

С началом работы новой администрации в США в 2017 г. заявленный курс на увеличение рабочих мест в стране, а также необходимость решения внутренних проблем с занятостью в ЕС могут отрицательно повлиять на темпы роста ГЦС и закрепить процесс их «старения» или «бронзовения», на возможность которого обращают внимание международные организации. Если в начале 2000-х годов США являлись ведущим поставщиком технологических узлов и компонентов в Китай и в некоторые страны АТР, а также импортером готовых изделий из этих стран, то наметившийся процесс сокращения импорта готовых изделий в общем импорте США с 80% в начале тысячелетия до 70% в 2013 г., свидетельствует о готовности американской экономики к структурной перестройке в пользу создания национальных рабочих мест и увеличения локализации производства.

Новые позиции Китая в глобальной экономике как крупнейшего импортера и экспортера электронных компонентов для продукции ИКТ за счет процессов регионализации могут существенно укрепиться и стимулировать рост движения товарной продукции и услуг на основе его участия в ГЦС [Цветкова, 2015, с. 39]. Рост стоимости труда китайских работников, отразившийся на издержках американских и европейских компаний, которые выводили туда свое производство и включали Китай в свои производственные цепочки, приводит к изменению географии формирования ГЦС, в первую очередь, в рамках азиатско-тихоокеанского региона, в котором китайские ТНК является организаторами ГЦС при производстве, в первую очередь, товаров ИКТ, для этого они широко используют офшорные возможности Гонконга, налаживая взаимный товарооборот между странами региона.

На усиление тенденции к регионализации в торговле высокотехнологичной продукцией существенно влияет рост транспортных издержек в последнее десятилетие. Даже в условиях снижения нефтяных цен ужесточение экологических требований к морским перевозкам, вступивших в силу с 1 янв.2015 г. в рамках Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (1973 г.) повышательно влияет на стоимость морских перевозок, которые преобладают при перевозке продукции ИКТ. Транспортировка через районы контроля выбросов (РКВ), которые включают Балтийское море, район Северного моря, се-

вероамериканский атлантический район и район Карибского моря Соединенных штатов, предполагает использование более дорогого экологически чистого топлива с пониженным содержанием серы. В этом случае сдерживание роста транспортных издержек было возможно только при низких ценах на нефть, но учитывая высокую волотильность цены на топливо можно предположить, что в целях страхования риска убытков, перевозчики могут ввести надбавки к существующим тарифам [UNCTAD/RMT/2015. P. 15]. Поэтому сокращение расстояний перевозок в пределах одного региона снижает издержки при создании ГЦС в сфере производства информационно-коммуникационной техники.

Тенденция к стабилизации цен на энергоносители после договоренности стран ОПЕК 30 ноября 2016 г. в Вене об ограничении добычи нефти на 1,2 млн баррелей в сутки (до 32,5 млн баррелей в сутки)[61] существенно замедлит изменение транспортных издержек, что так же будет способствовать росту как внутрифирменного, так и международного товарооборота.

Таким образом, для сохранения международных конкурентных позиций, столкнувшись с падением прибыли ТНК занятые производством ИКТ для снижения сравнительных издержек будут стремиться организовать производство на более высоком технологическом уровне, что станет основой для создания новых ГЦС и инициирует рост мировой торговли.

Анализ результатов. Проведенное исследование взаимодействия международной торговли и структурных изменений в глобальной экономике подтверждает правильность гипотезы о вероятном росте мирового товарооборота в результате перехода в производстве продукции ИКТ на новый технологический уровень и увеличения торговли высокотехнологичной продукцией.

Несмотря на наметившийся процесс сокращения инициирования новых ГЦС в США и странах ЕС, стремление освоить новую высокотехнологичную продукцию, соответствующую начавшейся «четвертой индустриализации» глобальной экономики, в условиях отсутствия прогресса в переговорном процессе в области нетарифной либерализации между развитыми и развивающимися странами в ходе Дохийского раунда многосторонних переговоров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), представляет возможность снижения издержек и сохранения международных конкурентных позиций в производстве и экспорте ИКТ в посткризисный период.

[61] http://izvestia.ru/news/648691#ixzz4W9FpIFvb

Полученные результаты исследования динамики формирования ГЦС в высокотехнологичном производстве ИКТ подтверждают существенные изменения в международном разделении труда на основе вовлечения в формирование глобальных цепочек стоимости развивающихся стран. За период с начала 2000 г. по 2014 г. развивающиеся страны, осуществлявшие первоначально в основном только сборку продукции трансформировались в производителей и лидирующих экспортеров высокотехнологичной продукции ИКТ. Участвуя в глобальных цепочках создания добавленной стоимости, которые формировали американские и европейские ТНК в таких странах Южной и Юго-Восточной Азии, как Китай, Сингапур, Малайзия, Тайвань, Республика Корея, Вьетнам, именно эти страны вошли в число стран-лидеров по производству ИКТ. В начале 2000-х гг. формирование новых ГЦС являлось важным фактором роста мирового товарооборота.

Однако, уже в 2010 г. наметилась тенденция замедления темпов роста мировой торговли, в результате оптимизации глобальных производственных систем и сдерживания создания новых ГЦС.

Как показывает исследование, для сохранения дохода при усилении международной конкуренции между ведущими ТНК, производящими и экспортирующими продукцию ИКТ на основе теории сравнительных издержек, им объективно придется организовать производство на более высоком технологическом уровне, за счет фрагментации производственного процесса, что станет основой для создания новых ГЦС и инициирует рост мировой торговли. Важным фактором формирования новых ГЦС станет снижение темпов роста экономики Китая и рост стоимости труда китайских работников, вследствие которых произойдет более широкое включение в ГЦС новых стран с более дешевой рабочей силой, например Вьетнама. Таким образом, изменение контуров и структуры ГЦС в высокотехнологичной сфере на основе производства новейших вспомогательных материалов, полуфабрикатов, электронных компонентов и сырья, необходимых для производства технологически более сложной продукции приведет к росту экспорта товарной массы, предназначенной для переработки в третьих странах. В результате структурной перестройки ГЦС в процесс углубления международного разделения труда на основе технологической специализации будут созданы условия для роста мирового товарооборота.

Заключение. Несмотря на тенденцию замедления развития мировой торговли товарами, которая сформировалась в мировой экономике в последние четыре года необходимость сохранения дохода в условиях углубления конкуренции между странами, которые являются

лидерами в производстве высокотехнологичной продукции, приведет к переходу при производстве ИКТ на новый технологический уровень с участием более широкого круга стран из АТР.

Исследование гипотезы о том, что существенное ускорение роста мировой торговли может быть достигнуто в результате структурной перестройки международного разделения труда на основе оптимизации глобальных производственных систем, подтверждается уже ярко выраженной тенденцией к включению в производство сложных электронных компонентов все большего числа развивающихся стран. Успешно используя для наращивания экспорта восходящих и нисходящих связей для получения добавленной стоимости при формировании ГЦС, характерное для развитых стран, развивающиеся страны Южной и Юго-Восточной Азии, освоив производство сложных компонентов ИКТ, вошли в число ведущих поставщиков этой товарной группы на мировой рынок, о чем свидетельствует увеличение доли их экспорта в мировой торговле продукцией ИКТ.

Таким образом, формируется новая тенденция — тенденция роста мирового товарооборота под влиянием перехода при производстве продукции ИКТ на новый технологический уровень за счет создания новых цепочек стоимости при все более широком участии в международном технологическом разделении труда развивающихся стран.

Литература

1. Дюмулен И. И. Международная торговля в послекризисные годы (2010–2015 гг.) — новые тенденции и некоторые проблемы / И. И. Дюмулен // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 7. С. 6.
2. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России /Т. А. Мешкова, Е. Я. Моисеичев // Вестник финансового университета. 2015. № 1. С. 88–89.
3. Платонова И. Н. Фам Чан Хай Нга Проблемы малого и среднего бизнеса Вьетнама после присоединения к ВТО / И. Н. Платонова, Фам Чан Хай Нга// Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 12. С. 8–17.
4. Цветкова Н. Н. Экспорт товаров ИКТ из стран Востока и сдвиги в международном разделении труда // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: памяти В. Г. Растянникова. М.: ИВ РАН. 2015. С. 38–68.
5. Шуйский В. П. Международная торговля товарами: сохранение нынешних тенденций или начало разворота / В. П. Шуйский // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 7. С. 54.
6. Baldwin R., Taglioni D. Gravity chains: Estimating bilateral trade flows when parts

and components trade is important, 12.06.2012 [Электронный ресурс] URL.: http://voxeu.org/article/gravity-model-global-value-chains (дата обращения 20.11.2016)
7. Bilateral trade flows by ICT goods categories. [Электронный ресурс] URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения 28.11.2016)
8. Gereffi G. The governance of global value chains. /G. Gereffi, J.Humphrey, T. Sturgeon // Review of International Political Economy. 2005. vol.12. №1. P. 78–104
9. Global Economic Prospects, Weak Investment in Uncertain Times. World Bank Group. January 2017. 253 p.
10. Global Economic Prospects, Having Fiscal Space and Using It, January 2015, World Bank. 216p.
11. JETRO: Vietnam supporting industries improving// The Saigon times. [Электронный ресурс] URL: http://english.thesaigontimes.vn/41397/JETRO-Vietnam-supporting-industries-improving.html (дата обращения 23.03.2016).
12. Porter M. E. Competitive Advantage of Nations: Creating and Sustaining Superior Performance. Competitive Advantage of Nations. Simon and Schuster, 2011. 1289p.
13. Review of Maritime Transport 2015. UNCTAD/RMT/ Geneva.2015. P. 15
14. Trade in Value Added and Global Value Chains, WTO, 2016. /WTO [Электронный ресурс] URL.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e /Explanatory_Notes_e.pdf (дата обращения 20.11.2016)
15. World Investment Report, 2013. Global production systems: investment and trade for development / UNCTAD. [Электронный ресурс] URL.: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013overview_ru.pdf (дата обращения 20.11.2016)

THE INTERACTION OF INTERNATIONAL TRADE AND STRUCTURAL CHANGES IN THE GLOBAL EEONOMIC

Irina N.Platonova

Abstract. *The relevance of the analysis of the trend of slowdown of world merchandise trade, which was formed in the world economy in the last four years, determines the necessity of studying the reasons and factors, which have an inhibitory effect on the dynamics of world trade. Despite the fact that in the economic literature, the first study of the factors restraining the growth of world trade, a full understanding of the ways of overcoming the current trend, contrary to the objective process of globalization of the world economy, are not yet available.*

The investigation of the hypothesis that the most important factor constraining the growth of world trade, was the restructuring of the international division of labor based on optimization of global production systems, allows to identify contradictions in the interests of national trade policy and the multilateral trading system.

Based on the concept of the formation of value chains in the framework of the theory of competitive advantages of countries Michael porter, it was concluded that the increase in the competitiveness of countries in the post-crisis period can be achieved by transition to production of high-tech products primarily in the production of ICT equipment.

Revealed factors having a downward effect on the dynamics of the rate of world trade, among the most important factors marked protectionist tendencies in trade policies of the United States, which are one of the leading countries-exporters of ICT.

It is proved that to reduce costs in high-tech manufacturing will continue its international fragmentation due to the growth of global value chains. Technological breakthrough on the stage of the "fourth of industrialization" in the global economy leads to an increase in the share of high-tech products in world trade in terms of increased competition and will create conditions for acceleration of world trade. Statistically proven that the process of transition to a new technological level in the production of information and communication technology leadership will take the country in the Asian region.

Keywords: *World trade, WTO, global value chain*

References

1. Baldwin R., Taglioni D. Gravity chains: Estimating bilateral trade flows when parts and components trade is important, 12.06.2012 [Электронный ресурс] URL.: http://voxeu.org/article/gravity-model-global-value-chains (дата обращения 20.11.2016)
2. Bilateral trade flows by ICT goods categories. [Электронный ресурс] URL: http://unctadstat.unctad.org (дата обращения 28.11.2016)
3. Dyumulen, I.I. (2016) Meždunarodnaâ torgovlâ в годы poslekrizisnye (2010–2015 гг.) — novye tendencii i nekotorye problemy [International trade in the post-crisis years (2010–2015) — new trends and some problems] Rossijskij Vestnik vnešneèkonomičeskij. [Russian Foreign Economic Journal] N 7. P. 6.
4. Gereffi G. (2005) The governance of global value chains./ G. Gereffi, J.Humphrey, T. Sturgeon. //Review of International Political Economy. Vol.12. N 1. P. 78–104
5. Global Economic Prospects, Weak Investment in Uncertain Times. World Bank Group. January 2017. 253p.
6. Global Economic Prospects, Having Fiscal Space and Using It, January 2015, World Bank. 216p
7. JETRO: Vietnam supporting industries improving// The Saigon times. [Электронный ресурс] URL: http://english.thesaigontimes.vn/41397/JETRO-Vietnam-supporting-industries-improving.html (дата обращения 23.03.2016).
8. Meshkova, T.A., Moiseichev, E.J. (2015) Mirovye tendencii razvitiâ global'nyh cepoček sozdaniâ dobavlennoj stoimosti i učastie v nih Rossii [Global trends in

global chains of value creation and the participation in them of Russia] Vestnik finansovogo universiteta. [The Bulletin of the financial University] N 1. C. 88–89.
9. Porter M. E. Competitive Advantage of Nations: Creating and Sustaining Superior Performance. Competitive Advantage of Nations. Simon and Schuster, 2011. 1289p.
10. Platonova, I.I.. Fam Chan Hai Nga Problemy malogo i srednego biznesa V'etnama posle prisoedineniâ k VTO [Issues of Vietnam's SMEs after joining the WTO] Rossijskij Vestnik vnešneèkonomičeskij. [Russian Foreign Economic Journal] N 12. C. 8–17.
11. Shuyskij V. P. (2016) Meždunarodnaâ torgovlâ tovarami: sohranenie nynešnih tendencij ili načalo razvorota [International trade in goods: persistent current trends or a turning-point?] Rossijskij Vestnik vnešneèkonomičeskij. [Russian Foreign Economic Journal] N 7. P. 54.
12. Review of Maritime Transport 2015. UNCTAD/RMT/ Geneva.2015. P. 15
13. Trade in Value Added and Global Value Chains, WTO, 2016. /WTO [Электронный ресурс] URL.: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e /Explanatory_Notes_e.pdf (дата обращения 20.11.2016)
14. World Investment Report, 2013. Global production systems: investment and trade for development / UNCTAD. [Электронный ресурс] URL.: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2013overview_ru.pdf (дата обращения 20.11.2016)
15. Zwetkova, N.N. (2015) Èksport tovarov IKT iz stran Vostoka i sdvigi v meždunarodnom razdelenii truda [Exports of ICT goods from the East and shifts in the international division of labor] In Èkonomičeskie, social'no-političeskie, ètnokonfessional'nye problemy afro-aziatskih stran: pamâti V.G. Rastânnikova. [Economic, socio-political, ethno-confessional problems of the Afro-Asian countries: memory of V. G. Rastiannikov] M.: IV RAN. P. 38–68.

Информация об авторе:
Платонова Ирина Николаевна
доктор экономических наук, профессор
Заведующая кафедрой «Международные экономические отношения и внешнеэкономические связи», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России
Эл.почта: irplato56@mail.ru
Irina N.Platonova
Doctor of Economics, Professor
Head of Department of International Economic Relations and Foreign Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Russia
E-mail: irplato56@mail.ru

РОССИЙСКИЙ ЭКСПОРТ И КУРС РУБЛЯ

А. П. ПОЛИВАЧ

Аннотация. *Внешнеторговая специализация России на экспорте продукции сырьевых отраслей при слабом присутствии товаров российских обрабатывающих отраслей (чья доля в совокупном экспорте постоянно снижается) на мировых рынках, нередко объясняется следствием наличия несоответствующего валютного курса рубля, который представляется ряду экономистов завышенным. Основываясь на этом, периодически выдвигаются предложения ослабить валютный курс рубля, чтобы поддержать экспорт обрабатывающих отраслей.*

Данное исследование посвящено анализу внешней торговли России, а также экспорта обрабатывающих отраслей в 1994–2015 гг. на фоне колебаний курса рубля, чтобы выяснить насколько часто их изменения можно ассоциировать именно с динамикой курса рубля.

В первом случае было выявлено, что российский экспорт и импорт росли или сокращались одновременно, хотя и разными темпами. То есть их противоположной реакции на изменения курса рубля не обнаружилось. Это можно объяснить тем, что большую часть в объеме экспорта России занимают сырьевые товары, стоимость экспорта которых зависит от мировых цен. Поэтому укрепление рубля, во время роста мировых цен на сырьё не могло помешать экспорту России, а его ослабление, явившееся реакцией на падение мировых цен, соответственно не могло ему помочь.

Во втором случае, пересчитав сырьевую часть российского экспорта в постоянные цены 1999 г., было обнаружено, что в период роста сырьевых цен (2001–2008 гг.) доля обрабатывающих отраслей в экспорте России не только не сократилась, но, даже увеличилась с 11,4% до 16,6%, а в абсолютном выражении их объем вырос в 2,4 раза. Но в кризис 2009 г., их доля сократилась. Затем, несмотря на укрепление рубля, доля этих отраслей снова выросла. Следующая масштабная девальвация рубля также сопровождалась сокращением их объема и доли.

Теоретически, условие для повышения ценовой конкурентоспособности российских товаров может создаваться, если ослабление рубля

будет больше темпов инфляции в России. Но это наблюдалось только в 1999, 2009, 2014 и 2015 гг. То есть, девальвация «автоматически» понижала цены только 4 раза за 25 лет. Однако экспорт несырьевых отраслей не выиграл от этого, сокращаясь во всех этих случаях, хотя в другие периоды обычно демонстрировал рост.

Таким образом, не подтверждается мнение о негативном влиянии укрепления российской валюты на товарную структуру внешней торговли России и потенциально позитивном воздействии её ослабления. Масштабные девальвации рубля в скорее мешали, чем помогали экспорту российских товаров и, в частности обрабатывающих отраслей.

Ключевые слова: *курс рубля, российский экспорт.*

Ведение. В России, с её внешнеторговой специализацией на экспорте продукции сырьевых отраслей при растущем импорте товаров обрабатывающих отраслей, нередко считают такое положение дел следствием наличия несоответствующего валютного курса рубля, который периодически представляется ряду исследователей завышенным. При этом резкая девальвации рубля в 1998 г., признаётся основной причиной, которая в течение последующих лет обеспечила высокие темпы роста российской экономики и экспорта, а также рассматривается как образец для правильной политики в этом отношении. Вместе с тем последующие эпизоды значительной девальвации российской валюты в 2008–2009 и 2014–2016 гг. не привели к существенному изменению структуры российского экспорта, хотя такие ожидания существовали. Более того, в эти периоды сокращался экспорт практически всех отраслей российской экономики. Это обстоятельство вызывает необходимость рассмотреть вопрос о том, каким образом на практике российский экспорт реагировал на колебания валютного курса рубля на протяжении последних 25 лет.

Теоретические основания исследования. Возможность влияния валютного курса на внешнеторговые показатели на теоретическом уровне была обоснована в период времени, когда во всех странах действовали фиксированные валютные курсы, ограничения на трансграничное движение капитала, существенные тарифные и нетарифные барьеры и был произведён вывод золота из наличного денежного обращения. В 1944–1946 г. американец А. Лернер окончательно сформулировал теоретическое условие (позже названное условием Маршалла–Лернера), при выполнении которого изменение номинального обменного курса может повлиять на динамику торгового баланса нужным образом [13, p. 377].

Вместе с тем такие взгляды не согласуются с теориями международной торговли, начиная с классических и заканчивая современной

теорией М. Портера. Валютный курс или не рассматривается в них, или же, как у М. Портера, делается вывод, что валютный курс не является причиной появления успехов в развитии экономики исследованных им стран. Более того, автор последней теории рекомендует правительствам воздерживаться от вмешательства в процессы на валютном рынке с целью установления желаемого обменного курса [6, с. 210, 247].

Что касается взаимосвязи российской внешней торговли и курса рубля то ряд российских экономистов, например, А. Кудрин [3], В. Стародубовский [7], а также иностранных [11, p. 20], обычно придерживаются следующей парадигмы. В 1998 г. в результате существенной девальвации российской валюты Россия получила значительное улучшение ценовой конкурентоспособности своей экономики на международных рынках, что определило последующий успешный рост внешней торговли страны и экономики в целом. При этом происходившее в 2001–2008 гг. укрепление российской валюты, соответственно считалось основной причиной роста издержек производства товаров в России, что поощряло только развитие сырьевых отраслей, в свою очередь, снижая конкурентоспособность других отраслей российской промышленности и стимулируя рост импорта.

Исходя из этого неудивительно, что в числе рекомендаций экономистов регулярно присутствует «осторожная денежная политика, основанная на сдерживании укрепления рубля» [4, с. 33]. Представители высшего руководства России публично также придерживались аналогичных взглядов [8].

Впоследствии некоторые российские эксперты, ссылаясь на свой анализ последствий кризисов 1997–1999 и 2008–2009 гг. для ряда стран восточной Европы [14], пришли к выводу, что курс национальной валюты полезно занижать, так как это будет стимулировать экспортно-ориентированный рост, а утраченную конкурентоспособность легче восстановить понижая курс валюты, чем оказывая сдерживающее воздействие на рост цен.

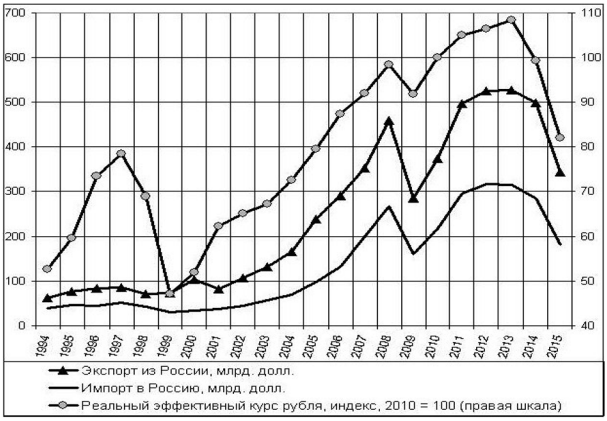
Отметим, что ряд российских экономистов в своих работах не придерживаются точки зрения об определяющей роли девальвации рубля 1998 г. для дальнейшего роста российской экономики и её экспорта, например А. Бланк [2] или И. Харланов [9]. Более того, проведённое в до кризисный период математическое моделирование показало, что укрепление рубля увеличивает конкурентоспособность российских товаров [1, с. 8]. Во время последующих девальваций рубля эти авторы также высказывали сомнения в том, что последствия данного явление для российской внешней торговли будут позитивными.

Таким образом, представляется интересным проанализировать динамику внешней торговли Российской Федерации и валютного курса рубля за весь период наблюдений, для того чтобы выяснить насколько часто изменения экспорта и импорта можно ассоциировать именно с динамикой валютного курса. Если частота таких случаев на практике невелика, тогда независимо от наличия теоретически доказанной зависимости между ними, эффективность использования фактора валютного курса в современных условиях будет заведомо определяться случайным стечением обстоятельств.

Исследование: основная часть. В исследовании в основном используется показатель реального эффективного курса рубля, поскольку на него обычно ссылаются в научных работах как на фундаментальную причину, которая определяет конкурентоспособность российских товаров по цене. Также в некоторых случаях использовался номинальный обменный курс поскольку именно он находится в фокусе публичной дискуссии между российским правительством и рядом представителей бизнеса по поводу способов поддержки конкурентоспособности российского экспорта.

Динамика российской внешней торговли и реального курса рубля в 1994–2015 гг. отражена на рис. 1.

Рис. 1. Внешняя торговля России в 1994–2015 гг.



Примечания. Экспорт f.o.b., импорт c.i.f. Реальный курс рубля, рассчитанный МВФ по методике сравнения потребительских цен.
Источник. Расчеты автора по данным Росстата [10], МВФ [12].

Рис. 2. Экспорт обрабатывающих отраслей России в 1994–2015 гг.

Примечание. Экспорт обрабатывающих отраслей включает следующие товарные группы ТН ВЭД России: машины и оборудование, бумага, ткани хлопчатобумажные. К экспорту сырьевых отраслей отнесены экспорт нефти, газа, руды, угля, продуктов нефтегазоперерабатывающей и химической отраслей, черных и цветных металлов, удобрений, леса, продуктов сельского хозяйства.
Источник: Расчёты автора по данным Росстата [10].

Как можно заметить внешняя торговля Российской Федерации во все годы отличалась превышением экспорта над импортом, при этом реальный курс укреплялся и в период значительных девальваций в 1992–1996 гг. и в период укрепления номинального обменного курса в 2001–2008 гг. Однако в 1994–2001 гг. динамика экспорта была неустойчивой, но с 2002 г. начинается быстрый и долгосрочный рост объемов российского экспорта. Такое положение дел во многом объясняется происходившим с 2000 г. ростом мировых цен на сырьевые товары, которые занимают большую часть в стоимости российского экспорта (например, в 2006 г. их доля достигала 69%)[62]. Поскольку объем экспорта по этим товарным группам зависит от мировых цен на эти товары, то и укрепление рубля не могло помешать российскому экспорту в целом, поскольку являлось следствием его роста. Зато длительное падение нефтяных цен в 2014–2016 гг. привело к резкому сокращению объема российского экспорта и стало причиной значительной девальвации рубля.

[62] Рассчитано автором по данным Росстата [10].

Более подробно рассмотрена ситуация с экспортом из России продукции обрабатывающих отраслей промышленности (машины и оборудование, бумага, ткани хлопчатобумажные), поскольку предполагается, что именно эти отрасли в наибольшей степени пострадали от укрепления курса рубля и соответственно должны были выиграть от девальвации. На первый взгляд, такое мнение подтверждается постоянным снижением доли этих отраслей в совокупном российском экспорте в 1999–2013 гг. с 11,4 до 5,5% (см. рис. 2, линия с ромбами). Это однако, не учитывает эффект значительного роста в 2001–2008 гг. мировых цен на сырьевые товары. Статистически (то есть в стоимостном выражении) это и отразилось в виде сокращения доли обрабатывающих отраслей в совокупном экспорте страны.

Если же устранить влияние роста цен на сырьевые товары, то вывод будет не столь однозначный (см. рис. 2, сплошная линия). Легко заметить, что в период резкого роста сырьевых цен в 2005–2008 гг. доля обрабатывающих отраслей в российском экспорте не только не сократилась, но, наоборот, увеличилась с 11,4% (1999 г.) до 16,6% (2008 г.). При этом в абсолютном выражении в 2000–2008 гг. экспорт обрабатывающих отраслей вырос в 2,4 раза (в 2,8 раза к 1998 г.).

Рис. 3. Динамика совокупного экспорта и экспорта Росси и обрабатывающих отраслей в текущих ценах

Примечание. Экспорт обрабатывающих отраслей включает следующие товарные группы ТН ВЭД России: машины и оборудование, бумага, ткани хлопчатобумажные. Все данные в текущих ценах.
Источник: Расчёты автора по данным Росстата [10].

Вместе с тем кризис 2009 г. в России, сопровождавшийся почти двукратным падением цен на сырьевые товары и резким ослаблением рубля, показал, что доля обрабатывающих отраслей в российском экспорте не только не увеличилась, но наоборот, доля сократилась с 16,6 до 14,7% (Рис. 2, красная линия). Если сравнивать физические объемы экспорта разных товарных групп в 2009 г., то обнаружится, что, например, российский экспорт минерального сырья сократился только на 2,1%, тогда как машин и оборудования — на 19,4%, а одежды и обуви — на 24,3% [5, с. 42]. В дальнейшем (в 2011–2013 гг.), несмотря на восстановление мировых цен на сырьевые товары, доля экспорта российских обрабатывающих отраслей в совокупном экспорте страны снова стала увеличиваться и достигла 16,5%. Однако, следующая масштабная девальвация российского рубля (2014–2015 гг.) также сопровождалась заметным сокращением объемов экспорта обрабатывающих отраслей, хотя их доля в экспорте сокращалась на этот раз менее резко.

Вопреки распространенному убеждению о развитии только сырьевого экспорта, по расчётам автора, в прошлом десятилетии российские обрабатывающие отрасли демонстрировали вполне приемлемые 12–18-процентные ежегодные темпы роста экспорта в текущих ценах, несмотря на существовавшую тогда общую тенденцию укрепления рубля см. рис. 3). При этом спад в годовых объемах экспорта наблюдался как в периоды укрепления рубля (2002, 2005 гг.), так и в периоды его ослабления (1998, 1999, 2009, 2014, 2015 гг.), а в 2006 г. темпы роста экспорта обрабатывающих отраслей (27,6%) даже превзошли темпы роста совокупного российского экспорта в текущих ценах (24,9%). Если же устранить влияние роста цен на сырьевые товары, то обнаружится, что в период укрепления рубля темпы роста экспорта обрабатывающих отраслей были в 1,5–2 раза выше, чем у совокупного экспорта. Все это ставит под сомнение утверждение о негативном влиянии укрепления рубля на экспорт российских обрабатывающих отраслей.

Поскольку приведённые данные противоречат распространённому представлению о том, что ослабление национальной валюты должно стимулировать экспорт за счёт сокращения цен местных товаров и издержек их производства, представляется необходимым высказать предположения, почему этого не происходит.

Так нередко предполагается, что у российских компаний существуют издержки, выраженные отдельно в рублях и в иностранной валюте, и, соответственно, ослабление рубля может являться фактором сокращения рублевых издержек и тем самым повышать конкурентоспособность российских товаров на экспортных рынках. Однако нужно принять

во внимание, что рублёвые издержки компаний на покупку в России различных товаров, комплектующих и сырья, являются валютными издержками для их поставщиков, которые импортируют эти товары в Россию. При этом даже у товара, произведённого в России, конечная цена также может вырасти в случае девальвации, если при его производстве используется импортируемое сырьё или комплектующие. На практике, внутренняя цена российских производителей сырья (зерно, сталь, уголь или продукция нефтехимической промышленности), также привязана к мировым ценам, и в случае девальвации рубля они поднимают и цены для российских клиентов.

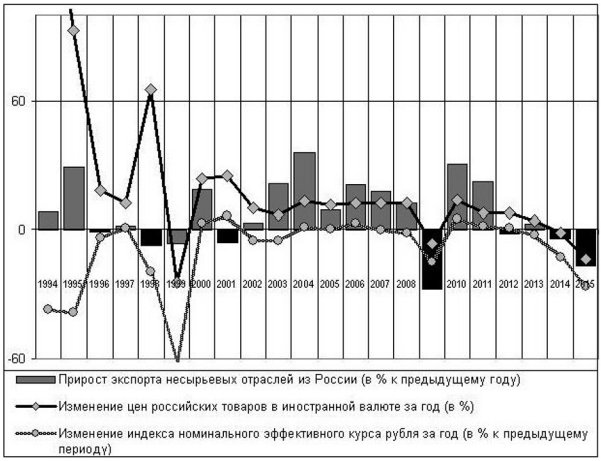
Локализация производства, предусматривающая перенос производства в Россию различных комплектующих и компонентов с целью снижения их себестоимости, о которой нередко отчитываются компании, инвестирующие в России, также на практике иногда принимает весьма спорные формы. Особенно это касается проектов, где иностранный инвестор берёт на себя обязательство обеспечить определённый уровень локализации к заданному сроку. Поскольку комплектующие и компоненты, в свою очередь, включают в себя большое число составных частей более низких уровней, самым доступным способом повышения уровня локализации служит организация в России простой сборки комплектующих верхнего уровня из составных частей, поступающих из-за рубежа. В случае девальвации рубля стоимость таких локализованных комплектующих отнюдь не останется неизменной, а, напротив, вырастет, сильно ухудшая финансовое положение соответствующей компании.

Во многих случаях единственными настоящими рублёвыми издержками российских компаний являются расходы на заработную плату, осуществляемые в рублях. После 2001 г. наблюдался быстрый рост реальных зарплат в стране, что привело к ускоренному росту издержек у предприятий. Ослабление рубля может привести к снижению уровня реальной заработной платы, как это произошло, например, в 2015 г. Однако, чтобы это происходило постоянно, необходима не только отстающая реакция номинальных зарплат на обесценение рубля, но и постоянная, опережающая девальвация рубля. На практике же постоянная и сильная девальвация рубля приведёт к переходу на зарплаты, выдаваемые в рублях, но выраженные в долларах США, как это имело место в 1990-х годах в России. Следовательно, ослабление российской валюты может произвести только краткосрочный эффект на сокращение издержек предприятий на заработную плату. Однако при этом будет иметь место сжатие внутреннего рынка и сокращение доступности кредита для местных компаний.

Важным фактором, определяющим возможность российских компаний увеличить экспорт своих товаров, является доступность банковского кредита. Только при сохранении стоимости заимствований на прежнем уровне (как до девальвации) предприятия могут воспользоваться благоприятным для них ослаблением курса рубля и нарастить свой экспорт или развивать импортозамещение. Однако прежние эпизоды девальвации рубля приводили к увеличению стоимости заимствований и их обслуживания, тем самым заметно ухудшая условия финансирования инвестиций. Исключение составляли компании, которые успели перед самой девальвацией завершить инвестирование в увеличение мощностей, как, например, российские производители мяса в период до 2015 г., которые в затем в 2015–2016 гг. смогли заметно нарастить свой экспорт.

Теоретически, условие для повышения ценовой конкурентоспособности российских товаров может создаваться, если инфляция в России будет расти меньшими темпами, чем ослабление курса рубля. Услов-

Рис. 4. Экспорт несырьевых отраслей России в 1994–2015 гг. и ценовая конкурентоспособность



Примечание. Экспорт несырьевых отраслей рассчитан путем вычитания из совокупного экспорта России продукции нефтегазовой отрасли, угольной, химической, горнорудной промышленностей, сельского хозяйства и рыболовства. Изменение цен российских товаров в иностранной валюте рассчитано как годовая инфляция плюс изменение номинального эффективного курса рубля за год.
Источник: Расчёты автора по данным Росстата [10], МВФ [12].

но назовем это «изменение цен российских товаров в иностранной валюте». Однако это наблюдалось только в 1999, 2009, 2014 и 2015 гг. (см. рис. 4.) В остальные периоды рост инфляции заметно превосходил темпы ослабления рубля. То есть, девальвация иногда «автоматически» понижала цены, но экспорт несырьевых отраслей не выиграл от этого, сократившись во всех 4-х случаях, на 6,2%, 27,4%, 3,7% и 16,7% соответственно.

Ситуация, когда национальная валюта девальвируется, а инфляция при этом не увеличивается, не наблюдалась в современной российской истории, как не было и ни одного случая нулевого прироста цен за год. В таком случае использовать результаты ослабления рубля можно было бы только, если рост цен в России установился бы в долгосрочном периоде на более низком уровне, чем в других странах. Однако чем больше экономика страны интегрирована в глобальный рынок, тем сильнее внутренние цены на товары привязаны к мировым. Попытки ослабления валютного курса рубля в период, когда мировые цен на основные товары российского экспорта растут, неизбежно будут сопровождаться компенсирующим ростом внутренних цен. В период же падения мировых цен курс рубля и так будет ослабляться, сопровождаясь сжатием внутреннего спроса и замедлением инфляции. Однако если девальвация будет чрезмерной, то и инфляция, скорее всего, сохранится на высоком уровне, что не позволит проявиться ощутимым конкурентным преимуществам по цене.

Результаты исследования. Вопреки теоретическим предположениям совокупный российский экспорт рос в периоды укрепления рубля и сокращался в периоды его ослабления, а не наоборот. Несмотря на длительное укрепление реального эффективного курса рубля (2000–2007 гг.) доля продукции обрабатывающих отраслей в совокупном экспорте России постоянно увеличивалась, если её рассчитывать с учётом роста цен на экспортируемые товары сырьевых отраслей. При этом в период сильных девальваций рубля в 2008–2009 и 20104–2016 гг. экспорт этих отраслей сокращался как в абсолютном, так и в относительном выражении. Это не подтверждает мнение о негативном влиянии укрепления российской валюты на товарную структуру внешней торговли России и потенциально позитивном воздействии её ослабления. То есть в целом девальвации российской валюты в различные годы рассматриваемого периода скорее мешали, чем помогали экспорту российских товаров и, в частности обрабатывающих отраслей.

Анализ результатов. По мнению автора, более корректным было бы объяснять динамику российского экспорта и импорта не их возмож-

ной связью с валютным курсом, а их реакцией на изменения в конъюнктуре на мировых рынках и в фундаментальных экономических процессах, происходящих внутри России. Валютный курс же выступает, скорее, в роли индикатора этих изменений. Соответственно, его ослабление не будет создавать конкурентных преимуществ для субъектов российской экономики в целом, а будет лишь отражать степень ухудшения их финансового положения. В свою очередь, улучшение конъюнктуры на мировых рынках или позитивные сдвиги в экономике России не замедлят вызвать укрепление рубля.

Заключение. Основываясь на вышеизложенном, автор приходит к выводу, что целенаправленное использование этого фактора вряд ли приведёт к желаемым результатом, в то время как вероятность создания проблем для российской экономики велика. При этом пока доля сырьевых отраслей в российском экспорте остаётся значительной, колебания мировых цен на сырьевые товары будут оказывать сильное ослабляющее или укрепляющее воздействие на курс рубля вне зависимости от валютно-курсовой политики, проводимой в России.

В этой связи наихудшим вариантом были бы попытки вмешательства в уже установившийся режим свободно плавающего обменного курса рубля, чтобы получить заданный уровень его показателей. Единственным способом добиться изменения валютного курса в сторону ослабления являются действия, стимулирующие спрос на иностранную валюту и ухудшающие внутреннюю конъюнктуру. Например, в периоды роста или восстановления мировых цен на сырьевые товары ослабить российскую валюту можно только, если добиться сжатия внутреннего рынка путём стимулирования инфляции (в т.ч. посредством избыточной денежной эмиссии).

Кроме того, существенным фактором может быть сама методика определения уровня коррекции курса, необходимого для получения требуемого результата. В настоящее время практически единственным показателем, применяемой для этих целей, является индекс реального эффективного курса рубля. Поскольку его значения в определяющей степени зависят от показателей инфляции в странах партнерах, которые к тому же периодически пересматриваются задним числом за несколько лет, то оценки адекватности реального курса рубля в момент принятия решений становятся некорректными спустя десять лет. Исходя из этого можно было бы предложить использовать в научной литературе вместо понятия «реальный валютный курс» термин «индекс относительных цен», как по причине малой информативности первого, так и потому, что наличие слов «валютный курс», в российских условиях

подразумевает необходимость каких-то оценок или действий в отношении номинального курса рубля и, в частности в сторону его ослабления.

В качестве рекомендации хотелось бы предложить представителям правительства России воздерживаться от любых комментариев по поводу возможности использования валютно-курсовой политики для регулирования российского экспорта и импорта. Кроме того, разумным было бы принять меры для того, чтобы у субъектов российской экономики сложилась твёрдая уверенность в том, что правительство не будет негласно использовать указанный инструмент в будущем. Также целесообразно было бы уделять больше внимания другим факторам, которые могут способствовать развитию российской внешней торговли. Важнейшим среди таких факторов представляется развитие конкурентной среды в экономике России, что создаёт условия для возникновения конкурентоспособных компаний. Положительный эффект произвело бы содействие улучшению структуры и научно-технического уровня производства российских предприятий. Наконец продолжение уже существующих мер поддержки внешнеторговых операций российских экспортёров поможет им вести эффективный международный бизнес.

Литература

1. Бланк, А. Влияние курсовой политики на конкурентоспособность российской экономики / А. Бланк, Е. Гурвич. 2006. 10 с. [Электронный ресурс] URL:
2. http://www.eeg.ru/downloads/PUBLICATIONS/SCIENTIFIC/050407–1.pdf (дата обращения 10.09.2016).
3. Бланк А. Обменный курс и конкурентоспособность отраслей российской экономики / А. Бланк, Е. Гурвич, А. Улюкаев // Вопросы экономики. 2006. №6. С. 4–24.
4. Кудрин А. Как ускорить экономический рост в России? / А. Кудрин // Экономическая политика. 2006. №2. С. 15–23.
5. Мау В. Российская экономика: Сильные и слабые стороны / В. Мау // Экономическая политика. 2006. №2. 30–45.
6. Мировой финансово-экономический кризис и внешнеэкономические связи России / Отв. ред. Оболенский В. П. М.: ИЭ РАН, 2011. 224 с.
7. Портер М. Э. Конкуренция : Пер. с англ. М.: Вильямс, 2010. 592 с.
8. Стародубровский, В. Российская экономика в 2005 году / Виктор Стародубровский // Экономическая политика. 2006. №1. С. 181–208.
9. Стенограмма пресс-конференции Президента России В. В. Путина для российских и иностранных журналистов 31.01.2006. [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/01/100848.shtml (дата обращения 10.09.2016).

10. Харланов. И. И. Заниженный курс рубля не благо, а бремя для России // Мировая валютная система и проблема конвертируемости рубля / науч. ред. Н. П. Шмелёв; Институт Европы РАН. М.: Международные отношения, 2006. С. 212–221.
11. Центральная база статистическая данных / Росстат. [Электронный ресурс] URL: http://cbsd.gks.ru/# (дата обращения 10.06.2016).
12. Development and Globalization: Facts and Figures 2008 / UNCTAD. N.Y., Geneva, United Nations Publication, 2008. 87 p.
13. International Financial Statistics Data Base (IFS) / IMF. [Электронный ресурс] URL: http://elibrary-data.imf.org/DataExplorer.aspx (дата обращения 10.06.2016).
14. Lerner, A. The Economics of Control: Principles of Welfare Economics. N.Y.: Macmillan, 1946. 428 p.
15. Popov, V. To devaluate or not to devalue? How East European countries respond to the outflow of capital in 1997–99 and in 2008–09 / V. Popov. // CEFIR and NES working paper. 2011. No. 154. 32 p. [Электронный ресурс] URL:
16. http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/Devalue%20or%20not-NES-CEFIR-Jan%202011.pdf (дата обращения 10.09.2016).

RUSSIAN EXPORTS AND EXCHANGE RATE OF THE ROUBLE

Alexander P. Polivach

Abstract. *The external trade specialisation of Russia is export of natural resources while products of Russian manufacturing industries (whose share in total Russia's exports is dwindling) are poorly visible in the international markets. Often this is explained by the consequence of inappropriate exchange rate of the Rouble, which is considered by a number of economists as over-appreciated. Based on this assumption proposals are regularly put forward to depreciate the Rouble with the purpose to support exports of local manufacturing industries.*

This article analyses Russia's external trade and its manufacturing exports in 1994–2015 in comparison with the Rouble exchange rate fluctuations. The purpose is to find out how often their changes can be associated with dynamics of the Rouble exchange rate.

In the first instance it was fond that Russia's exports and imports were growing and decreasing quite simultaneously, though at the different tempo. In another words adverse reaction of exports and imports to the exchange rate fluctuations was not observed. This can be explained by the fact that the largest part of Russia's exports is taken by the raw and energy materials, whose value of exports depend on the world prices. Consequently appreciation of the Rouble in the period of growing world prices cannot hamper total exports of Russia. While the depreciation of the Rouble is its reaction to falling world prices, so it cannot stimulate total Russia's exports.

In the second instance we recalculated Russia's exports of the raw and energy materials into constant prices of 1999. In such case it was fond that during the period of growing world prices on raw and energy materials (2001–2008) the share of manufacturing industries in total Russia's exports did not dwindle, but even increased from 11.4% to 16.6%. While the volume of manufacturing exports increased by 2.4 time during the same time. But in crisis of 2009 their share decreased despite the sharp depreciation of the Rouble. After the crisis their share restored. The next large-scale depreciation of the Rouble was again accompanied by decreasing volume and share of the manufacturing industries.

Theoretically a condition for increasing the price competitiveness of Russian export goods can be created, if the rate of the Rouble depreciation would be bigger that the inflation in Russia. But such condition was observed only in 1999, 2009, 2014 and 2014. So the devaluation "automatically" lowered prices only 4 times in the 25 years of Russia's independence. However, Russian exports of non-raw and non-energy goods did not gained of this, as these exports were decreasing in all these years though in other periods they were usually growing.

Thus, the idea about negative influence of the Rouble appreciation and positive influence of its depreciation on the structure of Russia's export was not confirmed. The large-scale depreciations of the Rouble were likely embarrassing rather then stimulating for Russia's exports and in particular for manufacturing industries.

Key words: *Rouble exchange rate, Russian exports.*

References

1. Blank, A. & Gurvich, E. (2006). Vlijanie kursovoj politiki na konkurentosposobnost rossijskoj ekonomiki [Influence of the Exchange Rate Policy on Competitiveness of Russian Economy]. Retrieved on 10 September, 2016 from
2. http://www.eeg.ru/downloads/PUBLICATIONS/SCIENTIFIC/050407–1.pdf.
3. Blank, A., Gurvich. A., & Uljukaev, A. (2006). Obmennyj kurs i konkurentosposobnost otraslej rossijskoj ekonomiki [Exchange Rate and the Competitiveness of Sectors of Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki [Issues of Economy]*, 6, 4–24.
4. Kudrin, A. (2006). Kak uskorit ekonomicheskij rost v Rossii? [How to Boost up Economic Growth in Russia?]. *Ekonomicheskaja politika [Economic Policy]*, 2, 15–23.
5. Mau, V. (2006). Rossijskaja ekonomika: Silnye i slabye storony [Russian Economy: Strong and Weak Sides]. *Ekonomicheskaja politika [Economic Policy]*, 2, 30–45.
6. Obolenskij, V.P. (Ed.). (2011). Mirovoj finansovo-ekonomicheskij krizis i vneshneekonomicheskie svjazi Rossii [The World Finance & Economic Crisis and External Economic Relations of Russia]. Moskva: IE RAN.
7. Porter, M.E. (2010). Konkurencija [Competition]. Translated from English. Moskva: Viljams.

8. Starodubovskij, V. (2006). Rossijskaja ekonomika v 2005 godu [Russian Economy in 2005]. *Ekonomicheskaja politika [Economic Policy]*, 1, 181–208.
9. Putin, V.V. (2006). Stenogramma press-konferencii Prezidenta Rossii V.V. Putina dlja rossijskih i inostrannyh zhurnalistov 31.01.2006. [Record of the Press-conference of the President of Russia V.V.Putin for Russian and Foreign Journalists on 31 January 2006]. Retrieved on 10 September 2016 from http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/01/100848.shtml.
10. Harlanov, I.I. (2006). Zanizhennyj kurs rublja ne blago a bremja dlja Rossii [Over-depreciated Exchange Rate of the Rouble is not a Bounty for Russia, but a Burden]. In Shmeljov, N.P. (Ed.), *Mirovaja valyutnaja sistema i problema konvertiruemosti rublja [International Currency System and the Problem of Free Exchange of the Rouble]* (pp. 212–221). Moskva: Mezhdunarodnyje otnoshenija.
11. Rosstat. (2016). *Centralnaja baza statisticheskih dannyh* [The Central Database of Statistics]. Retrieved on 10 June 2016 from http://cbsd.gks.ru/#.
12. UNCTAD. (2008). *Development and Globalization: Facts and Figures 2008.* New York, Geneva: United Nations Publication.
13. IMF. (2016). International Financial Statistics Data Base (IFS). Retrieved on 10 June 2016 from http://elibrary-data.imf.org/DataExplorer.aspx.
14. Lerner, A. (1946). *The Economics of Control: Principles of Welfare Economics*. New York: Macmillan.
15. Popov, V. (2011). To devaluate or not to devalue? How East European countries respond to the outflow of capital in 1997–99 and in 2008–09. *CEFIR and NES working paper*, 154. Retrieved on 10 September 2016 from http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/Devalue%20or%20not-NES-CEFIR-Jan%202011.pdf

Информация об авторе
Поливач Александр Петрович
научный сотрудник,
ИМЭМО РАН (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук), Россия.
Эл.почта: apolivach@imemo.ru
Alexander P. Polivach
research fellow
IMEMO (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations), Russia
e-mail: apolivach@imemo.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ В РОССИИ И ЕАЭС

Е. С. РАТУШНЯК

Аннотация: *Современный этап развития стандартизации в России характеризуется процессом реформирования данной системы. Необходимость реформирования определена рядом факторов, среди которых наиболее существенными выступают активное развитие рынка и формирование единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза.*

За рубежом наиболее эффективными и развитыми системами стандартизации являются системы, функционирующие в рамках ЕС и США. Данные две системы имеют существенные различия, но вместе с тем и схожие черты. Наиболее существенными с точки зрения функционирования системы в целом являются распределение полномочий по стандартизации между национальными и надгосударственными структурами (ЕС) и государственными и предпринимательскими структурами (США).

Возможность и адаптация зарубежного опыта с учетом национальных интересов определяет успех и эффективность стандартизации в рамках национальной экономики.

Ключевые слова: *техническое регулирование, стандартизация, национальная система стандартизации, единый рынок, эффективность, разгосударствление, глобальный стандарт*

Введение. Внешнеэкономической стратегией России определена необходимость создания спектра внешнеэкономических инструментов, которыми обладают развитые страны мира. Стандартизация выступает одним из основных инструментов внешнеэкономического развития, позволяющим развивать и адаптировать современную практику ведения бизнеса к постоянно меняющимся условиям предпринимательской среды.

В современном мире роль и значение стандартизации трудно переоценить.

В России стандартизация в настоящий момент система стандартизации находится на этапе реформирования и претерпевает существен-

ные изменения, причем изменения направлены не только на адаптацию данной системы к рыночной экономике, но и сближения ее с ведущей зарубежной практикой (прежде всего, опыт стран ЕС).

В настоящий момент активно развивается единый рынок в рамках Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), среди участников которого Россия является наиболее крупной экономикой, что определяет степень ее влияния в боле крупных масштабах в сравнении со всеми другими странами-партнерами по интеграции.

В этой связи современный этап развития национальной системы стандартизации в России требует переориентации не только на внешнюю мировую практику и принципы, но и на экономические и политические интересы и потребности в рамках международной организации ЕАЭС.

Поэтому в настоящий момент следующие вопросы являются актуальными для исследования:

1. На каком этапе реформирования находится современная система стандартизации в России?
2. Чем национальная система стандартизации отличается от государственной, какое это значение имеет для развития экономики и расширения внешнеэкономических связей?
3. Каковы роль и значение развития стандартизации для формирования единого рынка в рамках ЕАЭС?

Исследованию проблем стандартизации внимание в большей степени уделено в работах зарубежных коллег, например, в Великобритании, Франции, Германии, Австрии, Голландии [Bracke, Albrecht, 2007; Degirmenci, Fatih Yegul, Safa Erenay, Striepe, Yavuz, 2013; Holmes, Iacovone, Kamondetdacha, Newson, 2006; Knut Blind, 2013; Margaret M. Blair, Cynthia, 2008; Centre for Economics and Business Research Ltd (Cebr), 2015; International Organization for Standardization, 2014].

Российские исследователи стандартизации также подчеркивают необходимость ее развития, особо акцентируя внимание на создание новых начал в данном направлении, отвечающих современным международным целям, принципам и задачам в данной области — это, прежде всего, исследования, проводимые на базе Росстандарта [Бухарина, 2015; Гринев, 2014, С. 55–60; Зажигалкин, 2012; Котельников].

Основная цель данной работы — обозначить основные тенденции современного этапа развития национальной системы стандартизации в России, выявить особенности и отличия от практики функционирования системы стандартизации за рубежом, а также определить основные направления ее развития в РФ и ЕАЭС.

Теоретические основания исследования

В советский период развития экономики стандартизация рассматривалась лишь как основа обеспечения организационной основы развития всех отраслей промышленности и выступала государственным инструментом регулирования планового хозяйства, поскольку введение стандарта способствовало точному и полноценному учету всего производственного процесса [Бухарина, 2015].

Переход к рыночной экономике и усиление интеграции России в мировую экономическую систему обусловили необходимость формирования системы технического регулирования.

В рамках технического регулирования стандартизация в большей степени стала рассматриваться лишь как сфера, «обслуживающая технические регламенты», выступая доказательной базой выполнения регламентируемых со стороны государства основных требований безопасности.

В условиях развития рыночной экономики стандартизация является главным инструментом снижения расходов на осуществление коммерческих операций и оценки возможностей рынка. В то время как техническое регулирование представляет способ обеспечения минимально необходимого уровня безопасности продукции и возможность устранения барьеров на пути их движения.

Факторы, определяющие перспективы развития стандартизации в мировом масштабе, обозначены Международной организацией по стандартизации (далее — ИСО) и ведущими международными компаниями, среди которых следует выделить:

— глобализация рынка и усиление промышленной технической интеграции;
— ускорение научно-технического прогресса и распространение инноваций;
— увеличение объемов всемирной торговли;
— сокращение циклов обновления продукции и усиление конкуренции;
— рост аспектов, связанных с охраной окружающей среды;
— снижение риска нанесения ущерба от применения продукции.

Под влиянием указанных факторов роль стандартизации в современном мире существенно меняется. Развитие системы стандартизации в рамках национальной экономики становится все более необходимым для государства, поскольку система стандартизации выступает способом развития деловых отношений с внешними странами, в то же время позволяет сохранить и обеспечить национальные интересы государства с учетом всех особенностей (географических, национальных, культурных), а также способствует развитию бизнеса посредством передачи

части государственных функций регулирования рынка непосредственно его участникам (введен в практику термин «разгосударствление») и обеспечивает обмен лучшими зарубежными практиками в области хозяйственной деятельности.

В соотношении с указанными факторами в данном исследовании рассматривается современный этап развития национальной системы стандартизации в России.

В исследовании термины используются в значении, представленном ниже.

Техническое регулирование включает в себя деятельность по стандартизации, деятельность по разработке и применению технических регламентов и деятельность по оценке соответствия.

Стандартизация — деятельность по разработке и установлении правил, требований, норм и характеристик в целях добровольного многократного использования, позволяющая обеспечить право потребителя на приобретение продукции надлежащего качества за приемлемую цену, а также право на безопасность и комфортность труда.

Концепция глобального стандарта заключается в поощрении конечных пользователей стандартов самостоятельно обеспечивать свои потребности путем непосредственного участия в разработке согласованных стандартов, которые могут применяться повсеместно в любой точке мира на базе национальных организаций с открытым международным членством.

«Разгосударствление» системы технического регулирования (саморегулирование) заключается в сокращении роли государственного вмешательства в управление процессами технического регулирования путем передачи функций, выполняемых государством, частному сектору.

Исследование: основная часть. Материалами и информационной базой для исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области исследования проблем стандартизации и степени ее влияния на экономику и практику осуществления бизнеса.

В процессе исследования были использованы аналитические материалы, доклады ИСО, Британского института стандартов, Комитета по техническому регулированию, стандартизации и оценке соответствия Российского союза промышленников и предпринимателей, нормативно-правовые акты Евразийской экономической комиссии, РФ, Росстандарта.

В основу исследования положен диалектический подход к рассмотрению методов развития и реализации стандартизации, использование результатов деятельности по стандартизации в целях государственного регулирования экономики и развития бизнеса.

Исторический метод использован при рассмотрении состояния системы стандартизации на различных этапах ее развития в России. На основе логического метода выявлены причинно-следственные связи между существующей экономикой и наличием внешнеэкономических инструментов для ее развития.

Другие методы, которые были использованы в ходе проведения исследования, — это сравнительный анализ зарубежного опыта с соответствующим российским, выявление аналогии.

Результаты исследования. В результате исследования следует выделить основные положения, описанные ниже.

Наиболее развитые зарубежные экономики, например страны ЕС, рассматривают стандартизацию как один из инструментов обеспечения условий функционирования единого рынка в рамках интеграционных объединений, развития и поддержания конкуренции на рынке, инструмент реализации экономической политики страны (в том числе и в области обеспечения производственной и экологической безопасности, а также как основа обеспечения высокого качества жизни).

Техническое регулирование в ЕС неразрывно связано с деятельностью по стандартизации и реализуется в рамках наднационального регулирования, направленного в данной области на достижение трех главных целей:

1. обеспечение условий для создания и развития единого экономического пространства в рамках ЕС (свобода перемещения факторов производства);
2. обеспечение безопасности продукции и услуг для потребителей и окружающей среды;
3. защита интересов потребителей.

Следует отметить, что сфера технического регулирования ограничена принципом субсидиарности, предполагающим, что в рамках ЕС коллективными усилиями устанавливаются общие требования, которые возможно достичь сообща, все же остальное остается прерогативой национальных систем.

Таким образом, система стандартизации ЕС обладает следующими особенностями:

1. Несмотря на тот факт, что страны ЕС функционируют в рамках единого экономического пространства, предполагающего проведение единой политики в ключевых согласованных областях, тем не менее, страны сохраняют и развивают национальные системы стандартизации.

В ЕС можно выделить три уровня технического регулирования и стандартизации: наднациональный, региональный, национальный.

2. При разработке евронорм (региональных стандартов) широко используются национальные стандарты стран-членов, например немецкие стандарты DIN, французские AFNOR, а также международные.
3. Если национальные стандарты стран-членов отвечают требованиям интеграции стран ЕС, их применяют в качестве европейских стандартов.
4. В технических же регламентах (директивах) задаются лишь обязательные общие требования безопасности продукции, процессов производства, которые конкретизированы в стандартах (региональных и национальных)

Общий вывод: основу системы стандартизации ЕС составляют национальные системы стандартизации стран-участниц. Эффективность системы технического регулирования в рамках ЕС обусловлена развитием указанных систем.

Другой опыт построения системы стандартизации — это США, где добровольные стандарты являются основой экономического и социального развития. США ценят традицию разрабатывать и применять добровольные стандарты для обеспечения потребностей своих граждан и поддержания конкурентоспособности промышленности страны.

Исторически развитие американской системы стандартизации осуществлялось по инициативе частного сектора. Государство не вмешивалось в данный процесс.

Реализация развития системы стандартизации в США происходит с двух сторон:

1) государственные органы по стандартизации устанавливают добровольность и обязательность отдельных стандартов («влияют сверху-вниз»);

2) бизнес-сообщество и потребители в лице объединений систематично обновляют стандарты по мере совершенствования технологий и материалов («влияют снизу-вверх»).

Развитие стандартизации осуществляется на основе частно-государственного партнерства, основанного на гласности установления обязательных норм, что обуславливает наличие двух органов по стандартизации: ANSI[63] (негосударственный) и NIST[64] (государственный). Согласно этому, федеральные органы ежегодно информируют Административно-бюджетное управление Президента США о причинах не-

[63] American National Standards Institute — Американский национальный институт стандартов

[64] National Institute of Standards and Technology — Национальный институт стандартов и технологий

обходимости разработки обязательных (государственных) стандартов, а не добровольных. Во всех других случаях, разрабатываются добровольные стандарты (на основе согласования мнения всех заинтересованных сторон) и применяются, в том числе и самим государством.

Такая система взаимодействия государства и промышленности дает свои положительные результаты: нет необходимости затрачивать бюджетные средства на разработку стандартов, тогда как бизнес-сообщество самостоятельно вырабатывает нормы и закрепляет их в документах, реализуемых в том числе и государством. Такие стандарты эффекты ввиду того, что, во-первых, к разработке стандартов разрешается привлекать всех заинтересованных стороны (и иностранных лиц), имеющих опыт в соответствующей области или отрасли, во-вторых, поскольку стандарты разрабатываются теми, кто их в конечном итоге реализует, то эти документы соответственно имеют более прикладной характер и в наибольшей степени соответствуют интересам рынка.

Очевидно, что перекладывая часть расходов в данной области на бизнес, государство не только не увеличило финансовую нагрузку на него, но тем самым решило проблему эффективности и актуальности норм, закрепленных в стандартах. И очень важно, что здесь саморегулирование в стандартизации не рассматривается как альтернативное государственному регулированию, а представлено как регулирование другими средствами.

В отчете ВТО отмечено, что национальные органы по стандартизации в большинстве случаев являются правительственными (государственными) органами, которые слабо связаны с рынками и широко ориентированы на внутренний рынок страны [Всемирный торговый отчет, 2005].

Определяя роль стандартов в зарубежной практике бизнеса, следует отметить, что особое внимание уделено анализу экономического эффекта на макроэкономическом уровне, а также в рамках отдельной компании, активно внедряющей и использующей стандарты в своей хозяйственной деятельности.

Так, например, вклад стандартов в экономический рост той или иной страны составляет 0,9% в Германии, 0,8% во Франции и Австралии, 0,3% в Великобритании и 0,2% в Канаде, при этом основным фактором развития выступает распространение технологических знаний и инноваций [Блинд, Юнгмиттаг, Мангельсдорф, 2010].

По данным Департамента торговли США 80% мировой торговли зависит от стандартов. Ежегодно США экспортирует в Россию товаров на общую сумму 7,4 млрд долл. США. Соответственно 5,9 млрд долл. США непосредственно зависит от стандартизации.

Ежегодно США импортирует из России товаров на общую сумму 19,4 млрд долл. США. Соответственно, 15,5 млрд долл. США также зависит от стандартов [Зубихин, 2008].

При этом стандарты выступают уникальным индикатором для диффузии знания в силу следующих свойств:

— в отличие от патентов стандарты не подпадают, как правило, под действие охранительных норм — могут быть приобретены различными предприятиями за сравнительно низкую плату для покрытия издержек процесса стандартизации;
— стандарты разрабатываются как экспертами на основе достижения консенсуса в различных рабочих комитетах по стандартизации: специалисты-практики из реальной экономики передают, принимая участие в таких комитетах, актуальные технологические знания со своих предприятий;
— внутрипроизводственные знания дополняются знаниями представителей из сферы науки и экспертов из других специализированных областей (например, представителей организаций по защите прав потребителей и охране труда) — возникают нормативные документы, отличающиеся высокой мерой концентрации технологического знания в кодифицированном виде.

Влияние стандартизации на экономическое развития организации выражается в возможности привлечения иностранного опыта в той или иной сфере через совместную разработку стандартов, которые по сути своей рассматриваются как глобальные.

Современный этап развития стандартизации в России характеризуется наличием следующих тенденций:

— развитие стандартизации в контексте технического регулирования в рамках «наднационального регулирования» как способ воздействия на производителей в целях обеспечения выполнения общих требований безопасности технических регламентов, защиты прав потребителей через использование стандартов в качестве доказательной базы технического регламента;
— развитие стандартизации в рамках «национального регулирования», включающего не только цели обеспечения безопасности, но и экономического развития на макро- и микроуровнях посредством закрепления в документах достигнутых инновационных решений, практик, опережающих показателей;
— разработка и реализация именно *национальной* системы стандартизации, взамен ранее существующей государственной, отличающейся большей степенью возможности участия в процессе стандарти-

зации всех заинтересованных сторон, что способствует ее гибкости и расширению прикладного характера;
— активное сопряжение деятельности в области стандартизации с обеспечение экологической безопасности производства через внедрение в практику обязательных для использования справочников по наилучшим доступным технологиям;
— сближение структуры и процессуального содержания стандартизации в России и ЕАЭС с европейской практикой;
— активизация процессов межгосударственной стандартизации в рамках ЕАЭС.

Анализ результатов. Полученные результаты помогают понять лишь организационную основу реализации систем стандартизации в рамках различных экономических структур, роль, значение и порядок взаимодействия государства и бизнеса в данном процессе, причины, необходимость и эффективность использования стандартов в экономики стран.

Экономический эффект от стандартизации за рубежом оценивается как и в количественных показателях (например, вклад стандартов в экономический рост), так и в качественных (способ распространения инноваций, развития международного сотрудничества, привлечение в национальную экономику наилучший опыт в определенной области, распределение финансовой нагрузки между государством и бизнесом).

В России же экономический эффект от стандартизации определяется, прежде всего, как уменьшение временных затрат и средств на рутинные процедуры, сокращение неоправданного разнообразия, отрицательно влияющего на взаимозаменяемость и совместимость продукции. Однако отсутствует количественная оценка указанных результатов применения стандартов. Также существует все еще узкий взгляд со стороны предпринимателей на данную область ввиду отсутствия информированности о значении, эффективности и возможности применения стандартов в бизнесе [Аронова, Ильина, Зажигалкин, 2014].

Таким образом, ввиду изменения роли и значения стандартизации для развития экономики как на национальном уровне, так и международном, учитывая многоаспектность данной деятельности, необходимо уделять внимание количественным исследованиям эффективности стандартизации для того, чтобы получать объективные данные о реализации данного процесса в рамках национальной экономики и его влиянии на развитие рынка.

Результаты количественных исследований в данной области позволят повысить степень информированности участников предпринимательской деятельности о роли и возможностях, которые появляются в результате использования различных элементов национальной системы стан-

дартизации: повышение конкурентоспособности, активизация и упрощение процессов взаимодействия с иностранными контрагентами и др.

Кроме того, дальнейшие исследования в области стандартизации будут способствовать формированию понимания того, в каких направлениях необходимо выстраивать государственную политику в целях экономического развития. Данные исследования будут полезны для изучения внутреннего рынка, его потребностей, сильных и слабых сторон во взаимодействии с иностранными контрагентами.

Заключение. 1. Основная цель развития международной стандартизации и технического регулирования — реализация безопасности здоровья и окружающей среды, качества и конкурентоспособности, как продукции, так и в целом предприятий. Зарубежный опыт реализации системы технического регулирования и стандартизации свидетельствует о том, что государство участвует в данном процессе, но не всегда выполняет ключевую и главенствующую.

2. Реформирование системы стандартизации в России обусловлено, прежде всего, развитием рыночных отношений, вступлением России в ВТО и усилением конкуренции на национальном рынке, либерализацией торговли в рамках всей экономики, усилением процессов интеграции на мировые рынки, а также формирование единого рынка в рамках ЕАЭС.

3. Основным направлением реформирования инфраструктуры стандартизации в России в настоящий момент является формирование национальной системы, построенной на принципах и нормах, согласуемых с международными. Национальная система стандартизации направлена на реализацию и учет интересов, обеспечивающих, с одной стороны, суверенитет, политические и экономические приоритеты государства, как в рамках интеграционного объединения, так и в масштабе мирового хозяйства, с другой, — активизацию процесса привлечения предпринимателей в данный процесс.

Национальная система отличается от государственной системы стандартизации большей степенью участия в процессе разработки стандартов непосредственной всех заинтересованных лиц, которые являются конечными потребителями стандартов на рынке (производители, потребители, поставщики, предприниматели, организации, ассоциации и союзы). Данное обстоятельство обусловлено необходимостью принятия добровольных, а не обязательных стандартов для того, чтобы точнее отвечать требованиям рынка, в большей степени ориентироваться на международные стандарты.

В настоящий момент в разработке национальных стандартов в России иностранное лицо не допускается. В этой связи, возникает необходимость увеличивать число стандартов организаций, разработанных

в российских компаниях с участием иностранных заинтересованных лиц в целях выработки универсальных документов, имеющих прикладное значение не только в рамках отдельной национальной отрасли, но и в тех странах, эксперты которых принимали участие в разработке стандарта. Данное обстоятельство позволит также привлекать в российскую практику ведения бизнеса лучший мировой опыт и технологии, повысит конкурентоспособность страны в мировом масштабе, интенсифицирует процесс интеграции России в мировую экономическую системы, продвигая экономические и политические интересы страны.

4. В рамках ЕАЭС техническое регулирование выступает основой формирования и поддержания условий функционирования единого рынка внутри Союза. В этой связи становится необходимым обновлять и развивать работы по межгосударственной стандартизации, поскольку именно межгосударственные стандарты являются основой для подтверждения соответствия продукции общим требованиям безопасности (на примере опыта ЕС), а значить и основным условиям допуска продукции на рынок, независимо от страны происхождения товара, а также хозяйствующего субъекта, национального или иностранного. В межгосударственной системе стандартизации большая доля приходится на Россию.

5. В целях построения эффективной системы национальной стандартизации, отвечающей как интересам государства, так и интересам интеграции, следует учесть опыт ЕС и США.

В ЕС создан правовой фундамент региональной системы технического регулирования, который является надгосударственным, все же конкретные качественных требования разрабатываются и закрепляются в региональных и национальных стандартах. В ЕАЭС и России развитие системы технического регулирования и стандартизации происходит с ориентацией на опыт ЕС, но к текущему моменту времени предприниматели и потребители не имеют возможности участвовать в процессе развития стандартизации в такой степени, как это практикуется в ЕС.

Поэтому, возможно, следует обратить внимание на опыт в США, который свидетельствует о том, что государство может участвовать в процессе стандартизации и реализовывать через данную область свои интересы, но эта роль не обязательно главенствующая. Система стандартизации может быть и эффективным саморегулируемым организмом, где основная часть функций и полномочий возложена на конечного потребителя стандартов.

6. Проблема эффективности стандартизации в условиях развития рыночных отношений и укрепления внешнеэкономических связей является актуальной. Особую важность приобретает необходимость

получения количественной оценки эффективности применения стандартов в рамках национальной экономики и на уровне отдельного хозяйствующего субъекта. В этой связи существует необходимость развивать исследования в данном направлении с использованием различных эконометрических моделей и методов.

Литература

1. Аронов И. З., Ильина Е. В., Зажигалкин А. В. Оценка вклада национальной стандартизации в экономику // Сертификация. 2014. № 1. С. 16–20
2. Бухарина Ю. Роль стандартизации в повышении качества продукции в СССР (1925–1930 гг.) [Электронный ресурс]. Стандарты и качество. 2015. URL: http://www.ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=93039 (дата обращения 09.09.2016)
3. Гринев Б. В., Любинский В. Р., Даниленко Ю. А., Жихарева О. В. Механизмы влияния стандартизации на инновации // Science and Innovation. 2014. Т. 10, № 4. С. 55–60.
4. Зажигалкин А. В. Экономические преимущества стандартизации: некоторые подходы [Электронный ресурс]. 2012. URL: webportalsrv.gost.ru›portal/GostNews.nsf/…/…/$… (дата обращения 09.10.2016)
5. Зубихин А. В. Национальная система технического регулирования и стандартизации в Соединенных Штатах Америки [Электронный ресурс]. Стандарты и качество.2008. URL: http://www.ria-stk.ru/news/detail.php?ID=10878
6. Котельников Д. С. Базовые системы международной стандартизации [Электронный ресурс]. URL: miem.hse.ru›data/2013/04/04…2013–03…Kotelnikov.pdf (дата обращения 24.11.2016)
7. Всемирный торговый отчет [Электронный ресурс]. Российский союз промышленников и предпринимателей. 2005. URL: rgtr.ru›files/EVENT/2014/bautec/1.5World trade … (дата обращения 15.11.2016)
8. Блинд К., Юнгмиттаг А., Мангельсдорф А. Общеэкономическая эффективность стандартизации. [Электронный ресурс]. DIN. 2010. URL: http://www.rgtr.ru/international_cooperation/experience/germany/
9. Bracke R., Albrecht J. Competing environmental management standards: how ISO 1401 outnumbered EMAS in Germany, the UK, France and Sweden // Environment and Planning C: Government and Policy. 2007. Vol. 25. P. 611–627.
10. doi: 10.1068/c0602j
11. Degirmenci T., Fatih Yegul M., Safa Erenay F., Striepe S., Yavuz M. // Potential of standardization and certification for successful lean implementations. Journal of Enterprise Transformatio. 2013. Vol. 3(3). P. 211–232.
12. Holmes P., Iacovone L., Kamondetdacha R., Newson L. // Capacity-Building to Meet International Standards as Public Goods. United Nations Industrial Development Organization. 2006. Vol. 05–91452. P. 1–102.

13. Knut Blind The Impact of Standardization and Standards on Innovation // Nesta Working Paper. 2013. No. 13/15. P. 1–32.
14. Margaret M. Blair, Cynthia A. Williams and Li-Wen Lin The New Role for Assurance Services in Global Commerce // Journal of Corporation Law. 2008. Vol. 33 Iss. 2 (2008). P. 1–28.
15. Economic benefits of standards // International Organization for Standardization. 2014. P. 1–65
16. The Economic Contribution of Standards to the UK Economy // the Centre for Economics and Business Research Ltd (Cebr).2015. BSI. P. 1–137.

THE PROBLEMS OF THE NATIONAL STANDARDIZATION DEVELOPMENT IN RUSSIA AND EEU

Elena S. Ratushnyak

Abstract: *The current stage of the standardization development in Russia can be described as the reform one. The main reasons of reforming necessity are the market brisk growth, the process of the Eurasian Economic Union development.*

The most advanced and effectiveness international standardization systems are the UN standardization system and the USA one. These two main international examples are very different and at the same time have some similar outstanding characteristics. The most important of such outstanding characteristics which have influence on the system development are the division of power between national and global power brokers (like in UN) and government and businesses (like in USA).

The possibility and adoption of the international experience in the field of standardization in accordance with the national needs and aims is the main key of effectiveness and effective system.

Key words: *efficiency, effectiveness, global standard, national system of standardization, reducing state involvement, single market, standardization, technical regulation*

References

1. Aronov I. Z., Il'ina E.V., Zazhigalkin A. V. Otsenka vklada natsional'noi standartizatsii v ekonomiku // Sertifikatsiia. 2014. № 1. S. 16–20
2. Bukharina Iu. Rol' standartizatsii v povyshenii kachestva produktsii v SSSR (1925–1930 gg.) [Elektronnyi resurs]. Standarty i kachestvo. 2015. URL: http://www.ria-stk.ru/stq/adetail.php?ID=93039 (data obrashcheniia 09.09.2016)
3. Grinev B.V., Liubinskii V. R., Danilenko Iu. A., Zhikhareva O.V. Mekhanizmy vliianiia standartizatsii na innovatsii // Science and Innovation. 2014. T. 10, № 4. S. 55–60.
4. Zazhigalkin A.V. Ekonomicheskie preimushchestva standartizatsii: nekotorye podkhody [Elektronnyi resurs]. 2012. URL: webportalsrv.gost.ru›portal/GostNews.nsf/…/…/$… (data obrashcheniia 09.10.2016)

5. Zubikhin A.V. Natsional'naia sistema tekhnicheskogo regulirovaniia i standartizatsii v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Elektronnyi resurs]. Standarty i kachestvo.2008. URL: http://www.ria-stk.ru/news/detail.php?ID=10878
6. Kotel'nikov D.S. Bazovye sistemy mezhdunarodnoi standartizatsii [Elektronnyi resurs]. URL: miem.hse.ru›data/2013/04/04…2013–03…Kotelnikov.pdf (data obrashcheniia 24.11.2016)
7. Vsemirnyi torgovyi otchet [Elektronnyi resurs]. Rossiiskii soiuz promyshlennikov i predprinimatelei. 2005. URL: rgtr.ru›files/EVENT/2014/bautec/1.5World trade … (data obrashcheniia 15.11.2016)
8. Blind K., Iungmittag A., Mangel'sdorf A. Obshcheekonomicheskaia effektivnost' standartizatsii. [Elektronnyi resurs]. DIN. 2010. URL: http://www.rgtr.ru/international_cooperation/experience/germany/
9. Bracke R., Albrecht J. Competing environmental management standards: how ISO 1401 outnumbered EMAS in Germany, the UK, France and Sweden // Environment and Planning C: Government and Policy. 2007. Vol. 25. P. 611–627.
10. doi: 10.1068/c0602j
11. Degirmenci T., Fatih Yegul M., Safa Erenay F., Striepe S., Yavuz M. // Potential of standardization and certification for successful lean implementations. Journal of Enterprise Transformatio. 2013. Vol. 3(3). P. 211–232.
12. Holmes P., Iacovone L., Kamondetdacha R., Newson L. // Capacity-Building to Meet International Standards as Public Goods. United Nations Industrial Development Organization. 2006. Vol. 05–91452. P. 1–102.
13. Knut Blind The Impact of Standardization and Standards on Innovation // Nesta Working Paper. 2013. No. 13/15. P. 1–32.
14. Margaret M. Blair, Cynthia A. Williams and Li-Wen Lin The New Role for Assurance Services in Global Commerce // Journal of Corporation Law. 2008. Vol. 33 Iss. 2 (2008). P. 1–28.
15. Economic benefits of standards // International Organization for Standardization. 2014. P. 1–65
16. The Economic Contribution of Standards to the UK Economy // the Centre for Economics and Business Research Ltd (Cebr).2015. BSI. P. 1–137.

Информация об авторе:
Ратушняк Елена Сергеевна
к.э.н., старший преподаватель кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности МГИМО МИД России, Россия
E-mail: helenarat88@gmail.com
Elena S. Ratushnyak
Ph.D, senior teacher of the Department of management, marketing and foreign affairs, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russia

ПРИХОД В РФ СЕКЬЮРИТИЗАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

О. В. ХМЫЗ, Н. В. СЕРГЕЕВА

Аннотация. *Актуальность исследования определяется повышенным вниманием специалистов и широких слоев инвесторов к тенденциям секьюритизации, приходящим из-за рубежа в РФ.*

Проблемам секьюритизации и анализу этих проблем посвящено много научных работ и зарубежных авторов, и российских. Прежде всего анализируется американский опыт секьюритизации — как наиболее развитый, и уже в меньшей степени — европейский (как фактически позаимствованный из-за океана). Тогда как исследованию российской специфики секьюритизации посвящено намного меньше работ.

В статье проводится ретроспективный анализ на базе и системного подхода, давшего возможность кратко проанализировать историю развития секьюритизации в РФ (с 1996 года до 2016 года) и выделить особенности современного этапа развития российского рынка секьюритизации с учетом регулярного воздействия на него тенденций, формирующихся на развитых рынках.

Для анализа использованы данные о наиболее известных сделках секьюритизации российских банков (или сделок с их участием), а также статистические данные российского Агентства по ипотечному жилищному кредитованию.

В статье отмечено постепенное расширение используемых в сделках секьюритизации активов, что указывает на взаимосвязь уровня развития российского рынка секьюритизации и финансового рынка в целом, а также банковской системы. Неоценимую поддержку развитию рынка секьюритизации в РФ оказало государство — и на уровне законодательства, и опосредованно — через Агентство по ипотечному жилищному кредитованию и его подразделения, в особенности Единый институт развития в жилищной сфере.

Сделан вывод, что американский опыт, в особенности кризисный, может послужить отправной точкой для регулирования российского рынка секьюритизации, ведь зарождающиеся на нем тенденции все

чаще приходят в нашу страну в силу интегрированности РФ в мировую экономику, а российского финансового рынка — в международный финансовый рынок, но с известным временным лагом. Впрочем, дающим возможность принять соответствующие меры и предупредить приход неблагоприятных тенденций на российский финансовый рынок извне. В целях же глобальной минимизации этих тенденций, как и предупреждения их зарождения и распространения на международном уровне, необходимо наднациональное сотрудничество.

Ключевые слова. *Секьюритизация, обеспеченные долговые обязательства*

Введение. По мере интеграции Российской Федерации в мировую экономику появляющиеся за рубежом глобальные тенденции приходят и в нашу страну. Это относится и к такому сегменту мирового финансового рынка, как рынок секьюритизации (активов и кредитов), развивающемуся в целом поступательно, но обладающему специфическими чертами, приобретающими в настоящее время особую важность ввиду, во-первых, неоднозначности его новейших тенденций. Во-вторых, нарастания его масштабов. И, в-третьих, недостаточности мер его регулирования.

Теоретические основания исследования

Теоретическая база проводимого исследования. Проблемам секьюритизации и анализу этих проблем посвящено много научных работ и зарубежных авторов, и российских. Прежде всего анализируется американский опыт секьюритизации — как наиболее развитый, и уже в меньшей степени — европейский (как фактически позаимствованный из-за океана). Тогда как исследованию российской специфики секьюритизации посвящено намного меньше работ. Понятие и виды секьюритизации исследовали и такие широко известные в России зарубежные авторы как Х. П. Бэр (2007) и Ж. Ж. де Вриз Роббе (2008).

Термины и определения. Считающееся классическим определение секьюритизации дал представитель банка Саломон Бразерс Л. Раньери еще в 1977 году для описания обеспеченных ипотечными кредитами ценных бумаг. В данной статье под «секьюритизацией» понимается процесс эмиссии обеспеченных ценных бумаг не только ипотечными займами, но и иными кредитами, а также активами и денежными средствами.

Исследование: основная часть

Гипотеза. Проблемы и негативные тенденции, возникающие на американском финансовом рынке (в частности, в его секьюритизационном сегменте) быстро распространяются на другие государства, в т.ч. РФ.

Методология. При написании статьи использовались ретроспективный анализ и системный подход, что дало возможность кратко проанализировать историю развития секьюритизации в РФ (с 1996 года до 2016 года) и выделить особенности современного этапа развития рынка секьюритизации в РФ в его взаимосвязи с мировыми тенденциями.

Материалы. Для анализа использованы данные о наиболее известных сделках секьюритизации российских банков (или сделок с их участием), а также статистические данные российского Агентства по ипотечному жилищному кредитованию.

Процедура исследования. Считается, что рынок секьюритизации активов зародился в 1970-е годы. [Кучинский, 2011, с. 26] Сначала сделки секьюритизации появились на американском рынке жилищного ипотечного кредитования, а затем быстро распространились на иные сегменты путем расширения состава и структуры активов, используемых в сделках секъюритизации. Сегодня такие операции проводятся с огромным количеством самых разнообразных активов практически по всему миру (даже в арабских странах).

До настоящего времени (в особенности в связи с кризисными событиями 2007–2008 годов и недавними проблемами Дойчебанка) внимание всего мира — и деловой общественности, и широких слоев инвесторов — привлекал именно рынок секьюритизации активов, прежде всего, США, и происходящие на нем изменения, в целом, критические.

Пока в РФ рынок секьюритизации активов проходит начальную стадию — становления (как это происходило и в других странах), регулярных сделок на нем пока заключается немного, тем не менее, такие сделки проводятся, следовательно, рынок развивается.

Возможности для появления рынка секьюритизации сформировались в российской экономике еще в 1990-е годы. Сначала их было не вполне достаточно, а начиная примерно с середины 1990-х годов ресурсов, необходимых для осуществления секьюритизационных сделок на российском финансовом рынке не убавилось, несмотря на сложности перехода к рыночной экономике в начале того десятилетия, а наоборот, стало больше. Это очень важно для создания обеспеченных инструментов, ведь если на финансовом рынке не будет достаточных объемов и количества ценных бумаг и производных финансовых инструментов, секьюритизация развиваться не сможет. Поэтому при появлении на российском рынке основных инструментов (прежде всего, акций и облигаций) и более сложных финансовых продуктов (но законодательная база под них была подведены намного позже) секьюритизация могла бы осуществляться с их помощью, но в качестве базисных

активов в основном использовались кредиты банков. Наряду с участием банков в качестве стороны по сделке секьюритизации это привело к нарастанию взаимосвязи и даже взаимозависимости российских рынков секьюритизации и банковского кредитования. К настоящему времени эта взаимосвязь не исчезла, а укрепилась.

Аналогично зарубежной практике, основную долю на российском секьюритизационном рынке дает жилищное ипотечное кредитование, именно оно служит базой для эмиссии секьюритизированных ценных бумаг. Рынок ипотечного жилищного кредитования в РФ развивается, была создана специализированная государственная структура, занимающаяся и поддержкой его развития, и непосредственно кредитованием, — Агентство по ипотечному жилищному кредитованию. При принятии программы «Свой дом»[65] в 1996 году правительством РФ были поставлены соответствующие цели, а в августе 1996 года было принято постановление «Об Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию»[66]. В качестве основной цели его функционирования было поставлено создание системы долгосрочного ипотечного кредитования, повышающий возможности граждан по приобретению доступного жилья. Так и произошло. И к сегодняшнему дню именно на Агентство по ипотечному жилищному кредитованию приходится основная доля ипотечного рынка.

Таким образом, с момента создания Агентства по ипотечному жилищному кредитованию в РФ существует диверсифицированный состав участников рынка секьюритизации (домашние хозяйства, банки и институты рефинансирования) соответствующий развитым рынкам.

Однако относительно времени проведения первой сделки секьюритизации в РФ мнения экспертов расходятся. Еще в 2000 году банк «Российский кредит» в ходе реструктуризации обменял задолженность перед иностранными кредиторами на обеспеченные расписки с помощью специально созданного юридического лица с Каймановых островов, ставшего эмитентом, и при участии ING Barings. Фактически сделка была проведена по схеме традиционной секьюритизации.

В 2002 году банк «Русский стандарт» эмитировал облигации на потребительские кредиты. Однако списания активов, передаваемых в обеспечение, с баланса банка не было осуществлено, а это является одним из базовых условий классификации секьюритизационных сде-

[65] Федеральная целевая программа «Свой дом», утверждена постановлениями Правительства РФ № 753 от 27.06.1996 года.

[66] Постановление Правительства РФ № 1010 «Об Агентстве по ипотечному жилищному кредитованию» от 26.08.1996 года.

лок, которое не было выполнено. Оно важно ввиду минимизации потенциального риска неплатежа по базисному активу. Поэтому причислить эту операцию к секьюритизации в полном смысле термина сложно.

В 2003 году банком «ДельтаКредит» была проведена прямая продажа «Москоммерцбанку» пула ипотек в виде бумаг на 10 млн долл. Фактически это была первая институциональная продажа в РФ, но считать ее операцией секьюритизации также затруднительно, хотя она и основывалась на ипотечных ценных бумагах, но скорее напоминала рефинансирование.

В 2003 году был принят федеральный закон «Об ипотечных ценных бумагах»[67], давший толчок развитию российского рынка секьюритизации. В нем были закреплены понятия ипотечных ценных бумаг и связанных с ними структур. Т.е. фактически он подвел законодательную базу под обеспеченные ценные бумаги, но только ипотечные. Причем прописанные в нем нормы и схемы отличаются от западных, как и терминология, что приводит к некоторым затруднениям, особенно при трансграничной секьюритизации. Разработаны и соответствующие требования к обеспеченным обязательствам, но лишь ипотечным: основная сумма долга — не более 80% по одному объекту без возможности его замены или отчуждения, обязательно наличие страховки и др.[68]

И лишь в 2004 году была проведена операция, которая фактически считается первой сделкой секьюритизации в РФ, когда ОАО «Газпром» под будущую выручку от экспорта газа секьюритизировало активы на миллион с четвертью долларов. Международные рейтинговые агентства снабдили эти бумаги соответствующим рейтингом инвестиционного уровня, что повысило их привлекательность.

В том же году ОАО АКБ Росбанк выпустил еврооблигации под будущие поступления от погашения задолженностей по картам «Виза» и «Мастеркард». Мудиз и Фитч снабдили эти бумаги рейтингами, всего на две ступени не достигавшими инвестиционного уровня. Это была одна из наиболее успешных сделок, ее размер составил 225 млн долл. Поэтому в следующем году банк провел еще одну операцию, и так же успешно, как и предыдущую. В результате в 2005 году спектр обеспечительских активов, используемых на российском рынке секьюритизации, расширился. Это также свидетельствует о достаточной степени развитости и либерализации российского финансового рынка, раз на нем можно было проводить сделки такого уровня.

[67] Федеральный закон № 152 «Об ипотечных ценных бумагах» от 11 ноября 2003 года.

[68] Статьи 3, 11 федерального закона № 152 «Об ипотечных ценных бумагах» от 11 ноября 2003 года.

Еще одной проведенной в 2005 году сделкой секьюритизации стала секьюритизация автомобильных кредитов банком «Союз» (при участии «Русского стандарта») на порядка 50 млн долл. И ряд экспертов полагает, что именно ее следует считать первой секьюритизационной операцией в РФ, хотя в том же году потребительские кредиты в рублях секьюритизировал банк «Хоум кредит и финанс».

В 2006 году спектр активов, используемых в операциях секьюритизации, расширился далее, поскольку к ним прибавились будущие поступления по лизинговым договорам, которые секьюритизировало ОАО «РЖД» как и по договорам ипотечного кредитования, которые секьюритизировали Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, ВТБ 24 и другие эмитенты. Причем важно отметить, что эти операции стали трансграничными. По мнению многих экспертов, это важная веха в развитии российского финансового рынка, потому что впервые российские обеспеченные ценные бумаги продавались за рубежом.

В 2006 году «Русский стандарт» провел операцию оффшорной секьюритизации потребительских кредитов наличными, специально созданным юридическим лицом выступила люксембургская компания (в 2009 году сделка завершилась).

В начале 2007 года благоприятная для секьюритизации тенденция на российском финансовом рынке продолжилась, в особенности при секьюритизации ипотечных кредитов. Кроме того, впервые были эмитированны российские обеспеченные долговые обязательства.

Дальнейшему поступательному развитию российского рынка секьюритизации помешал американский ипотечный кризис, который быстро пришел на российский финансовый рынок. Опасавшиеся еще больших неудач, чем на своих национальных рынках, и стремящиеся хотя бы частично покрыть свои убытки на них, иностранные инвесторы начали массово продавать российские секьюритизированные ценные бумаги, в связи с чем производить новые размещения многие российские эмитенты сочли нецелесообразным и отказались от них, хотя по инерции некоторые новые размещения еще осуществлялись, и рынок новых эмиссий переживал период повышенной волатильности, впрочем, как и рынок уже обращавшихся обеспеченных ценных бумаг. Обвалу на российском рынке ипотечного кредитования препятствовали поддерживаемые государством программы Агентства по ипотечному жилищному кредитованию и Внешэкономбанка, направленные прежде всего на недопущение падения и поддержание ипотечного рынка. Однако такая ситуация повышенной нестабильности продолжалась несколько лет (фактически до 2012 года), удерживая и эмитентов и инвесторов от новых операций секьюритизации. [АИЖК]

Первая в посткризисных условиях сделка секьюритизации прав требования была проведена в 2012 году, причем дочерней структурой коммерческого банка Австрии. В посткризисное время на российском рынке секьюритизации отмечалась стагнации, капитализация постепенно уменьшилась, новых выпусков практически не было.

Наибольший позитив вселял ипотечный рынок, дающий потенциальные возможности секьюритизации ипотечных кредитов, и государственная поддержка, способная стимулировать его развитие. Так и произошло. В 2012 году, в основном за счет ипотечного сегмента, произошло оживление российского рынка ипотечного кредитования — по количеству операций и по объемам.

По оценкам, в 2013 году объем обращающихся на российском секьюритизационном рынке ценных бумаг превысил 140 млрд руб. Основная масса бумаг (более 53%) были рублевые, чуть меньше (37%) долларовые, и лишь 10% в евро. По срокам больше всего было 25–30-летних (34,3%) и 1–5-летних (24,6%).

В 2013 году было принято соответствующее стимулирующее законодательство[69] — фактически специализированный закон о секьюритизации, неформально называемый так участниками российского финансового рынка, поскольку в нем ведены термины «облигация с залоговым обеспечением», а также «специализированные финансовые общества» общего и проектного типов, создаваемые при секъюритизации активов или при эмиссии инфраструктурных облигаций, служащие способом финансирования проектов срочного характера. Также в нем расширен перечень разрешенных базисных активов — теперь ими может быть практически любое первичное денежное требование со стабильным денежным потоком. Специальное юридическое лицо можно создавать в виде специализированного финансового общества для секъюритизации текущих и будущих требований и специализированного общества целевого проектного финансирования — для секъюритизации будущих требований по определенному проекту. [Нурмухаметов, 2015, с. 138]

Это стало важным фактором для развития российского рынка секьюритизации. Однако необходимо учитывать потенциальные и реальные риски, которые ему присущи. И поэтому развивать секьюритизацию следует при параллельном повышении степени прозрачности секьюритизационных операций, повышении требований к раскрытию данных финансовой отчетности и ужесточить надзор за ней и ее регулирование.

[69] Федеральный закон № 379 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 21 декабря 2013 года.

Принятие этого закона также важно, потому что расширило объекты секьюритизации, а, следовательно, появилась возможность осуществления (структурирования) таких сделок и на территории РФ, а не только в иностранной юрисдикции, куда и уходила секьюритизационная активность до 1 июля 2014 года — даты вступления этого закона в силу. Расширились и возможности для специально создаваемых юридических лиц.

Кроме того, особое внимание было уделено защите инвесторских прав — если специально созданное для осуществления сделки секьюритизации юридическое лицо обанкротится, что соответствует принятому на западе понятию «защищенности от банкротства». Также в этих целях были актуализированы и другие нормативные акты, имеющие отношение к сделкам секьюритизации.

К 2014 году суммарное количество проведенных секьюритизационных операций превышало 100, примерно ⅘ были сделки внутренней секьюритизации ипотечных кредитов. Главным участником рынка стало Агентство по ипотечному жилищному кредитованию, с учетом специфики деятельности, которая корректировалась нормативной базой. Это совпало с повышательной тенденцией на российском финансовом рынке и рынке ипотечного жилищного кредитования.

Но есть и проблемы. Одна из главных — высокая степень концентрации, основная доля рынка охвачена несколькими инвестиционными банками, что понижает возможности конкуренции, следовательно, делает рынок менее эффективным. Тем не менее, поскольку этот рынок доступен не для всех, такая концентрация указывает на специализацию этих банков на секьюритизационных сделках.

В 2015 году отмечался низкий спрос инвесторов и малые темпы роста секьюритизации активов, что оказывало негативное влияние на новые сделки.

В 2016 году ВТБ объявил о намерении имитировать бумаги, обеспеченные портфелем кредитов, на десятки миллиардов рублей в рамках балансовой секьюритизации. Примечательно, что впервые в РФ речь идет о секьюритизации кредитов наличными средствами, хотя в международной практике это довольно распространенная операция.

В целом, в 2016 году отмечается повышенный интерес к секьюритизации активов. Промсвязьбанк заявил о запланированном размещении ценных бумаг с обеспечением в виде кредитов малому и среднему бизнесу примерно на 10 млрд рублей. Эти операции считаются сложными из-за возобновляемости залогового пула и разнородности периодов пополнения, а, следовательно, нестабильности денежных потоков, но

скорость фондирования может быть зафиксирована на длительное время.

По мнению экспертов, нестабильность на финансовых рынках 2015 года продлится и в 2016 году, кроме того, негативное влияние на рынок частных обеспеченных ценных бумаг и серьезное сдерживающие воздействие оказывает введение Центральным банком РФ новых требований к капиталу для младших траншей резидентных обеспеченных и ипотечных ценных бумаг более чем в двенадцать раз. С другой стороны, как показывает международная практика, будут разрабатываться альтернативные механизмы для нивелирования этого негативного влияния либо новые продукты, как совсем недавно в аналогичной ситуации (с обеспеченными долговыми обязательствами) поступил Дойчебанк.

В 2016 году Промсвязьбанк и МСП банк завершили сделку секьюритизации кредитов малым и средним предприятиям на 7 млрд рублей с помощью компании «Бейкер энд Маккензи». Рейтинговало Мудиз (Baa3). Участвовали Евразийский банк развития, Международный инвестиционный банк и группа компанией «Регион». Это может привести к расширению рынка обеспеченных облигаций.

Результаты исследования. 1) проведен ретроспективный анализ зарождения и становления на российском финансовом рынке такого явления как секьюритизация; 2) отмечено постепенное расширение используемых в сделках секьюритизации активов, что указывает на взаимосвязь уровня развития российского рынка секьюритизации и финансового рынка в целом, а также банковской системы; 3) отмечена неоценимая поддержка развитию рынка секьюритизации в РФ со стороны государства — и на уровне законодательства, и опосредованно — через Агентство по ипотечному жилищному кредитованию и его подразделения, в особенности Единый институт развития в жилищной сфере. 4) Сделан вывод, что американский опыт, в особенности кризисный, может послужить отправной точкой для регулирования российского рынка секьюритизации, ведь зарождающиеся на нем тенденции все чаще приходят в нашу страну в силу интегрированности РФ в мировую экономику, а российского финансового рынка — в международный финансовый рынок, но с известным временным лагом. Впрочем, дающим возможность принять соответствующие меры и предупредить приход неблагоприятных тенденций на российский финансовый рынок извне. В целях же глобальной минимизации этих тенденций, как и предупреждения их зарождения и распространения на международном уровне, необходимо наднациональное сотрудничество.

Анализ результатов. Полученные результаты представляются вполне репрезентативными и подтвержденными, поскольку основаны на анализе статистических данных из официальных источников.

Заключение. Таким образом, в Российской Федерации рынок секьюритизации активов пока не получил такого развития, как в развитых государствах, но стремится к этому. Замедляющим фактором развития мирового рынка секьюритизации послужил недавний глобальный финансово-экономический кризис (начавшийся как раз в исследуемой сфере — ипотечной секьюритизации — на развитых рынках), но на аналогичный российский сегмент он не оказал столь пагубного влияния прежде всего в силу неразвитости указанного сегмента к моменту начала кризиса. Аналогично зарубежному опыту, в Российской Федерации рынок секьюритизации активов получил поддержку со стороны государственных органов, рассматривающих его прежде всего как альтернативу, подходящую для квалифицированных институциональных инвесторов, и, следовательно, позитивную. А специфическое развитие в нашей стране кризисных явлений в конце первого десятилетия нового века указывает, что российский рынок секьюритизации активов прошел проверку на прочность. Более того, он даже способствовал снижению уровня волатильности финансового рынка, выполняя тем самым свою традиционную функцию, которая за рубежом подверглась уже серьезной эрозии.

Ввиду вышесказанного, представляется возможным оценить перспективы российского рынка секьюритизации активов как благоприятные, хотя все еще для проведения таких сделок активно привлекаются иностранные институциональные инвесторы. Активизируется деятельность Агентства по ипотечному жилищному кредитованию и его подразделений, что может дать толчок развитию и частной секьюритизации. А учитывая международные тенденции, следует активизировать трансграничное сотрудничество национальных и международных регулирующих органов всего финансового рынка — и банковской, и инвестиционной сферы, в особенности, рынка ценных бумаг.

Литература

1. Бэр Х. П. Секьюритизация активов: секьюритизация финансовых активов — инновационная техника финансирования банков. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 585 с.
2. Де Вриз Роббе Ж. Ж. Секьюритизация и право / Ж.Ж. де Вриз Роббе, Поль А. Москва: Волтерс Клувер, 2008. 600 с.
3. Кучинский К. А. Секьюритизация ипотеки: прошлое и настоящее // Экономические стратегии. 2011. № 4. С. 26–36.

4. Нурмухаметов Р. К. Секьюритизация и ее особенности в Росии на современном этапе // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2015. № 7–6. С. 137–142.
5. Агентство по ипотечному жилищному кредитованию [Электронный ресурс]. URL: http://ahml.ru/ (дата обращения 5.01.2017).

SECURITIZATION TRENDS OF THE GLOBAL FINANCIAL MARKET COMING TO RUSSIA

Olga V.Khmyz, Natalia V.Sergeeva

Abstract. *The relevance of the study is determined by the increased attention of experts and retail investors to securitization trends coming in the Russian Federation from abroad.*

Securitization problems and analysis of these issues are the subject of many studies of foreign and Russian authors. First of all, we analyzed the experience of the US securitization as the most developed, and to a lesser extent — Europe (in fact copied from transatlantic). Whereas the study of the specifics of the securitization in Russian devoted a lot less studies.

The article presents a retrospective analysis on the basis of a systematic approach, which gave the opportunity to briefly review the history of the development of securitization in the Russian Federation (1996 to 2016) and highlight the features of the present stage of development of the Russian securitization market based on its regular exposure to the trends emerging in developed markets.

The analysis is based on statistical data about the most well-known Russian banks securitization transactions (or transactions in which they participate), as well as statistics of the Russian Agency for Housing Mortgage Lending.

The article noted the gradual expansion of assets used in the securitization transactions, which indicates the relationship between the level of development of the Russian securitization market and the financial market in general, as well as the banking system. Invaluable support the development of the securitization market in Russia had a government — and in law, and indirectly — through the Agency for Housing Mortgage Lending and its departments.

The article concluded that the American experience, particularly of the crisis time, can serve as a starting point for the regulation of the Russian securitization market, as emerging on the American financial market trends is increasingly coming into our country because of Russian integration into the global economy, and the Russian financial market integration into the international financial market, but with the time lag. However, enabling them to take appropriate action and prevent the arrival of unfavorable external trends on the Russian financial market. In order to minimize these global trends, as well as

their prevention at the international level of nucleation and propagation, must be supranational cooperation.

Keywords: *securitization, collateralized debt obligations*

Информация об авторах
Хмыз Ольга Васильевна
доцент, к.э.н., доцент кафедры международных финансов
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Эл.почта: khmyz@mail.ru
Сергеева Наталья Владимировна
Финансовый университет при Правительстве РФ
доцент, к.э.н., доцент департамента «Мировая экономика и мировые финансы»
E-mail: sergeeva69@mail.ru
Olga V.Khmyz, associate prof., PhD (econ.)
Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Natalia V.Sergeeva, associate prof., PhD (econ.)
Financial University under the Government of Russian Federation; Russian Federation

ПОЗИЦИЯ РОССИИ НА МИРОВОМ РЫНКЕ НЕФТИ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

А. В. ШЕВЕЛЁВА

Аннотация. *В данной статье проведён позиции России на мировом рынке нефти в условиях активизации добычи нетрадиционных углеводородов в США, резкого падения цен на нефть, конфликта на Украине, военных действий в Сирии, снятия санкций с Ирана, ослабления роли ОПЕК, увеличения доли возобновляемых источников энергии в энергетических балансах многих стран мира. Проанализированы факторы, которые осложняют позицию России на мировом рынке нефти, в число которых входят введение санкций со стороны США и стран ЕС против российской нефтегазовой отрасли, ухудшение общеэкономической ситуации в стране, снижение курса рубля по отношению к доллару и евро. На основе проведенного исследования выявлена необходимость сохранения Россией своего влияния и укрепления позиций на мировом рынке нефти путем установления устойчивых отношений на новых энергетических рынках, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов в рамках единого экономического пространства ЕАЭС.*

Ключевые слова: *мировой рынок нефти, Россия, российский нефтегазовый комплекс, геополитические условия*

Введение

Россия обладает одним из самых больших в мире потенциалов топливно-энергетических ресурсов, в этой связи завоевание выгодной позиции на мировом нефтяном рынке становится одним их факторов эффективного долгосрочного развития страны.

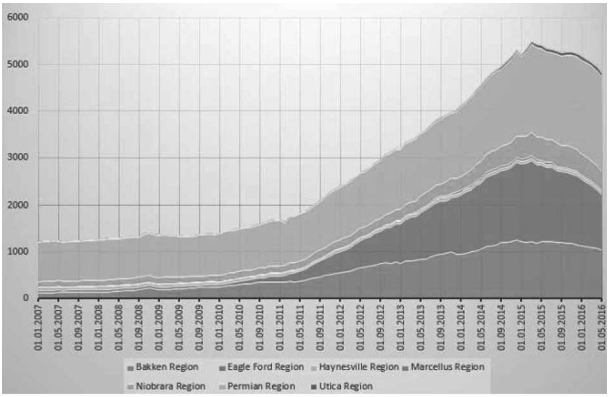
Современная экономическая и политическая ситуация, резкие колебания валютных курсов приводят к ухудшению условий для деятельности России на мировом рынке нефти, однако она старается сохранять свои ведущие позиции.

Исследование

В современных условиях произошло изменение расстановки сил на мировом рынке нефти. Этому способствовали следующие факторы.

Во-первых, активизация добычи нетрадиционных углеводородов в США (см. рис. 1).

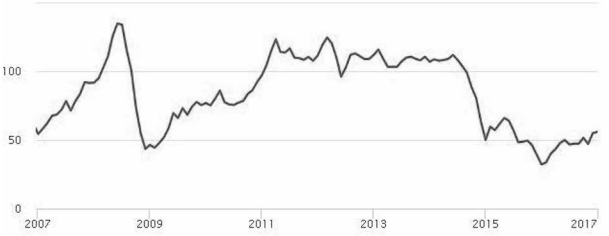
Рис. 1. Добыча сланцевой нефти в США, тыс. баррелей в день



Источник: [10]

Во-вторых, резкое падение цен на нефть [Акиева, Шевелева, 2016, с. 92] (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика цен на нефть Brent, долл. за баррель



Источник: [6]

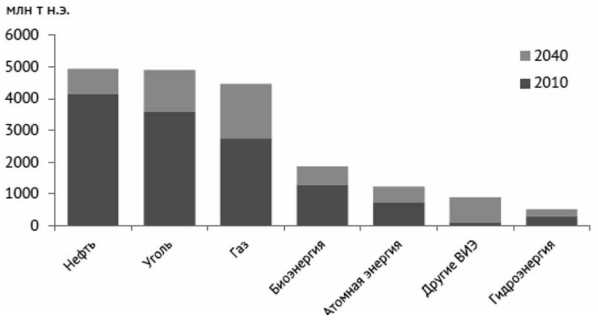
В-третьих, ослабление роли ОПЕК как важнейшего регулятора рынка, поскольку был отменен ценовой коридор и не соблюдался установленный уровень совокупной квоты на добычу нефти (см. рис. 3).

В-четвертых, увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетических балансах многих стран мира привело к изменению расстановки сил на мировом рынке нефти (см. рис. 4).

Рис. 3. Как ОПЕК соблюдает квоту

Источник: [5]

Рис. 4. Показатели прироста потребления первичной энергии



Источник: [8]

В-пятых, конфликт на Украине.

В-шестых, военные действия в Сирии.

В-седьмых, снятие санкций с Ирана.

Происходящие геополитические изменения в мире обусловили усиление международной конкуренции на данном рынке, что в свою очередь затронуло интересы его ведущих игроков, прежде всего России, США, Китая, ЕС, стран ОПЕК.

Позиция России на мировом рынке нефти осложняется еще таким факторами, как:

— введение санкций со стороны США и стран ЕС против российской нефтегазовой отрасли
— ухудшение общеэкономической ситуации в стране
— снижение курса рубля по отношению к доллару и евро.

Это привело к потере лидерства России на мировом рынке нефти по ряду показателей.

Так, например, если в 2010 году Россия согласно данным BP Statistical Review of World Energy 2016 по объемам добычи занимала первое место, то в 2015 году ее опередили Саудовская Аравия и США. В мировом объеме добычи нефти доля Россия составила 12,4% (см. табл. 1).

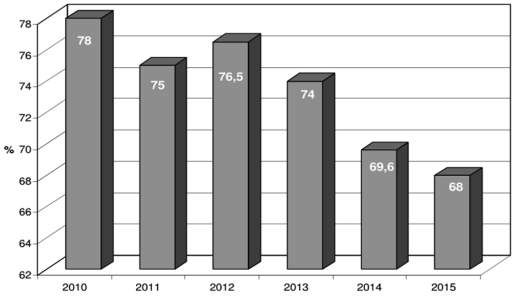
Таблица 1. Страны лидеры по добыче нефти, млн т

	2010	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**% от мировой добычи**
Саудовская Аравия	466,6	525,8	547,0	538,4	543,4	568,4	13,0%
США	339,9	352,3	394,9	448,0	522,8	567,2	13,0%
Россия	**505,1**	**511,4**	**526,6**	**531,1**	**534,1**	**540,7**	**12,4%**
Канада	164,4	172,6	182,6	195,0	209,6	215,5	4,9%
Китай	203,0	203,6	207,5	210,0	211,4	214,6	4,9%

Источник: [12]

За период 2010–2015 гг. экспорт нефти из России в страны ЕС, которые являются ее основным рынком сбыта, сократился почти на 15% (см. рис. 5).

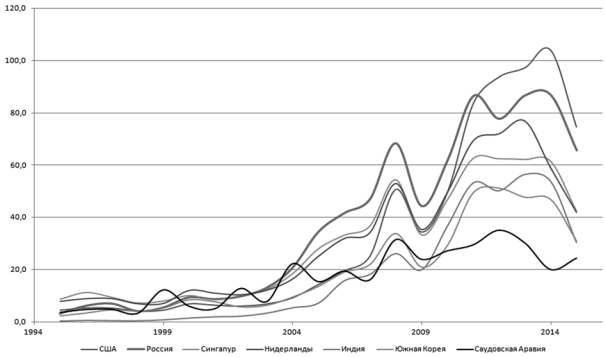
Рис. 5. Экспорт нефти из России в страны ЕС, % от общего объема



Источник: [11]

По экспорту нефтепродуктов Россия уступила свои лидирующие позиции США, начиная с 2012 года и до настоящего времени не может их восстановить (см. рис. 6).

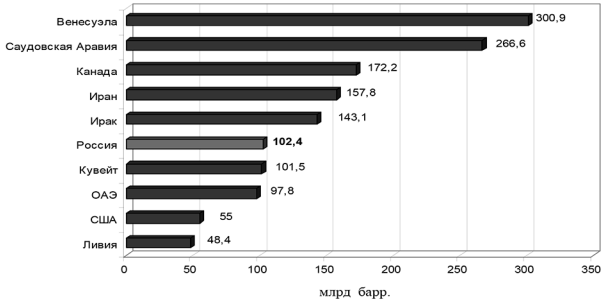
Рис. 6. Стоимостные объемы экспорта нефтепродуктов по странам мира, млрд долл.



Источник: [7]

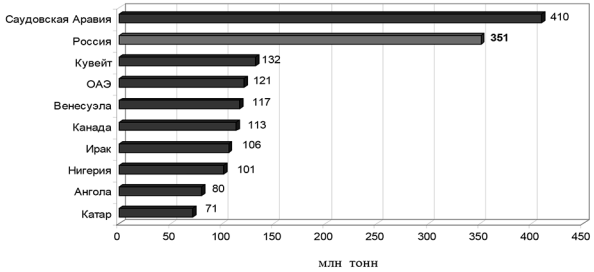
На конец 2015 года по доказанным запасам нефти в мире у России шестое место, ее опережают Венесуэла, Саудовская Аравия, Канада, Иран и Ирак. Доля России в мировом объеме запасов нефти составляет 6,0% (см. рис. 7).

Рис. 7. Страны-лидеры по объемам запасов нефти в конце 2015 г.



На начало 2015 года у России было второе место по экспорту нефти и нефтепродуктов в мире, лидером являлась Саудовская Аравия. Доля России в мировом объеме экспорта нефти составляет 16,5%, в мировом объеме экспорта нефтепродуктов около 9% (см. рис. 8).

Рис. 8. Ведущие страны-экспортеры нефти и нефтепродуктов в начале 2015 г.



Таким образом, перед Россией стоит задача сохранить свое влияние и укрепить позиции на мировом рынке нефти.

В этой связи стратегическими целями российской внешней энергетической политики являются:

— повышение конкурентоспособности российской энергетики
— повышение качества экспортных продуктов
— географическая и продуктовая диверсификация рынков сбыта и направлений экспорта

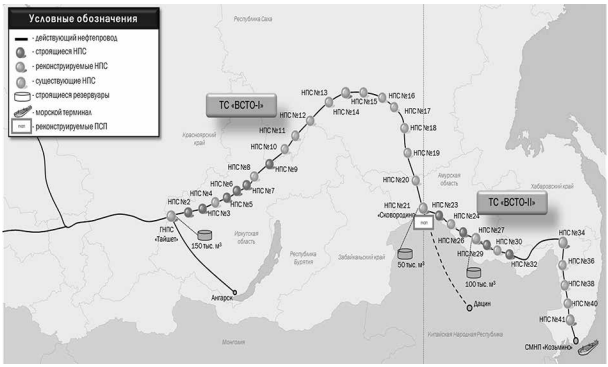
Это потребует строительства соответствующей транспортной инфраструктуры и создания благоприятных налоговых, тарифных и таможенных условий.

Для реализации данных целей Россия уже начала предпринимать соответствующие меры, в частности, формировать устойчивые отношения на новых энергетических рынках, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где происходит активное развитие энергетического сотрудничества России с Китаем, Индией, Вьетнамом.

С Китаем Россия еще в 2009 году подписала межправительственное соглашение о сотрудничестве в нефтяной сфере на 23 года, которое предусматривает долгосрочные поставки нефти с приемлемыми как для России, так и для Китая условиями кредитования. Договоры о кредитах заключили компании «Роснефть», «Транснефть» и Банк развития Китая. Российским нефтяным компаниям было выделено 25 млрд долл. кредитных средств, а Китай получил доступ к нефтяному трубопроводу «Восточная Сибирь — Тихий океан». На современном этапе Россия наращивает объем поставок по российско-китайскому нефтепроводу (см. рис. 9).

В июне 2016 года «Роснефть» заключила с China National Chemical Corporation новый годовой контракт на поставку нефти, а также соглашение, которое предусматривает вхождение ChemChina на 40% в ка-

Рис. 9. Нефтепровод ВСТО-1 и ВСТО-2



Источник: [9]

питал Восточной нефтехимической компании (ВНХК) с пропорциональным участием в финансировании.

Российско-индийское сотрудничество в нефтяной сфере активизировалось в 2015 году, когда руководителями российской компании «Роснефть» и индийской Группы компаний Essar был подписан долгосрочный контракт, согласно которому нефть будет поставляться на нефтеперерабатывающий завод в индийском городе Вадинар для переработки. Согласно контракту за 10 лет должно быть поставлено 100 млн тонн нефти.

С 2014 года активно развивается нефтяное сотрудничество России и Вьетнама. «Газпром нефть» и PetroVietnam заключили рамочное соглашение о разработке Нагумановского и Северо-Пуровского месторождений, контракт о поставках нефти марки ВСТО во Вьетнам, а также соглашение о создании совместного предприятия для разработки Долгинского нефтяного месторождения. В мае 2016 года Зарубежнефть и PetroVietnam подписали СРП по участку на шельфе Вьетнама.

Кроме того, активно идет процесс формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов в рамках единого экономического пространства Евразийского экономического союза. В мае 2016 года Евразийский экономический союз утвердил Концепцию формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов.

Общие рынки нефти и нефтепродуктов ЕАЭС позволят обеспечить баланс экономических интересов всех участников данных рынков.

К основным направлениям функционирования общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС можно отнести:

— взаимную торговлю нефтью и нефтепродуктами между участниками данных рынков: в рамках двусторонних и иных договоров; биржевых торгов;
— транзит и транспортировку нефти и нефтепродуктов [Решение, 2016, С. 9].

Процесс формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов будет происходить в три этапа:

— первый этап — 2016–2017 гг. — будет разработана и утверждена программа формирования общих рынков;
— второй этап — 2018–2023 гг. — будут выполнены мероприятия программы, принятой на предыдущем этапе, разработаны единые правила доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов государств-членов ЕАЭС;
— третий этап — 2024 г. — будет заключен и вступит в силу международный договор ЕАЭС о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов, который будет содержать, в частности, единые правила доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов государств-членов ЕАЭС [Решение, 2016, С. 18–19].

Результаты исследования

В целом, своевременная и эффективная реализация вышеуказанных мер будет способствовать сохранению лидирующих позиций России на мировом рынке нефти в современных геополитических условиях и укрепить ее энергетическую безопасность.

Заключение

Таким образом, позиция России на мировом рынке нефти, в первую очередь, зависит от изменений макроэкономической и геополитической ситуации в мире, динамики курса доллара и состояния финансовых рынков. Возможное снятие санкций и стабилизация нефтяных цен позволит России восстановить свои утраченные позиции на мировом рынке нефти.

Литература

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. № 8 "О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза".
2. Шевелева А. В. Стратегии развития международных нефтяных компаний. Сборник статей / под ред. проф. Р. Б. Ноздревой. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России; каф. менеджмента и маркетинга. М.: МГИМО–Университет, 2013. 80 с.
3. Акиева Л. Б., Шевелева А. В. Хеджирование: проблемы управления ценовыми рисками нефтегазовых компаний. // Neftegaz.RU. 2016. №5–6. С. 92–96.

4. Тяглов С. Г. Стратегические ориентиры устойчивого развития нефтегазового комплекса России / С. Г. Тяглов, А. В. Шевелева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова Общественные науки. 2014. № 3. с. 402–406.
5. $35 на 70 рублей: Чего ждать от провала встречи в Дохе [Электронный ресурс]. URL: http://www.oilru.com/news/512016/ (дата обращения: 10.01.2017)
6. Динамика цен на нефть Brent (ICE.Brent, USD за баррель) [Электронный ресурс]. URL: https://news.yandex.ru/quotes/1006.html (дата обращения: 14.01.2017)
7. Динамика экспорта нефтепродуктов с 1995 по 2015 год в мире [Электронный ресурс]. URL: http://ray-idaho.livejournal.com/413138.html (дата обращения: 12.01.2017)
8. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 [Электронный ресурс]. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf (дата обращения: 10.01.2017)
9. Расширение трубопроводной системы «Восточная Сибирь — Тихий океан» [Электронный ресурс]. URL: http://www.transneft.ru/about/projects/current/1204/ (дата обращения: 09.01.2017)
10. Сланцевая нефть в США [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/news/2016–05–04/slantsevaia-neft-v-ssha/?topic_code=blogs&device=desktop (дата обращения: 14.01.2017)
11. Экспорт нефтяного сырья [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/ node/1210 (дата обращения: 10.01.2017)
12. BP Statistical Review of World Energy 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 11.01.2017)

THE POSITION OF RUSSIA ON THE WORLD OIL MARKET IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Anastasia V. Sheveleva

Abstract. *This article held the position of Russia on the world oil market conditions enhance the extraction of unconventional hydrocarbons in the United States, a sharp decline in oil prices, the conflict in Ukraine, war in Syria, the lifting of sanctions with Iran, weakening the role of OPEC, increasing the share of renewable energy in energy balances of many countries. Also were analyzed factors that complicate the position of Russia on the world oil market, including the introduction of sanctions by USA and EU against the Russian oil and gas industry, the deteriorating economic situation in the country, the depreciation of the ruble against the dollar and the Euro. On the basis of the conducted research identified the necessity of maintaining Russia's influence*

and strengthening its position in the world oil market by establishing stable relations on new energy markets, primarily in the Asia-Pacific region, as well as the formation of common markets of oil and oil products in the framework of the single economic space in the Eurasian economic Union.

Keywords: *world oil market, Russia, Russian oil and gas complex, geopolitical conditions*

References

1. Akieva L.B., Sheveleva A.V. Hedzhirovanie: problemy upravlenija cenovymi riskami neftegazovyh kompanij. // Neftegaz.RU. 2016. №5–6. S. 92–96.
2. Dinamika cen na neft' Brent (ICE.Brent, USD za barrel') [Jelektronnyj resurs]. URL: https://news.yandex.ru/quotes/1006.html (data obrashhenija: 14.01.2017)
3. Dinamika jeksporta nefteproduktov s 1995 po 2015 god v mire [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ray-idaho.livejournal.com/413138.html (data obrashhenija: 12.01.2017)
4. Jeksport neftjanogo syr'ja [Jelektronnyj resurs]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/1210 (data obrashhenija: 10.01.2017)
5. Prognoz razvitija jenergetiki mira i Rossii do 2040 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf (data obrashhenija: 10.01.2017)
6. Rasshirenie truboprovodnoj sistemy «Vostochnaja Sibir' — Tihij okean» [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.transneft.ru/about/projects/current/1204/ (data obrashhenija: 09.01.2017)
7. Reshenie Vysshego Evrazijskogo jekonomicheskogo soveta ot 31 maja 2016 g. № 8 "O Koncepcii formirovanija obshhih rynkov nefti i nefteproduktov Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza"
8. Sheveleva A.V. Strategii razvitija mezhdunarodnyh neftjanyh kompanij. Sbornik statej / pod red. prof. R.B. Nozdrevoj. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) MID Rossii; kaf. menedzhmenta i marketinga. M.: MGIMO–Universitet, 2013. 80 s.
9. Slancevaja neft' v SShA [Jelektronnyj resurs]. URL: https://finance.rambler.ru/news/2016–05–04/slantsevaia-neft-v-ssha/?topic_code=blogs&device=desktop (data obrashhenija: 14.01.2017)
10. Tjaglov S.G. Strategicheskie orientiry ustojchivogo razvitija neftegazovogo kompleksa Rossii / S.G. Tjaglov, A.V. Sheveleva // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Hetagurova Obshhestvennye nauki. 2014. № 3. s. 402–406.
11. VR Statistical Review of World Energy 2016 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (data obrashhenija: 11.01.2017)
12. $35 na 70 rublej: Chego zhdat' ot provala vstrechi v Dohe [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.oilru.com/news/512016/ (data obrashhenija: 10.01.2017)

Информация об авторе
А. В. Шевелёва
к.э.н., доцент кафедры Менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО МИД России
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru
Anastasia V. Sheveleva
PhD. Econ. Sci., Associate Professor at management, marketing and foreign economic activity department of MGIMO MFA Russia
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru

Итоги, проблемы и перспективы экономической глобализации в мире

Модераторы

А. С. Булатов, А. Г. Олейнов

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. БРЕНДЕЛЕВА

Аннотация: *В статье рассматриваются проблемы, связанные с институциональными изменениями в рамках политики глобализации, которые произошли в российской экономической системе за последние два десятилетия, и оценкой эффективности, сформированных здесь основных экономических институтов. Данные изменения приводят к появлению как новых институтов, так и новых организаций, аналогичных тем, что функционируют в странах, проводящих политику глобализации. Институциональные изменения связаны со значительными издержками, а кроме этого часто являются причиной появления целого ряда не только положительных, но и негативных эффектов, отражающихся на функционировании политической, экономической и социальной системах общества.*

Таким образом, на современном этапе развития актуальными являются вопросы, связанные с оценкой эффективности, созданных в рамках глобализации основных институтов, и их влияния на последующие институциональные изменения и в целом экономические результаты.

Проблема импорта институтов в России в 1990-х годах исследовалась в отдельных работах как российских, так и зарубежных исследователей. Однако данные вопросы практически не рассматривались в контексте проблемы институциональной безопасности. Автор исследует институциональные технологии, причины импорта институтов, негативные последствия импорта институтов. Анализ проводится с позиции устойчивости новых институтов, их полноты, а также их способности нейтрализовать негативные внешние факторы, обеспечивая таким образом устойчивость экономической системы.

Автор вводит понятие институциональной безопасности применительно к основным экономическим институтам, определяет такие ее критерии как эффективность институциональной системы, ее устойчивость и способность минимизировать отрицательные внешние и внутренние эффекты.

Ключевые слова: *импорт институтов, устойчивость институциональной системы, институциональная безопасность*

Последние два десятилетия наряду с информационными технологиями активно развиваются и институциональные технологии, причем последние тесно связаны с процессами глобализации, происходящими в мировой хозяйственной системе. Речь идет как об отдельных институтах, так и группах институтов, импортированных из внешней экономической среды и составляющих основу формирующихся национальных институциональных систем.

Данные изменения происходят в политической, экономической, социальных сферах и приводят к появлению как новых институтов, так и новых организаций, аналогичных тем, что функционируют в странах, проводящих политику глобализации.

Если в политической сфере эти технологии используются достаточно активно и предполагают изменение политических институтов в интересах отдельных групп, что получило свое отражение в научных исследованиях, то в экономической сфере институциональные изменения происходят повсеместно в рамках глобализационных процессов, однако в экономической литературе анализ современных институциональных изменений встречается относительно редко.

Причины импорта институтов

Импорт базовых экономических институтов получил значительное распространение в последние два десятилетия и связан с изменениями, произошедшими в бывших социалистических странах Восточной Европы и республиках Советского Союза. Как правило, импорт экономических институтов осуществляется развитыми странами в страны, отстающие в экономическом развитии, однако причины импорта институтов могут быть разными. Рассмотрим их более подробно:

1. *Ожидание экономической выгоды.* В данном случае реформаторы рассчитывают, что импортированные институты будут способствовать экономическому росту и обеспечат в дальнейшем быстрое экономическое развитие. Как показывает практика, такие изменения затрагивают отдельные институты или небольшие группы институтов, которые в дальнейшем влияют на институциональные изменения. Например, незначительные изменения в налоговой и финансовой системе, связанные с изменением налогов или процентных ставок, изменение условий для инвесторов с целью привлечения иностранных технологий и выпуска новой конкурентоспособной продукции, изменение правил финансирования программ в отдельных отраслях или научных разработок, что связано с протекционизмом или инновационным развитием и т.п.)

2. *Изменение институтов в обмен на какие-то блага*. Подобный обмен может происходить, если реформаторы преследуют краткосрочные интересы, например, вступление в международные организации, получение иностранных кредитов, пополнение бюджета за счет продажи предприятий иностранцам и т.п. Данные изменения являются эффективными только в краткосрочном периоде, но могут негативно повлиять на экономическое развитие в долгосрочном периоде.

3. *Интересы политической верхушки* (получение личной выгоды от иностранного лобби — начиная от интересов крупных корпораций и заканчивая интересами отдельных стран). Институциональные изменения в данной ситуации могут затрагивать как отдельные институты, так и привести к изменению всей системы.

От целей институциональных реформ зависит и скорость их реализации, величина трансформационных издержек, и, наконец. эффективность созданных институтов, то есть их способность продуцировать экономический рост на макроуровне и инновации на отраслевом и микроуровне.

Последствия импорта институтов

Институциональные преобразования связаны со значительными трансформационными издержками, величина которых может быть разной в зависимости от масштабов проводимых реформ и их глубины.

Если реформы затрагивают отдельные институты, то и издержки могут быть незначительными (речь идет как об экономических, так и социальных издержках). Если же меняются базовые институты, или группы институтов, то и издержки велики, однако, они во многом зависят от того, насколько новые институты взаимосвязаны со старыми (формальными и неформальными нормами), насколько гармонично они вписываются в существующую институциональную среду и т.п.

Как правило, институциональные трансформации в рамках глобализации связаны с коренными изменениями не только формальных правил, но и формальных норм, что в свою очередь определяет высокие трансформационные издержки, которые определяются не только материальными затратами, но и социальными издержками. Причем учитывать следует как издержки ex ante (на стадии разработки реформ), так и ex post (на стадии проведения реформ и периода их последующего функционирования, то есть издержки, которые могут появиться в долгосрочном периоде). (Brendeleva, 2011)

Издержки трансформации и последствия импорта институтов могут быть разными. Это во многом зависит от целей импорта и способности институциональной системы адаптировать изменения.

Поскольку в рамках глобализации институциональные технологии направлены в первую очередь на возможно быстрый переход к новой системе институтов, то проблема издержек перехода отодвигается на задний план и их значимость в одних случаях может быть проигнорирована. В других, если издержки трансформации превышают предельно допустимые значения, — реформы либо останавливаются, либо подвергаются дополнительной корректировке, однако экономическая система в это время может находиться в стагнирующем состоянии, или регрессировать.

Интересно, что степень различия культур в определенных случаях может не повлиять на результаты. «Невозможно переделать институциональные структуры стран восточной культуры, чтобы они были похожи на западные, поэтому первые никогда не смогут достигнуть такого уровня развития и благосостояния, какого достигли вторые. Есть, правда, известные исключения — это Япония, Корея, Гонконг, Сингапур. Но их можно рассматривать как стечение обстоятельств, в силу которых конфуцианская культура оказалась на данном этапе способной к восприятию некоторых полезных западных институтов в отличие от других культур» (Кузьминов, 2005). В случае с перечисленными странами скорее не стечение обстоятельств, а «правильность» целей и готовность общества к восприятию реформ сыграли определяющую роль в быстрой адаптации новых институтов в экономической системе, что сопровождалось относительно небольшой величиной трансформационных издержек.

В случае с институциональными реформами 1990-х годов в России, можно говорить о том, что высокие трансформационные издержки были предопределены не только неразработанностью проводимой политики, но и несоответствием определяемых целей конечным заявляемым результатам.

Импорт институтов и институциональная безопасность

Негативные последствия импорта институтов в Россию в 1990-х годах рассматривались в работах В. М. Полтеровича (Полтерович, 2001) и др. авторов. За последние пятнадцать лет изменился и эффект от первых реформ и внешние факторы, в которых функционируют основные российские экономические институты — это и усиление глобализации в первые годы XXI века (вступление в ВТО, расширение международного сотрудничества в рамках региональных группировок и т.д.) и ее ослабление в послекризисный период (влияние экономического кризиса на международную торговлю, санкции и т.д.) Меняются не только внешние факторы, но и внутренние (под воздействием новых целей и инструментов экономической политики).

В современных условиях нельзя игнорировать тот факт, что внешние и внутренние факторы в конечном итоге определяют эффективность институциональной системы, и в то же время являются причиной появления целого ряда не только положительных, но и отрицательных эффектов, влияющих на состояние политической, экономической и социальной сфер общества.

Особое значение в данном контексте приобретают вопросы, связанные не только с экономической, но и институциональной безопасностью.

Под экономической безопасностью с точки зрения институциональной теории понимается совокупность институтов, находящихся в определенном равновесии и обеспечивающих устойчивое развитие экономической системы.

В экономической литературе также встречаются определения и институциональной безопасности, например, это такое, состояние, характерное для стран с развитой рыночной экономикой, «когда институциональные рамки социально-экономической системы, законы и функционирование субъектов, принятие политических и экономических решений полностью соответствуют или адекватны краткосрочным и долгосрочным целям экономической политики, тогда они эффективны» (Сафрончук, 2006).

Если рассматривать эффективность институциональной системы, то под институциональной безопасностью можно рассматривать устойчивость основных институтов, низкую степень их подверженности влиянию внешних факторов, а также эффективность, то есть действенность стимулов для экономического развития.

Данные критерии институциональной безопасности характеризуют как институциональную систему в целом, так и отдельные институты. Они в свою очередь зависят от ряда факторов, таких как полнота институциональной системы, согласование формальных правил и неформальных норм, отсутствие институциональных ловушек и т.д.

Критерии институциональной безопасности требуют дальнейшей разработки и могут быть представлены как пороговыми значениями отдельных макроэкономических показателей, так и индексами устойчивости, показывающими влияние отдельных факторов на макроэкономические переменные, например, влияния изменения мировых биржевых индексов на российский индекс и т.п. Акцент может быть расставлен и на более широкий охват показателей и их влияния, как например, зависимость роста ВВП от изменения отдельных институтов.

Выводы

Процессы глобализации тесно связаны с институциональной трансформацией национальных экономик. Результаты этих изменений неоднозначны: с одной стороны, унификация «правил игры» позволяет малым открытым экономикам получить доступ к определенным «благам» в виде кредитов, выигрышу по отдельным товарным позициям во внешней торговле и т.д., с другой, данные страны становятся более уязвимыми для негативных внешних факторов, происходящих в мировой финансовой и экономической системах. Это прежде всего отражается на амплитуде и частоте колебаний на валютном рынке и курсе национальной валюты, стоимости акций национальных компаний и ее зависимости не от деятельности компаний, а от общей ситуации на мировых фондовых рынках, ограниченности бюджетной политики вследствие установленных правил и влияния внешних факторов и т.п.

В условиях экономической неопределенности укрепление институциональной системы имеет особое значение с точки зрения институциональной безопасности, что требует определения критериев и разработки механизмов оценки состояния функционирующей системы институтов.

Литература

1. Бренделева Е. Современные процессы глобализации и институциональные издержки национальных экономик//Международная экономика. 2011. № 1. С. 21–28. [Brendeleva E. (2011) Globalization and institutional costs of national economies. The international economy. №1, p. 21–28. (in Russian)]

Контекст: Как правило, институциональные трансформации в рамках глобализации связаны с коренными изменениями не только формальных правил, но и формальных норм, что в свою очередь определяет высокие трансформационные издержки, которые определяются не только материальными затратами, но и социальными издержками. Причем учитывать следует как издержки ex ante (на стадии разработки реформ), так и ex post (на стадии проведения реформ и периода их последующего функционирования, то есть издержки, которые могут появиться в долгосрочном периоде.

2. Кузьминов Я. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. 2005. №5. С. 5–27. [Kuzminov Ja. I., Radaev V. V., Jakovlev A. A., Jasin E. G. (2005) Institutions: From Drawing to grow: Experience of Russian reforms and the possible cultivation of institutional change. Voprosy economiki, 2005, vol. 5, p. 5–27 (in Russian)]

Контекст: Невозможно переделать институциональные структуры стран восточной культуры, чтобы они были похожи на западные, поэтому первые никогда не смогут достигнуть такого уровня развития и благосостояния, какого достигли вторые. Есть, правда, известные исключения — это Япония, Корея, Гонконг, Сингапур. Но их можно рассматривать как стечение обстоятельств, в силу которых конфуцианская культура оказалась на данном этапе способной к восприятию некоторых полезных западных институтов в отличие от других культур.

3. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. 2001. №3. С. 24–50. [Polterovich, V.M. (2001). Transplantation of Economic Institutions. Economics of Contemporary Russia, 2001, №3, 24–50 (in Russian).]

Контекст: Негативные последствия импорта институтов в Россию в 1990-х годах рассматривались в работах В. М. Полтеровича.

4. Сафончук М. В. Проблемы экономической безопасности в меняющемся мире (экономико-институциональный обзор) / М. В. Сафончук. — Экономическая безопасность и внешнеэкономические связи России / Под ред. Е. Б. Завьяловой. М.: ИД "Журналист". 2006. — 160 с. — С. 20–36.

[Safronchuk M.V. Problems of economic safety in the changing world: economic-institutional analysis / M.V.Safronchuk. — Economic Safety and External Economic C. 22 Relations of the Russian Federation / under red. E.B.Zavyalova. The Journalist, Moscow, 2006, p. 20–36]

Контекст: Состояние институциональной безопасности характерно для стран с развитой рыночной экономикой. Когда институциональные рамки социально-экономической системы, законы и функционирование субъектов, принятие политических и экономических решений полностью соответствуют или адекватны краткосрочным и долгосрочным целям экономической политики, тогда они эффективны.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF GLOBALIZATION POLICY

Elena Brendeleva

Abstract: *The article deals with institutional changes in terms of globalization that have occurred in the Russian economic system over the past two decades, as well as with the estimation of the effectiveness of major economic institutions formed in the country. These changes lead to the emergence of new institutions and new organizations, similar to those that operate in the countries implementing policies towards globalization. Institutional changes involve significant costs, often generating a number of not only positive but also negative effects which affect the functioning of the political, economic and social systems of the society.*

Thus, at the present stage of development the issues related to the estimation of the effectiveness of the main institutions formed within the globalization are of vast importance as well as their impact on subsequent institutional changes and overall economic performance.

The problem of import of institutions in Russia in the 1990s is studied in some works of both Russian and foreign researchers. However, these issues are insufficiently examined in the context of institutional security. The author investigates the institutional technologies, the reasons for the import of institutions, the negative effects of importing institutions. The analysis is conducted from the perspective of the stability of new institutions, their completeness, as well as their ability to offset the negative external factors, thereby ensuring the stability of the economic system.

The author introduces the concept of institutional security with regard to the major economic institutions, defines its criteria such as the efficiency of the institutional system, its stability and the ability to minimize the negative external and internal effects.

Keywords: *import of institutions, stability of the institutional system, institutional security*

Информация об авторе
Бренделева Елена Алексеевна
к.э.н., доцент
Московский государственный институт международных отношений, Россия
Эл.почта: brendeleva@mail.ru
Elena Brendeleva
Ph.D., Associate Professor
Moscow State Institute of International Relations, Russian
E-mail: brendeleva@mail.ru

РОССИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ КАПИТАЛА: ПРОШЛЫЕ, НЫНЕШНИЕ И БУДУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

А. С. БУЛАТОВ

Аннотация. *Статья посвящена одной из главных форм участия России в мировой экономике. В ней исследуется прошлая, нынешняя и будущая ситуация с российским вывозом и ввозом капитала. Статья продолжает цикл публикаций автора по этой тематике. Для теоретического основания используется идеология анализа международного движения капитала, принятая Международным валютным фондом и Организацией ООН по торговле и развитию. Для статистического анализа используется методология платежного баланса, принятая Международным валютным фондом. В начале статьи анализируются прошлые тенденции (2001–2013 гг.): большие масштабы участия нашей страны в международном движении капитала, кругооборот отечественного капитала между Россией и офшорами, постоянное превышение вывоза капитала над его ввозом, несоответствующая потребностям России отраслевая структура этого капитала. Затем идет анализ нынешней ситуации (2014–2016 гг.), для которой характерны такие новые тенденции, как резкое сокращение масштабов экспорта и импорта капитала и некоторое снижение уровня его офшоризации. В заключение автор приходит к выводу, что в среднесрочной перспективе (2017–2020 гг.) высока вероятность продолжения нынешних тенденций, а в долгосрочной перспективе (2020–2025 гг.) характер участия России в международном движении капитала будет зависеть прежде всего от перспектив проведения системных реформ в российской экономике.*

Ключевые слова: *Россия, международное движение капитала, офшор, офшоропроводящая страна, прямые инвестиции, портфельные инвестиции, прочие инвестиции.*

Место России в международном движении капитала в предыдущие годы

В предшествующие полтора десятилетия Россия увеличивала вывоз и ввоз капитала, заняв второе–третье место среди развивающихся стран и уступая только Китаю и временами Бразилии и Индии.

Таблица 1
География международного движения капитала в прошлом и начале нынешнего десятилетия, млрд долл. (искл. движение международных резервов)

	2002 г.		2005 г.		2007 г.		2009 г.		2011 г.		2013 г.	
	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз
Всего	1838	2313	6137	6703	10 293	11 231	213	1102	4363	5342	3440	3892
в т.ч. развивающиеся страны	101	181	442	651	1093	1744	321	741	956	1398	963	1489
из них Россия	9,7	11,4	55,9	53,4	113,2	207,9	38,0	6,4	143,7	70,6	169,8	124,5
Китай	17,7	50,0	86,4	183,4	170,8	262,9	24,6	201,5	225,8	485,8	220,3	563,3
Бразилия	5,1	12,8	8,8	–1,3	25,2	113,6	15,8	86,0	25,7	136,6	61,9	134,8
Индия	–3,1	8,9	7,4	32,7	4,1	98,4	25,6	68,7	30,4	89,6	32,9	92,1

Источник: IMF, Balance of Payments Statistics Yearbook за соответствующие годы

Но основная масса поступавшего в Россию капитала была лишь кругооборотом, т.е. обратным ввозом ранее вывезенного российского капитала, в основном через Кипр, Люксембург, Швейцарию и Британские Виргинские о-ва, а также через «офшоропроводящие» страны, прежде всего Великобританию и Нидерланды с их обширной сетью зарубежных офшорных юрисдикций. Это косвенно подтверждается сильным совпадением географии экспортированного и импортированного капитала. Так, в 2010 г. из всего объема накопленных российских инвестиций за рубежом и иностранных инвестиций в России только на эти шесть стран и территорий приходилось соответственно 56 и 71% [Булатов, 2011].

Подобный кругооборот капитала через офшоры и офшоропроводящие страны характерен не только для России, но и для других главных экономик мира, особенно развивающихся. По подсчетам автора, на 14 ведущих офшоров и офшоропроводящих стран (Гонконг, Сингапур, Маврикий, Бермудские о-ва, Багамы, Каймановы о-ва, Британские Виргинские о-ва, Кипр, Люксембург, Ирландия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания) в Китае в 2013 г. приходилось 80% экспорта и 78% импорта прямых инвестиций, в Индии в 2011 г. — соответственно 72 и 75%, в США в 2012 г. — 66 и 46%, в Бразилии в 2014 г. — 57 и 41% накопленных прямых инвестиций, а в России в 2013 г. на эти 14 офшо-

ров и офшоропроводящих стран приходилось 90 вывоза и 97% ввоза прямых инвестиций [Булатов, 2015].

Но в отличие от остальных ведущих развивающихся стран для России было характерно превышение экспорта капитала над его импортом, что нетипично для этой группы стран, в т.ч. главных (см. табл.1). Экономико-теоретическое объяснение этого российского феномена может быть следующим. Быстро росший из-за повышения мировых цен российский экспорт увеличивал положительное сальдо торгового баланса России и, соответственно, сальдо её текущего платежного баланса, что обеспечивало весьма ощутимый вклад в норму валового сбережения в нашей стране. Однако недостаточно хороший инвестиционный климат в России, неопределенные перспективы ее экономического развития, высокая дороговизна местного кредита из-за большой инфляции сдерживали рост нормы валового накопления (увеличения основного капитала и изменения запасов материальных оборотных средств), которая определяется инвестициями во внутреннюю экономику. В результате в стране постоянно образовывалась разница между большой нормой валового сбережения (потенциальными финансовыми ресурсами для инвестиций) и меньшей нормой валового накоплениями — см. табл. 2. Этот относительно избыточный капитал во многом устремлялся за рубеж, что соответствует кейнсианской трактовке сальдо текущего платежного баланса как разнице между сбережениями и инвестициями (S — I = B). Подобная трактовка подтверждается примерами Бразилии и Индии с их стабильно отрицательным сальдо текущего платежного баланса. Что касается Китая, у которого в рассматриваемый период наблюдалось систематически положительное сальдо текущего платежного баланса и, соответственно, норма валового сбережения превышала норму валового накопления, но экспорт капитала был меньше его импорта, то это можно объяснить более жестким по сравнению с Россией валютным регулированием, которое канализирует избыточный капитал в золотовалютные резервы и государственные инвестиции. Однако в последующем и для Китая вследствие смягчения валютного регулирования вывоз капитала стал преобладать над его ввозом (см. табл. 3).

Другой характерной чертой участия России в международном движении капитала была структура импорта капитала, отличающая её от других развивающихся экономик. В целом за 2000–2008 гг. во ввозе капитала в эти экономики на прочие инвестиции (т.е. займы, ссуды, кредиты, а также вложения на счета, депозиты и в наличность) приходилось 29%, а в российском импорте капитала — 62% [Булатов, 2011]. По

Таблица 2
Сальдо текущего платежного баланса, норма валового сбережения и валового накопления в России, в процентах к ВВП

	2002 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	Справочно: 2013 г.		
							Китай	Бразилия	Индия
Сальдо текущего платежного баланса (млрд долл.)	8,4 (27,5)	11,1 (84,4)	5,9 (72,2)	3,9 (50,4)	4,8 (97,2)	1,5 (33,4)	1,6	–3,0	–1,7
Норма валового сбережения	29,3	31,2	31,6	21,1	29,5	24,2	47,9	13,7	30,8
Норма валового накопления	17,9	17,8	24,4	18,9	25,0	21,5	46,5	18,0	33,2

Рассчитано по: Росстат. Национальные счета России (за соответствующие годы); IMF.World Economic Outlook (за соответствующие годы); IMF. International Financial Statistics http://www.imf.org/regular.aspx?key=60998112

расчетам автора, в 2013 г. в российском импорте капитала на эту форму приходился 51%, в то время как всем развивающимся странам — 28%, в т.ч. в Китае — 38%, Бразилии — 14% и лишь в получающей большую иностранную помощь Индии — 55% (рассчитано по: IMF). Подобная высокая доля ссудных средств в российском импорте капитала может быть объяснена двумя причинами. Во-первых, слабостью отечественной кредитной системы на протяжении всей постсоветской истории, особенно в выдаче среднесрочных и долгосрочных кредитов российским резидентам. Во-вторых, стремлением российских владельцев вложенных в офшорах активов финансировать свои российские предприятия не столько через прямые инвестиции, сколько через менее рискованные займы, ссуды и кредиты.

Что касается ввозимых в Россию прямых инвестиций, то их отраслевая структура отнюдь не способствовала развитию высокотехнологичных отраслей в нашей стране. Из накопленных к концу 2009 г. прямых иностранных инвестиций в инфраструктуре, сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности было размещено лишь 42% , причем в последней они были сосредоточены преимущественно в простых видах производства: пищевой промышленности, производстве мате-

Таблица 3
География международного движения капитала в середине текущего десятилетия, млрд долл. (искл. движение международных резервов)

	2014 г.		2015 г.		2016 г. (I–III кв.)	
	Вывоз	**Ввоз**	**Вывоз**	**Ввоз**	**Вывоз**	**Ввоз**
Всего	5217,4	5014,4	3868,6	3318,0	…	…
в т.ч. Россия	114,4	–37,7	–4,4	–61,9	–6,1	–15,7
Китай	571,1	411,5	580,2	–93,6	294,8*	63,5*
Бразилия	71,8	186,1	33,7	93,3	20,0	20,2
Индия	93,6	158,5	74,7	141,2	19,4**	22,1**

* I–II кв. 2016 г. ** I кв. 2016 г.

Рассчитано по: Банк России. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором http://www.cbr.ru/statistics/?Prltd=svs; IMF.Balance of Payments Analytical Presentation data.imf.org/regular.aspx?key=60982819

риалов и полуфабрикатов, сборке легковых автомобилей, а в производстве машин и оборудования — лишь 3%. Основная часть инвестиций была вложена в добычу полезных ископаемых (23%), торговлю и ремонт (10%), финансовую деятельность (5%), операции с недвижимостью, аренду и предоставление услуг (16%) [Россия в цифрах, 2010].

Россия в международном движении капитала в 2014–2016 гг.

В середине нынешнего десятилетия в экспорте и импорте капитала из России произошел перелом в объёмах вывозимого и ввозимого капитала. Обратимся к статистике Банка России, который дает объёмы чистого ввоза/вывоза капитала на основе данных платежного баланса, правда, только для частного сектора, но зато с учетом статьи «Чистые ошибки и пропуски» платежного баланса, в которую, по преимуществу, включается неучтенное движение капитала. Схожую методику использует и МВФ по другим странам.

Как видно из табл. 3, в 2014 г. началось и в 2015–2016 гг. продолжалось радикальное сокращение ввоза иностранного капитала в Россию (знак «–» означает превышение репатриации капитала над его притоком). Схожая ситуация была и с вывозом капитала из нашей страны. В результате началось сокращение объёма капитала, накопленного нерезидентами в России, и капитала, накопленного российскими резидентами за рубежом (см. табл. 4), хотя оно определялось во многом валютной переоценкой этого капитала (так, укрепление курса рубля

в 2016 г. способствовало некоторому росту этих активов). Положительными побочными эффектами указанного сокращения стало резкое уменьшение в 2015–2016 гг. чистого (нетто) экспорта капитала и снижение внешней задолженности.

Хотя и у других ведущих развивающихся стран в рассматриваемый период также наблюдалось сокращение вывоза и ввоза капитала (особенно у Китая и Бразилии), однако наиболее радикальным оно было у России. В результате в группе развивающихся стран Россия перестала быть одним из лидеров экспорта и импорта капитала: если в 2013 г. на Россию приходилось 14,6% экспорта и 7,2% импорта прямых инвестиций в группе развивающихся стран, то в 2015 г. — лишь 6,5 и 1,2%.

Таблица 4

Международная инвестиционная позиция России, млрд долл.

	1.01.2003	**1.01.2010**	**1.01.2014**	**1.07.2016**
Активы, всего	293,6	1087,7	1474,6	1211,4
Прямые инвестиции	62,2	298,4	479,5	387,8
Портфельные инвестиции	2,5	38,2	53,7	73,3
Производные финансовые инструменты и опционы на акции для сотрудников	0	2,2	5,9	9,6
Прочие инвестиции	181,1	309,5	425,8	347,9
Международные резервы	47,8	439,5	509,6	392,8
Обязательства, всего	250,3	984,8	1342,0	907,1
Прямые инвестиции	69,8	377,5	565,6	388,9
Портфельные инвестиции	66,9	213,1	273,7	174,6
Производные финансовые инструменты и опционы на акции для сотрудников	0	5,2	4,4	7,4
Прочие инвестиции	113,5	385,0	499,2	336,2

Источник: Банк России. Международная инвестиционная позиция Российской Федерации в 2001–2016 годах http://www.cbr.ru/statistics/?Prltd=svs

Это произошло прежде всего по следующим причинам:

— темпы роста экономики России резко упали — если в 1998–2007 гг. они составляли в среднем 5,8%, то в 2010 г. российский ВВП вырос на 4,5%, в 2013 г. — на 1,3%, а в 2015–2016 гг. темпы роста ВВП были отрицательными. С одной стороны, это следствие «новой реальности», охватившей большинство ведущих стран — мировая экономика, росшая в 1998–2007 гг. среднегодовыми темпами в 4,2%, в 2012–2016 гг. перешла на темпы в диапазоне 3,1–3,5%. С другой стороны, начавшееся в России падение темпов экономического роста, усугублено тем, что, по мнению ряда экономистов [Глазьев, 2016; Явлинский, 2015], оно носит системный характер, т.е. отражает дефекты национальной экономической системы. В этих условиях снизилась привлекательность России как места получения прибыли. Так, если рентабельность активов в целом по российской экономике в 2006 и 2007 гг. составляла 12,2 и 10,4%, то в 2014 и 2015 гг. — 3,9 и 5,0%, т.е. упала до уровня второй половины 1990-х гг. [Росстат, 2016];

— новая динамика мирового хозяйства замедляет рост мировой торговли — если в 1998–2007 гг. она росла среднегодовыми темпами в 6,7%, то в 2014–2016 гг. — в диапазоне от 2,8 до 3,5%. Вызванное этим снижение мировых цен в 2014–2016 гг., особенно на топливо, сырье и полуфабрикаты, привело к сокращению стоимостного объема российского экспорта товаров в 2014–2016 гг. примерно в 1,5 раза. Хотя впавшая в рецессию российская экономика одновременно сократила импорт, но сальдо внешней торговли товарами, имевшее в прошлом десятилетия и в первой половине этого десятилетия тенденцию к росту (с 45,2 млрд долл. в 2001 г. до 177,6 млрд в 2008 г. и 188,9 млрд в 2014 г.), в последние два года снижается

Таблица 5
Сальдо текущего платежного баланса России

	2002 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г. (I–III кв.), оценка
Всего, млрд долл.	27,5	84,4	72,2	50,4	97,3	33,4	57,5	69,0	15,6
По отношению к ВВП, проценты	8,4	11,1	5,9	3,9	4,8	1,5	2,8	2,1	3,0

Источник: Банк России. Платежный баланс Российской Федерации в 2000–2016 годах (стандартные компоненты) http://www.cbr.ru/statistics/?PrItd=svs; Росстат. Национальные счета России (за соответствующие годы); IMF.World Economic Outlook (за соответствующие годы)

(148,9 млрд долл. в 2015 г. и 15,6 млрд за первые три квартала 2016 г.). А в результате с 2013 г. наблюдается тенденция к сокращению абсолютных и относительных размеров сальдо текущего платежного баланса России — см. табл. 5. Соответственно, у российских экономических агентов уменьшаются финансовые возможности для экспорта капитала;

— закончившаяся в 2014 г. программа Федеральной резервной системой по количественному смягчению перестала «выталкивать» из США денежные средства, владельцы которых активно расширяли вложения в рискованные зарубежные активы. Как констатирует ЮНКТАД, вслед за предшествующими волнами притока капитала в развивающиеся страны (1975–1981 гг. и 1991–1997 гг.) очередная волна ввоза капитала (2004–2011 гг.) закончилась, а последующее ухудшение экономических перспектив в большинстве развивающихся стран привело к усилению вывоза их собственного капитала, в результате чего в 2014–2016 гг. они стали сводить движение капитала с отрицательным сальдо [UNCTAD, 2016];

— на притоке капитала в Россию и отчасти на оттоке из нее капитала сказались введенные против России с 2014 г. западные санкции. Ограничения на внешние заимствования для российских банков и компаний с государственным участием привели к известному в экономической теории и практике эффекту «внезапной остановки притока капитала», преимущественно ссудного: только за вторую половину 2014 г. объем зарубежных обязательств (без учета обязательств по линии прямых инвестиций) российских резидентов сократился на 124,7 млрд долл. [Гурвич, Прилепский, 2016]. Для предстоящих выплат по уже накопленному внешнему долгу в условиях сокращения возможностей для его рефинансирования российские банки и компании стали замедлять рост своих зарубежных активов (включая прямые инвестиции) и даже сокращать их. Санкции сильно повлияли и на приток новых прямых инвестиций.

Одновременно происходили изменения в географии российского экспорта капитала. Так, если в российском вывозе прямых инвестиций доля вышеуказанных 14 офшоров и офшоропринимающих стран в 2013 г. составляла 90%, то в 2014 г. она снизилась до 81%, а в 2015 г. — до 53% (рассчитано по: Банк России, 2016). Отчасти это следствие политики деофшоризации, проводимой с начала нынешнего десятилетия ведущими западными странами и ОЭСР, а также подписанного в конце 2014 г. российского закона №376-ФЗ «О контролируемых иностранных

компаниях», обязывающего налоговых резидентов России сообщать в ФНС о подконтрольных им иностранных компаниях с последующей уплатой в России (если такая компания находится в списке офшорных юрисдикций) налога на прибыль этой компании по ставке, принятой в России. Тем не менее офшоры и офшоропроводящие страны остаются главным местом размещения накопленных российскими резидентами прямых инвестиций за рубежом: из общей суммы аккумулированных за рубежом российских прямых инвестиций на 14 указанных стран и территорий приходилось 75% в 2013 г. и столько же в конце I кв.2016 г., хотя их объем и сократился.

Несмотря на уменьшение объема накопленных в России иностранных инвестиций, их структура не изменилась. По сравнению с 2013 г. доля прямых инвестиций к осени 2016 г. осталась на уровне 43%, доля портфельных инвестиций и производных финансовых инструментов составляет по-прежнему около 20%, а доля прочих инвестиций, как и раньше, составляет 37% (рассчитано по данным табл.4). Хотя в отраслевой структуре импорта прямых инвестиций в 2014–2016 гг. наметились небольшие прогрессивные изменения, но на структуре накопленных прямых иностранных инвестиций это мало сказалось из-за небольших объемов притока прямых инвестиций в указанный период.

Прогноз участия России в международном движении капитала до конца текущего десятилетия

По мнению автора, в среднесрочной перспективе (до конца текущего десятилетия):

— темпы экономического роста нашей страны останутся намного ниже темпов предыдущего десятилетия, что объясняется как «новой реальностью», так и нежеланием руководства России идти на быстрые и радикальные системные реформы, могущие повысить темпы роста российского ВВП. Правящая в Российской Федерации коалиция рентоориентированных сил выступает за такую модернизацию национальной экономической модели, которая должна прежде всего сохранять их власть над экономикой и политикой. Отсюда нерешительность в проведении экономических реформ или их имитация, а в результате не проводятся решительно ни пролиберальные, ни прокейнсианские реформы. Так, в последнем послании Президента Федеральному Собранию было заявлено, что нашей стране лишь на рубеже 2019–2020 гг. необходимо выйти на темпы экономического роста выше мировых [Послание, 2016]. Пессимистический взгляд на среднесрочные темпы экономического роста России разделяют также Минэкономразвития России, МВФ и Всемирный банк (см. табл.6);

Таблица 6
Среднесрочные прогнозы роста ВВП, в процентах

	Прогноз МЭР (базовый вариант)			Прогноз МВФ			Прогноз ВБ
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	1998–2017 гг.	2017 г.	2021 г.	2018 г.
Мир	3,3	3,6	3,6	4,2	3,4	3,8	3,0
в т.ч. развитые страны	…	…	…	2,8	1,8	1,7	1,9
развивающиеся страны	…	…	…	5,8	4,6	5,1	4,7
из них Россия	0,6*	1,7*	2,1*	5,8	1,1	1,5	1,8
Китай	6,2	6,0	5,9	9,9	6,2	5,8	6,3
Бразилия	3,0	6,0	6,5	3,0	0,5	2,0	0,8
Индия	7,3	7,0	6,3	7,1	7,6	8,1	7,7

Источники: Министерство экономического развития Российской Федерации. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Ноябрь 2016 г.; Министерство экономического развития Российской Федерации. Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Апрель 2016 г. С. 6, 9; IMF. World Economic Outlook. October 2016. P. 229–232; World Bank. Global Economic Prospects. June 2016. P. 4.

— как и в предшествующие годы, темпы роста ВВП России в среднесрочной перспективе будут в основном определяться мировыми ценами на нефть (это заложено как в прогнозе российского МЭР, так и в прогнозах МВФ и ВБ). МЭР в своем базовом сценарии прогнозирует их сохранение в 2017–2019 гг. на уровне 2016 г., т.е. около 40 долл. за баррель [МЭР, 2016], Всемирный банк прогнозирует на 2017 г. более высокую цену — 50 долл. за баррель [World Bank, 2016], а МВФ прогнозирует на 2018–2021 гг. повышательную динамику цен на нефть темпами в 3,3% [IMF, 2016]. Однако это не тот рост, что был в 1998–2007 гг. (в среднем на 14% в год) и не тот уровень цен, что был тогда достигнут (144 долл. за баррель нефти сорта Brent в середине 2008 г.). Привлекательность России как развивающейся страны с ощутимыми (но невысокими) темпами экономического роста в условиях повышения (хотя и медленного) мировых цен на ее энерго-

носители усилится по сравнению с серединой этого десятилетия. Однако для иностранных инвесторов привлекательность нашей страны не восстановится до уровня прошлого десятилетия (даже отвлекаясь от западных санкций). Также и финансовые возможности российских экспортеров капитала не достигнут прежнего уровня: хотя по прогнозу МВФ положительное сальдо текущего платежного баланса по отношению к ВВП в 2017 г. составит 3,5%, а в 2021 г. — 4,5% [IMF, 2016], однако его абсолютная величина в 2017–2019 гг. прогнозируется МЭР на намного более низком уровне, чем в предшествующей декаде — 25–30 млрд долл. в год (МЭР, 2016), хотя прогноз МВФ на 2017 г. более оптимистичен по сравнению с данными табл. 5 — 50 млрд долл. [IMF, 2016];

— монетарная политика количественного смягчения в США не возобновиться, о чем свидетельствуют среднесрочные прогнозы повышения базовой ставки ФРС. Возможно, в 2017 г. закончится эта политика и в еврозоне, центральный банк которой начал проводить ее в 2015 г. В результате объем капитала, потенциально ввозимого в развивающиеся страны из-за рубежа, не будет заметно возрастать, что не позволит России надеяться на новый «золотой дождь» из-за рубежа вследствие роста и дешевизны денежной массы на Западе;

— не следует надеяться и на резкое смягчение западных санкций в отношении России, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. По мнению автора, внешняя политика России в ближайшие годы не изменится, а ведь она является главным раздражителем в экономических отношениях нашей страны с Западом. В результате этот важный ограничитель притока иностранного капитала в Россию будет продолжать действовать, хотя, возможно, и с меньшей силой.

Исходя из вышесказанного, автор приходит к выводу, что в среднесрочной перспективе импорт иностранного капитала в Россию может восстановиться лишь до уровня первой половины прошлого десятилетия, т.е. до 10–50 млрд долл. к концу нынешнего десятилетия. Что касается экспорта капитала из России, то он также может достичь уровня двенадцати–пятнадцатилетней давности — 20–80 млрд долл. Хотя рост офшорориетированного экспорта капитала из России будет тормозиться отечественным антиофшорным законодательством и дальше, в т.ч. вследствие присоединения России с 2018 г. к Единому стандарту по налоговой информации ОЭСР (предусматривает автоматический режим обмена данными о трансграничных финансовых счетах), однако основные мотивы для экспорта российского капитала за рубеж в среднесрочной перспективе при медленно реформируемой экономической

системе останутся — это слабая защита прав собственности (нужная правящей бюрократии для выгодного ей давления на частный бизнес), высокая монополизация наиболее доходных отраслей приближенными к власти олигархами и госкомпаниями, а также высокий уровень вмешательства госаппарата в бизнес (прежде всего в коррупционных и монополистических целях).

Таким образом, Россия останется нетто-экспортером капитала, хотя и в меньших размерах, как и предполагается в прогнозе МЭР, в котором величина чистого экспорта в 2017–2019 гг. определяется в 25 млрд долл. к концу этого периода [МЭР, 2016].

Прогноз участия России в международном движении капитала в следующем десятилетии

В долгосрочной перспективе (к середине следующего десятилетия) возможны как пессимистичный (инерционный), так и оптимистичный (реформаторский) сценарии.

Оптимистический сценарий может содержать следующие черты:

— в результате проведения системных реформ, прежде всего за счет активной промышленной политики, реформирования банковского сектора, сильной поддержки малого и среднего бизнеса, активной демонополизации экономики темпы роста ВВП могут восстановиться до уровня 4–6%, однако уже на основе не экспорта углеводородов, а «новой индустриализации», означающей для нашей страны прежде всего модернизацию обрабатывающей промышленности. Вследствие этого будет возможен активный приток прямых иностранных инвестиций в обрабатывающую промышленность, которая может стать все более важной отраслью экономики России. Если это будет сопровождаться политикой неформального принуждения иностранных инвесторов к вложению их средств и знаний в технологически передовые отрасли (как это сейчас происходит в Китае), то может измениться в лучшую сторону и отраслевая структура прямых иностранных инвестиций. Россия сможет вернуть себе прежнее высокое место среди развивающихся стран-импортеров капитала, однако на более современной отраслевой основе;

— в результате системных реформ Россия станет более привлекательным местом для отечественного частного капитала, что в долгосрочной перспективе может привести к замедлению оттока капитала из страны. В условиях более критического со стороны руководства страны отношения к свободе вывоза капитала возможно будет принятие по отношению к вывозимому капиталу различных ограничительных мер (см. ниже). Поэтому по оптимистическому

сценарию маловероятно большое увеличение масштабов экспорта капитала. Модернизация страны потребует больших инвестиций внутри страны, а главное, привлекательность подобных инвестиций повысится в глазах российских экономических агентов (произойдет трансформация национальных сбережений в накопление). Понятно, что оптимистичный вариант подразумевает и смягчение (а возможно и отмену) финансовых и технологических санкций со стороны Запада.

Пессимистичный сценарий может характеризоваться следующими чертами:

— системные реформы проводятся вяло, в результате чего Россия не сможет избавиться от «голландской болезни» и темпы экономического роста по-прежнему будут зависеть от мировых цен на углеводороды. При этом возможны два варианта: рост этих цен и их падение или стабилизация. При первом варианте темпы роста ВВП становятся ощутимыми, а ввоз и вывоз капитала восстанавливается вплоть до уровня конца прошлого — начала нынешнего десятилетия в случае отмены западных санкций, но в случае их сохранения (что более вероятно) они восстанавливаются до более низкого уровня. Что касается второго варианта (падение или стабилизация мировых цен на нефть), то темпы роста ВВП России не превысят 2%, а ситуация с экспортом и импортом капитала сохранится на уровне 2015–2016 гг., т.е. небольшой экспорт капитала не гарантирует сокращения накопленных российских инвестиций за рубежом, а дезинвестиции иностранного капитала в России приведут к сокращению аккумулированных в ней иностранных инвестиций;
— при этом на оба подварианта будет позитивно воздействовать (поддерживая первый и тормозя второй) прогнозируемое снижение инфляции: по версии МЭР, до уровня менее 5% уже в следующем году, по версии МВФ — до этого уровня лишь в 2021 г. [IMF, 2016]. Снижение инфляции и соответствующее снижение базовой ставки ЦБ России позволит снизить ставки по банковским кредитам до приемлемого для большинства отечественных инвесторов уровня, т.е. ниже уровня их рентабельности, что сделает российских экономических агентов менее зависимыми от ввоза иностранного ссудного капитала.

В конечном счете, вероятность осуществления обеих долгосрочных прогнозов будет зависеть в первую очередь от способности руководства страны провести системные реформы и лишь во вторую очередь — от динамики цен на нефть и западных санкций. По словам Д. А. Медведе-

ва, «в основе проблем, с которыми сталкивается российская экономика, лежат не внешние шоки (при всей их важности), а механизмы торможения, заложенные внутри самой российской модели роста» [Медведев, 2016]. Соглашаясь с этой мыслью, а также делая выводы из своего анализа, автор полагает, что реформирование российской экономики может осуществиться лишь после президентских выборов 2018 г.

Заметим, что в случае проведения после этих выборов системных реформ необходимо учитывать ориентацию большей части российского общества на сохранение важной роли государства в экономике. Поэтому постепенная эволюция нынешнего олигархического госкапитализма в России может привести, если использовать терминологию У. Баумоля [Baumol et al., 2007], не к характерному для Северной Америки и отчасти Европы сочетанию малых и средних инновационных фирм с занятыми выпуском массовой продукции большими компаниями, а скорее к японскому и южнокорейскому варианту капитализма — сочетанию больших фирм с направляющей ролью государства, т.е. к классическому госкапитализму. Однако даже для такой эволюции от нынешнего олигархического госкапитализма в сторону не самого прогрессивного варианта капитализма — госкапитализма — в первую очередь потребуется усиление малого и особенно среднего бизнеса (например, в Японии он плотно окружает крупные компании), снижение уровня концентрации собственности в крупных российских компаниях (для превращения их из олигархических в классические капиталистические на основе разбавления их капитала за счет широкого привлечения рядовых инвесторов), резкое повышения уровня развития финансового рынка, особенно банковской системы (ее неспособность выдавать долгосрочные и дешевые кредиты препятствует повседневному функционированию российской экономики, не говоря уже о ее модернизации).

В долгосрочной перспективе также может быть реализован и пессимистический вариант. По мнению автора, это может произойти в случае недостаточной активности гражданского общества и/или устойчивого сопротивления правящей элиты системным реформам, особенно в случае нового повышения мировых цен на углеводороды. На усиление вероятности такого варианта может воздействовать и ухудшение внешнеполитической ситуации.

Таким образом, говоря словами лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Солоу, рассуждавшего о перспективах экономики к концу столетия, «главным источником неопределенности представляется политика» [Солоу, 2016].

Актуальные меры по регулированию участия России в международном движении капитала

Анализ среднесрочных и долгосрочных перспектив вывоза и ввоза капитала необходим. Однако еще более необходимы изменения в сегодняшнем регулировании участия России в международном движении капитала, особенно для ограничения экспорта капитала из находящейся в долгосрочной рецессии экономики. Автор поддерживает предложенный С. Ю. Глазьевым комплекс мер по стабилизации валютно-финансовой системы нашей страны, включающий установление централизованного контроля за валютными операциями в частном и государственном секторе, введение налога Тобина на валютообменные и трансграничные операции, введения понятия «национальная компания» (т.е. принадлежащей российским резидентам) с разрешением только подобным компаниям иметь доступ к недрам и госзаказам и т.д. (Глазьев, 2016).

Подобное усиление государственного регулирования экспорта капитала может сократит его размеры и тем самым будет способствовать повышению нормы валового накопления в нашей стране уже в ближайшие годы. Это не противоречит принципу свободы вывоза капитала и отвечает современному подходу международных экономических организаций к либерализации международного движения капитала, который допускает любое госрегулирование экспорта капитала фактически при одном условии — чтобы это не вредило другим странам.

Литература / References

1. Банк России (2016). Прямые инвестиции резидентов Российской Федерации за границей. Операции по инструментам и странам-партнерам http://cbr.ru/statistics/?PrtId=svs [Bank of Russia (2016). Russian direct investment abroad. Flows broken down by instruments and countries http://cbr.ru/statistics/?PrtId=svs]
2. Булатов А. С. (2011). Россия в международном движении капитала: сравнительный анализ//Вопросы экономики. 2011. №8. С 70. [Bulatov A. S. (2011). Russia in international capital movement: comparative analysis. *Voprosy economiki*. 2011.#8. P. 70 (in Russian).]
3. Булатов А. С. (2015). Страны БРИКС в международном движении капитала // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 5. С. 21. [Bulatov A. S. (2015).BRICS countries in international capital movement // *Izvestiya RAN. Geographical series.* 2015. #5. P. 21 (in Russian).]
4. Глазьев С. (2016). Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М., 2016. С. 37. [Glaziev S. (2016). Economy of future. Has Russia a chance? M., 2016. P. 37. (in Russian).]

5. Гурвич Е., Прилепский И.(2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. №1. С. 11. [Gurvitch E., Prilepsky I.(2016). The impact of financial sanctions on Russian economy // *Voprosy economiki.* 2016.#1. P. 11 (in Russian).]
6. Медведев Д. А.(2016). Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики //Вопросы экономики. 2016. №10. С. 7. [Medvedev D. (2016). Social and economic development of Russia: Finding new dynamics // *Voprosy economiki.* 2016.#10. P. 7 (in Russian).]
7. Министерство экономического развития Российской Федерации (2016). Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. Ноябрь 2016 г. [Ministry of economic development of the Russian Federation (2016). Forecast of social and economic development of the Russian Federation for 2017 and planned period of 2018 and 2019. November 2016. (in Russian).]
8. Послание Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2016 г. (2016) http://kremlin.ru/events/president/news/53379 [Report of the President to the Federal Assembly. December 3, 2016 http://kremlin.ru/events/president/news/53379]
9. Россия в цифрах (2010). М.: 2010. С. 478–483. [Russia in Figures (2010). Moscow: 2010. P. 478–483]
10. Росстат (2016). Динамика рентабельности организаций (без субъектов малого предпринимательства) по Российской Федерации http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/# [Russian Statistics Agency (2016). Dynamics of profitability of entities (without small business entities) in the Russian Federation]
11. Солоу, Р.М. (2016). *Несистематические мысли о том, как все может пойти дальше.* Сборник «Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее». Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. М., 2016, с. 259. [Solow R. (2016).Nonsystematic ideas how all will go further *in: 100 years: leading economist predict the future.* Ed. by I.Palasios-Werta. Moscow: 2016. P. 259 (in Russian).]
12. Явлинский Г. (2015). Периферийный капитализм. Как и куда пришла Россия. М., 2015. С. 15. [Yavlinsky G. Peripheral capitalism. How and where Russia has come. Moscow: 2015 (in Russian).]
13. Baumol, W.J., Litan, R.E. and Schramm, C.J. (2007). Good Capitalism, Bad Capitalism, and the Economics of Growth and Prosperity. New Haven and London, Yale University Press, 2007, pp.YII-IX.
14. IMF. Balance of Payments Statistics Yearbook за соответствующие годы
15. IMF (2016). World Economic Outlook. October 2016. P. 246, 257.
16. UNCTAD (2016). Trade and Development Report, 2016. Geneva, 2016. P. 15–16.
17. World Bank (2016). Global Economic Prospects. June 2016. P. 14.

RUSSIA IN INTERNATIONAL CAPITAL MOVEMENT: LAST, CONTEMPORARY AND FUTURE TENDENCIES

A.S.Bulatov

Abstract. *The article deals with one of the major forms of Russia's participation in the world economy. It studies the former, nowadays and future situation in Russian capital outflow and inflow. The article continues the series of author's publications on this theme. As a theoretical background the author uses the ideology of analysis of international capital movement adopted by International Monetary Fund and United Nations Conference on Trade and Development. Methods of analyzing the balance of payments adopted by International Monetary Fund are used for statistical analysis. The specific features of the past situation (2001–2013) are characterized as the following: big scale of Russian participation in international capital movement, turnover of national capital between Russia and offshores, stable surplus of capital outflow over inflow, inadequacy of Russian needs to industrial structure of capital inflow. The nowadays situation (2014–2016) is characterized by such new features as radical cut in volumes of capital outflow and inflow, some decrease in its level of offshorisation. The author comes to the conclusion that in the mid-term future (2017–2020) the probability of continuation of nowadays trends is high and in the long-term future (2020–2025) the mode of Russian participation in international capital movement will prima facie depend on prospects of realization of systematic reforms in Russian economy.*

Key words: *Russia, international capital movement, offshore, offshore-conduit country, direct investment, portfolio investment, other investment.*

Информация об авторе
Булатов Александр Сергеевич,
д.э.н., проф., МГИМО МИД России, Россия
Эл.почта: bulatov@mgimo.ru
Alexander Bulatov,
Dr.(econ.), professor, MGIMO University, Russia
E-mail: bulatov@mgimo.ru

ВОДНАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. А. ГОРБАНЁВ

Аннотация. *Пресная вода лежит в основе всех аспектов развития: это единственный посредник, который связывает различные отрасли хозяйства.*

При неизменном речном стоке крайне быстро растет мировое потребление воды. Если не будут приняты адекватные меры, то к 2030 г. человечество столкнется с 40%-м дефицитом водоснабжения. Среднемировая обеспеченность ресурсами полного речного стока на душу населения постоянно падает, и сегодня составляет 7 тыс. м^3/год. Если в Норвегии, Канаде, центрально-африканских странах, Новой Зеландии обеспеченность водными ресурсами составляет порядка 100 тыс. м^3/год, то в Западной Европе, на большей части Африки, на Среднем Востоке, в Китае — 1 тыс. и менее кубометров в год. Поэтому уже сегодня можно говорить о глобальном водном кризисе.

Сельское хозяйство является главным потребителем пресной воды; в работе делается вывод, что рациональный подход к управлению водными ресурсами в сфере сельского хозяйства — основной фактор, способный обеспечить глобальную водную безопасность в будущем.

В работе особо подчеркивается роль «виртуальной воды», играющей важную роль во внешней торговле. Вода присутствует в миллиардах тонн продовольствия и другой продукции. Каждый житель США, Европы потребляет 3 м^3 «виртуальной воды» в день в виде продуктов питания.

Значительное влияние на водоснабжение оказывает изменение климата, которое, бесспорно, усилит напряженность с водными ресурсами. За период с 2030 по 2050 г.г. затраты на адаптацию к росту глобальной температуры составят 70–100 млрд долл. в год, причем 14–19 млрд из них будет израсходовано на нужды водного обеспечения.

Еще одна особенность водных ресурсов — отсутствие политических границ. Водные бассейны имеют трансграничный характер. И это становится причиной дипломатических и даже военных столкновений.

В работе делается вывод, что в дальнейшем кризис, связанный с водообеспечением, будет только углубляться, и путь решения этой

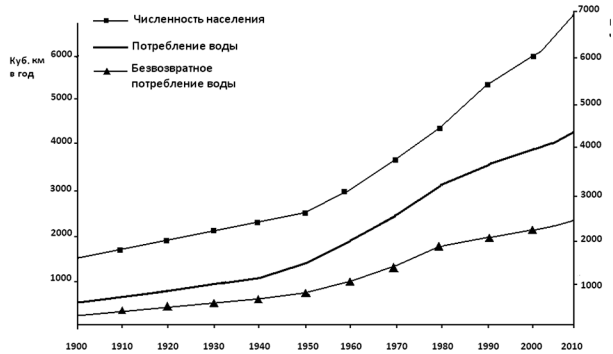
проблемы лежит в более эффективном и рациональном управлении водными ресурсами таким образом, чтобы умело балансировать между различными интересами и максимально извлечь и суммировать выгоды.

Ключевые слова: *потребление пресной воды, сельское хозяйство, «виртуальная вода», изменение климата, трансграничность, управление водными ресурсами.*

Введение. Сегодня проблема водных ресурсов выходит на авансцену мировой политики. По мнению специалистов, уже в недалеком будущем обеспеченность водою будет играть не меньшую роль, чем углеводородами. Вода — самый важный из вовлекаемых в человеческое хозяйство природных ресурсов, по объему ежегодного использования она намного превосходит массу всех вместе взятых других добываемых ресурсов. Запасы воды на Земле кажутся колоссальными, однако пресные воды составляют всего 2,5% гидросферы, причем меньше всего воды содержится в реках, озерах и подземных водах — примерно, 40–50 тыс. км^3 — это 0,0035% гидросферы, хотя именно реки являются для нас главным поставщиком пресных вод.

Теоретические основания исследования. Возможность использования пресных вод ограничена в первую очередь природными факторами, в том числе экологическими. Беспрецедентный рост мировой экономики в XX веке, демографический взрыв, сопутствующее этому увеличение антропогенной нагрузки на экосистемы и природные водные объекты стали причиной возникновения нехватки воды во многих регионах мира [Шикломанов, Балонишникова, 2003, с. 358–364]. За 110 лет население мира увеличилось в 4,5 раза, в то время как потребле-

Рис. 1. Динамика общего потребления воды, безвозвратного потребления и численности населения мира с 1900 по 2010 г.



ние воды за этот же период выросло более, чем в 7 раз, а безвозвратное потребление воды выросло в 12,2 раза (см. рис. 1).

Среднемировая обеспеченность ресурсами полного речного стока на душу населения все время падает и сегодня составляет 7,0 тыс. м^3 в год, хотя полвека назад эта цифра была почти в два раза больше. Ситуация может оказаться еще менее благоприятной, если не переломить тенденцию антропогенного ухудшения качества воды в природных источниках. Прогнозируемое обострение водного дефицита, который заставит страдать более половины населения планеты, заставляет говорить о глобальном водном кризисе [Горбанёв, 2014, с. 47–48].

Исследование: основная часть. Россия занимает второе место в мире по валовым ресурсам пресной воды (после Бразилии), а по водообеспеченности в расчете на душу населения — одна из ведущих стран в мире — 32 тыс. м^3 в год. Для сравнения отмечу, что водообеспеченность, например, в Норвегии, Канаде, Республике Конго — порядка 100 тыс. м^3, а во Франции, Германии — около 2 тыс., на Среднем Востоке и Северной Африке — менее 1 тыс. м^3, а в некоторых странах этого региона даже менее 50 м^3. (см. табл. 1). Любопытно заметить, что Бразилия, занимающее 1-е место в мире по запасам пресной воды, отстает от некоторых стран по водообеспеченности, что объясняется большой численностью населения страны. Еще ярче эта особенность видна на примере Китая [Unesco's, 2015, p. 37].

20 марта 2015 г. в Нью-Дели состоялся Всемирный форум по водным ресурсам, на котором был представлен доклад ООН о мировом развитии и состоянии водных ресурсов под названием «Вода для устойчивого мира», что ярко отражает тематический акцент в контексте быстро меняющегося и часто непредсказуемого мира [The UN, 2015, с.10–16]. Доклад акцентирует внимание на том, что водные ресурсы и услуги имеют огромное значение для достижения глобальной устойчивости. Учитывая экономический рост, социальную справедливость и устойчивость окружающей среды, доклад показывает, как основные проблемы и изменяющиеся факторы повлияли или могут повлиять на водные ресурсы и услуги.

В докладе подчеркивается, что в основе водной проблемы стоит тот факт, что при неизменном речном стоке гигантскими темпами растет потребление воды. Сегодня 85% населения Земли — жители засушливой части планеты. Ежегодно 6–8 млн человек умирают в результате стихийных бедствий и болезней, связанных с водой. 700 млн человек не имеют доступа к чистой воде; к 2030 г. человечество столкнется с 40%-м дефицитом водоснабжения, если не будут приняты определенные

Таблица 1
Обеспеченность водными ресурсами ряда стран

Страна	Обеспеченность (в тыс. м^3/д.н./год)	Страна	Обеспеченность (в тыс. м^3/д.н./год)
Исландия	550	Австрия	9
Гайана	316	Украина	3
Р-ка Конго	236	Япония	3
Папуа-Новая Гвинея	170	Франция	3
Канада	87	ФРГ	2
Норвегия	77	КНР	2
Новая Зеландия	75	Индия	2
Перу	66	ЮАР	1
Бразилия	42	Египет	0,7
Россия	32	Сауд. Аравия	0,1
Хорватия	24	ОАЭ	0,03
Австралия	22	Кувейт	0,007
США	10		

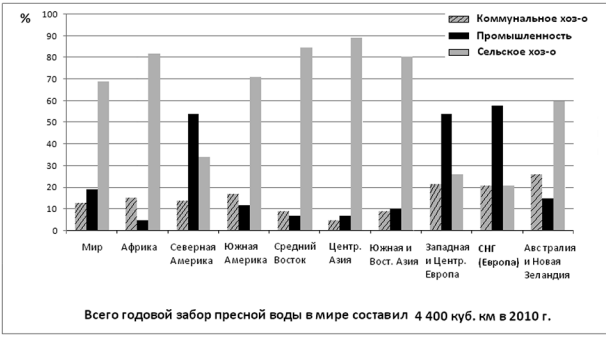
Источник: Unesco's Contribution to the UN World Water Development Report, 2015. Facing the Challenges. Case Studies and Indicators. Unesdoc.unesco.org/images/0023/002321/232179E.pdf

меры. Вот почему вопросы водных ресурсов находятся в центре новой Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Спрос на воду формируется тремя секторами экономики: сельским хозяйством, промышленностью и бытовым водопользованием [Данилов-Данильян, Лосев, 2006, с. 85–101] (см. рис. 2). На земледелие и животноводство приходится 69% потребления воды. Быстро растущий спрос, особенно на продукты животноводства, стимулирует спрос на воду. Мировая потребность в продовольствии к 2030 г. возрастет на 30%, а к 2050 г. — на 70%. Соответственно потребление воды для сельского хозяйства вырастет к 2050 г., примерно, на 19% [FAO]. В последние десятилетия сильное воздействие на потребление воды оказывает изменение в стиле питания, прежде всего в повышении доли мясных продуктов. В качестве иллюстрации: для производства 1 кг риса требуется 3,5 тыс. л воды, а для производства 1 кг говядины — 15 тыс. л воды. Названная цифра — 19% —

может оказаться гораздо выше при отсутствии резкого роста урожайности культур и роста производительности в сельском хозяйстве. В засушливых районах потребуется расширение орошаемых площадей. Однако нужно иметь в виду, что в сельском хозяйстве (особенно в орошаемом земледелии) очень велико *безвозвратное* водопотребление. По имеющимся расчетам безвозвратное водопотребление в сельском хозяйстве мира составляет 2,5 тыс. км^3, тогда как в промышленности и коммунальном хозяйстве, где шире применяется оборотное водоснабжение, соответственно только 65 и 12 км^3. Таким образом, в наши дни человечество использует уже довольно значительную часть «водного пайка» планеты (более 1/4 реально доступного) и безвозвратные потери воды составляют более 1/2 общего ее потребления (см. рис. 1). Поэтому можно сделать вывод: рациональный подход к управлению водными ресурсами в сфере сельского хозяйства — основной фактор, способный обеспечить глобальную водную безопасность в будущем.

Рис. 2. Отраслевая структура забора воды по разным регионам мира (2010 г.)



Источник: FAO. www.fao.org/nr/water/aquastat/tables/WorldData-Withdrawal_eng.pdf

Особо хотелось бы подчеркнуть роль так называемой «виртуальной воде». Вода является неотъемлемой частью многих производственных процессов. «Виртуальная вода» характеризует ее совокупное количество, использованное при производстве товаров и услуг. Вода в скрытом виде присутствует в миллиардах тонн продовольствия и другой продукции, которые продаются и покупаются. Тем самым страны оказываются непроизвольными участниками торговли водой. Каждый житель Северной Америки и Европы (не включая страны СНГ) потребляют 3 м^3 «виртуальной воды» в день в виде импортных продуктов питания, в то

время как в Азии этот показатель равен 1,4 м³, а в Африке — 1,1 м³. Или другой пример: 62% водопотребления Великобританией образует «виртуальная вода», заключенная в импорте продовольствия и в составе других ввезенных товаров. Остальные 38% покрываются из отечественных водных ресурсов.

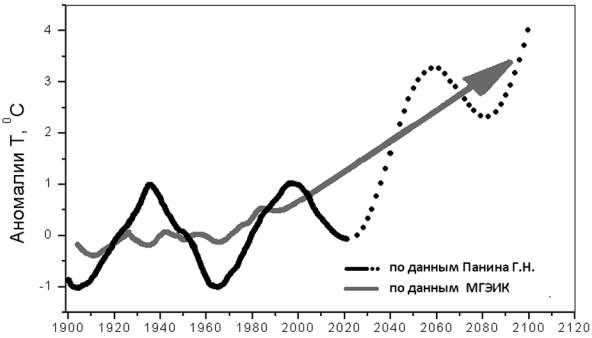
Что касается промышленности, то она потребляет порядка 19% водных ресурсов, и лидером здесь выступает энергетика. Все источники энергии требуют воды для своих технологических процессов: при добыче сырья, для охлаждения тепловых агрегатов, для работы очистных сооружений, при выращивании культур для производства биотоплива. Сегодня 1,3 млрд человек не имеют доступа к электроэнергии (17% населения мира). Учитывая рост населения и развитие экономики к 2035 г. потребление энергии вырастет на 50%, из которых около 85% приходится на страны, не входящие в ОЭСР. Соответственно резко будет возрастать и потребность в воде.

На бытовые нужды потребляется 8% водных ресурсов мира и 4% воды сохраняется в водохранилищах. В области коммунального хозяйства главная проблема — загрязнение вод. Около 2,6 млрд человек, т.е. ⅓ населения, живут без очистки воды, без канализации. 85% всех сточных вод не подвергаются обработке, из них 83–90% приходится на развивающиеся страны. Эти воды в развивающихся странах сбрасываются в реки, озера в прибрежные морские зоны, что ставит под угрозу здоровье местных жителей, продовольственную безопасность и состояние питьевой воды. Города являются основным источником растущего спроса на хозяйственно-бытовые цели. Уровень урбанизации в мире сейчас составляет чуть более 50%, т.е., примерно, 3,6 млрд человек живут в городах. Предполагается, что в 2050 г. городское население составит 6,3 млрд. Сегодня в городах больше людей не имеют возможности пользоваться водопроводом, чем в конце прошлого века. Из тех 1,3 млрд человек, кто получил возможность пользоваться чистой водой в период 1990–2008 г.г., 64% являются горожанами. Но именно города, тем не менее с трудом справляются с наплывом населения. И чем больше город, тем выше темпы урбанизации и тем острее встает проблема чистой воды [FAO, 2014].

Очень важный и актуальный вопрос — влияние изменения климата на водообеспеченность. Вопрос этот очень неоднозначный, поскольку так до конца и не ясно: у нас грядет потепление или похолодание. В частности, по данным инструментальных наблюдений Международной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) (см. рис. 3), имеет место глобальное потепление, и годовая аномалия температуры в настоящее время составляет 0,5°С, если за базовую температуру брать

50-е годы. В то же время ряд российских ученых считают, что на фоне глобального потепления существуют короткопериодные (60 лет) флюктуации глобальной температуры. В соответствие с данной моделью после 2000 г. начался период похолодания, который достигнет своего минимума к 2025–2030 г.г. [Панин, Дианский, 2015, с. 217–222]. По свидетельству ряда исследователей в Арктике уже наблюдается увеличение ледовитости.

Рис. 3. Изменение глобальной температуры воздуха за период 1980–2010 г.г.



Источник: Панин Г. Н., Дианский Н. А. Климатические изменения в Арктике, северной Атлантике и Северный морской путь — ДАН, 2015, т. 462, № 2, стр. 217–222

Вода — главный фактор, который через изменение климата воздействует на экосистему Земли и тем самым на жизнеобеспеченность людей. Согласно прогнозам, глобальное изменение климата только ухудшит в будущем нынешнюю напряженность с водными ресурсами, вызванную ростом населения и увеличением потребления, а также станет причиной увеличения частоты и повышения суровости наводнений и засух.

К 2030 г. прогнозируется сокращение уровня стока в летний период на территории Южной Европы и в некоторых районах Центральной и Восточной Европы на 80%. Наиболее уязвимыми районами в аспекте дефицита продовольствия, вызванного изменением климата, могут стать Южная Азия и Южная Африка. В соответствие с последними договоренностями по предотвращению глобального потепления взято обязательство не допустить повышения глобальной температуры более 2^0С. Так вот в период 2030–2050 г.г. затраты на адаптацию к росту температуры могут составить 70–100 млрд долл. в год. Причем от 13,7 млрд долл. до 19,2 млрд долл. должно быть израсходовано только на нужды

водного обеспечения — главным образом, на системы водоснабжения и защиту от наводнений.

Достаточно широко проявляется в России негативное воздействие гидрологических процессов. По данным МЧС России, подвержены затоплению более 300 городов, тысячи мелких населенных пунктов с населением более 4,6 млн чел., более 7 млн га сельхозугодий. Среднемноголетний ущерб от наводнений по экспертным оценкам составляет около 50 млрд руб. в год. Изменения режима осадков, обусловленные глобальным потеплением, для России будут, скорее всего, неблагоприятными. Ожидаемое существенное увеличение неравномерности выпадения осадков означает одновременное усиление угрозы как наводнений, так и засух на этой территории.

Крайне важная проблема, имеющая глобальный характер — это загрязнение вод. Особенностью использования водных ресурсов в России является его низкая эффективность; особенно опасны аварийные сбросы загрязненных вод, связанные с авариями на очистных сооружениях, и нелегальные сбросы сточных вод в обход очистных сооружений в ночное время. Это приводит к тотальному загрязнению поверхностных и многих подземных источников водоснабжения, в результате порядка 35% проб воды в этих источниках не соответствуют стандартам качества.

В целом в России без очистки в водные объекты сбрасывается около 20% неочищенных канализационных вод. Ежегодный ущерб от загрязнения водных объектов в первые годы XXI в. составлял в среднем около 70 млрд руб. (в ценах 2001 г.), за последние годы этот показатель возрос. Централизованным водоснабжением питьевой водой в России охвачено только ⅔ населения. Низкое качество доставляемой населению питьевой воды (не менее трети проб не удовлетворяют санитарным требованиям) обусловлено не только загрязнением ее источников, но и, нередко, отсутствием водоохранных зон вокруг них, отсутствием или низким качеством оборудования на станциях водоподготовки, неудовлетворительным состоянием водопроводных сетей.

Особенность водных ресурсов — отсутствие политических границ: на территорию 148 государств распространяется хотя бы один трансграничный водосборный бассейн [Данилов-Данильян, Лосев, 2006, с. 93–94]. Немногие страны мира, богатые водными ресурсами, могут похвастаться тем, что имеют «в своём распоряжении» бассейны рек, не разделённые территориальными границами. Всего в мире насчитывается 276 трансграничных бассейнов, из которых 64 находятся в Африке, 60 — в Азии, 68 — в Европе, 46 — в Северной Америке и 38 в Южной Америке. 256 бассейнов расположены на территории двух, трех или четырех стран. Бас-

сейн Дуная, например, делят между собой 18 стран — это рекорд. На территории России расположено 30 водосборных бассейнов, в США — 19, в Аргентине и Китае — по 18, во Франции — 10. В Африке находится около трети всех трансграничных водосборных бассейнов. На этом континенте имеется от 63 до 80 трансграничных рек и озер.

Трансграничные бассейны нередко становятся ареной дипломатических и даже военных дуэлей. Так, в мире за последние полвека зафиксировано 507 споров из-за воды и около 40 взаимных претензий на грани применения военной силы. Конфликты происходят не только из-за определения границ по рекам и озерам между соседними странами. Причиной может быть крайне неравномерное распределение водных ресурсов.

Одним из наиболее острых вопросов является проблема регулирования объемов использования воды в трансграничных реках. Важную роль играют физико-географические характеристики трансграничного прохождения реки от верховьев до низовья. Не исключены и споры касательно реализации достигнутых соглашений о демаркации и делимитации межгосударственных границ по водоемам, доходящие нередко до открытых боевых сражений (например, между Ираком и Ираном из-за границы по реке Шатт-эль-Араб). Непростые отношения сложились между Таджикистаном и Киргизией, с одной стороны, и Узбекистаном, Туркменией и Казахстаном, с другой из-за хозяйственного освоения Сырдарьи и Амударьи. В XX веке из-за строительства мощной ГЭС на Евфрате в Сирии Турция готова была начать боевые действия против этой арабской страны, посчитав, что гидроэлектростанция ограничит водоснабжение турецких засушливых районов. Еще большие тогда угрозы исходили от Израиля в отношении Дамаска. Растущий спрос на воду в Китае привел к многочисленным конфликтам. С 1980 г. было зафиксировано более 120 тыс. конфликтов, которые связаны в основном со строительством плотин, правом на водопользование или ухудшением качества воды.

Например, исток Иртыша находится на границе Монголии и Китая, затем река на протяжении более 500 км протекает по территории Китая, пересекает государственную границу и около 1800 км протекает по территории Казахстана, далее Иртыш протекает около 2000 км по территории России пока не впадает в Обь. Согласно международным договорённостям, Китай может отбирать половину годового стока Иртыша для своих нужд, Казахстан половину от того, что останется после Китая. В результате это может сильно повлиять на полноводность Российского участка Иртыша (в том числе и гидроэнергоресурсы). В настоящее время Китай ежегодно лишает Россию двух млрд км^3 воды. Поэтому

водообеспеченность каждой страны в будущем может зависеть от того, находятся ли истоки рек или участки их русел за пределами страны.

Наиболее зависимыми от «поставок» воды с территории стран-соседей являются Кувейт (100%), Туркменистан (97,1%), Египет (96,9%), Венгрия (94,2%), Молдова (91,4%), Бангладеш (91,3%), Нидерланды (87,9%).

Однако, в то же время, вопросы использования трансграничных вод по сути содержат в себе и немалый потенциал для сотрудничества. Так, еще 4500 лет назад в Месопотамии велась война за водоисточники между двумя шумерскими государствами-городами Лагаш и Умма. Тем не менее, впоследствии Лагаш и Умма сумели заключить соглашение, положившее конец их многолетнему спору из-за вод реки Тибр, а заключенный договор был признан самым ранним международным соглашением по разделу речных вод в истории человечества.

С тех пор соглашения, связанные с регулированием и разделом водных ресурсов стали обычной практикой межгосударственных договоренностей. По данным ФАО, к настоящему времени было заключено свыше 3,6 тысячи договоров, напрямую затрагивающих международные водные ресурсы. Каждый четверг члены Водного трибунала собираются на центральной площади Валенсии, чтобы публично разрешить конфликты, касающиеся распределения воды из восьми каналов, орошающих сельскохозяйственные угодья. Водный трибунал Валенсийской равнины, через который землевладельцы улаживают конфликты на протяжении уже нескольких веков, был включен в Список культурного наследия ЮНЕСКО.

Боливия и Перу создали Двустороннюю администрацию для совместного управления водами озера Титикака и предотвращения потенциальных конфликтов. Арабские страны сотрудничают в вопросах регулирования общими водными ресурсами, создав Совет министров арабских стран по вопросам водопользования. Сложная ситуация существует в бассейне реки Меконг, однако вопросы удается решать мирным путем. Договор о водах Нила, подписанный Пакистаном и Индией в 1960 г., пережил несколько вооруженных конфликтов, но продолжает успешно работать. Можно привести и немало других примеров успешного сотрудничества в регулировании вод в трансграничных бассейнах.

Результаты исследования. В работе делается вывод, что в дальнейшем кризис, связанный с водообеспечением, будет только углубляться, и путь решения этой проблемы лежит в более эффективном и рациональном управлении водными ресурсами таким образом, чтобы умело балансировать между различными интересами и максимально извлечь и суммировать выгоды.

Анализ результатов. Продовольственный, топливный, климатический кризисы, кризис трансграничных бассейнов и многие другие кризисы сами по себе являются серьезными проблемами, но эффект их сочетания может иметь катастрофические последствия для глобальной устойчивости. Вода лежит в основе всех аспектов развития — это единственный посредник, который связывает различные отрасли хозяйства. Она является ключевым элементом «зеленого роста» и развития «зеленой экономики». Маловероятно, чтобы растущий спрос на воду мог быть удовлетворен лишь за счет мер по водообеспечению.

Заключение. Как подчеркивается в Докладе ООН, ключ к преодолению глобального водного кризиса лежит в нашей способности более эффективно управлять ее потреблением, не нанося вред другим государствам и будущим поколениям.

Литература

1. Горбанёв В. А. Общественная география зарубежного мира и России: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2014. 487 с.
2. Данилов-Данилян В. И., Лосев К. С.. Проблемы воды: экологические, экономические, социальные и политические аспекты. Российская Академия наук, Институт водных проблем. М.: Наука. 2006. 218 с.
3. Панин Г. Н., Дианский Н. А. Климатические изменения в Арктике, Северной Атлантике и Северный морской путь// ДАН, 2015. Т. 462, № 2. С. 217–222
4. Шикломанов И. А., Балонишникова Ж. А. Водопотребление и водообеспечение в мире: тренды, сценарии, последствия//Тр. Симпозиума «Водные ресурсы — гидрологические риски, управление и развитие». — МАГИ. 2003. № 281. С. 13–25
5. FAO.www.fao.org/nr/water/aquastat/tables/WorldData-Withdrawal_eng.pdf
6. The UN World Water Development Report, 2015. Water for a Sustainable World. 122 с. Unesdoc.unesco.org/images/0023/002318/231823E.pdf
7. Unesco's Contribution to the UN World Water Development Report, 2015. Facing the Challenges. Case Studies and Indicators. 61 с. Unesdoc.unesco.org/images/0023/002321/232179E.pdf

WATER PROBLEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Vladimir A. Gorbanyov

Abstract. *Fresh water is the basis of all aspects of development: it is the only mediator that links the different branches of the economy.*

At constant river discharge world water consumption is growing very rapidly. If no adequate measures is taken, by 2030 humanity will face a 40% shortage of water supply. Global average provision of complete river flow resources

per capita is decreasing and now stands at 7 thousand m³ / year. If in Norway, Canada, the Central African countries, New Zealand's water security is about 100 thousand m³ / year in Western Europe, most of Africa, the Middle East, China — one thousand cubic meters or less per year. Therefore, today we can talk about the global water crisis.

Agriculture is the main consumer of fresh water; the paper concludes that a rational approach to water resources management in agriculture — the main factor that can ensure global water security in the future.

The role of "virtual water" is emphasized in the paper which plays an important role in foreign trade. Water is present in the billions of tons of food and other products. Every resident of the United States, Europe consumes 3,0 m³ "virtual water" in the day in the form of food.

Significant impact on the water supply has a climate change which undoubtedly increase tension with water resources. During the period from 2030 to 2050 the costs of adaptation to the rise of global temperature will be $ 70–100 billion. per year, and 14–19 billion of which will be spent on the needs of water supply.

Another feature of water resources — the lack of political boundaries. Water basins are transboundary in nature. And it becomes a cause of diplomatic and even military conflicts.

The paper concludes that the crisis in the future, associated with the water supply, will only deepen, and the way to solve this problem lies in a more efficient and rational management of water resources so as to skillfully balance between different interests and to extract and summarize the most benefit.

Keywords: *consumption of fresh water, agriculture, "virtual water", climate change, transboundary, water resources management.*

References

1. Gorbanjov V. A. Obshhestvennaja geografija zarubezhnogo mira i Rossii: uchebnik. M.: JuNITI-DANA. 2014. 487 s.
2. Danilov-Daniljan V. I., Losev K. S.. Problemy vody: jekologicheskie, jekonomicheskie, social'nye i politicheskie aspekty. Rossijskaja Akademija nauk, Institut vodnyh problem. M.: Nauka. 2006. 218 s.
3. Panin G. N., Dianskij N. A. Klimaticheskie izmenenija v Arktike, Severnoj Atlantike i Severnyj morskoj put'// DAN, 2015. T. 462, № 2. S. 217–222
4. Shiklomanov I. A., Balonishnikova Zh.A. Vodopotreblenie i vodoobespechenie v mire: trendy, scenarii, posledstvija//Tr. Simpoziuma «Vodnye resursy — gidrologicheskie riski, upravlenie i razvitie». — MAGI. 2003. № 281. S. 13–25
5. FAO. [Электронный ресурс] www.fao.org/nr/water/aquastat/tables/WorldData-Withdrawal_eng.pdf (Дата обращения: 12.12.2016)

6. The UN World Water Development Report, 2015. Water for a Sustainable World. 122 p. [Электронный ресурс] Unesdoc.unesco.org/images/0023/002318/231823E.pdf (Дата обращения: 12.12.2016)
7. Unesco's Contribution to the UN World Water Development Report, 2015. Facing the Challenges. Case Studies and Indicators. 61 p. [Электронный ресурс] Unesdoc.unesco.org/images/0023/002321/232179E.pdf (Дата обращения: 12.12.2016)

Информация об авторе
Горбанёв Владимир Афанасьевич
доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики,
Россия
Эл.почта: vlgorbanyov@gmail.com
Vladimir A. Gorbanyov
Doctor of Geography
Prof. of the Department of World Economy
Moscow State Institute of International Relations (University) for the Russian Foreign Ministry

«ПРОРЫВНЫЕ» ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ В НАИБОЛЕЕ РАЗВИТЫХ И БЫСТРОРАСТУЩИХ ЭКОНОМИКАХ: ВЛИЯНИЕ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

И. В. ДАНИЛИН

Аннотация. *В статье*[1] *рассматривается проблематика реализации прорывных технологий и инноваций в наиболее развитых и развивающихся странах, а также потенциал их использования для изменения ролей в глобальных экономических и инновационных процессах. На основе применения теории школы К. Кристенсена, а также анализа данных в литературе по развитию и применению указанных технологий, сделан вывод о том, что в настоящий момент большая часть «прорывных» технологий, позиционирующихся как «революционные», в реальности носят не так «подрывной» (трансформационный), как «радикальный» характер (т.е. связаны с созданием более сложных решений в интересах лидеров рынка). Они скорее консервируют сложившуюся систему лидерства, а не трансформируют ее. Однако на перспективу возможно создание на основе «радикальных» технологий новых «подрывных» инноваций, что дает шанс для развивающихся стран. В последних наблюдается рост инновационной активности, а использование ресурса «бережливых» инноваций и иной локальной специфики может помочь им успешно перейти от «догоняющего» к «подрывному» инновационному развитию.*

Ключевые слова: *Прорывные технологии, «подрывные» инновации, мировое развитие, развивающиеся стран, интернет вещей, Индустрия 4.0, интеллектуальная энергетика*

Введение. Многочисленные материалы прогнозистов, консалтинговых структур, научные публикации утверждают, что мир находится на пороге новой научно-технологической и инновационной «революции».

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 14–29–05078 «Прогнозирование тенденций научных исследований и передовых инноваций в ведущих развитых и быстро развивающихся экономиках мира на основе социально-экономических факторов».

Предполагается, что новые поколения технологий и инноваций (для удобства назовем их «прорывными»)[2] не только повлияют на динамику и характер развития отдельных отраслей и рынков, но и приведут к масштабным изменениям экономик, торгово-экономических связей и глобальной экономической системы.

Особое значение эти процессы имеют для наиболее развитых и быстрорастущих (emerging) экономик. Несмотря на различие социально-экономических задач и вызовов, условий и институтов инновационно-технологического развития, обе эти категории стран предъявляют схожие требования к «прорывным» технологиям и инновациям. Помимо преодоления существующих проблем развития, обе группы стран рассматривают их как фактор усиления (наиболее развитые) или достижения (быстрорастущие экономики) глобального лидерства — или выход на «паритет» с текущими лидерами.

Проблематика влияния «прорывных» технологий на лидерство формирует целый ряд значимых теоретических вопросов. Это, во-первых, реалистичная оценка трансформационного/революционного потенциала современных «прорывных» технологий и инноваций. Во-вторых — оценка способности быстрорастущих экономик сформировать и/или обеспечить их развитие и внедрение (что касается наиболее развитых стран, то их потенциал в данной сфере сомнений не вызывает).

Мировая литература по рассматриваемым темам дает неоднозначную картину.

Определенный пласт работ посвящен анализу эффектов создания и применения «прорывных» технологий и инноваций. В силу (относительно) ранней стадии их развития, они носят или предварительный, или нормативный (целевой, а не фактический) характер[3]. При этом, опять же, в качестве априорного воспринимается тезис о революционности тех или иных технологий. Основная же масса специализированных работ фокусирует внимание на проблемах управления прорывны-

---

[2] К их числу относят Интернет вещей и его отраслевые проекции (интеллектуальные — т.н. «умные» — сети, Индустрию 4.0 и т.д.), аддитивные системы (более известны как 3D-печать), решения в сфере автономного транспорта и пр.

[3] De Castro L. Paying for the smart grid / De Castro L., Dutra J. // Energy Economics. Supplement Issue: Fifth Atlantic Workshop in Energy and Environmental Economics. 2013.Vol.40, Supplement 1. P.S74–S84; Lunde M. Smart grid: hope or hype? / Lunde M., Røpke I., Heiskanen E. // Energy Efficiency. 2016. Vol. 9, №2. P. 545–562; Weller C. Economic implications of 3D printing: market structure models in light of additive manufacturing revisited / Weller C., Kleer R., Piller F.T. // Int. J. Production Economics. 2015. Vol. 164, March. P. 43–56.

ми технологиями и инновациями (management studies) — в т.ч. с точки зрения использования новых решений для сохранения/завоевания субъектами позиций на рынках. Основными исследовательскими проблемами, связанные с данной работой, оказываются своевременная идентификация «революционных» ситуаций и их индикаторов, а также оптимальные стратегии экономических субъектов.

Что касается инновационного потенциала развивающихся стран, то не считая теоретиков проблем развития национальных инновационных систем (НИС) [Иванова], основную ценность представляет литература о потенциале реализации различных видов инноваций, прежде всего, т.н. «подрывных» и «бережливых» (disruptive; frugal — см. определения ниже), а также их комбинаций на быстрорастущих рынках. С 2009 г. по обеим данным тематикам наблюдается рост числа работ, основанных на анализе и обобщении кейс-стади. Показателен рост интереса к тематике ряда известных исследователей инновационных процессов, как например, В. Говиндараджан[4].

Теоретические основания исследования

Настоящее исследование основано на положениях теории К. Кристенсена о «подрывных» инновациях — с учетом значимых корректировок и дополнений, внесенных его последователями и апологетов теории (В. Говиндараджан и Р. Копалли, Р. Маркидес и пр.[5]).

В кратком представлении, под «подрывными» инновациями понимаются такие технологии, продукты и бизнес-модели, которые появляются на периферии основных рынков и предлагают потребителю некоторую иную или принципиально новую полезность. Постепенно изменяя таким образом систему ценностей на рынке[6] или создавая новые рынки они, как результат, ведут к смене лидеров.

Теория «подрывных» инноваций в наибольшей мере отвечает как

---

[4] Hang C.C. Opportunities for disruption / Hang C.C., Garnsey E., Ruan Y. // Technovation. 2015. Vol. 39–40, May–June. P. 83–93; Hossain M. Can frugal go global? Diffusion patterns of frugal innovations / Hossain M., Simula H., Halme M. // Technology in Society. 2016. Vol.46, August. P. 132–139; Govindarajan V. Reverse innovation, emerging markets, and global strategy / Govindarajan V., Ramamurti R. // Global Strategy Journal Global Strat. J. 2011. Vol.1. P. 191–205

[5] Govindarajan V. The Usefulness of Measuring Disruptiveness of Innovations Ex Post in Making Ex Ante Predictions / Govindarajan V., Kopalle P.K. // Journal of Product Innovation Management. 2006. Vol. 23, №1. P. 12–18; Markides C. Disruptive Innovation: In Need of Better Theory // The Journal of Product Innovation Management. 2006. Vol. 23, №1. P. 19–25

[6] См. современную трактовку : Кристенсен К. Решение проблемы инноваций в бизнесе / Кристенсен К., Рейнор М. М.: Альпина Диджитал, 2014. 36–38, 46–52 и др.

тезисам Й. Шумпетера о «созидательном разрушении» как основе экономического развития, так и И. Кирцнера о реализации предпринимателями «незамеченных» возможностей. В этом качестве, она, как представляется, может быть корректно применена и к оценке динамики изменения международного лидерства в инновационной сфере.

Своего рода альтернативой подрывных инноваций выступают т.н. радикальные технологии — наиболее передовые решения, обладающие качественным технико-экономическим превосходством над предшествующими поколениями технологий или технологическими решениями-аналогами. Они появляются на уже сложившихся рынках и в силу этого, а также благодаря своей сложности и (обычно) высокой стоимости разработки, являются обычно не так фактором смены лидеров или изменения рынков, как консервации существующего положения вещей и позиций ведущих рыночных субъектов[7].

Широко распространенная идея о том, что радикальные технологии «открывают» принципиально новые рынки, справедлив лишь в той степени, в какой та или иная радикальная технология становятся фактором реализации «подрывных» инноваций[8]. Что, обычно, случается спустя существенное время после появления той или иной радикальной технологии — по мере ее распространения и удешевления (ср. историю программных продуктов, первые поколения которых были разработаны еще в 1960-х гг. крупными корпоративными структурами, тогда как их «революция» началась в 1980-х гг. по кристенсеновскому «подрывному» сценарию).

Помимо теории «подрывных» инноваций мы также опираемся на концепцию т.н. «бережливых» инноваций[9]. Этот тип инноваций является специфичными для развивающихся стран и предполагает создание технологий, продуктов и решений «бюджетного» сегмента за счет радикального удешевления и упрощения существующих западных аналогов и/или разработки оригинальных «дешевых» альтернативных решений для решения тех же задач, что и дорогие международные технологии и продукты.

Исследование: основная часть

Настоящее исследование базируется на двух базовых гипотезах, вытекающих из теоретических положений направления «подрывных» инноваций.

---

[7] Govindarajan V., Kopalle P.K. The Usefulness of Measuring Disruptiveness of Innovations Ex Post in Making Ex Ante Predictions P. 15.

[8] Ibid. P. 14.

[9] Govindarajan V. How GE Is Disrupting Itself / Immelt J. R., Govindarajan V., Trimble C. // Harvard Business Review. October 2009.

Во-первых, предположительно, что большая часть современных «прорывных» решений относится к категории радикальных технологий, а не «подрывных» инноваций. Таким образом, их *революционный* потенциал переоценивается, а его оценки являются следствием не так их объективных свойств или реальных результатов внедрения новых решений и продуктов, как завышенных ожиданий хозяйствующих субъектов и интересантов («technology hype» в терминологии консалтинговой структуры Gartner). Соответственно, пока они могут рассматриваться лишь как *условие* будущих революций на основе подрывных инноваций.

При этом в качестве допущения, основанного на исторических параллелях с иными радикальными технологиями и, отчасти, на анализе тенденций развития отдельных рассматриваемых технологических направлений, принимается, что на последующих этапах развития (с горизонтом не менее 5–7 лет) часть рассматриваемых ныне радикальных технологий может сформировать условия появления «подрывных» инноваций.

Вторая гипотеза состоит в том, что перспективы серьезной корректировки позиций развивающихся стран в глобальных экономических процессах преимущественно связаны с реализацией комбинации «подрывных» и «бережливых» инноваций, основанных на текущих радикальных технологиях. (За пределами подвижек, связанных с естественным изменением социально-экономических показателей вследствие постепенного распространения радикальных технологий и реализации эффекта «низкой базы»).

Результаты

Прежде всего, нами было проведено изучение литературы по нормативным (целевым) и реальным (уже проявляющимся) экономическим эффектам для оценки соотношения «подрывного» и «радикального» начал тех прорывных инновационно-технологических решений, с которыми различные авторы связывают будущую «революцию». Кроме того, были проанализированы материалы, касающихся НИОКР, результатов пилотных и опытно-демонстрационных проектов[10].

Для удобства рассмотрения и с учетом уже достаточно продолжительного периода технологического развития (с 1980–1990-х гг.) и внедрения (с 2000-х гг.) мы сосредоточили внимание на изучении «умных сетей» и аддитивных систем.

[10] В силу ограничений на объем списка литературы, введенных для тезисов конференции, часть рассмотренных материалов не может быть приведена. Для статьи мы выбрали отдельные наиболее показательные работы.

В фокусе внимания находились вопросы масштаба и глубины достигнутых эффектов (исходя из анализа непосредственных данных, оценок и реверсивного анализа нормативных суждений — т.е. реконструкции текущих проблем/эффектов на основе описаний эффектов целевых), анализ ключевых акторов, групп интересов и бенефициаров — в т.ч. на основе патентного анализа[11].

Далее, был проанализирован потенциал «подрывного» инновационного развития быстрорастущих экономик — с фокусом на КНР и Индию и на основе описанных в литературе кейсов «подрывных» инноваций и их обобщений.

Особое внимание мы уделили рассмотрению «бережливых» инноваций, число которых постоянно растет, и их «подрывному» потенциалу, который все чаще отмечается различными авторами[12]. Более того, проводятся прямые параллели и аналогии между этими двумя видами инновационной деятельности (например, появление на «периферии», дешевизна относительно мэйнстримовских аналогов на рынке и т.д.).

Помимо непосредственных свидетельств «подрывного», радикального и «бережливого» характера тех или иных решений и продуктов, значимым вопросом для анализа оставался потенциал преобразования рассматриваемых радикальных технологий в «подрывное» инновации в указанных странах.

Анализ результатов

Если отвлечься от нормативных оценок существующих «прорывных»/революционных решений, то, как показывает проведенное исследования, экономические результаты их применения[13] оказываются весьма умеренными. Точнее говоря, решая, судя по оценкам, определенные оптимизационные задачи и усиливая позиции доминирующих отраслевых субъектов их развитие и тиражирование, несмотря на ожидания прогнозистов, пока не привело к формированию принципиально новых рынков или качественно новых эффектов. Показательно, что, например, на рынках «умных сетей» даже четкого различия между интеллектуальными решениями и «обычной» передовой техникой провести не удается.

---

[11] Для анализа патентной статистики по ключевым словам, связанным с тематикой аддитивных технологий и «умных сетей» использовалась система Exactus Patent. URL: patent.exactus.ru/

[12] Hang C.C., Garnsey E., Ruan Y. Opportunities for disruption. P. 83–84; Hossain M., Simula H., Halme M. Can frugal go global? P. 133.

[13] De Castro L., Dutra J. Paying for the smart grid P.S76–S82; Lunde M., Røpke I., Heiskanen E. Smart grid: hope or hype? P. 552–557; Weller C. Economic implications of 3D printing… P. 45–53.

Все это свидетельствует о преимущественно «радикальном» характере указанных групп технологий. Подобный вывод подтверждается целым рядом косвенных факторов. В частности, это лидирующие позиции по разработке, патентованию и применению указанных решений крупнейшими отраслевыми компаниями или специализированными предприятиями — «нишевыми лидерами» из наиболее развитых стран.

До определенной степени «девиацией» выглядит ситуация с массовыми, в т.ч. бытовыми 3D-принтерами. Формально, она говорит о потенциале превращения аддитивных технологий в «подрывную» инновацию. Однако функциональность, полезность и само текущие применение подобного рода систем пока сильно ограничены, что снимает вопрос об их «подрывном» характере по крайней мере на последующие 5–7 лет.

Как можно понять, сопоставимая картина наблюдается и по большинству иных «революционных» технологий. На данный момент все они носят радикальный характер, тогда как их «подрывное» альтер-эго просматривается, но находится за горизонтом 5–10 летнего цикла.

Поскольку теоретически «простые» радикальные технологии являются фактором, консервирующим сложившуюся систему лидерства, это почти автоматически предполагает и сохранение лидерских позиций наиболее развитых стран. Во-первых, они являются родиной всех рассматриваемых радикальных технологий и демонстрируют комбинацию значимого (хотя в ряде случаев объемно меньшего, чем развивающиеся страны) и, главное, квалифицированного спроса на наиболее сложные решения — при более высокой норме прибыли. Во-вторых, разработка радикальных технологий и их преобразование в успешные продукты прямо зависят от накопленного научно-технологического «багажа», уровня развития технико-технологической инфраструктуры и вообще технологических активов, ресурсных показателей НИС (расходы на НИОКР, количество и качество научно-технологических кадров, нематериальные активы и др.), а также институтов инновационной экономики [Иванова, 2002: 11, 14,]. Т.е. всех тех характеристик, по которым наблюдается однозначное превосходство наиболее развитых стран.

Повторимся, определенные, порой существенные корректировки соотношения экономических и инновационных потенциалов наиболее развитых и быстрорастущих стран вследствие быстрого распространения радикальных технологий вполне возможны. Однако к «революционной» ситуации ни в глобальных экономических процессах, ни даже в «своих» отраслях существующее поколение радикальных технологий пока не ведет.

Более того, нередко «коррекция лидерства» быстрорастущих экономик по одним направлениям происходит при сохранении или даже усилении зависимости по другим, более значимым. Характерный пример — сохранение лидерства наиболее развитых стран по таким направлениям, как интеллектуальные алгоритмы, программное обеспечение и системы кибербезопасности для «умных сетей» (по сравнению с силовой частью и даже аппаратными решениями), передовые материалы и программные продукты и ряд иных решений для аддитивных систем.

Кроме того, в настоящий момент быстрорастущие экономики на уровне государственных мероприятий следуют скорее «консервативной» логике развития «прорывных» технологий и инноваций — вновь идя по пути имитационного развития[14]. Фактически, также можно трактовать и стратегические планы технологического развития, такие как «Сделано в Китае — 2025» или «Производи в Индии» (Make in India). Это, во многом, понятно: длительный опыт догоняющего развития, высокие риски и неопределенность результатов «подрывных» инноваций в противоположность уже (как представляется многим) «проторенного» пути развития избранных радикальных технологий диктует этим государствам наиболее рациональную в среднесрочной перспективе «догоняющую» или «имитационную» стратегию.

Однако, как уже отмечалось, радикальные технологии нередко становятся питательной средой для «подрывных» инноваций — по прошествии определенного времени и итераций рыночного развития. Ситуация с аддитивными системами показывает постепенную эволюцию именно в этом направлении. Да и в сфере «умных сетей», при всей специфике технологии, постепенно формируются альтернативные и более дешевые подходы — на основе дешевеющих информационно-коммуникационных систем (виртуальная электростанция, недорогие системы накопления энергии и т.д.).

Пока, повторимся, эта тенденция лишь формирующаяся. Но она возвращает нас к исходному вопросу о потенциале влияния на позиции быстрорастущих экономик. А, точнее, о том, возможны ли масштабные «подрывные» инновации — в т.ч. в рассмотренных сферах — для указанной категории стран?

Кейс-стади, приведенные в литературе, почти однозначно дают положительный ответ на данный вопрос. В быстрорастущих странах

[14] См., например: Anderson E. Additive Manufacturing in China: Threats, Opportunities, and Developments (Part I). Institute on Global Conflict and Cooperation, University of California. SITC Bulletin Analysis. May 2013. URL: http://escholarship.org/uc/item/9x38n9b3 (Дата обращения 10.01.2017)

наблюдается растущее число «подрывных» инноваций — часто основанных на достаточно простых технологических решениях (TataNano, электровелосипеды, фильтры для воды и пр.)[15]. Впрочем, число подобных инноваций, а равно и масштаб вызванных ими социально-экономических изменений пока не слишком значимы.

Причина роста «подрывного» инновационного потенциала — уникальное сочетание в быстрорастущих экономиках основных факторов, ведущих к подрывным инновациям как с точки зрения теории К. Кристенсена, так и с точки зрения общих факторов экономического развития.

Не считая целого ряда институциональных факторов (развитие предпринимательства, культуры и паттернов массового потребления, наличие значимых асимметрий и проблем социально-экономического развития, нерешаемых за счет существующих технологий и пр.) это, прежде всего, наличие огромного неудовлетворенного спроса — включая значительные сегменты непотребления — на ценовой «периферии» существующих рынков. При этом на первый план выступают как раз «бережливые» инновации, которые направлены на преодоление непотребления.

Вероятность «подрывного» развития, особенно в его «бережливом» варианте, усиливается целым рядом внешних факторов. Это, во-первых, приток новых практик и технологий из развитых стран — включая транфер технологий, прямые иностранные инвестиции и развитие локальных корпоративных инновационных «экосистем» зарубежных транснациональных корпораций. Во-вторых, это импорт и «взаимное опыление» компетенций в т.ч. посредством диаспоральных связей, возвращения или маятниковой миграции специалистов и т.д.

Все это касается в огромной мере и «бережливых» «реинкарнаций» текущих радикальных технологий. Не считая уже упомянутых 3D-принтеров интересный пример дает «смежная» с интеллектуальной энергетикой сфера альтернативных возобновляемых источников энергии. Кейс индийской Suzlon[16] показывает, как социально-экономические ограничения вкупе с грамотным использованием фактора «эксплуатации отсталости» (дешевый труд и пр.) и иной локальной специфики, а также импортом лучших зарубежных технологий вывел компанию в мировые лидеры ветроэнергетического бизнеса.

[15] Govindarajan V., Ramamurti R. Reverse innovation, emerging markets, and global strategy. P. 192; Hang C. C. Opportunities for disruption / Hang C. C., Garnsey E., Ruan Y. // Technovation. 2015. Vol. 39–40, May–June. P. 88–90.

[16] Hang C. C., Garnsey E., Ruan Y. Opportunities for disruption. P. 89.

В сложившихся условиях быстрое распространение радикальных технологий (в т.ч. рассмотренных в работе решений в сфере «умных сетей» и аддитивных систем) в ситуации их ожидаемого перехода из категории «радикальных» технологий в «подрывные» инновации создает значительные возможности для глубокой корректировки роли и значения быстрорастущих экономик и их субъектов.

Не считая сугубо теоретических выкладок, этот вывод подтверждается наличием нам быстрорастущих рынках целого ряда факторов, упоминаемых авторами как значимые сигналы готовности рынка для «подрывных» инноваций[17].

Заключение

Развитие радикальных технологий в настоящее время определяется стремлением ведущих стран мира и крупнейших хозяйствующих субъектов укрепить или восстановить свое лидерство. Парадокс в этом отношении заключается в том, что те процессы, которые нередко называются новой инновационной «революцией» или схожими по смыслу терминами (ср.нарративы, связанные с Индустрией 4.0, Интернетом вещей и пр.), призваны не так революционизировать, как законсервировать соотношение сил в отдельных отраслях и в глобальных экономических процессах. Даже национальные мероприятия развивающихся стран — несмотря на их объективное стремление оспорить сложившуюся систему экономических связей — скорее отвечают консервативной, а не «революционной» логике.

И напротив, «подрывные» тенденции, особенно связанные с «бережливыми» инновациями как раз формируют «предреволюционную» ситуацию в инновационной сфере, потенциально создает существенные неопределенности для стран-лидеров. С учетом огромного потенциала роста данных рынков, лучшего знания их специфики и потребностей «бережливых» потребителей и в условиях постепенного освоения радикальных технологий (в т.ч. в сфере аддитивных систем и «умных сетей») компании из быстрорастущих экономик имеют все шансы сформировать условия для «подрыва» существующих отраслей рынков. Несмотря на то, что ресурсные факторы инновационного развития и совершенствование институтов и в этом случае оказываются принципиальными, асимметричные преимущества субъектов из развивающихся стран

[17] Klenner P. Ex-ante evaluation of disruptive susceptibility in established value networks—When are markets ready for disruptive innovations? / Klenner P., Hüsig S., Dowling M. // Research Policy. 2013. Vol. 42, №4. P. 919–921; Linton J. D. Forecasting the market diffusion of disruptive and discontinuous innovation. // IEEE Transactions on Engineering Management. 2002. Vol. 49, №4. P. 365–374.

позволяют преодолеть соответствующие ограничения[18]. Такие кейсы, как быстрый рост Alibaba, микрофинансирования, возобновляемой энергетики и иные крупные и менее значимые примеры «подрывных» решений в быстрорастущих экономиках (например, уже упоминавшиеся электровелосипеды) показывают, что этот путь реален — и, кстати, совершенно необязательно связан с интрузивной политикой государства и этатистскими подходами, как это иногда трактуется в России.

Разумеется, и в ситуации наиболее революционных изменений нельзя будет говорить о кардинальном изменении соотношения экономических потенциалов на мировой арене. Даже в случае взрывного развития новых рынков, масштабные изменения, в т.ч. неизбежная структурная перестройка экономики страны-претендента, будут носить продолжительный (до нескольких десятилетий) и нелинейный характер. Однако, что более важно, сами эти изменения зададут иной вектор развитию отдельных быстрорастущих экономик, нежели попытка «догнать» наиболее развитые страны в сфере традиционных радикальных технологий.

Литература

1. Иванова Н. И. Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002. 244 с.
2. Кристенсен К. Решение проблемы инноваций в бизнесе / Кристенсен К., Рейнор М. М.: Альпина Диджитал, 2014. 241 с.
3. Anderson E. Additive Manufacturing in China: Threats, Opportunities, and Developments (Part I). Institute on Global Conflict and Cooperation, University of California. SITC Bulletin Analysis. May 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://escholarship.org/uc/item/9x38n9b3 (Дата обращения 10.01.2017)
4. De Castro L. Paying for the smart grid / De Castro L., Dutra J. // Energy Economics. Supplement Issue: Fifth Atlantic Workshop in Energy and Environmental Economics. 2013.Vol.40, Supplement 1. P.S74–S84
5. Govindarajan V. How GE Is Disrupting Itself / Immelt J. R., Govindarajan V., Trimble C. // Harvard Business Review. October 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://hbr.org/2009/10/how-ge-is-disrupting-itself (Дата обращения 20.12.2016).
6. Govindarajan V. Reverse innovation, emerging markets, and global strategy / Govindarajan V., Ramamurti R. // Global Strategy Journal Global Strat. J. 2011. Vol. 1. P. 191–205

[18] Hang C. C., Garnsey E., Ruan Y. Opportunities for disruption. P. 92; Hossain M., Simula H., Halme M. Can frugal go global? P. 137; Govindarajan V., Ramamurti R. Reverse innovation, emerging markets, and global strategy. P. 192–200.

7. Govindarajan V. The Usefulness of Measuring Disruptiveness of Innovations Ex Post in Making Ex Ante Predictions / Govindarajan V., Kopalle P. // Journal of Product Innovation Management. 2006. Vol. 23, №1. P. 12–18
8. Hang C. C. Opportunities for disruption / Hang C. C., Garnsey E., Ruan Y. // Technovation. 2015. Vol. 39–40, May–June. P. 83–93
9. Hossain M. Can frugal go global? Diffusion patterns of frugal innovations / Hossain M., Simula H., Halme M. // Technology in Society. 2016. Vol.46, August. P. 132–139
10. Klenner P. Ex-ante evaluation of disruptive susceptibility in established value networks — when are markets ready for disruptive innovations? / Klenner P., Hüsig S., Dowling M. // Research Policy. 2013. Vol. 42, №4. P. 914–927.
11. Linton J. D. Forecasting the market diffusion of disruptive and discontinuous innovation. // IEEE Transactions on Engineering Management. 2002. Vol. 49, №4. P. 365–374
12. Lunde M. Smart grid: hope or hype? / Lunde M., Røpke I., Heiskanen E. // Energy Efficiency. 2016. Vol. 9, №2. P. 545–562
13. Markides C. Disruptive Innovation: In Need of Better Theory // The Journal of Product Innovation Management. January 2006. Volume 23, №1. P. 19–25
14. Wan F. Antecedents and implications of disruptive innovation: Evidence from China / Wan F., Williamson P. J., Yin, E. // Technovation. 2015. Vol. 39–40, May–June. P. 94–104
15. Weller C. Economic implications of 3D printing: market structure models in light of additive manufacturing revisited / Weller C., Kleer R., Piller F. T. // Int. J. Production Economics. 2015. Vol. 164, March. P. 43–56

DISRUPTIVE INNOVATIONS AND RADICAL TECHNOLOGIES IN DEVELOPED AND EMERGING ECONOMIES: CONSEQUENCES FOR GLOBAL PROCESSES

Ivan V.Danilin

Abstract. *The article highlights the issue of advanced technologies and innovations in developed and emerging economies and their potential to transform roles of these nations in global economic and innovation processes. Using C.Christensen`s theory and analyses of case studies, we assume that at present moment most of the advanced technologies, labeled as "revolutionary", in reality are not disruptive, but radical (i.e. are next-generation complex technology solutions in the interests of current market leaders). Thus, they are more conserving status quo, than transforming global economy. But for the years to come there is possibility of their nature change — which delivers new chances for developing nations. Emerging economies show rise of innovation activities, and frugal innovations and other local*

specifics may support their efforts to pass from catch-up to disruptive innovation development.

Key words: Radical technologies, Disruptive Innovations, Global Development, Emerging Economies, Internet of Things, Industry 4.0, Smart Energy Systems

References

1. Anderson E. (2013). Additive Manufacturing in China: Threats, Opportunities, and Developments (Part I). Institute on Global Conflict and Cooperation, University of California. SITC Bulletin Analysis. Retrieved 10.01.2017 from http://escholarship.org/uc/item/9x38n9b3.
2. De Castro L., Dutra J. (2013). Paying for the smart grid. *Energy Economics, Supplement Issue: Fifth Atlantic Workshop in Energy and Environmental Economics*, 40, Supplement 1, S74–S84
3. Govindarajan V., Kopalle P. (2006). The Usefulness of Measuring Disruptiveness of Innovations Ex Post in Making Ex Ante Predictions. *Journal of Product Innovation Management,* 23 (1), 12–18
4. Govindarajan V., Ramamurti R. (2011). Reverse innovation, emerging markets, and global strategy. *Global Strategy Journal Global Strat. J.,* 1, 191–205
5. Hang C. C., Garnsey E., Ruan Y. (2015). Opportunities for disruption. *Technovation,* 39–40, 83–93
6. Hossain M., Simula H., Halme M. (2016). Can frugal go global? Diffusion patterns of frugal innovations. *Technology in Society*, 46, 132–139
7. Immelt J. R., Govindarajan V., Trimble C. (2009). How GE Is Disrupting Itself. *Harvard Business Review,* October Issue, retrieved 20.12.2016 from https://hbr.org/2009/10/how-ge-is-disrupting-itself.
8. Ivanova N. I. (2002). Nacional'nye innovacionnye sistemy [National Innovation Systems]. Moskva: Nauka
9. Klenner P., Hüsig S., Dowling M. (2013). Ex-ante evaluation of disruptive susceptibility in established value networks — when are markets ready for disruptive innovations? *Research Policy*, 42 (4), 914–927.
10. Kristensen C., Rejnor M. (2014) Reshenie problemy innovacij v biznese [The Innovator`s solution]. Moskva: Al'pina Didzhital.
11. Linton J. D. (2002). Forecasting the market diffusion of disruptive and discontinuous innovation. *IEEE Transactions on Engineering Management*, 49 (4), 365–374
12. Lunde M., Røpke I., Heiskanen E. (2016). Smart grid: hope or hype? *Energy Efficiency*, 9 (2), 545–562
13. Markides C. (2006). Disruptive Innovation: In Need of Better Theory. *The Journal of Product Innovation Management*, 23 (1), 19–25

14. Wan F., Williamson P. J., Yin, E. (2015). Antecedents and implications of disruptive innovation: Evidence from China. *Technovation*, 39–40, 94–104
15. Weller C., Kleer R., Piller F. T. (2015). Economic implications of 3D printing: market structure models in light of additive manufacturing revisited. *Int. J. Production Economics,* 164, 43–56

Информация об авторе
Данилин Иван Владимирович

кандидат политических наук; Заведующий Сектором инновационной политики; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им Е. М. Примакова РАН; доцент; Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России

Эл.почта: danilin.iv@imemo.ru

Ivan V. Danilin

PhD in Political Sciences; Head of Innovation Policy Section; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences; Associate Professor; MGIMO University

E-mail: danilin.iv@imemo.ru

ЭВОЛЮЦИЯ РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О. И. ДЕГТЯРЕВА, В. С. ДМИТРИЕВ

Аннотация. *В статье представлена попытка показать «эволюционность» развития рынка природного газа в тренде глобализации мировой экономики. Авторы статьи исходят из представления о том, что развитие отдельных энергетических рынков носит универсальный характер, хотя и имеет свои специфические черты. В этой связи, делается предположение, что региональные рынки природного газа по всей видимости пройдут исторический путь формирования глобального рынка по аналогии с нефтяной отраслью.*

Очевидно, что в условиях глобализации мирового хозяйства происходит постепенная демонополизация газовой промышленности, характеризующаяся количественными и качественными преобразованиями в структуре физического рынка и международной торговли газом, появлением «дублера» в виде биржевых финансовых инструментов, а также изменением моделей ценообразования. В статье показано, что подобные тенденции делают торговлю газом более глобальной и в целом соответствуют модели развития, которую мировой нефтяной рынок прошел в 80-е — 90-е годы прошлого века.

Авторы выделяют две группы факторов, способствовавших «эволюционному» характеру развития газовой отрасли: технологические и рыночные. К первым в статье отнесено интенсивное развитие технологий транспортировки в лице СПГ, что способствовало изменению характера и направления товарных потоков газа на мировом рынке. Второй группой факторов, выделенных авторами, являются растущий спрос на «голубое топливо» во всем мире и конкурентоспособность этого энергоресурса, а также возникновение активной биржевой торговли природным газом, создавшей возможность управления рисками колебания цен на это топливо.

В итоге авторы приходят к заключению, что процессы либерализации региональных рынков меняют механизмы ценообразования, расширяют географию и состав участников торговли, что приводит

к появлению более конкурентной среды. По мнению авторов, в перспективе ожидается доминирование независимых от нефтяных котировок моделей ценообразования, что будет способствовать устранению имеющихся различий региональных цен и их постепенной конвергенции.

Ключевые слова: *глобализация торговли газом, СПГ, спот-рынки, модели ценообразования, фьючерсы на природный газ, конвергенция цен.*

Введение. Глобализация мировой экономики приводит к значительным качественным и количественным преобразованиям структуры мировых энергетических рынков, что нашло отражение в тенденциях развития рынка природного газа. Рост мировой торговли природным газом, увеличение его доли в мировом энергобалансе, равно как институциональные преобразования международного рынка «голубого топлива», характеризующиеся увеличением числа производителей и потребителей, а также либерализацией ключевых торговых площадок способствуют глубокой интернационализации газовой промышленности. По многим параметрам текущие тенденции в международной газовой отрасли повторяют исторический путь нефти. В тоже время, принимая во внимание интенсивное развитие «газовых» технологий, существенно расширяющих доступную географию рынка и снижающих издержки производителей на добычу и транспортировку, а также укрепление позиций финансового («бумажного») рынка газа в настоящее время появляется объективная возможность констатировать общий «эволюционный характер» трансформации рынка этого вида топлива.

Дискуссия о том, является ли рынок природного газа мировым или же комбинацией региональных рынков ведется уже давно как среди экономистов, так и специалистов газовой отрасли. Ответ на этот вопрос имеет не только научное, но и практическое значение, так как подводит к пониманию перспектив дальнейшего развития и трансформации механизмов ценообразования. Для России, являющейся крупным экспортером природного газа, традиционно ориентированной на долгосрочные взаимоотношения со своими зарубежными партнерами, актуальность этой темы не вызывает сомнений.

Теоретические основания исследования. Теоретической базой исследования является понимание сущности современного рынка сырьевых товаров как сложной структуры традиционных товарных поставок и финансового секторы, «дублирующего» ассортимент физического, который благодаря высокой ликвидности создает возможность управления рисками для участников рынка. Мировой характер рынка предполагает наличие торговых операций между всеми частями рынка без логистических либо торгово-экономических ограничений, на осно-

ве цен, складывающихся конкурентным образом в важнейших центрах торговли и служащих эталонными для всех участников.

Рынок природного газа, традиционно основанный на магистральном газе, в силу этой специфики долгое время считался рынком региональным. Однако появление технологии сжижения газа устранило логистические препятствия и позволило не только межконтинентальную торговлю, но и изменило характер торговых сделок от долгосрочных к спотовым. Это создало возможность трансформации рынка газа от регионального к мировому, в то же время поставив проблему определения того, является ли мировой рынок газа свершившимся фактом или еще нет.

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования авторов заключается в предположении, что в перспективе произойдет завершение процесса интеграции пока еще обособленных региональных рынков газа в единую рыночную среду с универсальными регуляторными механизмами ценообразования и конкурентными правилами движения спроса и предложения. Для подтверждения «эволюционного» характера подобных преобразований мирового рынка газа необходимо, во-первых, проследить динамику мировой торговли «голубым топливом», во-вторых, выявить роль финансовых инструментов рынка, в лице биржевой торговли, и, в-третьих, выявить изменения в механизмах ценообразования.

Методология. Учитывая представленную гипотезу, методология исследования включала несколько методов. Экономико-статистический анализ был применен в оценке масштабов торговли газом, ее динамики и структуры участников. Обобщение опыта функционирования биржевых газовых рынков осуществлялось с помощью аналитического и сравнительно-исторического подходов. Сравнительный анализ был применен при рассмотрении проблем ценообразования на газовом рынке.

Процедура исследования. Логика поставленной авторами задачи требовала последовательного рассмотрения изменения структуры рынка природного газа как с количественной (объемы, динамика, участники), так и с качественной (появление финансовой «надстройки») стороны.

Результаты исследования. Проведенное исследование выявило географическую и технологическую эволюцию физического рынка природного газа. Текущий баланс рыночных сил позволяет говорить о наметившихся процессах формирования преимущественно конкурентной среды на физическом рынке газа, равновесие которого в перспективе будет определяться изменениями совокупного спроса и предложения. При этом с учетом имеющихся сравнительных характеристик можно утверждать, что «эволюционные тенденции» присущие

физическому рынку газа повторяют аналогичные процессы, имевшие место в истории развития мировой нефтяной промышленности. Так, менее чем за сто лет рынки газа прошли путь от «локальных» (объем — десятки-сотни млрд куб.м.), «страновых» (несколько сотен млрд куб.м.) до «трансконтинентальных» по масштабам торговли (трлн куб. м), постепенно трансформируясь от преимущественно монопольных к более конкурентным структурам. Число игроков на рынке также увеличилось. Помимо крупных компаний с госкапиталом состав участников пополнился средним и малым бизнесом, задействованным на всех этапах производственной цепи.

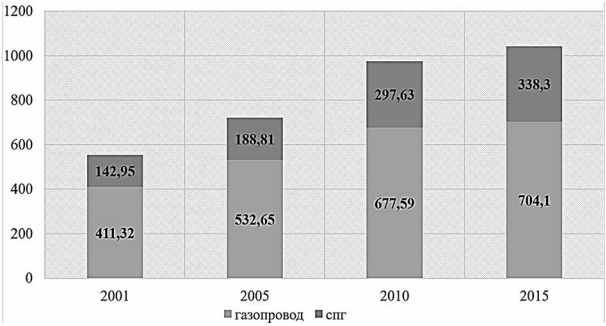
Важнейшим драйвером глобализации газового рынка, равно как и других энергоресурсов, выступает положительная динамика совокупного спроса, определяющая рост капиталовложений в добычу и разработку, а также ориентирующая экспортеров в планах по расширению торговых потоков. За период с начала 2000-х по 2015 год потребление газа в мире увеличилось на 44% (с 2405 до 3469 млрд куб. м)[19]. Удельный вес потребления природного газа в мировом топливно-энергетическом балансе также возрастал в последние годы, составив в 2014 г. примерно 22%[20]. Принимая во внимание аналогичную статистику по нефти, потребление которой за тот же период увеличилось скромнее, составив рост в 11%, можно утверждать, что природный газ постепенно наращивает конкурентоспособность и становится реальной альтернативой нефти и другим энергоресурсам на международном рынке, выигрывая за счет «экологичности» и универсальности использования[21]. Важнейшими секторальными драйверами спроса на природный газ выступают традиционно промышленность, электроэнергетика и домохозяйства.

Потребление газа по регионам отражает следующую тенденцию: за исключением Европы все остальные рынки демонстрируют стабильный рост спроса на природный газ. Быстрее всего потребление растет в Северной Америке (за счет США) — 949 млрд куб. м, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 678,6 млрд куб. м (Китай, Япония)[22]. Все больший спрос демонстрируют страны Ближнего Востока, Океании и Центральной Америки. Подобная динамика потребления «голубого топлива» внушает оптимизм инвестиционным ожиданиям производителей и создает благоприятные условия для глобализации торговли.

19 BP statistical review of world energy: 2002–2016.
20 Key world energy statistics, IEA 2016.
21 BP statistical review of world energy: 2002–2016.
22 Там же.

В рассматриваемый авторами период с начала 2000-х годов рост торговли газом составляет в среднем 6–7% в год (с незначительным снижением в 2013–2015 гг.), таким образом за начало столетия рынок вырос на 88% (с 554 млрд куб. м в 2001 г. до 1,043 в 2015 г.) (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика торговли природным газом (млрд куб. м).



Источник: BP statistical review of world energy: June 2016. // bp.com/statisticalreview [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 07.01.2017).

Триллионный оборот позволяет говорить о приближении рынка природного газа к статусу действительно «глобального» с вовлечением в сложносоставную (газопровод и морские перевозки) торговую сеть всех макрорегионов. С определенной долей упрощения в настоящий момент можно выделить как составные элементы общего рынка газа восемь «макрорынков». Три являются сформировавшимися — это Североамериканский, Европейский и Азиатский (первые два преимущественно газопроводные, последний — в основном СПГ), другие пять характеризуются как формирующиеся — это рынок СНГ, Латинская Америка, Ближний и Средний Восток, Океания и Африка.

Фактор «глобальности» в развитии физического рынка природного газа заключается в том числе и во все большем охвате новых игроков. Так, все существенную роль в торговле природным газом начинают играть «нетрадиционные» развивающиеся рынки — АТР, Восточная Азия, Африка, Ближний и Средний Восток. Их доля в общем объеме торговли газом постоянно растет: в 2015 г. на долю АТР и Африки приходилось более 30%, Ближний и Средний Восток — 15%, при этом доли традиционных газовых рынков, за исключением России и СНГ, снижаются в пользу развивающихся (см. табл. 1).

Таблица 1
Торговля газом по регионам (млрд куб. м)

	2001	2005	2010	2015
Сев.Америка	120,61	126,33	125,23	124,8
Юж.Америка	11,32	31,2	36,451	40,5
Европа	117,26	164,39	195	219,4
Россия и СНГ	131,06	160,68	251,54	272
Ближний Восток	31,16	49,18	128,19	154,43
Африка	66,29	90,19	112,93	84,8
Восточ.Азия			3,83	0,3
АТР	76,57	99,49	122,06	146,4

Источник: BP statistical review of world energy: June 2016. // bp.com/statisticalreview [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 07.01.2017).

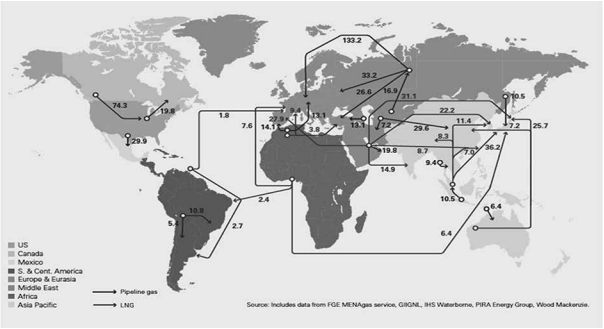
Большая часть торгуемого на рынке газа приходится на газопроводные поставки — 67% (704,1 млрд куб. м)[23]. Существующие технологические и экономические ограничения трубопроводных систем представляют значительные трудности для поставщиков «газопроводного» газа выйти за рамки «региональности». В этой связи, можно предположить, что в упрощенной «формуле глобализации» рынка газа, именно составляющая СПГ будет играть решающую роль в интеграции всех макрорынков.

Развитие технологии СПГ вывело на качественно новый уровень развитие мирового рынка газа. Морские газовые маршруты позволили объединить страны и регионы, не включенные в систему трансконтинентальных газопроводов: Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Америка, Африка, Ближний Восток. Это самый быстро растущий сегмент рынка энергоресурсов, и в настоящий момент на долю СПГ приходится 33% торговли газом (338,3 млрд куб. м) — с начала 2000-х годов объемы торговли СПГ выросли в 1,5 раза (см. рис. 1). В среднем рынок СПГ растет темпами 8–10% в год, появляются новые торговые маршруты и участники (Гана, Марокко, Гонконг (КНР), Мьянма, Бруней). В перспективе, можно ожидать дальнейшее «отвоевывание» доли газопроводных

[23] BP statistical review of world energy, June 2016

поставок за счет включения в развитие технологий сжижения традиционных газотранспортных игроков, стремящихся не упустить новые открывающиеся рынки. По сути, СПГ стал, своего рода, катализатором «эволюции» на рынке природного газа, предав ему более «нефтяной», конкурентный вид: потребитель может диверсифицировать структуру импорта, а производитель руководствоваться глобальными горизонтами поставок (с учетом издержек на транспортировку). Примером этому может служить опыт Катара, доля которого на рынке СПГ может быть сравнима с позицией России в торговле трубопроводным газом, а по физическим объемам экспорта Катар сопоставим с Норвегией, поставляющей газ европейским потребителям по трубам. При этом, страна реализует свой газ как в Европе, так и в АТР.

Рис. 2. Основные газотранспортные потоки (млрд куб. м)



Источник: BP statistical review of world energy: June 2016. // bp.com/statisticalreview [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 07.01.2017).

Схожесть торговых потоков природного газа с нефтяными как раз и подтверждает вектор «глобальности» в развитии физического рынка природного газа (см. рис. 2). Иными словами, газ проходит тот же «эволюционный» путь, что и раньше преодолел нефтяной рынок, однако более «ударными темпами». Так, еще в 2001 г. не существовало газовых потоков между восточными и западными полушариями, африканские производители газа не имели торговых отношений с восточноазиатскими партнерами. Однако, спустя 10 лет появились новые центры потребления в лице КНР, Индии, Южной Кореи, а Центральная и Южная Америка стала активно продавать СПГ в Европу. Единственным рынком, пока еще не включенным полноценно в международный формат

торговли газом, остается североамериканский (США и Канада имеют исключительно двустороннюю газовую торговлю).

Ценообразование на рынке газа. Несмотря на существующий «глобализационный тренд» развития мировых сырьевых рынков, газовая отрасль остается сегментированной в виду ряда экономических, геополитических и технологических факторов. Исторически сложившееся обособленность ключевых регионов предопределила возникновение «разновекторности» в этапах развития мировой газового рынка. Таким образом, в настоящий момент отсутствует единый подход к формированию справедливой цены на газ. Модели ценообразования отличаются на региональных рынках в зависимости от ряда факторов, таких как степень либерализации, государственная политика и географические особенности. Тем не менее, уже сейчас можно утверждать, что процесс интернационализации газовой торговли, открытие новых рынков и появление большего числа участников предопределяет общий тренд на демонополизацию газовой отрасли и на формирование более рыночных механизмов ценообразования по примеру нефтяной промышленности.

С этой точки зрения, «эталонными» можно считать рынки Северной Америки, Великобритании и Австралии. Стоимость «голубого топлива» в этих странах формируется в конкурентной модели «газ-газ», в результате баланса спроса и предложения на ключевых газовых «хабах». Исторический путь развития газового рынка США как раз демонстрирует «эволюцию» ценообразования, предполагающую постепенный переход от поставочных долгосрочных контрактов к мультипликации видов контрактов без обязательств по поставке (долгосрочные контракты — спот рынок — фьючерсы). «Сегодня «Henry Hub» является пунктом поставки газа по фьючерсам, торгуемым на Нью-йоркской товарной («NYMEX») и Лондонской («ICE Futures Europe») биржах. Котировки фьючерсов формируют ценовую ориентацию для всего североамериканского газового рынка. Таким образом, в Северной Америке сформировался ликвидный конкурентный рынок, на уровне которого полностью завершилась «коммодитизация» газа» [1, с. 85].

В перспективе подобный вариант «эволюции» в купе с процессом либерализации отрасли вполне может рассматриваться как целевой сценарий развития и для других регионов. Так, в Европе традиционно доминировали долгосрочные контракты на поставку газа с привязкой к нефтепродуктам. Однако, в последние годы в результате политики дерегулирования энергетического рынка формула привязки к цене топливозамещения постепенно уступает конкурентным методам ценообразования благодаря активному развитию спотовой торговли.

Очевидно, основным драйвером этого процесса является стремление ключевых европейских диверсифицировать импорт газа, развивая танкерную инфраструктуру и СПГ терминалы, с целью снизить «газовую» зависимость от поставщиков-монополистов (в частности, России).

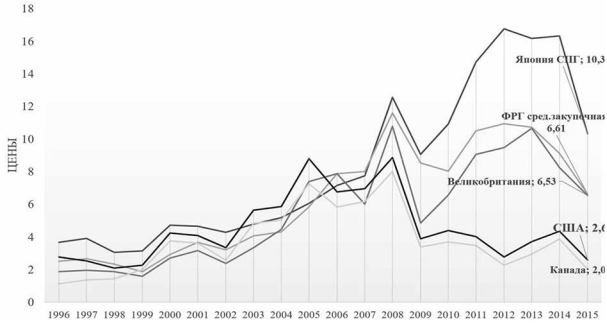
«Крупнейшими спот-рынками в ЕС являются английский «NBP», нидерландский «TTF», немецкие «NCG» и «GasPool», французский «TIGF» и итальянский «PSV». Газовые сделки заключаются по споту (с обязательством поставки) на основе внебиржевых контрактов (как с обязательством поставки, так и без такового) и фьючерсных контрактов (без обязательства физической поставки)» [1, с. 85]. В настоящий момент рынок Европы находятся на стадии активной трансформации по пути к более конкурентной ценовой модели. И хотя уровень ликвидности газовых площадок ЕС еще далек до североамериканского, в настоящий момент наблюдается уверенная положительная динамика роста внебиржевых сделок по газу на спот-рынках.

Ценообразование на рынках Азии формируется в основном посредством долгосрочных контрактов с нефтяной индексацией. Так, Япония остается крупнейшим импортером СПГ в мире, закупая его по контрактам с привязкой к сырой нефти. Рынок продолжает сохранять преимущественно монопольную структуру. Однако, последние события на рынке нефти, характеризующиеся сохранением низкого уровня цен, стимулируют азиатских потребителей к поиску новых более «справедливых» механизмов ценообразования. Ожидается, что общая «эволюция» более конкурентных подходов к определению цены на газ, затронувшая европейские рынки, может изменить в перспективе структуру азиатского региона газовой торговли. Подобная тенденция уже сейчас проявляется в постепенном росте спотовых сделок по газу в Азии.

«В целом, доля конкурентных механизмов ценообразования в торговле газом составляет для газопроводных поставок и СПГ 44% и 29% соответственно» [3, с. 20]. Уже сейчас можно говорить о том, что модель «газ-газ» становится все более популярной и универсальной, что ложится в логику развития сценария, по которому следовал рынок нефти. Во многом это происходит благодаря активной политики ЕС, как одного из главных импортеров газа, по стимулированию ценовой конкуренции.

Динамика изменения газовых цен на ключевых рынках демонстрирует отсутствие в настоящий момент конвергенции (см. рис. 3). В этой связи, продолжает сохраняться существенная разница в стоимости «голубого топлива» в зависимости от торговых площадок. Так, самый дорогой газ импортирует Япония, а на североамериканских «хабах» цены традиционно самые низкие.

Рис. 3. Динамика изменений региональных цен на газ в период 1996–2015 гг. (долл за млн BTU).



Источник: BP statistical review of world energy: June 2016. // bp.com/statisticalreview [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 07.01.2017).

График движения цен (см. рис. 3) показывает, что, несмотря на отличия моделей ценообразования, региональные газовые цены двигаются в общем тренде, повторяя движение нефтяных котировок. Исключения составляет период «сланцевого бума» в США (2009–2013 гг.), оказавший значительное демпинговое воздействие на локальные энергетические рынки.

Рис. 4. Корреляционный анализ изменения цен на газ и нефть в мире (с 1996–2015 гг.).

	Япония СПГ	ФРГ сред.закупочная	Великобритания	США	Канада	Нефть ОЭСР средняя
Япония СПГ	1					
ФРГ сред.закупочная	0,919516679	1				
Великобритания	0,887978418	0,951055039	1			
США	0,080752236	0,361273454	0,457747603	1		
Канада	0,135859476	0,409829432	0,489889251	0,98572424	1	
Нефть ОЭСР средняя	0,963075579	0,97351571	0,943400442	0,28026366	0,32864946	1

Данные корреляционного анализа (см. рис. 4) подтверждают выводы о незавершенности «эволюции» мирового газового рынка. Высокая степень корреляции между нефтяными и газовыми ценами в Азии и Европе (более 0,9) говорит о доминировании на газовом рынке неконкурентной модели привязки стоимости к нефтепродуктам. Абсолютную независи-

мости от рынка нефти демонстрируют «хабы» Северной Америки (0,2; 0,3), где на уровне региона уже сейчас сформировался самостоятельный ликвидный рынок газа. Примечательно, что несмотря на развитую спотовую торговлю и СПГ-инфраструктуру Великобритания, а именно «NBP», демонстрирует сильную корреляцию с изменением котировок «Brent» (0,88). Наличие такой взаимосвязи объясняется тем, что энергетические рынки взаимозависимы, и изменение стоимости нефти на ликвидных площадках может побудить рост спроса и соответственно цены на альтернативное топливо — газ. В тоже время высокая степень корреляции между рынками Канады и США (более 0,9) служит ярким примером того, что на конкурентных независимых рынках происходит сближение локальных цен, что способствует формированию эталонного ценового ориентира.

Одним из важнейших факторов, способствующих интернационализации локальных рынков, давно уже стала биржевая торговля. Современные биржи, предлагая финансовые инструменты в виде фьючерсных и опционных контрактов, создают ликвидные постоянно действующие рынки, которые служат площадкой для перманентного выявления цены. В свою очередь, наличие биржи стимулирует участников к проведению независимой сбытовой и закупочной политики, основанной на информированности о текущем уровне цены и возможности защитить негативное влияние текущих ценовых колебаний с помощью стратегий хеджирования.

Как известно, формирование первого фьючерсного рынка природного газа пришлось на 90-е годы, когда на американской бирже NYMEX был введен фьючерс с условием поставки в «хабе» Henry Hub. Появление этого контракта стало возможным в результате процессов либерализации американской газовой отрасли. В то же время этот контракт стал одним из факторов, способствовавших дальнейшему рыночному реформированию газового хозяйства. В настоящий момент использование контракта на газ практикуется в США всеми участниками газовой отрасли производителями, потребителями, торговыми компаниями, однако торговый сектор является самым крупным пользователем фьючерсного рынка. По данным биржевой статистики, на этих участников биржевой торговли приходилось 69% всех открытых позиций. Активный биржевой рынок газа обеспечивает ценовую прозрачность и высокую ликвидность; в среднем объем торговли биржевыми контрактами на газ в настоящее время в 10–12 раз превышает объем потребления газа на рынке США.

Вторым рынком, на котором возникла биржевая торговля газом, стала Великобритания, где на Международной нефтяной бирже (сейчас ICE Futures Europe) в 1997 г. был введен контракт на газ с поставкой на условиях NBP. В последующем обе биржи ввели еще несколько контрактов

на природный газ, которые не стали успешными. Тем самым, еще раз подтвердилась закономерность современной биржевой торговли: рынку требуется лишь один ликвидный контракт для формирования цены.

Самым молодым биржевым рынком природного газа стала Универсальная товарная биржа Индии (MCX), где был введен поставочный контракт с условием поставки Hazira Hub. Высокая потребность в энергоносителях Индии, а также удобные условия контракта определили стабильность объемов торговли этим фьючерсом, который в некоторые годы становился вторым в мире после NYMEX (см. таблицу 2).

Таблица 2

Торговля контрактами на природный газ (млн контрактов)

	Контракт (биржа)	2015	2014	2013	2012	2011
1.	Фьючерс на природный газ (CME)	81,8	74,2	84,3	94,8	76,9
2.	Фьючерс на природный газ (ICE)	16,6	12,9	6,5	7,5	6,1
3.	Фьючерс на природный газ (MCX)	13,5	15,6	23,8	27,9	9,9

Источник: Futures Industry Association за соответствующие годы [Электронный ресурс]. URL: http://marketvoicemag.org/?q=content/2015-annual-survey-global-derivatives-volume#top (дата обращения 12.01.2017)

В итоге, ликвидность биржевых рынков и высокая степень их корреляции со спотовыми ценами, торгуемыми на основных мировых газовых «хабах», обеспечили для продавцов и покупателей возможности реализации разнообразных стратегий хеджирования ценовых рисков как на краткосрочный, так и на долгосрочный периоды.

Результаты исследования. Эволюционный характер преобразований мирового рынка природного газа очевиден с точки интернационализации торговли, развития технологий СПГ, повышения роли финансового сектора и конкурентных моделей ценообразования. Менее чем за сто лет региональные рынки «голубого топлива» прошли путь от локальных и страновых до трансконтинентальных по масштабам торговли. В след за рынком нефти структура газовая отрасль преобразовывалась по пути от преимущественно монопольной к более конкурентной среде. Немаловажную роль в этих тенденциях играет растущая заинтересованность основных участников рынка развивать технологическую базу и транспортную инфраструктуру. В этой связи, технология СПГ стала мощным катализатором торговли газом: появились новые центры добычи, расширилась география участников, возросла роль спотовых рынков. В механизме ценообразования на демонополизированных

рынках явно проявилась конвергенция цен при одновременной «отвязке» их от цен на нефть и нефтепродукты. Возникшие на базе спотовой торговли биржевые контракты создали возможность управления закупочной и сбытовой стратегией и финансовыми рисками.

Анализ результатов. Несмотря на ярко выраженную тенденцию к интернационализации рынка газа, единый подход к формированию справедливой цены на газ в настоящий момент отсутствует. Способы формирования цены различаются на локальных рынках в зависимости от ряда факторов, таких как степень либерализации, государственная политика и географические особенности региона. На рынках континентальной Европы и Азии доминируют долгосрочные контракты на поставку газа с привязкой к ценам на нефть и нефтепродукты. Более рыночные механизмы традиционно распространены в Северной Америке и Великобритании, где стоимость топлива формируется через конкурентные механизмы спотовой торговли. В результате, стоимость газа сильно отличается на региональных рынках и отсутствует «эталонный» индикатор, который мог бы стать общим знаменателем для всех игроков.

В тоже время демонополизация любого рынка повышает значимость независимых ценовых индикаторов, в роли которых сейчас выступают биржевые фьючерсные рынки. Введенный в США фьючерс на природный газ с пунктом поставки Henry Hub и аналогичный контракт на лондонском биржевом рынке с пунктом поставки NBP не только стали вторыми по ликвидности после фьючерсов на нефть, но и эталонами для расчета газовых цен.

Заключение. Принимая во внимание интенсивное развитие «газовых» технологий, существенно расширяющих доступную географию рынка и снижающих издержки производителей на добычу и транспортировку, а также укрепление позиций финансового («бумажного») рынка газа в настоящее время появляется объективная возможность констатировать общий «эволюционный характер» трансформации рынка этого вида топлива.

В перспективе интенсивное развитие газового рынка, глобализация торговли и растущая роль финансового сектора предопределит переход к независимой модели ценообразования, что будет способствовать «сближению» цен на локальных рынках.

Литература

1. Еремин С. Станет ли природный газ товаром мировой биржевой торговли? // Мировая экономика и международные отношения. 2016, том 60. №1. С. 82–92.

2. BP Statistical Review of World Energy June 2016 // bp.com/statisticalreview [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (дата обращения: 07.01.2017).
3. The Asian Quest for LNG in a Globalising Market // www.iea.org. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/PartnerCountrySeriesTheAsianQuestforLNGinaGlobalisingMarket.pdf (дата обращения: 07.01.2017).
4. Официальный сайт Futures Industry Association. [Электронный ресурс]. URL: https://fia.org/ (дата обращения 12.01.2017)

THE EVOLUTION OF NATURAL GAS MARKET IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Olga I.Degtyareva, Vyacheslav S.Dmitriev

Abstract. *The article presents an attempt to show the "evolutionary" development of a global gas market in the trend of globalization of the world economy. The authors proceed from the idea that the development of individual energy markets is universal, although it has its own specific features. In this regard, the assumption of the authors is that regional gas markets will follow historical path of formation of the global market by analogy with the oil industry.*

It is obvious that in the conditions of globalization of the world economy we see a gradual de-monopolization of the gas industry, which is characterized by quantitative and qualitative changes in the structure of the physical market and the international gas trade, the emergence of the "backup" in the form of commodity exchange, financial instruments, and changing pricing models. The article shows that such trends make the gas trade more global and broadly correspond to the development model of the world oil market.

The authors identify two groups of factors contributing to the "evolutionary" nature of the gas industry development: technological and market. The first is related to the intensive development of transportation technologies in the face of LNG, which helped to change the nature and direction of trade flows of gas on the world market. The second group of factors identified by the authors, is the growing demand for "blue fuel" in the world and the competitiveness of this energy source, as well as the emergence of an active exchange trade in natural gas, creating the possibility of risk management of fluctuations in the price of fuel.

In the end, the authors come to the conclusion that the process of liberalization of regional markets is changing the pricing mechanism, expand the geography and composition of trade resulting in more competitive environment.

In the future, we see the independence of gas prices from oil price and pricing models that will contribute to elimination of the existing differences in regional prices and their gradual convergence.

Key words: *globalization of gas trade, LNG, spot markets, pricing models, natural gas futures, convergence of prices.*

References

1. Eremin S. Stanet li prirodnyj gaz tovarom mirovoj birzhevoj torgovli? // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016, tom 60. №1. S. 82–92.
2. BP Statistical Review of World Energy June 2016 // bp.com/statisticalreview [E-resource]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf (data obrashcheniya: 07.01.2017).
3. The Asian Quest for LNG in a Globalising Market // www.iea.org. 2014. [E-resource]. URL:https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/PartnerCountrySeriesTheAsianQuestforLNGinaGlobalisingMarket.pdf (data obrashcheniya: 07.01.2017).
4. Official site of Futures Industry Association. [E-resource]. URL: https://fia.org/ (дата обращения 12.01.2017)

Информация об авторе
Дегтярева Ольга Ильинична
Кандидат экономических наук, доцент
Профессор кафедры менеджмента, маркетинга
и внешнеэкономической деятельности МГИМО МИД России
E-mail: olgadeg@mail.ru
Дмитриев Вячеслав Сергеевич
Соискатель
МГИМО МИД России
E-mail: dmitriev.v.s@my.mgimo.ru
Olga I.Degtyareva
Phd in Economics, Professor
Department of management, marketing and foreign economic activities
Moscow State Institute of International Relations (University), Russia
Vyacheslav S.Dmitriev
post graduate
Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

А. Н. ЗАХАРОВ

Аннотация. *В статье раскрываются важнейшие аспекты глобальной энергетической проблемы, даётся краткий анализ развития мировой энергетики до 2050 г. Показано, что обеспечение энергетической безопасности является важным звеном решения глобальной энергетической проблеммы, а также показаны пути повышения энергоэффективности РФ. В России энергоэффективность может стать залогом успеха развития экономики, поскольку наблюдаемое неэффективное использование энергии в энергетическом секторе препятствует устойчивому и динамичному росту ВВП. Устаревающая, а зачастую устаревшая инфраструктура, в электроэнергетике и централизованном теплоснабжении, требует срочных капиталовложений. Стимулирование инвестиций в модернизацию и повышение энергоэффективности может быть обеспечено за счёт следующих ключевых мер: снижение зависимости российского топливно-энергетического комплекса от импорта оборудования; инвестиции в развитие вэи; разработка наиболее рентабельных нефтегазовых запасов и изменение стратегии экспорта.*

Ключевые слова: *энергетическая безопасность, Международное энергетическое агентство (МЭА), Мировой энергетический совет (МИРЭС), государственно-частное партнёрство (ГЧП)*

Мировая экономика переживает сегодня весьма непростой период своей истории. Растущий разрыв между темпами роста энергоемких производств и сменой парадигмы мирового энергетического рынка — снижение доли невозобновимых энергоресурсов (нефть, газ, уголь), сложность политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, миграционный кризис в странах Евросоюза, замедление экономического роста Китая, а также реализация политики санкций в отношении России со стороны отдельных государств Запада вынуждают к изменению энергетических стратегий, перспективы которых во многом будут зависеть от того, кто и как будет осуществлять контроль над

сырьевыми и энергетическими ресурсами планеты. Борьба за доступ к источникам энергии приняла критический характер, государства стремятся обеспечить себя надёжными энергетическими ресурсами, установить контроль над энергетическими рынками за счет использования мер политического и экономического давления санкций, внедрения передовых технологий освоения и переработки традиционных углеводородных ресурсов, промышленного использования возобновляемых источников энергии, активно выступают транснациональные корпорации (ТНК). Через контроль над глобальными рынками, разработку передовых технологий освоения и использования сырьевых ресурсов, путем создания альтернативных источников энергии они ведут незримый бой за будущее мира.

В этой ситуации, создание глобальной энергетической системы является одним из важнейших приоритетов устойчивого развития, так как энергетика обеспечивает решение ряда глобальных проблем человечества и предупреждает их возникновение. Существует множество прогнозов и сценариев развития мировой энергетики в ведущих мировых специализированных организациях, приводится «количественный и качественный анализ показателей развития энергетической системы, показывающий глобальную энергетическую картину мира» [Трусов А. Д., Захаров А. Н., 1986, с. 110]. По расчетам экспертов, в период до 2050 года ожидается рост мирового спроса на энергию примерно на 50%, а на электроэнергию — почти на 100%. При этом на, около 1,2 млрд людей (17% от мирового населения), большинство из которых населяют Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральную Африку, продолжают жить без электричества. В этих условиях проблема надежного обеспечения потребителей конечными видами энергии в большинстве стран и регионов мира является более чем актуальной.

Глобальная энергетическая проблема

Глобальная энергетическая проблема заключается в необходимости обеспечения возрастающих потребностей человечества в энергетических ресурсах. На современном этапе она представляет собой тройную энергетическую задачу, состоящую в одновременном обеспечении:

— энергетической безопасности;
— доступа к энергоснабжению;
— экологической устойчивости.

Мировой энергетический совет (МИРЭС), являющийся одной из самых авторитетных неправительственных организаций, оказывающих влияние на формирование представлений о процессах, происходящих

на мировом энергетическом рынке, разработал концепцию так называемой «энергетической трилеммы»[24], предложив ее в качестве подхода к решению «глобальной энергетической проблемы, ориентированный на поддержку безопасной, доступной и экологичной энергии» [Мировой энергетический совет, 2014, с. 3].

Под **энергетической безопасностью** в данной концепции понимается «эффективная организация поставки первичной энергии из национальных и зарубежных источников, надежность энергетической инфраструктуры и способность поставщиков энергии удовлетворить текущий и будущий спрос» [Мировой энергетический совет, 2014, с. 3]. Необходимое выполнение условия **энергетического равенства** предполагает «наличие и доступность энергии для населения» [Мировой энергетический совет, 2014, с. 3]. Э**кологическая устойчивость** определяется как «эффективность предложения и спроса энергии, а также развитие предложения энергии из возобновляемых источников и других малоуглеродистых источников» [Мировой энергетический совет, 2014, с. 3].

Несмотря на тройственность проблемы, все же следует сказать, что обеспечению энергетической безопасности в рассматриваемой концепции уделяется основное внимание. Толчком к созданию концепции энергетической безопасности[25] на государственном и межгосударственном уровне послужил нефтяной кризис 1970-х годов, позволивший ОПЕК продемонстрировать свое политическое влияние за счет введения нефтяного эмбарго. На формирование стоимости нефти на мировом энергетическом рынке стали оказывать влияние не столько заключаемые долгосрочные контракты, сколько спекуляции на рынке деривативов. «До этого почти столетие цена на нефть не менялась, находясь под контролем крупных американских ТНК, нефть добывалась и продавалась по долгосрочным контрактам. Это был в полной мере рынок продавца, характеризовавшийся долгосрочным страхованием позиций и американским доминированием. С 1970-х годов картина стала меняться» [Телегина, 2015, с. 8–9].

---

[24] Мировой энергетической трилеммой называют поиск баланса между одновременным стремлением всего мира к энергетической безопасности, доступу к энергоснабжению и экологической устойчивости.

[25] Е. А. Телегина. Новое измерение глобальной энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. с.8–9. [Электронный ресурс]. URL:http://www.imemo.ru/files/File /magazines/meimo/11_2015/5_16_TELEGINA.pdf (дата обращения: 15.12.2016).

В свою очередь, Международное энергетическое агентство (МЭА)[26], организация, созданная с целью защиты интересов стран ОЭСР на энергетическом рынке определяет энергобезопасность как обеспечение бесперебойного доступа к энергетическим ресурсам по приемлемым ценам. Кроме того, она имеет несколько подтипов: энергобезопасность в долгосрочном периоде имеет дело со своевременными вложениями с целью обеспечить поставку энергоресурсов, учитывая экономическое развитие и не нанося вреда окружающей среде. Энергобезопасность в краткосрочном периоде подразумевает способность энергосистемы мгновенно реагировать на любые изменения баланса между поставками и спросом. Отсутствие энергетической безопасности может быть вызвано экономическими и социальными причинами, связанными либо с отсутствием доступа к энергии, либо с неконкурентоспособностью цен или их неустойчивостью. На мировом рынке нефти, где цены регулируются спросом и предложением, недоступность энергии сводится к минимуму. Энергетическая безопасность в первую очередь связана с резкими скачками цен.

В современных условиях, несмотря на увеличение числа негосударственных участников мирового энергетического рынка и роста их активности, «государства продолжают оказывать наибольшее влияние на национальную и глобальную энергетику» [Боровский, Международные процессы, 2014, с. 93]. На сегодняшний момент, основой энергетического рынка остаются отношения между государствами–экспортерами, государствами-импортерами и государствами, через территорию которых осуществляется транзит энергетических ресурсов.

В условиях усиливающейся конкуренции, роста противоречий, обусловленных в том числе, политическими целями, региональной нестабильностью, грозящими привести к критическому разбалансированию рынка энергоресурсов, энергетическая безопасность государств, как потребителей, так и поставщиков напрямую зависит от положения на мировых энергетических рынках. Сегодня возрастает роль энергетической дипломатии, механизма международного взаимодействия в энергетической сфере, направленного на обеспечение энергетической безопасности на национальном, региональном и глобальном уровне.

Следует отметить, что понятие энергетической безопасности государства, а значит и процесс ее обеспечения различными государствами

[26] Международное энергетическое агентство (МЭА); англ. International Energy Agency (IEA) — автономный международный орган в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

воспринимается в соответствии с особенностями их экономического и политического положения, наличия или ограничения энергетических ресурсов на собственной территории и т.д.

Российская Федерация предлагает осуществлять решение трех взаимосвязанных задач — энергетической безопасности, экономического роста и экологии, ориентируясь на эффективность принимаемых решений: по сокращению выбросов парниковых газов, глобальному улучшению состояния окружающей среды, укреплению энергетической безопасности и снижению уровня загрязнения атмосферы в сочетании с усилиями по сокращению масштабов энергетической бедности.

Мировые энергетические рынки: состояние и перспективы

Вектор развития и трансформации мирового рынка энергетики можно охарактеризовать как движение к регионализации энергетических рынков от общемирового энергетического рынка, что вызвано в том числе, и внедрением инновационных технологий добычи ресурсов. «Начало эффективной добычи сланцевой нефти и сланцевого газа важно как подтверждение того, что нетрадиционные углеводороды (битумы, матричная нефть, биогаз, газогидраты и др.) более равномерно распределены по планете, чем традиционные углеводороды. И хотя себестоимость добычи этих ресурсов выше, но зато они, как правило, разрабатываются рядом с районами потребления при минимальных затратах на транспортировку, и снимают проблемы ресурсных ограничений. Энергетическое противостояние смещается в область новых технологий добычи и переработки сырья» [Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир), 2015].

Согласно данным отчета всемирной сети по энергетической политике в области возобновляемой энергетики REN21 [Состояние возобновляемой энергетики 2016 Глобальный отчет, 2016, с. 7]: «В глобальном масштабе производства возобновляемого электричества в 2015 году по-прежнему осуществляется мощными генерирующими установками (мегаваттного класса и выше), принадлежащими крупным электроэнергетическим компаниям и инвесторам». Можно заметить, что частные компании принимают активное участие в развитии ВИЭ, но в большинстве случаев, при значительной государственной поддержке в рамках проектов государственно-частного партнерства. Согласно данным[27] о показателях возобновляемой энергетики за 2015 год политику поддержки ВИЭ в 2015 году проводили 173 страны. В то же время говорить

[27] Состояние возобновляемой энергетики 2016. Основные результаты. Глобальный отчет, 2016. С. 9.

о масштабе практического государственного интереса к ВИЭ в мире сложно поскольку, даже если в стране действует по крайне мере хотя бы одна политическая мера государственного или местного масштаба, считается, что в стране действует политика поддержки ВИЭ.

В мире активизируется развитие малой распределенной генерации, в первую очередь, в развивающихся странах: «Бангладеш является самым крупным в мире рынком для индивидуального солнечного энергообеспечения. В других развивающихся странах, таких как Кения, Уганда, Танзания в Африке; Китай, Индия, Непал в Азии; Бразилия и Гайана в Латинской Америке наблюдается быстрое распространение маломасштабных систем на ВИЭ, включая мини сети на ВИЭ для энергоснабжения населения в отдаленных от централизованного энергоснабжения территориях» [Состояние возобновляемой энергетики 2016 Глобальный отчет, 2016, с. 7].

Отмечается также, что «современная возобновляемая энергетика обеспечивает около 8% конечного энергопотребления для отопления и охлаждения зданий и в промышленности в основном за счет энергии биомассы и лишь в небольшой степени от солнечной тепловой и геотермальной энергии. При этом примерно три четверти мирового потребления тепла обеспечивается за счет органического топлива» [Состояние возобновляемой энергетики 2016 Глобальный отчет, 2016, с. 7].

Хотя суммарная мощность и выработка тепла на ВИЭ продолжает расти, в 2015 году произошло снижение показателей роста по всему миру, причиной которого стало падение цен на нефть. Данная тенденция проявлялась по регионам с существенными отличиями. В Европе в 2015 году происходила широкая интеграция солнечной энергии в ряд систем централизованного отопления. Что касается, то, несмотря на широкий интерес к системам централизованного охлаждения, использование ВИЭ в этих системах все еще довольно редко.

Так, например, ЕС к 2030 г. на 70% удовлетворит свои потребности в энергии за счет импорта нефти, газа и угля, США — на 40%, Япония — на 90% [1]. Многие латиноамериканские, африканские страны лишены собственной нефти и газа, а большинство из них и угля. Испытывают дефицит нефти Индия, Китай, Австралия, Пакистан, большинство государств Центральной, Восточной и Южной Африки. Учитывая задачи ООН по выравниванию уровней развития стран к 2030 г. (одной из целей устойчивого развития мира является обеспечение всеобщего доступа к недорогостоящим, надежным и современным энергетическим услугам), предполагается как минимум удвоение общемирового потребления энергии.

До 2050 г. нефть, газ и уголь сохранят доминирующую роль в первичном топливно-энергетическом балансе планеты, на их долю будет приходиться «до 70% вырабатываемой энергии, сегодня эта цифра превышает 80%» [Развитие мировой энергетики до 2050 года в прогнозах лауреатов и членов Международного комитета энергетической премии «Глобальная энергия», 2015]. Однако между этими ресурсами произойдёт перераспределение. Если сегодня первенство за нефтью, далее следуют уголь и газ, то в будущем газ выйдет на первое место за счёт его огромных запасов и экологичности.

Сохранение значимости углеводородов будет обеспечиваться за счёт более активного освоения их нетрадиционных источников, а именно сланцев и газовых гидратов. И в этом большая роль принадлежит комплексному использованию ресурсов [Трусов А. Д., Захаров А. Н., 1986, с. 110]. Уголь останется в тройке лидеров лишь при условии, что будут разработаны эффективные технологии, позволяющие улавливать и хранить углекислые газы, так как одной из серьезных проблем сегодня является влияние энергетики на климат.

Гидроэнергетика сохранит свои нынешние позиции на уровне 10%. Доля известных и уже широко применяемых в странах Европы возобновляемых (альтернативных) источников энергии (таких как солнце, ветер, энергия приливов и т.д.) также будет находиться на уровне[28] 10%. И здесь России для развития альтернативных источников энергии необходимо использовать зарубежный опыт государственно-частного партнёрства (ГЧП) развитых государств [Захаров, Овакимян, 2012, с. 12–24].

Несмотря на существующее сегодня негативное восприятие, роль атомной энергетики будет возрастать и составит около 8%. Относительная экологичность и доступность этой энергии позволит решить проблему «энергетического голода» и энергобезопасности.

Ожидается, что при сохранении доминантной роли углеводородов критическое значение будут иметь электростанции нового типа, разработанный для них цикл процессов позволяет улавливать весь углекислый газ и использовать его повторно для генерации электроэнергии. Дополнительное преимущество энергосистем — производство электричества по минимальной цене (на 30–40% дешевле в сравнении с угольными станциями). Первая подобная энергетическая установка мощностью 50 мегаватт заработает в США весной 2017 года.

[28] Развитие мировой энергетики до 2050 года в прогнозах лауреатов и членов Международного комитета энергетической премии «Глобальная энергия» [Электронный ресурс].URL: http://vygon.consulting/ pressroom/conferences/191/.(дата обращения: 19.05.2015).

Вместе с тем исследования Мирового энергетического совета позволяют сделать вывод о том, что сегодняшние подходы демонстрируют свою несостоятельность в реализации мировых стремлений к обеспечению доступа к энергообеспечению, энергетической безопасности и экологической устойчивости. Хотя среди лидеров как в государственном, так и частном секторах наблюдается понимание по многим необходимым мерам, единое видение характера, значимости и важности политических и институциональных рисков и их важности для инвестиций во многом отсутствует. По мнению экспертов Мирового энергетического совета, повышение эффективности использования энергоресурсов возможно достичь за счет изменения общепринятого подхода к взаимодействию на энергетическом рынке с масштабных универсальных решений к учету региональных и национальных контекстов, а также четко дифференцированных потребительских ожиданий.

Согласно исследованию Мирового энергетического совета в обозримом будущем нехватки ресурсов не прогнозируется. Открытие все новых ресурсов и появление новых технологий, которые способствуют извлечению нетрадиционных видов нефти и газа и повышают коэффициенты извлечения с существующих месторождений, уже привели к четырехкратному увеличению доступных запасов ископаемого топлива, и эта тенденция сохраняется. Оценивая структуру мирового топливо-энергетического баланса следует заметить, что согласно прогнозам до конца XXI века углеводородное топливо останется главным источником энергии. Однако будущее энергетики невозможно без возобновляемых источников энергии и атомной генерации, на которые сейчас приходится лишь 20 процентов мирового потребления. Отмечается общемировая тенденция к смене углеводородной парадигмы, с ориентацией на переход к низкоуглеводородной экономике, возобновляемой энергетике.

Вызовы и угрозы на мировом энергетическом рынке и возможные пути их преодоления участниками мирового энергетического рынка

Необходимо учитывать современные вызовы и угрозы, связанные с глобальной энергетической проблемой:

— обострение, по мере распространения социально-экономического прогресса, проблемы гарантированного, устойчивого, надёжного обеспечения нарастающих потребностей в энергоснабжении стран, особенно зависящих от импорта энергоносителей;
— стремительный рост населения планеты неизбежно увеличивает мировое энергопотребление.

На данном этапе решение энергетических проблем стран Запада не обладающих существенными энергетическими ресурсами, но фиксирующих у себя рост народонаселения и потребления энергии снижение цен на традиционные ресурсы оказывает положительное влияние. В то же время, из-за уменьшения прибыли ресурсодобывающих компаний, повлекшего за собой снижение вложений в поддержание и развитие добывающей и транспортной инфраструктуры, последствия в среднесрочной перспективе могут ощутить на себе также и они вследствие возможного сокращения предложения.

В качестве вызовов и угроз глобальной энергетической проблемы рассматриваемых странами-импортерами энергоресурсов можно выделить:

— Энергетическая зависимость от стран-экспортеров ресурсов;
— Киберугрозы, кибератаки на критическую инфраструктуру;
— Экстремизм, террорические атаки (подрывы трубопроводов, захват танкеров и т.д.);
— Экологические проблемы, последствия глобального потепления, способные повлиять на изменение климата;
— Нарушение поставок ресурсов вследствие саботажа, политической или нестабильности, региональных конфликтов;
— Использование энергетической дипломатии в целях манипулирования странами-импортерами.

Отсутствие доступа к нефти развитых и развивающихся стран требует от энергетических рынков поддержки постоянного баланса получения электричества и природного газа. Это имеет место в тех случаях, когда имеются ограничения пропускной способности или где цены на энергоносители не в состоянии работать в качестве регулирующего механизма, чтобы сбалансировать спрос и предложение в краткосрочной перспективе. Так, с момента образования МЭА обеспечение энергетической безопасности стран ОЭСР было его главной целью. Готовность коллективно противостоять перебоям в поставке нефти с применением механизмов, действующих в краткосрочном периоде, остается одним из ключевых аспектов деятельности МЭА. Обеспечение долгосрочной энергетической безопасности также стало одной из основных целей работы МЭА, что повлекло за собой необходимость развивать альтернативные энергетические ресурсы с целью снизить зависимость от нефтегазового импорта. МЭА активно занимается повышением энергетической безопасности в долгосрочном периоде разрабатывая энергетическую политику, которая увеличивает диверсификацию как видов энергии, так и источников её поставок и которая способствует лучшему

функционированию и более глубокой интеграции энергетических рынков [Захаров А. Н., Овакимян М. С., 2016, 177 с.].

В целях укрепления энергетической безопасности ЕС, Европейская комиссия представила комплекс мер, направленных на снижение зависимости от трубопроводных поставок импортируемого газа и включающих в себя такие аспекты, «как развитие ВИЭ, расширение мощностей по импорту СПГ и регазификации, хранилищ газа, а также новый порядок согласования сделок с третьими странами. Последний аспект может затруднить сотрудничество отдельных стран ЕС с Россией, так как они не смогут заключать внешние контракты без предварительного одобрения наднационального регулятора. Кроме того, для обеспечения стабильности на газовом рынке Еврокомиссия предлагает ввести «принцип солидарности» между странами-членами ЕС. Согласно нему требуется обеспечивать соседние страны газом в экстренном порядке в случае возникновения там дефицита поставок для населения» [Метаморфозы на рынках нефтепродуктов. Энергетический бюллетень № 33. Февраль 2016, 2016, с. 30].

Вызовы и угрозы глобальной энергетической проблемы для Российской Федерации и пути их преодоления

В условиях трансформации мирового энергетического рынка, стремления большинства стран к снижению доли использования углеводородов в качестве источников энергии, Российская Федерация, являясь одним из крупнейших экспортеров традиционных энергетических ресурсов сталкивается с необходимостью оптимизации своей энергетической стратегии, подразумевающей переход от экспортно-сырьевого развития экономики к ресурсно-инновационному развитию.

ТЭК Российской Федерации обеспечивает более четверти валового внутреннего продукта, формирует более половины доходов федерального бюджет и способен выступить локомотивом развития экономики. «Для поддержания нужного уровня следует далее стимулировать использование газа на общественном и железнодорожном транспорте, а также в грузовых автомобильных перевозках. Кроме того, необходимо рациональное природопользование с учётом зарубежного опыта на этом направлении» [Вступительное слово премьер-министра Российской Федерации Д. Медведева на Совещании о проекте Энергетической стратегии России на период до 2035 года, 2016].

Следует отметить существующую тенденцию к принятию на мировом энергетическом рынке политизированных решений, в частности, стремление ряда стран к минимизации энергетических отношений с Россией, даже в ущерб собственным экономическим интересам. Так, например, состав газа из месторождений Западной Сибири значительно превышает

по качеству австралийский газ. В Западной Сибири распространены так называемые наиболее экологически чистые «сухой» и «жирный» газы, содержащие малое количество вредных примесей (CO_2, H_2S). «Сухой» газ наиболее эффективен для поставок в электроэнергетику и «метановую» химию (удобрения и т.д.). Компоненты «жирного» газа эффективны для нефтегазовой химии и как моторное топливо. В то время как ««кислые» газы, распространенные в Австралии требуют специальной технологии подготовки и отделения вредных фракций (CO_2, H_2S и т.п.)»[Презентация к докладу президента Роснефти, 2013]. На снижение ресурсодобывающего и как следствие экспортного потенциала России нацелены вводимые западными странами ограничения на поставки в Россию «оборудования и технологий для развития нефтяной промышленности: освоения углеводородных ресурсов глубоководного шельфа, разведки и добычи углеводородов в Арктике, и добычи сланцевой нефти» [Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир), 2015].

Таким образом, в качестве вызовов и угроз Российской Федерации следует выделить:

— Смена мировой энергетической парадигмы(переход к ВИЭ);
— Тенденция глобального снижения цен на углеводороды;
— Высокий уровень инновационных разработок в сфере энергетики зарубежом при невысоком темпе инновационной активности в России;
— Политизация мирового энергетического рынка;
— Замедление потребления топливно-энергетических ресурсов на рынке в сравнении с ростом экономики;
— Ограничение атомной энергетики;
— Дискриминация российских энергетических компаний, экономические санкции;
— Снижение доли российских энергетических компаний на мировом энергетическом рынке.

Учитывая удобное географическое расположение российских газовых месторождений Россия имеет уникальную возможность увеличения экспорта газа на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона, где спрос на него растёт наиболее интенсивно, что в целом и послужит реализации наиболее рентабельных проектов и успеху в развитии экспортных поставок природного газа в Азию.

В этих условиях, ключевые рекомендации для развития и модернизации ТЭК России могут состоять в следующем:

— Снижение зависимости российского топливно-энергетического комплекса от импорта оборудования, комплектующих и запасных частей, услуг (работ) иностранных компаний и использования ино-

странного программного обеспечения. Среди мер поддержки российских производителей эффективными можно назвать налоговые и финансовые инструменты стимулирования энергетических компаний к использованию российской продукции.

— Диверсификация экспорта ТЭК**.** В условиях глобальных изменений на мировых рынках и растущей конкуренции необходима детально продуманная, взвешенная экспортная политика, которая предусматривает максимальное расширение направлений и форматов сотрудничества в области энергетики.
— Необходимо формирование новой энергетики, основанной на возобновляемых источниках энергии**,** на так называемой распределенной генерации, на использовании интеллектуальных сетей.
— Внедрение инновационных энергетических технологий;
— Осуществление модернизации отрасли за счет проектов государственно-частного партнерства;
— Особое внимание уделить эффективному регулированию и практическому применению законодательных и нормативных актов за счёт предоставления надлежащих полномочий и более оперативной координации деятельности федеральных органов власти и координации деятельности федеральных и региональных/местных органов власти, используя мониторинг и контроль за реализацией стратегий.
— Осуществление заявленного в Энергетической стратегии России на период до 2035 года перехода от экспортно-сырьевого к ресурсно-инновационному развитию экономики, в том числе к созданию импортозамещающих технологий.
— Исходя из понимания того, что конкурентоспособность российского ТЭК в длительной перспективе напрямую зависит не только от ресурсной базы, но и от степени развитости транспортной инфраструктуры, в качестве необходимых мер следует упомянуть, формирование и развитие транспортной инфраструктуры ТЭК, необходимость осуществления структурных изменений, в том числе, для открытия новых логистических возможностей включая Восток России, где задача построения транспортной инфраструктуры способствует реализации и российских геополитических интересов.
— Содействовать созданию более эффективных рынков энергии, в частности природного газа, нефти и электроэнергии, содействовать конкуренции, ужесточение стандартов корпоративного управления и повышение прозрачности рынков.
— Повышение уровня защиты критической инфраструктуры от киберугроз;

— Обеспечить разработку наиболее рентабельных нефтегазовых ресурсов России и повышение нефтеотдачи, максимальное использование экспортного потенциала нефти и газа, включая ускоренный переход на использование газа в транспорте. Устаревающая, а зачастую устаревшая инфраструктура в электроэнергетике и централизованном теплоснабжении, требует срочных капиталовложений. Стимулирование инвестиций в модернизацию и повышение энергоэффективности России может быть обеспечено за счёт разработки наиболее рентабельных нефтегазовых запасов и изменения стратегий экспорта. Объёмы добычи и экспорта российской нефти в долгосрочной перспективе, вероятно, снизятся. Чтобы поддержать высокий уровень добычи жидких углеводородов и тем самым предотвратить спад, связанный с истощением зрелых месторождений Западной Сибири, необходимо следующее: разработка месторождений сланцевой нефти, увеличение коэффициента извлечения нефти (КИН), освоение новых месторождений в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике. Из всего вышеперечисленного меньше всего внимания уделяется вопросу повышения КИН.

В заключении стоит отметить, что российская экономика по-прежнему остается в значительной степени неэффективной. В России на производство единицы ВВП расходуется в два раза больше энергии, чем в странах — членах МЭА [Захаров, Овакимян, 2016, 177 с.]. Проводимые меры пока не привели к заметному улучшению ситуации, а инфраструктура электроэнергетики и систем централизованного теплоснабжения устаревает и требует срочных крупных капиталовложений. Большая роль здесь отводится развитию международных проектов с участием российских энергетических компаний. Кроме того, в Российской Федерации важно развивать государственно-частное партнёрство, которое, как показывает опыт зарубежных государств, является существенным источником получения частных инвестиций в развитие ТЭК [Захаров, Овакимян, 2012, с. 12–24]. При этом, необходимо принимать во внимание современные вызовы и угрозы, вызванные глобальной энергетической проблемой.

Литература

1. Боровский Ю. // Международные процессы. Том 12. Номер 3 (38). Июль–сентябрь. 2014: электронный научный журнал. [Электронный ресурс]. URL: www.intertrends.ru/thirty-eighth/Borovskiy.pdf (Дата обращения: 12.12.2016).
2. Вступительное слово премьер-министра Российской Федерации Д. Медведева на Совещании о проекте Энергетической стратегии России на пери-

од до 2035 года.22 декабря 2016 года. Официальный электронный ресурс Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/news/25812/ (дата обращения: 15.12.2016).
3. Выступление И. И. Сечина на Саммите энергетических компаний ПЭФМ «Мировые рынки углеводородов на развилке: сокращение инвестиций в условиях неопределенности или управление рисками?». Сайт компании Роснефть. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/attach/0/03/ Vystuplenie.pdf (дата обращения: 28.12.2016).
4. Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир) /под ред. д.э.н. Шафраника Ю. К. — М.: ИД «Энергия», 2015, 88 с.
5. Захаров А. Н., Овакимян М. С. Использование зарубежного опыта государственно-частного партнёрства в решении экономических задач России (на примере Франции) // Российский внешнеэкономический вестник. 2012, №6. С. 12–24
6. Захаров А. Н., Овакимян М. С. Топливно-энергетические комплексы ведущих стран мира (России, США, Франции, Италии) : учеб.пособие — 2-е изд., доп. — М.: МГИМО — Университет. 2016. — 177 с.
7. Захаров А. Н., Зокин А. А. Методы оценки конкурентоспособности. Российский внешнеэкономический вестник. 2002, № 12. С. 59–63
8. Захаров А. Н. Рациональное природопользование в условиях глобализации: международная практика и российская действительность. Российский Внешнеэкономический вестник. 2003, № 8. С. 38–45
9. Метаморфозы на рынках нефтепродуктов. Энергетический бюллетень № 33.Февраль 2016. Официальный сайт аналитического центра при правительстве Российской Федерации. Электронный ресурс: http://ac.gov.ru/files/publication/a/7908.pdf (Дата обращения: 28.12.2016)
10. Презентация к докладу Президента Роснефти, 2013. Сайт компании Роснефть [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_news/176 785/present.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
11. Развитие мировой энергетики до 2050 года в прогнозах лауреатов и членов Международного комитета энергетической премии «Глобальная энергия» [Электронный ресурс].URL:http://vygon.consulting/ pressroom/conferences/191/ (дата обращения: 19.05.2015)
12. Телегина Е. А. Новое измерение глобальной энергетической безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 5–16. [Электронный ресурс]. URL:http://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2015/5_16_TELEGINA.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
13. Трусов А. Д., Захаров А. Н. Комплексное использование сырьевых ресурсов: пути повышения экономической эффективности в условиях НТП. М.: Экономика. 1986. — 110 с.

MAJOR TRENDS OF GLOBAL ENERGY ISSUES

Alexander N.Zakharov

Abstract. *The article describes key aspects of global energy issues, a brief analysis of world energy development until 2050. Shows that energy security is the main purpose of the International energy Agency since its formation, and shows ways to improve the efficiency of the Russian Federation. In Russia, energy efficiency may be the key to the success of the development of the economy, since the observed inefficient use of energy in the energy sector hinders the sustainable and dynamic growth. Aging, and often obsolete infrastructure in the electricity and district heating, requires urgent investments. To encourage investment in modernization and increase of energy efficiency can be achieved through the following key measures: regulated tariffs; access to Finance and fiscal incentives; development of the most cost-effective oil and gas reserves and the change in export strategy.*

Key words: *energy security, International Energy Agency (IEA), World Energy Council (WEC), public-private partnership (PPP)*

Информация об авторе
Захаров Александр Николаевич
Доктор экономических наук, профессор
МГИМО МИД России, кафедра мировой экономики — профессор
Эл.почта: a.zakharov@mgimo.ru
Alexander Zakharov
Doctor of Economic Sciences, Professor
World Economy Department,
MGIMO–University
E-mail: a.zakharov@mgimo.ru

ТНК КИТАЯ КАК СУБЪЕКТ ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Д. Б. КАЛАШНИКОВ

Аннотация. *Как правило, акцент делается на исследовании зарубежной деятельности ТНК и ее соответствии национальным интересам. Однако «открытие» экономики означает превращение внутреннего рынка в часть глобального, и «домашняя» деятельность ТНК также должна рассматриваться как интеграция национальной экономики в глобальную. В настоящей работе предпринята попытка исследовать ТНК как подчиненную подсистему национальной экономики на стыке теорий мировой экономики и финансов. Глобальная экономика монополизирована ТНК, и менее развитая страна сразу встретится с ними на внутреннем рынке. Гипотеза исследования предполагает, что в отсутствие времени на естественное развитие бизнеса, решение проблемы для Китая заключается в создании государством системы корпораций, которые присущими современным ТНК офшорными инструментами смогут конкурировать с лидерами глобальной экономики. Выдвинутая на основе теоретических работ гипотеза требует фактов, которые могут свидетельствовать о ее достоверности. Для их поиска применяется системный подход, основанный на изучении комплекса факторов, взаимосвязанных с развитием ТНК Китая, анализируются статистические данные КНР, Гонконга, ЮНКТАД 2005–2015 гг., сайтов 107 крупнейших нефинансовых ТНК Китая и финансовая отчетность 33 из них. Совокупность фактов и статистических материалов подтвердили принципиальную возможность использования китайским государством хотя бы части своих компаний для защиты внутреннего рынка и производственной базы с помощью офшорных схем. Выявлена способность государства контролировать бизнес путем финансовой и ресурсной зависимости. Сделано предположение, что обеспечение доступа своих компаний к кредиту и промежуточным продуктам национальной промышленности по трансфертным ценам является конкурентным преимуществом ТНК Китая. Выявлено, что у Гонконга только*

два крупных инвестиционных партнера, и он имеет особое значение для госкорпораций, архитектура финансовых потоков которых приобретает черты, свойственные современным ТНК. Сделан вывод о завышении мировой базы статистики инвестиций из-за промежуточной роли Гонконга и его участия в круговом движении капитала. Показан положительный эффект финансового рычага для предприятий Китая, возникающий с ростом корпоративной задолженности.

Ключевые слова: *Китай; ТНК; Гонконг; офшор; госкорпорации; долги.*

Введение. Более 30 лет Китай удивляет не только ростом основных показателей национальной экономики, но и стремительным изменением своего места в относительно консервативных структурах мировой экономики. Несмотря на обилие научной синологической литературы, по-прежнему дискуссионными остаются вопросы об истинных целях экономических реформ, о планах развития частного сектора экономики, об оценке роста корпоративной задолженности (благо или угроза), о возможности принятия китайскими предприятиями самостоятельных решений по «выходу за рубеж», об источниках международных конкурентных преимуществ Китая, об условиях применимости китайского опыта глобализации к другим менее развитым странам и другие.

Тема взаимоотношений ТНК с национальной экономикой стран базирования раскрыта на примере многих стран, и основной акцент исследования, как правило, сделан на зарубежной деятельности ТНК и ее соответствии национальным экономическим интересам. Однако «открытие» экономики означает превращение внутреннего рынка в часть глобального, таким образом, «домашняя» деятельность ТНК также должна рассматриваться как интеграция национальной экономики в глобальную.

В настоящей работе предпринята попытка продолжить изучение роли ТНК Китая в обеспечении национальных интересов в процессе интеграции экономики КНР в мировое хозяйство на новом уровне. Во-первых, перенести акцент исследования с микроэкономических на макроэкономические условия работы корпораций, в некоторой степени представить их как пассивных участников процесса, как подчиненную подсистему национальной экономики. Во-вторых, совместить в одной гипотезе наработки, сделанные на стыке нескольких направлений: теории догоняющего развития, связанные с углублением интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей в контексте обеспечения национальных экономических интересов; теоретические разработки участия государства в регулировании современной рыночной экономики, концепция государственного капитализма; тео-

ретические основы операционной и финансовой деятельности современных ТНК, использования ими офшоров.

Теоретики глобализации выявили роль ТНК как ведущего субъекта формирования мирохозяйственных связей, а также обосновали потенциальные выгоды национальной экономики, участвующей в интеграционных процессах. И теория, и практика свидетельствуют о том, что модернизация экономики и сокращение отставания от развитых стран сопровождается развитием национальных ТНК. Интересна работа коллектива авторов под руководством проф. Я. М. Миркина[29], в которой систематизированы общие черты успешных моделей догоняющего развития 5 азиатских стран через призму финансовой политики.

Большое количество «микроэкономических» теорий объясняют транснационализацию компаний преимущественно потребностями корпораций в реализации конкурентных преимуществ высокого порядка, подчеркивают их независимость от государства, противопоставляют ТНК национальным экономикам. Теоретическое осмысление японского и корейского опыта транснационализации допустило возможность преобладания макроэкономических целей и интересов государства, иногда в ущерб прибыльности корпораций. Все чаще в научных работах анализируются факты экономической, политической, дипломатической и даже военной поддержки западными государствами своих ТНК, которые, в свою очередь, ведут бизнес, руководствуясь не только экономическими мотивами. Таким образом, развитие теоретической мысли допускает, что на глобальных рынках конкурируют не ТНК, а национальные экономические системы.

Исследователи связывают деятельность современных ТНК с использованием офшоров, что позволяет минимизировать налогообложение, осуществлять скрытое межотраслевое субсидирование, ценовую дискриминацию, искажать отчетность, а также с бюджетно-финансовым централизмом, кредитованием покупателей для нивелирования дисбаланса между производством и объемом платежеспособного спроса и т.д.

Теоретические основания исследования. Многие сферы глобальной экономики монополизированы ТНК развитых стран. Включение менее развитой страны в мирохозяйственные связи означает практически безоговорочное принятие установленных развитыми странами правил: открытие внутреннего рынка, неодобрение прямого бюджетного

[29] Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / под ред. Я. М. Миркина. М. : Магистр, 2014. 496 с.

субсидирования, интеграцию в производственные цепочки западных ТНК на низших позициях, давление на обменный курс национальной валюты. Мировой опыт богат примерами последующей потери контроля над национальными производственными комплексами и рынками. Возникает вопрос обеспечения экономических интересов менее развитых стран, которые в процессе интеграции в мировое хозяйство сразу столкнутся с западными ТНК.

Китай глобализируется позже, и имел возможность изучить накопленный опыт и извлечь уроки, чтобы избежать некоторых ошибок. Однако Китай отличается большой дифференциацией уровня социально-экономического, технологического и инновационного развития регионов, а также выдающимися макроэкономическими показателями на фоне низких душевых, что приведет к новой модели глобализации национальной экономики.

Китайские ученые Ли Бинь и Чень Гуан отмечают, что Китай ощущает давление западных ТНК, а степень монополизации ими глобального рынка возрастает, и делают вывод, что для строительства равных отношений с развитыми странами Китаю необходимо усиление государства (при этом правительственные функции должны адаптироваться под требования мирового империализма) и контроль над ключевыми производственными цепочками[30].

Ван Бицзюнь анализирует угрозы национальной экономике, связанные с приходом западных ТНК, и связывает промедление в открытии многих секторов западным инвесторам с неготовностью китайских предприятий к конкуренции с ними[31], и подчеркивает принципиальную важность сохранения в Китае госпредприятий.

Почетный профессор экономики Терутомо Озава в одном из недавних исследований выдвинул предположение о взаимоотношениях государства и ТНК: «nation states as the gatekeeper for foreign MNCs' entry in the home market must formulate appropriate policies to harness and maximize the benefits of inward FDI and simultaneously nurture national firms as their own MNCs that will bring home gains from overseas business

[30] Ли Бинь, Чень Гуан. Куаго лундуань цзыбэнь юй шицзе чжэнчжидэ синь бьяньхуа (Транснациональный монополистический капитал и новые изменения в мировой политике). // Журнал Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи (Мировая экономика и политика). Пекин. 2014. №6. С. 120–144.

[31] Ван Бюцзюнь. Чжунго цаньюй цюаньцю тоуцзы чжилидэ цзиюй юй тьяочжань (Возможности и вызовы участия Китая в управлении глобальными инвестициями) // Журнал Гоцзи цзинцзи пинлунь (Международное экономическое обозрение). Пекин. 2014. №1. С. 94–109.

operations. Therefore, there necessarily arise close links and interplays between state and industry in their national efforts to industrialize by bringing up indigenous enterprises during the course of catch-up growth»[32] [Ozawa, 2014, с. 11].

Академик Сергей Глазьев в докладе Изборскому клубу отмечает ключевые черты экономической модели КНР: «Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешёвого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство обеспечивает доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции» [Глазьев, 2015, с. 15]. Также С. Глазьев подчеркивает, что китайское государство использует рыночные механизмы для достижения запланированных показателей.

Современную банковскую систему КНР «можно было бы интерпретировать как отход Китая от централизации и перераспределения инвестиционных ресурсов. Однако есть предположение, что финансирование из государственного бюджета замещено кредитами государственных банков», — пишет А. Д. Верников. И продолжает: «В этом состоит существенное отличие от Китая, где кредиты специализированных государственных банков вписаны в государственный бюджет страны и долгосрочную стратегию экономического роста. Китайские банки действительно являются частью закрытой системы и фактически служат рычагами, с помощью которых правительство КНР контролирует экономику. … CBRC и Народный банк Китая признают в своих отчетах, что до банков доводятся задания по объему кредитной экспансии в целом и по конкретным направлениям в разрезе отраслей и регионов. Эти задания вытекают из структурной политики правительства КНР и параметров пятилетнего плана развития. …Наряду с кредитованием государственных предприятий и проектов есть некоторые операции квазифискального характера, направленные на скрытое финансирование органов государственной власти» [Верников, 2015, с. 114–115].

[32] «национальные государства должны защищать от иностранных ТНК вход на домашний рынок, сформулировать такую политику, которая позволит использовать и максимизировать выгоды от притока ПИИ, и одновременно развивать национальные фирмы до уровня ТНК, которые смогут принести национальной экономике выгоды от зарубежных операций. Таким образом, обязательно возникают тесные связи и взаимодействие между государством и предприятиями, которые совместными усилиями на благо нации создают компании-лидеры в период догоняющего развития».

Ученые из Австралии сделали финансовый анализ структуры стремительно растущего корпоративного долга более 2 тыс. китайских компаний, прошедших листинг на шанхайской и шэньчжэньской биржах[33]. Они отмечают, что организационная структура государственных компаний стала настолько сложной, что невозможно четко разделить государственные предприятия от частных. В строительстве и недвижимости заемные средства составляют около 80% валюты баланса компаний, в сельском хозяйстве и добывающей промышленности — 45–50%, во всех остальных отраслях — 55–65%. Исследование показало, что растет не только объем банковских кредитов, но и задолженность компаний друг другу, что является беспроцентным кредитом.

Американские исследователи подчеркивают, что будущее двустороннее инвестиционное соглашение США и КНР должно найти способ обеспечить работу китайских госпредприятий исключительно с коммерческими целями не только за рубежом, но и на домашнем рынке[34]. Современная работа корпораций Китая названа «нечестной», «покрытой тайной».

В монографии В.Д. Джохадзе раскрыта финансовая архитектура современных ТНК, способы ценовой дискриминации и минимизации налогообложения с помощью офшоров, показана важнейшая роль кредитования для продвижения их товаров потребителям. Автор резюмирует, что «повышается степень кредитно-финансового централизма ТНК: все большие ресурсы сосредотачиваются в «налоговых гаванях», все большая часть используемых дочерними компаниями средств становится «заемной» (формально они принадлежат дочернему обществу в «налоговом оазисе», а фактически находятся в распоряжении ТНК как единого целого» [Джохадзе, 2013, с. 56].

Несмотря на жесткую антиофшорную позицию, Б.А. Хейфец признает теоретическую возможность использовать офшоры в интересах государства[35].

В исследовании «Офшоры в глобальной экономике» Центра ситуационного анализа РАН, подготовленном под руководством академика

---

[33] Ivan Roberts and Andrew Zurawski. Changing Patterns of Corporate Leverage in China: Evidence from listed companies. China's new sources of economic growth : reform, resources and climate change. Volume 1 / editors: Ligang Song, Ross Garnaut, Cai Fang, Lauren Johnston. Australian National University Press. 2016. 518 с. С. 271–312.

[34] Sean Miner and Gary Clyde Hufbauer. State-Owned Enterprises and Competition Policy: the US Perspective. Сборник статей Toward a US-China Investment Treaty. Washington. Peterson Institute for International Economics. 2015. 46 с. С. 16–23.

[35] Хейфец Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы. М.: Институт экономики РАН, 2013. 63 с. С. 31.

Евгения Примакова[36], отмечается, что «китайские компании широко используют офшорные территории как часть стратегии внешнеэкономической экспансии. Офшорами пользуются большинство крупнейших компаний; в отличие от российской практики, эта деятельность осуществляется в рамках государственных программ зарубежных инвестиций. Цель использования офшоров — повышение конкурентоспособности китайского промышленного экспорта и зарубежное инвестирование в инфраструктуру и добычу сырья, а также обретение более широкого доступа к производственным сферам и финансовым ресурсам, являющимся предметом специального регулирования. Имеют значение доступ к гонконгским финансовым средствам (прямое кредитование, привлечение финансовых средств, номинированных в юанях, выпуск юаневых бондов на Гонконгской бирже), равно как листинг на зарубежных биржах китайских компаний, работающих в закрытых для иностранцев отраслях китайской экономики. В то же время фактор налоговой экономии при осуществлении прямых иностранных инвестиций теряет свою актуальность, т. к. в 2010 г. для совместных предприятий были отменены налоговые вычеты. Потери китайского бюджета от использования национальными компаниями офшорных схем не оценивались в т. ч. потому, что на данном этапе движение капитала воспринимается как одно из направлений интеграции Китая в мировую экономику и происходит под контролем государства. В 2011 г. китайским компаниям было разрешено оставлять прибыль на офшорных банковских счетах без ограничений по времени и сумме».

Итак, более 400 тысяч филиалов ТНК пришли в Китай (почти половина всех зарубежных филиалов ТНК в мире), и они не скрывают своих стратегических целей захвата быстро растущего китайского рынка в надежде на выполнение Китаем принятых на себя при вступлении в ВТО обязательств[37]. Как справиться с этим нашествием?

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования предполагает, что в отсутствие времени на естественное развитие и транснационализацию бизнеса, решение проблемы для Китая заключается в создании государством системы корпораций, которые присущими современным ТНК офшорными инструментами будут конкуриро-

[36] Офшоры в глобальной экономике: мировой опыт и российские реалии. ЦСА РАН, апрель 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1962493 (дата обращения: 15.11.2016).

[37] Цзяжу WTO юй Чжунго дуйвай цзинмао гуаньси (Вступление в ВТО и внешнеэкономические связи Китая). Чэнду. Издательство Сычуань Жэньминь, 2001, с. 256. С. 3–75.

вать с лидерами глобальной экономики, в первую очередь защищая домашние рынки, а затем и за рубежом. Неотъемлемыми условиями жизнеспособности гипотезы являются способность государства осуществлять комплексное стратегическое управление развитием ТНК всех форм собственности, а также наличие особых международных конкурентных преимуществ национальной экономики, недоступных иностранным ТНК. Такими преимуществами предположительно являются национальная производственная база и рост на основе кредита. Фактор стоимости труда здесь не работает, так как он равнодоступен и пришедшим западным ТНК. Кроме того, с самого начала реформ, китайские руководители и ученые рассматривают свое население не как дешевую рабочую силу, а как огромный рынок с потенциалом роста.

Методология исследования. Выдвинутая на основе теоретических работ гипотеза требует фактов, которые могут свидетельствовать о ее достоверности. Для их поиска применяется системный подход, основанный на изучении комплекса факторов, взаимосвязанных с развитием ТНК Китая, последовательно анализируются доступные источники информации. Методологическую помощь в создании программы исследования оказала монография Н. Х. Вафиной[38]. В исследовании использованы методы индукции и дедукции, обобщения и типологии, экспертной оценки, а также экономико-математические методы. Некоторые выводы требуют одновременной опоры на несколько, на первый взгляд не взаимосвязанных, видов анализа. Поэтому в статье принята следующая схема изложения материала: вид проведенного анализа — представляющие интерес факты — интерпретация фактов в контексте гипотезы.

В настоящем исследовании под ТНК, согласно определению ЮНКТАД[39], понимается любая компания, контролирующая активы хотя бы одного зарубежного подразделения (путем владения не менее 10% его обыкновенных акций, либо эквивалента для подразделений некорпоративных форм собственности). Статистика КНР рассматривает все экономические связи с Гонконгом как зарубежные.

Материалы исследования. Фактологической базой работы послужили документы государственных органов КНР и Гонконга, статистические данные КНР, Гонконга, ЮНКТАД, данные мировых информационных агентств, отечественные и зарубежные научные труды, данные сайтов

[38] Вафина Н. Х. Транснационализация производства в свете теории самоорганизации экономических систем. М.: Издательство КГФИ, 2002. с. 316.

[39] ЮНКТАД [электронный ресурс]: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/Transnational-corporations-(TNC).aspx (дата обращения: 10.10.2016).

107 крупнейших нефинансовых ТНК Китая. Период исследования охватывает 2005–2015 гг.

Процедура исследования. Сначала анализируются макроэкономические показатели, отражающие деятельность всех ТНК Китая, в т. ч. инвестиционные потоки Гонконга. Далее обрабатываются доступные данные 100 крупнейших нефинансовых ТНК Китая, в т. ч. финансовый анализ 33 из них, которые представили консолидированную финансовую отчетность. Затем осуществляются уточняющие виды анализа официальных документов, деловых новостей и обзоров, экспертных мнений.

Описание исследования. 1) Структурный анализ географического распределения и отраслевой принадлежности потоков и накопленных ПЗИ Китая, а также 2) типологический анализ количества филиалов на одну ТНК, размера инвестиционных проектов в расчете на одну ТНК и на один филиал в региональном и отраслевом разрезе. Источники информации — ежегодники Министерства Коммерции КНР Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment[40] и Report on Development of China's Outward Investment and Economic Cooperation[41], а также данные альтернативной статистики организации The American Enterprise Institute and The Heritage Foundation[42] (учитывает только крупнейшие потоки свыше 100 млн долл.).

По данным официальной статистики, на протяжении 2005–2015 гг. от 47 до 69% как годовых потоков, так и накопленных ПЗИ Китая, приходилось на Гонконг. От 27 до 64% потоков ПЗИ, и от 38 до 51% накопленных ПЗИ приходилось на «финансы» и «лизинг и деловые услуги». По данным альтернативной статистики потоков ПЗИ доля Гонконга равна нулю, а на финансы и деловые услуги приходится от 1 до 12% (за исключением 2007 г.).

В конце 2014 г. в материковом Китае имелось 18,5 тыс. ТНК, имевших 29,7 тыс. зарубежных филиалов, из них 9 тыс. в Гонконге. Количество филиалов на 1 ТНК за 2008–2014 гг. незначительно увеличилось с 1,4 до 1,6. Средняя величина накопленных ПЗИ на один филиал в Гонконге и офшорах Латинской Америки в 2008–2014 гг. составляла 54–66 млн долл. на один филиал, в остальных регионах мира — 3–17 млн долл. (и до 24 млн долл. в Австралии). Средняя величина накопленных ПЗИ на одну китайскую ТНК в 2010–2013 гг. составила 174–241 млн долл.

[40] «Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао», издается с 2003 г., на кит. языке.

[41] «Чжунго дуйвай тоуцзы хэцзо фачжань баогао», издается с 2010 г., на кит. языке.

[42] [Электронный ресурс]. URL: http://www.heritage.org/research/projects/china-global-investment-tracker-interactive-map/china-global-investment-tracker-interactive-map (дата обращения: 23.10.2016).

в сфере лизинга и деловых услуг, 107–224 млн долл. в добывающей промышленности, 104–132 млн долл. в области транспорта и логистики, и 3–67 млн долл. в других отраслях.

Можно увидеть, что около 70% китайских ТНК являются малыми предприятиями, имеющими всего 1 зарубежный филиал, и осуществляют ПЗИ напрямую в страны назначения. Сам факт массового выхода малого бизнеса за рубеж свидетельствует о том, что за ним стоит государство. Крупные китайские ТНК осуществляют крупные проекты через офшоры, что также поддерживает гипотезу исследования.

3) Структурный анализ географического распределения и отраслевой принадлежности потоков и накопленных ПИИ и ПЗИ Гонконга по данным Департамента статистики правительства САР Гонконг[43], в т. ч. анализ встречных потоков. Такой шаг исследования продиктован естественным желанием узнать дальнейшее направление движения китайских ПЗИ из Гонконга.

Установлено, что у Гонконга всего два основных инвестиционных партнера — материковый Китай и Британские Виргинские острова (БВО). В 2005–2014 гг. на них приходилось 76–88% потоков и 81–84% накопленных ПЗИ Гонконга, а также 64–70% потоков и 52–96% накопленных ПИИ Гонконга. Следующие несколько мест, с существенным отрывом, занимают прочие офшоры. Суммарные потоки ПЗИ Китая и Гонконга, за вычетом взаимных инвестиций, несколько меньше ПЗИ одного Гонконга.

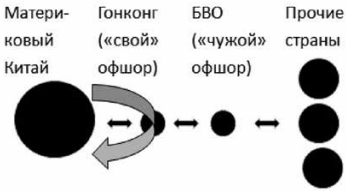
Преобладает движение капитала из Гонконга в Китай, при этом в 2005–2012 гг. сальдо составляло 2–75 млрд гонк. долл., в 2013 г. резко возросло до 350 млрд , а в 2014 г. — до 416 млрд гонк. долл. И это несмотря на то, что доля Гонконга в китайских ПИИ и ПЗИ была стабильна, а абсолютная величина потоков китайских ПЗИ увеличивались опережающими темпами, т. е. стоило бы ожидать оттока капитала из Китая в Гонконг.

Можно предположить, что во взаимоотношениях материкового Китая и Гонконга существует описанное в литературе круговое движение капитала, часть приходящего в Гонконг потока продолжает движение в сторону БВО и прочих офшоров и далее в страны назначения, а часть потока возвращается назад в Китай (см. рис. 1). Такое движение может свидетельствовать о потребности корпораций в оффшорных схемах для работы на внутреннем рынке. Движение капитала из Китая и в Китай через двойную цепочку офшоров («свой» и «чужой») все больше

[43] Департамент статистики правительства САР Гонконг, таблицы 45–51. [Электронный ресурс]. URL: http://www.censtatd.gov.hk/hkstat/quicklink/index.jsp (дата обращения: 10.10.2016).

трансформирует Гонконг из офшора в инструмент внешнеэкономической политики КНР, и существенно завышает мировую базу статистики ПЗИ, занижая роль реальных мировых инвесторов.

Рис. 1. Инвестиционные связи Гонконга.



4) Сравнительный анализ места ТНК материкового Китая в рейтингах 100 крупнейших нефинансовых ТНК Китая[44] (составляется с 2011 г.), рейтингах ТНК ЮНКТАД[45] и крупнейших компаний Fortune Global 500[46].

Увеличение веса китайских компаний в рейтингах, отражающих внутреннюю деятельность, заметно опережает рост их позиций в рейтингах, отражающих зарубежную деятельность. Более половины крупнейших ТНК Китая (56 из 100) не входят в рейтинг крупнейших компаний мира Fortune Global 500 (в него в 2015 г. вошли 98 корпораций материкового Китая), и наоборот, не все китайские предприятия, попавшие в рейтинг Fortune Global 500, являются крупными ТНК. Китайские корпорации занимают около 20% мест рейтинга крупнейших компаний мира, и только 2% мест рейтинга крупнейших ТНК мира. На протяжении 2011–2015 гг. индекс транснационализации[47] 100 крупнейших ТНК Китая остается на уровне 13,6%, что чрезвычайно мало на фоне 38% для крупнейших ТНК развивающихся стран и 61% — мира.

Такие данные подтверждают гипотезу исследования, только 13,6% операционной деятельности крупнейших ТНК Китая приходится на зарубежные страны (из них более половины на Гонконг), а 86,4% — на работу на внутреннем рынке, что свидетельствует и о наличии домашней индустриальной базы.

---

[44] China Enterprise Confederation / China Enterprise Directors Association, рейтинг 100 крупнейших ТНК Китая 2015 г. [электронный ресурс]. http://www.cec-ceda.org.cn/view_sy.php?id=29349 (дата обращения: (24.09.2016).

[45] World Investment Report / UNCTAD: Geneva. 2016. Annex table 24–25.

[46] Fortune (China) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fortunechina.com/fortune500/node_65.htm (дата обращения: 30.09.2016).

[47] World Investment Report / UNCTAD: Geneva. 2016. Annex table 24 примечание «b».

5) Типологический анализ развития организационной и отраслевой структуры 100 крупнейших нефинансовых ТНК Китая, на основе данных их официальных интернет-сайтов.

82 из 100 крупнейших ТНК — госкорпорации. У большинства ТНК есть финансовый филиал в Гонконге, организационная структура постоянно усложняется и включает дочерние акционерные компании, ярко выражен процесс укрупнения путем присоединения действующих компаний, ярко выражен процесс диверсификации отраслевой структуры.

Можно увидеть, что улучшение позиций китайских корпораций в рейтинге Fortune Global 500 связано не с выдающимися управленческими решениями, а с механическим ростом из-за искусственного объединения нескольких предприятий или корпораций в одну, с соответствующим увеличением совокупных экономических показателей.

Но почему китайскому государству недостаточно создать многоотраслевой концерн, соединив под одной вывеской металлургический комбинат с торгово-развлекательным центром? Для чего поощряется работа корпораций через финансовые филиалы в Гонконге? Западная мотивация минимизации налогообложения в ущерб государственным интересам, равно как и российский мотив защиты собственности, вряд ли уместны, так как Гонконг является «черным ящиком» только для внешних наблюдателей, но не для властей КНР. Можно предположить, что подконтрольная государству офшорная минимизация налогообложения своих госкорпораций является их скрытым субсидированием. Законным способом, распространенным в глобальной рыночной экономике. Американские ТНК тоже не доплачивают налоги, чем вызывают возмущение общественности, но еще ни одно расследование Конгресса или Сената не было доведено до конца[48], что косвенно свидетельствует о поощрении офшорных методов государством. Скорее всего, Китай не изобретает, а лишь адаптирует американский опыт глобального ценообразования рыночными методами.

Западные ТНК используют ряд рыночных механизмов, которые отражают перераспределение доходов внутри производственных цепочек, что выражается в альянсах ТНК, перекрестном владении акциями, субординированных кредитах, портфельном инвестировании. Таким образом, при совместном участии во владении предприятиями нескольких отраслей, можно добиться перераспределения прибылей и убытков между ними. Но наибольших результатов ТНК

[48] Богаевская О. В. Американские корпорации: механизмы сохранения лидерства в глобальной экономике М.: ИМЭМО РАН, 2012. 94 с. С. 72–85.

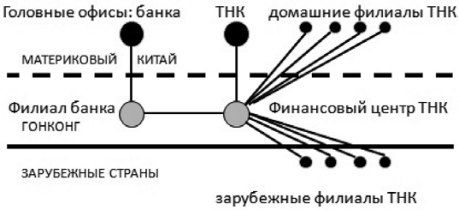
добиваются в собрании сотен предприятий нужных отраслей в один холдинг, в рамках которого проводится трансфертное ценообразование, внутрифирменная торговля услугами и патентами, налоговая оптимизация.

Финансовые потоки между китайскими филиалами через Гонконг также содействует интернационализации юаня. 70–80% обращения мировых валют происходит в офшорах, в искусственно созданном движении финансовых инструментов, повышая вес валюты в статистике международных расчетов, что влияет на финансовую независимость и статус Китая в глобальной экономике.

б) Структурный анализ архитектуры финансовых потоков ТНК. Использован метод когнитивного моделирования, на основе всех указанных ранее источников данных.

Сделана попытка схематически представить концепцию финансового централизма современных ТНК (см. рис. 2). Есть уверенность, что часть китайских ТНК может стремиться к построению подобных отношений, когда финансовые потоки даже между домашними филиалами проходят через офшорный центр ТНК.

Рис. 2. Финансовый централизм современных ТНК.



Это подтверждается и тем, что крупнейшие в мире китайские банки практически не развивают заграничную филиальную сеть (пик филиалов и занятых пройден в 2010 г.), присутствуют только в 35 странах (а ТНК в 186)[49], т.е. не идут за филиалами ТНК. Роль банков не уменьшается, но модель их деятельности трансформируется от взаимодействия со всеми филиалами компаний к общению только с финансовым подразделением материнской ТНК. Такая же тенденция «детранснационализации» наблюдается и у крупнейших банков мира[50].

[49] «Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунцзи гунбао»

[50] [Электронный ресурс]. URL: http://bankir.ru/public_html/novosti/20150424/krupneishim-mirovym-bankam-okazalos-ne-vygodno-byt-globalnymi-10103802/ (дата обращения: 18.10.2016).

7) Структурный анализ финансовой отчетности 33 крупнейших нефинансовых ТНК, представленной на их интернет-сайтах, за последний доступный год (26 корпораций из рейтинга топ-100 ТНК Китая; а также 5 ТНК материкового Китая включенных в рейтинг 100 крупнейших ТНК развивающихся стран ЮНКТАД, но не вошедших в национальный рейтинг; и еще всемирно известных Huawei и Haier, не включенных ни в один рейтинг). Для аналитических целей корпорации сгруппированы по отраслевому признаку. Данные за 2015 (часть 2014) год.

В структуре капитала заемные средства корпораций составляют от 42 до 85% валюты баланса, средние значения по отраслям находятся в диапазоне от 53 до 79% (см. табл. 1). При этом банковские кредиты составляют от 11 до 26% валюты баланса ТНК. Соотношение заемных и собственных средств (плечо финансового рычага) находится в диапазоне от 1,12 до 3,66. У всех корпораций имеются значительные денежные средства на расчетных счетах, от 4 до 19% величины суммарных активов. Установлено, что внутри большинства исследованных ТНК одни филиалы предоставляют займы другим, при этом величина процентных ставок различна, от 0 до 15%.

Превышение величины заемного капитала над собственным называется рискованной финансовой политикой и фактической утратой контроля над владением бизнесом. Такое длительное и безопасное развитие возможно лишь в том случае, когда собственник и кредиторы представлены одним лицом — в данном случае китайским государ-

Таблица 1

Финансовые показатели крупнейших ТНК Китая

Отраслевая принадлежность	ЗС, %	БС, %	ЗС/СК, ед.	ROA, %	ROE, %
Добыча углеводородов, энергетика и химическая промышленность	52,82	20,83	1,12	2,45	5,18
Металлургия	60,07	25,85	1,50	-0,14	-0,35
Строительство	78,55	18,78	3,66	2,79	13,44
Телекоммуникации и электроника	65,62	12,27	1,90	5,81	16,90
Автомобильная промышленность	57,13	11,42	1,33	7,36	17,26

*ЗС — заемные средства, БС — банковские ссуды, ЗС/СК — плечо финансового рычага, ROA — рентабельность активов, ROE — рентабельность собственного капитала.

ством. Быстро растущие китайские частные компании и миллиардеры также имеют огромные обязательства перед государственными банками, что означает фактический контроль государства и над частным сектором. Полученные данные по величине задолженности в отраслевом разрезе подтверждают упоминавшиеся расчеты австралийских ученых. Небанковский корпоративный долг можно расценить как скрытое субсидирование: корпорации получают от поставщиков товары и услуги, не полностью их оплачивая. Или оплачивая с большими задержками, что является их конкурентным преимуществом, недоступным иностранным компаниям.

Работа с использованием заемного капитала проявляется в виде положительного эффекта финансового рычага: рентабельность собственного капитала в 2–4 раза превышает рентабельность активов (см. табл. 1). А именно рентабельность капитала является главным фундаментальным показателем эффективности работы предприятия. В современной мировой финансовой системе, основанной на кредитной эмиссии денег, более эффективной является та экономика, которая с помощью кредита способна быстрее генерировать прирост собственного капитала. Описанный эффект частично объясняет и низкие китайские цены.

Обладая значительными объемами свободных денежных средств, китайские ТНК не погашают свои долги, а берут новые кредиты. С 2005 г. Институт кредита Министерства торговли КНР проводит специальные мероприятия, объясняя предпринимателям, что «рыночная экономика означает кредитная экономика», «кредитная система является важной силой экономического развития»[51]. Именно продажа с отсрочкой оплаты делает не самую качественную и технологичную, а теперь и не самую дешевую, продукцию конкурентоспособной, и вытесняет с рынка предприятия (а с мирового рынка — страны), не имеющие доступа к кредитным ресурсам. После вступления в ВТО экспорт Китая вырос в 10 раз, несмотря на 27% ревальвацию юаня, частичную отмену возврата НДС китайским экспортерам и многократный рост оплаты труда.

Результаты исследования. Совокупность собранных фактов и анализ статистических материалов позволяют сделать вывод о непротиворечивости выдвинутой гипотезы исследования. Обоснована принципиальная возможность целенаправленного использования

[51] Информационное агентство Чжунго Синьвэнь Ван (China News). [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinanews.com/cj/z/xinyongqiye/ (дата обращения: 24.09.2016).

китайским государством хотя бы части своих компаний для защиты внутреннего рынка и производственной базы с помощью офшорных схем. Также подтверждается реальность необходимых условий гипотезы: государство способно контролировать бизнес (путем финансовой и ресурсной зависимости); организован кредитный рост экономики; создана собственная производственная база. Обеспечение доступа своих компаний к кредиту и промежуточным продуктам национальной промышленности по трансфертным ценам является международным конкурентным преимуществом ТНК Китая, с помощью которого они безопасно для национальной экономики превращают внутренний рынок в часть глобального.

Выявлено, что у Гонконга только два крупных инвестиционных партнера, и он имеет особое значение для госкорпораций, архитектура финансовых потоков которых приобретает черты, свойственные современным ТНК. Сделан вывод о завышении мировой базы статистики инвестиций из-за промежуточной роли Гонконга и его участия в круговом движении капитала. Показан положительный эффект финансового рычага для предприятий Китая, возникающий с ростом корпоративной задолженности.

Анализ результатов. Настоящее исследование не доказало сформулированную гипотезу, а только подтвердило ее право на существование. Имеющиеся теоретические основы и найденные факты не противоречат друг другу, но их недостаточно для окончательных выводов. ТНК и офшоры для того и созданы, чтобы запутать аналитиков. Работа в рамках данной темы продолжается в направлении изучения косвенного влияния (потому что 90% зарубежных филиалов убыточны) операционной и финансовой деятельности ТНК Китая на национальную экономику.

Заключение. Каковы перспективы симбиоза ТНК Китая с государством? Это тема отдельного исследования. Терутомо Одзима считает, что тесная связь ТНК с государством нужна только на низших стадиях развития, опека коммунистической партии не даст китайским ТНК массово стать инновационными предприятиями [Ozawa, 2014, с. 23]. Сообщения информационных агентств свидетельствуют о том, что экономический потенциал системы китайских ТНК не реализуется в полном объеме, все большее число проектов ТНК ведется и будет вестись в рамках политического торга и дипломатического принципа взаимных симметричных уступок. Автор полагает, что даже крупнейшие и наиболее инновационные ТНК мира получают скрытую поддержку государства.

Литература

1. Верников А. В. Сравнительный анализ российской и китайской моделей банковских систем: пять лет спустя // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 108–120.
2. Глазьев С. Ю. КНР как новый глобальный лидер // Изборский клуб. 2015. № 8. С. 10–31.
3. Джохадзе В. Д. Финансовые аспекты обеспечения стабильности транснациональных корпораций. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 144 с.
4. Terutomo Ozawa. Explaining the Rise of East Asian Multinationals: State-Industry Links, a Stages Model of Structural Change, and Japan as a Precedent Setter. // Columbia University. Center on Japanese Business and Study. Working Paper. New York, 2014. № 337. C. 1–27.

CHINESE MULTINATIONAL ENTERPRISES: THE ROLE IN GLOBALIZATION

Dennis Kalashnikov

Abstract. *This paper examines not only outbound activities of Chinese MNEs but also their domestic operations. Immediately after the opening of an economy domestic market becomes a part of the global economy. That's why national MNEs competing with foreign counterparts at home are also participating in globalization. In the present study we assume Chinese MNEs to act as subordinated sub-system of the national economy. The research compiles theories from the fields of global economy and finance. The problem is how to defend the national key production chains of a developing country from the invasion of global monopolized capital. The hypothesis of the study suggests the following solution for China. It's not necessary to wait for the local business self-growth. The government must create a system of state-owned and — backed corporations and manage their business through offshore in the same way as the global MNEs do. There are some theoretical conclusions to support the idea. So, the main purpose of the research is to get some practical evidence to prove the validity of the hypothesis. A system approach is used to analyze numerous factors interrelated with the development of Chinese MNEs within the period 2005–2015. China, Hong Kong, UNCTAD statistics, as well as the data from web-pages of 107 largest Chinese non-financial MNEs including financial reports of 33 corporations examined. The investigation confirms the Chinese government is able to organize offshore co-operation of its domestic enterprises in order to protect the market and compete with foreign MNEs. The government is able to manage private business, too, by the means of unfair financial and primary resources distribution. Such transfer prices resources allocation is the competitive advantage of Chinese MNEs.*

It appeared that Hong Kong has only two strong investment partners, and has outstanding importance for state-owned corporations. Architecture of financial flows of Chinese MNEs is upgrading quickly towards the global standards. World investment database is overstated due to the intermediary role of Hong Kong and round tripping of capital there. The growth of financial leverage has a positive effect for the Return on Equity ratio of Chinese enterprises.

Keywords: *China; MNEs; Hongkong; offshore; SOEs; debt.*

References

1. Vernikov, A. V. (2015). Sravnitel'nyj analiz rossijskoj i kitajskoj modelej bankovskih sistem: pjat' let spustja [Comparative Analysis of Russian and Chinese Bank Systems: Five Years Later]. *Problemy prognozirovanija* [*Forecasting Problems*], 2, 108–120.
2. Glaz'ev, S. Ju. (2015). KNR kak novyj global'nyj lider [China as a new global leader]. *Izborskij klub* [*Izborskij Club*], 8, 10–31.
3. Dzhohadze, V. D. (2013). Finansovye aspekty obespechenija stabil'nosti transnacional'nyh korporacij [Financial Issues of the Stability of Multinational Enterprises]. Moskwa: Knizhnyj dom «Librokom».
4. Ozawa, T. (2014). Explaining the Rise of East Asian Multinationals: State-Industry Links, a Stages Model of Structural Change, and Japan as a Precedent Setter. *Columbia University. Center on Japanese Business and Study. Working Paper*, 337, 1–27.

Информация об авторе
Калашников Денис Борисович
преподаватель, МГИМО МИД России
E-mail kalashnikov_d@yahoo.com
Dennis Kalashnikov
Lecturer, MGIMO
E-mail kalashnikov_d@yahoo.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: К МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. КАРЛУСОВ

Аннотация: *В статье с методологических позиций междисциплинарного системного анализа дан критический обзор наиболее репрезентативных концептуальных версий определений глобализации с выявлением и демонстрацией их сущностных достоинств и недостатков. Представлено авторское универсальное системное определение общественной глобализации. Осуществлены структурный анализ места и роли экономической глобализации в системе уровней общественной глобализации, историко-ретроспективный анализ этапов ее развития. Проведена категориально-понятийная идентификация и выявлено соотношение процессов экономической глобализации и рыночного системогенеза. Системно разграничены такие понятия, как глобализация и интеграция, глобализация и интернационализация, глобализация и глобализм.*

Ключевые слова: *глобализация, экономическая глобализация, системный анализ, многоуровневая структура, универсальное определение, рыночный системогенез*

Введение

Во второй половине XX — начале XXI вв. мировое общественное развитие и, в частности, мировая экономика и политика, все в большей мере испытывают на себе прогрессирующее воздействие процессов, обобщенно именуемых *глобализацией*. И, хотя тематике глобализации посвящено немало книг и статей в печати разных стран мира, однако масштабность и многогранность этого феномена, с одной стороны, и неоднозначность, дискуссионность его понимания, с другой, обуславливают все возрастающую *актуальность* его изучения мировой обществоведческой наукой в ближайшие десятилетия. «Действительно, глобализация определяет нашу эпоху»[52].

[52] Широко известное высказывание бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Аннана.

Теоретические основания исследования

В мировой науке вплоть до настоящего времени не существует единой, общепринятой теории *глобализации* с устойчивым категориально-понятийным аппаратом, с четкими определениями данного общественного явления, в полной мере отражающими его содержательную сущность и в то же время предельно краткими и лаконичными.

Изучая соответствующие источники и литературу, мы сплошь и рядом сталкиваемся с тем, что краткие определения глобализации поверхностны и односторонни, а более полные — чрезмерно громоздки, построены по принципу простого «арифметического» сложения и перечисления ее отдельных компонентов и признаков, нередко вторичных.

«Определите значения слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений» — это крылатое выражение Рене Декарта вполне, на наш взгляд, может быть красноречивой иллюстрацией многих идеологизированных политических споров и дискуссий о глобализации, когда, например, одна из сторон отождествляет с ней объективную тенденцию развития мировой экономики, а вторая — лишь негативные последствия великодержавной политики той или иной крупной страны мира.

Исходя из вышесказанного, *глобализация* как общественное явление и предмет научного анализа, на наш взгляд, продолжает остро нуждаться в упорядоченном, комплексном, методологически четком сущностном осмыслении, структурировании по уровням общественных отношений и ретроспективном исследовании развития.

Исследование: основная часть

Главным инструментарием *методологии* настоящего исследования является *системный междисциплинарный анализ*. При этом автор придерживается историко-ретроспективного и компаративного подходов к объекту и предмету исследования.

Основная цель исследования состоит в выявлении места и роли экономической глобализации в структуре уровней общественной глобализации.

Конкретные задачи исследования:

— краткий анализ сущности и предпосылок возникновения явления глобализации, истории появления соответствующего термина, основных методик и концепций подходов к ее определению;
— критический обзор наиболее типичных концептуальных версий определения глобализации с выявлением и демонстрацией их сущностных достоинств и недостатков, включая репрезентативные

исследования ряда зарубежных и отечественных ученых, официальные определения международных организаций и энциклопедий;
— представление авторского универсального *системного определения* общественной глобализации, обоснование необходимости и логики его формулирования с методологических позиций междисциплинарного системного анализа;
— структурный анализ места и роли экономической глобализации в системе уровней общественной глобализации;
— изучение этапов экономической глобализации в исторической ретроспективе, обоснование широкой и узкой трактовок глобализации;
— категориально-понятийная идентификация и компаративный анализ процессов экономической глобализации и *рыночного системогенеза (РСГ)*[53];
— разграничение и сущностное дистанцирование таких понятий, как глобализация и интеграция, глобализация и интернационализация, глобализация и глобализм.

Глобализация как многогранный процесс развития человечества: варианты подходов к определению

Впервые термин «глобализация» был введен в научный и политический лексикон в 1981 г. американским социологом Дж. Маклином. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в 1985 г. данный термин был впервые применен и к сфере мировой экономики — Теодором Левиттом, в целях характеристики «стремительно распространяющихся в мире в последние десятилетия процессов диффузии производства, обмена и потребления товаров и услуг, инвестиций и технологий»[54].

С той поры появилось *великое множество* определений глобализации, вызывающих массу разногласий, в частности по вопросам *про-*

[53] Подробнее об этом термине см., в частности: Карлусов В. В. Россия, континентальный и островной Китай: к исследованию моделей современного рыночного системогенеза // Восток. — 1997. — № 6; Карлусов В. В. Россия и Китай: к сопоставлению рыночного системогенеза // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1997. — № 4. Взаимосвязанные категории рынка как социосистемы и рыночного системогенеза широко применялись автором в методологии четырех трехгодичных коллективных научно-исследовательских проектов (1997–2010 гг.), посвященных компаративному анализу рыночных реформ в России и Китае и поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

[54] См. его работу «Глобализация рынков» // A M, Sunrise…Sunset: Challenging the Myth of Industrial Obsolescence. — N.Y.: John Wiley & Sons, 1985. — Pp. 53–68.

странственно-временной идентификации данного явления, определения его *исторических рамок и общественных уровней реализации*, *выбору ключевых слов для его сущностной характеристики* и т.д. и т.п. Весьма симптоматично в этом смысле высказывание известного немецкого социолога У. Бека, согласно которому «без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым — и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным, политически эффектным словом (лозунгом, оружием в споре) последних лет»[55].

Неудивительны в этой связи и такие общие мнения о глобализации известных западных обществоведов и предпринимателей, как «глобализация — слово со многими значениями, которые всегда было очень трудно определить» (У. Макбрайд), или: «глобализация — это слишком часто употребляемый термин, которому можно придавать самые разные значения» (Дж. Сорос); «определения глобализации похожи на описания слона, сделанные на ощупь несколькими слепыми» (Ф. Джеймсон)[56].

Учитывая вышесказанное, приведем здесь *лишь некоторые* из наиболее типичных и авторитетных, на наш взгляд, определений глобализации, представляющих интерес прежде всего с точки зрения предмета изучения настоящей статьи.

Так, Международный валютный фонд (МВФ) определяет глобализацию как «растущую экономическую взаимозависимость стран всего мира в результате возрастающего объема и разнообразия трансграничных трансакций товаров, услуг и международных потоков капитала, а также благодаря все более быстрой и широкой диффузии технологий»[57]. Согласно определению секретариата ЮНКТАД, суть процесса глобализации состоит в «возрастании объемов международных торговых, финансовых и инвестиционных потоков при их растущей взаимосвязи»[58].

Вице-президент РАН, экс-директор ИМЭМО Н. А. Симония идентифицировал глобализацию как «процесс, связанный с прогрессом информационных технологий, придающих процессу интернационализации

---

[55] Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001. — С. 40.

[56] The Cultures of Globalization. — Duke University, USA, 1998. — P. XI; http://www.polit.nnov.ru (дата обращения: 20.05.2012).

[57] World Economic Outlook. — May 1997. — P. 45.

[58] Доклад ЮНКТАД к Конференции по развитию Восточной Азии: уроки с точки зрения новой глобальной ситуации // Мировая экономика и международные экономические отношения. — 1996, № 12. — С. 93.

мировой экономики новое качество». По определению профессора МГИМО МИД России А. С. Булатова, «глобализация экономики — это процесс превращения мирового хозяйства в единый рынок товаров, услуг, капитала, рабочей силы и знаний»[59].

Согласно тезисам Совета по внешней и оборонной политике России, «под глобализацией понимаются многие процессы — и увеличение доли внешней торговли в мировом валовом продукте, и информационная революция, и качественное увеличение объемов, убыстрение скорости передвижения финансов и капиталов, и огромный рост перемещения самих людей, и обострение традиционных, и появление новых глобальных проблем».

По убеждению американских исследователей П. Каценштейна, Р. Кохэна и С. Краснера, «суть глобализации заключается именно во все большей транспарентности национальных границ»[60].

Ряд зарубежных исследователей демонстрирует примеры *комплексного* и/или *ретроспективного* подхода к глобализации.

Так, французский ученый Б. Бади рассматривает глобализацию как «реальную интеграцию народов в единую общность — человечество», как «постоянно идущий исторический процесс», сопровождающийся «гомогенизацией мира» и постепенным «размыванием» национальных границ[61].

Руководитель проекта глобализации Университета национальной обороны США Э. Фрост определяет «глобализацию общества» как «долгосрочный процесс объединения людей и преобразования общества в планетарном масштабе», как переход ко «всемирности», глобальности (globality), то есть к «более взаимосвязанной мировой системе, в которой взаимозависимые сети и потоки преодолевают традиционные границы или же делают их несоответствующими современной действительности»[62].

Примеры в той или иной мере обобщающего и/или междисциплинарного подхода к определению глобализации встречаются в 2000–2010-е гг. в объемных печатных справочниках и Интернет-источниках энциклопедического характера, издаваемых как в развитых, так и раз-

[59] Мировая экономика. / Издание 2-е. Учебник для вузов. Под ред. А. С. Булатова. — М.: Экономистъ, 2007. — С. 72.

[60] Переосмысливая грядущее. / Крупнейшие американские экономисты и историки о перспективах современного развития. — М., 1998.

[61] См.: Бади Б. От суверенитета государства к его жизнеспособности. — М., 2001.

[62] Фрост Э. Л. Что такое глобализация? // Государственная служба за рубежом. Глобализация, проблемы, перспективы. Реф. бюллетень. — М.: Изд-во РАГС, 2002.

вивающихся странах, включая, в частности, Китай и Россию[63]. Так, «Глоссарий по информационному обществу» под глобализацией понимает «процесс распространения информационных технологий, продуктов и систем, несущий за собой экономическую и культурную интеграцию». Более широкое определение глобализации дает Википедия: «Глобализация — процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным следствием этого является мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Это объективный процесс, который носит системный характер, то есть охватывает все сферы жизни общества»[64].

Таким образом, как видно из приведенных выше в той или иной степени репрезентативных и типичных определений, понятие *глобализации* действительно выражает *многогранный процесс, развивающийся во времени и пространстве на различных уровнях общественных отношений*. К сожалению, многие из сравнительно кратких определений глобализации порой страдают поверхностностью, неполнотой ее восприятия, отражают лишь отдельные аспекты и/или общественные уровни ее проявления. С другой стороны, попытки комплексных определений нередко чрезмерно громоздки, построены по принципу содержательных повторов, перечисления «вторичных», производных по отношению к глубинной сути глобализации «ключевых слов» и признаков.

Для преодоления подобных недостатков необходимо, во-первых, дать по возможности краткое — и в то же время максимально емкое и широкое — *универсальное определение глобализации как общественного явления в целом*, руководствуясь при этом методологией системного анализа, во-вторых, четко *структурировать* данное явление по *основным пространственным уровням и временным этапам*, формулируя для каждого из них более узкие и конкретные определения.

---

[63] Например, в Китае определения глобализации в целом и экономической глобализации как ее составляющей публикуются ныне в таких авторитетных интернет-изданиях, как общенациональная поисковая система baidu.cn и «Словарь партийного строительства». — См.: Quanqiuhua. — URL:http://baike.baidu.com/subview/25886/15378963.htm (Дата обращения: 07.01.2017); Jingji quanqiuhua / Dangde jianshe cidian. — URL:http://theory.people.com.cn/GB/49150/49151/10311807.html (Дата обращения: 07.01.2017).

[64] Economic globalization / Wikipedia, the free encyclopedia — https://en.wikipedia.org/wiki/Economic_globalization (Дата обращения: 12.01.2017).

Универсальное системное определение общественной глобализации[65]

Согласно общей теории систем, любая сложная и высокоорганизованная система есть нечто гораздо большее, чем простая сумма ее составных частей, и всегда обладает принципиально новыми свойствами, которые не могут быть присущи ни одному из ее компонентов, ни даже той или иной их совокупности (этот феномен по сути выражает *синергетический эффект* самоорганизации сложных систем).

Если мы используем понятие «система» как основное ключевое слово в определении глобализации, то в принципе отпадает необходимость в использовании таких производных характеристик, присущих системе и связям ее компонентов, как целостность, единство, взаимозависимость, интеграция и т.п.

Второе из предлагаемых для конструируемого нами определения ключевых слов — «генезис» (как зарождение, формирование и развитие системы).

Третье ключевое слово (или даже словосочетание) может в принципе варьироваться от «человечества», «мирового сообщества» (общества, социума) до «мировой цивилизации» и даже «ноосферы Земли»[66].

Первое и второе ключевые слова для краткости можно объединить в сложносоставное слово «системогенез»[67].

Если, исходя из указанных соображений, теперь сформулировать универсальное системное определение глобализации, то оно может

---

[65] Здесь воспроизводится версия универсального системного определения общественной глобализации, впервые введенная в научный оборот автором в 2010 г. — См., например: Карлусов В. В. Глобализация / Трансформация мировой экономики: экономический контекст современной политики и дипломатии/ Экономическая дипломатия в условиях глобализации. — Учебное пособие для вузов / Отв. ред. Л. М. Капица. — Глава II, вставка 4. — М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2010.

[66] Термин «ноосфера» (от греч. *ноос* — разум) был впервые предложен французским философом Э. Леруа (1927 г.) великому русскому ученому В. И. Вернадскому, который впоследствии успешно применил его в своей теории ноосферного развития, согласно которой, в частности, сохранение и развитие человечества возможно лишь при условии единства природы и общества, при управлении биосферой Земли со стороны формирующейся Человеком ноосферы как сферы Разума.

[67] Этот термин (в сочетании «рыночный системогенез») был впервые введен в научный оборот автором настоящей статьи в 1995 г. — См., в частности: Карлусов В. В. Частное предпринимательство в Китае (конец 70-х — начало 90-х годов). Дисс. на соискание уч. ст. докт. экон. наук. — Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 1995.

быть следующим (в скобках приведены возможные синонимичные варианты объекта глобализации).

Глобализация — это системогенез человечества (**мирового сообщества; мировой цивилизации; ноосферы Земли**)

Экономическая глобализация в структуре уровней общественной глобализации

Процесс глобализации в его широком толковании, как и *общественные отношения* в целом, имеет *многоуровневую структуру*. *Нижние* ее этажи — глобализация на *социально-экономическом* (базисном) *уровне* — это системообразующая интернационализация сфер производства, распределения, обмена и потребления. *Верхние* — глобализация на *институциональном* (надстроечном) *уровне*, включая в той или иной мере адекватные изменения в общественном сознании, политике, идеологии, праве, культуре, религиозных институтах, научные и общественные дискуссии в соответствующих областях и т.п.

Изучая глобализационный процесс в быстро меняющемся мире, необходимо принимать во внимание конкретно-временные и национально-специфические особенности *корреляции* между его *общественными уровнями*, так как последняя (корреляция), как свидетельствует, в частности, мировой, региональный и локальный опыт, далеко не всегда положительна и/или полярность ее неустойчива («пунктирна»), подвержена определенным колебаниям. Так, при сохранении на каком-то временном отрезке формально негативного общего политического подхода к глобализации, могут де-факто генерироваться и развиваться различные формы и сегменты глобальной экономики, как и соответствующие ей зачатки глобальной институциональной инфраструктуры.

Структурируя уровень *экономической глобализации*, обычно принято выделять такие подуровни глобализации движения факторов и результатов производства, как *глобализация торговли товарами и услугами; глобализация финансовых потоков; глобализация мирового рынка труда; глобализация знаний, информации и технологий*.

Экономическая глобализация как объективный общемировой процесс создает *системные предпосылки* для *глобализации политической*. Как свидетельствует опыт наиболее продвинутых в сфере глобализации регионов мира, путь реализации этих предпосылок — это, как правило, длительный путь от единого рынка товаров, услуг, капиталов, к таможенному союзу, единой валюте, единому экономическому пространству и, наконец, к единому политическому объединению.

Историко-временной разрез экономической глобализации: широкая и узкая трактовки

Структурируя глобализацию в *историко-временном разрезе* и изучая существующие на этот счет мнения в специальной литературе, мы можем столкнуться с очевидным — пусть в определенном смысле и формальным — *противоречием*. С одной стороны, ряд исследователей, включая и автора настоящей статьи, вполне обоснованно считают экономическую глобализацию *длительным историческим процессом*, развивающимся на Земле по крайней мере с момента зарождения товарного производства и обмена. Начало же *современного этапа* этого процесса, примерно совпавшего по времени с изобретением самого термина «глобализация» (см. выше), связывается обычно с такими *технико-технологическими, экономическими, военно-политическими, идеологическими и социально-психологическими факторами ускорения* данного процесса, как:

— информационно-коммуникационная революция (как качественно новый «виток» НТР);
— социально-экономический крах административно-командной системы и последовавшие вслед за ним окончание «холодной войны» и утрата миром прежнего биполярного устройства;
— наконец, постепенная перестройка политического мышления национальных лидеров в духе *истинной глобализации* как объективного общемирового явления (а отнюдь не в духе агрессивной разновидности *глобализма*[68], лишь камуфлирующей в ряде случаев возросшие эгоистические национальные амбиции);
— вытекающее из подобной перестройки распространение в мире политической модели мышления, расширяющей границы ответственности мировых лидеров за пределы их национальных границ;
— становление соответствующих компромиссных моделей безопасности, основанных на безусловном приоритете норм международного права, на «балансе закона», а не на «балансе силы»;
— усилия ряда государств и негосударственных общественных организаций по продвижению мира к новому, более справедливому миропорядку, основанному не на гегемонизме одной-двух сверхдержав, а на многополярности, устойчивом социально-экономическом развитии, гармонизации отношений человека и природы.

Трактуемую подобным образом глобализацию обычно принято считать — с историко-цивилизационной точки зрения — глобализацией *в широком смысле слова*.

[68] О соотношении понятий глобализации и глобализма — см. ниже.

В то же время в значительной массе источников и литературы научно-практического характера глобализация как таковая практически отождествляется только с современным ее этапом, тогда как предшествующие ему этапы истории с глобализацией вообще никак не увязываются. Такая трактовка рассматриваемого явления считается глобализацией *в узком смысле слова*.

Автор настоящей статьи отождествляет данное выше универсальное системное понимание глобализации с широким цивилизационным подходом к ней как к общественному явлению. В то же время он считает допустимым в практических интересах в принципе согласиться и с распространенным мнением, отстаиваемым, в частности, академиком РАН В. В. Михеевым, согласно которому «по сути оба подхода понимания глобализации близки и даже едины в том, что выделяют новый этап мирового развития, называемый глобализацией (в узком смысле) или современный этап глобализации (в широком смысле). И в том и другом случае речь идет о новом явлении…»[69].

Экономическая глобализация и рыночный системогенез: к соотношению понятий

Руководствуясь системным ретроспективным подходом к исследованию рыночных отношений на глобальном уровне их *пространственного развития*, автор настоящих строк еще в 1997 г. де-факто определил *экономическую глобализацию* как «*рыночный системогенез*» (РСГ) в его «широком пространственно-временном понимании», т.е. «применительно к нашей планете в целом», который «можно рассматривать как длительный исторический процесс, весьма асинхронно развивающийся на Востоке и Западе, начиная с момента зарождения товарного производства и обмена, в общем направлении постепенного естественноисторического формирования на Земле целостной общественно регулируемой системы мирового рыночного хозяйства»[70].

Действительно, глобализация мировой экономики и международных экономических отношений (МЭО) — это прежде всего *объективный процесс тотального распространения в общемировых масштабах рыночной формы движения факторов и результатов производства*, сопровождающийся, в частности, догоняющим развитием стран с развивающимся рынком, вытеснением дорыночных отношений, включая демонтаж и/или системные реформы административно-командной

[69] См., например: Михеев В. В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. — М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2001. — С. 6.

[70] Карлусов В. В. Россия, континентальный и островной Китай: к исследованию моделей современного рыночного системогенеза // Восток. — 1997. — № 6. — С. 79.

экономики. В этом смысле *экономическая глобализация и всемирный РСГ — это по сути во многом однопорядковые понятия и явления.*

Дистанцирование глобализации и некоторых близких ей по сути понятий и явлений

Формулируя универсальное системное определение *общественной глобализации* (см. выше), следует предостеречь читателя от вольного или невольного отождествления последней с такими, казалось бы, близкими ей по сути понятиями, как *интеграция, интернационализация, транснационализация, либерализация* и некоторыми другими производными от них понятийными формами. Каждое из перечисленных понятий является отражением процессов, идущих *в рамках глобализации* на разных уровнях общественных отношений. Глобализация в то же время выступает по отношению к ним, как *целое к частному.*

Так, глобализация является более широким явлением и понятием, чем *интеграция*, так как отражает *системную взаимозависимость* даже напрямую не интегрированных национальных социумов. Глобализация в то же время — это *более высокий системный уровень*, чем *интернационализация*, так как последняя означает, что национальные общества обретают международные интересы и связи, это как бы «взгляд сквозь национальные границы изнутри вовне», «с периферии в центр». Тогда как глобализация, возводя национальные проблемы в ранг общемировых, отражает по сути «взгляд извне вовнутрь», «из центра на периферию» национальных социумов.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает дистанцирование понятий *глобализация* и *глобализм.* Если глобализация, как показано, в частности, в настоящей статье, представляет собой закономерное направление развития мирового сообщества, то глобализм как национальная политика, принимая порой весьма субъективную великодержавно-эгоцентрическую окраску, вполне может вступать в серьезные противоречия с общественной глобализацией как объективным системным процессом.

Результаты исследования

В статье с методологических позиций междисциплинарного системного анализа дан критический обзор наиболее репрезентативных концептуальных версий определений глобализации с выявлением и демонстрацией их сущностных достоинств и недостатков. Представлено авторское универсальное *системное определение* общественной глобализации. Осуществлены структурный анализ места и роли *экономической глобализации* в системе уровней общественной глобализации, историко-ретроспективный анализ этапов ее развития. Проведена

категориально-понятийная идентификация и выявлено соотношение процессов экономической глобализации и рыночного системогенеза. Системно разграничены такие понятия, как глобализация и интеграция, глобализация и интернационализация, глобализация и глобализм.

Анализ результатов

Часть представленных в статье результатов исследования оригинальны и уникальны с теоретико-методологической точки зрения. Это прежде всего касается авторского универсального системного определения общественной глобализации, методики междисциплинарного исследования глобализации как многоуровневой категории, а также категориально-понятийной идентификации и сопоставления явлений экономической глобализации и рыночного системогенеза. Результаты исследования имеют теоретическое и научно-практическое значение и могут быть использованы в развитии мирового обществоведения и преподавательском процессе в гуманитарных вузах.

Заключение

Системный анализ, учитывающий, в частности, феномен синергетического эффекта самоорганизации сложных систем, по сути *методологически дискредитирует* абсолютное большинство кратких неполных и/или энциклопедически громоздких современных определений глобализации. Действительно, если, как было показано выше, строго применять понятие «система» в качестве основного ключевого слова в определении глобализации, то отпадает необходимость в соответствующем использовании таких производных характеристик системы, как целостность, единство, взаимозависимость, интеграция и т.п.

Если же, следуя принципу «краткость — сестра таланта», пойти по этому методологическому пути еще дальше, используя сложносоставной авторский термин «системогенез», то определения как общественной глобализации в целом, так и ее структурных уровней, превращаются в весьма лаконичные сочетания из двух слов, причем без утраты содержательной сущности и полноты объекта определения. Так, общественная глобализация, в соответствующих версиях автора, — это *системогенез человечества,* а экономическая глобализация, по крайней мере в исторических пределах рыночной экономики, — это *рыночный системогенез (РСГ)*.

Литература

1. Карлусов В. В. Глобализация / Трансформация мировой экономики: экономический контекст современной политики и дипломатии/ Экономическая дипломатия в условиях глобализации. — Учебное пособие для вузов / Отв.

ред. Л.М. Капица. — Глава II, вставка 4. — М.: Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, 2010.
2. Карлусов В.В. Россия, континентальный и островной Китай: к исследованию моделей современного рыночного системогенеза // Восток. — 1997. — № 6.
3. Михеев В.В. Глобализация и азиатский регионализм: вызовы для России. — М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2001.
4. Economic globalization /From Wikipedia, the free encyclopedia. — https://en.wikipedia.org/wiki/Economic_globalization
5. Quanqiuhua. — URL:http://baike.baidu.com/subview/25886/15378963.htm
6. Jingji quanqiuhua / Dangde jianshe cidian. — URL:http://theory.people.com.cn/GB/49150/49151/10311807.html

ECONOMIC GLOBALIZATION IN THE STRUCTURE OF SOCIAL GLOBALIZATION: TO THE METHODOLOGY AND THEORY OF RESEARCH

Vyacheslav V. Karlusov

***Abstract**: In the article, from the perspective of a multidisciplinary system analysis, is given a critical review of the most representative versions of the conceptual definitions of globalization, with the identification and demonstration of their essential advantages and disadvantages. The article presents the author's universal system definition of social globalization, structural analysis of place and role of economic globalization in the multilevel system of social globalization, historical and retrospective analysis of the stages of its development, comparative analysis of the processes of economic globalization and market system-genesis. The study also delineates such concepts as globalization and integration, globalization and internationalization, globalization and globalism.*

***Key words:** globalization, economic globalization, system analysis, multilevel structure, universal definition, market system-genesis*

Информация об авторе
Карлусов Вячеслав Всеволодович,
доктор экономических наук,
профессор кафедры мировой экономики,
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
Vyacheslav V. Karlusov
Doctor of Economics,
Professor, Department of world economy,
Moscow state Institute of
international relations (MGIMO–University), MFA Russia

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ПАРАДИГМУ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА НЕФТИ

Т. А. МАЛОВА

***Аннотация**. Проблемы и перспективы изменения рынка нефти затрагивают интересы субъектов всех уровней мировой экономики. В зарубежных и российских исследованиях рынка нефти существенное внимание уделяется прогнозированию уровней цен на нефть, оценке количественных характеристик флуктуаций и шоков на нефтяном рынке. В то же время недостаточно исследована природа явлений и процессов, определяющих экономическую сущность изменений нефтяного рынка. В этой связи актуален анализ факторов и тенденций, определяющих формирование парадигмы развития глобального рынка нефти в современных условиях. Теоретическими основаниями исследования являются работы российских исследователей (В. В. Бушуева, Н. В. Исаина, А. А. Конопляника, Я. М. Миркина, И. И. Сечина и др.) а также зарубежных экономистов (S.Dale, J. Colgan, L. Maugeri, M. Salameh). Исследование проведено на основе общенаучных, а также специальных методов: группировки, обобщения и классификации данных, методов логического, сравнительного и системного анализа, эконометрического и графического моделирования изучаемых явлений и процессов. В результате проведенного исследования выявлены факторы формирования актуальной «нефтяной реальности». Углубление процесса глобализации мирового рынка нефти сопровождается стремлением ведущих участников рынка реализовать стратегическую экономическую цель независимого доминирования и собственной безопасности в сфере энергетики. Распространение новых технологий обеспечивает снижение общей энергоемкости мировой экономики и рост энергоэффективности, что создает одновременно как возможности для снижения потребления нефти, так и условия для роста ежегодной потребности в нефти в мире. Изменение мировой топливно-энергетической структуры, включая глобализацию газового рынка на основе транспорта*

сжиженного газа и распространение альтернативных видов топлива. Усложнение подходов к оценке перспектив и источников будущей добычи нефти в связи с возникновением новых источников углеводородных ресурсов. Автором обоснованы устойчивые тенденции развития нефтяного рынка, формирующиеся в пространстве современной «нефтяной реальности» (структурные изменения субъектной основы рынка нефти; формирование комплекса факторов регулирования глобального рынка нефти, эффективность которых различается в краткосрочном и долгосрочном периодах; повышение эффективности нефтяного рынка как вектор развития конкурентной структуры рынка). Выявление факторов «нефтяной реальности» позволяет объяснить причины роста глобальной несбалансированности рынка нефти, усложнения прогнозирования цены нефти, возрастания ценовой неопределенности рынка нефти, обосновать процесс постепенного уменьшения значения нефти в мире, утраты нефтяным сектором мировой экономики позиции доминанты мирового энергетического бизнеса. Обоснование структурных изменений субъектной основы рынка нефти позволяет показать их влияние на формирование экспортной модели нефтяного производства. Обоснование роли факторов, регулирующих рынок нефти (деятельность Организации стран-экспортеров нефти, предложение сланцевой нефти, деятельность национальных регуляторов, саморегулирование рынка) позволяет показать перспективу достижения сбалансированного состояния рынка нефти как рынка нефти с совершенной конкуренции под воздействием совокупности факторов, формирующих современную «нефтяную реальность», в рыночном пространстве которой возникают тенденции, определяющие основные черты парадигмы развития мирового рынка нефти. Совершенствование конкурентных отношений рынка нефти — процесс сложный, долговременный, но необратимый с точки зрения повышения эффективности глобального рынка нефти.

Ключевые слова: *глобальный рынок нефти, изменение, факторы, тенденции.*

Введение. Изменения мирового рынка нефти затрагивают интересы субъектов всех уровней мировой экономики, оказывая воздействие на экономическое положение стран, на состояние их энергетической безопасности, на структуру глобальных финансов, так как «рынок нефти — это глобальный рынок, к тому же склонный к образованию «пузырей», и даже страны, способные самостоятельно удовлетворять свои потребности в нефти, не могут быть изолированы от его влияния» [Salameh, 2013, p.13]. Проблемы и перспективы изменения рынка нефти

опосредованы радикальными технологическими и институциональными сдвигами глобального масштаба, формирующими современную «нефтяную реальность», в контурах которой возникает соответствующая переменам конкурентная структура и ценовой механизм рынка нефти.

В исследованиях нефтяного рынка существенное внимание уделяется прогнозированию уровней цен на нефть, оценке динамики количественных переменных, характеризующих флуктуации и шоки на рынке нефти. В то же время в меньшей мере исследования обращаются к качественной природе явлений и процессов, определяющих сущность закономерностей изменений нефтяного рынка. Так, недостаточно исследований, посвященных обоснованию теоретической модели развития рынка нефти как основы системного анализа и прогнозирования не только ценовой волатильности и связанной с ней инвестиционной неопределенности, но и перспектив повышения экономической эффективности его рыночного механизма с учетом особенностей современного этапа глобализации. В этой связи актуальным представляется выявление и анализ факторов и тенденций, определяющих формирование парадигмы развития глобального рынка нефти в современных условиях.

Теоретические основания исследования. Теоретической базой проведения настоящего исследования служат работы российских и зарубежных экономистов. В. В. Бушуев, А. А. Дынкин, А. А. Конопляник, Я. М. Миркин, Н. В. Исаин и др. исследуют структурную эволюцию факторов, определяющих механизм формирования и динамику цен на нефть в международной торговле, взаимодействие товарного рынка нефти с финансовым рынком, анализируют процесс превращения рынка «бумажной» нефти в составную часть финансового рынка. Институт энергетических исследований РАН совместно с Аналитическим центром при Правительстве РФ разрабатывает методологию исследования и прогнозирования развития мировой энергетики и эволюции энергетических рынков в сочетании с системной оценкой их влияния на экономику и ТЭК Российской Федерации.

M.G. Salameh изучает влияние сланцевой революции на перспективы развития глобального рынка нефти. S. Dale обосновывает необходимость разработки новых принципов, применения новых инструментов при анализе рынка нефти, поскольку «рынок нефти существенно изменился в течение последних 10 или 15 лет. Принципы и предположения, которые хорошо служили в прошлом, сегодня бесполезны при анализе рынка нефти. Необходимо модернизировать набор принципов, отражающих возникновение Новой Экономики Нефти» [Dale, 2015, p. 2].

J. D. Colgan анализирует соответствие деятельности ОПЕК роли Организации как международного картеля.

Исследование: основная часть

В качестве *гипотезы* настоящего исследования выступает предположение о том, что парадигму развития рынка нефти определяют факторы формирования современной «нефтяной» реальности, а также порождаемые этой реальностью тенденции развития рыночной структуры и ценового механизма нефтяного сектора мировой экономики.

Методология проведения исследования.

Предметом исследования являются экономические и институциональные отношения, возникающие в процессе развития рыночной структуры и экономического механизма рынка нефти.

Объект исследования: глобальный рынок нефти.

Цель исследования: определение факторов и тенденций, которые в условиях формирования современной «нефтяной реальности» определяют парадигму развития рынка нефти.

Исследование проведено на основе общенаучных и специальных методов: анализа и синтеза, индукции и дедукции, методов группировки, обобщения и классификации данных, методов логического, сравнительного и системного анализа, эконометрического и графического моделирования изучаемых явлений и процессов.

Описание проведенного исследования.

Изменения, происходящие на нефтяном рынке являются результатом взаимодействия сложного комплекса технологических, финансовых, институциональных, структурных и геополитических сдвигов, интегрированных в содержании факторов формирования рыночного пространства нефтяного производства, которое в настоящем исследовании определяется понятием «нефтяная реальность».

К наиболее значимым, на наш взгляд, факторам формирования актуальной «нефтяной реальности» относятся следующие процессы и явления.

Углубление процесса глобализации мирового рынка нефти сопровождается стремлением ведущих участников рынка реализовать стратегическую экономическую цель независимого доминирования и собственной безопасности в сфере энергетики[71].

[71] Примером такой стратегии может служить стремление США обеспечить собственную энергетическую безопасность за счет добычи сланцевой нефти, не учитывая интересы обеспечения глобального баланса рынка нефти. Так, США не присоединяются к соглашению стран ОПЕК и независимых производителей нефти об ограничении добычи с 1 января 2017 г.

Глобализация нефтяного рынка развивается на фоне укрепления взаимодействия институциональной, экономической и технологической составляющих этого процесса**.** Институциональной компонентой выступает формирование глобальной сети биржевой торговли нефтяными фьючерсными контрактами, доминирующие позиции в которой занимают глобальные биржи — NYMEX (CME), ICE Futures Europe, SIMEX, функционирующие в режиме реального времени. Экономическую основу этого процесса составляет глобализация рыночной стоимости нефтегазовых компаний, что является результатом оценки их рыночной капитализации на глобальных биржах. Технологическая составляющая процесса глобализации мирового рынка нефти реализуется посредством транспортной, компьютерной инфраструктуры, промышленного интернета. Формирование единого информационного пространства мирового нефтяного производства обеспечивает взаимозависимость и соподчиненность цен на нефть в различных регионах мира.

Углубление процесса глобализации рынка нефти открывает для стран потребителей энергоресурсов широкие возможности для энергонезависимости: рынок нефти «можно смело назвать рынком покупателя: спотовые контракты предоставляют компаниям неограниченные возможности в выборе поставщика» [Глобальная система, 2016, с. 14]. При этом и экспортеры приобретают на глобальном рынке дополнительные преимущества. Страны, обладающие значительными запасами углеводородов — Мексика, Иран, Ирак, Бразилия — выставляют на аукционах блоки на выгодных условиях. Стремление к доминантной позиции без учета последствий для глобальной стабильности нефтяного рынка поддерживается «усиливающейся тенденцией полицентризма в глобальной экономике, главным источником которого являются различия в темпах роста развитых и развивающихся стран. Глобальная финансовая система также эволюционирует в сторону полицентризма» [Глобальная система, 2016, с. 15]. Воздействие этого фактора ведет к росту глобальной несбалансированности рынка нефти.

*Распространение новых технологий обеспечивает снижение общей энергоемкости мировой экономики и рост энергоэффективности, что создает одновременно как возможности для снижения потребления нефти, так и условия для роста ежегодной потребности в нефти в мире***.**

Энергоемкость мировой экономики, измеряемая как объем потребления энергии на единицу валового внутреннего продукта (ВВП), снизилась почти на одну треть в период между 1990 г. и 2015 г. В мире энергоемкость снизилась в среднем на 32%, в странах, не входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) —

на 40%, в странах ОЭСР — на 28%[72]. В этот же период возросла энергоэффективность мировой экономики (количество экономической продукции на каждую единицу потребляемой энергии: млн долл. ВВП на Британскую топливную единицу — БТЕ). при этом разные страны продемонстрировали различный уровень прироста производительности энергии (таблица 1).

Таблица 1

Изменение энергоэффективности экономики некоторых стран и регионов в период 1990–2015 гг.

Индия	Япония	Бразилия	США	Китай	Канада	Россия	ОЭСР Европа
+49%	+20%	–4%	+58%	+133%	+38%	+40%	+37%

Источник: Global energy intensity continues to decline. July 12, 2016. [Электронный ресурс].URL: http://www.eia.gov/todayinenergy/detail. php?id =27032 (дата обращения: 02.01.2017).

Снижение энергоемкости мировой экономики и рост энергоэффективности создает возможность для снижения потребления нефти в мире. В то же время совершенствование технологий нефтяного производства, включая применение технологий быстрой обработки больших массивов геологических данных, развитие многоступенчатой переработки и др. инноваций, способствует росту ежегодной мировой потребности в нефти. Это объясняется, с одной стороны, снижением стоимости нефти и нефтепродуктов, с другой стороны, обусловлено совершенствованием технологий автомобилестроения, следовательно, ростом числа автомобилей, ростом эффективности и конкурентоспособности двигателей внутреннего сгорания и др. новшеств. Совокупность этих изменений усложняет прогнозирование цены нефти, а ценовая неопределенность возрастает.

Изменение мировой топливно-энергетической структуры, включая глобализацию газового рынка на основе транспорта сжиженного газа и распространение альтернативных видов топлива.

В современных условиях сырая нефть остается основным источником первичной энергии, а в мировом топливно-энергетическом балансе нефть занимает ведущее место. Это можно проследить на примере

[72] Global energy intensity continues to decline. July 12, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=27032 (дата обращения: 02.01.2017).

структуры топливного комплекса США, в которой и в долгосрочном периоде объем потребления нефти практически не изменяется на фоне роста энергоэффективности. Вместе с тем, существенно изменяется «топливный набор» в долгосрочной перспективе. Потребление природного газа возрастает относительно других ресурсов и выходит практически на уровень потребления нефти. Сокращается потребление угля в связи с потерей доли рынка в пользу природного газа и ростом доли сектора электроэнергии. Возобновляемые жидкие источники энергии увеличивают объемы потребления, тем более что экономическая политика США стимулирует ее использование (таблица 2).

Таблица 2

Изменения в структуре топливного комплекса на примере внутреннего потребления США в период 1980–2040 гг. в БТЕ

Виды энергоресурсов	**1980**	**2000**	**2016**	**2020**	**2030**	**2040**
Нефть и другие жидкие углеводороды	35,0	38,0	35,5	36,0	34,5	35,0
Природный газ	20,0	24,0	28,0	28,2	30,0	33,5
Другие возобновляемые источники энергии	16,0	22,5	14,0	15,5	12,5	10,5
Уголь	2,8	8,0	8,2	8,1	8,0	7,5
Атомная энергия	2,8	2,8	2,5	3,0	3,0	3,0
Энергия воды	2,8	2,8	2,5	3,0	3,0	3,0
Жидкое биотопливо	0	0	1,5	1,5	1,5	1,5

Источник: Annual Energy Outlook 2017 with projections to 2050 [Электронный ресурс].URL: http://www.eia.gov/outlooks/aeo/pdf/0383 (2017). pdf (дата обращения: 03.01.2017).

Тенденции, выявленные на примере изменений в структуре топливного комплекса США, в мировом масштабе определяют замену нефтяного (моторного) топлива на новые энергоносители (газ, электроэнергия) при обеспечении рентабельности нетрадиционных энергоресурсов за счет снижения себестоимости их производства с помощью новых технологий.

Результатом воздействия рассмотренного фактора является постепенное уменьшение экономического и политического значения нефти в мире, а нефтяной сектор мировой экономики теряет позиции доминанты мирового энергетического бизнеса.

Возникновение новых источников углеводородных ресурсов (добыча на поздних стадиях разработки геологических формаций, добыча нетрадиционных видов нефти, расширение шельфовой добычи) усложняет подходы к оценке перспектив и источников будущей добычи нефти.

Это объясняется тем, что «структура текущей добычи дает обманчивое представление об источниках будущей добычи, которая зависит от ресурсов» [Сечин, 2016, с. 21]. Так, количественные оценки объемов потенциальных ресурсов и доказанных запасов Северной Америки значительны и превосходят показатели других регионов (Таблица 3). Вместе с тем, корректная оценка источников будущей добычи этого региона требует учета как количественных, так и качественных аспектов ресурсной базы, а именно свойственной этому региону высокой стоимости добычи и быстрого истощения месторождений, спекулятивной компоненты при оценке потенциальных ресурсов. Источники ресурсов Ближнего Востока необходимо оценивать, принимая во внимание давнюю освоенность месторождений, ограниченность площадей для новой разведки. Следует понимать, что в Латинской Америке резервы добавлены в последние годы, а нефть по преимуществу трудно извлекаемая. Ресурсная база России характеризуется существенными потенциальными резервами. При этом активно разрабатываются новые крупные нефтяные регионы (Восточная Сибирь, Арктика, шельф Сахалина).

Таблица 3
Структура мировой добычи нефти по регионам

Регион	**Потенциальные ресурсы (млрд барр.)**	**Доказанные запасы (млрд барр.)**	**Добыча (млн барр./сут.)**
Северная Америка	2187	230	17
Ближний Восток	1190	814	28
Россия	1084	136	10,5
Латинская Америка	809	323	7
Африка	379	131	9
Азия	202	45	8

Источник: Сечин И. Кризис нефтяного рынка и перспективы выхода из него [Электронный ресурс]. URL:https://www.rosneft.ru/upload/site1/ document_file/ presentation_10022016.pdf (дата обращения: 30.12.2016).

Отсутствие единых подходов к оценке источников будущей добычи с учетом влияния нового технологического уклада нефтегазовой отрасли усиливает инвестиционную неопределенность рынка нефти.

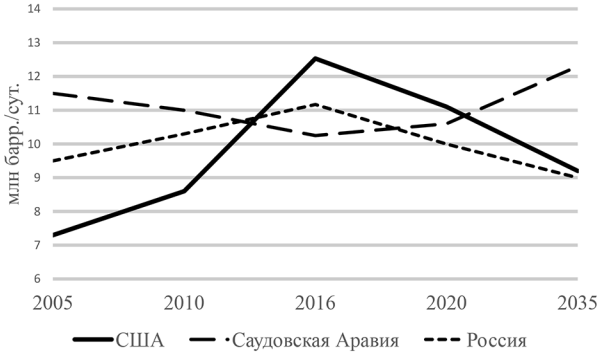
Выявление и анализ факторов формирования «нефтяной реальности» свидетельствует о противоречиях, которые возникают в их содержании, и, соответственно, в результатах их воздействия на экономическую реальность. В теоретическом отношении эта особенность современной экономики нефтяного производства позволяет выделить «нефтяную реальность» как особое экономическое явление. В практическом аспекте выявленные факторы и их противоречия определяют дестабилизацию и продолжающиеся изменения нефтяного рынка.

Из явлений и процессов «нефтяной реальности» формируются следующие устойчивые тенденции развития нефтяного рынка.

Структурные изменения субъектной основы рынка нефти и их влияние на формирование экспортной модели нефтяного производства глобального масштаба.

Важной особенностью нефтяного рынка является роль крупных производителей нефти как субъектов рынка, определяющих политику и сбалансированность нефтяного рынка в целом. В новой «нефтяной реальности» изменяется структура субъектной основы мирового рынка

Рис. 1 Производство нефти в США, Саудовской Аравии и России в 2005–2035 гг.



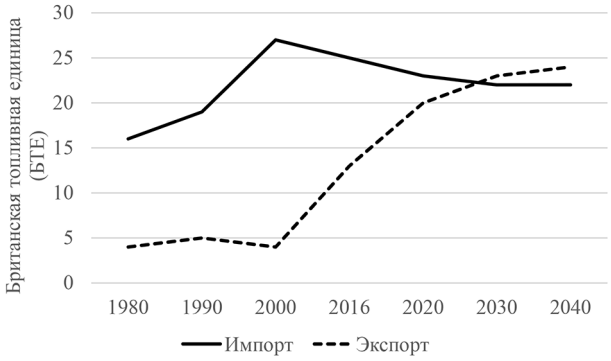
Источник: Salameh M. G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prise of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter,2013[Электронный ресурс].URL: http:// www.gulfpolicies.com/ attachments/article/1338/ (дата обращения: 29.31.2016).
International Energy Agency (IEA). Oil Market Report. 14 June 2016 [Электронный ресурс].URL: http://www.iea.org/media/ omrreports/ tables/2016–06–14.pdf (дата обращения 02.01.2017)

нефти. Формируется новый круг основных участников рынка, обладающих не только ресурсным, геологическим потенциалом, но и широким комплексом факторов, требующихся для воздействия на рынки. В настоящее время в число этих стран включают США, Саудовскую Аравию и Россию. Среди критериев лидерства — среднесуточная добыча нефти, текущие и прогнозные показатели которой приведены на рисунке 1.

Соединенные Штаты Америки кардинально изменяют свою позицию на рынке нефти благодаря достижениям в области разработки и применения инновационных технологий добычи нетрадиционных видов нефти — легкой нефти из плотных пластов или сланцевой нефти. Технологический рывок США является драйвером не только произошедших изменений на нефтяном рынке, но и в целом современного этапа технологического прорыва в нефтяной отрасли в мире.

Несмотря на большие расхождения в оценках запасов сланцевой нефти США — от 800 млрд барр. до 1,5 трлн барр. [Salameh,2013,p.3], добычу сланцевой нефти в этой стране следует рассматривать как долговременный фактор развития мирового нефтяного рынка. Вероятность такого сценария высока в свете активной работы американских компаний над повышением рентабельности сланцевой нефтедобычи. В 2016 г. наиболее эффективные производители сланцевой нефти выдержали снижение цен на нефть, сосредоточив свою деятельность на наиболее рентабельных формациях. Так, четыре центральные зоны формации Bakken обеспечили более 90% добычи в декабре 2015 г.

Рис. 2. США становятся чистым экспортером с 2026 года



Источник: Annual Energy Outlook 2017 with projections to 2050 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eia.gov/outlooks/aeo/pdf/0383(2017).pdf (дата обращения: 03.01.2017).

Точка безубыточности для этих зон составляет менее 40 долл. США за баррель. Аналогично: шесть центральных областей формации Eagle Ford Shale обеспечили 85% объёма выпуска с точкой безубыточности менее 36 долл. США за баррель [Maugeri,2016 p. 11]. Являясь в настоящее время чистым импортером нефти, в долгосрочной перспективе США становятся чистым экспортером энергоресурсов (рисунок 2).

Саудовская Аравия на мировом рынке нефти выполняет роль производителя, балансирующего состояние нефтяного рынка, что определяется богатейшей ресурсной и производственной базой традиционной нефти и лидерством по экспорту нефти в мире. Фактический отказ от этой роли в 2014 году в связи с принятием стратегии, направленной на сохранение своей доли рынка на фоне резкого замедления темпов развития мировой экономики, усилил состояние дисбаланса на нефтяном рынке. Можно сказать, что восстановление Саудовской Аравией функции ведущего субъекта рынка проявилось в достижении соглашения ОПЕК 29–30 ноября 2016 года о сокращении поставок на 1,2 млн барр./сут, начиная с января 2017. По словам министра энергетики Khalid al-Falih, Саудовская Аравия «приняла на себя главный удар», сокращая добычу на 0,5 млн барр./сутки[73].

Влияние Российской Федерации на состояние мирового рынка нефти определяется созданием экспортной модели, демонстрирующей возможности обеспечения стабильности, эффективности и устойчивости нефтяного производства, высокой рентабельности нефтяных проектов даже при низких ценах на нефть. Интеграция в глобальный механизм рынка нефти свидетельствует о высокой конкурентоспособности нефтегазового сектора России, преимущества которого имеют национальную основу: развитая экспортная инфраструктура, включая трубопроводную, относительно невысокая долговая нагрузка, диверсифицированная система экспортных потоков (активный выход на рынки АТР и БРИКС), создание международных интегральных партнёрств и нефтехимического кластера на Дальнем Востоке.

Россия подтвердила позицию участника глобального уровня, выступив лидером решения о присоединении к соглашению стран ОПЕК об ограничении добычи нефти с 1 января 2017 года стран не ОПЕК. Российская Федерация не только принимает основное обязательство среди независимых производителей о сокращении добычи на 300 тыс.барр./

[73] International Energy Agency-Oil Market Report. 13 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https: // www. iea.org/media/omrreports / Russian OMR.pdf (дата обращения: 03.01.2017).

сут., но и выполняет ведущую роль в процессе обеспечения договоренностей в рамках комитета по мониторингу выполнения соглашения (наряду с Оманом, Алжиром, Кувейтом и Венесуэлой).

Формирование комплекса факторов регулирования глобального рынка нефти, эффективность которых различается в краткосрочном и долгосрочном периодах.

Взаимодействие факторов формирования «нефтяной реальности» порождает, с одной стороны, возможности движения нефтяного рынка к равновесному состоянию, с другой стороны, создает противоречия в состоянии рынка нефти, а его экономические процессы делает еще более неравновесными, неопределёнными и нелинейными. В результате саморегулирование рынка усложняется, а движение рынка зависит от комплекса факторов, эффективность которых различается в краткосрочном и долгосрочном периодах (таблица 4).

Оценка реального влияния ОПЕК на ценообразование мирового рынка нефти в зарубежной научной литературе носит дискуссионный характер. Приведем мнение о том, что если протестировать деятельность ОПЕК на соответствие статусу картеля, то «ОПЕК потерпит неудачу в тестировании» [Colgan, 2014, p. 604].

Таблица 4
Комплекс факторов регулирования глобального рынка нефти

Регулирующий фактор	Механизм воздействия		Результат воздействия
	Краткосрочный период	Долгосрочный период	
Деятельность ОПЕК	Соглашение об изменении объемов добычи нефти		Изменение предложения нефти в ответ на временные флуктуации и шоки
Предложение сланцевой нефти	Изменение объемов бурения на плотных породах		Рост нефтедобычи в условиях высоких цен, снижение объёмов добычи при снижении цен
Национальные регуляторы	Обеспечение институциональных условий развития рынка	Обеспечение инвестиционной привлекательности отрасли	Стабилизация рынка и снижение ценовой волатильности
Саморегулирование рынка	Финансовые факторы	Фундаментальные факторы	Конкурентное равновесие

Если обобщить различные точки зрения, то можно прийти к выводу, что роль ОПЕК как регулятора мирового рынка нефти фундаментально не изменилась по сравнению с прошедшими двумя — тремя десятилетиями. Возможности нефтяного картеля стабилизировать рынок распространяются прежде всего на изменение предложения нефти в краткосрочном периоде в ответ на шоки или флуктуации рыночной конъюнктуры. Организация никогда не была способна стабилизировать рынок в ответ на структурные сдвиги, следовательно, не способна повлиять на долговременные процессы, к которым относится и предложение сланцевой нефти. Об этом свидетельствует увеличение производства нефти ОПЕК в среднем до 34 млн барр/сут. в ответ на рост добычи сланцевой нефти в США. В то же время картель стремится сохранить позицию регулятора временных шоков в краткосрочном периоде, в том числе, привлекая к участию в регулировании нефтяного рынка нефтедобывающие страны, не входящие в ОПЕК. Так, 29–30 ноября 2016 года под эгидой ОПЕК достигнута договоренность о сокращении добычи, а 10–12 декабря к соглашению присоединились одиннадцать стран, которые не являются членами Организации, что свидетельствует о переходе к стратегии возвращения рынка к балансу за счет снижения избыточных запасов, а также поддержания цены на нефть не ниже 50 долл. США за баррель.

Новые технологии нефтедобычи создают регулирующий фактор рынка нефти в виде добычи нетрадиционной нефти. В его основе — ограниченная ценовая эластичность предложения традиционной нефти вследствие продолжительного временного лага между принятием инвестиционного решения и началом разработки месторождения. Добыча сланцевой нефти элиминирует влияние этого обстоятельства благодаря двум особенностям. Во-первых, период между принятием решения пробурить новую скважину и началом добычи измеряется неделями, а не годами, как в случае традиционной нефти. Во-вторых, продолжительность функционирования скважины сланцевой нефти гораздо короче по сравнению со скважиной традиционной нефти. Ежедневное производство сланцевой нефти снижается приблизительно на 75% в первый год функционирования скважины [Dale, 2015, p. 9]. В результате сокращается разрыв между началом инвестиций и производством. В краткосрочном периоде ценовая эластичность предложения сланцевой нефти выше традиционной нефти в связи с высоким уровнем переменных издержек и, соответственно, низким уровнем постоянных издержек производства одного барреля сланцевой нефти. В то же время большинство операций по производству традиционной нефти характеризуются высокими постоянными издержками в виде капиталов-

ложений в нефтяные платформы, нефтепроводы и т.п., в совокупности которых переменные издержки производства каждого барреля нефти относительно низкие, что влияет на эластичность предложения традиционной нефти в краткосрочном периоде.

Воздействие национальных регуляторов осуществляется как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде. В краткосрочном периоде национальные регуляторы способны обеспечить институциональные условия стабилизации рынка и снижения ценовой волатильности посредством контроля возможности ценового манипулирования, законодательного закрепления увеличения доли физического объёма нефти до 10–15% от общего объёма товарных потоков, достижения прозрачности рыночной информации в части объёмов производства и потребления нефти, доступности ценовой информации, прозрачности условий долгосрочных контрактов, регистрации внебиржевых сделок. Значение регуляторов в долгосрочном периоде возможно за счёт обеспечения доступности инфраструктуры и справедливого ценообразования на транспортировку углеводородов, повышения инвестиционной привлекательности отрасли и её проектов.

Саморегулирование рынка является едва ли не самым сложным процессом, так как проявляется через действие множества взаимосвязанных факторов, среди которых выделим прежде всего финансовые механизмы, действие которых ограничено в основном краткосрочным периодом (ожидания инвесторов, спрос на нефтяные фьючерсы, курс доллара, инфляция в США, ставка ФРС, индексы промышленного производства, спрэд на маркерные сорта нефти WTI — Brent).

Совокупность этих факторов формирует «ненефтяной» ценовой механизм рынка нефти в результате его активной интеграции в систему институциональных и экономических отношений финансового рынка в условиях совершенствования финансовых инструментов и финансовых технологий на фоне развития биржевой и внебиржевой торговли. Особенностью этого фактора регулирования рынка нефти является ориентация на краткосрочные финансовые инструменты в ущерб долгосрочным отношениям субъектов рынка и фундаментальным факторам ценообразования и развития. Сущность этого изменения состоит в том, что «фундаментальные факторы (запасы, спрос, предложение, геополитика) имеют второстепенное значение, действуют на цены «на экстремумах» [Россия и мир, 2015, с. 23].

Ключевым элементом системы ценообразования на нефть становятся фьючерсные контракты на нефть эталонных сортов WTI и BRENT, представляя собой «котировальные инструменты для определения ми-

ровой цены нефти» [Масленников, 2015, с. 70]. Эта роль фьючерсных контрактов реализуется благодаря выполнению ряда функций:

— обслуживание мировой торговли физической нефтью, посредством бенчмарка для определения цен в долгосрочных нефтяных контрактах, или оказывая влияние на цены других нефтяных бенчмарков;
— хеджирование ценовых рисков, что способствует управлению объемами выручки от продажи нефти и оптимизации издержек на ее приобретение;
— создание ценовых индикаторов для участников рынка физической нефти, принимающих инвестиционные решения;
— выполнение роли финансового актива в ситуациях как долгосрочного инвестирования с целью диверсификации портфельного риска, так и в краткосрочных спекулятивных операциях.

В результате биржевой механизм ценообразования в условиях снижения инвестиционной активности под влиянием высокой ценовой неопределённости выступает балансиром рынка нефти, заблаговременно отражая рыночные дисбалансы в ценах активов, тем самым способствуя восстановлению инвестиционного процесса на нефтяном рынке. Можно сказать, что «нефть благодаря финансовым операциям становится «идеальным товаром» [Эволюция мировых энергетических рынков, с. 36].

В долгосрочном периоде «ненефтяной» механизм ценообразования «способен воздействовать на сжатие диапазона колебаний нефтяных котировок» [Исаин, 2013, с. 38]. В этом периоде более значимы фундаментальные факторы (баланс спроса и предложения, технологии, предельные издержки производства, инвестиции, геологические запасы и др.), но достижение баланса интересов всех участников нефтяного рынка возможно через современную систему биржевого ценообразования. Таким образом, формирование «ненефтяного» механизма ценообразования определяет интеграцию фундаментальных факторов ценовой динамики рынка нефти в саморегулируемый механизм рынка.

Повышение эффективности нефтяного рынка как вектор развития конкурентной структуры рынка.

Рынок нефти, как и экономика в целом, никогда не пребывает в состоянии рыночного равновесия, но стремится к нему, как и любая другая экономическая система. Это проявляется в том, что механизм рынка нефти становится более эффективным в своем стремлении ограничить мировое потребление нефти таким количеством этого ресурса, которое ему требуется для достижения рыночного равновесия. Логику развития мирового рынка нефти в этом направлении позволяет верифицировать первая фундаментальная теорема теории общественного благосостоя-

ния, которая утверждает: если все индивиды и фирмы преследуют собственные интересы и принимают цены как данные, тогда конкурентное равновесие оптимально[74] по Парето.

Парето-оптимальное размещение ресурсов предполагает, что соотношения рыночных цен соответствуют соотношениям предельных издержек производства. Этот принцип лежит в основе сигнального механизма об относительной ограниченности благ и ресурсов: если цены ниже предельных издержек, то у потребителей возникает стимул к неэкономному потреблению, что ведёт к росту спроса, а затем и росту цен на рынке. Если цены выше предельных издержек, то потребление искусственно сдерживается, что рано или поздно приводит к замедлению экономического роста и снижению цен на рынке. В условиях оптимума цены равны предельным издержкам производства дополнительной единицы продукции.

О движении мирового рынка нефти в этом направлении свидетельствует:

— во-первых, снижение цен и снижение уровня предельных и средних издержек под влиянием ценового давления. Следует учитывать: в условиях сформированного мирового открытого рынка нефти «предельные издержки по добыче нефти определяются не в рамках отдельно взятой страны, а по миру в целом» [Цены на нефть, 2013, с. 238];
— во-вторых, ориентация компаний на стратегию «сохранение доли рынка», переходящую иногда в стратегию расширения своей рыночной доли, что объясняется усилением конкуренции за ресурсы и передел рынков сбыта;
— в-третьих, то обстоятельство, что проведение скоординированной политики нефтедобывающих стран с целью сокращения добычи и повышения цены нефти усложняется: если ОПЕК и другим странам вместе с Россией удастся добиться роста цен на нефть, то производители сланцевой нефти в США увеличат добычу. В результате возрастёт разрыв между спросом и предложением на рынке нефти (рисунок 4), который, по мнению зарубежных экономистов, и без того сохраняет «драматическую» динамику до 2020 года[75].

Достижение сбалансированного состояния рынка нефти возможно по мере движения рынка нефти к совершенной конкуренции, переход

[74] Понятие оптимума в общенаучном смысле означает наилучшее использование имеющихся ресурсов.

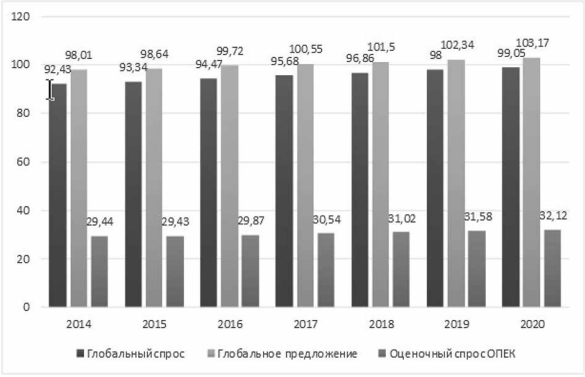
[75] Medium-Term Oil Market Report 2015. OECD/IEA, 2015.[Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/MTOMR_2015_Final.pdf (дата обращения: 30.12.2016).

к которой обусловлен всей совокупностью факторов, формирующих современную «нефтяную реальность». В рыночном пространстве этой реальности формируются тенденции, содержание которых определяет основные черты теоретической модели или парадигмы развития мирового рынка нефти .

Совершенствование конкурентных отношений рынка нефти — процесс сложный, долговременный, но необратимый с точки зрения повышения эффективности глобального рынка нефти. Предпосылками реализации этого процесса выступают координация и обеспечение объективного баланса подчас противоположных интересов, компенсация потерь и расширение зоны контрактов с целью максимизации полезности всех участников современного этапа воспроизводства и потребления нефти в мировом масштабе, включая нефтяные компании, компании нефтегазохимии, производителей оборудования, компании сланцевой индустрии, партии «зелёных», домашние хозяйства и т.д.

В заключение отметим: трактовка тенденции развития современного рынка нефти в направлении совершенства конкуренции позволяет снять ощущение «драматизма» в связи с перспективами изменения цены нефти в сторону понижения. «Утешительным призом» для мирового сообщества представляется идея о том, что рынок с совершенной конкуренцией приводит к такому состоянию, при котором максимизируется общественное благосостояние.

Рис. 3. Глобальные дисбалансы спроса и предложения сырой нефти (млн барр./ сут.)



Источник: Medium-Term Oil Market Report 2015. OECD/IEA, 2015.[Электронный ресурс]. URL: http: // www.iea.org/publications/freepublications/ publication/ MTOMR_2015_Final.pdf (дата обращения: 30.12.2016).

Результаты исследования

Выявлены факторы формирования актуальной «нефтяной реальности», к которым относятся следующие процессы и явления.

Углубление процесса глобализации мирового рынка нефти сопровождается стремлением ведущих участников рынка реализовать стратегическую экономическую цель независимого доминирования и собственной безопасности в сфере энергетики.

Распространение новых технологий обеспечивает снижение общей энергоемкости мировой экономики и рост энергоэффективности, что создает одновременно как возможности для снижения потребления нефти, так и условия для роста ежегодной потребности в нефти в мире.

Изменение мировой топливно-энергетической структуры, включая глобализацию газового рынка на основе транспорта сжиженного газа и распространение альтернативных видов топлива.

Возникновение новых источников углеводородных ресурсов (добыча на поздних стадиях разработки геологических формаций, добыча нетрадиционных видов нефти, расширение шельфовой добычи) усложняет подходы к оценке перспектив и источников будущей добычи нефти.

Показано, что к устойчивым тенденциям развития нефтяного рынка, формирующимся в пространстве современной «нефтяной реальности», относятся:

— структурные изменения субъектной основы рынка нефти, которые влияют на формирование экспортной модели нефтяного производства глобального масштаба;
— формирование комплекса факторов регулирования глобального рынка нефти, эффективность которых различается в краткосрочном и долгосрочном периодах;
— повышение эффективности нефтяного рынка как вектор развития конкурентной структуры рынка.

Анализ результатов

Выявление факторов формирования актуальной «нефтяной реальности» позволяет объяснить причины роста глобальной несбалансированности рынка нефти, тенденции усложнения прогнозирования цены нефти, возрастания ценовой неопределенности рынка нефти, обосновать процесс постепенного уменьшения экономического и политического значения нефти в мире, утраты нефтяным сектором мировой экономики позиции доминанты мирового энергетического бизнеса.

Обоснование структурных изменений субъектной основы рынка нефти, позиционирование США, Саудовской Аравии и России как

основных участников рынка, позволяет показать их влияние на формирование экспортной модели нефтяного производства глобального масштаба**.**

Раскрыта роль регулирующих рынок нефти факторов, в краткосрочном периоде к ним относятся: деятельность ОПЕК (регулирует изменение предложения нефти в ответ на временные флуктуации и шоки); предложение сланцевой нефти в США (рост нефтедобычи в условиях высоких цен, снижение объёмов добычи при снижении цен). К факторам, действующим и в краткосрочном и в долгосрочном периодах относятся: деятельность национальных регуляторов, результатом которой являются стабилизация рынка и снижение ценовой волатильности. Саморегулирование рынка происходит на основе биржевого ценового механизма в краткосрочном периоде, под воздействием фундаментальных факторов в долгосрочном периоде, что способно привести к конкурентному равновесию рынка нефти.

Заключение

Достижение сбалансированного состояния рынка нефти возможно по мере движения рынка нефти к совершенной конкуренции, переход к которой обусловлен всей совокупностью факторов, формирующих современную «нефтяную реальность». В рыночном пространстве этой реальности формируются тенденции, содержание которых определяет основные черты теоретической модели или парадигмы развития мирового рынка нефти.

Совершенствование конкурентных отношений рынка нефти — процесс сложный, долговременный, но необратимый с точки зрения повышения эффективности глобального рынка нефти. Трактовка тенденции развития современного рынка нефти в направлении совершенства конкуренции позволяет снять ощущение «драматизма» в связи с перспективами изменения цены нефти в сторону понижения. «Утешительным призом» для мирового сообщества представляется идея о том, что рынок с совершенной конкуренцией приводит к такому состоянию, при котором максимизируется общественное благосостояние.

Литература

1. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности / А. А. Дынкин [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 32с.
2. Исаин Н. В. Мировые цены на нефть: закономерности и прогноз // Нефтегазовая Вертикаль. 2013.№ 2. С. 36–40.
3. Масленников А. О. Мировая система биржевой торговли нефтяными фьючерсами: новейшие тенденции // Деньги и кредит. 2015.№3. С. 69–72.

4. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / А. А. Дынкин [и др.]. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 147с.
5. Сечин И. Кризис нефтяного рынка и перспективы выхода из него [Электронный ресурс]. URL:https://www.rosneft.ru/upload/site1/document _file/presentation_10022016.pdf (дата обращения: 30.12.2016).
6. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз / В. В. Бушуев [и др.]. М.: ИД «Энергия», 2013. 344с.
7. Эволюция мировых энергетических рынков и её последствия для России. — М.: Институт энергетических исследований РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ, 2015. 400 с.
8. Colgan J. D. The Emperor Has No Clothes: The Limits of OPEC in the Global Oil Market. International Organization /Volume 68/Issue 03/June 2014, pp.599–632.
9. Dale S. New Economics of Oil. Society of Business Economists Annual Conference, London, 13 October, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/speeches/2015/new-economics-of-oil-spencer-dale.pdf (дата обращения: 02.01.2017).
10. Maugeri L. The Global Oil Market: No Safe Haven for Prices. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School, 2016. 30 p.
11. Salameh M. G. Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prise of Oil & Peak Oil / International Association for Energy Economics. Third Quarter, 2013 [Электронный ресурс].URL: http:// www.gulfpolicies.com/. attachments/article/1338/ (дата обращения: 04.01.2017).

THE FACTORS AND TRENDS DETERMINING THE EVOLUTION OF THE GLOBAL OIL MARKET PARADIGM

Tatjiana A. Malova

Abstract. *Problems and prospects for changes in the oil market affect the interests of actors at all levels of the global economy. In Russian and international studies of the oil market, considerable attention is paid to oil prices' forecast, the assessment of quantitative characteristics of fluctuations and shocks in the oil market. At the same time nature of the phenomena and processes that determine the economic substance of changes in the oil market is not fully investigated yet. In this regard, the analysis of the factors and trends that determine the formation of the development paradigm in the global oil market in modern conditions is needed. The theoretical basis of the study are the works of Russian researchers (V. V. Bushueva, N. V. Isaina, A. A. Konoplyanik, J. M. Mirkina, I. I. Sechin, etc.) and foreign economists (S. Dale, J. Colgan, L. Maugeri, M. Salameh). The study was conducted on the basis of general scientific and special methods: grouping, generalization and classification of data, methods of logical, comparative and system analysis, econometric and graphical simulation of the*

studied phenomena and processes. The result of the study revealed the factors forming the actual "oil reality". Progress of globalization of the world oil market is characterized by the objective of leading market participants to implement a strategic economic goals, independent domination and its own security in the energy sector. Dissemination of new technologies will reduce overall energy intensity of the global economy and improving energy efficiency, creating at the same time as opportunities to reduce oil consumption, and the conditions for growth in annual oil demand in the world.

Changing global energy structures, including the globalization of the gas market on the basis of the transport of liquefied natural gas and distribution of alternative fuels. Problems of approaches to the assessment of the prospects and sources of future production of oil in context of the appearance of new sources of hydrocarbon resources.

The author has shown the sustainable development trends of the oil market in the emerging space of the modern "oil reality" (structural changes of the subject fundamentals of the oil market; the formation of a complex of factors regulating the global oil market, the effectiveness of which varies in the short and long term; improving the efficiency of the oil market as a vector of development of a competitive market structure).

The identifying factors of "oil reality" allows to explain the reasons of the increasing global imbalance in the oil market, problems the forecasting of oil price, increase of price uncertainty in the oil market, to justify the gradual process of reducing the value of oil in the world, loss of dominant position in the global energy business by the oil sector of the world economy. The rationale for structural change of subject fundamentals of the oil market allows to show their impact on the formation of an export model of oil production.

Study of the role of factors regulating the oil market (activity of Organization of countries-exporters of oil, the supply of shale oil, the activities of national regulators, self-regulation of the market) allows to show a prospect of achieving a balanced state of the oil market as the oil market with perfect competition under the influence of factors determining modern "oil reality" in the market environment where trends emerge that define the main features of the development paradigm of the global oil market.

Improving the competitive relationship of the oil market is complex, long-term, but irreversible from the point of view of the efficiency of the global oil market.

Keywords: *global oil market, changes, factors, trends.*

References

1. Bushuev, V.V. (2013). Ceny na neft': analiz, tendencii, prognoz [Prices of oil: analysis, tendencies, forecast]. Moskva: ID Jenergija.

2. Dynkin, A. A. (2016). Global'naja sistema na perelome: puti k novoj normal'nosti [Global system on a change: ways to a new normality]. Moskva: IMJeMO RAN.
3. Dynkin, A. A. (2016). Rossija i mir: 2016. Jekonomika i vneshnjaja politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and world: 2016. Economy and foreign policy. Annual forecast]. Moskva: IMJeMO RAN.
4. Isain, N. V. (2013). Mirovye ceny na neft': zakonomernosti i prognoz [World prices for oil: regularities and forecast]. *Neftegazovaja Vertikal'* [*Oil and gas Vertical*], 2, 36–40.
5. Jevoljucija mirovyh jenergeticheskih rynkov i ejo posledstvija dlja Rossii (2015) [Evolution of the world energy markets and its consequence for Russia]. Moskva: Institut jenergeticheskih issledovanij RAN, Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF.
6. Maslennikov, A.O. (2015). Mirovaja sistema birzhevoj torgovli neftjanymi f'juchersami: novejshie tendencii [World system of exchange trade in oil futures: the latest tendencies]. *Den'gi i kredit* [*Money and credit*], 3, 69–72.
7. Sechin I. I. (2016). Krizis neftjanogo rynka i perspektivy vyhoda iz nego [Crisis of the oil market and prospect of an exit from it]. Retrieved 30 December, 2016 from https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/presentation_10022016.pdf
8. Colgan, J.D. (2014) The Emperor Has No Clothes: The Limits of OPEC in the Global Oil Market. *International Organization* /Volume 68/Issue 03/June 2014, 599–632.
9. Dale, S. (2015) New Economics of Oil. *Society of Business Economists Annual Conference. London.* Retrieved 02 January, 2017 from: http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/speeches/2015/new-economics-of-oil-spencer-dale.pdf
10. Maugeri, L. (2016). The Global Oil Market: No Safe Haven for Prices. Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School.
11. Salameh, M.G. (2013). Impact of U.S. Shale Oil Revolution on the Global Oil Market, the Prise of Oil & Peak Oil. *International Association for Energy Economics.* Third Quarter, 2013. Retrieved 4 January, 2017 from http:// www.gulfpolicies.com/attachments/article/1338/

Информация об авторе
Малова Татьяна Алексеевна
д.экон.н., доцент, профессор кафедры экономической теории; Московский государственный институт международных отношений (университет), Российская Федерация; E-mail: mta97@mail.ru

Tatjiana A. Malova
Dr. of Economics, professor of Department of economic theoryMGIMO; Moscow State Institute of International Relations (University), Russia; E-mail: mta97@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

А. Г. ОЛЕЙНОВ

Аннотация. *Доклад посвящен концептуальному уровню академических исследований экономики и политики глобализации. Автор исходит из того, что в научных публикациях глобализация чаще всего выступает предметом интереса представителей политической и экономической отраслей знания, проявляя себя в предметном поле таких дисциплин, как теория международных отношений и международная экономика. Осуществляемый в докладе сравнительный анализ методологических допущений данных дисциплин позволил конкретизировать содержание, предпосылки и последствия глобализации, которые в итоге определяют доминирующее как в теории, так и на практике концептуальное понимание глобализации. Кроме того, констатируется, что в последние годы разделение между политологическим взглядом на глобальные процессы и его экономической альтернативой постепенно уступило междисциплинарным обоснованиям на стыке методологии двух наук (в рамках, так называемой, международной политэкономии). В докладе раскрывается теоретическая картина экономики и политики глобальных процессов, которая может быть получена при использовании междисциплинарного инструментария, и ее основные отличия от монодисциплинарных парадигм. Итоговая часть доклада обобщает результаты использования монодисциплинарных и междисциплинарных подходов к обоснованию глобализации и формулирует концептуальные границы современного понимания экономики и политики глобальных процессов.*

Ключевые слова: *глобализация, экономическая наука, теория международных отношений, международная экономика, международная политэкономия*

Введение. Глобализация — популярная проблемная тема на современном этапе развития международных отношений. Какова ее природа? Каковы проявления? Является ли глобализация временным явлением или это необратимый процесс? Могут ли те или иные послед-

ствия глобализации быть признаны однозначно положительными или отрицательными? Ответы на эти и иные вопросы о глобализации актуальны не только в практической плоскости, но и концептуальной.

За последние десятилетия тема «глобализации» стала одной из самых обсуждаемых в академическом мире. Сложившееся здесь многообразие теорий, концепций и методологических подходов к пониманию и обоснованию общемировых феноменов и тенденций, тем не менее, не абсолютно. В знании о глобальных процессах есть свои "законодатели моды" — представители экономической науки и политологии. Именно результаты изысканий последних определили концептуальные границы, сформировавшие то видение глобализации, с которым наиболее часто приходится сталкиваться как в теории, так и на практике.

В данной работе проводится сравнительный анализ теоретических допущений экономических и политологических направлений академических исследований глобальных процессов, конкретизируются содержание, предпосылки и последствия глобализации с методологических позиций каждого, обобщаются и систематизируются результаты, а также констатируются отличия использования монодисциплинарных и междисциплинарных подходов к познанию и обоснованию глобализации. Итогом исследования стала формулировка концептуальных границ современного понимания экономики и политики глобальных процессов.

Экономика и политика глобализации

В научной сфере ответы на эти и иные вопросы о глобализации чаще всего можно услышать от представители двух отраслей знания: политической и экономической. В первую очередь причиной тому является демонстрируемый ими относительно (других отраслей знания) высокий уровень развития методологии исследования международных процессов. Глобализация как объект исследования прямо или косвенно проявляет себя в предметном поле таких субдисциплин политологии и экономической науки, как *теория международных отношений (International Relations Theory)* и *международная экономика (International Economics)*. Сравнение сформировавшегося здесь теоретического понимания глобализации, ее предпосылок и последствий позволяет констатировать схожие черты и принципиальные отличия.

Консенсус политологи и экономисты (а за ними и большинство представителей социальных отраслей знания) демонстрируют прежде всего в определениях глобализации, т.е. относительно ее содержания.

На современном этапе своего развития теория международных отношений и международная экономика рассматривают глобализацию либо как распространение единообразия в социальной жизни людей

разных стран и регионов, либо как становление единой мировой экономической системы, функционирующей по общим правилам. Безусловно, как политологи, так и экономисты, в силу специфики своего предметного поля, обращают внимание на разные стороны глобализации (в частности, для первых важным может быть вопрос суверенитета государств, а для вторых — финансовые, торговые и бизнес аспекты). Тем не менее, все перечисляемые в определениях глобализации составляющие могут быть в конечном итоге сведены к материальным (товары, миграция и пр.) и нематериальным (ценности, угрозы, финансы и пр.) процессам, затрагивающим все социальные общности мира в той или иной сфере.

Наиболее дискуссионные аспекты глобализации для теории международных отношений и международной экономики (как и для других отраслей знания) — ее причины и последствия. Именно актуализация последних в научных исследованиях проявляет отличия теоретических ответов на наиболее острые вопросы, стоящие в практической повестке дня.

Для международной экономики глобализация представляет собой в целом положительное явление. В силу специфики предметного поля и методологических допущений экономической науки, либерализация отношений (которая в международной экономике выступает основной предпосылкой глобализации), при прочих равных условиях, признается здесь наилучшим решением (или по крайней мере — движением в сторону оптимума) в рамках любой хозяйственной системы. Как следствие, в международной экономике превалирует тезис, что свободно функционирующие мировые рынки, формирующиеся в результате глобализации, способны производить социально-оптимальные результаты (или, по крайней мере, результаты, которые превосходят результаты нерыночных механизмов). Идеал для экономистов — саморегулирующиеся глобальные рынки, политическое присутствие на которых государств, международных институтов и организаций ограничено глобальными «фиаско» рыночного механизма, в частности в предоставлении так называемых глобальных общественных благ.

Для теории международных отношений предпосылки и последствия глобализации — предмет многолетней дискуссии. К первым чаще всего относят: геополитические факторы (реализм), распространение на весь мир западных ценностей (либерализм), деятельность промышленно-финансовых монополий и империалистические амбиции США (неомарксизм), универсальные для человечества идеи и ценности (конструктивизм). Вторые политологи также сводят к разным феноменам: ослаблению социальной и международной роли государства, становлению единой миро-

вой экономической системы и слиянию внутренних и внешних товарных и финансовых потоков, формированию единой информационной среды и распространению на весь мир единых социальных стандартов и др.

Многообразие констатируемых причин и следствий глобализации — наиболее очевидное методологическое отличие использования теории международных отношений от международной экономики при обосновании глобальных процессов. Однако, с прикладной точки зрения принципиальными представляются иные особенности политологического взгляда на рассматриваемый вопрос.

Во-первых, в отличие от экономистов политологи не оценивают глобализацию как однозначно позитивный феномен. В теории международных отношений констатируются как положительные последствия глобализации: интенсификация международных экономических, политических и других связей, снижение роли государства во внутренних и внешних экономических процессах, рост влияния неправительственных организаций на политику государств и пр., так и отрицательные: монополизация отдельных секторов мировой экономики транснациональным бизнесом, усиление поляризации доходов в мировом масштабе, манипулирование мировыми политическими процессами со стороны сверхдержав, возникновение новых угроз планетарного масштаба и пр. Во-вторых, в отличие от международной экономики, в рамках теории международных отношений не принято делать однозначных выводов о превалировании положительных результатов глобализации над негативными. Более того, здесь констатируются последствия глобализации, которые не могут быть однозначно оценены как положительные или отрицательные: рост экономической взаимозависимости, повышение трансграничной мобильности людей и усиление миграционных потоков, образование единого технологического и информационного пространства, размывание национальной идентичности и пр. В-третьих, перечисленное выше — вопрос дискуссии в политологии. В отличие от международной экономики в теории международных отношений нет аксиоматических идей относительно как причин, так и последствий глобализации.

В целом, сравнение основных положений международной экономики и теории международных отношений относительно глобализации позволяет сделать следующее основное обобщение. Пока мир остается политически разделен институтом суверенитета государств, последние всегда будут вмешиваться в общественные (в том числе, в сугубо экономические, т.е. рыночные) процессы. Как следствие, глобальная политическая и / или саморегулирующаяся экономическая

система / системы — теоретическая абстракция в условиях государственно-центристской (суверенитета государств) модели международных отношений. В то же время, формирование единой в масштабах всей планеты *экономической* среды потенциально возможно как с позиций международной экономики, так и теории международных отношений.

Политэкономия глобализации

В последние годы разделение между политологическим взглядом на глобальные процессы и его экономической альтернативой постепенно уступают место междисциплинарным обоснованиям на стыке методологии двух наук, в рамках, так называемой, международной политэкономии[76]. Более того, глобальные процессы стали для последней одним из ключевых объектов анализа как теоретического, так и эмпирического, а сама дисциплина с 2000 г. все чаще обозначаться через термин «глобальная политэкономия» ("global political economy")[77] с соответствующим расширением предметного поля[78]. Следствием этих изменений стало то, что международная политэкономия сегодня находится в центре научных изысканий по глобализации (не только ее экономических и политических аспектов), демонстрируя, при этом, признаки формирования комплексной парадигмы глобальных процессов, выходящей за рамки концептуальных построений международной экономики и теории международных отношений.

Основное отличие в подходе международной политэкономии к изучению глобальных процессов заключается в том, что представители направления занимает здесь одновременно более конкретную (по сравнению с политологами) и более сбалансированную (по сравнению с экономистами) позицию. Если в теории международных отношений глобализация выступает источником дискуссии в контексте ее внутренних и международных последствий, а в международной экономике рассматривается как в целом положительное явление, то международная политэкономия свойственен следующий взгляд на феномен.

---

[76] Подробнее см.: Олейнов А. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения, 2017, Т. 61 (2), с. 55–65.

[77] Примеры: Cohn T.H. Global Political Economy (1–7 Editions). Addison-Wesley/Longman|Routledge, 2000–2016; Gilpin, R., J.M.Gilpin. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. Princeton University Press, 2001; Ravenhill, J. (ed.). Global Political Economy (1–4 Editions), Oxford University Press, 2005–2014 и др.

[78] «Международная политэкономия изучает как политика определяет развитие событий в глобальной экономике и как глобальная экономика определяет политику» (Oatley, T. International Political Economy: Interests and Institutions in the Global Economy (1–5 Editions), Routledge, 2013, p. 1).

Во-первых, ключевой предпосылкой глобализации здесь признается эволюция капиталистических отношений и естественное проявление механизма рынка. Данная констатация ведет к признанию того, что глобализация — потенциально необратимый процесс и все попытки воспрепятствовать глобализации — в конечном итоге бесполезны. Иными словами, в политэкономических исследованиях происходит усиление либеральных тезисов международной экономики и теории международных отношений относительно глобализации.

Во-вторых, глобализация, согласно политэкономической парадигме, ведет и к положительным результатам (к стандартизации национальной политики и институтов, либерализации государственной политики и открытию рынков, деполитизации экономических процессов и ослаблению проявления национализма, снижению использования насилия и военной силы в международных отношениях и др.), и к негативным результатам (более высокой степени уязвимости от внешних шоков, росту влияния инвестиционного капитала на национальную политику (транснациональных корпораций, глобальных финансовых институтов и пр.), глобальным «провалам рынка» (бедность, загрязнение окружающей среды и пр.) и др.). При этом, основными следствиями глобализации признаются рост трансграничной взаимозависимости и расширение спектра субъектов международных отношений (от обычных людей до транснациональных корпораций, от государств и межправительственных организаций до общественных организаций, групп интересов и неправительственных организаций).

В-третьих, международная политэкономия констатирует, что главный сдерживающий фактор глобализации — это государства. В мире с политическими границами и характеризующимся отсутствием центрального правительства, государства остаются — хорошо это или плохо — единственными формально-свободными субъектами, способными игнорировать международные соглашения[79]. Именно государства часто являются препятствием для эффективных действий по проблемам или вопросам, которые пересекают национальные границы. Основная причина заключается в том, что в вопросах решения глобальных проблем (таких как нарушение прав человека, бедность и др.), многие государства просто не имеют интереса действовать для всех.

[79] Это особенно характерно для наиболее сильных государств, по причине не соответствия их национальным интересам (пример: позиция США по Киотскому протоколу).

В-четвертых, в вопросе решения глобальных проблем международная политэкономия актуализирует и отводит заметную роль негосударственным и некорпоративным субъектам, так называемому «третьему сектору» (в дополнение к публичному и частному секторам): неправительственным организациям, общественным движениям, аналитическим центрам (think-tanks), благотворительным фондам и пр. В отличие от государств, третий сектор не обладает нормотворческим и нормо-контролирующим потенциалом государств и межправительственных организаций, и, как следствие, не участвует в решении глобальных вопросов напрямую. Кроме того, он, как правило, проигрывает в плане финансовых ресурсов другим субъектам глобальных процессов (например, транснациональным корпорациям). С позиций международной политэкономии третий сектор играет определяющую роль в формировании идейной глобальной среды[80], наполняя и актуализируя проблемы, требующие внимания международного сообщества: без него многие вопросы, никогда бы не стали неотъемлемой частью глобальной повестки дня (например, бедность, нарушение прав человека, окружающая среда, гендерное равенство и пр.).

Обозначенные выше политэкономические выводы относительно глобальных процессов в итоге вывели на первый план в академических исследованиях вопрос формата политического управления глобальной экономической системой. Для международной политэкономии в глобализирующемся мире ни один субъект или группа субъектов не способны определять все международные процессы или доминировать в них. Как следствие, здесь возможен один из двух подходов к управления глобальной средой: *с позиций силы* или *в формате глобального управления (global governance)*. Согласно первому, как и большую часть истории международных отношений, самые мощные государства будут продолжать оказывать определяющее влияние на международные режимы, которые формируют глобальную политэкономическую среду[81]. Согласно второму, неотъемлемым и важным аспектом глобализации

[80] В отличие от публичного и частного секторов, третий сектор обычно преследуют цели, которые не могут быть описаны как по существу индивидуальные (корыстные).

[81] Когда же между этими режимами и национальными интересами возникает конфликт, самые мощные государства способны нарушать установлены глобальные правила. Пример — переход США по результатам Дохийского раунда переговоров ВТО на работу вне рамок организации: к переговорам о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (Transatlantic Trade and Investment Partnership) и Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership).

является создание глобальных институтов или механизмов управлении глобальными процессами[82].

Вопрос регулирования глобальных процессов — дискуссионная площадка всех направлений академических исследований международных процессов. В международной экономике превалирует тезис, что государственный контроль национальных экономик должен уступить место саморегулированию, осуществляемому через механизмы мирового рынка: свободно функционирующие международные рынки не только самокорректируются, но и производят социально оптимальные результаты (или, по крайней мере, результаты, которые превосходят результаты нерыночных механизмов). В теории международных отношений доминирует идея, что пока мир остается политически разделен суверенитетом такой модели общественного устройства, как государства, последние всегда будут вмешиваться в рыночные процессы (полная свобода рыночных сил возможна лишь в случае полного отказа от суверенитета)[83]. Иными словами, теория международных отношений признает идеал, формулируемый международной экономикой, но констатирует его недостижимость в условиях государственно-суверенной модели международных отношений.

Международная политэкономия признает необходимость глобальных институтов в любом случае, включая ситуацию свободы рыночных отношений. Глобальные институты здесь это широкий спектр общемировых институциональных образований, основной ролью которых является нейтрализация негативных последствий глобализации. При этом, взгляд международной политэкономии на глобальное управление не предусматривает ситуацию, в которой в мире есть одна всеобъемлющая политическая власть (т.н. мировое правительство), наделенная исключительными полномочиями по обеспечению «правил игры» для всего мира[84]. Перспектива иерархичного глобального ин-

[82] Эмпирическая аргументация здесь, в свою очередь, обычно следующая: если бы мир продолжался без общих формальных правил трансграничной торговли (ВТО) и финансовых отношений (МВФ), степень экономической и политической нестабильности в международной системе была бы выше.

[83] Ни одно государство, в том числе признаваемые наиболее либеральными (например, Великобритания, США), не готово позволить рыночным силам полностью определить свою экономическую судьбу. Как следствие — любой глобальный институт будет исходить из той роли (как минимум формальной), которую государства играют в международных отношениях.

[84] В то же время международная политэкономия не отрицает вариант мирового правительства де-факто, а именно: глобальную гегемонию. Примеры последней: гегемония США в эволюции международной финансовой системы, в меньшей степени, в международных торговых режимах (ВТО).

ституционального устройства остается, однако она невозможна пока существует суверенитет. В международной политэкономии глобальное управление является полицентричным и мультисубъектным с возрастающей ролью неформальных норм и правил (корпоративные кодексы поведения, религиозные догмы и т.п.). Подобный взгляд позволяет комплексно отразить экономику и политику глобальных процессов, без концептуальных противоречий, проявляющихся при использовании монодисциплинарных подходов.

* * *

В целом, концептуальные рамки современного академического взгляда на экономику и политику глобальных процессов определяют глобальные процессы многоуровневыми и многосубъектными. В свою очередь, допущения о многоуровневом характере внешнеполитических решений и многообразии субъектов международных отношений формируют следующую теоретическую картину глобальных процессов:

— Глобализация — необратимый процесс роста трансграничной *экономической* взаимозависимости ведущий к созданию единых наднациональных *политических* институтов.
— В глобализирующемся мире государства перестают быть единственными игроками и теряют свою автономность (их роль во внутренних и международных экономических процессах минимизируется, а в политических — сводится к представительским функциям). Ни один субъект не способен определять глобальные процессы или доминировать в них в долгосрочной перспективе.
— Главный сдерживающий фактор глобализации — суверенитет государств. Государства — единственный субъект глобальных процессов, формально свободный игнорировать международные соглашения и, одновременно, единственный субъект глобальных процессов, характеризующийся приоритетом внутренних императивов над внешними.
— Ключевой политический и, одновременно, макроэкономический аспект глобализации: вопрос политического управления глобальными экономическими процессами. Политические действия на мировой арене (создание и содержательное наполнения глобальных институтов) обусловлены необходимостью нейтрализации негативных экономических последствий глобализации.
— Потенциально формирование единой экономической и политической среды в масштабах всей планеты (без территориальных границ) не только возможно, но и вполне реальный сценарий наблюдаемых

сегодня процессов. Как минимум, переход к многоуровневым трансграничным экономическим отношениям продолжится, а значение глобальных институтов будет расти.

CONCEPTUAL BOUNDARIES OF ECONOMICS AND POLITICS OF GLOBALIZATION

Anton G. Oleynov

Abstract. *The presentation focuses on the conceptual level of economics and politics of globalization. It addresses globalization following the fact that this topic more often appears as a subject of interest of the Political Science and Economics, manifesting itself in such sub-disciplines as the Theory of International Relations and International Economics. A comparative analysis of their methodological foundations allowed to specify the essence, prerequisites and consequences of globalization that finally determine the dominant understanding of globalization both in theory and in practice. Besides, it is admitted that the division between the Political Science view of global processes and the alternative economic paradigm gradually gave way to interdisciplinary explanations (in the framework of the so-called International Political Economy). The presentation demonstrates how the use of the theoretical assumptions of the last provides a broader conceptual construction of the economy and politics of global processes, compared with the concepts formulated within the monodisciplinary theoretical approaches. The final part of the presentation summarizes the results of the use of the monodisciplinary and interdisciplinary approaches to globalization and formulates the conceptual boundaries of the modern understanding of the economics and politics of global processes.*

Key words: *Globalization, Economics, International Relations Theory, International Economics, International Political Economy*

Информация об авторе
Олейнов Антон Геннадьевич
профессор, доктор экономических наук,
кафедра мировой экономики МГИМО МИД России
e-mail: oleinov@mgimo.ru
Anton G. Oleynov
Prof., Dr. (econ.)
MGIMO–University, Russia

ФЕНОМЕН БИТКОЙНА

С. Ю. ПЕРЦЕВА

Аннотация. *Статья представляет собой попытку систематизировать представления исследователей о месте и роли технологии биткойн в современном мире. Актуальности изучения данного феномена придает его связь с проблемой поддержания международной финансовой стабильности. Внимание к теме биткойна со стороны ученых обусловлено не только академической, но и практической направленностью, и тем фактом, что высокотехнологичные инновации, сегодня известные, как ФИНТЕХ, снискали значительную популярность в финансовом секторе. Движущей силой реализации мероприятий по разработке и внедрению технологии биткойн в систему платежей, клиринга и расчетов являются высокие ожидания сокращения операционных и финансовых рисков и неэффективности. Создатели технологии уверены, что технология биткойн позволит сформировать систему более эффективных и безопасных платежей и может быть использован ее значительный потенциал, который коренным образом усовершенствует механизм платежей, клиринга и расчетов, а также изменит роль финансовых институтов и финансовой инфраструктуры в целом. Участники отрасли с оптимизмом ждут разработки приложений для расчетных, платежных и клиринговых систем, однако, на практике, должно пройти несколько лет для полной реализации данного проекта. Важной задачей данной работы является исследование того, как технология биткойна может быть использована в области расчетно-платежных и клиринговых операций, и определить возможности и потенциал для практической реализации и долгосрочного использования данной инновации. Автор статьи считает перспективными дальнейшие исследования в области технологии биткойна.*

Ключевые слова: *биткойн, технологии, расчетно-платежные системы.*

Введение. В современном, динамичном и бурно развивающемся мире постоянно появляются новые технологии и решения, а старые и традиционные дорабатываются и совершенствуются. Однако даже в та-

ком мире, полном инноваций и нестандартных идей, можно выделить нововведения, которые имеют революционный характер и заставляют полностью переосмыслить текущий мировой финансовый порядок как на национальном уровне, так и на глобальном. К подобным нововведениям можно отнести биткоин как феномен альтернативной денежной единицы и новой децентрализованной блоковой расчетной системы. Создатели и разработчики биткоина предложили в корне новый взгляд на платежный механизм и валютный порядок и указали мировому сообществу новый вектор дальнейшего развития финансовой и расчетной систем, чем и обуславливается актуальность данной работы.

Теоретические основания исследования. Сегодня криптовалюты пока еще не получили должного распространения в силу крайней новизны и динамичного характера проблематики. Однако в настоящее время криптовалюты и децентрализованная блоковая система расчетов привлекают все большее внимание, как среди академического сообщества, так и со стороны частного бизнеса и государства. Большая часть работ по данной теме приходится на международные организации, такие как ОЭСР и МВФ, национальные денежно-кредитные регуляторы, такие как ФРС, ЕЦБ и Банк Англии, и на зарубежные исследовательские институты и консалтинговые компании.

Исследование: основная часть. В последние годы в условиях активно развивающихся мира и мировой экономики, а также совершенствования технологий появилось большое количество новшеств в области платежей и немалое число альтернативных валют. Среди наиболее значимых инноваций выделяют следующие: электронные кошельки (wrappers) по типу Google Wallet или Яндекс Деньги, мобильные деньги (mobile money) по типу M-Pesa, местные и виртуальные валюты (local currencies and credits) по типу Бристольского фунта[85] и «золота» в игре World of tanks[86] соответственно и цифровые валюты (digital currencies) по типу биткоина.

Особый интерес представляют именно цифровые валюты и криптовалюты как их разновидность, ведь именно цифровые валюты являются как новой, альтернативной существующим традиционным деньгам валютой, так и новой децентрализованной системой расчетов.

Методология исследования. Целью исследования является анализ системы биткоина и рассмотрение особенностей текущего применения и перспектив будущего использования системы криптовалюты.

[85] http://bristolpound.org/

[86] http://worldoftanks.ru/ru/content/guide/payments_instruction/what-are-benefits-game-gold-within-world-tanks/

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

— анализ биткоина как нового средства платежа и как новой платежной системы;
— освещение текущих и перспективных способов применения биткоина;
— исследование особенностей регулирования криптовалюты в зарубежных странах и в Российской Федерации.

Процедура исследования. Проведем подробный анализ двойного феномена биткоина: рассмотрим валютный аспект системы, то есть биткоин в качестве денежной единицы, и платежный аспект системы, то есть биткоин в качестве децентрализованного блокового расчетного механизма. Важно исследовать перспективы использования биткоина как в рамках платежной инфраструктуры, так и вне платежной инфраструктуры.

Криптовалюта — это средство обмена, как и привычные валюты, такие как американский доллар или евро, однако оно представляет собой обмен между владельцами денежных единиц электронными данными, защищенными криптографей. В техническом смысле криптовалюта — это потоки электричества и мощностей, преобразуемые в коды, которые в силу ряда причин обладают денежной ценностью. Криптовалютой также называют и цифровую валюту, в основе которой лежит криптография, необходимая для обеспечения безопасности оборота данной валюты. Первая криптовалюта (таковой считается биткоин) была создана в 2009 году. Сегодня же таковых существует множество, о чем будет сказано ниже.

Необходимо провести различия между несколькими понятиями (цифровая и виртуальная валюты и криптовалюта), которые часто употребляют в качестве синонимов, хотя на самом деле это неверно, и сказать о существенных различиях между цифровой криптовалютой и электронными деньгами. Итак, проведем сравнение.

Наиболее широким и общим является понятие «цифровая валюта». Цифровая (digital) валюта — сетевое (Internet-based) средство обмена, которое по форме отличается от физических денег, но обладает схожими с ними характеристиками. Цифровая валюта позволяет осуществлять мгновенные денежные операции по покупке/продаже товаров и услуг, причем эти операции ничем не ограниченны в пространстве. В свою очередь виртуальная (virtual) валюта и криптовалюта (cryptocurrency) являются разновидностями цифровой валюты, но никак не наоборот.

Согласно определению ЕЦБ, данному в 2012 году, «виртуальная валюта — это вид нерегулируемой цифровой валюты, которая эмитируется и контролируется ее создателями и которая используется и принимается в качестве денежного средства членами определенного виртуального сообщества»[87]. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

— использование виртуальной валюты ограниченно рамками определенной группы пользователей;
— с помощью виртуальной валюты не приобретают реальные товары и услуги;
— регулирование виртуальных валют и их эмиссия — исключительная функция создателей данных валют.

Криптовалюта — разновидность цифровой валюты с использованием криптографии для обеспечения безопасности оборота, расчетов и хранения. Понятия цифровая валюта и криптовалюта можно использовать в качестве синонимов, однако с одним допущением: важно не забывать об отличии, связанном с криптографией. Стоит отметить, что центральным фокусом данной работы является именно криптовалюта.

Таблица 1
Сравнение цифровых валют и электронных денег

Признаки	Цифровые валюты (криптовалюты)	Электронные деньги
Доступность	Только в сфере Iнтернета	При помощи мобильных устройств и агентской сети
Стоимость	Определяется соотношением спроса и предложения на сами цифровые валюты и степенью доверия к ним	Определяется денежным предложением и денежным спросом на традиционные бумажные деньги
Персонализация	Анонимность	Необходимость раскрытия личных данных
Эмиссия	Генерируются в соответствии с математическими алгоритмами	Создаются при конвертации традиционных эмитируемых ЦБ бумажных денег в электронные деньги
Эмиссионный центр	Сообщество майнеров	Центральный Банк, коммерческие банки, лицензированные организации
Регулирование	Практически отсутствует, однако идет активная разработка такового	Регулируется специально уполномоченным органом. Как привило, Центральным Банком.

[87] https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf

Важно рассмотреть, чем цифровые валюты отличаются от электронных денег. Согласно определению Комитета по платежам и платежным системам Банка Международных Расчетов «электронные деньги — это денежная величина/стоимостная величина, которая хранится в электронном формате на устройстве, таком как чип, или же на жестком диске на компьютере»[88]. Это широкое определение электронных денег (деньги как цифровой эквивалент наличности), и под него подпадают все денежные эквиваленты за исключением непосредственно самих наличных физических денег. В более узком смысле электронные деньги — это электронный кошелек, на который владелец кошелька кладет некоторую сумму денег путем перевода физических денег в электронный формат для совершения в дальнейшем, как правило, небольших платежей. Примерами электронных денег в узком смысле могут служить Яндекс-Деньги[89] и Webmoney[90]. Ниже приведен сравнительный анализ цифровых денег (криптовалют) и электронных денег.

Далее рассмотрим характеристики криптовалют:

1. высокая волатильность и формирование курса на основе соотношения спроса и предложения, отсутствие обеспечения и внутренней стоимости;
2. заранее определенный и математически установленный порядок эмиссии, у большинства криптовалют есть «потолок эмиссии»;
3. система децентрализованного регистра (distributed ledger), низкие издержки обращения и отсутствие расчетного агента;
4. анонимность расчетов;
5. использование общего (public) и частного (private) ключей для целей безопасности;
6. практически отсутствие государственного регулирования и отсутствие центра системы;
7. функционирование системы и ее стабильность обеспечиваются сообществом майнеров (miners);
8. система формирования блоков транзакций и привязка особого алгоритма (hash) к каждому «решенному» блоку;
9. принципы верификации proof-of-work (проверка по объему работы) и proof-of-stake (проверка по доле);
10. риски: операционный (технический) риск, риск двойной траты (double-spend problem), риск «атаки 51%».

88 http://www.bis.org/cpmi/glossary_030301.pdf
89 https://money.yandex.ru/new
90 http://www.webmoney.ru/

Итак, подробно раскроем суть приведенных выше черт.

— высокая волатильность и формирование курса на основе соотношения спроса и предложения, отсутствие какого-либо обеспечения и внутренней стоимости;

Как правило, курс на цифровые валюты, криптовалюты в частности, формируется на основе соотношения спроса и предложения на эти валюты, по аналогии с физическими товарами, такими как золото, например. Однако в отличие от товаров, имеющих физическую форму, криптовалюты не обладают внутренней стоимостью, то есть не могут быть использованы способом иным, чем денежное средство. Следовательно, стоимости цифровых валют (криптовалют) поддерживается тем, что они в определенный момент времени могут быть обменены на товары и услуги или же конвертированы в привычные, эмитируемые центральными банками стран, деньги.

— заранее определенный и математически установленный порядок эмиссии, у большинства криптовалют есть «потолок эмиссии»;

В большинстве систем криптовалют эмиссия новых денежных единиц происходит в соответствии с установленным разработчиками эмиссионным правилом. Так, майнеры за решение алгоритма блока трансакций получают вознаграждение в форме криптовалют, при этом размер вознаграждения постепенно сокращается в зависимости от совокупного числа операций в системе. Так, премия майнера в системе биткоин падает в два раза каждые 210 тысяч блоков. Кроме того, у многих криптовалют есть максимальное число единиц, которые когда-либо будут в обращении. «Эмиссионный потолок» биткоина — 21 миллион единиц.

— система децентрализованного регистра (distributed ledger), низкие издержки обращения и отсутствие расчетного агента;

Цифровые валюты позволяют совершать расчеты «из рук в руки» (peer-to-peer) без обращения к третьей стороне, а именно к доверенному посреднику (trusted intermediary). В определенном смысле данное свойство цифровых валют напоминает расчеты при помощи наличных денег, когда в обмене участвуют лишь два лица — плательщик и получатель. Одним из главных новшеств цифровых валют (впервые предложено разработчиками биткоина) является децентрализованный регистр (distributed ledger), который позволяет двум сторонам рассчитываться без привлечения посредника. Как следствие, стоимость самого расчета при системе «из рук в руки» ниже, нежели стоимость расчета во включающей посредника системе, при которой на получателя и плательщика ложатся издержки по содержанию расчетной инфраструктуры и оплата

комиссии третьей стороне. Однако стоит заметить, что определенная комиссия все же может присутствовать, хоть обязательной она не является.

— анонимность расчетов;

Как было указано выше, система расчетов, используемая цифровыми валютами (криптовалютами) не включает третьей стороны, то есть расчетного агента, на которого в традиционных платежных системах ложиться функция по регистрации всех совершенных трансакций и их верификация. Посредник фиксирует личности получателя и плательщика, направление, назначение и источник платежа в централизованной главной книге/регистре (ledger). При децентрализованной системе платежи также фиксируются в децентрализованном регистре (все пользователи сети обладают информацией о факте совершения сделки), но получатель и плательщик представлены не как конкретные люди, а в виде буквенного и цифрового кода. Необходимо заметить, что количество информации, сопровождающее конкретные операции рознится по объему: по одной трансакции могут иметься лишь базовые данные о самом факте ее совершения, коды сторон и история расчетов сторон, а по другой — более подробная информация. Важно, что операции с цифровыми валютами устанавливают крайне невысокий порог необходимой к представлению информации.

— использование общего (public) и частного (private) ключей, а также механизма цифровых подписей для целей безопасности;

Владельцы криптовалют хранят в специальном электронном/цифровом кошельке криптокоды, которые дают их владельцу непосредственный доступ к стоимости биткоинов. Эти ключи используются для безопасного осуществления перевода части денежной стоимости другому лицу за предоставленные товары или оказанные услуги. Каждая трансакция проходит процедуру проверки сообществом майнеров, оформляется в блоки данных и распространяется по сети. Частный ключ — секретный массив информации, представленный в виде некого кода и подтверждающий права владельца этого ключа на использование биткоинов из конкретного электронного кошелька. Частные ключи могут храниться как на компьютере владельца кошелька, так и на удаленном сервере. Перевод биткоинов со счета на счет происходит за счет механизма цифровой подписи, который устанавливает соответствие между частным ключом, кошельком владельца и командой по переводу стоимости со счета на счет.

— практически отсутствие государственного регулирования и отсутствие центра системы;

Стоит заметить, что цифровые валюты (криптовалюты) не имеют централизованной институциональной системы и не управляются конкретным лицом или же определенной организацией. Кроме того, в подобных платежных системах отсутствует расчетный агент, которому в традиционных системах вменяется ряд функций, в частности контрольная и клиринговая.

— стабильность и функционирование обеспечиваются сообществом майнеров (miners);

Майнеры — группа людей, занимающаяся майнингом, то есть обеспечением стабильности и безопасности операций с криптовалютами за счет больших компьютерных мощностей. Майнинг, с технической точки зрения, подсчет хеш-алгоритмов блоков совершенных операций и присоединение новых блоков совершенных транзакций к уже верифицированным. Таким образом, сообщество майнеров следит за невозникновением проблемы «двойной траты» единицы криптовалюты, за что получает вознаграждение в форме криптовалюты. Так как майнеры за свою деятельность получают вознаграждение в форме биткоинов, и, таким образом, майнеры фактически реализуют еще одну функцию — эмиссионную.

— система формирования блоков транзакций и привязка особого алгоритма (hash) к каждому «решенному» блоку;

Данное свойство следует из предыдущего. Именно путем вычисления хеш-алгоритмов и формирования блоков транзакций обеспечивается стабильное и честное функционирование системы. Кроме того, стоит сказать, что в криптовалютах используются два основных типа алгоритмов (SHA и Scrypt), которые различаются сложностью вычисления.

— принципы верификации proof-of-work (проверка по объему работы) и proof-of-stake (проверка по доле);

Сам майнинг — конкурентное занятие, то есть одновременно над верификацией одного и того же блока операций с криптовалютой работают несколько майнеров, тогда как успешным результатом будет признана работа лишь одного майнера, за которую именно он получит вознаграждение. Проверка по объему работы (proof-of-work) — система, в которой вероятность завершения майнинга с дальнейшим получением денежного поощрения зависит от объема компьютерных мощностей и объема работы, что имеет и что делает соответственно конкретный майнер. При этом необходимо отметить, что проверка по объему работы крайне энергозатратный процесс: так как расшифровка алгоритмов блоков становится сложнее с каждым новым расшифрованным блоком, как следствие, увеличивается потребление компьютер-

ных мощностей. Кроме того, проверка по объему работы — механизм, который хронологически выстраивает блоковую цепочку и который с каждым новым блоком экспоненциально уменьшает возможность недобросовестного изменения блоковой истории.

Рассмотрим риски, присущие биткойну.

1. Операционный или технический риск связан с техническими аспектами функционирования цифровых валют и тем, что стабильность и эффективность функционирования данных валют определяется стабильность и эффективностью работы компьютерных сетей, сети Интернет и расчетной сети самой цифровой валюты.
2. Риск двойной траты заложен в самих криптовалютах и системе организации расчетов. Так как при расчетах с использованием криптовалют не происходит физического перемещения денег (по аналогии с наличными расчетами) и не существует централизованного института (расчетного агента), осуществляющего надзор, контроль и регистрацию (по аналогии с безналичными расчетами с использованием банковских карт), некоторые недобросовестные держатели криптовалют могут расплатиться одной и той же денежной единицей (воспользоваться одним кодом) несколько раз. Для предотвращения двойной траты существует сообщество майнеров и общедоступный децентрализованный регистр.
3. Риск «атаки 51%» возникает из-за особенности системы верификации операций с криптовалютами. В случае если платежи с криптовалютой проверяются при помощи механизма по объему работы, некоторые майнеры могут объединять свои компьютерные мощности в пулы. Если какой-либо группе майнеров удастся контролировать 51% всех компьютерных мощностей системы, то с технической точки зрения эта группа майнеров может менять историю совершенных трансакций и использовать одну денежную единицу несколько раз (риск двойной траты).

Биткоин является интересным и перспективным новшеством финансовой и платежной систем, и сегодня криптовалюта привлекает к себе большое внимание. Стоит выделить, что феномен биткоина — это феномен, состоящий из двух частей: биткоин как новая денежная единица, основанная на криптографии, и биткоин как новая децентрализованная блоковая система платежей. Появление и первого, и второго заставило переосмыслить существующие традиционные платежные схемы и мировой валютный порядок.

Биткоин является сетью, которая функционирует на принципе консенсуса и которая представляет собой и новую платежную систему,

и альтернативную валюту. Биткоин можно назвать «наличными деньгами» Интернета, так как расчеты осуществляются напрямую между контрагентами без участия посредника, расчетного агента. В силу того, что биткоин — децентрализованная система, никакое физическое лицо или институт ей не владеют и ее не контролируют; биткоин находится под управлением всего сетевого сообщества пользователей. Безусловно, группа программистов и разработчиков занимаются совершенствованием системы криптовалюты, однако все нововведения не могут навязываться — пользователи сами решают, принимать или не принимать обновления и новые версии. Единственное императивное условие — наличие программного обеспечения, удовлетворяющего общим правилам сети. Биткоин представляет собой достаточно простой и понятный для потребителя механизм. С точки зрения пользователей, биткоин — это мобильное приложение или установленная на компьютере программа, что дают доступ к персональному кошельку лица и позволяют этому лицу платить и получать платежи в криптовалюте. С технической же точки зрения, биткоин — децентрализованный регистр, который называется «блоковая цепь» («block chain»). В данном регистре фиксируются все совершенные трансакции, что позволяет избежать риска «двойной траты». Безопасность непосредственно самих платежей достигается за счет механизма цифровых подписей или общего и частного ключей. Сам процесс осуществления расчетов с биткоином отличается простотой: в целом расчеты даже проще, чем платежи с использованием банковской карты. Платеж проводится следующим образом:

1. На компьютере или телефоне устанавливается специальное приложение, которое выполняет функцию электронного кошелька;
2. В приложении вводится адрес получателя (возможно использование QR-кода) и сумма платежа.

Адрес пользователя напоминает обычный физический адрес или же адрес электронной почты. Однако важной особенностью адресов в системе биткоин является то, что определенный адрес может быть использован только для одной операции. Для каждый из последующих трансакций будет сгенерирован новый адрес.

3. Платеж отправляется.
4. Получение подтверждения.

Получение уведомления о проведение платежа занимает секунды, однако существует задержка между трансакцией и началом процесса ее верификации для дальнейшего включения в блок.

5. Верификация трансакции, достижение консенсуса в сети, включение в блок.

Под верификацией понимается достижение консенсуса в сети о том, что используемые при расчете биткоины не были отправлены чуть ранее пользователем в качестве оплаты за другой товар или другую услугу (для предотвращения риска «двойной траты»). После того как операция была проверена и получила одобрение сети, она включается в блок N, который в свою очередь становится частью блоковой цепи. Последующие блоки трансакции будут «ложиться» на данный блок N, что будет усиливать степень сетевого консенсуса и снижать риск «двойной траты». На проверку одного блока уходит от нескольких секунд до 90 минут, в среднее время проверки — 10 минут. Предполагается, что получение 6 подтверждений от сети достаточно, чтобы считать операцию абсолютно справедливой и честной.

Расчеты с биткоином осуществляются без взимания обязательной комиссии, однако трансакции, к которым пользователи системы не назначают дополнительного вознаграждения в пользу майнеров, могут находиться в очереди на подтверждение в течение долгого времени: от нескольких часов до нескольких дней. Ряд сетевых платформ (к примеру, Bitcoin.org), на которых размещаются электронные кошельки, по умолчанию предлагают пользователю назначить дополнительное вознаграждение. Размер вознаграждение и сам факт вознаграждения в любом случае остается на усмотрение пользователя. Комиссия выполняет две функции: во-первых, служит премией майнерам, во-вторых, позволяет отличать реальные операции от фиктивных, цель которых — перегрузка сети. Кроме того, отметим, что размер комиссии никак не связан с количеством переводимых биткоинов.

Одной из характерных и наиболее неоднозначных черт биткоина является высокая степень анонимности платежей с его использованием. Биткоин позволяет рассчитываться за товары и услуги, получать и отправлять платежи с существенным уровнем приватности. Однако стоит заметить, биткоин не является полностью анонимным платежным средством, как например, наличные деньги. Криптовалюта позволяет сохранить в тайне личности сторон трансакции, однако расчетные операции с криптовалютой предполагают использование децентрализованного доступного всей сети регистра, в котором фиксируется сам факт совершения трансакции и некоторая информация о ней. Безусловно, биткоин обладает привлекательной и серьезной особенностью в плане обеспечения конфиденциальности и приватности платежей, однако эта черта требует дальнейшей доработки, правового оформления и согласования с нормами государственного регулирования — сегодня криптовалюта нередко используется для «отмывания денег»

и финансирования незаконной деятельности, что подрывает доверие к ней со стороны пользователя и регулятора.

Для осуществления расчетов с биткоином, саму валюту нужно откуда-то получить. Существует несколько путей для получения криптовалюты:

— В качестве оплаты за поставленные товары или оказанные услуги;
— Покупка на сетевой бирже криптовалют;

Таковые существуют в 38 странах мира. Самая крупная из них — Coinbase.

— Покупка в местных пунктах обмена за счет традиционных денег;

Для нахождения пунктов обмена, автоматов для обмена (Bitcoin ATM) или людей, готовых провести конвертацию, существует сетевая площадка Localbitcoins.com.

— Участие в процессе майнинга.

Проанализируем преимущества и недостатки биткоина. К сильным сторонам криптовалюты относится следующее:

— Свобода платежей;

Осуществлять трансакции можно в любое время и из любой точки Земли; нет никаких ограничений, связанных с границами, административным регулированием, правилами и нормами работы банков.

— Комиссия и ее размер на усмотрение пользователей;

Обязательной комиссии, как упоминалось выше, нет. Пользователи вправе сами назначать комиссию и определять ее размер, для того чтобы ускорять процесс верификации операций. Кроме того, размер комиссии никак не зависит от размера операции: платеж в один биткоин и в 100 биткоинов могут иметь одинаковую комиссию.

— Невысокие риски для поставщиков товаров и услуг;

Биткоин является безопасной валютой, а операции с ним — безотзывными. Кроме того, поставщики товаров и услуг могут выходить на новые рынки, где традиционная платежная инфраструктура отсутствует или не развита.

— Безопасность и контроль;

Пользователи обладают полным контролем над своим электронным кошельком и совершаемыми операциями с использованием биткоина. Сами расчеты характеризуются высоким уровнем технической безопасности (электронная подпись, общий и частный ключи безопасности) и личной конфиденциальности.

— Прозрачность.

Вся информация, касающаяся расчетов и их истории, находится в общем доступе в децентрализованном регистре. Ни один отдельный

пользователь или разработчик не может внести изменения в децентрализованный регистр или протокол без общего согласия (консенсуса в сети).

Среди недостатков биткоина выделяют следующее:

— Распространенность криптовалюты;

На текущий момент, несмотря на то что сеть биткоина активно расширяется, криптовалюту в качестве платежа за товары и услуги принимают в ограниченном масштабе, что снижает привлекательность для рядового пользователя. Кроме того, для того чтобы расчетная система биткоина могла использовать «эффект сети» (network effect) или экономию на масштабе (альтернативный термин), необходимо дальнейшее увеличение сети и пользовательской базы.

— Волатильность;

Курс биткоина формируется за счет спроса и предложения на криптовалюту, которая не обладает ни внутренней стоимостью (как золото, например), ни реальным обеспечением. К тому же совокупный объем биткоинов в обращении и степень использования криптовалюты фирмами и физическим лицами малы. В связи с этим относительно небольшие колебания в деловой активности и торговле, а также происшествия на рынке и в мире, могут приводить к резкому росту или стремительному падению курса биткоина. Подобная волатильность должна снижаться походу формирования большого рынка криптовалюты и доработки технических аспектов функционирования системы.

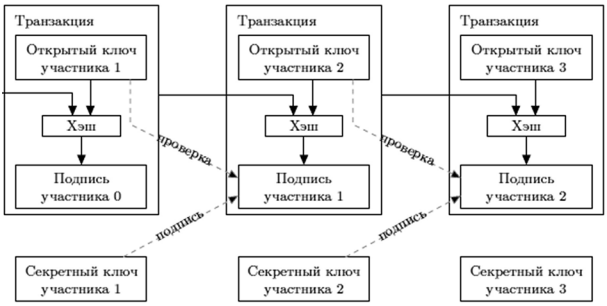
— Активно продолжающийся процесс технической разработки и правового оформления биткоина.

Сегодня протокол биткоина и децентрализованная система расчетов все еще находятся в процессе технического совершенствования и становления. Разрабатываются новые механизмы и особенности функционирования валюты.

Биткион или электронная денежная единица с технической точки зрения является последовательностью электронных подписей владельцев. При осуществлении трансакции владелец монеты отправляет ее получателю и при этом подписывает хеш-код предыдущей операции и публичный ключ получателя в конце монеты, таким образом дополняя числовую последовательность. Получатель перевода может посмотреть «историю» расчетов с конкретной денежной единицей, путем изучения подписей всех бывших держателей монеты. Техническая схема расчета представлена на рисунке 1[91].

[91] http://bitnovosti.com/2012/12/22/bitcoin-genesis/

Рис. 1. Техническая схема расчета с помощью биткойна

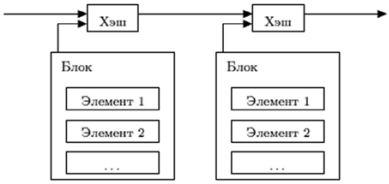


Источник: https://bitcoin.org

Однако у данного расчетного механизма есть недостаток: получатель платежа может знать предыдущих владельцев биткоина, но он самостоятельно не может вычислить, сколько раз крайний держатель использовал один и тот же биткоин. Отсюда и происходит вероятность реализации риска «двойного использования». В централизованной системе расчетов контроль за использованием денег и фиксацию всех операций осуществляет расчетный агент. Однако в предложенной Сатоши Накамото платежной схеме расчетный агент отсутствует, и, как следствие, его функции распределенно выполняют все участники системы, путем открытой публикации трансакций и достижением последующего консенсуса по поводу их последовательности. Как следствие, получатель платежа берет из сети подтверждение, что денежная единица N, которую он получит, не будет использована одним и тем же держателем более чем один раз.

Для этого, во-первых, существует сервер с временными отметками (timestamp server), в котором фиксируются и в хронологическом порядке отражаются хеш-коды блоков операций. Временные отметки

Рис. 2. Блоковая цепь расчетов с помощью биткойна.



Источник: https://bitcoin.org

доказывают, что конкретная трансакция была проведена в конкретный момент времени, что подтверждается попаданием в хеш-код блока. Хеш-код каждого последующего блока включает хеш-код предыдущего, который в свою очередь также включает хеш-код предшествующего блока — подобная последовательность отражена на рисунке 2. Таким образом, образуется блоковая цепь, где каждое новое звено укрепляет всю цепь.

Сама децентрализованная сеть работает следующим образом.

1. новая расчетная операция рассылается группам майнеров и всем узлам (об узлах ниже).
2. группы майнеров и каждый узел объединяют присланные расчетные операции в блок.
3. майнеры пытаются подобрать хэш-код блока.
4. как только такой хэш-код найден, блок отправляется в общую сеть с помощью полных узлов.
5. узлы принимают этот блок, только если все транзакции в нем корректны, соответствуют нормам сети и не используют уже использованные биткоины.
6. свое согласие с новыми данными узлы и майнеры выражают, начиная работу над следующим блоком и используя хэш-код предыдущего в качестве новых исходных данных при формировании и проверке новых блоков.

Пользователи системы всегда считают истинной самую длинную версию блоковой цепи и продолжают, как правило, именно ее. Если два или более майнеров одновременно проверят один блок операций и два или более узлов одновременно опубликуют разные версии этого блока операций, то узлы начинают пользоваться той версией, что получили раньше, однако вторую все же сохраняют, если участники сети все же ее продолжат. Двойственность версий блока исчезнет, как только будет получен новый, последующий, блок, который продолжит любую из ветвей, и те узлы, что работали над конкурирующей версией, переключатся на продолженную более длинную ветвь. Важно отметить, что новые транзакции не обязательно должны достигать всех узлов: если об операции будет знать достаточно много узлов, вскоре она попадет в один из блоков. Правила рассылки блоков тоже не являются строгими в отношении потерянных сообщений. Как только узел, пропустивший один из блоков, получит уже следующий за ним, он запросит недостающую информацию, чтобы заполнить очевидный пропуск.

Каждый компьютер, подключенный к сети биткоина, является узлом. Все узлы в зависимости от степени «вовлеченности» условно делят на

две группы: полные (full) и неполные (lightweight)[92]. Полные узлы — это такие узлы, в которых содержится вся история операций за время существования сети и которые проверяют операции на соответствие базовым правилам системы. Именно полные узлы являются главной опорой сети и выполняют в ней следующие функции:

— Хранят информацию обо всех когда-либо проведенных операциях;
— Следят за исполнением правил общего консенсуса;
— Сортируют трансакции и блоки операций для неполных узлов;
— Передают другим полным узлам информацию, накопившуюся за время отсутствия последних в сети;
— Передают майнерам информацию о совершенных операциях;
— Передают пользователям данные о проверенных блоках от майнеров[93].

Таким образом, можно заключить, что полные узлы — это динамические базы данных, в которых размещается и постоянно обновляется информация о функционирование системы. Кроме того, полные узлы выступают в качестве противовеса сообществу майнеров. Полные узлы поддерживают сеть и ее протокол в исходном виде.

Как полагают эксперты из Банка Англии, наиболее вероятен в среднесрочной и долгосрочной перспективе поиск альтернативных способов (при этом вполне вероятно и вне сферы платежных систем) применения механизма децентрализованного регистра и цифрового оформления с криптографической основой других активов помимо валюты.

Уже сегодня биткоин, представляющий из себя право собственности, защищенное криптографией, можно было бы использовать не только в качестве валюты, но и в качестве цифрового актива, представляющего другие ценности, такие как акции, облигации, объекты недвижимости, драгоценные металлы и т.д. На текущий момент большинство финансовых активов, таких как займы, долговые и эмиссионные ценные бумаги, а также производные инструменты, существуют в цифровой форме, что означает, что довольно большая часть мировой финансовой системы оцифрована. Однако в настоящее время вышеназванные финансовые активы в цифровом формате содержатся в институциональных центрах системы, таких как коммерческие банки и банки центральные. Возможно, в будущем подобная централизованная система хранения и передачи активов в цифровом формате будет отчасти или полностью заменена различными децентрализованными системами по типу применяемой

92 https://en.bitcoin.it/wiki/Full_node
93 http://www.coindesk.com/bitcoin-nodes-need/

в биткоине. Ряд финансовых специалистов и представителей банковской отрасли отмечают потенциал развития кредитования в форме p2p (peer-2-peer). Как заявил Герман Греф в ходе одной из пресс-конференций, сегодня уже существуют платформы для кредитования p2p и, хотя они пока еще маленькие и неявно проявляются, имеют огромный потенциал. Глава Сбербанка отметил, что как только технология risk management с контролируемым риском позволит передавать финансовые ресурсы без посредника, p2p станет огромным вызовом для всей мировой банковской системы.

Можно предположить, с другой стороны, что криптовалюты, должны представлять интерес и для коммерческих банков. В теории банки могут эмитировать долговые расписки, долговые бумаги и другие финансовые инструменты, номинированные, к примеру, в биткоинах. Обратим особое внимание на возможность выпуска долговых расписок в криптовалюте. Таким образом, теоретически цифровая валюта, например, биткоин, будет являться денежной базой, а все долговые расписки, то есть обязательства к эмитенту, то есть коммерческому банку, — широкой денежной базой. Фактически подобный механизм представляет собой денежное мультиплицирование, степень которого зависит, во-первых, от количества базового актива, то есть криптовалюты, у эмитента, а с другой стороны, от желания эмитента, то есть коммерческого банка, создавать широкую денежную базу путем выпуска долговых расписок, номинированных в цифровой валюте и отчасти этой цифровой валютой обеспеченных. Если коммерческие банки или другие финансовые институты смогут применять данную эмиссионную схему, традиционные банковская и денежная системы претерпят серьезные изменения и станут более либеральными и независимыми; отчасти будет реализована некогда предложенная американским экономистом Милтоном Фридманом идея о «свободной банковской системе»[94], в рамках которой право эмитировать деньги принадлежит не исключительно центральному банку, а распределено между всеми банковскими учреждениями, в том числе и главным образом коммерческими.

Результаты исследования. В ходе проведенного исследования выявлено, что:

— существует множество альтернатив традиционным и привычным платежным средствам и системам.

[94] George Selgin «Milton Friedman and the Case against Currency Monopoly», Cato Journal, Vol. 28, No. 2 (Spring/Summer 2008).

— биткоин предлагает две инновации в технологии: новая валюта, базирующаяся на криптографии и, как следствие, имеющая высокий уровень безопасности и анонимности, что обеспечивается частным и общим кодами и цифровой подписью, и новая децентрализованная блоковая система расчетов, стабильность и эффективность работы которой зависит от сообщества майнеров и децентрализованного регистра.
— наряду с биткоином существует множество других криптовалют: сегодня их насчитывается более 150 и называют их альткоинами. Альткоины созданы по принципу биткоина и на основе его протокола, однако каждая из подобных денежных единиц обладает своими собственными уникальными свойствами и характеристиками.
— криптовалюты — крайне динамичная сфера, в которой постоянно появляются новые единицы и из которой пропадают единицы в силу ряда причин.

Анализ результатов исследования. В условиях роста востребованности криптовалют в целом и биткойна, в частности, выводы и рекомендации, содержащиеся в исследовании, целесообразно использовать в разработке мер по применению механизма децентрализованного распределения и его регулированию в расчетно-платежных системах.

Заключение. Сегодня, несмотря на то, что существует множество альтернатив традиционным и привычным платежным средствам и системам, особое место занимает криптовалюта, в частности биткоин. Последний представляет собой двойную инновацию: независимую денежную единицу и независимую платежную систему, в которой не будет необходимости в расчетном агенте, и которая будет функционировать на основе принципа общесетевого консенсуса. Это значит, что новые правила сети и изменения протокола могут быть проведены только с всеобщего одобрения.

Биткоин создан на основе механизма цифровых подписей и криптографии, что обеспечивает сохранность прав владения цифровой валютой.

Для мирового сообщества и для финансовой системы большой интерес представляет децентрализованная блоковая система расчетов, которая может найти множественное применение. Уже сегодня эксперты предлагают использование децентрализованной системы биткоин для хранения, передачи, продажи и покупки практически любого актива, который может быть оцифрован и положен в основу цифрового актива по типу валюты биткоин. Децентрализованная блоковая система может стать базой нового механизма кредитования p2p, а коммерческие бан-

ки могут эмитировать долговые бумаги, обеспеченные полностью или в какой-то части криптовалютой. В случае обеспечение не 1 к 1 будет проходить процесс денежного мультиплицирования. На настоящий момент биткоин относительно широко используется в мире в качестве средства платежа и спекулятивного и инвестиционного товаров. Система биткоин, являясь сама по себе технологическим прорывом, стимулирует появление новых технологических решений, потребительских и инвестиционных товаров, а механизм децентрализованного регистра и блоковой цепи находит применение и вне рамок криптовалюты.

Литература

1. George Selgin «Milton Friedman and the Case against Currency Monopoly», Cato Journal, Vol. 28, No. 2 (Spring/Summer 2008)
2. http://bristolpound.org/
3. http://worldoftanks.ru/ru/content/guide/payments_instruction/what-are-benefits-game-gold-within-world-tanks/
4. https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/virtualcurrencyschemes201210en.pdf
5. http://www.bis.org/cpmi/glossary_030301.pdf
6. https://money.yandex.ru/new
7. http://www.webmoney.ru/
8. http://bitnovosti.com/2012/12/22/bitcoin-genesis/
9. https://bitcoin.org
10. https://en.bitcoin.it/wiki/Full_node
11. http://www.coindesk.com/bitcoin-nodes-need/

BITCOIN PHENOMENON

Svetlana Y.Pertseva

Abstract. *The article is an attempt to give a systematic account of views of the researchers concerning the place and role of the bitcoin technology. The interest in the study of this phenomenon is rooted in its relation to the problems of the global financial stability. It is not only academic, being partly determined by the fact that Digital innovations in finance, loosely known as fintech, have garnered a great deal of attention across the financial industry. The driving force behind efforts to develop and deploy the bitcoin technology in payments, clearing, and settlement is an expectation that the technology could reduce or even eliminate operational and financial inefficiencies. Proponents of the technology have claimed that the bitcoin could help foster a more efficient and safe payments system, and may even have the potential to fundamentally change the way in which payments, clearing, and settlement activities are conducted*

and the roles that financial institutions and infrastructures currently play. Although there is much optimism regarding the promise of the bitcoin technology, the development of such applications for payments, clearing, and settlement activities is in very early stages, with many industry participants suggesting that real-world applications are years away from full implementation. An important goal of this paper is to examine how this technology might be used in the area of payments, clearing, and settlement and to identify both the opportunities and challenges facing its practical implementation and possible long-term adoption. The author of the article thinks that further researches in the field of the bitcoin technology.

Keywords: *bitcoin, technology, payments, clearing, and settlement.*

Информация об авторе
Перцева С. Ю.
к.экон.н., доцент,
МГИМО, Российская Федерация
Svetlana Y.Pertseva
Assoc. Prof., PhD (economy)
MGIMO–University, Russian Federation

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛИ СОЛОУ В ПРОГРАММНОЙ СРЕДЕ SIMULINK

Л. С. ПРИТЧИНА, Ю. А. КАВИН

Аннотация. *На основе системы уравнений, описывающих состояние экономической системы в односекторной макроэкономической модели экономического роста Солоу, построена имитационная модель в программной среде Simulink. Разработана программа управления и многократного запуска модели Simulink из системы Matlab. Эта модель позволяет исследовать движущие силы экономического роста и его особенности при разных сочетаниях труда и капитала.*

Построен график, иллюстрирующий снижение капиталовооруженности за счет выбытия капитала и увеличения численности работающих, а также график роста капиталовооруженности за счет инвестиций. На основе данных графиков рассчитывается устойчивый уровень капиталовооруженности и капиталовооруженность по «золотому правилу», при которой обеспечивается максимум удельного потребления. Исследовано изменение удельной капиталовооруженности в динамике, то есть переходный процесс в модели Солоу.

Изменяя начальные установки в построенной модели, то есть исходные данные модели Солоу, можно исследовать функционирование экономической системы в различных условиях. Построенная имитационная модель ввиду своей очевидной наглядности может найти применение в ходе изучения макроэкономических процессов и систем.

Ключевые слова: *модель Солоу, удельная фондовооруженность (капиталовооруженность), удельный продукт, инвестиции, норма накопления, норма потребления.*

Введение. В настоящей статье рассматриваются условия построения, разработка и применение имитационной модели экономического роста Солоу в программной среде Simulink. Формирование такой модели весьма актуально, поскольку изменяя исходные данные модели и реализуя многофакторный эксперимент, можно добиться значимых практических результатов и выводов.

Теоретические основания исследования. Модель Солоу — это односекторная макроэкономическая модель экономического роста. Экономическая система при этом производит один продукт, который как потребляется, так и инвестируется. Экспорт и импорт не учитываются. Модель позволяет довольно точно описать некоторые особенности макроэкономических процессов [5].

Условия модели: состояние экономики в модели Солоу задается пятью *эндогенными переменными,* которые со временем меняются:

L — число занятых (труд);

K — основные производственные фонды (капитал).

X — выпуск или валовый внутренний продукт (ВВП). Может быть задан в виде производственной функции $X = F(K,L)$. Чаще всего используется производственная функция (ПФ) Кобба–Дугласа $X = K^{\beta}L^{1-\beta}$, например, $X = K^{0,3}L^{0,7}$.

C — потребление;

I — инвестиции;

β — коэффициент эластичности по капиталу (доля капитала в совокупном продукте, то есть ВВП);

1–β — коэффициент эластичности по труду (доля труда в совокупном продукте).

В модели используются следующие *экзогенные показатели,* которые со временем остаются неизменными:

ν — годовой темп прироста занятых,

μ — доля выбывших за год основных производственных фондов, то есть норма выбытия капитала,

ρ — норма накопления, то есть доля инвестиций или норма сбережения. Очевидно, что инвестиции I связаны с выпуском X равенством $I = \rho X$.

Учтем, что доход от выпуска распределяется на потребление и сбережение (инвестиции), то есть равен $X = C + I$, а также, что численность занятых L растет с постоянным темпом ν, то есть $L = L_0 e^{\nu t}$.

Тогда можно составить следующую систему уравнений (1), описывающую модель Солоу в абсолютных показателях [1]:

$$\begin{cases} L = L_0 e^{\nu t}, \\ \dfrac{dK}{dt} = -\mu K + I, \\ K(0) = K_0, \\ I = \rho X, \\ X = I + C, \\ X = F(K, L). \end{cases} \qquad (1)$$

Модель Солоу можно записать и в относительных показателях (2),

$$\begin{cases} \dfrac{dk}{dt} = -(\mu + \nu)k + \rho x = -\lambda k + \rho x, \\ \lambda = \mu + \nu, \\ k(0) = k_0 = \dfrac{K_0}{L_0}, \\ i = \rho x = \rho f(k), \\ x = i + c, \\ x = f(k). \end{cases} \qquad (2)$$

Последнее соотношение системы, в частности, можно записать, используя ПФ Кобба–Дугласа $x = \frac{X}{L} = \frac{K^{\beta}L^{1-\beta}}{L} = \frac{K^{\beta}}{L^{\beta}} = k^{\beta}$. Например, $x = k^{0,3}$.

Здесь

$i = \frac{I}{L}$ — удельные инвестиции,

$x = \frac{X}{L}$ — удельный продукт (производительность труда),

$k = \frac{K}{L}$ — удельный капитал или (удельная фондовооруженность),

$c = \frac{C}{L}$ — удельное потребление.

λ — норма потребления,

ρ — норма накопления.

Исследование: основная часть. В соответствии с заданной системой уравнений в относительных показателях можно построить имитационную модель рассматриваемой экономической системы в среде Simulink [3]. Эта среда разработана специально для моделирования динамических систем (причем самого различного назначения, главное, чтобы функционирование данных систем можно было описать с помощью формул, математически) [4].

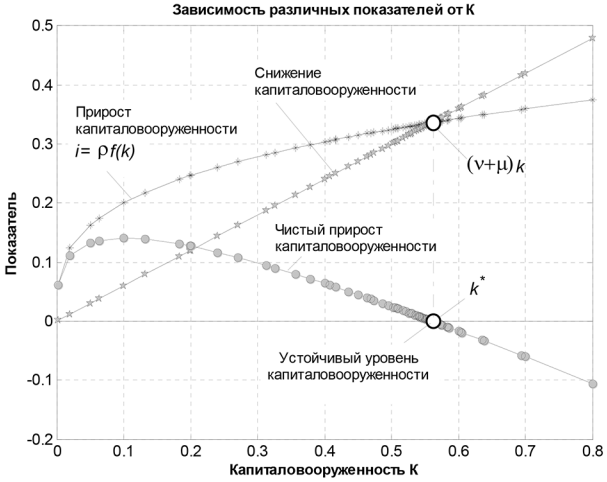
В состав модели входят следующие стандартные блоки, взятые из соответствующих разделов библиотеки Simulink: сумматор (Sum), умножитель (Product), блок ввода константы (λ, ρ, β), дискретный интегратор (Discrete-Time Integrator), устройства считывания данных, полученных в модели в рабочую область Matlab (To Workspace), устройство визуализации процессов, протекающих в модели (виртуальный осциллограф Scope).

Блок-схема односекторной макроэкономической модели экономического роста Солоу и фрагмент программы управления моделью Simulink из Matlab представлены в Приложениях 1, 2.

Функционирование модели и программы иллюстрируется с помощью графиков различных зависимостей, которые представлены на рис. 1, 2, 3. На основе разработанной модели осуществлен расчёт следующих характеристик:

Значение *устойчивого уровня капиталовооруженности* k^*, при котором величина снижения капиталовооруженности за счет выбытия капитала (норма выбытия μ) и увеличения численности работающих (темп роста ν), то есть $(\mu + \nu)k$ численно равна величине роста капиталовооруженности за счет инвестиций, то есть $i = \rho f(k)$. Графически это точка пересечения двух графиков, где $(\mu + \nu)k^* = \rho f(k^*)$ (см. рис. 1). Третий график, то есть найденная разница — чистый прирост капиталовооруженности $\rho f(k) - (\mu + \nu)k$, также представлен на рис. 1.

Рис. 1. Прирост и снижение капиталовооруженности и их разница в зависимости от *k*.



На рис. 2 отдельно представлена эта разница $\rho f(k) - (\mu + \nu)k$, а также график сглаживающей аппроксимирующей кривой.

Точка перехода данной кривой через 0, то есть точка, где кривая меняет знак, соответствует *устойчивому уровню капиталовооруженности* k^*.

Величину удельной капиталовооруженности k^{**}, при которой обеспечивается максимум удельного потребления $c^* \rightarrow \max$. Данный уровень k^{**} принято называть *капиталовооруженностью по «золотому правилу»*. На рис. 2. это абсцисса максимума кривой.

В точке k^{**} касательная к графику производственной функции $i = \rho f(k)$ параллельна прямой выбытия капитала $(\mu + \nu)k$.

На рис. 3 представлены динамические зависимости удельной капиталовооруженности ***k*** от времени ***t***.

Данные кривые иллюстрируют переходный процесс в модели Солоу.

Рис. 2. Чистый прирост капиталовооруженности в зависимости от *k*.

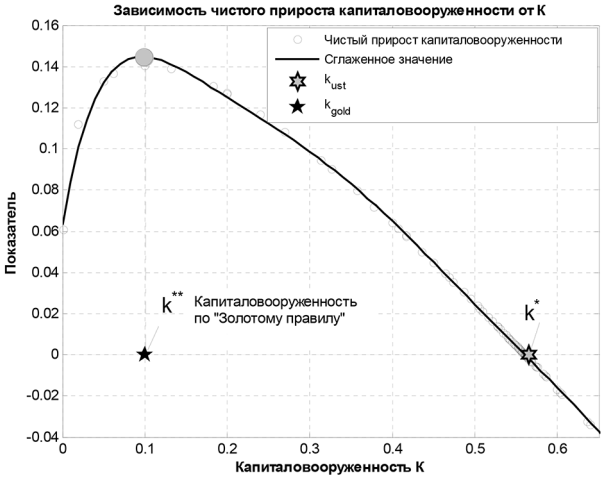
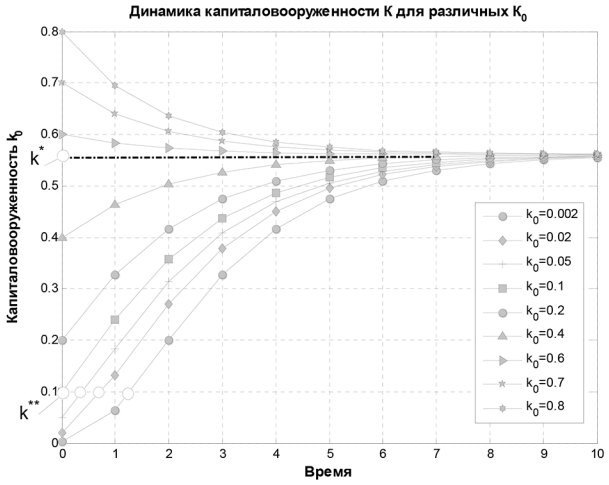


Рис. 3. Динамика удельной капиталовооруженности ***k***.

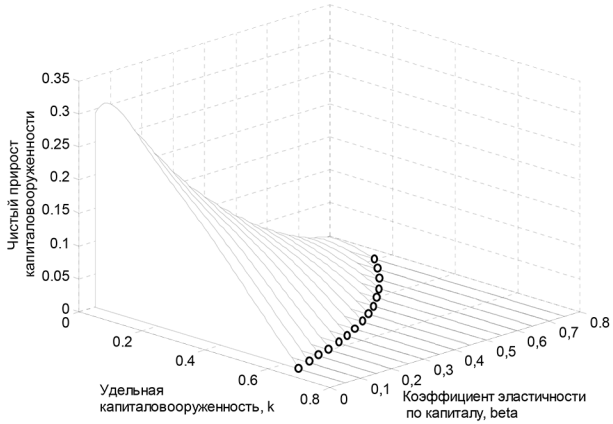


Исследуем влияние на капиталовооруженность коэффициента эластичности по капиталу β и, следовательно, коэффициента эластичности по труду 1-β, воспользовавшись разработанной моделью.

Зададим значения эластичности следующим массивом [0,05 0,1 0,1 5 0,2 0,25 0,3 0,35 0,4 0,45 0,5 0,55 0,6 0,65 0,7 0,75].

Трехмерная зависимость чистого прироста капиталовооруженности от коэффициента эластичности по капиталу β и от удельной капиталовооруженности k представлена на рис. 4.

Рис. 4. Зависимость чистого прироста капиталовооруженности от величины удельной капиталовооруженности и от коэффициента эластичности по капиталу.

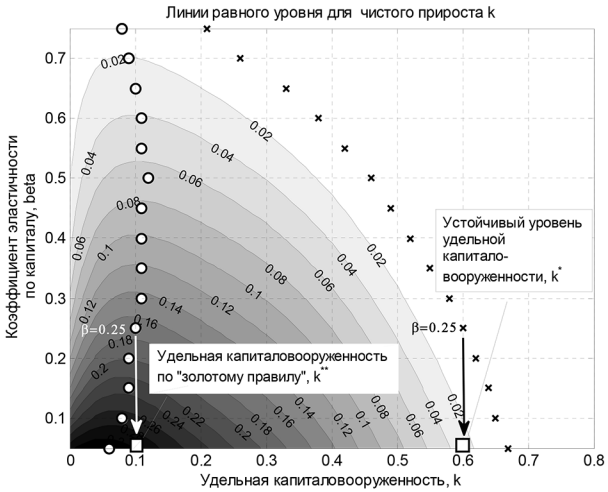


На рис. 5 показаны линии равного уровня трехмерной функции, упомянутой выше. Точками на рис. 5 задаются положения максимумов в каждом вертикальном сечении данной трехмерной зависимости в проекции на плоскость **βk**, то есть положения максимума чистого прироста капиталовооруженности при различной величине коэффициента эластичности β. Крестиками указаны положения минимумов в каждом вертикальном сечении. Стрелками показан механизм определения удельной капиталовооруженности по «золотому правилу» k^{**} и устойчивого значения удельной капиталовооруженности k^{*}.

Результаты исследования. Очевидно, что с ростом значения эластичности по капиталу β значение k^{*} уменьшается и приближается к k^{**}.

В свою очередь, значения удельной капиталовооруженности по «золотому правилу» k^{**} при малых (близких к 0) и при больших (близких к 1) значениях β малы и достигают максимума при β=0,5.

Рис. 5. Линии равного уровня трехмерной зависимости чистого прироста капиталовооруженности от β и k.



Очевидно, что использование разработанной модели позволяет провести многофакторный эксперимент, выводы которого в целом не будут противоречить, например [2].

Проверим работоспособность модели на конкретных числовых данных, воспользовавшись сайтом Федеральной службы государственной статистики **www.gks.ru**. Разделы:

Рынок труда, занятость и заработная плата. / Трудовые ресурсы.

Предпринимательство. / Основные фонды. / Коэффициенты обновления и выбытия основных фондов.

Поскольку среднегодовая численность занятых в целом по экономике в РФ составляла в 2015 году 72 323 тыс. чел., а в 2014 году 71 539 тыс. чел., то, очевидно, темп прироста занятых за год составил 1,1%. Значит

ν = 1,1% — годовой темп прироста занятых;

μ = 0,8% — коэффициент выбытия ОПФ по экономике РФ за 2014 год.

Следовательно, λ = ν + μ = 1,9%.

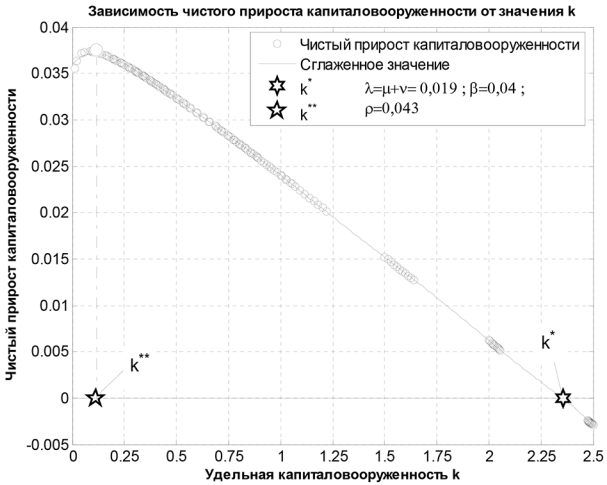
ρ = 4,3% — коэффициент обновления ОПФ за 2014 год.

Зададимся также значением коэффициента эластичности по капиталу β = 0,04. Такое значение соответствует статистическим данным применительно к экономике РФ.

График зависимости чистого прироста капиталовооруженности от значения k представлен на рис. 6.

Из рис. 6, в частности, следует, что $k^{*} = 2{,}36$ и, соответственно, $k^{**} = 0{,}11$.

Рис. 6. Чистый прирост капиталовооруженности в зависимости от k для реальных статистических данных.



Анализ результатов. Очевидно, что анализ кривых, полученных методом имитационного моделирования с использованием среды Simulink, позволяет сделать следующие выводы:

1. В зависимости от начального значения удельной капиталовооруженности (заложено как начальное условие в дискретный интегратор модели) имеют место три разновидности переходного процесса.
2. Если начальное значение удельной капиталовооруженности k_0 меньше оптимального по «золотому правилу» значения, то есть $k_0 < k^{**}$, то капиталовооруженность растет ускоренными темпами (нижняя часть кривых на рис. 3).
3. Если начальное значение удельной капиталовооруженности k_0 находится в диапазоне $k^{*} > k_0 > k^{**}$, то имеет место замедленный рост капиталовооруженности.
4. Если же $k_0 > k^{**}$, то имеет место замедленное падение удельной капиталовооруженности (так называемое «проедание» фондов).

Заключение. Все выводы, сформулированные выше, согласуются с основными положениями классической экономической теории, что является свидетельством адекватности построенной имитационной модели.

Построенная модель Simulink работоспособна и дает устойчивые результаты при калибровке исходными данными, взятыми из официальных источников статистической информации.

Литература

1. Колемаев В. А. Экономико-математическое моделирование. Моделирование макроэкономических процессов и систем / В. А. Колемаев. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 295 с.
2. Сафрончук М. В. Влияние информационной экономики и глобализации на факторы экономического роста // Вестник Академии. 2014. № 4. С. 31–34.
3. Черных И. В. SIMULINK: среда создания инженерных приложений / Под общ. ред. к.т.н. В. Г. Потемкина. — М.: ДИАЛОГ-МИФИ, 2003. — 496 с.
4. Щетинин В. И., Кавин Ю. А., Притчина Л. С. Разработка в системе Simulink имитационной модели процесса формирования и обработки новых разновидностей сверхширокополосных сигналов // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2012. Т. 10. № 7. С. 36–42.
5. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. — 1956. — February Vol.70, No.1.

ANALYSING ECONOMIC GROWTH ON THE BASE OF SOLOW MODEL USING SIMULINK SOFTWARE ENVIRONMENT

Larisa Pritchina, Yuri Kavin

Abstract. *An imitation model based on the system of equations describing economic systems in Solow single sector macroeconomic model of economic growth has been built using Simulink software environment. A control system for the Simulink model has been developed using Matlab. The model allows to analyze the driving forces of economic growth and estimate the effects on it of different combinations of labor force and capital.*

A chart has been created to illustrate the decrease in capital/labor ratio in case of capital outflow and increase in the number of employees. The increase in capital/labor ratio depending on the growth of investments has also been graphically represented. The diagrams are used to describe the steady state of capital/labor ratio and also the Golden Rule capital/labor ratio providing maximum consumption. The change in capital/labor ratio in dynamics, that is, the transition process in Solow model has also been analyzed.

By changing the initial data of Solow model it is possible to analyze the functioning of an economic system under different circumstances. The imitation model presented can be used for studying macroeconomic processes and systems due to its obvious visuality.

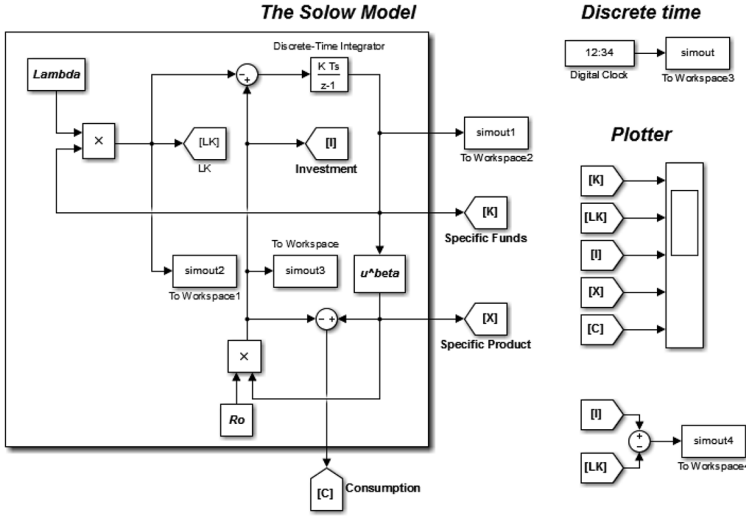
Keywords: *Solow model, capital/labor ratio, per-capita output, investments, saving rate, consumption rate.*

References

1. Kolemaev V. A. Ekonomiko-matematicheskoe modelirovanie. Modelirovanie makroekonomicheskih processov i sistem / V.A. Kolemaev. — M.: JuNITI-DANA, 2005, p 295
2. Safronchuk M. V. Vlijanie informacionnoj ekonomiki i globalizacii na faktory jekonomicheskogo rosta (Influence of information economy and globalization on the factors of economic growth), Vestnik Akademii, 2014 No. 4, pp 31–34.
3. Chernyh I. V. SIMULINK: sreda sozdanija inzhenernyh prilozhenij/Pod obshh. red. k.t.n. V.G. Potemkina. — M.: DIALOG-MIFI, 2003, p 496.
4. Shchetinin V. I., Kavin Y. A., Pritchina L. S. Razrabotka v sisteme Simulink imitacionnoj modeli processa formirovanija i obrabotki novyh raznovidnostej sverhshirokopolosnyh signalov (Developing the imitation model of forming and processing the new types of ultra-broadband signals using Simulink), Informacionno-izmeritel'nye i upravljajushhie sistemy, 2012, T. 10, No. 7, pp 36–42.
5. Solow R. M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. — 1956. — February Vol. 70, No. 1.

Приложение 1.

Блок-схема односекторной макроэкономической модели экономического роста Солоу в среде Simulink



Приложение 2.
Фрагмент программы управления имитационной моделью экономического роста Солоу

```
%Программа управления моделью Simulink из Matlab
clear all                    %Очистка
open_system('Solo');         %Открытие Simulink
k=[0.01 0.02 0.1 0.2 0.3 0.4 0.5 0.6 0.7 0.8 1 1.5 2 2.5]; %Массив начальных
                             %значений удельной
                             % капиталовооруженности (фондовооруженности)
Lambda=0.019;                %Значение Lambda
Ro=0.043;                    %Значение Ro
beta=0.04;                   %Значение beta
s1=[];s2=[];s3=[];s4=[];
for i=1:length(k)            %Цикл по начальным значениям k
    k_0=k(i);                %Присвоение начального значения k
                             %в дискретном интеграторе модели
    sim ('Solo');            %Обращение к модели
    sr=simout;               %Текущее (модельное) время
    sr1=simout1;             %Удельная капиталовооруженность
    sr2=simout2;             %Удельный выпуск
    sr3=simout3;             %Удельные инвестиции
    sr4=simout4;             %Удельное потребление
    s1=cat(1,s1,simout1);s1=sort(s1);
    s2=cat(1,s2,simout2);s2=sort(s2);
    s3=cat(1,s3,simout3);s3=sort(s3);
    s4=s3-s2;
    srr(i,:)=simout(:);
    srr1(i,:)=simout1(:);
    figure(1);%График динамики удельной капиталовооруженности
    hold on;
    plot (sr, sr1,'m-o');%График динамики удельной капиталовооруженности
    grid;
    hold off;
    pause (1.0);
end;
figure(1);%График динамики удельной капиталовооруженности
plot (sr',srr1','-o');
title('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfДинамика капиталовооруженности K для
различных K_0');
xlabel('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfВремя');
```

```
ylabel ('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfКапиталовооруженность K');
legend (,k_0=0.01','k_0=0.02','k_0=0.1','k_0=0.2','k_0=0.3',…
    ,k_0=0.4','k_0=0.5','k_0=0.6','k_0=0.7','k_0=0.8','k_0=1','k_0=1.5',…
    'k_0=2','k_0=2.5','Location','SouthEast')
grid;
pause (6.0);
figure(2); %График прироста удельной капиталовооруженности,
           %График прироста удельных инвестиций
           %График удельного потребления
hold on
plot (s1, s3,'b-*');
title('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfЗависимость различных показателей от k');
xlabel('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfКапиталовооруженность K');
ylabel('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfПоказатель');
legend('Прирост капиталовооруженности','Location','NorthWest')
grid;
pause (2.0);
plot (s1, s2,'r-p');
legend('Прирост капиталовооруженности','Снижение капиталовооруженности',
'Location','NorthWest')
pause (2.0);
plot (s1, s4,'m-o');
legend('Прирост капиталовооруженности','Снижение капиталовооруженности',
'Чистый прирост капиталовооруженности','Location','NorthWest')
pause (2.0);
plot ([0 0.8],[0 0],'k');
hold off;
pause (5.0);
xx=0:0.01:max(s1);
p = polyfit(s1,s4,8);%Корни аппроксимирующего полинома
y4=polyval(p,xx);%Сглаживание кривой удельного потребления
[ma ind]=max(y4);
k_g_o_l_d=xx(ind)
%Оптимальная относительная капиталовооруженность по «золотому правилу»
for j=2:length(xx)
    if y4(j)<=0&y4(j-1)>0
        k_u_s_t=(xx(j-1)+xx(j))/2;
    end;
end;
k_u_s_t %Устойчивый уровень относительной капиталовооруженности
```

```
figure(3);%График удельного потребления
hold on
plot (s1, s4,'mo',xx, y4,'b-');
grid;
% xlim([0 0.65]);
pause (2.0);
plot (k_u_s_t, 0,'kh','markersize',14,'markerfacecolor',[0 1 0]);
pause (2.0);
plot (k_g_o_l_d, 0,'kp','markersize',14,'markerfacecolor',[1 0 0]);
title('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfЗависимость чистого прироста капиталовооруженности от K');
xlabel('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfКапиталовооруженность K');
ylabel('\fontname{arial}\fontsize{11}\bfПоказатель');
legend('Чистый прирост капиталовооруженности','Сглаженное значение','k^*',...
    'k^*^*','Location','NorthEast')
plot ([0 max(k)],[0 0],'k');
hold off;
```

Информация об авторах

Притчина Лариса Сергеевна

кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой математики и информатики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Одинцовский филиал, Российская Федерация

Эл.почта: larisa.pritchina@gmail.com.

Кавин Юрий Александрович

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Одинцовский филиал, Российская Федерация

Эл.почта: kyuri777@yandex.ru.

Larisa Pritchina

Candidate (Ph. D.) of Engineering Sciences, Head of the Department of Mathematics and Informatics In MGIMO University Odintsovo Campus, The Russian Federation, e-mail: larisa.pritchina@gmail.com.

Yuri Kavin

Candidate (Ph. D.) of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of applied computer science, In MGIMO University Odintsovo Campus, The Russian Federation, e-mail: kyuri777@yandex.ru

УЧАСТИЕ ЯПОНИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

С. М. РЕБРЕЙ

Аннотация. *В современном мире глобальная экономика как совокупность внешнеэкономических видов деятельности субъектов мировой экономики стремительно развивается, а ее влияние на национальные экономики растет экспоненциально, что определяет актуальность исследования. Япония в данном контексте представляет особый интерес, потому что в разных теоретико-методологических срезах данного проблемного поля ее специфика очевидна. Хотя разные аспекты участия Японии в глобальной экономике рассматривались российскими и зарубежными японоведами, комплексное исследование пока не проводилось. Что касается не японоведческих, а общетеоретических работ, многие эксперты признают специфику развития Японии. Данная работа посвящена комплексному изучению участия Японии в глобальной экономике. Рассмотрены общие, торговые, инвестиционные и факторные аспекты в мировых сопоставлениях. В частности, рассмотрены такие макроэкономическими показатели, как размер ВВП, его доля в валовом мировом продукте, внешнеторговая квота, прямые инвестиции. Далее внимание уделяется деятельности ТНК, как японских за рубежом, так и иностранных в Японии; характеру участия Японии в движении факторов производства, наличию формальных и неформальных ограничений. Анализ основан на статистике предоставляемой международными экономическими организациями (Всемирный банк, ЮНКТАД), научно-исследовательскими институтами, японскими организациями, ассоциациями, правительством и Банком Японии.*

В результате, автор приходит к выводу, что характер участия Японии в глобальной экономике характеризуется глубоким дисбалансом, в основе которого лежат скорее этнопсихологические, исторические и географические, нежели экономические факторы. Данный феномен выражается в проактивной внешнеэкономической деятельности Японии на фоне совсем незначительного проникновения иностранных элементов в страну. Такой односторонний процесс взаимодействия с внешним миром можно назвать термином «японизация».

Ключевые слова: *экономика Японии, глобализация, глобальная экономика, японизация, ТНК, ПИИ.*

Введение. Глобальная экономика, наиболее динамично развивающаяся часть мировой экономики, представляет собой совокупность внешнеэкономических видов деятельности субъектов мировой экономики. Глобализация — это объективная тенденция развития мировой экономики, процесс стирания, нивелирования национальных границ, либерализации мировой торговли, движения факторов производства. ТНК — главные бенефициары глобализации и экономические агенты глобальной экономики, — являются и основным локомотивом глобализации. Тем не менее, несмотря на объективность этого процесса, внешнеэкономическая стратегия стран, их способы участия в глобальной экономике различны и сильно зависят от внутриэкономической конъюнктуры, а также геостратегических, этнопсихологических, исторических, политических и прочих факторов. Так, Япония сильно выделяется спецификой участия в глобальной экономике и на общем фоне триады[95] и среди стран региона Восточной Азии, чем и обусловлена актуальнось настоящего исследования.

Теоретическое основание исследования. Степень участия стран в глобальной экономике определяется такими макроэкономическими показателями как размер ВВП, его доля в валовом мировом продукте, внешнеторговой квотой, которая демонстрирует степень интегрированности страны в мировой обмен товарами и услугами; конкурентоспособностью товаров и услуг на мировом рынке, вовлеченностью в движение факторов производства (миграции рабочей силы, прямых инвестиций, ресурсов знаний), наличием формальных и неформальных барьеров (торговых и неторговых) на пути движения товаров, услуг и факторов производства. Наиболее значимым и объективным показателем глобализации страны и ее конкурентоспособности (а на современном этапе развития взаимозависимость этих процессов очень сильна) является деятельность транснациональных компаний (ТНК). В силу глобализации и либерализации национальных экономик ТНК стали наиболее активными и мобильными субъектами мировой экономики, для которых все мировое хозяйство превратилось в глобальную операционную площадку. Создавая производственно-сбытовые сети по всему миру, ТНК руководствуются стратегией максимизации прибыли и повышения эффективности производства, с целью чего создают гло-

[95] Триада — это наиболее развитые экономики мира: США, страны ЕС и Япония (иногда еще Канада и Республика Корея).

бальные цепочки добавленной стоимости на основе так называемых «пул» факторов[96].

Интересно заметить, что до недавнего времени, а именно до мирового финансово-экономического кризиса 2008 года, развитые страны были основными и донорами, и реципиентами прямых инвестиций в мире. И только в условиях серьезного экономического спада в развитых странах в результате мирового кризиса, развивающиеся страны, в первую очередь Китай, смогли их догнать и даже обогнать в качестве реципиентов прямых инвестиций[97] и постепенно занимают видное место среди доноров. В общем и целом, подобная модель развития экономики описана Дж. Даннингом, «отцом исследований международного бизнеса». Он выявляет высокую корреляцию между объемами накопленных прямых инвестиций (ввозу и вывозу) и сравнительным уровнем развития страны (нации). Так, страна проходит пять основных этапов развития, классификационным признаком которых является готовность принимать и экспортировать прямые инвестиции. На первом этапе в стране развиты только низкотехнологические трудо- и ресурсоёмкие производства. Далее, на втором этапе по мере постепенного роста импорта капитала в форме прямых инвестиций растет и растет и местный бизнес. На третьем этапе постепенно начинается и экспорт капитала из страны в связи с политикой дерегулирования в области вывоза капитала, ростом издержек производства и, конечно, повышением конкурентоспособности местных производителей. На 4-м этапе объем накопленных ПЗИ достигает или превышает ПИИ, страна становится лидером в некоторых высокотехнологических отраслях. На пятом этапе объем ввоза и вывоза капитала продолжает расти, утверждается мировое лидерство в определенных высокотехнологичных отраслях [Dunning, Lunden, 2008. P. 93].

Хотя и в теоретическом, и в эмпирическом срезах доказана и апробирована высокая корреляция между деятельностью ТНК и ролью страны в глобальной экономике (и в качестве принимающей страны, и в качестве страны базирования), на практике Япония прошла альтернативный путь развития экономики, полностью избежав роли страны реципиента. Известно, что японское «экономическое чудо» было реализовано практически без участия иностранного капитала, и в этом заключается уникальность имплементации стратегии догоняющего развития Японии [Ребрей,

[96] «Пул» факторы (от англ. «притягивать») — факторы стран реципиентов прямых инвестиций, привлекающие иностранных инвесторов.

[97] Имеется в виду поток прямых инвестиций. По объему накопленных инвестиций развивающиеся страны пока еще сильно отстают от развитых.

2015, с. 17–20]. Однако и на современном этапе развития, несомненно занимая пятую стадию по Даннингу, являясь мировым лидером во многих высокотехнологичных производствах, участие Японии в мировом движении капитала характеризуется отсутствием баланса. Деятельность ТНК во многом эпитомизирует участие страны в глобальной экономике, соответственно подобная односторонность участия Японии в глобальной экономике вероятно имеет системный характер. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы проведем комплексный анализ участия Японии в глобальной экономике.

Исследование: основная часть. Япония — третья экономика (вторая среди развитых стран) мира, на ее долю приходится около 7% ВМП. Степень интегрированности Японии в мировой товарообмен можно также оценить как высокую: ее внешнеторговая квота составляет 37%, что сопоставимо со странами триады. Также обращает на себя внимание отрицательное сальдо платежного баланса Японии, что может характеризовать экономику как зависящую от импорта продукции. Однако это не совсем так. Япония как страна практически лишенная собственных ресурсов, в том числе топливных, действительно зависит от их импорта, а также от импорта продовольствия вследствие относительно низкой самообеспеченности. Эти статьи импорта в совокупности составляют 38%[98]. Подавляющая же часть импорта является реимпортом продукции японских ТНК, произведенной за рубежом. Особенно важно, что высокотехнологичные готовые изделия и детали в большинстве своем — это реимпорт. В японском экспорте также немалую роль играют японские ТНК, так как торговля неготовыми изделиями в основном является внутрифирменной и сводится к поставке деталей для зарубежной сборки. Таким образом, несмотря на то, что статистически японская экономика демонстрирует глубокую интегрированность в международный товарообмен, а тип ее участия в мировой торговле характеризуется как горизонтальный, де факто по-прежнему преобладает вертикальный тип торговли с зарубежными странами, если опустить внутрифирменную (иногда межфирменную) торговлю японских ТНК.

*Обобщенный индекс глобализации КОФ (*KOF Index of Globalization) определяет глобализацию как «процесс создания сетей межконтинентальных (дальних) связей между агентами экономического развития посредством обмена различными потоками, включая потоки людей, информации, идей, капитала и товаров. Глобализация

[98] Japan's International Trade in Goods(Yearly) // JETRO, 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/

представляется процессом, который, с одной стороны, разъедает национальные границы, а, с другой, интегрирует национальные экономики, культуры, технологии и правления (государственную политику), создавая в результате сложную систему взаимозависимых связей, сетей, между агентами развития.» [Капица, 2008, с. 52]. Индекс глобализации КОФ измеряет участие страны в глобализации в трех срезах: экономическом, социальном и политическом. *Индекс глобализации КОФ* (см. табл. 1) Японии невелик и совершенно не соответствует ее уровню экономического развития и объему ее внешнеторгового оборота, соседствуя с такими странами как Сербия, Иордания, Кувейт, Исландия и пр. В случае Японии больше всего проседает именно экономический срез глобализации, а его в свою очередь тормозит низкий объем импорта прямых инвестиций в страну. Так, подиндекс реальных потоков экономических ресурсов Японии равен 28,3 ед., соседствуя со странами Африки южнее Сахары, тогда как страны Азиатско-Тихоокеанского региона и страны ЕС имеют в среднем 60–65, а США и Китай, экономика которых характеризуется огромным внутренним рынком — 41,27 и 42,55 соответственно. Другими словами, отставание Японии по данному подиндексу от стран своего региона и стран схожего уровня социально–экономического развития огромно. С другой стороны, по подиндексу экономических барьеров Япония очень близка к странам триады (73,24 против 75–78) и оставляет далеко позади страны АТР. Таким образом, низкие показатели реальных потоков экономических ресурсов не связаны с какими-то торговыми или инвестиционными ограничениями внешнеэкономической политики

Таблица 1
Индекс глобализации Японии в сравнении со странами региона АТР и со странами триады, 2015 г.

	Индекс глобализации	**Экономическая глобализация**	**Реальные потоки**	**Ограничения**
США	75,71	**59,4**	41,27	77,53
Франция	82,61	**66,53**	54,53	78,71
Великобритания	81,97	**67,62**	61,93	75,32
Япония	**67,86**	**50,77**	**28,3**	**73,24**
Китай	60,73	**49,97**	42,55	57,39
Респ. Корея	65,42	**59,83**	65	54,65
Россия	69,4	**54,91**	64,24	45,59

Составлено по данным: URL: http://globalization.kof.ethz.ch

страны. Напротив, в экономической стратегии развития Японии большое внимание уделяется привлечению иностранных компаний в страну, внедряются различные способы мотивации и стимулы для развития иностранного бизнеса, предоставляются льготные условия, специальные консультации и пр.

Транснационализация производства также имеет два вектора: вынос мощностей за рубеж и приход иностранных предпринимателей на внутренний рынок. Основным инструментом ТНК выступают прямые инвестиции, где в Японии наблюдается самый острый дисбаланс в результате невероятно низкого для подобной развитой и масштабной экономики притока прямых инвестиций в страну. Так, в 2015 г. по данным Банка Японии ввоз прямых инвестиций составил «минус» 42 млн долл., но за 3 квартала 2016 г. объем ПИИ возрос до 29,3 млрд долл. Накопленные ПИИ Японии на конец 2015 г. составили 170,6 млрд долл. (для сравнения в Китае — 1,2 трлн, Великобритании — 1,5 трлн, США — 5,6 трлн)[99]. Как экспортер капитала Япония играет важную роль в мировом движении капитала и является крупнейшим чистым экспортером капитала в мире. Прямые зарубежные инвестиции (ПЗИ) Японии 130,8 млрд долл., а за 3 квартала 2016 г. — 124,5 млрд. Накопленные ПЗИ Японии на конец 2015 г. составили 1,2 трлн долл. (Китай — 1 трлн, Великобритания — 1,5 трлн, США — 5,98 трлн)[100].

Японские ТНК являются мощными субъектами мировой экономики. Отличительной чертой японских ТНК является «горизонтальный характер развития, то есть широкая географическая диверсификация производственно-сбытовых сетей», тогда как «вертикальное развитие, то есть более глубокая интеграция компании в реалии стран-реципиентов» [Castellania, Montresorb, 2016] сильно отстает от ТНК триады. Так, в списке крупнейших нефинансовых ТНК по версии ЮНКТАД (см. табл. 2) присутствуют 11 японских компании, причем 5 входит в первую 30-у, ранжированную по зарубежным активам. Однако по индексу транснационализации ни одна японская ТНК не входит в 30-у. Какой именно элемент японского менеджмента тормозит процесс транснационализации «по вертикали», сохраняя за зарубежными производствами вторые роли, сказать сложно: «коэффициенты транснационализации не позволяют выделить определенную область, которая тормозит этот процесс, у каждой представленной ТНК их соотношение различно» [Ребрей, 2016, с. 1–3]. По всей видимости, вся система в целом такова.

[99] UNCTAD URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx
[100] Ibid.

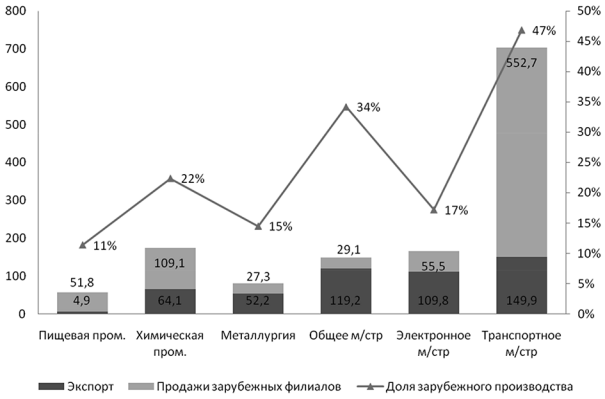
Таблица 2
Японские ТНК, представленные в топ 100 крупнейших ТНК по версии ЮНКТАД, 2015 г.

№	Корпорация	Отрасль	Ранг	
			По зарубежным активам	По TNI
1	Toyota Motor Corporation	Транспортное машиностроение	2	64
2	Softbank Corp	Телекоммуникация	12	51
3	Honda Motor Co Ltd	Транспортное машиностроение	13	34
4	Nissan Motor Co Ltd	Транспортное машиностроение	21	39
5	Mitsubishi Corporation	Торговля	24	60
6	Mitsui & Co Ltd	Нефтедобыча	35	35
7	Marubeni Corporation	Торговля	60	42
8	Sony Corporation	Электронное машиностроение	65	71
9	Sumitomo Corporation	Торговля	71	54
10	ITOCHU Corporation	Торговля	80	84
11	Hitachi Ltd	Электронное машиностроение	99	92

Составлено по: World Investment Report 2016 // UNCTAD, 2016. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex–Tables.aspx

Вполне закономерно, что самая глобальная отрасль экономики Японии — транспортное машиностроение (см. рис. 1), — имеет наибольшее число ТНК, представленных в топе ЮНКТАД, и они занимают наивысшие позиции в рейтинге. Кроме того, японские автомобильные ТНК по-прежнему являются мировыми лидерами, хотя по объему произведенных автомобилей в год на первое место вышел Китай. Тем не менее, индекс транснационализации японских ТНК автомобильной промышленности невысок. Так, Toyota занимает лишь 64-е место в этом рейтинге, хотя ее производственно-сбытовые мощности за рубежом по объемам занимают второе место в мире. В общем и целом, японская автомобильная промышленность почти половину (47%) своей продукции производит за рубежом, а продажи зарубежных филиалов почти в 4 раза превосходят объем экспорта.

Рисунок 1.
Наиболее глобальные отрасли экономики Японии, 2015 г., млрд долл.



Составлено по данным: JETRO Global Trade and Investment Report // JETRO, 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/; Japan's International Trade in Goods(Yearly) // JETRO, 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/

Ввоз прямых инвестиций (табл.3) в Японию очень невелик, а иногда, как в 2015 г, даже отрицателен. Другой его спецификой является крайне высокая волатильность, несвойственная этой форме движения капитала. По результатам первого полугодия 2016 года ПИИ поровну распределились между обрабатывающей промышленностью и сферой услуг. Вполне закономерно, что наиболее глобальные, а соответственно и конкурентоспособные, отрасли японской экономики и привлекают инвесторов, благодаря концентрации высококвалифицированных кадров, развитой инфраструктуры, наличию зрелого рынка и пр. В обрабатывающей промышленности — это общее машиностроение (19%), электронное машиностроение (18%), транспортное машиностроение (33,6%), а в секторе услуг — транспорт (26,7%), связь(10%), финансы и страхование(22,3%).

Прослеживается новая интересная тенденция, касающаяся «пул» факторов и мотивов заключения альянсов, слияния и поглощения зарубежных партнеров с японскими компаниями: вместо проникновения на японский рынок, зарубежные партнеры ставят цель использовать зарубежные производственно-сбытовые мощности японских ТНК. Так, китайская крупнейшая корпорация Cheung Kong Limited совместно с MCAP[101] создали совместную венчурную компанию с целью завоева-

[101] MCAP — авиализинговый филиал Mitsubishi Corporation

Таблица 3
Структура прямых иностранных инвестиций Японии, 2012–2016 гг., млрд долл.

Сектор/Отрасль	2012	2013	2014	2015	2016 I полугодие	Доля, %
Обрабатывающая промышленность	5351	2489	2997	–2391	2402	50,5
Пищевая	133	–221	792	339	103	2,2
Химия и фармацевтика	1537	–361	–568	–4133	–815	n.a.
Металлургия	–4	50	101	–48	43	0,9
Общее машиностроение	145	129	542	380	855	18,0
Электронное машиностроение	2538	1502	774	1029	593	12,5
Транспортное машиностроение	–135	247	1032	–1426	1601	33,6
Сектор услуг	–3587	–131	7625	140	2357	49,5
Транспорт	–5	216	–859	579	1268	26,7
Связь	–63	–101	1550	948	477	10,0
Финансы и страхование	–1383	641	7411	1958	1062	22,3
Прочие услуги	–244	–1663	323	474	1180	24,8
Всего	1761	2358	10622	–2250	4759	100,0

Составлено по данным: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment by Industry // JETRO. 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html

ния азиатского рынка авиализинга. Немецкая ТНК Freudenberg, мировой лидер по производству нетканового текстиля, совместно с японской ТНК Toray поглотили своего главного конкурента в Японии Japan Vilene с целью осуществления глобальной экспансии. Индийская лидирующая корпорация Mahindra & Mahindra заключила альянс с Mitsubishi Agriculture Machinery с целью использования японских технологий на своих производствах в Азии [примеры из JETRO Global Trade and Investment Report 2016, p. 23]. Фактически, активность иностранных ТНК на японском рынке еще ниже, чем отражает статистика импорта прямых инвестиций.

Основным конкурентным преимуществом Японии, привлекающим иностранных инвесторов выступает высокий научно-технический уровень. Согласно опросам среди западных и азиатских компаний в 2013 г., Япония стала наиболее привлекательным местом для прове-

дения НИОКР[102]. Так, значительная часть ПИИ направляется в наиболее наукоемкие производства, требующие концентрации высококвалифицированных кадров и развитой инфраструктуры, а также наличие ёмкого рынка сбыта. Например, американская ТНК Micron в 2013 году поглотила японского конкурента Elpida, став вторым крупнейшим производителем чипов памяти DDR3, и инвестировала 100 млрд иен в производство в Японии карт памяти для смартфонов и выпуска памяти следующего поколения. В настоящее время компания обладает производственно-сбытовой сетью в Японии, в которую входят два инжиниринговых (научных) центра, два завода и четыре центра продаж[103]. Другая американская ТНК SanDisk, занимающая приблизительно треть мирового рынка карт памяти, наладила совместно с японской Toshiba производство карт памяти на заводе NAND. Эти же компании инвестировали в строительство нового завода для производства карт памяти следующего поколения. Apple в 2016 г. начала строительство центра технологического развития в «умном городе» следующего поколения в Йокогаме.

Как приоритетная и наиболее конкурентоспособная сфера экономики Японии НИОКР могла бы стать локомотивом глобализации и ключевым стимулом для привлечения иностранных инвесторов в страну. С другой стороны, для сохранения лидерских позиций в наукоёмких отраслях помимо непосредственно инвестиций в НИОКР, образование и инфраструктуру, очень важную роль на современном этапе развития глобальной экономики играет сотрудничество. Потому что с ускорением гонки за эффективностью тесно связано с разработкой и внедрением высоких технологий, становится все труднее удерживать лидерские позиции в топе в одиночку. Так, заключение альянсов с целью проведения совместных научно–исследовательских работ и последующим внедрением новейших технологий в производство стало магистральной тенденций развития крупнейших мировых ТНК. И японские ТНК не исключение. К примеру, шведская автомобильная компания Autoliv, лидирующая в области производства подушек безопасности, с японской Nissin Kogyo, лидером в области производства тормозных систем, создали совместную венчурную компанию для разработки системы автопилота, очень перспективной и стремительно развивающейся области [JETRO White Papers, 2016, p. 23].

---

[102] Five Promises for Attracting Foreign Businesses to Japan. Invest Japan. URL: http://www.invest-japan.go.jp/

[103] URL:https://www.micron.com/about/locations/Japan

Наблюдается повышение наукоёмкости зарубежных производств японских ТНК, рост добавленной стоимости их продукции и количества научно–технических центров за рубежом. Однако, судя по всему, повышение наукоемкости зарубежных филиалов не является сознательным направлением внешнеэкономической стратегии развития. По последним опросам, около 60% японских ТНК планируют оставить НИОКР в Японии [JETRO White Papers, 2016]. Подобная концепция также прослеживается и в Стратегии глобального превосходства Японии и Стратегии оживления Японии 2016 года, где Япония предстает научно-технологическим лидером мировой экономики, центром сосредоточения новейших разработок и инноваций. Для достижения и сохранения звания центра мировой науки Япония планирует привлекать наиболее высококвалифицированные и талантливые кадры в страну. С этой целью планируется внедрение «самой быстрой и удобной системы получения визы и Green card для высококвалифицированных рабочих в мире» [Japan Revitalization Strategy, 2016]. В целом, в Японии сохраняется крайне закрытая иммиграционная политика, в связи с чем общее число рабочих иммигрантов невелико — чуть больше 900 тыс. чел. (0,6% населения Японии). Несомненно, Япония является привлекательной страной для эмигрантов из Кореи и Китая (25 и 31% соответственно). Среди них есть и немалое количество студентов, стремящихся не только получить образование в Японии, но и трудоустроиться после выпуска. «Растет прием иностранцев, получивших образование в Японии в самых разных отраслях — от химической промышленности до розничной торговли и сферы недвижимости» [Тихоцкая, 2016, с. 107]. Японский язык также пользуется большой популярностью в регионе. Среди иностранцев, сдающих Нихонго норёку сикэн (экзамен на определение уровня японского языка, проводимый во всем мире), абсолютное большинство составляют китайцы, на втором месте — корейцы. Важным стимулом выступает высокий уровень жизни и доходов в Японии. В общем и целом, японское общество определенно не готово к росту количества иммигрантов, что и отражено в осторожной и закрытой иммиграционной политике страны. Однако бизнес, напротив, выступает за повышение доли низко–квалифицированных иностранных рабочих. Если раньше иностранцев принимали в основном мелкие и средние фирмы, то сейчас и крупные корпорации начали заключать с ними постоянные контракты. Например, в Lawson иностранцы составляют от 10 до 30% вновь принятых на работу, а в Fujitsu и Hitachi — по 10%. Такие тенденции вполне закономерны, особенно учитывая крайне тяжелую демографическую ситуацию в Японии, где пожилое население

уже превышает 26%. В частности, иностранцы активно привлекаются для ухода за престарелыми и в другие сферы обслуживания, медобслуживания, сельского хозяйства и строительства. Правительство выражает готовность постепенно повышать долю иностранного присутствия в результате проведения политики дерегулирования иммиграции, но в общемировых сопоставлениях эти цели можно назвать более чем скромными. Что касается обратных миграционных процессов — эмиграции рабочей силы, — здесь ситуация схожая. По состоянию на 2014 г. порядка 770 тыс. японцев работают за рубежом, причем подавляющее большинство — в японских ТНК, что отражается в высокой корреляции географической структуры эмиграции и накопленных ПЗИ Японии. Так, абсолютным лидером (около 40% и 33% соответсвенно) выступают США, на втором месте — Восточная Азия (25% и 29%), на третьем — страны Евросоюза (20% и 23%).

В целом, японский бизнес заинтересован в глобализации рабочей силы, но пространство для деятельности строго ограничено законодательными и моральными нормами. Японское общество очевидно не готово к этим процессам: крайне высоко стремление сохранить национальную аутентичность, встречаются случаи ксенофобии, уровень владения английским (и иностранными языками в целом) низок и пр.

Результаты исследования. Уникальность участия Японии в глобальной экономике гораздо глубже общеизвестного дисбаланса движения прямых инвестиций. Ярко-выраженный односторонний характер присущ всем сферам участия Японии в глобальной экономике. И участие в мировой торговле товарами и услугами, и зарубежная деятельность японских ТНК, роль в мировом развитии ресурсов знаний и движении рабочей силы, — все это можно охарактеризовать термином «японизация», то есть активная экспансия «японского» вовне на фоне сохранения неформальных, но явно ощутимых барьеров на пути проникновения «иностранного» извне. Отсутствие формальных барьеров, но сохранение статуса «кво» можно объяснить неэкономической природой данного феномена. Корни его лежат в этнопсихологических, исторических, географических и институциональных особенностях японской нации.

Анализ результатов. В современном стремительно развивающемся глобальном мире есть отрицательные примеры неразумных автаркий, приведших к нищете и непреодолимому отставанию в технологическом, экономическом и финансовом развитии. Естественно, такой радикализм не имеет ничего общего с развитием японской экономики, занимающей лидирующие позиции в разных областях. Тем не

менее, в условиях резко сокращающегося разрыва в экономическом развитии со странами региона и, как следствие, ужесточающейся конкуренции в отраслях обрабатывающей промышленности среднего, а теперь и высокого технологического уровня, задача сохранения позиции лидера в области высоких технологий становится все сложнее. Насколько такое дозируемое и подконтрольное иностранное участие в развитии экономики сможет удовлетворить возрастающим запросам внешних рынков? Возможно ли эффективно контролировать подобные процессы, не становится ли контроль тормозом развития? Эти и другие вопросы, возникающие в связи со сделанными выводами, требуют отдельного полномасштабного исследования, ведь мировой опыт не содержит подобных примеров.

Заключение. Япония — это страна невероятно сплочённой нации, в силу географической специфики и исторических факторов довольно долгое время противопоставлявшей себя всему миру. И по всей вероятности это мироощущение до сих пор актуально, а на такой мощной экономической базе на рельсах глобализации, объективного общемирового процесса, преломляется в японизацию — мощную широкомасштабную экономическую экспансию страны при сохранении ее закрытости. Насколько такая стратегия жизнеспособна покажет лишь время.

Литература

1. Капица Л. Индикаторы мирового развития / Л. Капица. — М.: МГИМО(У), 2008. 265 с.
2. Ребрей С. Основные тенденции зарубежной деятельности японских компаний / С. Ребрей // Мировое и национальное хозяйство. — 2016. — №3. Стр. 1–3. [Электронный ресурс]. URL: http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec–2016–3–rebrey.pdf (Дата обращения 13.01.2017)
3. Ребрей С. Транснационализация японского бизнеса С. Ребрей. — М. :МГИМО(У), 2015. 133 с.
4. Социально-экономическая география Японии / И. Тихоцкая. — М.: Аспект Пресс, 2016. 528 с.
5. Castellania D., Montresorb S. , Multinationality, R&D and productivity: Evidence from the top R&D investors worldwide // International Business Review. — 26 Oct. 2016. [Электронный ресурс].URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.003 (Дата обращения 13.01.2017)
6. Dunning J., Lunden S. Multinational Enterprises and Global Economy. Second Edition. Chentelham, UK:Edward Publishing Limited. 2008. — 891 p.
7. Japan's International Trade in Goods(Yearly) // JETRO, 2016. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/ (Дата обращения 13.01.2017)

8. Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment by Industry // JETRO. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html (Дата обращения 13.01.2017)
9. JETRO Global Trade and Investment Report 2016 — Broad economic zones and the growth strategies of Japanese corporations — Overview //JETRO. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2016_overview.pdf (Дата обращения 13.01.2017)
10. KOF Index of Globalization [Электронный ресурс]. URL: http://globalization.kof.ethz.ch (Дата обращения 13.01.2017)
11. Micron Technology. [Электронный ресурс]. URL:https://www.micron.com/about/locations/Japan
12. World Investment Report 2016 // UNCTAD, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex–Tables.aspx (Дата обращения 13.01.2017)

JAPAN IN GLOBAL ECONOMY

Sofia M. Rebrey

Abstract. *The modern world witnesses as the global economy — a set of foreign trade activities of subjects of the world economy — is growing rapidly, and its impact on national economy is growing exponentially, which determines the relevance of the study. Japan in this context is of particular interest, because various theoriesfails to determine its specificity. Although different issues of Japanese participation in the global economy was studied by Russian and foreign japanologists, a comprehensive research has not been undertaken. As for theoretical and methodological works, many experts emphasize Japanese specifics. This work researches the participation of Japan in the global economy by examining general, trade, investment and factor aspects in the world comparison. Further the research focuses on Japanese and foreign TNCs, the nature of the participation of Japan in the movement of factors of production, formal and informal restrictions. The analysis is based on statistics provided by the international economic organizations (World Bank, UNCTAD), research institutes, Japanese organizations, associations, government, and the Bank of Japan.*

As a result, the author concluded that the nature of the participation of Japan in the global economy is characterized by a deep imbalance, which is based on ethno-psychological, historical and geographical factors, rather than economic. This phenomenon is reflected in the proactive foreign economic activities of Japan on the background of the very small penetration of foreign elements into the country. Such a unilateral economic expansion could be termed as "Japanization".

Key words: *Japanese Economy, Globalization, Global Economy, Japanization, TNC, FDI.*

Literature

1. Castellania D., Montresorb S. (2016). Multinationality, R&D and productivity: Evidence from the top R&D investors worldwide. *International Business Review*. Retrieved 13 January 2017. from http://dx.doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.003
2. Dunning J., Lunden S. (2008). Multinational Enterprises and Global Economy. Second Edition. Chentelham, UK: Edward Publishing Limited.
3. Japan's International Trade in Goods (2016). *JETRO*. Retrieved on 13 January from https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/
4. Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment by Industry (2016). *JETRO*. Retrieved on 13 January from https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html
5. JETRO Global Trade and Investment Report 2016 — Broad economic zones and the growth strategies of Japanese corporations — Overview (2016). *JETRO*. Retrieved on 13 January from https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2016_overview.pdf
6. Kapica L. (2008) Indikatory mirovogo razvitija [Indicatotrs of World Development]. Moskva: MGIMO.
7. KOF Index of Globalization. Retrieved on 13 January from http://globalization.kof.ethz.ch
8. Micron Technology. Retrieved on 13 January from https://www.micron.com/about/locations/Japan
9. Rebrey S. (2016) Osnovnye tendencii zarubezhnoj dejatel'nosti japonskih kompanij [Major Tendencies of Japanese Corporations Foreign Activity] In *Mirovoe i nacional'noe hozjajstvo*.[World and National Economy], 3. Retrieved on 13 January from http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec–2016–3–rebrey.pdf
10. Rebrey S. (2015) Transnacionalizacija japonskogo biznesa [Transnationalization of Japanese Business]. Moskva: MGIMO.
11. Tihockaja I. (2016) Social'no-jekonomicheskaja geografija Japonii [Socio-Economic Geography of Japan. Moskva: Aspekt Press.
12. World Investment Report (2016). *UNCTAD*. Retrieved on 13 January from http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex–Tables.aspx

Информация об авторе
Ребрей С. М.
к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, МГИМО МИД России
E-mail: sofiarebrey@gmail.com
Sofia M. Rebrey
Assoc. Prof., PhD (econ.), MGIMO–University, Russia

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Е. Б. РОГАТНЫХ

Аннотация. *Глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС) являются результатом развития международного разделения труда. ГЦДС стали активно развиваться в семидесятые годы XX века, что стало ответной реакцией ТНК на изменения, происходящие в мировой экономике. Развитие ГЦДС привело к формированию новой парадигмы в развитии мировой торговли. Размещение производственных мощностей ТНК в различных странах привело к существенному росту торговли промежуточными товарами и услугами. В результате доля компонентов в мировой торговле составила около 60% . Основная деятельность ТНК в настоящее время сосредоточена в сфере услуг с высокой добавленной стоимостью. Все стороны, участвующие в ГЦДС, получают выгоды, сталкиваются с различными рисками и вынуждены разрешать различные проблемы. Для ТНК резко вырос уровень сложности управленческих задач, требующих своего решения. Кроме того компании вынуждены на постоянной основе вкладывать огромные деньги в НИОКР для поддержания своей конкурентоспособности. Правительства развитых стран сталкиваются с необходимостью усиления инновационной и образовательной систем в своих странах для нивелирования отрицательных последствий, возникающих в связи с выводом производственных мощностей за рубеж. Правительства развивающихся стран должны предпринимать существенные усилия по созданию благоприятного инвестиционного климата и созданию местных детерминант размещения производства, что является условием для прихода цепочек ТНК в национальную экономику. Развитие инфраструктуры и усиление компетенций местных компаний важны для роста участия развивающихся экономик в ГЦДС и совершенствования их места в цепочке.*

Ключевые слова: *глобальные цепочки добавленной стоимости, конкурентоспособность, выгоды, риски, детерминанты размещения производства.*

Введение

Углубление международного разделения труда в условиях становления глобальной экономики в последние десятилетия XX века привело к формированию и повсеместному распространению глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС). Под цепочками добавленной стоимости понимается полный набор действий, который необходим для того, чтобы осуществить продвижение продукта от момента возникновения его концепции до конечного потребителя через все стадии производства, включая разработку и дизайн, обеспечение поставок сырья и промежуточных компонентов, собственно производство, маркетинг и организацию сбыта, а также обеспечение послепродажного обслуживания. В случае ГЦДС все эти стадии разделены между многочисленными фирмами поставщиками и производителями, географически расположенными в разных странах и регионах [The Global Value Chains Initiative, 2016]. Именно ГЦДС стали основным инструментом углубления процессов глобализации в современной мировой экономике и подключения развивающихся государств к международному производству. Процесс развития ГЦДС активно продолжается и на современном этапе, включая производителей из все большего количества государств к международному производству и оказывая серьезное влияние на развитие национальных экономик. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть основные последствия развития этого процесса для его участников.

Изучением особенностей создания и функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости занимается ряд ведущих международных организаций, среди которых, прежде всего, следует назвать Всемирный банк, Организацию экономического сотрудничества и развития, Всемирную торговую организацию, Организацию ООН по промышленному развитию, а также Всемирный экономический форум.

Основная часть

Наиболее активно международные производственные цепочки стали формироваться, начиная со второй половины 70-х годов XX века. Это объясняется совпадением по времени целого ряда факторов. Рост цен на энергоносители и другие виды сырья привел к повышению издержек в развитых экономиках и обусловил необходимость поиска новых производственных площадок с дешевой рабочей силой. Именно в 70-е годы в развитых странах стали ужесточаться экологические требования к производству продукции, что вместе с ростом цен на сырьевые товары подтолкнуло компании к переносу отдельных наиболее энерго- и материалоемких производственных звеньев в развивающи-

еся экономики. Примерно в это же время целый ряд развивающихся государств (прежде всего, страны Восточной и Юго-Восточной Азии) приступили к осуществлению экономических реформ с целью форсированного экономического роста. Основным фактором этого роста стала дешевая рабочая сила, что дало хорошую возможность для ТНК для размещения там отдельных звеньев своих производств. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии традиционно являются одним из самых густонаселенных регионов мира. В условиях осуществления экономических реформ повышение уровня жизни населения гарантировало расширение платежеспособного спроса и, тем самым, создавало условия для обеспечения сбыта продукции ТНК в экономиках этих стран в будущем. Рост потребления в странах Юга повысил привлекательность для размещения звеньев предприятий на данных рынках.

Особое место в формировании ГЦДС сыграло развитие и удешевление информационных технологий, а также создание более совершенных и дешевых средств транспорта и связи, что снизило издержки на перевозки сырья и комплектующих и создало условия для успешного использования схем поставок «точно в срок». Бурное развитие деловых услуг и интеграция услуг в производственные процессы в последние десятилетия XX века способствовали тому, что ТНК сфокусировались в своей деятельности именно на звеньях производственного процесса, связанных с оказанием услуг. В то же время собственно производство и сборка изделий все чаще стали осуществляться не в странах базирования ТНК, а за их пределами.

Таким образом, ГЦДС стали типичным явлением в мировой экономике, и большинство стран активно участвует в международном производстве. В качестве иллюстрации можно привести данные по доле зарубежной добавленной стоимости в экспорте отдельных как развитых, так и развивающихся государств (таблица 1).

В результате в настоящее время более 60% современной международной торговли — это торговля промежуточными товарами и услугами в рамках ГЦДС, которые на разных стадиях производства инкорпорируются в создание продукта для конечного потребления [Gamberoni, Lanz, Piermartini, 2014, p. 2].

Широкое распространение производственных цепочек привело к своеобразному изменению философии бизнеса и международной торговли. В конце XX века классическая схема международной торговли в значительной степени была заменена межфирменной и внутрифирменной торговлей в рамках ГЦДС. Под классическим производством понимается ситуация, когда товар, произведенный на национальной

Таблица 1
Доля зарубежной добавленной стоимости в экспорте отдельных стран, в %

	Первичный сектор	Обрабатывающая промышленность	Услуги	Всего, в п.п.
США	4.1	5.0	5.9	15.0
Германия	4.1	8.6	12.8	25.5
Япония	4.9	5.3	5.4	15.6
Корея	14.7	12.1	14.9	41.7
Индия	9.6	4.7	9.7	24.0
Мексика	3.5	15.6	12.7	31.8
Малайзия	7.7	15.1	17.8	40.6

Составлено автором по: «Trade in value-added and global value chains: statistical profiles» [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/countryprofiles_e.htm (дата обращения 11.12.2016).

территории, является результатом объединения таких факторов производства, как национальный капитал и национальная рабочая сила. В этом случае классическая схема международной торговли включает продажу конечных товаров, сделанных на фабриках одной страны, потребителям в других странах. В XXI веке продукт является результатом объединения усилий большого количества производителей из разных стран, приобретая международный характер.

Международная торговля сопровождается постоянным многосторонним обменом промежуточными продуктами, услугами, идеями, трудовыми ресурсами, инвестициями и информацией. Подобный обмен все чаще происходит с зарубежьем, а не внутри одной экономики. Эти процессы формируют «торговлю XXI века», основой которой становится связь торговли, инвестиций и услуг [The Shifting Geography of Global Value Chains, 2012, p. 17].

ГЦДС становятся своего рода «глобальными фабриками» по производству продукции, а страны конкурируют между собой за место и определенную роль в цепочках добавленной стоимости.

Хорошим примером современного функционирования ГЦДС может стать запуск в 2016 г. концерном Audi производства нового автомобиля Q5 в Мексике. «Новое предприятие в Мексике — пример реализации стратегии Audi Smart Factory. Завод стал первым объектом, который запущен полностью в виртуальном режиме. … На первом этапе детальный проект предприятия был создан в виртуальном пространстве, при-

чем находящиеся в разных местах специалисты могли работать над ним одновременно. … На начальном этапе свыше 70 % компонентов будут поступать из стран НАФТА. … В 2016 г. более 100 компаний поставляют комплектующие для производства модели Audi Q5 со своих мексиканских заводов» [Первый завод Audi, 2016].

В приведенном примере обращают на себя внимание следующие факты. Во-первых, суперсовременный завод немецкого концерна был построен и запущен не в Германии, а на территории зарубежной экономики и даже на другом континенте. Во вторых, учитывая, что 70% комплектующих завод будет получать с территории стран Северной Америки, и в производстве будут участвовать более 100 мексиканских компаний поставщиков, можно сделать вывод, что вклад немецкой стороны собственно в процесс производства будет крайне невелик. В связи с этим возникает вопрос, а что же делает данный автомобиль «немецким»? В чем состоит функция концерна Audi при изготовлении «немецкого» автомобиля? Следует подчеркнуть, что данный вопрос является типичным применительно к большинству транснациональных компаний, организовывающих свои производства в виде международных цепочек добавленной стоимости.

В рассмотренном примере автомобиль Audi, безусловно, является продуктом международным по своему характеру, но расценивается «немецким» в результате реализации концерном Audi ряда ключевых функций:

— проведение НИОКР, разработка технологий и создание конструкции автомобиля;
— аккумуляция необходимых финансовых ресурсов и обеспечение финансирования производства;
— разработка маркетинговой стратегии и обеспечение продвижения товара;
— разработка и руководство логистическими процессами, реализация которых необходима для бесперебойного функционирования производства;
— обеспечение процесса управления и синхронизации деятельности отдельных звеньев в цепочке.

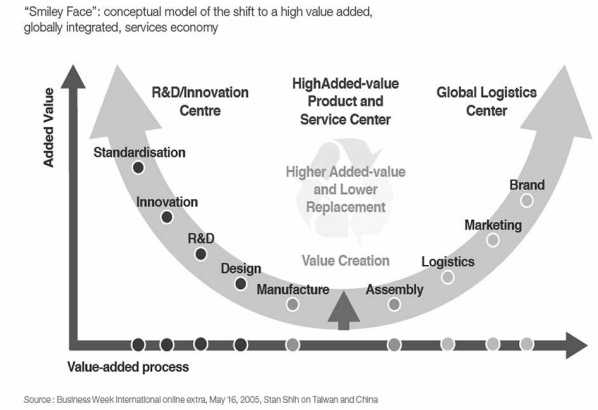
Следует отметить, что все вышеназванные функции ТНК относятся к сфере услуг, то есть сфера ответственности транснациональных корпораций в рамках создаваемых ими глобальных цепочек добавленной стоимости все в большей степени смещается от собственно производства товара к оказанию услуг, связанных с созданием и продвижением товара. Как следствие, вклад услуг в создание добавленной стоимости

экспортируемых товаров составляет в настоящее время 46% [World Investment Report, 2013, p. XXI], то есть примерно половину добавленной стоимости. Важно подчеркнуть, что именно в рамках сферы современных высокотехнологичных услуг (разработка технологий, создание конструкций, финансирование операций и т.д.) находятся основные возможности для компаний по наращиванию создаваемой добавленной стоимости.

Для иллюстрации места различных функций в ГЦДС часто используют график «Улыбающаяся кривая» (Smile/Smiling Curve), которая была предложена основателем компании Acer г-ном Stan Shih. Кривая иллюстрирует возможности продвижения по цепочке к звеньям с более высокой добавленной стоимостью (рис. 1).

Несмотря на то, что данный график получил широкое распространение в специальной литературе, эксперты отмечают определенную условность данной кривой. Это связано с тем, что вертикальная шкала не дает информации, какова конкретная доля в конечной цене товара добавленной стоимости, создаваемой каждым отдельным видом деятельности. Последовательность расположения видов деятельности на кривой обусловлена технологическим циклом создания и продвижения товара, представленным на горизонтальной шкале, что не дает

Рисунок 1
«Улыбающаяся кривая» — модель распределения создания добавленной стоимости в глобально интегрированной экономике



Источник: The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy. World Economic Forum, 2012, p. 21 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_GlobalTradeSystem_Report_2012.pdf (дата обращения 11.12.2016).

информации о вкладе отдельных звеньев в формирование добавленной стоимости на единицу производимого товара [Global value chains in a changing world, 2013, p. 21].

Результаты исследования

Таким образом, можно утверждать, что к началу XXI века практически оформилась ситуация, при которой можно говорить о формировании новой парадигмы международной торговли, когда «страны специализируются на целях и функциях бизнеса в большей степени, чем на производстве отдельных товаров» [Кондратьев, 2014]. Складывающаяся ситуация приводит к возникновению новых возможностей, новых рисков и новых задач для всех участников ГЦДС. Особый интерес для понимания влияния ГЦДС на отдельные экономики представляет рассмотрение основных возможностей, рисков и задач, которые возникают для транснациональных компаний, правительств стран, чьи компании создают ГЦДС, и правительств стран, принимающих звенья ГЦДС.

ТНК в условиях формирования глобального производства и размещения звеньев цепочек по разным экономикам, приобретают следующие основные возможности:

— снижение издержек и максимизация прибыли за счет более дешевой рабочей силы в зарубежных экономиках;
— снижение издержек и обеспечение условий для долгосрочного роста за счет облегчения доступа к местному (часто более дешевому) сырью в развивающихся экономиках;
— обеспечение доступа (прежде всего на перспективу) к растущему спросу со стороны густонаселенных развивающихся стран в качестве экономик, принимающих отдельные звенья цепочек;
— продление жизни используемых технологий за счет их передачи на менее требовательные рынки развивающихся экономик. Хорошим примером этому может стать история классического немецкого автомобиля Фольксваген Жук. Производство Жука на немецком заводе в Вольфсбурге было остановлено в 1974 году, а последний такой автомобиль был собран в Мексике в 2003 году, таким образом, перенос производства за рубеж позволил продлить использование базовых технологий, разработанных для Жука практически на 30 лет [История Фольксваген Жук, 2016].

Наряду с получаемыми плюсами, ТНК в процессе создания глобальных производственных цепочек сталкиваются с определенными рисками, основными среди которых можно назвать следующие:

— вероятность снижение качества продукции при организации производства в зарубежных экономиках;

— необходимость передачи партнерам технологий и возникающая в связи с этим возможность «взращивания» конкурентов;
— увеличение зависимости от форс-мажорных обстоятельств как в глобальной экономике, так и в экономиках стран — партнеров, включая политические и экологические риски.

Существующие риски ставят перед материнскими ТНК целый ряд существенных задач и вопросов, в частности:

— Какие площадки выбрать для организации производства за рубежом?
— Как организовывать производство за рубежом, самостоятельно или с привлечением местных фирм?
— Насколько опыт и навыки местных производителей отвечают стандартам ТНК?
— Что необходимо сделать транснациональной компании для повышения компетентности местных компаний?
— Как организовать контроль на зарубежных предприятиях для обеспечения качества?
— Как организовать управление глобальной цепочкой для обеспечения ее эффективного функционирования?
— Какова величина социальной нагрузки на бизнес в принимающих экономиках?
— Как обеспечить устойчивое лидерство в цепочке и сохранение производимой добавленной стоимости за материнской компанией?

Таким образом, ТНК, создающие глобальные цепочки добавленной стоимости, приобретая новые возможности, встречаются и с новыми вызовами. Базовой задачей для материнской компании становится обеспечение эффективности функционирования цепочки в целом, что в условиях географического рассредоточения производства и большого количества поставщиков требует от ТНК качественно новых управленческих и, в частности, логистических компетенций. Еще одним следствием развития ГЦДС для ТНК становится необходимость постоянного наращивания внимания к НИОКР и созданию технологий, так как только существенное технологическое лидерство может сохранить конкурентоспособность материнской ТНК в условиях развития глобального производства.

Возникновение и развитие ГЦДС оказывает определенное влияние и на страны происхождения материнских ТНК. Можно выделить следующие основные возможности, которые дополнительно получают эти экономики:

— использование для экономического роста ресурсы и рынки сбыта стран-партнеров;

— вывод предприятий, использующих устаревшие и «грязные» технологии, со своей национальной территории за рубеж;
— получение доступа к технологиям и интеллектуальному потенциалу стран, принимающих звенья ГЦДС (в большинстве случаев это происходит, когда отдельные звенья ГЦДС располагаются в различных развитых экономиках);
— «привязывание» экономик стран-партнеров к своей экономике.

Страны происхождения материнских ТНК также сталкиваются и с определенными рисками в развитии своего национального рынка, в частности, страны могут столкнуться с:

— деиндустриализацией экономики и потерей части рабочих мест;
— оттоком национальных инвестиций за рубеж;
— снижением налоговых поступлений за счет вывода предприятий за рубеж;
— возможным торможением темпов экономического роста;
— возможным ухудшением торгового баланса.

Для того, чтобы экономика не пострадала от негативных последствий вывода транснациональными компаниями предприятий за рубеж, правительство стран происхождения материнских ТНК должно осуществлять экономическую политику, нацеленную на нивелирование возникающих проблем и создание условий для качественного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики. В условиях функционирования и развития ГЦДС особого внимания со стороны правительств развитых стран требуют следующие направления деятельности:

— постоянное совершенствование национальной инновационной системы;
— создание условий для ускоренного развития высокотехнологичных наукоемких отраслей для сохранения конкурентоспособности национальных компаний;
— увеличение ассигнований и иная поддержка образовательных систем для формирования в стране компетенций, необходимых для обеспечения конкурентоспособности работы национальных кадров в верхних звеньях глобальных цепочек;
— постоянное совершенствование и упрощение деловой практики при осуществлении таможенных и финансовых операций;
— защита интересов национального бизнеса за пределами национальной юрисдикции, включая выработку соответствующих торговых режимов.

Таким образом, формирование ГЦДС не только укрепляет экономические возможности стран базирования ТНК, но ставит перед прави-

тельствами и деловыми кругами достаточно обширные задачи в рамках развития постиндустриальной структуры экономики и технологического роста.

В то же время, наибольшее влияние ГЦДС оказывают на экономики, принимающие производства в рамках цепочки, а это, во многих случаях, развивающиеся страны. Подключение к ГЦДС создает существенные возможности для принимающих стран с точки зрения ускорения экономического роста и качественного развития экономики. Среди основных возможностей, получаемых странами, подключающимися к международному производству в рамках ГЦДС, можно назвать следующие:

— использование своих сравнительных преимуществ для развития национальной промышленности без необходимости создания вертикально интегрированных отраслей;
— экономия времени и ресурсов на создание национальных производств;
— получение доступа к современным технологиям, что позволяет достаточно быстро улучшить структуру экономики;
— создание новых рабочих мест — крайне важная для развивающихся стран задача в силу высоких темпов прироста населения и необходимости бороться с безработицей;
— ускорение экономического роста и совершенствование структуры производства;
— повышение уровня жизни населения и более полное удовлетворение растущего спроса в национальной экономике;
— рост абсолютной стоимости и улучшение структуры национального экспорта;
— подключение национальных производителей к участию в работе цепочки и рост локализации в национальной экономике;
— увеличение налоговых поступлений и расширение возможностей по решению насущных социально-экономических задач.

Даже этот перечень плюсов сотрудничества развивающихся экономик с ГЦДС наглядно показывает, что принимающие страны реально выигрывают от размещения звеньев глобальных производственных цепочек на своей территории. В частности, это сказывается на увеличении экспортных возможностей принимающих стран. Подтверждением этому может служить динамика экспорта развивающихся стран со средним и низким уровнем дохода, доля которых в мировой торговле увеличилась за период с 1986 по 2008 год (период активного развития ГЦДС) с 16% до 30% по товарам и с 13% до 20% по услугам [Global value chains in a postcrisis world, 2010, p. 28].

Однако, наряду с безусловными плюсами и выигрышами от сотрудничества с ГЦДС, принимающие экономики могут столкнуться с определенными рисками, среди которых следует назвать:

— вероятность для национальных компаний «застрять» на низкотехнологичных стадиях производственного процесса с небольшой внутренней добавленной стоимостью (ВДС) и не суметь продвинуться по цепочке с целью увеличения производимой в стране ВДС;
— возможная потеря конкурентоспособности в случае выхода на рынок производителей аналогичной продукции из стран с меньшими издержками;
— вероятность оказаться привязанными к производственным процессам определенных ТНК, что может ограничивать возможности страны по выбору иных партнеров;
— возможность потерять производство в случае, если ТНК решит уйти из страны.

Даже краткий перечень возможных проблем показывает важность для успеха сотрудничества страны с ТНК проведения местными властями грамотной экономической и промышленной политики, так как именно от руководства принимающей страны зависит то, насколько успешным и выгодным для национальной экономики будет сотрудничество с ГЦДС. Среди первоочередных направлений, требующих усилий и внимания со стороны правительства принимающей страны можно, в частности, назвать:

— встраивание глобальных цепочек в национальные стратегии развития;
— принятие решения о схеме будущего сотрудничества с ГЦДС: продвигать или не продвигать участие национальных компаний к расширению участия в цепочках. Традиционно реализуется 2 основных подхода: 1) концентрация производства и экспорта на определённом круге компонентов в рамках цепочки с использованием имеющихся преимуществ; 2) реализация стратегии промышленного роста, нацеленной на создание национальных производственных мощностей на всех стадиях производства для развития вертикально интегрированных отраслей промышленности;
— содействие росту ГЦДС путем поддержания дружественного инвестиционного климата;
— создания объектов инфраструктуры, необходимых для начала работы;
— создание региональных кластеров промышленного развития;
— реализация набора мер, направленных на увеличение локализации производства;

— развитие производственных компетенций местных фирм и повышение навыков рабочей силы;
— проведение политики, направленной на качественное совершенствование своего места в цепочке с целью избежать попадания в «ловушку среднего дохода»;
— проведение торговой политики, учитывающей интересы национальных производителей, занятых в международном производстве;
— обеспечение согласованности между торговой и инвестиционной политикой;
— выстраивание четких экологических, социальных и институциональных требований с тем, чтобы создать для инвестора понятные, прозрачные и предсказуемые условия работы в стране.

Заключение

Рассмотрение возможностей, рисков и задач, возникающих у основных участников ГЦДС, позволяет сделать выводы о том, что сотрудничество в рамках глобальных производственных цепочек является новой формой организации международной торговли и выгодно для всех участников международного разделения труда. В то же время организация производства в рамках ГЦДС резко увеличивает требования ко всем участвующим сторонам. В условиях глобальной торговли XXI века для ТНК возрастает сложность управления производственными процессами и на первый план выходит задача постоянного технологического совершенствования своей продукции для сохранения конкурентоспособности. От национальных правительств стран, создающих ГЦДС, требуется создание условий для устойчивого развития национальной инновационной системы. А перед правительствами стран, принимающих ГЦДС, возникает необходимость очень четкого понимания тех задач национального экономического развития, которые решаются с помощью ГЦДС, и наращивания специальных компетенций, которые бы позволяли стране эффективно участвовать в глобальном разделении труда в новых складывающихся условиях.

Литература

1. История Фольксваген Жук. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.1gai.ru/publ/516146-istoriya-folksvagen-zhuk.html (Дата обращения 15.12.2016).
2. Кондратьев В. Глобальные цепочки добавленной стоимости в современной экономике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/globalnyje_cepochki_dobavlennoj_stoimosti_v_sovremennoj_ekonomike_2014–03–17.htm (Дата обращения 15.12.2016)

3. Первый завод Audi в Северной Америке открыт в Мексике [Электронный ресурс]. URL: http://www.audi.ru/ru/web/ru/innovations/news/10/AUDI-AG-opens-automobile-plant-in-Mexico.html (Дата обращения: 12.12.2016).
4. Gamberoni E. Timeliness and Contract Enforceability in Intermediate Goods Trade / Elisa Gamberoni (The World Bank), Rainer Lanz (OECD), Roberta Piermartini (WTO) // World Trade Organization. Staff Working Paper ERSD-2010–14, p.2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2012/04/11/1251682286/ersd201014_e.pdf (дата обращения 10.12.2016).
5. Global value chains in a changing world / Edited by Deborah K. Elms and Patrick Low // Fung Global Institute (FGI), Nanyang Technological University (NTU), and World Trade Organization (WTO), 2013. Printing by WTO Secretariat, Switzerland, 2013, p.21 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_e.pdf (Дата обращения 15.12.2016).
6. Global value chains in a postcrisis world a development perspective / Edited by Olivier Cattaneo, Gary Gereffi, and Cornelia Staritz // The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 2010. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_GVCs_in_the_Postcrisis_World_Book.pdf (Дата обращения 10.11.2016).
7. The Global Value Chains Initiative [Электронный ресурс]. URL: https://globalvaluechains.org/concept-tools (дата обращения 11.12.2016).
8. The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy. World Economic Forum, 2012, p.17 [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_GlobalTradeSystem_Report_2012.pdf (дата обращения 11.12.2016).
9. Trade in value-added and global value chains: statistical profiles [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/countryprofiles_e.htm (дата обращения 11.12.2016).
10. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. United Nations, New York and Geneva, 2013, p.XXI [Электронный ресурс]. URL: http://unstats.un.org/unsd/trade/events/2013/foc/docs/8%20-%20UNCTAD%20-%20Global%20Value%20Chains,%20Investments%20and%20Trade%20for%20Development%20-%20June%202013.pdf (Дата обращения: 12.12.2016).

GLOBAL VALUE CHAINS AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF NATIONAL ECONOMY

Elena B. Rogatnyh

Abstract. *GVC are the result of international division of labor development. The history of GVCs started in the 70th of the twentieth century and it was a reaction of TNCs on changes in the world economy. GVCs development resulted in*

formation of the new pattern of global trade. The location of TNCs production facilities in different countries led to substantial increase in trade in intermediate goods and services. As a result the share of components amounts to 60 percent of global trade. TNCs main activities in GVC are concentrated nowadays on services with large added value. All parties participating in GVC get some benefits, come across different risks, and have to solve a set of problems. TNCs have to cope with increasing complexity of management and have to invest a lot in R&D to maintain their competitiveness. Government structures in developed countries should make efforts to enhance innovation and education systems in their countries in order to mitigate the negative impact of the relocation of production abroad. Local authorities in developing countries should be very active to create a favorable investment climate and to increase locational determinants that act as preconditions for countries' access to GVCs. Infrastructure development and strengthening the capabilities of local companies are important for growing participation and upgrading their position in GVC.

Keywords: *global value chains, competitiveness, benefits, risks, locational determinants.*

Информация об авторе
Рогатных Елена Борисовна
Кандидат экономических наук, доцент
Всероссийская академия внешней торговли
Москва, Россия
Elena Rogatnykh
PhD (Economics), Associate Professor
Russian Foreign Trade Academy,
Moscow, Russia

ПРЯМЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ КИТАЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

Н. Ю. СЕНЮК

Аннотация. *Глобализация экономики Китая с каждым годом становится все более значимым фактором трансформации существующего мирохозяйственного порядка. В этом смысле, китайские ПЗИ выступают наиболее эффективным средством обеспечения благоприятных международных условий для её реализации. Такая ситуация актуализирует для всех других, прежде всего ведущих стран мира, в том числе и для России, вопрос стратегического самоопределения по отношению к этим процессам. В свою очередь, такое самоопределение требует адекватного анализа инвестиционной активности Китая по отношению к целевой стране и выработки ее эффективной встречной политики.*

Подобный реконструктивный анализ потребует надежной информации в отношении скрытых смыслов китайских ПЗИ-проектов, особенно в части создания на территории принимающей стороны стратегических активов.

Актуальность такой постановки вопроса хорошо видна на примере российско-китайского инвестиционного сотрудничества, находящегося в настоящее время в отнюдь не лучшей форме. А это объективно предполагает необходимость глубокого реконструктивного анализа совместной инвестиционной практики и создания новых, более эффективных механизмов, соответствующих стратегическому самоопределению страны-реципиента.

Ключевые слова: *Китай, прямые зарубежные инвестиции, глобализация.*

Введение. Китайские прямые зарубежные инвестиции как следствие глобализации экономики Китая претендуют на занятие лидерской роли в изменении структуры и направленности мировых потоков экспорта капитала. Это обусловлено тем, что ТНК Поднебесной демонстрируют отличную от представлений традиционных инвестиционных теорий логику. Китайские ТНК выходя за рубеж руководтствуются, в первую очередь,

интересами своего государства и только потом собственными. В их случае, именно государство выступает не только главным детерминантом инвестиционных возможностей корпораций, особенно ярко проявляющихся в отмеченном в мировой научной литературе феномене китайских ТНК-драконов, но и ведущим драйвером в вопросах выбора направленности, отраслевой структуры и географии размещения их ПЗИ. Тогда эти «взявшиеся из ниоткуда» и захватившие с помощью крупномасштабных ПЗИ заметную долю глобального рынка корпорации, выступают в роли рыночных агентов, исполняющих политическую волю и реализующих стратегические цели правительства КНР.

В то же время, текущие и прогнозируемые объемы инвестиционной экспансии Китая по итогам 2016 г. резко (почти в 1,5 раза) нарастившего официальный экспорт своего капитала (183,1 млрд долл. США, вместо 127,6 млрд долл. в 2016 г.)[104] и прочно занявшего второе псоле США место в списке мировых инвесторов, по прогнозам экспертов демонстрируют способность в ближайшие 10 лет достичь отметки в 1,5 трлн долл. США[105]. Стоит отметить, что такая цифра сопоставима с нынешним совокупным объемом мирового экспорта капитала (1,75 трлн долл. в 2016 г.)[106] и свидетельствует о лидерском характере амбиций правительства КНР.

В связи с подобной динамикой вывоза прямых инвестиций и их потенциальным влиянием на экономики других стран, вопрос исследования китайских ПЗИ продолжает представлять как научный, так и практический интерес. Особенно с учетом принятого правительством КНР плана 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), взявшего курс на построение новой глобальной системы «открытой экономики»[107].

При этом, научная значимость этой проблемы предопределяется отсутствием достаточно надёжного теоретико-модельного инструментария, способного адекватно описывать современный экспорт капитала из развивающихся и переходных экономик, прежде всего из Китая. Практическая же значимость, связана как с большими возможностями соразвития, сопутствующими зарубежным вложениям Китая, так и с потенциальными рисками для принимающих стран, особенно для сопредельных, например России. Потенциальные риски можно объяснить неверным толкованием корпоративной мотивации китайских ТНК, особенно стратегического характера.

---

104 World Investment Report 2017. P. 12.

105 URL:// http://www.linklaters.com/pdfs/mkt/london/Linklaters_China_Outbound_MA_Report_English.pdf. P. 3.

106 World Investment Report 2017. P. 2.

107 URL:http://russian.people.com.cn/n3/2016/0113/c31521–9002743.html

В связи с этим, резко актуализируется потребность в критическом анализе существующих моделей ПЗИ, а также соответствующей модернизации теоретико-методологической базы способной эффективно объединить экономические макро и мега-тренды с инвестиционной мотивацией и бизнес-поведением китайских корпораций на микроуровне. Это необходимо для того, чтобы дать современные и надежные ориентиры для выработки эффективной встречной политики у принимающих стран, а также понимания перспективы направленности будущих теоретических исследований и развития научной базы инвестиционной политики.

Теоретические основания исследования. Для корректного выбора научных оснований применимых к исследованию китайских ПЗИ, необходимо осуществить критический анализ существующих теоретических моделей как самой экономической глобализации, так и участвующих в ее процессе ТНК.

С теоретической точки зрения, взаимосвязь между побуждающим к экспорту корпоративного капитала воздействием глобально-интегрированной национальной экономики на макроуровне и инвестиционным поведением ТНК на микроуровне, отражают сформированные в последние десятилетия прошлого века на основе обобщения опыта преимущественно западных компаний, модели «Пути инвестиционного развития» Дж. Даннинга и Р. Нарулы[108], а также «Теории роста фирмы»[109]. Данные исследования соединили результаты созданной усилиями Э. Пенроуз «Теории фирмы» и интернационализации ее инвестиционной деятельности развитой Я. Йохансоном, Л. Хокансоном и их последователями в рамках Уппсальской школы. Так, уже в первом десятилетии текущего столетия «Процесс интернационализации фирмы» Я. Йохансона был распространен и на случай глобализации ее бизнес-деятельности[110].

Однако, в случае Китая пороговые уровни глобализации бизнес-деятельности совершенно не выдерживаются. Массовый вывоз не только традиционной для развивающихся экономик низко- и средне-технологичной промышленной продукции, а также высокотехнологичный

[108] Dunning, J.H. Location and the multinational enterprise: John Dunning's thoughts on receiving the Journal of International Business Studies 2008 Decade Award // Journal of International Business Studies; 2009, 40(1): 20–34.

[109] Penrose, E.T. The Theory of the Growth of the Firm. // Oxford: Oxford University Press, 1959, P. 149.

[110] Сенюк Н.Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом // Диссертация на соискание уч. степени к.э.н. / М.: МГИМО, 2012. С. 54.

экспорт, наблюдаются на более ранних уровнях развития[111]. Соответственно, фаза транснационализации и глобализации китайских ТНК не находит надлежащего объяснения в рамках традиционных западных моделей. Практическое объяснение такое ускоренное развитие находит в особой роли государства в этих процессах, обуславливая необходимость соответствующей эмпирической коррекции используемого теоретико-модельного инструментария.

Между тем, резкое возрастание масштабов китайских ПЗИ наблюдаемое в последние годы, привели к усилению обоснованного сомнения в мировых научных кругах в отношении применимости даже модернизированных моделей к экспорту капитала из КНР[112]. Особенно в условиях радикально реконструируемой в рамках курса 13-й пятилетки Китая, направленности на построение «новой системы открытой экономики», предполагающей появление принципиально новых субъектов глобальной инвестиционной деятельности.

Исследование: основная часть. ***Методология исследования***. В основе подхода лежит методология ЮНКТАД, позволяющая разделить результаты переработки всего многообразия эмпирического материала на три группы важнейших инвестиционных предпосылок: объективных макроэкономических (детерминанты), субъективных, зависимых от воли правительства, включающих политико-правовые и институционально-регуляторные факторы (драйверы), а также внутренних корпоративно-управленческих (мотивов).

В то же время, данная методология требует для своего практического применения разработки унифицированных процедур обработки эмпирического материала для обоснованной идентификации детерминантов, драйверов и корпоративных мотивов экспорта китайского капитала.

Материалы и процедура исследования. Материалом к данному исследованию послужило все разнообразие политико-экономической информации связанной с эволюционным переходом китайской экономики к фазе своей глобализации, в процессе смены этапов ее реформирования и реализации государственной стратегии «выхода за рубеж». Кроме этого, весь доступный официальный статистический и оценочный материал по вывозу капитала из КНР, включая правительственные

[111] Rodrik D. What's So Special about China's Export? // China & World Economy, Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. 2006. Vol. 14. № 5. P. 5–7.

[112] Сенюк Н. Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом // Диссертация на соискание уч. степени к.э.н. / М.: МГИМО, 2012. С. 90.

сайты[113]. Результаты его обобщения, структурирования и анализа позволили сделать авторские прогнозные оценки и выводы.

В процессе подобной обработки китайского эмпирического материала по вывозу капитала из страны, была выработана матрица и процедуры дифференциального и интегрального анализа, позволившие легко унифицировать компаративный подход применительно к другим странам.

Результаты исследования. Применение методологии ЮНКТАД к анализу эмпирических данных по вывозу капитала китайскими ТНК позволило выделить основные детерминанты их ПЗИ. Основу их современной структуры предопределяют: масштаб и динамика роста ВВП страны; ресурсно-сырьевые потребности экономики КНР; запросы экономической реструктуризации; потребности продовольственной безопасности; нужды новой индустриализации и новой урбанизации китайской деревни; поддержание экспортной ориентированности экономики Поднебесной; потребности эффективного использования золотовалютных резервов.

Набор этих факторов оказывает решающее воздействие на масштаб, географию, отрасли и формы экспорта китайского капитала, наподобие уровня среднедушевых доходов в моделях типа «Пути инвестиционного развития» (ПИР).

В этом смысле и фазы эволюции экономической системы в рамках логики ПИР фактически являются относительно статичными (в пределах одной эволюционной ступени) детерминантами потоков ПЗИ.

В то же время, такой подход не способен учесть масштабные этапы мобилизации зарубежной инвестиционной активности китайских предприятий, порождаемые крупными международными инициативами и мегапроектами правительства КНР. К таким проектам можно отнести совместное строительство «Пояса и Пути»[114] или политику инфраструктурного обустройства Африки, принципиально их отличающую от внутренних субъективных предпосылок (драйверов). При этом, по долговременному и системному характеру воздействия на экспортные потоки капитала скорее напоминающую «динамические» детерминанты.

Характер этой динамической составляющей критически зависит от доминирующей в стране национальной экономической модели и практически не учитывается при осуществлении ПЗИ между странами с сопоставимыми политико-экономическими системами. Однако, в случае

[113] URL://http://english.mofcom.gov.cn

[114] URL: http://edition.cnn.com/2017/05/11/asia/china-one-belt-one-road-explainer/index.html

их принципиального различия, учет динамических детерминантов становится существенным. Собственно это модельно-обусловленное различие в первом приближении и объясняет более ранний, по сравнению с традиционными западными, вывоз китайскими компаниями как своих высокотехнологичных товаров, так и капиталов. И именно на этом уровне, это различие приобретает не только фундаментальный концептуальный, но и динамический институциональный характер.

Китай за годы реформ продемонстрировал отчётливую модельную историческую эволюцию. Так, начав постепенный выход в самом начале из традиционной (для социализма) модели политически-управляемой экономики, китайское правительство в 1979–1991 гг. поэтапно вводит избирательную и контролируемую экономическую либерализацию и административную децентрализацию, при доминирующей роли государства. На этапе становления и интенсификации «выхода за рубеж» китайских компаний в докризисный период 1992–2007 гг., китайская национальная экономическая модель приобретает гибридный характер, обретая черты ускоренного инвестиционно-управляемого экономического роста. На третьем, кризисно-послекризисном этапе (2007–2014 гг.), Китай успешно осваивает модель институционально-управляемого инновационно-инвестиционного развития. Однако, начиная с 2015 г. китайское правительство на практике перешло к проактивной стратегии глобализации своей экономики, в рамках принципиально новой системы её открытости. Эта историческая динамика и обусловила необходимость учета и соответствующей компоненты в усложнённой таким образом структуре детерминантов потоков экспорта капитала из КНР.

При этом, основная цель динамических детерминантов заключается в обеспечение эффективной открытости международных рынков китайским ТНК, способствующей снижению трансакционных издержек при вхождении их ПЗИ на зарубежные рынки. Что само по себе является системным фактором формирования устойчивой и долговременной корпоративной мотивации экспорта капитала, в условиях неустойчивой динамики глобальной экономики.

Согласно такой комплексной структуре детерминантов, изменяется также и структура драйверов китайских ПЗИ. В дополнение к их традиционной политико-административной и институционально-регуляторной основе, прибавляется ещё и инновационно-ориентированная составляющая. Эта компонента порождается как наличием соответствующих национальных программ, так и появлением новых пространственно-распределенных субъектов глобальной инвестиционной деятельности. К та-

ким субъектам можно отнести 210 НЗЭТР[115], с приданием им функций не только инвесторов и реципиентов, но и децентрализованных регуляторов и стимуляторов экспортных и импортных потоков капитала.

Столь серьезные отличия китайских ПЗИ от традиционных западных, наблюдаемых на уровне их детерминантов и драйверов, не могли не сказаться на соответствующих различиях в корпоративной мотивации осуществляющих такие инвестиции ТНК.

Так, в случае традиционных западных компаний, их усреднённая типологизированная инвестиционная мотивация, обобщенная на основе результатов социологических исследований, может быть представлена следующей структурой[116]: поиск рынков — 51%, эффективности — 22%, стратегических активов — 14%, ресурсов — 14%. Сравнительная картина аналогичных данных по китайским ТНК показывает несколько иную мотивационную структуру: поиск рынков — 40%, стратегических активов — 24%, эффективности — 18% и ресурсов — 18%.

Однако, если на фоне этой довольно статичной картины классических мотивов учесть их более динамичную глобализационную составляющую, нацеленную на поиск наиболее эффективных зарубежных стратегий повышения глобальной конкурентоспособности корпораций, то в итоге спектр актуальных мотивов наиболее агрессивных по своей зарубежной стратегии китайских ТНК приобретает четко выраженный стратегически-ориентированный характер. Поиск стратегических активов — 38%, рынков — 32%, эффективности — 15% и ресурсов — 15%.

Именно такая, стратегическая ориентированность и является отличительной особенностью крупнейших китайских ПЗИ по сравнению с традиционными западными. При этом, за скобками остаётся различие смыслов, вкладываемых в понимание стратегических активов (как торгуемых, так и не торгуемых) в Китае и на Западе.

Анализ результатов. 1. В случае Китая глобализация его экономики выступает причиной, а множественный экспорт корпоративного капитала закономерным следствием проводимой руководством страны политики.

2. Это означает, что китайские ПЗИ по своему содержанию укладываются в рамки экономического анализа, однако скрытый в них смысл может выходить далеко за рамки экономики, заходя в сферу глобальной политики.

[115] URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Cocoon/201412/20141200828595.shtml

[116] Сенюк Н.Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом // Диссертация на соискание уч. степени к.э.н. / М.: МГИМО, 2012. С. 155.

3. В рамках традиционного, чисто экономического содержания процесса экспорта капитала на микроуровне корпораций, их результативность, как правило, оценивается в рамках ресурсно-ориентированного подхода. Такой подход нацелен на получение прибыли и/или увеличение стоимости активов, полученных в результате вложения ПЗИ. При этом, именно ТНК, особенно в рамках традиционных западных представлений, выступают субъектом принимающим самостоятельные инвестиционные решения сообразно своим приоритетам и мотивации.

В случае структурно-ориентированной инвестиционной политики её субъектом выступает уже не конкретная корпорация, а как минимум отрасль или территория (регион). На долю ТНК тут приходится роль исполнителя и частичного реализатора структурных замыслов такого субъекта, при условии удовлетворения корпоративной ресурсно-ориентированной мотивации. Однако, при этом у компании-инвестора может значительно усложниться и обогатиться смысл, который она вкладывает в стратегические активы или позицию на рынке.

Ситуация усложняется еще больше, если речь идет о реализации государством экспортером капитала институционально-ориентированных стратегий, даже пускай в характерном для Китае подходе соразвития. Здесь китайские ТНК действительно выступают в роли агентов своего правительства, будучи как правило не всегда посвящены в глубинные смыслы выбора того или иного приоритетного направления или поддержанного государством определенного инвестиционного проекта.

Это означает, что в большинстве случаев китайские ПЗИ несут в себе несколько смыслов, зачастую не укладывающихся в логику исключительно экономического анализа.

4. В то же время, для принимающей такие инвестиции страны, решающим фактором часто становится не их экономическое содержание, а скрытый за ним смысл. Кроме того, то практическое значение, которое окажет реализация этого смысла на эволюционную динамику страны-реципиента. И только будучи уверенной в точности понимания этих смыслов и значений, принимающая сторона сможет вырабатывать адекватную встречную инвестиционную политику.

5. Источником такой уверенности может стать либо надежная теоретико-модельная база для выделения глубинных смыслов и значений из экономического содержания инвестиционных процессов и проектов, либо адекватная методология их проявления из реконструктивного и прогностического анализа эмпирического материала и демонстрируемых соответствующих многоуровневых трендов.

6. Между тем, в результате исследоания была выявлена принципиальная недостаточность для этого существующего, преимущественно неоклассического, теоретико-модельного арсенала. Эта недостаточность обусловлена широким распространением в китайской практике неклассических (пространственно-распределенного типа кластеров, агломераций и других инновационно-ориентированных территорий) и даже постнеклассических (глобальных сетевых хабов типа суперрегиона Пекин-Тяньцзинь-Хэбэй или Экономического пояса реки Янцзы[117], а также новых техно-урбанизированных сред мирового класса типа 210 НЗЭТР) систем глобально-интегрированной не только экономической, но и социо-культурной и даже геоцивилизационной деятельности. На этом фоне, применимость существующего неоклассического теоретического инвестиционного инструментария практически ограничивается простейшим случаем частных малых и средних ТНК, чья корпоративная мотивация наиболее близка к традиционным западным компаниям.

7. В этих условиях, единственным корректным ответом остаётся выбор адекватной методологической основы для реконструктивного и прогностического анализа эмпирического материала. Роль такой основы сыграла методология ЮНКТАД, оперирующая детерминантами и драйверами экспорта капитала, в их взаимовлиянии на структуру инвестиционных мотивов ТНК. Однако, в случае анализа китайских ПЗИ, в их интерактивном взаимодействии с процессами глобализации экономики КНР, кроме обычной для либеральных политико-экономических моделей относительной статичности макро-экономических индикаторов, приходится учитывать и динамическую компоненту. Эта компонента (динамические детерминанты) обусловлена этапными политическими решениями, трансформацией экономических моделей и глобальными программами, оказывающими долговременное стимулирующее ПЗИ воздействие на микроуровне корпораций. Наличие динамических детерминантов позволяет обеспечить полноту реконструктивного анализа, при инвестиционном взаимодействии двух и более компаний из стран с принципиально отличающимися политико-экономическими системами и доминирующими национальными экономическими моделями. Соответственно этому видоизменяются и драйверы, в общем случае предполагая и несколько иную, по сравнению с традиционной западной, структуру спектра инвестиционных мотивов.

[117] URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015–03/19/content_1930758.htm

В целом, именно такой подход оказывается наиболее адекватным для применения в случае многоуровневой и многослойной глобально-интегрированной новой системы открытой экономики. Только такой сложный и гибкий ансамбль статичных и динамичных детерминантов и драйверов в совокупности с интерактивным воздействием на корпоративные мотивы ТНК, способен придать глобальную чувствительность и соответствующий масштаб инвестиционной деятельности локальным предприятиям на микроуровне. И только в этом случае, экономическая глобализация выступает стимулирующей причиной и мотивирующим условием осуществления целевого экспорта капитала из КНР.

8. Собственно такого рода чувствительность в определенной степени и демонстрируют китайские ТНК, реагируя преимущественным образом (с удельным весом более 76%) на стимулирующее финансово-фискальное и политико-институциональное воздействие своего правительства (в этом и заключается прямое воздействие государственной стратегии глобализации экономики Китая), и менее четверти (23,6%) оставляя на корпоративный выбор пути своего стратегического позиционирования на международных рынках.

9. С точки зрения традиционной структуры корпоративных мотивов ПЗИ, вся сложность исходных оснований в представлениях как инвесторов, так и реципиентов, в общем случае отражается в различии в понимании и смыслах стратегических активов. И именно эти смыслы, вносимые китайскими ПЗИ, объективно представляют особый интерес для правительств принимающих стран.

Заключение. Глобализация экономики Китая с каждым годом становится все более значимым фактором трансформации существующего мирохозяйственного порядка. В этом смысле, китайские ПЗИ выступают наиболее эффективным средством обеспечения благоприятных международных условий для её реализации. Такая ситуация актуализирует для всех других, прежде всего ведущих стран мира, в том числе и для России, вопрос стратегического самоопределения по отношению к этим процессам. В свою очередь, такое самоопределение требует адекватного анализа инвестиционной активности Китая по отношению к целевой стране и выработки ее эффективной встречной политики.

Подобный реконструктивный анализ потребует надежной информации в отношении скрытых смыслов китайских ПЗИ-проектов, особенно в части создания на территории принимающей стороны стратегических активов.

Актуальность такой постановки вопроса хорошо видна на примере российско-китайского инвестиционного сотрудничества, находящегося в настоящее время в отнюдь не лучшей форме. А это объективно предполагает необходимость глубокого реконструктивного анализа совместной инвестиционной практики и создания новых, более эффективных механизмов, соответствующих стратегическому самоопределению страны-реципиента.

Литература

1. Сенюк Н. Ю. Прямые инвестиции Китая за рубежом // Диссертация на соискание уч. степени к.э.н. / М.: МГИМО, 2012.
2. Dunning, J.H. Location and the multinational enterprise: John Dunning's thoughts on receiving the Journal of International Business Studies 2008 Decade Award // Journal of International Business Studies; 2009, 40(1).
3. Mathew J. A. Dragon multinationals: New players in 21st centry globalization // Asia Pacific Journal of Management. 2006. V. 23.
4. Penrose, E.T. The Theory of the Growth of the Firm. // Oxford: Oxford University Press, 1959.
5. Rodrik D. What's So Special about China's Export? // China & World Economy, Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. 2006. Vol. 14. № 5. P. 5–7.
6. World Investment Report 2017. URL:// http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf
7. Gettingover the line. Clearing regulatory hurdles to outbound M&A. URL:// http://www.linklaters.com/pdfs/mkt/london/Linklaters_China_Outbound_MA_Report_English.pdf.
8. Just what is this One Belt, One Road thing anyway? URL://http://edition.cnn.com/2017/05/11/asia/china-one-belt-one-road-explainer/index.html
9. Commerce Ministry Official Interpets Opinions of General Office of State Council on Promoting Transformation, Upgrading, Innovation of National Development Zones URL://http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Cocoon/201412/20141200828595.shtml
10. Report on China's economic, social development plan URL:http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015–03/19/content_1930758.htm

CHINA'S DIRECT INVESTMENT AS A CONSEQUENCE OF THE COUNTRY'S ECONOMIC GLOBALIZATION

Ninel' Yu. Seniuk

Abstract. *The globalization of China's economy becomes an increasingly important factor in the transformation of the existing world economic order. In*

this sense, Chinese FDI are the most effective means of providing favorable international conditions for its implementation. Such a situation actualizes the issue of strategic self-determination in relation to these processes for all others, first of all the leading countries of the world, including Russia. In turn, this self-determination requires an adequate analysis of China's investment activity in relation to the target country and the development of its effective counter-policies.

Such a reconstructive analysis will require reliable information regarding the hidden meanings of Chinese FDI projects, especially regarding the creation of strategic assets on the territory of the host country.

The relevance of such issue is clearly visible on the example of Russian-Chinese investment cooperation. And this objectively implies the need for an in-depth reconstructive analysis of joint investment practices and the creation of new, more effective mechanisms that correspond to the strategic self-determination of the recipient country.

Keywords: *China, foreign direct investment, globalization.*

References

1. Dunning, J.H. Location and the multinational enterprise: John Dunning's thoughts on receiving the Journal of International Business Studies 2008 Decade Award // Journal of International Business Studies; 2009, 40(1).
2. Mathew J. A. Dragon multinationals: New players in 21st centry globalization // Asia Pacific Journal of Management. 2006. V. 23.
3. Penrose, E.T. The Theory of the Growth of the Firm. // Oxford: Oxford University Press, 1959.
4. Rodrik D. What's So Special about China's Export? // China & World Economy, Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. 2006. Vol. 14. № 5. P. 5–7.
5. Seniuk N.lu. Priamye investitsii Kitaia za rubezhom//Dissertatsiia na soiskanie uch. stepeni k.e.n./M.:MGIMO (U),2012.
6. World Investment Report 2017. URL:// http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf
7. Gettingover the line. Clearing regulatory hurdles to outbound M&A. URL:// http://www.linklaters.com/pdfs/mkt/london/Linklaters_China_Outbound_MA_Report_English.pdf.
8. Just what is this One Belt, One Road thing anyway? URL://http://edition.cnn.com/2017/05/11/asia/china-one-belt-one-road-explainer/index.html
9. Commerce Ministry Official Interpets Opinions of General Office of State Council on Promoting Transformation, Upgrading, Innovation of National Development Zones URL://http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/Cocoon/201412/20141200828595.shtml

10. Report on China's economic, social development plan. URL:http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Special_12_3/2015–03/19/content_1930758.htm

Информация об авторе
Сенюк Нинель Юрьевна
К.э.н., преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, e-mail: seniuk.ninel@gmail.com
Ninel' Yu. Seniuk
PhD (Economics), Lecturer, Department of World Economy, MGIMO–University
E-mail: seniuk.ninel@gmail.com

ФИСКАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. СЕРГЕЕВ

Аннотация. *Вопрос соотношения экономической интеграции и национальных фискальных (налогово-бюджетных) систем после финансового и долгового кризиса стал ещё более актуальным. Он рассматривается весьма часто, однако мало внимания уделяется наднациональному фискальному регулированию как отдельному феномену, его видам и отношению к процессам глобализации. Статья предлагает использовать понятие «фискальное регулирование».*

Фискальное регулирование в работе понимается как механизм, направленный на обеспечение относительно равномерного макроэкономического климата в странах-членах интеграционного объединения для стабильного функционирования валютного союза. Регулирование выражается в установлении в наднациональном порядке бюджетных ограничений для стран-членов и возможной налоговой гармонизации.

С использованием методов структурного и динамического сравнения, историко-генетического, историко-сравнительного и статистического методов рассматривается сущность фискального регулирования, его место в глобализации, различия в интеграционных объединениях разного типа (развитых и развивающихся стран).

В результате исследования делается вывод, что фискальное регулирование как особый феномен можно отличать от понятий фискальной политики, фискальной консолидации, фискальных правил или фискального союза. Фискальное регулирование возникло под влиянием глобализации как логичное продолжение внутреннего рынка, оно означает номинальную конвергенцию экономик стран-членов, однако не обязательно ведёт к реальной конвергенции. Фискальное регулирование в достаточно полном виде существует в ЕС. В интеграционных объединениях развивающихся стран (ЗАЭВС, ССАГПЗ) оно выражено гораздо слабее и имеет ряд отличительных черт. В связи с экономической спецификой развивающихся стран наиболее эффективным

представляется не слепое заимствование фискального регулирования и критериев конвергенции из ЕС, а разработка концептуально отличных и подходящих для развивающихся стран основ фискального регулирования в целях реальной, а не номинальной конвергенции.

Ключевые слова: *фискальное регулирование; фискальный союз; бюджетные ограничения; бюджетная консолидация; ЕС; ЗАЭВС; ССАГПЗ.*

Введение. Финансовый и долговой кризисы в Европейском союзе вновь высветили проблему контроля за государственными финансами. Ужесточение фискальных (бюджетных) ограничений в ЕС подняло вопрос о том, какое влияние меры наднационального контроля могут оказать на функционирование национальных экономик (т.е. насколько вмешательство в бюджетную сферу государства способно повлиять на его экономику в целом). Выводы относительно этого влияния пока неоднозначны. По мере развития и углубления интеграции в других объединениях (если они последуют классической схеме), проблема фискального (налогово-бюджетного) регулирования может стать актуальной и для них. В связи с тем, что сегодня нет единого понимания о влиянии фискального регулирования на экономику стран-членов интеграционного объединения, для начала необходимо уточнить само понятие фискального регулирования, его проявления и соотношение с основными тенденциями в мировой экономике. Например, необходимо определить, насколько сам феномен фискального регулирования соответствует процессам глобализации (какое место он в них может занимать), а также, какие отличия могут существовать в фискальном регулировании интеграционных объединений разного типа (уровня развития). Ответы на эти вопросы могут подсказать, какие меры тем или иным интеграционным объединениями (или их членам) стоит предпринимать, и насколько они будут эффективны. Кроме того, это может дать понять, насколько существующие теоретические представления способны описать реальность.

Проблема фискального регулирования чаще рассматривается в контексте создания фискального союза в рамках интеграционного объединения или выполнения критериев конвергенции (которые можно считать частью фискального регулирования). Так или иначе её поднимали М. Дамбровский, П. Массон, А. Ранненберг, Н. Гадатч, О. Баргейн, Ю. фон Хаген, Х. Кемпф и др. Однако в данной статье всё же предлагается делать определённое различие между фискальным регулированием и фискальным союзом, уделить особое внимание феномену фискального регулирования, его различным проявления и положению в процессах глобализации.

Теоретические основания исследования. Самое простое определение *экономической глобализации* звучит как «усиление взаимозависимости национальных экономик, взаимовлияния и взаимопереплетения различных сфер и процессов в мировом хозяйстве» [Холопов, 2007, 5]. Также глобализацией можно считать «опережающий рост глобальной экономики по сравнению с мировой» или как «превращение национальных экономик во всё более открытые экономики» [Мировая экономика, 2017, 85]. А. В. Дрыночкин понимает глобализацию как процесс целенаправленного генерирования и интегрирования рынков в планетарном масштабе, осуществляемого международно-оперирующими компаниями [Дрыночкин, 2005, 9].

Представляется логичным трактовать глобализацию в широком смысле как определённые глобальные «изменения в природе социального пространства» [Sholte, 2002, 14]. Из такого определения следует, что экономическая глобализация будет очевидно представлять собой изменение экономического пространства, т.е. формирование глобального и, возможно, единого экономического пространства. Кстати, это отнюдь не означает, что подобное пространство не будет иерархичным. Современная ситуация даёт возможность предположить, что глобальное экономическое пространство может быть единым, но неравномерным[118].

Ещё один чрезвычайно сложный вопрос в этом контексте заключается в определении соотношения понятий глобализации и *региональной экономической интеграции*. Под последней чаще всего понимают «процесс срастания (конвергенции) экономик соседних стран в единый хозяйственный комплекс на основе глубоких и устойчивых связей, прежде всего между их фирмами» [Мировая экономика, 2017, 160]. К. Дойч определяет интеграцию как «взаимоотношения между странами, которые являются взаимозависимыми и совместно производят тот системный продукт, которого они порознь лишены»[119].

В принципе, в данном вопросе существуют две принципиально отличные точки зрения: региональная интеграция способствует глобализации или наоборот противоречит ей. Все остальные взгляды расположены где-то между указанными экстремумами. Не существует единства и в отношении самого развитого объединения — ЕС. Так, Л. Коффс уподобля-

[118] См.: Неклесса А. И. Ordo quadro — четвёртый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. 2000. №6. С. 6–23.

[119] См.: Deutsch K. The Analysis of International Relations. New Jersey: Prentice-Hall, 1978. Цит. по: Бусыгина И. М. Общественно-политический лексикон / И. М. Бусыгина, А. А. Захаров. Институт международных исследований. М.: МГИМО–Университет, 2009. С. 65.

ет глобализацию европеизации [Koffs, 2008, 47], а Х. Уоллес говорит, что европейскую интеграцию можно интерпретировать как попытку сдержать последствия глобализации, «укрепить границу между самими собой и остальным миром»[120]. В целом, наверное, можно согласиться с «парадоксом Кастельса»[121], который заключается в том, что «европейская интеграция является в одно и то же время реакцией на процесс глобализации и её самым развитым выражением»[122]. Действительно, с одной стороны действие европейских компаний на глобальных рынках, объединение рынков и некоторых сфер экономической политики «соответствует процессам, происходящим вне Европы», но с другой стороны существует чисто европейская специфика этих процессов[123].

Если главной сущностной характеристикой глобализации считать формирование некоего единства глобального экономического пространства, то экономическую интеграцию в этом случае можно считать ступенькой на этом пути или частью этого формирующегося пространства. Действительно, можно интерпретировать интеграцию как «инструмент участия группы стран в глобальной стратификации» [Буторина, 2016, 28], т.е. как стремление ряда государства объединить свои «экономические пространства» с целью занять некое место в формирующейся глобальной экономике. Также, если предположить, что глобальное экономическое пространство будет иметь иерархический порядок, то интеграция может отражать стремление занять более высокое положение в этой иерархии. Понятно, что такой подход может вызывать споры, но в целях данной статьи предлагается принять его за своеобразную аксиому.

Фискальное регулирование — это механизм, направленный на обеспечение относительно равномерного макроэкономического климата в странах-членах интеграционного объединения для стабильного функционирования валютного союза, выражающийся в установлении

---

120 См.: Wallace H. Politics and Policy in the EU: the Challenge of Governance // Policy Making in the Euroepan Union. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 17. Цит по: Outhwaite W. Contemporary Europe. NY: Rotledge, 2017. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=RhAxDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (application date: 10.12.2016)

121 Подробнее см.: Rosamond B. Globalization, the ambivalence of European integration and the possibilities for a post-disciplinary EU studies // Innovation. Vol. 18. №1. P. 23–43.

122 См.: Castells M. End of Millennium / M. Castells. — Oxford: Blackwell, 2000. — p. 300. Цит. по: Rosamond. Op. cit. p. 2.

123 Подробнее см.: Outhwaite. Op. cit.

определённых бюджетных ограничений для стран-членов (потолки дефицита бюджета и величины государственного долга), а также, возможно, в налоговой гармонизации между странами-членами. Термин «фискальный» в данном случае по аналогии с национальной фискальной (налогово-бюджетной) системой[124] объединяет налоговый (налоговая гармонизация) и бюджетный (бюджетные ограничения) компоненты.

По своему смыслу фискальное регулирование созвучно с понятиями фискальных правил (англ. fiscal rules)[125], означающих наличие в государстве или интеграционном объединении каких-либо ограничений по показателям бюджета, и фискальной (бюджетной) консолидации[126], означающей сокращение дефицита бюджета и государственного долга. Отличие предлагаемого термина «фискальное регулирование» состоит в том, что оно существует только в интеграционных объединениях, а также означает по сути навязанную извне (т.е. наднационально) фискальную консолидацию *национального* бюджета.

Необходимо отметить, что термин «фискальное регулирование» не является широко употребительным в научной литературе. Чаще вместо него можно услышать термин «фискальный союз». Однако, как представляется, выделение фискального регулирования как самостоятельного феномена поможет понять его специфику в процессах глобализации.

Также нужно провести различие между фискальным регулированием и фискальной (налогово-бюджетной) политикой. Если под последней понимается классический инструмент государственной макроэкономической политики[127], то фискальное регулирование в данном случае означает фактически наднациональный контроль над национальной налогово-бюджетной политикой.

Обычно вопросы, связанные с фискальным регулированием или фискальным союзом, рассматривают в рамках двух теорий — оптимальных валютных зон и фискального федерализма[128]. Первое вполне

---

[124] См.: Булатов А. С. Национальная экономика : учеб. Пособие / А. С. Булатов. — М.: Магистр : ИНФРА-М, 2015. — С. 114–115.

[125] См.: Fiscal Rules Dataset // International Monetary Fund. [Electronic resource]. URL: http://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/map/map.htm (application date: 14.12.2016)

[126] См.: Fiscal Consolidation // OECD Glossary of Statistical Terms. 28.03.2014. [Electronic resource]. URL: http://www.imf.org/external/datamapper/fiscalrules/map/map.htm (application date: 14.12.2016)

[127] См.: Холопов. Указ. соч. С. 172–194.

[128] См.: Oates W. An Essay on Fiscal Federalism / W. Oates // Journal of Economic Literature. 1999. Vol. 37. P. 1120–1149.

логично, поскольку фискальное регулирование возникло в процессе строительства экономического и валютного союза (ЭВС) в ЕС, теоретической основой которого была теория оптимальных валютных зон, разработанная Р. Манделлом, М. Флемингом, П. Кененом и др. Главным смыслом теории является определение того, насколько выгодно для той или иной группы стран введение единой валюты. Наиболее выгодным оно может быть в случае, если эти страны являются открытыми экономиками с высокой долей внутрирегиональной торговли. При этом выгоды уменьшаются, если шоки, которым подвергается группировка, имеют ассиметричный характер. Ослабить влияние этих шоков могут такие инструменты, как гибкость заработной платы и цен, мобильность рабочей силы и капитала [Bordo, 2011]. Различные исследователи к этим механизмам добавили также диверсификацию производства, унификацию налоговых систем, интеграцию финансовых рынков, сближение уровня инфляции [Красавина, 2015].

Интересно, что из всех разновидностей национальной экономической политики для интеграции были выбраны лишь денежно-кредитная и валютная политики. Необходимость введения единой валюты и проведение единой денежно-кредитной политики обуславливалась завершением строительства внутреннего рынка, означавшее отмену валютных ограничений при свободном движении капитала, что значительно усложнило бы проведение макроэкономической политики государствами[129]. При этом бизнес получал в результате валютной интеграции выгоды от снижения транзакционных издержек. Эти причины определили переход денежно-кредитной политики в экономическом и валютном союзе (ЭВС) в руки наднационального управления. В то же время другие виды экономической политики, в частности налогово-бюджетная (фискальная), остались на национальном уровне. Как пишет О. В. Буторина, Жак Делор (председатель Европейской комиссии) понимал, что, оставляя фискальные вопросы в национальной юрисдикции, при этом передавая денежно-кредитную политику на наднациональный уровень, он «закладывает мину замедленного действия»[130]. Однако, в тот период вряд ли можно было ожидать чего-то большего. Национальные правительства не пошли бы на отказ от оставшихся в их руках действенных инструментов влияния на экономику, а транснациональные корпорации были в основном заинтересованы в валютной

[129] Подробнее см.: Буторина О. В. Кризис в зоне евро: ошибки или закономерность? // Современная Европа. 2012. № 2. С. 82–94.

[130] Буторина. Кризис в зоне евро…

интеграции и были удовлетворены созданием ЭВС. Кроме того, теория оптимальных валютных зон лишь в некоторой степени касалась фискальных вопросов и не подразумевала необходимости фискальной интеграции. Наоборот, в трудах исследователей, развивавших теорию, можно встретить утверждение, что национальная фискальная политика в отсутствии денежно-кредитного механизма может стать инструментом реагирования на ассиметричные шоки [Bordo, 2011].

Тем не мене, вопрос о том, как могут быть связаны ключевые инструменты национальной макроэкономической политики, включая фискальные аспекты, с единой денежно-кредитной политикой, рассматривался исследователями оптимальных валютных зон. Как уже упоминалось, в рамках данной теории были выдвинуты критерии, при которых страны получат максимальные выгоды от перехода к единой валюте. Среди таких критериев встречаются также схожий уровень экономического развития, схожие инфляционные тенденции, показатели дефицита бюджета и государственного долга [Bukowski, 2006, 3]. По отношению к выполнению таких критериев исследователи разделились на два лагеря — т.н. «экономистов» и «монетаристов» [AlKholifey, 2010, 30–32]. Экономисты утверждали, что прежде чем переходить к созданию валютного союза страны должны выполнить ряд критериев с целью их экономической конвергенции. Монетаристы же говорили, что создание валютного союза само без дополнительных условий может привести к синхронизации делового цикла в странах-членах за счёт усиления внутрирегиональной торговли и внутриотраслевой торговли между странами-членами, что впоследствии также приведёт к конвергенции. В итоге возобладал первый подход, и Маастрихтским договором были установлены критерии конвергенции, которые странам нужно выполнить для вхождения в зону евро. Среди этих критериев были и критерии фискального порядка: дефицит бюджета (£3% ВВП) и государственный долг (£60% ВВП).

Исследование: основная часть. Для анализа различий в реализации фискального регулирования в интеграционных группировках разного типа, а также определения места фискального регулирования в процессах глобализации представляется логичным взглянуть на самый развитый вид фискального регулирования в ЕС, а также по возможности сравнить его с регулированием в иной группировке (в данной статье взяты примеры ЗАЭВС и ССАГПЗ).

Методологические основы в таком случае достаточно просты. Используются структурное сравнение как метод, позволяющий «определить состав и соотношение разноименных показателей в некоторой

системе в определенный момент времени», и динамическое сравнение, позволяющее сравнивать «показатели текущего и нескольких предшествующих временных периодов» [Баканов, 2005, 150–151]. Задействованы статистический, историко-сравнительный, историко-генетический методы, позволяющие определить специфику фискального регулирования в процессах глоабализации.

Процедура исследования. В Европейском союзе на данный момент можно говорить о достаточно развитой системе фискального регулирования. Началом такого регулирования с определёнными оговорками можно считать принятие критериев конвергенции для вступления в зону евро; затем меры, касающиеся дефицита бюджета, были закреплены в Пакте стабильности и роста, реформированном в 2005 г. Уже после кризиса были приняты т.н. шесть базовых актов (англ. Six-pack), создан механизм Европейского семестра, усиленный двумя базовыми актами (англ. Two-pack), принят Фискальный пакт[131]. В итоге сегодня страны-члены зоны евро должны соблюдать установленные количественные критерии, невыполнение этого условия может караться санкциями. Кроме того, Европейская комиссия осуществляет контроль за национальными бюджетами, даёт рекомендации национальным правительствам. То есть фактически на практике реализован механизм фискального регулирования в том виде, в каком его интерпретирует данная статья, а именно: «насильственная» консолидация национального бюджета стран-членов зоны евро, в случае невыполнения определённый требований.

Интересно, насколько сложившаяся система отвечает глобализации как ключевой тенденции развития мировой экономики. Отвечая на этот вопрос, можно говорить о том, что приведённые ранее интерпретации соотношения европейской интеграции и глобализации в сущности схожи между собой. В сердцевине у них лежит идея некой европейской реакции на определённые изменения внешней среды. Важно, однако, что эта реакция внутри условной европейской единицы по природе своей схожа с теми изменениями, которые происходят во внешнем мире. Это утверждение возвращает нас к «парадоксу Кастельса»: реагируя (сознательно или рефлекторно) на изменения в окружающем мире, европейская интеграция действует в соответствии с теми процессами, которые развиваются в глобальном мире, т.е. принимает и преобразует глобальные тенденции, как бы «ассимилируя» их. Так,

[131] Подробнее см.: Стрежнева М. В. Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты / М. В. Стрежнева, И. Л. Прохоренко. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 112–131.

глобальные изменения конца 1980-х гг. коснулись в частности наиболее влиятельных представителей европейского транснационального бизнеса, что сделало их главными союзниками Европейской комиссии в деле изменения параметров интеграции. Такой союз произвёл реформы внутреннего рынка ЕС, отразившиеся в Едином европейском акте и выросшие в Маастрихтский договор 1992 г., а затем в создание валютного союза [Sandholz, Zysman, 1989]. Таким образом, европейский транснациональный бизнес и Европейскую комиссию можно считать главными проводниками глобализации «по-европейски». Действительно, если считать транснационализацию одним из ключевых элементов глобализации, то углубление европейской интеграции в интересах ТНК также можно рассматривать как проявление глобализации.

Главным результатом изменений, происходивших в Европейском союзе после подписания Единого европейского акта, стало создание валютного союза. Существенное влияние на принятие таких изменений национальными правительствами сыграл Круглый стол европейских промышленников, объединявший самые крупные компании и лоббировавший реформы на национальном уровне [Sandholz, Zysman, 1989]. В 1987 г. была создана Ассоциацию в поддержку европейского валютного союза (англ. Association for the Monetary Union of Europe, AMUE), которая отстаивала создание единой валюты. «Япония имеет одну валюту. США имеют одну валюту. Как Сообщества могут жить с двенадцатью?» — так стоял вопрос в публикации Круглого стола 1991 г. «Reshaping Europe» [Ward, 2003, 165]. В итоге своих целей промышленники добились: единая валюта была введена (хотя не стоит, конечно, полагать, что деятельность ТНК была единственной причиной создания валютного союза в Европе).

Как уже упоминалось, фискальное регулирование, выраженное изначально в критериях конвергенции, понималось как необходимое условие для функционирования валютного союза. То есть косвенно глобализация могла повлиять на создание системы фискального регулирования в ЕС: реагируя на внешние импульсы, европейские ТНК способствовали созданию ЭВС, а одной из его основ стали критерии конвергенции, которые были призваны до определённой степени выровнять некоторые макроэкономические показатели стран-членов.

Здесь необходимо также сделать замечание, что существует два вида конвергенции. Выделяют *номинальную и реальную конвергенции*. Номинальная означает выполнение определённых критериев, необходимых, например, для создания валютного союза (как в случае с критериями конвергенции в ЕС). Реальная же конвергенция означает сближение

экономического развития стран, ликвидация различий в структуре их экономик, выравнивание ВВП на душу населения и т.д. [Marelli, Signorelli, 2010]. Важно понимать, что все существующие на сегодня в ЕС аспекты фискального регулирования являются по сути номинальной конвергенцией, так как направлены на выполнение номинальных критериев для обеспечения функционирования валютного союза. На данный момент такими индикаторами являются дефицит бюджета (3% для всех членов еврозоны и подписантов Фискального пакта), государственный долг (60%), структурный дефицит бюджета (0,5%).

В результате в Европейском союзе возникла система фискального регулирования, которую предлагается отличать от фискального союза. Под последним обычно понимается объединение бюджетных и налоговых ресурсов ряда относительно самостоятельных единиц с созданием единого центра, которому в большей или меньшей степени принадлежат фискальные полномочия. При этом отношения между центром и составными частями системы могут определяться по-разному: составные части могут иметь большие или меньшие полномочия в бюджетно-налоговой сфере. Под такую трактовку подходит процесс образования любой классической федерации, такой как США, Канада или Германия [Bordo, 2011]. Систему отношений между наднациональными и национальными органами в налогово-бюджетной сфере ЕС также часто называют фискальным союзом[132]. Однако между той системой, которая сложилась в ЕС (её предлагается именовать фискальным регулированием), и фискальными союзами в рамках федеративных государств существует ряд различий.

Во-первых, существенным отличием является масштаб деятельности центра. Даже условно считая Брюссель центром ЕС, а бюджет ЕС — главным рычагом потенциального фискального союза ЕС, нельзя говорить о том, что бюджет ЕС может выполнять роль, сравнимую с бюджетами США, Канады или ФРГ.

Другой отличительной чертой является отсутствие механизма солидарности между странами-членами ЕС. Да, оговорка о невыкупе «плохих долгов» субнациональных правительств действует во многих федеративных государствах. Однако в ряде случаев из этого правила делаются исключения. Так, ФРГ покрывала серьёзные задолженности федеральных земель безвозмездными трансферта из федерального бюджета (что, в частности привело к нарушению Германией показателей Пакта стабильности и роста и пересмотру последнего в 2005 г.). При

[132] См.: Dambrowski M. Monetary Union and Fiscal and Macroeconomic Governance // European Commission Discussion Paper. №.032. 2015. p. 7.

Таблица 1
Соответствие стран-членов зоны евро критериям фискального регулирования ЕС, 2015 г.

Страна	Дефицит/профицит	Долг	Структурный дефицит/профицит[1]
Австрия	–1,2% (–1,2%)[2]	86,2%	+0,1%
Бельгия	–2,6% (–2,6%)	106,1%	–2,6%
Германия	+0,7% (+0,6%)	71%	+0,9%
Греция	–3,1% (–7,5%)[3]	176,9%	+1,9%[4]
Ирландия	–1,9% (–2,3%)	78,7%	–2,1%
Испания	–5,1% (–5,1%)	99,3%	–2,9%
Италия	–2,6% (–2,6%)	132,7%	–1,0%
Кипр	–1,4% (–1%)	108,9%	+1,9%
Латвия	–1,8% (–1,0%)	34,9%	–2,0%
Литва	–0,2% (–0,2%)	42,8%	–0,4%
Люксембург	+1,3% (+1,3%)	21,5%	+1,6%
Мальта	–1,5% (–1,5%)	64%	–2,3%
Нидерланды	–1,9% (–1,8%)	65,1%	–0,9%
Португалия	–4,4% (–4,4%)	129%	–1,9%
Словакия	–3% (–3%)	52,9%	–2,3%
Словения	–3,3% (–2,9%)	83,1%	–2,6%
Финляндия	–2,7% (–2,7%)	62,5%	–1,4%
Франция	–3,5% (–3,5%)	96,1%	–2,4%
Эстония	+0,4% (+0,4%)	9,7%	+0,7%

Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook Database[5].

[1] Данные на основе The 2016 Stability and Convergence Programmes. An Overview and Implications for the Euro Area Fiscal Stance / European Commission. Luxembourg: Publication Office of the European Union, 2016. P. 30–32.

[2] В скобках указаны показатели по данным Европейской комиссии.

[3] Eurostat Database.

[4] European Economic Forecast. Autumn 2016 / European Commission. Luxembourg: Publication Office of the European Commission, 2016. P. 87.

[5] Autumn 2016 / European Commission the ry Union: Difference from Optimal Currency Area Theoryountriesв ; под ред. А.С. БулатоваURL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx

этом в ходе разрешения долгового кризиса страны, попавшие в долговую зависимость (условно южные страны ЕС) надеялись сократить эту зависимость за счёт реструктуризации долга, а страны-кредиторы в ЕС (условно северные страны ЕС) настаивали на мерах экономии и структурных реформах, что означало, что бремя долга перекладывается на граждан южных стран [Copelovitch, 2016].

Третья отличительная черта состоит в том, что создание фискального союза, как показывают примеры становления фискальных систем всех федеративных государств, предполагают создание системы перераспределения дохода в рамках данного союза. Фискальное же регулирование, понимаемое в данной статье как осуществление наднационального контроля над национальными бюджетами, не предполагает наличия полноценной системы перераспределения. Его функцией является не выравнивание экономического пространства, а осуществление контроля за соблюдением относительного макроэкономического баланса странами-членами для поддержания стабильного функционирования единой валюты. То есть «номинальность» конвергенции в случае валютного союза в ЕС возобладала.

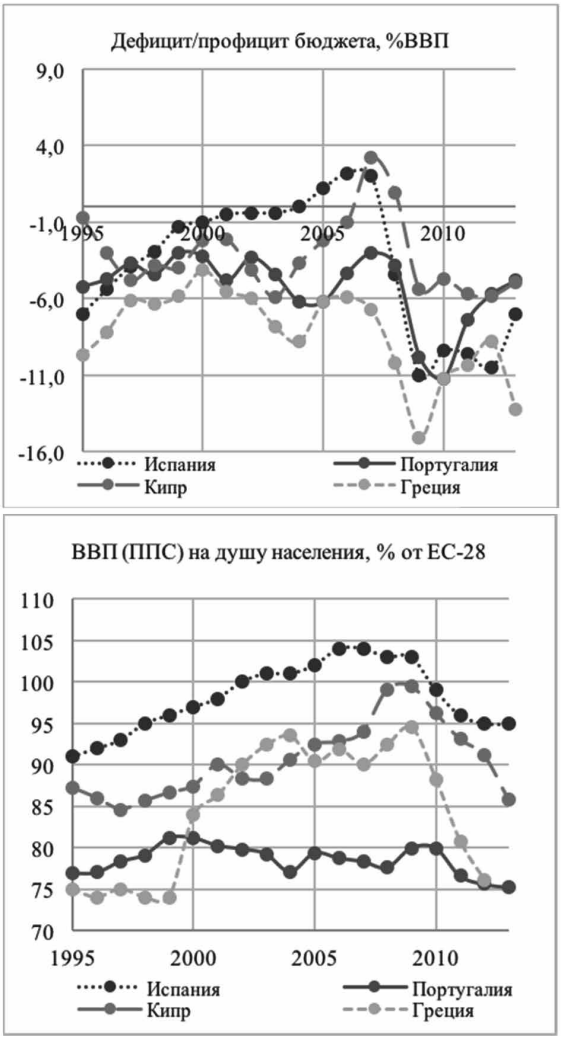
В ЕС (см. табл. 1) многие страны-члены зоны евро укладываются в необходимые критерии (за исключением Греции, Испании и Португалии в 2015 г.). Однако показатели государственного долга и структурного дефицита пока во многих случаях значительно превышают предельные индикаторы. Тем не менее, в целом стоит отметить, что показатели (по крайней мере, касательно дефицита бюджета) стран-членов зоны евро всё-таки не демонстрируют непреодолимы различий друг с другом (разница между самым низким и самым высоким показателями не превышает 6,4 п.п.).

При этом интересно отметить, что в динамике, особенно после долгового кризиса[133], многие страны-члены действительно демонстрируют некоторую конвергенцию, скажем, показателей дефицита бюджета (см. рис. 1). Однако, при этом нельзя говорить о наличии однозначной реальной конвергенции в отдельных странах. Так, после 2010 г. четыре рассмотренные страны демонстрируют понижательную тенденцию относительно показателя ВВП (ППС) на душу населения в среднем по ЕС-28.

Особенностью фискального регулирования в других интеграционных объединениях является его «необязательный» характер. К тому же, уровень его развития ограничен критериями конвергенции (налогово-

[133] Это, в частности, связано с принудительным характером консолидации бюджетов в связи с действиями Европейской комиссии и Европейского совета.

Рис. 1.
Номинальная (дефицит бюджета) и реальная (ВВП на душу населения) конвергенции в отдельных странах ЕС



Источник: составлено автором по данным Eurostat Database[134].

[134] URL: http://ec.europa.eu/eurostat/data/database

Табл. 2. Соответствие стран ЗАЭВС и ССАГПЗ критериям конвергенции, 2015 г.

ЗАЭВС	Дефицит (≤3% ВВП)	Долг (≤70% ВВП)	Инфляция (≤3%)[1]
Бенин	–6,7%	39,3%	0,3%
Буркина-Фасо	–1,6%	32,8%	1,0%
Кот-д'Ивуар	–1,4%	48,9%	1,2%
Гвинея-Бисау	–6,3%	52,9%	1,4%
Мали	–1,2%	30,9%	1,4%
Нигер	–8,5%	45,1%	1,0%
Сенегал	–2,8%	56,8%	0,1%
Того	–4,8%	62,3%	1,8%

ССАГПЗ	Дефицит (≤3%)	Долг (≤60%)	Инфляция (≤2 п.п.[2])
Бахрейн	–15,1% (–13,2%)	61,9%	1,8%
Катар	+5,4% (+0,5%)	39,8%	1,8%
Кувейт	+1,7% (–12,4%)	11,2%	3,2%
ОАЭ	–2,1% (–4,0%)	18,1%	4,1%
Оман	–16,5% (–20,6%)	14,9%	0,1%
Саудовская Аравия	–15,9% (–14,8%)	5,0%	2,2%

Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook Database и CIA World Factbook[3].

[1] Критерий конвергенции в ЕС — 1,5 п.п. от среднего показателя трёх стран с наименьшей инфляцией.

[2] От двух стран с наименьшей инфляцией.

[3] URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/

бюджетные вопросы не отделяются от инфляции и других сфер), которые в ряде случаев требуются для поддержания существующего валютного союза (ЗАЭВС[135]), а иногда с целью его создания (ССАГПЗ[136]). Ещё одним отличием, помимо необязательности и минимальной «инсти-

[135] Западноафриканский экономический и валютный союз, в состав которого входят Бенин, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуар, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Сенегал, Того. Эти страны также входят в состав ЭКОВАС. На территории стран ЗАЭВС действует единая валюта (франк КФА), жёстко привязанная к евро.

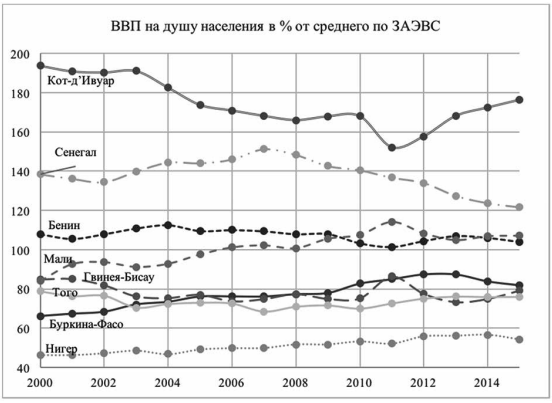
[136] Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, в состав которого входят Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия. Страны-члены планируют создать валютный союз.

туционализации» фискального регулирования, является достаточно широкий разброс показателей выполнения существующих критериев при сравнительно узком составе членов. (см. табл. 2).

Фискальное регулирование в рамках ЗАЭВС в принципе не является пока фискальным регулированием в том плане, в котором его предлагает понимать данная статья. Во-первых, оно представлено здесь лишь бюджетными ограничениями, а во-вторых, принятие решений в рамках этого регулирования не носит наднациональный и даже квазинаднациональный характер. Решения о необходимости введения критериев конвергенции принимают главы государств. Так, последнее решение, которое должно быть реализовано к 2019 г., было принято в 2015 году[137]. В виду достаточно плохой наполняемости бюджетов здесь также созданы критерии второго порядка: зарплата по отношению к налоговым доходам должна составлять менее 35%, а налоговые доходы по отношению к ВВП более 20%. Это совершенно отличный способ фискального регулирования, направленный на решение проблем, для развитых стран не характерной.

Если говорить о реальной конвергенции в ЗАЭВС по показателю ВВП на душу населения, то её практически не наблюдается. Страны (за исключением Сенегала и Буркина-Фасо) фактически сохранили свои позиции относительно 2000 г. (см. рис. 2)

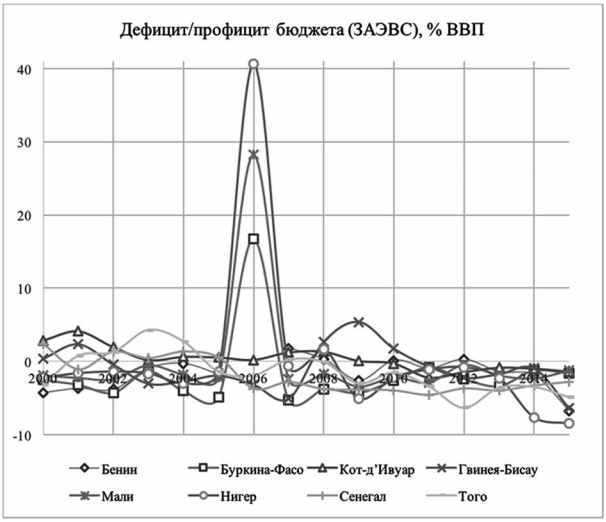
Рис. 2.
ВВП на душу населения (в текущих ценах) в % от среднего по ЗАЭВС



Источник: расчёты автора по данным World Economic Outlook Database.

[137] См.: West African Economic and Monetary Union // International Monetary Fund. Staff Report on Common Policy of Member Countries. 2015. №. 15. p. 13.

Рис. 3.



Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook Database.

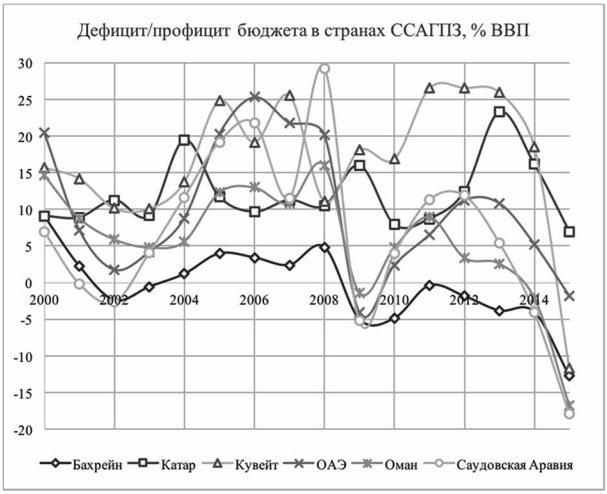
При этом показатели дефицита бюджета демонстрируют серьёзные колебания (см. рис. 3).

Формально страны ССАГПЗ провозгласили цель создания валютного союза к 2015 г. Для её достижения страны позаимствовали европейские критерии конвергенции. Более того, в течение долгого времени они их выполняли и даже перевыполняли, учитывая крупные профициты бюджетов в Кувейте (почти 30% в 2007 г.), Саудовской Аравии (почти 22% в 2006 г.) и Катаре (16% в 2004 г.)[138] (см. рис. 4). Ещё большие успехи демонстрировали страны в выполнении критерия по государственному долгу: Саудовская Аравия, например, сократила показатель долга с 82% в 2003 г. до 18,6% в 2007 г. Одним словом, ССАГПЗ демонстрировал впечатляющую динамику на пути к созданию валютного союза с точки зрения выполнения фискального компонента критериев конвергенции.

Однако обвал цен на нефть значительно повлиял на сбалансированность бюджетов стран-членов ССАГПЗ (табл. 2, рис. 5) и серьёзно подорвал их успехи в деле соблюдения критериев конвергенции. Ко-

[138] Подробнее см.: AlKholifey A. GCC Monetary Union / A. AlKholifey, A. Alreshan // IFC Bulletin. 2010. №. 32. pp. 17–51.

Рис. 4.



Источник: составлено автором по данным World Economic Outlook Database.

Рис. 5.
ВВП на душу населения (в текущих ценах) в % от среднего по ССАГПЗ.

Источник: расчёты автора по данным World Economic Outlook Database.

нечно, крупные резервные фонды позволяют странам-членам ССАГПЗ иметь высокие дефициты бюджетов, не прибегая к резкому увеличению государственного долга. Тем не менее, этот пример показывает, во-первых, насколько иллюзорными на самом деле могут быть успехи в вопросе критериев конвергенции, во-вторых, что применение любого регулирования (фискального или других) очень сильно зависит от специфики страны. В результате в 2015 г. странам ССАГПЗ не удалось создать валютный союз, хотя вопрос до сих пор остаётся на повестке дня[139].

Также сложно говорить и о возможной реальной конвергенции в ССАГПЗ (см. рис. 5). С точки зрения ВВП на душу населения сохраняется достаточно серьёзный разрыв между странами.

Таким образом, можно говорить, что фискальное регулирование в ЕС значительно отличается от фискального регулирования в ЗАЭВС и ССАГПЗ по своему масштабу, степени институционализации, обязательности и степени исполнения. Однако можно отметить, что наличие фискального регулирования, способное обеспечивать некоторую номинальную конвергенцию, не означает наличия реальной конвергенции.

Результаты исследования.

1. В результате развития внутреннего рынка под влиянием глобализации в ЕС возникла система фискального регулирования, выражающаяся в осуществлении наднационального контроля за национальными налогово-бюджетными системами. Фискальное регулирование можно считать отличным от фискального союза.
2. Фискальное регулирование существует не только в ЕС, но и в ряде других объединений. При этом существует ряд отличий фискального регулирования в ЕС и других объединениях.
3. Фискальное регулирование может приводить к номинальной конвергенции, но не означает реальной конвергенции экономик стран-членов.

Анализ результатов исследования. В Европейском союзе возникло фискальное регулирование, которое можно считать отличным от классических фискальных союзов. Наверное, можно вслед за некоторыми исследователями, считать фискальное регулирование (фискальные правила, фискальную координацию) частью, элементом полноценного фискального союза или даже своеобразным неполным фискальным со-

[139] См.: Joint declaration at GCC summit raises hopes and expectations // The National. 11.12.2016. [Electronic resource]. URL: http://www.thenational.ae/opinion/comment/joint-declaration-at-gcc-summit-raises-hopes-and-expectations (application date: 13.12.2016)

юзом[140], но при такой постановке вопроса, как представляется, исчезает принципиальная разница в виде отсутствия или наличия крупномасштабного перераспределения доходов.

Также важно сказать, что возникшее в Европейском союзе фискальное регулирование не является, вероятнее всего, шагом в сторону завершения создания экономического союза и создания политического согласно классической схеме интеграции. Дело в том, что фискальное регулирование не объединяет фискальные политики стран-членов, не превращает их в одну «коммунитаризованную» политику. Если бы это произошло, то так или иначе возникло бы некое подобие перераспределительного механизма, которое в сущности означало бы создание квазигосударства. Уже сейчас существуют исследования, показывающие, что передача даже трети налоговых полномочий на наднациональный уровень приведёт к достаточно серьёзному изменению в показателе средних доходов домохозяйств после уплаты налогов[141]. Как представляется, такое в Европейском союзе (в его нынешнем составе при сохраняющихся тенденциях развития) уже невозможно, поскольку более развитые и богатые страны условного Севера продемонстрировали свою неготовность создавать перераспределительные механизмы и обеспечивать таким образом функционирование единого фискального пространства и выравнивание пространства экономического. В таких условиях интеграция породила некий компромисс (который в данной статье предлагается называть фискальным регулированием), обеспечивающий минимум для функционирования валютного союза, но не дающий перспектив формирования союза фискального.

При этом естественно фискальное регулирование в ЕС развито гораздо сильнее, чем в ЗАЭВС и ССАГПЗ. Строго говоря, полноценного фискального регулирования в последних двух объединениях нет, оно ограничено критериями конвергенции, не подкреплёнными механизмами принуждения к их исполнению. Казалось бы, для чего тогда вообще рассматривать фискальное регулирование в других объединениях, помимо ЕС, если оно не играет какой-либо значимой роли. Этому есть достаточно простое объяснение. Нетрудно заметить, что критерии конвергенции в ЗАЭВС и ССАГПЗ фактически заимствованы у ЕС. Не исклю-

[140] См.: Gadatsch N. Towards a Fiscal Union? A Quantitative Assessment for Germany in EMU / Gadatsch N., Hollmayr J., Stähler N. // Macroeconomic effects of fiscal policy: a DSGE approach. Kiel: Otto Beisheim School of Management, 2014. P. 2–7.

[141] См.: Fiscal Union in Europe? Redistributive and Stabilising Effects of an EU Tax-Benefit System / O. Bargain and others // The Institute for the Study of Labor Working Paper. 2014. №. 6585. 31 p.

чено, что трудности их выполнения связаны с тем, что страны-члены ЗАЭВС и ССАГПЗ по уровню развития, структуре экономики и многим другим показателям отличаются от стран-членов ЕС. То, что с трудом достигается в Европе, ещё менее достижимо в странах относительно менее развитых, обладающим иными характеристиками экономики. Поэтому развивающимся странам важно понимать, стоит ли вообще заимствовать такие критерии, возможно необходимо придумать что-то концептуально новое, характерное именно для этих стран. Также необходимо заметить, что во всех рассмотренных примерах наблюдается либо достаточно слабая реальная конвергенция экономик, либо её отсутствие (по крайней мере по показателю ВВП на душу населения). Это утверждение имеет важный характер для понимания смысла фискального регулирования и его роли для интеграционных объединениях в условиях глобализации.

Вероятно, сложившаяся система в определённой степени отвечает задачам ЕС в процессах глобализации. Вспомним, что для объединений типа ЕС ключевой целью, видимо, становится стремление занять достаточно высокое место в иерархии глобализованного мира. Создание валютного союза и обеспечение его достаточно стабильного функционирования отвечает этой цели. Последствия же перехода всего союза (или его части) к полноценному фискальному союзу трудно предсказуемы, кроме того, вероятность такого перехода сегодня достаточно мала. В иных объединениях, особенно стран развивающихся и наименее развитых, цель интеграции модифицируется в основном (с учётом других возможных факторов) в догоняющее развитие совместными усилиями. Часто традиционные воззрения на интеграцию, характерные для развитых стран, для государств иного уровня развития могут не подходить[142]. В этих условиях становится важной не только номинальная конвергенция, но и конвергенция реальных показателей, ведь, чтобы догнать лидирующие страны, необходимо для начала догнать своих коллег по интеграционной группировке. Учитывая номинальный характер конвергенции, который имеет фискальное регулирование, заимствованное из практики ЕС, вряд ли стоит ожидать быстрого догоняющего развития и скорой реальной конвергенции в странах, где такое фискальное регулирование станет обязательным. Таким образом, вывод из всего сказанного ранее оказывается достаточно банальным,

[142] См.: Marinov E. Economic Integration Theories and the Developing Countries // Proceedings of 9th Annual South-East European Doctoral Student Conference, Thessaloniki: South-East European Research Center. 2014. pp. 164–177.

но от этого не теряет своей важности. Видимо, для интеграционных объединений развивающихся стран необходимо создать новые или по крайней мере модифицировать существующие концептуальные основы фискального регулирования.

Заключение. Данная работа предлагает выделять понятие фискального регулирования, анализирует основные аспекты, связанные с ним. Фискальное регулирование в работе понимается как механизм, направленный на обеспечение относительно равномерного макроэкономического климата в странах-членах интеграционного объединения для стабильного функционирования валютного союза. Регулирование выражается в установлении в наднациональном порядке бюджетных ограничений для стран-членов и возможной налоговой гармонизации.

Фискальное регулирование как особый феномен, вероятно, можно отличать от понятий фискальной политики, фискальной консолидации, фискальных правил или фискального союза. Фискальное регулирование возникло под влиянием глобализации как логичное продолжение внутреннего рынка, оно означает номинальную конвергенцию экономик стран-членов, однако не обязательно ведёт к реальной конвергенции. Фискальное регулирование в достаточно полном виде существует в ЕС. В интеграционных объединениях развивающихся стран (ЗАЭВС, ССАГПЗ) оно выражено гораздо слабее и имеет ряд отличительных черт. В связи с экономической спецификой развивающихся стран наиболее эффективным представляется не слепое заимствование фискального регулирования и критериев конвергенции из ЕС, а разработка концептуально отличных и подходящих для развивающихся стран основ фискального регулирования в целях реальной, а не номинальной конвергенции.

Литература

1. Баканов М. И. Теория экономического анализа: Учебник. / М. И. Баканов, М. В. Мельник, А. Д. Шеремет; Под ред. М. И. Баканова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2005. 536 с.
2. Буторина О. В. Особенности евразийской модели экономической интеграции // Современная Европа. 2016. №2. С. 28–32.
3. Дрыночкин А. В. Место и роль внешнеэкономического фактора в системной трансформации стран Восточной Европы : автореф. дис. … д. экон. : 08.00.14, 08.00.01. Москва, 2005. 50 с.
4. Красавина Л. Н. Концепция регионального экономического и валютного союза: отличие от теории оптимальных валютных зон // Деньги и кредит. 2015. № 7. С. 33–40.

5. Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс : учебник / А. С. Булатов [и др.]. М.: КНОРУС, 2017. 916 с.
6. Холопов А. В. Макроэкономическая политика в условиях глобализации: Монография. М.: Деловая литература, 2007. 256 с.
7. AlKholifey A. GCC Monetary Union / A. AlKholifey, A. Alreshan // IFC Bulletin. 2010. № 32. P. 17–51.
8. Bordo M. Does the euro need a fiscal union? Some lessons from history / M. Bordo, L. Jonung, A. Markiewicz // CESifo Economic Studies. 2013. Vol. 59(3). P. 449–488.
9. Bukowski S. I. The Maastricht convergence criteria and economic growth in the EMU. Università di Perugia. Quaderni del Dipartimento di Economia, Finanza e Statistica. 2006. No. 24. 16 p.
10. Copelovitch M. The Political Economy of the Euro Crisis / M. Copelovitch, J. Frieden, S. Walter // Comparative Political Studies. 2016. Vol. 49. № 7. pp. 811–840.
11. Koffs L. Going All In: a Gamble of Globalization and European Economic Integration / L. Koffs // Peperdine Policy Revies. 2008. Vol. 1 Article 6. [Electronic resource]. URL: http://digitalcommons.pepperdine.edu/ppr/vol1/iss1/6 (application date: 10.12.2016)
12. Marelli E. Institutional, Nominal and Real Convergence in Europe / E. Marelli, M. Signorelli // Banks and Bank Systems. 2010. Vol. 5. Issue 2. P. 140–155.
13. Sansholz W. 1992: Recasting the European Bargain / W. Sandholz, J. Zysman // World Politics. 1989. Vol. 42. №. 1. P. 95–128.
14. Sholte J. A. What is globalization? A Definitional Issue Again / J.A. Sholte // Center for the Study of Globalization and Regionalization Working Paper. 2002. №. 109. 34 p. [Electronic resource]. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/f1cb/c84dc4acd0e22398eb4dcaa21ba7edbb0883.pdf (application date: 11.12.2016)
15. Ward I. A critical Introduction to European Law. London: Butterworths, 2003. 336 p.

FISCAL REGULATION IN REGIONAL INTEGRATION UNDER GLOBALIZATION

Egor Sergeev

Abstract: *The correlation between economic integration and national fiscal systems turned to be a more topical issue after the financial and sovereign debt crises. This issue is studied quite often, but little attention is drawn to the phenomenon of fiscal regulation, its types and place in globalization processes. This article suggests using the term «fiscal regulation».*

Fiscal regulation is understood by this article as a mechanism aimed at ensuring homogeneous macroeconomic climate for stable functioning of a monetary union. The regulation expresses itself in establishing supranational fiscal restrictions for member states and possible tax harmonization.

Using methods of structural and dynamic comparison, historic and statistical methods, this article analyzes the essence of fiscal regulation, its place in globalization processes, its variations in different integration groups (those of developed and developing countries).

The article draws a conclusion that fiscal regulation as a special notion may be distinguished from the notions of fiscal policy, fiscal consolidation, fiscal rules or fiscal union. Fiscal regulation emerged as a logical result of common market development, influenced by globalization processes. It implies nominal convergence of member economies, but does not necessarily lead to real convergence. Fiscal regulation exists in the European Union in relatively full scale. In integration blocks of developing countries (WAEMU, GCC) it is poorly represented and has a nu,ber of distinct features. Due to specific characteristics of developing economies it is assumed that it is more effective for developing countries to elaborate a conceptually different basics for fiscal regulation, rather than indistinctly borrow fiscal regulation practices from the EU. Such new conceptual basis should be suitable for their economies in order to reach real rather than nominal convergence.

Key words: *fiscal regulation; fiscal union; fiscal constraints; fiscal consolidation; EU; WAEMU; GCC.*

References

1. AlKholifey, A., & Alreshan, A. (2010). GCC Monetary Union. *IFC Bulletin*, 32, 17–51.
2. Bakanov, M.I., ed. (2005). Teoria economicheskogo analiza: uchebnik [Theory of economic analysis: study book]. Moskva: Finansy i statistika.
3. Bordo, & M. Jonung, L., & Markiewicz, A. (2013) Does the euro need a fiscal union? Some lessons from history. *CESifo Economic Studies*, 59(3), 449–488.
4. Bukowski, S.I. (2006). The Maastricht convergence criteria and economic growth in the EMU. *Università di Perugia. Quaderni del Dipartimento di Economia, Finanza e Statistica*, 24.
5. Bulatov, A.S., ed. (2017). Mirovaja economika i mezhdunarodnie economicheskie otnoshenija. Polnij kurs: uchebnik [World Economy and International Economic Relations. Full course: study book], Moskva: KNORUS.
6. Butorina, O.V. (2016). Osobennosti evrazijskoi modeli economicheskoi integratsii [Peculiarities of Eurasian Model of Economic integration]. *Sovremennaya Evropa*, 2, 28–32.
7. Copelovitch, M., & Frieden, J., & Walter, S. (2016). The Political Economy of the Euro Crisis. *Comparative Political Studies*, 49(7), 811–840.
8. Drynochkin, A. (2005). Mesto i rol' vneshneeconomischeskogo factora v sistemnoj transformatsii stran Vostochnoj Evropy [Place and Role of External Economic Factors in Systematic Transformation of Eastern European Countries]. Abstract of D. Sc. dissertation, World Economy, Diplomaric Academy, Moscow, Russia.

9. Koffs, L. (2008). Going All In: a Gamble of Globalization and European Economic Integration. *Peperdine Policy Reviews*, 1(6). Retrieved 10 December, 2016 from: http://digitalcommons.pepperdine.edu/ppr/vol1/iss1/6
10. Kholopov, A.V. (2007). Macroeconomisheskaya politika v uslovijah globalizatsii [Macroeconomic Policy Under Globalization]. Moskva: Delovaya literatura.
11. Krasavina, L.N. (2015). Kontseptsija regional'nogo economisheskogo i valutnogo soyuza: otlichije ot teorii optimal'nykh valutnykh zon [Concept of Regional Economic and Monetary Union: Difference from Optimal Currency Area Theory]. *Den'gi I kredit*, 7, 33–40.
12. Marelli, E., & Signorelli, M. (2010). Institutional, Nominal and Real Convergence in Europe. *Banks and Bank Systems*, 5(2), 140–155.
13. Sansholz, W. & Zysman, J. (1989). 1992: Recasting the European Bargain. *Politics*, 42(1), 95–128.
14. Sholte J. A. What is globalization? A Definitional Issue Again (2002). *Center for the Study of Globalization and Regionalization Working Paper*, 109. Retrieved 11 December, 2016 from: https://pdfs.semanticscholar.org/f1cb/c84dc4acd0e22398eb4dcaa21ba7edbb0883.pdf
15. Ward, I. A critical Introduction to European Law. (2003). London: Butterworths.

Информация об авторе
Сергеев Егор Александрович
аспирант кафедры мировой экономики; МГИМО МИД России;
E-mail: sergeev-ea@yandex.ru
Egor Sergeev
MGIMO University, Russia

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. В. ХОЛОПОВ

Аннотация*. В статье анализируются проблемы проведения макроэкономической политики в странах с открытой экономикой при отсутствии внутреннего и внешнего макроэкономического равновесия (наличии значительного государственного долга и дефицита платежного баланса по текущим операциям). Нельзя одновременно добиться внешнего и внутреннего равновесия без использования по крайней мере двух разных по характеру воздействия на экономику вариантов политики: политики сокращения расходов и политики переключения расходов.*

Ключевые слова*: макроэкономическая политика, государственный долг, дефицит бюджета, внутреннее равновесие, внешнее равновесие, платежный баланс, счет текущих операций, политика сокращения расходов, политика переключения расходов.*

Введение. Процессы глобализации мировой экономики оказывают мощное воздействие на всю систему форм и методов государственной макроэкономической политики. Можно утверждать, что глобализация существенно изменяет *соотношение между внешними и внутренними факторами* развития национальных хозяйств в пользу первых. Сегодня, с одной стороны, ни одна национальная экономика независимо от размеров страны и уровня ее развития не может больше быть самодостаточной, исходя из имеющихся факторов производства и технологий. Но, с другой стороны, ни одно государство не в состоянии рационально формировать и реализовывать экономическую стратегию развития, не учитывая процессы, происходящие в мировом хозяйстве.

В ходе глобализации формируются экономики открытого типа. Если рассматривать открытость экономики с точки зрения модификации задач, стоящих перед государственной экономической политикой, то важнейшей характеристикой открытой экономической системы является наличие при проведении такой политики *значительных внешнеэкономических ограничений*.

В этих условиях макроэкономическое равновесие может быть нарушено в результате действия внешнеэкономических факторов. Поэтому, с одной стороны, решение задачи обеспечения внутреннего экономического равновесия требует координации внутренней и внешнеэкономической политики. С другой стороны, в условиях открытой экономики внешнее равновесие имеет важнейшее макроэкономическое значение и должно также входить в число приоритетных целей государственной экономической политики.

Теоретические основания исследования. Теоретические аспекты анализа особенностей проведения макроэкономической политики в открытой экономике связаны с оценкой возможности согласования внутреннего и внешнего макроэкономического равновесия.

В экономической науке во второй половине XX в. сформировались различные теоретические подходы к решению этой проблемы. Один из них основывается на кейнсианском подходе, предполагающем, что в краткосрочном периоде изменение совокупного спроса путем использования номинальных инструментов макроэкономической политики (например, уровня номинального обменного курса или величины государственных расходов) может оказывать воздействие на реальные величины (например, реальный ВВП или физические объемы внешней торговли) [Swan, 1963].

Альтернативный вариант представлен в рамках монетаристского подхода к платежному балансу. Суть этого подхода заключается в том, что нарушение внешнего равновесия (дефицита по текущим операциям платежного баланса) может порождаться изменением спроса на деньги или предложения денег, что приводит к изменению процентной ставки и, соответственно, потоков капитала. В этом случае денежно-кредитная политика становится важнейшим инструментом восстановления равновесия платежного баланса [Frenkel, Johnson, 1976].

Для правильного выбора адекватных средств достижения эффективной координации внутренней в внешнеэкономической политики с целью согласования внутреннего и внешнего макроэкономического равновесия важным является концептуальное разделение экономики на отрасли, производящие товары, реализуемые на внешнем рынке, и отрасли, продукция которых в сферу внешнеторгового оборота не поступает[143]. Если абстрагироваться от транспортных издержек, то

[143] В англоязычной экономической литературе для обозначения этих двух групп товаров используются общепринятые термины «*traded goods*» (или «*tradables*») и «*non-traded goods*» (или «*non-tradables*»). В русскоязычной экономической литературе устоявшегося перевода этих терминов пока нет.

в современных условиях все большего снижения внешнеторговых барьеров внутренние цены на товары, являющиеся объектом международной торговли, не должны существенно отклоняться от мировых цен. С этой точки зрения, важное отличие товаров, не реализуемых на внешнем рынке, состоит в том, что их цены определяются соотношением спроса и предложения на внутреннем рынке.

Величина экспорта страны определяется избыточным предложением экспортируемых товаров по сравнению с внутренним спросом на них, а величина импорта определяется избыточным спросом на импортируемые товары по сравнению с их производством отечественными производителями. Предполагая, что на рынке товаров, не являющихся объектом международной торговли, существует примерное равновесие (т.е. спрос на эти товары равен предложению), можно сделать вывод, что при дефиците счета текущих операций в экономике наблюдается общий избыток внутреннего спроса: совокупные внутренние расходы превышают величину совокупного дохода. Из этого следует, что для уменьшения дефицита по текущим операциям важным условием является сокращение уровня совокупных внутренних расходов путем проведения ограничительной бюджетно-налоговой или денежно-кредитной политики.

Исследование: основная часть. Рассмотрим особенности проведения макроэкономической политики в современной открытой экономике на примере решения проблемы, ставшей за последнее время очень острой для многих стран — государственного долга.

Сегодня многие развитые страны имеют огромный государственный долг, нередко превышающий размеры ВВП. Так, в 2015 г. государственный долг США составил 105% ВВП, а Японии — 248% ВВП[144].

Но особенно ярко эта проблема в последние годы проявилась в странах зоны евро, многие из которых уже давно нарушают так называемые Маастрихтские критерии, согласно которым для вступления страны в еврозону дефицит бюджета у нее не должен превышать 3% ВВП, а государственный долг должен быть менее 60% ВВП. Так, в 2015 г. размер государственного долга у Испании составил 100% ВВП, Бельгии — 106%, Кипра — 108%, Португалии — 129%, Италии — 132% ВВП, Греции — 177%. В среднем для зоны евро этот показатель составил 93%. Причины этих проблем, в целом, понятны: отсутствие при проведении правительством экономической политики должной финансовой

[144] Здесь и далее статистические данные приводятся по «International Monetary Fund, World Economic Outlook Database» (http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/02/weodata/index.aspx)/

дисциплины и ответственности, что приводит к неоправданному раздуванию государственных расходов и, соответственно, к формированию значительного бюджетного дефицита, ставшего хроническим.

У некоторых стран зоны евро (например, Греции) размер долга настолько велик, что реальной стала проблема неспособности обслуживать свою задолженность, что ставит их на грань дефолта и возможного последующего выхода из Европейского валютного союза. Путь решения долговой проблемы, на первый взгляд, очевиден: переход к политике жесткой бюджетной экономии. В этом направлении в последние годы и развиваются события.

Однако, не секрет, что реализация такой политики дело крайне непростое. Резкое сокращение государственных расходов в странах-должниках неизбежно затрагивает социально чувствительные статьи бюджета, что провоцирует существенный рост социальной и, следовательно, политической напряженности в стране.

Однако решение долговой проблемы на практике оказывается даже более трудной задачей, если учесть особенности экономического положения, в котором оказались страны-должники.

Проблема государственного долга у многих стран зоны евро серьезно обострилась после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. И это вполне естественно: государственный долг представляет собой накопленный бюджетный дефицит, а в условиях кризиса и снижения уровня совокупного дохода соответственно сокращаются и налоговые поступления в казну, что автоматически приводит к увеличению дефицита и, следовательно, долга.

Однако кризис лишь способствовал обострению долговой проблемы, а ее причины надо искать глубже. Достаточно обратить внимание на наличие не только фактического, но и структурного дефицита государственного бюджета у всех стран зоны евро, при расчете которого устраняется влияние циклических колебаний экономики, т.е. оценивается вероятное состояние бюджета при условии, что в экономике достигнута полная занятость и величина ВВП соответствует своему потенциальному значению. Так, средний уровень структурного дефицита бюджета за период 2009–2015 гг. в Греции составил 6,6% потенциального ВВП, в Испании — 5,3%, в Португалии — 4,4%.

Разбалансированность государственных финансов у многих стран еврозоны имеет место в течение длительного периода времени, и наличие существенного и, что самое главное, ставшего хроническим структурного дефицита свидетельствует о том, что накопились структурные проблемы и нарушилось внутреннее макроэкономическое равновесие.

Состояние внутреннего равновесия в целом определяется как такое состояние экономики, когда полностью используются имеющиеся ресурсы и, соответственно, достигнута полная занятость. Однако проведение вынужденной жесткой фискальной политики сокращения государственных расходов и повышения налогов, необходимой для уменьшения дефицита государственного бюджета, неизбежно приводит к дальнейшему сжатию внутреннего спроса и росту безработицы, т.е. усугубляет внутреннее неравновесие, что мы и наблюдаем. Так, восстановление мировой экономики после финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в большинстве стран сопровождался снижением уровня безработицы. В среднем в развитых странах с 2009 по 2015 г. уровень безработицы снизился с 8,1% до 6,7%. Однако в странах-должниках мы наблюдаем противоположную тенденцию. С 2009 г. по 2015 г. безработица в Италии выросла с 8 до 12%, в Испании с 17 до 22%, в Португалии на с 8 до 13%, на Кипре с 5 до 15%, в Греции на с 9 до 25%. Решать проблему государственного долга в этих условиях еще труднее и экономически, и политически.

Но важно подчеркнуть, что в открытой экономике проблема внутреннего макроэкономического неравновесия вообще и государственного долга в частности не может быть эффективно решена без учета состояния внешнего макроэкономического равновесия.

Проблема внешнего макроэкономического равновесия связывается с определенным состоянием платежного баланса страны в целом и, особенно, счета текущих операций. В зависимости от конкретных проблем, стоящих перед экономикой, *желательным* (и в этом смысле *равновесным*) может быть наличие как дефицита, так и активного сальдо баланса текущих операций.

Если у страны значительные размеры внешней задолженности, желательным (и в этом смысле равновесным) становится наличие положительного сальдо по текущим операциям. До тех пор, пока у страны имеется дефицит счета текущих операций, национальные сбережения оказываются меньше валовых внутренних инвестиций, и, поэтому, данная страна фактически является заемщиком и ее внешний долг нарастает. Из этого следует, что решение проблемы внешнего неравновесия, т.е. хронического отрицательного сальдо счета текущих операций платежного баланса является важной составной частью решения общей долговой проблемы страны наряду с устранением дефицита государственного бюджета.

Иными словами, решению проблемы государственного долга стран зоны евро могло бы помочь наличие у них положительного сальдо ба-

ланса текущих операций. Однако применительно к рассматриваемым странам мы имеем дело ситуацией так называемого двойного дефицита (*twin deficit*), когда хронический дефицит государственного бюджета сопровождается столь же хроническим дефицитом счета текущих операций платежного баланса. У Греции счет текущих операций сводится с дефицитом с 1980 г. (размер дефицита в разные годы составлял до 15% ВВП), у Кипра дефицит по текущим операциям имеет место с 1995 г. (размером до 16% ВВП), у Португалии с 1990 по 2013 г. (до 13% ВВП), у Испании с 1987 по 2012 г. (до 10% ВВП) и т.д.

Итак, мы видим, что в странах-должниках зоны евро накопился целый букет серьезных макроэкономических проблем. Наличие огромного государственного долга сопровождается нарушением как внутреннего, так и внешнего макроэкономического равновесия. В этих условиях требуется соответствующая координация мер внутренней и внешней экономической политики, поскольку необходимо изменить состояние не только государственного бюджета, но и платежного баланса.

Экономическая наука утверждает, что нельзя решить две макроэкономические задачи — восстановление и внутреннего, и внешнего равновесия, — используя лишь один инструмент макроэкономической политики. Этот принцип был первоначально сформулирован в виде концепции «две цели — два инструмента», которая была предложена видным английским экономистом, лауреатом Нобелевской премии по экономике Дж. Мидом [Meade, 1951]. Более полное обоснование этот принцип получил в трудах другого Нобелевского лауреата голландского экономиста Я. Тинбергена, который показал, что количество инструментов макроэкономической политики должно быть не меньше числа целей политики, для достижения которых эти инструменты используются [Tinbergen, 1952].

Причем вопрос заключается не только в количестве используемых инструментов, но и в их характеристиках. Нельзя одновременно добиться внешнего и внутреннего равновесия без использования по крайней мере двух разных по характеру воздействия на экономику вариантов политики: наряду с политикой сокращения расходов (*expenditure-reducing policy*) необходимо использовать политику, способную увеличить спрос (как внутренний, так и внешний) на отечественные товары и услуги, не увеличивая при этом совокупные внутренние расходы на все товары и услуги (как отечественные, так и импортные). Подобный результат может быть достигнут путем проведения так называемой политики переключения расходов (*expenditure-switching policy*), нацелен-

ной на изменение относительных цен иностранных и отечественных товаров как для резидентов, так и для нерезидентов[145].

Политика сокращения расходов реализуется путем проведения сдерживающей бюджетно-налоговой или денежно-кредитной политики. Политика переключения расходов может осуществляться путем использования внешнеэкономической политики: корректировки обменного курса, а также мер внешнеторгового регулирования.

Если проводится политика сокращения государственных расходов, то это позволяет сократить дефицит государственного бюджета и в то же время уменьшить внутренний спрос и таким образом ограничить импорт, стимулировать экспорт, т.е. улучшить состояние счета текущих операций. Но за это придется заплатить сокращением объемов производства, ростом безработицы, т.е. углублением внутреннего макроэкономического неравновесия. Сокращение государственных расходов означает свертывание ряда государственных программ, а значит, и отказ от достижения целей, которые стояли перед этими программами. Увеличение налогов или урезание субсидий может нанести ущерб уровню жизни населения и спровоцировать социальную и политическую напряженность в обществе.

Если же политика сокращения расходов реализуется путем проведения сдерживающей денежно-кредитная политики, то это приведет к повышению процента и сокращению частных инвестиций, что может негативно сказаться на долгосрочных тенденциях экономического роста.

Пример Греции в данном случае очень нагляден. За последние 6 лет государственные расходы в Греции были сокращены на 29%, в результате размер структурного дефицита бюджета удалось уменьшить с 18 до 2,5% ВВП, а дефицит счета текущих операций, составлявший около 40 млрд долл., практически сведен к нулю. Но при этом ВВП Греции сократился на 23%, а уровень безработицы возрос с 9 до 25%.

Принципиальное различие между политикой сокращения расходов и политикой переключения расходов состоит в том, что в первом случае улучшение счета текущих операций (достижение внешнего равновесия) происходит путем снижения уровня совокупного дохода и занятости (нарушения внутреннего равновесия), тогда как во втором случае восстановление внешнего равновесия сопровождается ростом дохода и занятости.

Если, например, удается понизить курс национальной валюты, то относительные цены импортных товаров повышаются и спрос переклю-

[145] Концепция политики «переключения расходов» была впервые предложена английским экономистом Г. Джонсоном [Johnson, 1958],

чается на отечественную продукцию. Ее производство растет, уровень безработицы снижается и, в то же время, улучшается состояние счета текущих операций, что позволяет сокращать внешний долг.

Важно подчеркнуть, что в результате использования политики переключения расходов стимулируются позитивные изменения в структуре производства и внутренних расходов. В сфере производства ресурсы начинают перемещаться в отрасли, производящие экспортируемые товары и товары, конкурирующие с импортом. Другими словами, политика переключения расходов воздействует на среднесрочные и долгосрочные тенденции развития экономики.

Обратим, однако, внимание, что использование только политики переключения расходов само по себе также не дает необходимых результатов. Рост цен на импортные товары неизбежно приведет к повышению темпов инфляции. Инфляция, нежелательная сама по себе, кроме того, подрывает процесс восстановления внешнего равновесия. Повышение внутренних цен приводит к росту реального обменного курса национальной валюты, и это через некоторое время сводит на нет результаты политики переключения расходов.

Поэтому, чтобы быть действенной с точки зрения поставленных целей, политика переключения расходов должна сочетаться с политикой сокращения расходов, которая, сдерживая рост спроса, не дает раскручиваться инфляционной спирали.

Результаты исследования. Экономическая наука предлагает рецепт лечения тяжелых экономических недугов стран с высоким уровнем задолженности и с двойным дефицитом: разумное сочетание политики сокращения расходов и политики переключения расходов позволяет сократить дефицит бюджета, увеличить экспорт, сократить импорт, улучшить состояние платежного баланса и таким образом снизить как внутренний, так и внешний долг. Более того, при проведении такой политики одновременно начинают решаться структурные проблемы экономики, и, следовательно, создается фундамент для нормального развития в будущем.

Анализ результатов. В целом, анализ проблемы согласования целей государственной макроэкономической политики показывает, что внутреннее и внешнее равновесие могут быть достигнуты, однако большое значение при решении этой задачи имеет выбор инструментов макроэкономической политики и их скоординированное использование.

Вместе с тем, попытки использования теоретических рекомендаций на практике могут наталкиваться на серьезные препятствия. Проблема в том, что по мере развития процессов глобализации и либерализации

мирохозяйственных связей возможности использования инструментария политики переключения расходов резко сокращаются. В рассматриваемом случае, с одной стороны, страны еврозоны не имеют своей национальной валюты, а значит, проводить самостоятельную валютную политику они не могут. С другой стороны, все они являются членами ВТО, и проведение активной протекционистской внешнеторговой политики, направленной на ограничение импорта и стимулирование экспорта, неизбежно вступит в противоречие с нормами и правилами этой организации.

Есть ли выход из этой ситуации? Очевидно, есть, поскольку состояние счета текущих операций платежного баланса и особенно объемы экспорта и импорта товаров и услуг зависят от динамики не номинального, а реального валютного курса. Другими словами, для того чтобы достичь цели переключения расходов и устранить дефицит счета текущих операций платежного баланса, надо понизить реальный валютный курс.

Реальный валютный курс зависит, как известно, от номинального валютного курса и уровня цен (издержек производства). Поскольку номинальный валютный курс (курс евро) страны-должники понизить не могут, значит, для снижения реального валютного курса надо уменьшать затраты труда на единицу продукции, т.е. повышать эффективность производства.

Другими словами, достижение макроэкономической сбалансированности и решение долговой проблемы тесно связано с необходимостью решения среднесрочных и долгосрочных экономических проблем путем проведения политики воздействия не на совокупный спрос, а на совокупное предложение. Повышение эффективности работы экономики, структурные преобразования, ускорение темпов роста представляют собой лучший способ решения проблем задолженности и платежного баланса, позволяющий избежать принятия чрезмерно жестких стабилизационных мер по сокращению внутреннего спроса, которые могут быть неприемлемыми для правительства по политическим или социальным причинам. Очевидно, что достижение целей макроэкономической политики в этом случае потребует немалого времени.

Однако надо иметь в виду, что на экономическую политику, проводимую государством, огромное влияние оказывают особенности чисто политического процесса. Правительство функционирует обычно в среднесрочном или даже в краткосрочном периоде, т.е. в лучшем случае от выборов до выборов (президентских или парламентских), а в условиях политической нестабильности, характерной для многих

стран, и того меньше[146]. Следовательно, экономическая политика разрабатывается и реализуется, как правило, исходя из краткосрочных задач, стоящих перед страной, что существенно ограничивает возможности правительства эффективно добиться восстановления внутреннего и внешнего макроэкономического равновесия.

Заключение. В открытой экономике проблема внутреннего макроэкономического неравновесия вообще и государственного долга в частности не может быть эффективно решена без учета состояния внешнего макроэкономического равновесия. До тех пор, пока у страны имеется дефицит счета текущих операций, национальные сбережения оказываются меньше валовых внутренних инвестиций, и, поэтому, данная страна фактически является заемщиком и ее внешний долг нарастает.

В этих условиях требуется координация мер внутренней и внешней экономической политики, поскольку необходимо изменить состояние не только государственного бюджета, но и платежного баланса.

Нельзя одновременно добиться внешнего и внутреннего равновесия без использования по крайней мере двух разных по характеру воздействия на экономику вариантов политики: наряду с политикой сокращения расходов, позволяющей снизить дефицит государственного бюджета и сократить импорт, необходимо использовать политику переключения расходов, нацеленную на изменение относительных цен иностранных и отечественных товаров.

Вместе с тем, достижение макроэкономической сбалансированности и решение долговой проблемы тесно связано с необходимостью решения долгосрочных экономических проблем путем проведения политики воздействия не на совокупный спрос, а на совокупное предложение.

Однако в современных условиях складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, не подлежит сомнению, что по мере углубления процессов интеграции и глобализации внешнеэкономические факторы оказывают все более мощное воздействие на функционирование национальных экономик. С другой стороны, инструментарий воздействия на эти внешнеэкономические факторы по мере развития интеграционных процессов и либерализации мирохозяйственных связей становится более ограниченным. А на осуществление долгосрочной структурной политики, которая позволила бы надежно решать

[146] Так, в Италии за последние 40 лет премьер-министры менялись 25 раз (средний срок «жизни» правительства — 1,6 года), в Японии — 23 раза, в Греции — 17 раз, во Франции — 16 раз.

накопившиеся макроэкономические проблемы, у правительства часто просто нет времени.

Из этого следует очевидный вывод. В условиях глобализации и открытости экономики к политике, проводимой правительством, должны предъявляться гораздо более жесткие требования с точки зрения ее взвешенности, финансовой дисциплины, ответственности и учета долгосрочных последствий, поскольку исправлять допущенные ошибки сегодня существенно сложнее, чем раньше.

Литература

1. Frenkel J. A., Johnson H. G.. The Monetary Approach to the Balance of Payments. — L., Allen & Irwin, 1976. — 384 p.
2. Johnson H. G. International Trade and Economic Growth: Studies in Pure Theory. — London.: Allen & Unwin, 1958. — 204 p.
3. Meade J. E.. The Balance of Payments. — London: Oxford University Press, 1951. — 422 p.
4. Swan T. W.. Longer Run Problems of the Balance of Payments / The Australian Economy: A Volume of Readings. Ed. by H.Arndt and W.Max Corden. — Melbourne, 1963. — P. 384–395.
5. Tinbergen J.. On the Theory of Economic Policy. — Amsterdam: North Holland, 1952. — 78 p.

PROBLEMS OF MACROECONOMIC POLICY IMPLEMENTATION IN AN OPEN ECONOMY

A.V. Kholopov

Summary. *The article analyses the problems of macroeconomic policy implementation in an open economy with internal and external imbalances (substantial government debt and current account deficit). External balance and internal balance cannot be simultaneously achieved without employing at least two separate policies: expenditure-reducing policy and expenditure-switching policy.*

Keywords: *macroeconomic policy, government debt, budget deficit, internal balance, external balance, balance of payments, current account, expenditure-reducing policy, expenditure-switching policy*

References

1. Frenkel J. A., Johnson H. G.. The Monetary Approach to the Balance of Payments. — L., Allen & Irwin, 1976. — 384 p.
2. Johnson H. G. International Trade and Economic Growth: Studies in Pure Theory. — London.: Allen & Unwin, 1958. — 204 p.

3. Meade J. E.. The Balance of Payments. — London: Oxford University Press, 1951. — 422 p.
4. Swan T. W.. Longer Run Problems of the Balance of Payments / The Australian Economy: A Volume of Readings. Ed. by H.Arndt and W.Max Corden. — Melbourne, 1963. — P. 384–395.
5. Tinbergen J.. On the Theory of Economic Policy. — Amsterdam: North Holland, 1952. — 78 p.

Информация об авторе

А. В. Холопов

Доктор экономических наук, профессор, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД РФ.

E-mail: akholopov@mgimo.ru

A.V. Kholopov

Doctor of Economics, Professor,

Dean of the School of International Economic Relations MGIMO (University) of the MFA of the Russian Federation.

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА КАК ИНСТРУМЕНТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

В. А. ШУПЕР

Аннотация. *Результаты президентских выборов в США 8 ноября 2016 г., референдум по Brexit, ставшие свидетельством критического отрыва глобализировавшихся элит от широких народных масс своих стран, — закономерный результат чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства. Последнее сложилось как единое целое в середине XIX в. Первая глобализация, — Pax Britannica — во многих существенных отношениях даже более глубокая, чем вторая, продолжалась до 1914 г. Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов. Второй глобальный интеграционный цикл, т.е. нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошёл в историю как Pax Americana. За его окончание можно условно принять 2008 г. Можно предположить, что через 15–20 лет начнётся третий глобальный интеграционный цикл, Pax Sinensis.*

*Происходящие процессы свидетельствуют не только об углубляющемся расколе в мире и крупнейших странах Запада, но и о сугубо служебной роли идеологии по отношению к геополитике. До подобной служебной роли низводится и наука, чему ярчайший пример — борьба с потеплением климата, ведущаяся, несмотря на то, что с 1998 г. средняя планетарная температура вообще не растёт. Серьёзные модели предсказывают начало похолодания между 2030 и 2040 гг., сопоставимого с малым ледниковым периодом, который был во второй половине XVII в. Решение Д. Трампа положить конец климатической истерии — удар по постмодернизму, философии безответственности и бесчестья, предполагающей отказ от самог**о** понятия объективной истины. Чисто идеологический характер носит и концепция устойчивого развития, невозможного даже теоретически. Она стала ответом «политического класса» на резкое замедление экономического роста*

в результате деиндустриализации развитых стран в результате глобализации.

Интеллектуальный провинциализм заставляет Россию играть в поддавки со своими геополитическими соперниками, вместо того, чтобы использовать их крайнюю идейную слабость. Подобная политика достойна только внутренних эмигрантов, не желающих признать провал четвертьвековых попыток интегрировать Россию в глобальный Запад. Догоняющее/обгоняющее развитие России требует ревизионизма по всем азимутам. Необходимо возродить идеологию просвещённого патриотизма, чтобы заимствовать на Западе только то, что действительно полезно для развития страны, и упорно стремиться обогнать геополитических соперников в области образования и науки. Следует отказаться от постмодернизма с его постдемократией и цензурой политкорректности. Начало третьего модерна в XXI в. — нового Нового времени для незападных стран, развитие которых подрывает многие представления об универсальности модернизации, её линейном характере, о чём пишет В. Г. Федотова, создаёт для России возможности выйти на лидирующие позиции среди незападных стран. Наша страна сумеет успешно ими воспользоваться только в случае основательной и длительной подготовки на протяжении двух-трёх десятилетий.

Ключевые слова: *интеграционные и дезинтеграционные циклы, геополитика, ревизионизм, наука*

Введение. Результаты президентских выборов в США 8 ноября 2016 г., как и референдум по Brexit 23 июня 2016 г. и конституционный референдум в Италии 4 декабря 2016 г., стали для широкой общественности свидетельством критического отрыва глобализировавшихся элит от широких народных масс своих стран, утративших доверие к ним и не связывающих более с ними надежд на улучшение жизни. Было много предвестников у этого тектонического сдвига, наиболее значительный — провал проекта Европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г. Однако тогда конституцию перелицевали в договор, а о неприятных референдумах решили не вспоминать, надеясь, что всё само образуется, а народы ведущих европейских стран осознают пользу углубления интеграции при прогрессирующем отказе от национального суверенитета. Между тем неразумные народы так ничего и не осознали. Это не должно было стать сюрпризом для европейских политиков, но, тем не менее, стало им.

Глобальные интеграционные и дезинтеграционные циклы. Такой ход событий — закономерный результат чередования интеграци-

онных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства[147]. Последнее сложилось как единое целое в середине XIX в., когда электрический телеграф сделал возможным обмен информацией между биржами в режиме реального времени. Поскольку Англия производила в середине XIX в. половину мировой промышленной продукции, она стала лидером этого интеграционного цикла, продолжавшегося до 1914 г. Он и вошёл в историю как *Pax Britannica*. При этом первая глобализация была во многих существенных отношениях даже более глубокой, чем вторая. Достаточно отметить, что визы были изобретены только после Первой мировой войны. В мире, ощетинившемся границами, счастливые дети первой глобализации вспоминали как сладкий сон свои кругосветные путешествия, совершённые с визитной карточкой как единственным удостоверением личности.

Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов, рассмотрение которых далеко выходит за пределы этих кратких заметок. Отметим лишь, что второй глобальный интеграционный цикл, т.е. нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошёл в историю как *Pax Americana* (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять апогей нынешнего кризиса, а именно 2008 г. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны). Можно предположить, что лет через 15–20 начнётся третий глобальный интеграционный цикл, но это будет уже интеграция вокруг другого лидера. Пока просматривается только *Pax Sinensis*. При этом лидерство впервые за последние 500 лет уйдёт за пределы глобального Запада.

Наука на службе у геополитики. Между тем из происходящего следует сделать значительно более серьёзные выводы, нежели просто осознание углубляющегося раскола в современном западном обществе. Скорее всего, это одно из проявлений каких-то глубинных процессов, происходящих в современном мире. Именно они вынуждают нас к пониманию *сугубо служебной роли идеологии по отношению к геополитике*. В противном случае Россия уже давно была бы полноправным

[147] Исследования цикличности интеграционных процессов были начаты в конце 70-х гг. в Институте географии АН СССР Б.Н. Зиминым (1929–1995) и продолжены Л.М. Синцеровым [Размещение производства…, 2003; Синцеров, 2000].

членом семьи цивилизованных народов. Заместитель директора Института США и Канады РАН генерал-майор в отставке П.С. Золотарёв сообщил в программе «Открытая студия» интернет-издания «Свободная Пресса» 10 ноября 2016 г., что все три российских президента стремились привести Россию в НАТО [Золотарёв, 2016].

К огромному несчастью, до подобной служебной роли низводится и наука, чему весьма способствуют её финансирование с помощью грантов, при котором конкурс результатов подменяется конкурсом обещаний, а цель исследования достигается ещё до его начала, равно как и оценка научных достижений с помощью всевозможных пошлых индексов, грубо искажающая ценностную ориентацию учёных. Надувательством всемирно-исторического масштаба следует считать борьбу всего прогрессивного человечества против потепления климата, о чём мы уже писали [Шупер, 2008]. К этому можно только добавить, что с 1998 г. средняя планетарная температура вообще не растёт. Между тем и тогда, когда она росла, серьёзные географы и климатологи — академики Ю.А. Израэль (1930–2014), В.М. Котляков, член-корр. РАН А.П. Капица (1931–2011) — указывали на совершенную недостаточность научных оснований для вывода об антропогенной природе потепления, тем более что любые оценки природной эмиссии CO_2 вообще крайне ненадёжны. Ю.А. Израэль никогда не называл в печати А. Гора жуликом, но всегда подчёркивал, что не желает с ним иметь ничего общего [Медведев, 2010].

Представляют особый интерес математические модели, предсказывающие серьёзное похолодание между 2030 и 2040 гг., вплоть до наступления малого ледникового периода, сходного с тем, который был во второй половине XVII в. К таким моделям следует относиться сугубо серьёзно, поскольку проверяются они с помощью ретроспективного прогноза, а анализ кернов льда в Антарктиде уже позволил определить ход температуры за последние 550 тыс. лет. Только катастрофическое падение интеллектуального уровня в результате манипулирования общественным сознанием могло заставить людей забыть и о похолодании 70-х гг. XX в., когда огромную тревогу прогрессивной общественности вызывал надвигающийся голод, и борьбу с разрушением озонового слоя в результате эмиссии фторхлоруглеродов, которая оказалась глупостью на 100%. Старый романтик науки В.М. Котляков вдохновенно рассказывал автору, сидя на своём директорском столе, о том, как в Альпах отступают ледники и обнажаются древние римские дороги. Климат нашей планеты менялся всегда и всегда будет меняться. А.Ю. Ретеюм получил корреляцию 0,8 между средней планетарной температурой и скоростью вращения Земли вокруг своей оси.

Решение Д. Трампа положить конец климатической истерии во всех её формах[148], включая и глубоко убыточное производство энергии из возобновляемых источников, это не только элементарное уважение к налогоплательщикам и рачительность в использовании бюджетных средств. Это даже больше, чем удар по идеологии политических соперников. Это удар по постмодернизму, философии безответственности и бесчестья, предполагающей отказ от самог***о*** понятия объективной истины. Не так давно автор спросил одного из наших ведущих специалистов в области экономики природопользования, действительно ли он верит в потепление климата, и получил примерно такой же ответ, какой получил бы тридцать лет назад, спросив этого учёного, верит ли он в коммунизм как светлое будущее всего человечества.

Значительно более содержательный ответ дал С. А. Караганов на вопрос о том, почему Китай продолжает играть во все эти нелепые климатические игры, в которых совершенно не заинтересован: «Сейчас мудрость китайского руководства заключается в том, что они, бросая де факто вызов старому миру, пытаются как можно больше углов заштриховать и сделать вид по большому количеству вопросов, что они согласны. Это мудрая политика» [Караганов, 2015]. Китай действительно за последние тридцать лет выиграл невероятно много, играя по западным правилам, а потому не хочет портить эту игру. Куда труднее понять, в чём мудрость нашей политики, какими огромными выигрышами наше руководство может оправдать действия, с очевидностью идущие в разрез с интересами страны.

Ведущие отечественные учёные, включая Ю. А. Израэля и В. М. Котлякова, обратились в своё время к В. В. Путину с письмом, в коем подробно разъяснялось несоответствие присоединения к Киотскому протоколу экономическим интересам страны. Однако победила точка зрения А. Б. Чубайса, предполагавшего заработать на торговле квотами. Доход от этой торговли оказался просто смешным. В прошлом году Россия присоединилась к Парижскому соглашению по климату, хотя пока не ратифицировала его. По мнению серьёзных специалистов, углубление международного сотрудничества в борьбе с потеплением климата приведёт к тому, что России придётся платить за каждую тонну эмиссии CO_2 сверх установленного для страны уровня (сейчас в дискурсе фигурируют $15). Объяснить подобную сюрреалистическую ситуацию

[148] «Дональд Трамп ищет способ в скорейшие сроки вывести США из Парижского соглашения по климату… По словам источника из транзитной группы по энергетике и климату, Трамп занимается поиском обхода процедуры по выходу из соглашения, которая занимает четыре года» [СМИ…, 2016].

можно только приняв допущение, что политика государства в некоторых существенных областях проводится внутренними эмигрантами, ставящими интересы Запада выше национальных.

Идеологические функции «устойчивого развития». Всемирную борьбу с потеплением климата никоим образом нельзя считать просто массовым заблуждением, это лишь один из ядовитых плодов в огромной корзине постмодернизма. Концепция устойчивого развития, преподаваемая в некоторых европейских странах даже в школах, такая же чисто идеологическая конструкция, как и марксизм-ленинизм, только значительно более низкого интеллектуального уровня. В. Л. Бабуриным было убедительно показано, что устойчивое развитие как неистощительное природопользование невозможно даже теоретически. Действительно, можно, например, поддерживать плодородие почв, но для этого надо применять усовершенствованные и, зачастую, более затратные методы пахоты, вносить удобрения, использовать севообороты и т.д. Соответственно и «устойчивое развитие» возможно только в открытой системе, в которую вещество и энергия поступают извне. Земля же открытая система только по энергии [Бабурин, 2011]. Загрязнения, кстати, тоже хорошо бы сливать куда-то вовне. Именно эта модель отчасти реализуется в странах «золотого миллиарда» путём выноса грязных производств. Использование электростанций, работающих на солнечной энергии, или электромобилей позволяет снизить загрязнение в высокоразвитых странах за счёт его увеличения в развивающихся, где выплавляются металлы для солнечных батарей и аккумуляторов. Эти производства относятся к наиболее экологически опасным. Внедрение этилового спирта в качестве топлива гонит вверх цены на продовольствие (кроме Бразилии, где спирт — побочный продукт переработки сахарного тростника), от чего страдает в первую очередь самая бедная часть человечества. Впрочем, устойчивое развитие как sustainable development с очевидностью не наблюдается и в высокоразвитых странах. Если последний кризис — это устойчивое развитие, то какое же считать неустойчивым? Между тем ещё в 1990-е гг. Д. И. Люри доказал, что высокая цена на ресурс в принципе исключает возможность его рационального использования [Анатомия кризисов, 1999].

У «устойчивого развития» есть очень важная идеологическая функция. Три десятилетия после Второй мировой войны ознаменовались достаточно высокими темпами экономического роста, составлявшими 4–5% в год, как для стран Западной Европы, так и для США. В историю Франции этот период даже вошел под названием «Славного тридцатилетия». С середины 70-х годов темпы стали резко снижаться, во Франции

они опустились до 1,8% в год за период 1985–2010 гг., что было связано в первую очередь с выводом промышленности в страны третьего мира. Именно тогда неожиданно возросло внимание к проблемам качества окружающей среды, а в 1987 г. с подачи Г. Х. Брундтланд появилась концепция устойчивого развития — такого развития, которое сохраняет качество окружающей среды для настоящего и будущего поколений. Между тем выход на первый план экологических проблем стал возможен именно потому, что промышленные группы во все возрастающей степени выносили «грязные» производства за пределы высокоразвитых стран.

Таким образом, появился спрос на идеологию, утверждающую необходимость трансформации количественного роста в качественный, избирателей убеждали в том, что они выигрывают в качестве жизни, а не в материальном потреблении. Между тем очевидным следствием такого развития стал продолжающийся рост безработицы, формирование устойчивых групп населения, исключенных из общественного производства, и потому имеющих совершенно иные представления о качестве жизни. Следует считать трагическим заблуждением признание права на качественную окружающую среду приоритетным по отношению к праву на труд, утверждают два французских профессора-вольнодумца, опубликовавшие очень резкую книгу [Брюне, Гишар, 2012].

Закат постмодернизма и модернизация России. Победа Д. Трампа — лишь одно из многочисленных проявлений обрушения фальшивого мира постмодерна. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что их будет всё больше. Если демократия — это всегда диспут, как писал К. Лэш (1932–1994), мужественно отказавшийся от химиотерапии, чтобы в полную силу работать над своей последней книгой [Лэш, 2002], то постдемократия исключает диспут, заменяя его политкорректностью. Постепенно формируется довольно гнусный мир, в котором опасно говорить правду, в котором интересы одних людей защищаются в ущерб фундаментальным правам других, ничуть не менее достойных и гораздо более многочисленных, в котором попираются даже самые фундаментальные принципы, на которых зиждется цивилизация, например, презумпция невиновности. Этот мир построен по лекалам временщиков, убедивших себя в «конце истории», его уязвимость для критики запредельна. Он стал неуютным даже для доброй половины жителей США, уставших чувствовать себя виноватыми в том, что они белые, да ещё зачастую и мужчины, придерживаются традиционной сексуальной ориентации и т.д. и т.п. В статье Ю. Аммосова убедительно показано, почему избиратели проголосовали против т.н. политики идентичности, много лет активно внедрявшейся демократической партией [Аммосов, 2016].

Более всего печалит наш интеллектуальный провинциализм. Вместо того чтобы максимально использовать страшную идейную слабость наших геополитических соперников, мы подобострастно играем с ними в поддавки, как будто ещё надеемся быть принятыми в семью цивилизованных народов. Распад этой прекрасной семьи куда более вероятен, нежели наше в ней членство. Догоняющее/обгоняющее развитие России требует ***ревизионизма по всем азимутам***. В советские времена нас учили, что компромиссы возможны в области политики, в области экономики, но не в области идеологии, и это следует считать правильным. Проявляя разумную сдержанность и осмотрительность в первых двух областях, соизмеряя реакцию на различные вызовы не только с их силой, но и с возможностями страны, следует вести с Западом тотальную идеологическую борьбу, поскольку она для нас не чревата никакими дополнительными осложнениями и будет явно не безуспешной. Вместо этого мы наблюдаем сервильное следование отбрасываемым уже и в США представлениям об антропогенной природе потепления климата, высоколобые, но безмозглые рассуждения об устойчивом развитии и т.п.

«Проблема модернизации прошла ряд исторических трансформаций — отмечает В. Г. Федотова — от *целостного процесса трансформаций всего общества* на Западе с начала Нового времени и построения первой либеральной современности XIX в.; через кризис к догоняющей модели модернизации незападных стран и второй организованной (социал-демократией, техникой, технократией и бюрократией) современности Запада 1920–1970 гг. Далее — постмодернизм как критика модернизма за его жесткие схемы и споры о дальнейшей возможности „проекта модерна". Далее — внезапный проект 1990-х, ориентированный на первый либеральный модерн в одних посткоммунистических странах и в модернизацию на этнооснове в других. По существу провал, но оставивший свои как негативные, так и «положительные» следы своего рода „расчисткой места", чтобы что-то строить. Начало третьего модерна в XXI в. — нового Нового времени для незападных стран, развитие которых подрывает многие представления об универсальности модернизации, заставляя обратиться к его особенным чертам в каждой стране, а следовательно отказ от „линейной" (термин мне не представляется удачным), скорее догоняющей Запад модели модернизации» [Федотова, 2014, с. 31].

Россия прискорбным образом упустит важный исторический шанс, если не задействует свой научный и культурный потенциал, чтобы выдвинуться на роль интеллектуального лидера незападных стран, подвергая критике ставший крайне уязвимым для нее Запад по всем

возможным направлениям. Между тем это еще и шанс вырваться в лидеры следующей научно-технической революции, имея более передовые образование и науку, что значительно более важно. К историческому прорыву надо готовиться десятилетиями. Эта подготовка с очевидностью требует повышения как образовательного, так и интеллектуального уровня в целом, катастрофически деградировавшего за последние четверть века. Да иначе и быть не могло, коль скоро наши смелые реформаторы были вооружены единственно-научным учением А. А. Фурсенко, которое «заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Соответственно «недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца» [Идеал Фурсенко…, 2012].

Заключение. Беда нашей страны не в том, что у нашс плохая власть. Сомневаться в этом, к сожалению, не приходится, но это полбеды. Беда в том, что те, кто ей противостоит (или делает вид, что противостоит), не лучше, поскольку философия обеих противоборствующих сторон — постмодернизм. Оппозиция гневно обличает власть за постмодернистское обращение с историей [Травин, 2016], однако сама она столь же постмодернистски обращается с географией, да и с историей тоже, когда это соответствует её интересам. При этом оппозиция обнаруживает полную интеллектуальную зависимость от Запада, совершенно безотносительно к тому, зависима ли она от него в финансовом и организационном отношениях. Её уважение к объективной истине проявляется только в узких рамках политкорректности. Она упорно игнорирует предстоящую смену лидера мирового развития по тем же соображениям, что и Запад — в доме приговорённого к повешению не говорят о верёвке.

Не столько даже развитие, сколько выживание любезного отечества требует формирования оппозиции, стоящей на позициях *просвещённого патриотизма*, ставящей во главу угла интересы **своей** страны, самым внимательным образом изучающей весь зарубежный опыт, но оценивающей его в соответствии с собственными представлениями о должном и сущем. Автору не известна другая страна, кроме нашей, в которой лидеры оппозиции постоянно призывают к односторонним уступкам в пользу не вполне дружественных государств — экономическим, политическим, военным и даже территориальным, работают советниками их президентов, призывают руководство других стран к ужесточению политики в отношении своей страны и т.д. и т.п. Желать поражения своей стране во всех возможных состязаниях — это именно свойство внутренних эмигрантов.

Старомодный профессор А. В. Малашенко, один из наших самых глубоких исламоведов, без устали критикует родную страну, ни в коем случае не желая ей поражения в Сирии, либо на внутренних фронтах борьбы с экстремизмом. Доведённый до отчаяния состоянием нашего общества, включая и уровень государственного управления, он заявил, что России нужен свой Трамп: «Трамповидный политик может спасти страну. Увы, такого нет, и не предвидится» [Малашенко, 2016]. Нам не следует впадать в отчаяние. Нам следует готовить «молодых штурманов будущей бури», которые смогут творчески реконструировать страну и последовательно бороться за её место в мире. После провала четвертьвековых попыток осуществить светлую гайдаровскую мечту — сделать Россию скучной страной, хотя изначально было ясно, что, став таковой, Россия будет иметь все недостатки цивилизованных стран без их достоинств, пришло время отказаться от самой идеи транзита. Надо искать другой порт назначения, тем более что в том, в который шли, начинается смута. Но надо быть готовыми к тому, что мы не найдём такого порта и нам придётся строить его самим.

Литература

1. Аммосов Ю. Устали быть всегда виноватыми //ГАЗЕТА.ru, Добавлено 12.11.2016. Режим доступа к газете URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/11/10_a_10319225.shtml (дата обращения: 04.01.2017)
2. Анатомия кризисов. М.: Наука, 1999. 238 с. Гл. VIII и IX.
3. Бабурин В. Л. Легенды и реалии устойчивого развития через призму географии //Известия РАН. Серия географическая, 2011, №4. С. 97–106.
4. Брюне А., Гишар Ж.-П. Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.
5. Золотарёв П. Трамп Европу кормить не будет. /Сайт Совета по внешней и оборонной политике. Добавлено 15.11.2016. Режим доступа URL: http://svop.ru/main/21912/ (дата обращения: 04.01.2017)
6. Идеал Фурсенко в дебрях Амазонки. О разнице между «квалифицированными потребителями» и людьми //Однако. Добавлено 24.03.2012. Режим доступа к журн. URL: http://www.odnako.org/blogs/ideal-fursenko-v-debryah-amazonki-o-raznice-mezhdu-kvalificirovannimi-potrebitelyami-i-lyudmi/ (дата обращения: 04.01.2017)
7. Караганов С. Новый мир — новые правила. /Сайт Совета по внешней и оборонной политике. Добавлено 24.12.2015. Режим доступа URL: http://svop.ru/video/18447/ (дата обращения: 04.01.2017)
8. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.

9. Малашенко А. России нужен свой Трамп. /Эхо Москвы. Алексей Малашенко #Блог Добавлено 09.11.2016. Режим доступа URL: http://echo.msk.ru/blog/malashenko/1871216-echo/ (дата обращения: 04.01.2017)
10. Медведев Ю. Климатгейт. За катастрофическими теориями стоят большие деньги, убеждён академик Израэль //Российская Газета, 14.05.2010 Режим доступа к газете URL: https://rg.ru/2010/05/14/izrael-nauka.html (дата обращения: 04.01.2017)
11. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б. Н. Зимина. М.: Альфа-М, 2003. 176 с.
12. Синцеров Л. М. Длинные волны глобальной интеграции //Мировая экономика и международные отношения, 2000, N 5. С. 56–64.
13. СМИ: Трамп ищет способ вывести США из соглашения по климату // ГАЗЕТА.ru. Добавлено 12.11.2016. Режим доступа к газете URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/11/12/n_9326651.shtml
14. Травин Д. В память царя Ирода. Политолог Дмитрий Травин о постмодернистском обращении с историей //Ведомости, 09.11.2016
15. Федотова В. Г. Дополитическая, политическая и постполитическая культуры как индикаторы исторического этапа модернизации /История модернизации как предмет социально-философского анализа. М.: Институт философии РАН, 2014. С. 26–57.
16. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии, 2008, №12. С. 3–21.

SCIENTIFIC WORLD'S IMAGE AS A TOOL OF GEOPOLITICAL COMPETITION

Shuper V. A.

Abstract. *The results of the US presidential election November 8, 2016, and of the referendum on Brexit, have made evident the critical separation of the globalized elites from the peoples of their countries. This is the natural result of alternation of integration and disintegration cycles in the development of the world economy. The latter formed as a single unit in the mid-nineteenth century. First globalization — Pax Britannica — which lasted until 1914 was in many significant aspects, even more deep than the second. A profound disintegration of the world economy in 1914–1945 is due to the objective socio-economic processes, but not only to the wrong policy. The second global integration cycle, i.e. the current globalization started with the end of the World War II and has naturally gone down in history as Pax Americana. It is possible to conditionally accept for its end the crisis of 2008. The third cycle of global integration, Pax Sinensis, can be assumed to begin in 15–20 years.*

The current processes testify not only about the deepening split in the world and the largest Western countries, but on a purely ancillary role of ideology in relation to geopolitics. To such a service role is reduced even the science — the fight against climate change which is maintained, despite the fact that since 1998 the average planetary temperature does not grow at all, is the clearest example. Serious models predict the start of cooling, between 2030 and 2040, comparable to the little ice age, which was in the second half of the XVII century. D. Trump decision to put an end to climate hysteria is a blow to postmodernism, philosophy of irresponsibility and dishonor, which involves the rejection of the very concept of objective truth. The sustainable development is theoretically impossible. This is a concept of a purely ideological nature. It was a response of the political class in a sharp economic slowdown as a result of the deindustrialization of the developed countries. The latter was the result of globalization.

The intellectual provincialism is forcing Russia to play in the giveaway with their geopolitical rivals instead to use their extreme ideological weakness. Such a policy is worthy only of internal emigrants who do not want to admit the failure of the attempts to integrate Russia into the global West lasting a quarter of a century. Catch-up or outstripping development of Russia requires the revisionism in all directions. We need to revive the ideology of enlightened patriotism, to borrow from the West only what is really useful for the development of our country, and strive to overtake geopolitical rivals in the field of education and science. Russia should abandon the post-modernism with its post-democracy and the censorship of political correctness. We are witnessing the beginning of the third modernity in the XXI century (the first was the liberal modernity of the XIX century and the second — the social democratic modernity in 20–70s of the XX century) — the new New Age for the non-Western countries. Their development undermines many ideas about the universality of modernization, its linear nature, as writes V. G. Fedotova. Such a situation creates the possibility for Russia to take the leading position among the non-Western countries. Our country will be able successfully to use it only in case of thorough and long preparation for two to three decades.

Key words: *integration and disintegration cycles, geopolitics, revisionism, science*

References

1. Ammosov Yu. Ustali bit vsegda vonovatimi (Tired of being always guilty) //Gazeta.ru, Added 12.11.2016. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2016/11/10_a_10319225.shtml (date of access: 04.01.2017) — in Russian
2. Anatomia krizisov (The anatomy of crisis). Moscow: Nauka, 1999. 238 p. Chap. VIII and IX — in Russian

3. Baburin V. L. Legendi i realii ustoychivogo razvitia cherez prizmu geografii (Legends and realities of sustainable development through the prism of geography) //Izvestia RAN. Seria Geograficheskaya, 2011, №4. P. 97–106 — in Russian
4. Brunet A., Guichard J.-P. China's strategy to rule the world. P.: Harmattin, 2013. 176 p.
5. Zolotarev P. Trump Evropu kormit ne budet (Trump will not feed Europe). / Council on Foreign and Defense Policy. Added 15.11.2016. URL: http://svop.ru/main/21912/ (date of access: 04.01.2017) — in Russian
6. Ideal Fursenko v debryach Amazonki. O raznice mezhdu "kvalificirovannimi potrebitelyami" i lyudmi (Fursenko's ideal in the wilds of the Amazon. About the difference between "qualified consumers" and people) //Odnako. Added 24.03.2012. URL: http://www.odnako.org/blogs/ideal-fursenko-v-debryah-amazonki-o-raznice-mezhdu-kvalificirovannimi-potrebitelyami-i-lyudmi/ (date of access: 04.01.2017) — in Russian
7. Karaganov S. Novi mir — novie pravila (New world — new rules). /Council on Foreign and Defense Policy. Added 24.12.2015. URL: http://svop.ru/video/18447/ (date of access: 04.01.2017) — in Russian
8. Lasch C. The revolt of the elites and the betrayal of democracy. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1995. 276 p.
9. Malashenko A. Rossii nuzhen svoy Trump (Russia needs its own Trump) /Echo Moskvi. Alexey Malashenko #Blog Added 09.11.2016. URL: http://echo.msk.ru/blog/malashenko/1871216-echo/ (date of access: 04.01.2017) — in Russian
10. Medvedev Yu. Climategate. Za katastroficheskimi teoriami stoyat bolshie dengi, ubezhden academic Izrael (Climategate. The catastrophic theories have the big money behind them, says Yuri Israel, member of Russia's Academy of Sciences) // Rossiiskaya Gazeta, 14.05.2010 URL: https://rg.ru/2010/05/14/izrael-nauka.html (date of access: 04.01.2017) — in Russian
11. Razmestchenie proizvodstva v rinochnoi srede. Iz trudov B.N. Zimina (Industry location in the market environment. From the writings of B. N. Zimin) Moscow: Alpha-M, 2003. 176 p. — in Russian
12. Sintserov L. M. Dlinnie volni globalnoi integratsii (Long waves of global integration) //Mirovaya economica i mezhdunarodnie otnoshenia, 2000, N 5. P. 56–64. — in Russian
13. Trump istshet sposob vivesti SSHA iz soglashenia po climatu (Mass-medias: Trump is looking for a way to get USA out of the climate agreement) //Gazeta.ru. Added 12.11.2016. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2016/11/12/n_9326651.shtml — in Russian
14. Travin D. V pamyat tsaria Iroda. Politolog Dmitry Travin o postmodernistskom obrastshenii s istoriei (In memory of tsar Herod. Political analyst Dmitry Travin about the postmodern treatment of history) //Vedomosti, 09.11.2016 — in Russian

15. Fedotova V. G. Dopoliticheskaya, politicheskaya i postpoliticheskaya kulturi kak indikatori istoricheskogo modernizatsii (Pre-political, political and post-political cultures as the historical stages of modernization indicators) /Istoria modernizatsii kak predmet socialno-filosofskogo analiza. Moscow: Institute of Philosophy, 2014. P. 26–57. — in Russian
16. Shuper V. A. Rossia v globalizovannom mire: alternativi razvitia (Russia in the globalized world: alternatives of development) //Voprosi filosofii, 2008, №12. P. 3–21. — in Russian

Информация об авторе
Шупер Вячеслав Александрович

доктор географических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ

E-mail: vshuper@yandex.ru

Viacheslav A. Shuper

Dr. Hab. in Geography, professor, Institute of Geography, Russia's Academy of Sciences, leading researcher, Lomonosov Moscow State University, Department of Geography, Chair of Economic and Social Geography of Russia, professor

E-mail: vshuper@yandex.ru

Внешняя энергетическая политика и дипломатия России

Модератор

В. И. Салыгин

СТРАТЕГИИ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К «ЗЕЛЕНОЙ» ЭКОНОМИКЕ

О. Л. ГАРАНИНА

Аннотация. *В статье рассмотрены актуальные тенденции мирового нефтяного рынка в контексте перехода к низкоуглеродной экономике, а также возможные последствия для международных и российских нефтяных компаний. Показаны возможные направления адаптации стратегий компаний к новым условиям среды, а также обсуждаются рыночные риски и возможности для российских компаний.*

Ключевые слова*: нефтяные компании, рынок нефти, «зеленая» экономика, Россия*

Введение. В последние годы одной из основных тенденций энергетических рынков стало активное развитие возобновляемой энергетики. Соглашение по климату, заключенное по итогам прошедшей в Париже в 2015 году международной конференции, вступило в силу в ноябре 2016 года. Хотя принятые национальные цели по ограничению выбросов парниковых газов не являются юридически обязывающими нормами, юридически обязывающими являются сами рамки соглашения, которые включают механизм периодического пересмотра целей и последовательного принятия более жестких ограничений. Соглашение также ставит долгосрочную цель достижения нулевых выбросов, что означает существенные риски для нефтяных компаний[1].

В настоящее время вопрос, связанный с оценкой перспектив долгосрочного развития нефтяных компаний в условиях перехода к «зеленой» экономике изучен в недостаточной степени. На наш взгляд, это связано с неопределенностью, вплоть до недавнего времени, в отношении достижения международного соглашения по климату. Немаловажным фактором является и недавнее падение цен на нефть на фоне увеличения ресурсной базы в связи с так называемой «слан-

[1] Harvey F. Paris climate change agreement enters into force // The Guardian. 4 November 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/environment/2016/nov/04/paris-climate-change-agreement-enters-into-force (дата обращения: 07.12.2016).

цевой революцией». В настоящее время в исследовательскую повестку включены вопросы «зеленых» финансов, а также ставится вопрос о климатических вызовах для топливно-экономического комплекса (Порфирьев, 2016). В западной литературе в ряде работ рассматриваются последствия с точки зрения стратегий международных нефтяных компаний (Helm, 2015; Stevens, 2016), однако вопрос о вызовах климатической политики для российских компаний не освещался достаточно подробно. Поэтому целью настоящей работы является привлечь внимание к данной проблеме и дать качественную оценку климатических вызовов для российских нефтяных компаний. В основу исследования положен кейс метод.

Теоретические основания исследования. Вплоть до начала XXI века на нефтяном рынке доминировали ожидания так называемого «пика нефти» — перехода мировой добычи в стадию снижения в связи с исчерпанием запасов. Однако на смену ожиданиям роста цен на фоне истощения мировых запасов нефти пришло понимание того, что снижение потребления нефти в долгосрочном периоде будет обусловлено не исчерпанием ресурсной базы, а снижением спроса на нефть в связи с повышением эффективности использования энергии (Yergin, 2011).

Анализ существующей литературы позволяет сделать вывод о том, что, если в ближайшие годы спрос на нефть в мире будет возрастать, то после 2030 года следует ожидать его стабилизацию или снижение. Согласно оценкам Международного Энергетического Агентства (МЭА) ожидается увеличение потребления нефти в мире с 94,1 млн бар. в день в 2015 году до 107,7 млн бар. в день к 2040 году по медианному сценарию (New Policies Scenario)[2]. Достаточно близкие оценки можно найти и в прогнозах, построенных другими организациями (ОПЕК, BP) на период до 2040 года (см. табл. 1).

Прогнозы роста спроса на нефть фактически основаны на перераспределении спроса между развитыми и развивающимися рынками. А именно, сокращение спроса в странах ОЭСР (минус 1,3 процента

[2] МЭА традиционно оценивает три сценария энергопотребления:
— Current Policies Scenario (основан на оценке текущих мер энергетической политики и гипотезе об отсутствии новых регулятивных ограничений);
— New Policies Scenario (основан на оценке текущих, а также анонсированных целей и мер энергетической политики);
— 450 Scenario — сценарий декарбонизации (предполагает ограничение роста глобальных температур к 2100 году двумя градусами Цельсия в сравнении с доиндустриальным уровнем).

Таблица 1
Прогнозные оценки мирового спроса на нефть и жидкое топливо, млн бар. в день

Сценарии	2015	2025	2030	2035	2040
IEA WEO (2016) New Policies	94,1 (IEA)	100,8			107,7
IEA WEO (2016) Current Policies		104,1			120,6
IEA WEO (2016) 450 Scenario		93,9			82,2
OPEC WOO (2016) Базовый сценарий		102,3	105,5	107,8	109,4
BP (2016)				112	

Источник: IEA. World Energy Outlook 2016. Paris: Organisation for Economic Co-Operation and Development/International Energy Agency, 2016; OPEC. World Oil Outlook. Organization of the Petroleum Exporting Countries, October 2016; BP. BP Energy Outlook. 2016.

в период 2015–2040 гг. по оценкам МЭА) замещается ростом спроса со стороны стран, не входящих в ОЭСР (плюс 1,5 процента в период 2015–2040 гг.). Ожидаемый среднегодовой прирост спроса за период 2015–2040 гг. в Китае составляет 1,3 процента, а в Индии — 3,8 процента[3], а основным драйвером спроса является повышение уровня жизни и потребление нефтепродуктов в транспортном секторе.

Если радикальных изменений в ближайшие годы ожидать не следует, то в долгосрочном периоде неопределенность прогнозов существенно возрастает. Так, по оценкам МЭА при реализации сценария декарбонизации (450 Scenario) предполагается, что уровень нефтепотребления в 2040 году снизится в сравнении с уровнем 2015 года. Следует также отметить, что в течение последних 20 лет МЭА регулярно пересматривало оценки спроса на нефть в сторону понижения, в то время как перспективы выработки возобновляемой энергии пересматривались в сторону повышения[4].

Расширение периода прогнозирования приводит к относительно более пессимистичным результатам. Так, Мировой Энергетический Совет ожидает, что спрос на нефть начнет снижаться после 2030 года по

[3] IEA. World Energy Outlook 2016. Paris: Organisation for Economic Co-Operation and Development/International Energy Agency, 2016 — P. 115.

[4] Shankleman J. What OPEC's Oil U-Turn Missed: Peak Demand Keeps Getting Closer // Bloomberg. 17 October 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2016–10–16/what-opec-s-oil-u-turn-missed-peak-demand-keeps-getting-closer-iud8k6o5 (дата обращения: 06.12.2016).

Таблица 2
Долгосрочные оценки спроса на нефть мирового энергетического совета, млн бар. в день

Сценарии	2014	2020	2030	2040	2050	2060
Modern Jazz (инновации и рынок)	86	94	103	99	91	80
Unfinished Symphony (государственное регулирование и международная кооперация для развития зеленой энергетики)	86	92	94	88	78	65
Hard Rock (национальные приоритеты и фрагментированное регулирование)	86	92	101	104	104	103

Источник: WEC. World Energy Scenarios 2016: The Grand Transition. World Energy Council, 2016.

двум из трех рассматриваемых сценариев[5], и, согласно третьему сценарию, ожидается стабилизация спроса после 2040 года (см. табл. 2). В итоге, согласно представленным данным, увеличение мирового спроса на нефть будет ограничено 10–15 процентами в перспективе до 2040 года, и после 2030 года вероятны стабилизация или снижение спроса.

Таким образом, изменяется базовая парадигма, лежащая в основе нефтяного бизнеса. Если до недавнего времени на рынке доминировали опасения, связанные с возможной нехваткой ресурсов нефти, то в настоящее время в поле исследований вошла проблема избытка ресурсов. Разведанные запасы углеводородов в разы превышают объемы, соответствующие ограничению углеродного «бюджета» на период до 2050 года в рамках принятых ограничений по выбросам парниковых газов. Конечно, в наиболее острой форме проблема «несгораемого углерода» (unburnable carbon) стоит для компаний угольной промышленности. Тем не менее, по расчетам, приведенным в работе McGlade, Ekins (2015), «несгораемая» нефть (unburnable oil) составляет 33–35 процентов текущих запасов нефти в мире. В региональном разрезе «несгораемыми» в перспективе до 2050 года являются 18–19 процентов запа-

[5] А именно, рассматриваются три сценария: «Modern Jazz» — предполагает развитие цифровых инноваций, новых прорывных технологий и доминирование рыночных методов регулирования; «Unfinished Symphony» — основан на применении методов государственного регулирования для развития устойчивой энергетики и координации энергетических политик, проводимых в странах мира; и «Hard Rock» — фрагментированный подход, основанный на доминировании национальных интересов при слабой международной кооперации.

сов нефти на территории бывшего Советского Союза, 38 процентов на Ближнем Востоке, 6 процентов в США. Таким образом, нефтяные компании сталкиваются с риском формирования «выброшенных активов» (stranded assets), которые будет невозможно монетизировать в связи с переходом к низкоуглеродной энергетике.

Вторым существенным ограничением для энергетических, и в том числе, для нефтяных компаний в контексте глобальных климатических вызовов является растущая экологическая ответственность со стороны инвесторов. Так, в декабре 2016 года Государственный пенсионный фонд Швеции AP7 объявил о намерении вывести из своего инвестиционного портфеля акции шести энергетических компаний, включая «Газпром» и американскую ExxonMobil, в связи с недостаточным прогрессом в части выполнения Парижского соглашения по климату[6]. Растет давление на компании в части информирования инвесторов и общественности о климатических последствиях деятельности, при этом отказ от сотрудничества со стороны компаний влечет не только репутационные потери, но и серьезные финансовые риски. Так, в 2015 году в США инициировано расследование в отношении американской ExxonMobil. Компания обвиняется в сокрытии от общественности и инвесторов данных о связи между сжиганием углеводородов и изменением климата и о замалчивании результатов научных исследований, которые проводились в 1970-е годы[7]. Вышеуказанные тренды могут привести к ограничению финансовых возможностей нефтяных компаний.

Исследование: основная часть

Методология. Целью работы является оценить возможности адаптации стратегий нефтяных компаний к изменениям долгосрочного спроса на нефть в мире в контексте перехода к «зеленой» экономике. А именно, в рамках исследования предпринимается попытка ответить на следующие вопросы:

(1) Каковы основные возможные направления адаптации стратегий нефтяных компаний к долгосрочным изменениям спроса на нефть и повышению экологической ответственности инвесторов?

---

[6] Трунина А. Пенсионный фонд Швеции пригрозил отказаться от акций «Газпрома» // РБК. 18 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58561c0d9a79473887e95dd3?from=main (дата обращения: 06.12.2016).

[7] Старинская Г. ExxonMobil подозревается в сокрытии данных об изменении климата // Ведомости. 8 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/11/09/615961-exxonmobil-podozrevaetsya-sokritii-dannih-izmenenii-klimata (дата обращения: 01.12.2016).

(2) В чем заключаются относительные преимущества или недостатки российских компаний в условиях долгосрочных ограничений роста мирового спроса на нефть?

(3) Каким образом российские компании адаптируются к новым рыночным условиям?

Исследование основано на кейс-методе. В работе рассматриваются кейсы международных и российских нефтяных компаний. Источником информации являются данные международной статистики, научные статьи, информационно-аналитические публикации в деловой прессе, открытая информация, предоставляемая нефтяными компаниями (отчетность, материалы официальных сайтов в сети Интернет).

Процедура исследования. Процедура исследования состоит из двух этапов. На первом этапе осуществлен обзор литературы, посвященной деятельности нефтяных компаний в условиях перехода к «зеленой экономике», проведен критический анализ стратегических альтернатив с учетом имеющегося фактологического материала. На втором этапе предпринимается попытка переосмысления существующего международного опыта, целесообразности и возможности его применения российскими компаниями.

В литературе выделяются следующие направления адаптации стратегий нефтяных компаний (Stevens, 2016):

— Диверсификация бизнеса и инвестиции в возобновляемые;
— Развитие газового бизнеса;
— Диверсификация в смежный бизнес;
— Развитие новых технологий, применяемых в углеводородной энергетике;
— Экономия затрат; Слияния и поглощения;
— Сжатие бизнеса и фокусировка на региональном рынке.

Приведем более подробный анализ с использованием релевантных отраслевых примеров.

Диверсификация бизнеса и инвестиции в возобновляемые. Одним из позитивных примеров принято считать датскую государственную компанию Dong — Danish Oil and Natural Gas. В настоящее время компания осуществляет переход от угольной генерации к низкоуглеродной энергетике и, по данным на 2016 год, уже стала мировым лидером по объему установленных мощностей оффшорной ветрогенерации[8].

[8] Williams S. Oil and Gas Giants to Join Wind-Energy Battle, Says Dong CEO // The Wall Street Journal. 13 May 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wsj.com/articles/oil-and-gas-giants-to-join-wind-energy-battle-says-dong-ceo-1463155506 (дата обращения: 01.12.2016).

В 2016 г. Dong заявила о том, что рассматривает продажу нефтегазовых активов с целью дальнейшей фокусировки на ветроэнергетике, хотя детали в отношении подтверждения сделки и будущего названия компании пока не известны[9]. Инвестируют в возобновляемые и другие нефтяные компании: так, еще в 2011 году французская Total приобрела контрольный пакет акций одного из крупнейших производителей солнечных панелей SunPower. Осенью 2016 г. Total объявила о планах на приобретение компании Saft — производителя батарей, стоимость сделки оценивается в почти 1 млрд долл. Целью является дополнить пакет активов решениями по хранению электроэнергии[10]. Норвежская Statoil планирует вложить порядка 1,2 млрд долл. в партнерстве с немецким E.ON в развитие оффшорной ветрогенерации в Балтийском море. Тем самым компании «страхуют» себя от сжатия традиционных нефтяных рынков в долгосрочном периоде и пополняют портфель новыми рентабельными активами, опираясь на действующие меры поддержки возобновляемой энергетики в европейских странах.

Среди российских компаний подобные проекты начал развивать «Лукойл». В настоящее время запущен ряд небольших проектов на территории России: так, на нескольких АЗС внедрены солнечные коллекторы для обеспечения станций горячей водой, установлен ветроагрегат на месторождении Озерное в Татарстане. Опыт «Лукойла» основан на реализации проектов в солнечной и ветрогенерации в Румынии и Болгарии[11].

Однако в некоторых случаях заявленные планы оказываются нереализованными: к примеру, британская BP заявляла о развитии бизнеса Beyond Petroleum (за пределами нефти), но впоследствии сократила свои вложения в альтернативную энергетику. Диверсификация в возобновляемые зачастую носит ограниченный масштаб. Так, капитальные затраты подразделения Shell New Energies составляют менее чем

---

[9] Davies R. Dong Energy considers sale of oil and gas assets to focus on windfarms // The Guardian. 26 October 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/business/2016/oct/26/dong-energy-considers-sale-oil-and-gas-assets-focus-windfarms (дата обращения: 06.12.2016).

[10] Macalister T. Green really is the new black as Big Oil gets a taste for renewables // The Guardian. 21 May 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/business/2016/may/21/oil-majors-investments-renewable-energy-solar-wind (дата обращения: 07.12.2016).

[11] Мордюшенко О. Зеленый свет ЛУКОЙЛа // Коммерсант — Огонек. 24 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kommersant.ru/doc/3118618 (дата обращения: 05.12.2016).

0,5 процентов от совокупных затрат[12]. Для развития бизнеса в возобновляемой энергетике требуются новые компетенции, а различие бизнес-моделей обусловливает изменения в организационной структуре компании.

Развитие газового бизнеса. Природный газ является наиболее экологически чистым углеводородом, но одним из возможных ограничений может стать наличие газотранспортной инфраструктуры и доступ к рынкам сбыта. Во-вторых, распределение запасов природного газа в мире таково, что основная доля запасов принадлежит национальным компаниям стран-производителей. Международные нефтяные компании контролируют менее 5 процентов мировых запасов газа по данным на 2013 год (Stevens, 2016, с.8). Поэтому возможности широкомасштабной диверсификации в газовый бизнес являются ограниченными.

Диверсификация в смежный бизнес с опорой имеющуюся на сырьевую базу, сбытовые сети и научно-исследовательский потенциал. Перспективными направлениями могут является нефтехимия, производство биотоплива, производство материалов (Helm, 2015).

Развитие новых технологий, применяемых в углеводородной энергетике. Речь может идти о внутрифирменном развитии технологий с целью усиления конкурентных позиций в сравнении с нефтесервисными компаниями, а также о развитии компетенций в сегменте нетрадиционной нефти (в том числе, сланцевой нефти). Перспективным направлением также является развитие технологий улавливания и хранения углерода (CCS, carbon capture and storage), удешевление которых будет стимулировать использование традиционных источников энергии. Основным ограничителем выступают финансовые возможности в связи с падением мировых цен на нефть.

Экономия затрат, в том числе за счет синергетического эффекта от слияний и поглощений.

Наконец, международные нефтяные компании могут оказаться перед необходимостью с*жатия бизнеса* и *фокусировки на региональном рынке* в связи со снижением спроса на нефть на развитых рынках.

Результаты исследования. Результатом исследования является вывод о возможных способах адаптации стратегий международных и российских нефтяных компаний к долгосрочным изменениям спроса на нефть в мире, основанный на критическом обзоре отраслевых кейсов.

[12] Macalister T. Green really is the new black as Big Oil gets a taste for renewables // The Guardian. 21 May 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/business/2016/may/21/oil-majors-investments-renewable-energy-solar-wind (дата обращения: 01.12.2016).

Анализ результатов. Российские компании достаточно уязвимы в условиях вышеописанных рыночных тенденций. Это обусловлено высокой степенью зависимости российских компаний от экспортных рынков: внутреннее потребление нефти в России составляет лишь 26 процентов от объемов добычи[13]. Тем не менее представляется, что российские компании занимают относительно выгодное положение в сравнении с нефтяными мейджорами.

Во-первых, российская нефть является конкурентоспособной по цене. Так, затраты на добычу углеводородов Роснефти приблизительно в 6 с половиной раз ниже, чем в таких компаниях, как ExxonMobil, Shell или Chevron[14]. При этом значительная часть прибыли от добычи нефти перечисляется в государственный бюджет. Так, по данным на 2015 год, из прибыли, образующейся за счет увеличения цены на нефть Urals на 1 доллар, нефтяные компании должны перечислить в бюджет РФ 82 цента в форме налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и экспортной пошлины. Налогообложение основано на объемных показателях и не учитывает систематическим образом качественные характеристики ресурсной базы[15]. Поэтому системное внедрение более гибкого подхода в рамках планируемой реформы налогообложения в российской нефтяной отрасли (перенос налоговой нагрузки от налогообложения валовых показателей к налогообложению экономических результатов) позволит повысить рентабельность разработки более сложных и дорогостоящих проектов и более эффективно осваивать сырьевую базу.

Преимущество по затратам создает основы для реализации стратегии вертикальной интеграции, обеспечивающей контроль над спросом на конечных рынках и доходность по ключевым сегментам энергетической цепочки, включая поставки нефтепродуктов конечным потребителям. Примером подобной стратегии является недавнее соглашение «Роснефти» с BP о завершении сделки по расформированию созданной ранее совместно с BP в Германии нефтеперерабатывающей и нефтехимической компании Ruhr Oel GmbH, в результате чего «Роснефть» увеличит свою долю в капитале нескольких нефтеперерабатывающих заводов в Германии. В итоге компания получит контроль над более чем

[13] BP. Statistical Review of World Energy. June 2016. [Электронный ресурс]. URL: bp.com/statisticalreview (дата обращения: 20.11.2016).

[14] По данным ПАО «НК «Роснефть». Презентация для инвесторов. — Июнь 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/pdf_2021062016.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

[15] Доля добычи нефти без льгот по налогу на добычу полезных ископаемых составила 72 процента в 2014 году [Выгон, Рубцов, Клубков, Ежов, 2015. с.18–20].

12% нефтеперерабатывающих мощностей в Германии с общим объемом переработки 12,5 млн т. в год, и станет третьим крупнейшим нефтепереработчиком на немецком рынке[16].

Далее, относительное преимущество российских нефтяных компаний связано с их стратегическим позиционированием на быстро растущих азиатских рынках. Так, согласно Проекту Энергетической стратегии России на период до 2035 года (С. 65), объемы поставок сырой нефти в страны Азиатско-Тихоокеанского региона возрастут в 1,7–2,3 раза. Ключевым партнером в настоящее время является Китай. Существенным шагом по закреплению позиций российских компаний на китайском рынке стали долгосрочные договоры о поставках между ПАО «Роснефть» и китайской CNPC[17]. Компании также осуществляют и развивают ряд других проектов, включая совместные проекты в нефтепереработке. Поставки нефти в Китай осуществляет также компания «Газпром нефть», причем оплата осуществляется в юанях[18], что свидетельствует о наличии стратегических интересов в развитии российско-китайских отраслевых договоренностей.

Активно развиваются связи с Индией, примером чему недавний пакет соглашений между российскими и индийскими компаниями, в рамках которого «Роснефть» и консорциум инвесторов получили контроль над индийской компанией Essar Oil, владеющей Вадинарским нефтеперерабатывающем заводом (занимает второе место в Индии по величине и входит в топ-10 мира по технологической сложности)[19]. Незадолго до этого были закрыты сделки по приобретению индийскими компаниями долей в Ванкорском и Таас-Юряхском месторождениях,

---

[16] Калюков Е. «Роснефть» стала третьим по величине нефтепереработчиком Германии // РБК. 29 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rbc.ru/business/29/12/2016/5864f8fd9a7947b4ed149740 (дата обращения: 02.12.2016).

[17] Поставки по первому контракту Роснефти с CNPC начались в 2011 году, контракт предполагает поставки 15 млн т нефти в течение 20 лет, что суммарно соответствует 300 млн т. Второй договор заключен в 2013 году сроком на 25 лет (совокупный объем поставок 360 млн т). Астахова О. Роснефть ждет существенных предоплат от Китая в 2015 году // Reuters. 26 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.reuters.com/article/businessNews/idRUKBN0P61T520150626 (дата обращения: 05.12.2016).

[18] «Газпром нефть» продает за юани почти все нефть, экспортируемую в Китай // OilCapital.ru. 10 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oilcapital.ru/export/289619.html (дата обращения: 05.12.2016).

[19] Делягин М.Г. КАРТ-БЛАНШ. Индия: новый вектор российского разворота на Восток // Независимая газета. 17 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2016–10–17/4_india.html (дата обращения: 03.12.2016).

лицензии на разработку которых принадлежат «Роснефти». Последнее свидетельствует о выстраивании совместных проектов с индийскими компаниями по ключевым сегментам энергетической цепочки. Заметим, что по прогнозам МЭА прирост спроса на нефть в Индии к 2040 году оценивается в 6 млн бар. в день по сравнению с 2015 годом (IEA, 2016, с. 115).

Наконец, неопределенность экономической среды для российских нефтяных компаний связана на только с прогнозированием спроса, но и с санкционным режимом, введенным со стороны США, ЕС и некоторых других стран. Санкции ограничивают доступ ряда государственных компаний («Роснефть», «Газпром нефть» и «Транснефть») к западным рынкам капитала, а также запрещают поставки технологий, необходимых для разработки Арктического шельфа и залежей сланцевой нефти. В условиях неопределенности ответом со стороны российских компаний становится более взвешенная инвестиционная стратегия и достижение добычных показателей за счет инвестиций в повышение отдачи разрабатываемых месторождений. Тем не менее, управление текущими уровнями добычи нефти не снимает необходимость долгосрочного прогнозирования ключевых рынков сбыта и разработки сценариев адаптации компаний к долгосрочным изменениям спроса на нефть.

Заключение. Результаты показывают возможные пути адаптации стратегий нефтяных компаний к долгосрочным изменениям внешней среды в контексте развития низкоуглеродной энергетики. В настоящее время в инвестиции в возобновляемые вовлечены многие нефтяные компании мира, включая такие гиганты как Shell и BP, а также компании традиционных стран — нефтеэкспортеров, как, например, Statoil. Диверсификация портфеля активов этих компаний во многом опирается на существующие меры поддержки возобновляемых источников энергии, реализуемые, в частности, в странах ОЭСР, однако пока носит весьма ограниченные масштабы.

Российские компании имеют преимущество по затратам в сравнении с рядом международных нефтяных компаний. Обоснованными в текущих рыночных условиях являются стратегии вертикальный интеграции, направленные на обеспечение спроса на конечных сегментах энергетической цепочки. Еще одним источником преимуществ российских компаний является стратегическое позиционирование на быстро растущих рынках Индии и Китая. Некоторые российские компании (в частности, «Лукойл») также начинают реализацию проектов в возобновляемой энергетике, что позволит развить компетенции в перспективных бизнес-сегментах.

Литература

1. Выгон А., Рубцов А., Клубков С. Ежов С. Налоговая реформа нефтяной отрасли: основные развилки. VYGON Consulting. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://vygon.consulting/upload/iblock/6b7/vygon_consulting_upstreamtaxreform.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
2. Конопляник А. А. Парижское соглашение по климату (COP-21): новые вызовы для мировой и российской энергетики. Приглашение к дискуссии. Выступление на заседании Ученого Совета Фонда «Институт энергетики и финансов». Москва, 15 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.konoplyanik.ru/speeches/161215-Konoplyanik-FIEF.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
3. Порфирьев Б. "Зеленые" тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 5–16.
4. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. Проект. Доработан Минэнерго РФ и представлен в Правительство РФ 01 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://energystrategy.ru/Docs/ES-2035.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
5. BP. BP Energy Outlook. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016.pdf (дата обращения: 15.12.2016).
6. Helm D. What should oil companies do about climate change? // Energy Futures Network Paper No. 9. 26 February 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dieterhelm.co.uk/assets/secure/documents/What-should-oil-companies-do-about-climate-change.pdf (дата обращения: 01.12.2016).
7. IEA. World Energy Outlook 2016. Paris: Organisation for Economic Co-Operation and Development/International Energy Agency, 2016.
8. McGlade C., Ekins P. The geographical distribution of fossil fuels unused when limiting global warming to 2^0 C // Nature. Vol. 517. January 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nature.com/nature/journal/v517/n7533/abs/nature14016.html (дата обращения: 01.12.2016).
9. OPEC. World Oil Outlook. Organization of the Petroleum Exporting Countries, October 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.opec.org/opec_web/en/publications/340.htm (дата обращения: 01.12.2016).
10. Stevens P. International Oil Companies The Death of the Old Business Model // Chatham House. Research paper. The Royal Institute for International Affairs. May 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016–05–05-international-oil-companies-stevens.pdf (дата обращения: 01.12.2016).
11. WEC. World Energy Scenarios 2016: The Grand Transition. World Energy Council, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldenergy.org/

publications/2016/world-energy-scenarios-2016-the-grand-transition/ (дата обращения: 01.12.2016).
12. Yergin D. There will be oil // The Wall Street Journal. 17 September 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wsj.com/articles/SB10001424053111904060457657255299867434 0 (дата обращения: 01.12.2016).

OIL COMPANIES' STRATEGIES IN CONTEXT OF ENERGY TRANSITION

Olga L. Garanina

Abstract. *The article studies recent trends in world oil markets in context of transition towards low-carbon energy system. It discusses possible ways to adapt oil companies' strategies to new market conditions, as well as market risks and opportunities for Russian oil companies.*

Keywords: *oil companies, oil market, energy transition, Russia*

References

1. BP. BP Energy Outlook. 2016. Retrieved 15 December, 2016 from https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2016/bp-energy-outlook-2016.pdf
2. Energy Strategy of Russia for the period up to 2035. Project. Retrieved 15 December, 2016 from: http://energystrategy.ru/Docs/ES-2035.pdf
3. Helm, D. (2015). What should oil companies do about climate change? *Energy Futures Network Paper.* 9. Retrieved 1 December, 2016 from: http://www.dieterhelm.co.uk/assets/secure/documents/What-should-oil-companies-do-about-climate-change.pdf
4. IEA. (2016). World Energy Outlook 2016. Paris: Organisation for Economic Co-Operation and Development/International Energy Agency.
5. Konoplyanik, A.A. (2015). Parizhskoye soglachenie po klimatu (COP-21): novye vyzovy dlia mirovoi i rosskiskoi energetiki. Priglachenie k diskussii [Paris climate agreement (COP-21): new challenges for world and Russian energy. Invitation to discussion]. Presentation for Scientific Council of the Foundation «Institute for Energy and Finance». Moscow, 15 December 2016. Retrieved 10 January, 2017 from http://www.konoplyanik.ru/speeches/161215-Konoplyanik-FIEF.pdf
6. McGlade, C., Ekins, P. (2015). The geographical distribution of fossil fuels unused when limiting global warming to 2^0 C. *Nature*. 517. Retrieved 1 December, 2016 from: http://www.nature.com/nature/journal/v517/n7533/abs/nature14016.html
7. OPEC. (2016). World Oil Outlook. Organization of the Petroleum Exporting Countries. Retrieved 1 December, 2016 from: http://www.opec.org/opec_web/en/publications/340.htm

8. Porfiriev, B. (2016). "Zelenye" tendentsii v mirovoy finansovoi sisteme [Green Trends in the Global Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations],* 9, 5–16.
9. Stevens, P. (2016). International Oil Companies The Death of the Old Business Model. *Chatham House. Research paper*. The Royal Institute for International Affairs. May 2016. Retrieved 1 December, 2016 from: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016–05–05-international-oil-companies-stevens.pdf
10. Vygon, A., Rubtsov, A., Klubkov, C. Yezhov, C. (2015). Nalogovaya reforma neftyanoi otrasli: osnovnye razvilki [Tax reform in oil industry: major issues]. VYGON Consulting. 2015. Retrieved 15 December, 2016 from http://vygon.consulting/upload/iblock/6b7/vygon_consulting_upstreamtaxreform.pdf
11. WEC. (2016). World Energy Scenarios 2016: The Grand Transition. World Energy Council. Retrieved 1 December, 2016 from: https://www.worldenergy.org/publications/2016/world-energy-scenarios-2016-the-grand-transition/
12. Yergin, D. (2011). There will be oil. *The Wall Street Journal*. 17 September 2011. Retrieved 1 December, 2016 from: http://www.wsj.com/articles/SB10001424053111904060604576572552998674340

Информация об авторе
Гаранина Ольга Леонидовна
Кандидат экономических наук
Доцент кафедры стратегического и международного менеджмента
Институт «Высшая школа менеджмента»
Санкт-Петербургский государственный университет
Эл. почта: o.garanina@gsom.pu.ru
Olga L. Garanina
PhD, Associate professor
Graduate School of Management, St Petersburg State University
E-mail: o.garanina@gsom.pu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИИ

И. А. ГУЛИЕВ

***Аннотация**. В статье освещаются основные перспективы и вызовы для внешней политики России в энергетической сфере на современном этапе. Особое внимание уделяется энергетическому сотрудничеству России и Европы, которое насчитывает вековую историю. Также в работе рассматриваются основные тенденции в развитии отношений России со странами АТР, Турцией и членами ОПЕК. Отдельно выделяются направления развития проектов СПГ, а также арктических проектов, которые на данном этапе являются наиболее приоритетными.*

***Ключевые слова**. Энергетическая дипломатия, внешняя политика, санкции, ЕС, Россия, СПГ, Арктика*

Введение. В последние месяцы и даже дни мы наблюдаем резкое обострение ситуации в мире. Она характеризуется чрезвычайно сложными и неоднозначными геополитическими процессами, которые непосредственно влияют на развитие глобальной экономики. Международные отношения сегодня проходят через очень непростой период, и Россия оказалась на перекрестке ключевых тенденций, во многом определяющих вектор будущего мирового развития. Сферой, которая, возможно, в наибольшей степени испытывает на себе влияние политических факторов, является энергетика.

В условиях обострения международной обстановки, конкурентной борьбы между отечественными и зарубежными компаниями, развернутой Соединенными Штатами Америки и рядом государств Европейского Союза «санкционной войны» против нашего государства и, прежде всего, против топливно-энергетического комплекса страны вопросы нейтрализации угроз энергетической безопасности Российской Федерации приобретают критически важное значение.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть новые вызовы и задачи, которые определяют вектор развития российской энергетической дипломатии в современной геополитической ситуа-

ции. Новые вызовы в мировой энергетике оказывают существенное влияние на конкурентные преимущества России как одного из ведущих мировых поставщиков энергоносителей. Усиливающаяся сегодня конкурентная борьба за региональные энергетические рынки и в целом за мировой энергетический рынок требует от нашей страны новых усилий, поиска эффективных методов внешнеполитической деятельности, диверсификации транзитных транспортных коммуникаций, установления надежных партнерских связей с потребителями энергоресурсов.

Отметим, что одной из ключевых целей нашей энергетической дипломатии является максимально эффективное использование энергетического потенциала России для укрепления позиций нашей страны и защиты ее интересов в мировом энергетическом сообществе, на мировых рынках энергоресурсов.

Россия занимает одно из ведущих мест в мировой системе оборота энергоресурсов, активно участвует в мировой торговле ими и в международном сотрудничестве в этой сфере. В последние годы Россия занимает лидирующие позиции по объему добычи сырой нефти и обеспечивает 12% мировой торговли нефтью. Свыше ⅘ объема российской нефти экспортируется в страны Европы, доля России на рынках которых составляет около 30 процентов. Основным направлением экспорта российских нефтепродуктов также является европейский рынок.

Россия занимает первое место в мире по запасам природного газа (23 процента мировых запасов) и по объемам его ежегодной добычи, обеспечивая 25 процентов мировой торговли этим энергоносителем, доминируя как на европейском газовом рынке, так и на рынке стран Содружества Независимых Государств. В общем объеме потребления газа в странах зарубежной Европы (включая Турцию, но не учитывая страны Содружества Независимых Государств) на российский газ приходится около 30 процентов. Обладая уникальной газотранспортной системой, Россия также играет важную роль в обеспечении поставок газа в Европу и страны Содружества Независимых Государств.

Россия удерживает второе место в мире по запасам угля (19 процентов мировых запасов), пятое место по объемам ежегодной добычи (5 процентов мировой добычи) и обеспечивает около 12 процентов мировой торговли энергетическим углем.

Российская атомная энергетика составляет 5 процентов мирового рынка атомной электрогенерации, 15 процентов мирового рынка реакторостроения, 45 процентов мирового рынка обогащения урана,

15 процентов мирового рынка конверсии отработанного топлива и обеспечивает 8 процентов мировой добычи природного урана.

Однако сейчас мы являемся свидетелями того, в условиях высокой политизированности международных отношений ситуацию усугубляют политически мотивированные решения ключевых стран-импортеров российских топливно-энергетических ресурсов по снижению доли российского углеводородного сырья в своем энергобалансе и транзитные риски транспортировки энергоресурсов по территории зарубежных стран. Очевидно, что Россия как один крупнейших производителей и экспортеров энергоресурсов, обладая значительными запасами углеводородов, необратимо вовлечена в глобальные энергетические процессы.

Основные тенденции и ориентиры сотрудничества России с зарубежными странами. В современной внешней политике России экспорт и транзит углеводородов становится системообразующим фактором, от которого во многом зависит положение России на мировой арене. В результате, под воздействием этого фактора в российской внешней политике сформировалось стратегическое направление, имеющее большое значение для реализации национальных интересов страны в целом, — это энергетическая дипломатия. Основными векторам перспективного развития ТЭК России являются создание конкурентной рыночной среды и интеграция в мировую энергетическую систему.

Для реализации этих целей Российская Федерация осуществляет политику диверсификации энергопоставок для обеспечения энергобезопасности и развития экономики. России как крупному экспортеру углеводородных источников необходимо рассредоточить маршруты поставки и ориентироваться на рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона, который на данный момент является одним из перспективных и важных для России. Ввиду важности данного рынка были реализованы два крупных проекта: ВСТО 1 и ВСТО 2 (трубопровод Восточная Сибирь — Тихий океан), направленные на транспортировку нефти из крупнейших месторождений Западной Сибири в КНР, а также в АТР через порт Козьмино. По информации 2016 года, мощность ВСТО-1 составляет до 58 млн т. в год, а ответвления в КНР в районе Сковородино — 20 млн т. в год.

Несмотря на то, что Россия и ЕС осуществляют диверсификацию энергопоставок, доля российских углеводородов и продуктов их переработки на рынке ЕС по прежнему останется высокой в ближайшие 20–25 лет. Это связано с географической близостью России и стран-

членов ЕС, существующей энергетической транспортной инфраструктурой, а также традиционно успешным сотрудничеством в области энергетики, осуществляемым с 1960 года[20].

Российские и европейские компании сотрудничают по ряду направлений, и участвуют в крупных проектах, направленных на обеспечение энергобезопасности и стабильности отношений потребитель-поставщик. Что касается трубопроводных проектов, необходимо обратить внимание на следующие:

1. Северный поток. Существующий «Северный поток 1», несмотря на некоторые геополитические трудности, оказался достаточно успешным проектом, и, что стоит отметить, самым длинным в мире маршрутом подводной транспортировки газа в мире. На данный момент мощность газопровода составляет 55 млрд м^3 газа в год. Несмотря на такие высокие показатели, было принято решение об увеличении пропускной способности маршрута транспортировки по этому направлению, путем реализации проекта Северный поток 2. Данный проект будет соответствовать техническим характеристикам Северного потока 1.
2. Дружба. Крупнейшая в мире система магистральных трубопроводов. В систему входит 8900 км трубопроводов (из них 3900 км на территории России), 46 насосных станций, 38 промежуточных насосных станций, резервуарные парки которых вмещают 1,5 млн м^3 нефти. По нефтепроводу в ЕС ежегодно экспортируется 66,5 млн тонн, в том числе по северной ветке — 49,8 млн т.
3. Газопровод Ямал — Европа — транснациональный магистральный экспортный газопровод. Общая протяжённость газопровода превышает 2000 км, диаметр — 1420 мм. Проектная мощность — 32,9 млрд м^3 газа в год.

Стоит обратить внимание на проект «Южный поток». В декабре 2014 г. Россия отказалась от строительства «Южного потока» ввиду патовой ситуации, вызванной неконструктивной позицией Евросоюза по газопроводу и отказа Болгарии в выдаче разрешения на строительство. При этом противоречивость позиции наших европейских партнеров наиболее ярко выражается в том, что уже 21 января правительство Болгарии утвердило «Программу по стабильному развитию Болгарии на период с 2014 по 2018 год», в которой указывалось, что прокладка трубопровода «Южный поток» будет вестись в приоритетном порядке «при

[20] Официальный сайт Министерства энергетики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (дата обращения: 25.11.2016).

полном соответствии проекта европейскому законодательству, при диалоге с Еврокомиссией и доказанной экономической пользе», а заместитель председателя правительства Румяна Бычварова заявила, что официального уведомления о прекращении проекта получено не было, в связи с чем он был оставлен в государственной программе. В данном контексте напрашивается вывод о том, что Европа по сути разрывается между своими желаниями и потребностями: грезя об уменьшении зависимости от российских углеводородов, она подчас начинает забывать о собственных нуждах, которые не могут быть удовлетворены преследованием каких-либо эфемерных высоких политических ориентиров. В моменты, когда приходит осознание того, что достойные альтернативы попросту отсутствуют, европейские государства начинают идти на попятную. Именно поэтому 19 июня 2015 года министр энергетики РФ Александр Новак заявил о повторной просьбе Болгарии вернуться к проекту газопровода «Южный поток», а также построить на территории Болгарии газовый хаб. Помимо Болгарии, в августе 2016 года Словения заявила о заинтересованности в проекте «Южный поток». На данные сообщения отреагировал Министр Энергетики РФ Александр Новак. Он заявил, что в случае, если Болгария и Еврокомиссия официально подтвердят заинтересованность и гарантии того, что строительство трубопровода и создание такой капиталоемкой инфраструктуры будут востребованы, то Россия будет готова обеспечить строительство и поставки необходимого количества газа[21].

Сотрудничество России и ЕС не ограничивается поставками. Российские и европейские компании участвуют в совместной реализации ряда проектов, как на территории России, так и на территории ЕС.

На территории России, национальные и европейские компании участвуют в следующих проектах:

1. Освоение Южно-Русского месторождения;
2. Сахалин 2 (также европейские компании планируют участвовать в проектах Сахалин 3 и 4);
3. Ямал СПГ;
4. Освоение Штокманского месторождения;

Российские компании активно работают на рынке ЕС, в том числе в сфере нефтепереработки (НПЗ Лукойл в Болгарии и Румынии), сети АЗС (Лукойл), разработка месторождений (проекты Лукойла и Роснефти на шельфе Норвегии).

[21] Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/3411790 (дата обращения: 26.11.2016).

Основные вызовы. В современной внешней политике России экспорт и транзит углеводородов становится системообразующим фактором, от которого во многом зависит положение России на мировой арене. В результате, под воздействием этого фактора в российской внешней политике сформировалось стратегическое направление, имеющее большое значение для реализации национальных интересов страны в целом, — это энергетическая дипломатия.

Со времен заключения контрактов «газ в обмен на трубы» доля поставок газа из России в ЕС снизилась в два раза из-за возникновения новых поставщиков (Алжир и Норвегия) и появления нового продукта — СПГ. В 2014 г. доля России среди экспортеров природного газа в ЕС составила 37,5%, среди экспортеров нефти — 30,4%, среди экспортеров твердого ископаемого топлива (угля) — 30,4%. Политика по ограничению Российского экспорта (утверждённая в Европейской стратегии по энергетической безопасности от 2014) идет в разрез с перечисленными показателями и имеет под собой аморфную основу. Так Академик РАН А. В. Торкунов и академик РАН Н. А. Симония отмечают, что «Было бы нелепо возражать против самой идеи диверсификации источников энергоносителей для стран, зависящих от импорта. Вопрос в другом — какой ценой эту диверсификацию стремятся реализовать». Более 20 энергетических инфраструктурных проектов представлено в Европейской стратегии по энергетической безопасности от 2014, но ни один из них в долгосрочном периоде не может быть противопоставлен реализации экономически взаимовыгодных, надежных и своевременных российских проектов в области поставки энергетической продукции. Тем не менее нет каких-то значимых барьеров (включая так называемый Третий энергопакет) на пути к полномасштабному восстановлению и развитию энергетического сотрудничества — если за основу взять рыночные принципы, а не политизированные соображения. Именно таким рыночным, коммерческим проектом является газопровод «Северный поток-2», осуществление которого тормозится именно политиками. При этом отмечу, что постепенно назрела необходимость осуществить смену ориентиров во внешней энергетической политике России по причине высокой степени политизированности подхода ЕС как главного и традиционного партнера России к решению ряда основополагающих вопросов сотрудничества.

В первую очередь речь идет о неудачных попытках создать региональную систему обеспечения энергетической безопасности, в основе которой лежали бы соответствующие институты и нормативно-правовая база, из-за нежелания ЕС считаться с позицией России как нетто-экспортера энергоресурсов.

В то же время активно реализуемый Евросоюзом курс по диверсификации источников и маршрутов транспортировки энергоносителей нацелен на то, чтобы поставить под сомнение исключительную роль России в качестве важнейшего поставщика энергоресурсов в Европу.

Эти факторы повлияли на существенный пересмотр нашей страной своих интересов в пользу восточного направления, в частности, активизации сотрудничества с Китаем. Одна из ключевых тенденций в развитии российского ТЭК в период динамично меняющегося международного рынка энергоносителей — это переориентация в сторону нового глобального центра экономического роста, которым стал Азиатско-Тихоокеанский регион. Стоит отметить, что по всем прогнозам, мировому рынку энергоресурсов предстоит реструктуризация: в настоящее время в Азии продается менее половины добываемой нефти, однако к 2040 году доля региона должна превысить две трети.

В этой ситуации важным элементом стратегии России в энергетической сфере стало формирование нефтегазовых комплексов с развитием производственной, транспортной и социальной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Россией заключен контракт с Китаем на ежегодную поставку 38 млрд кубометров газа в течение 30 лет. Под эти поставки строится газопровод «Сила Сибири», стоимость которого составит 770 млрд рублей.

При этом важно понимать, что роль европейского рынка для России, хотя и остается весьма значимой, будет постепенно снижаться по всем категориям энергоносителей, а сама динамика такого снижения будет различаться по видам топлива. Необходимо также принять во внимание, что в последнее время в адрес Евросоюза поступают предложения о поставках газа из Ирана, Азербайджана, Израиля.

Современная геополитическая ситуация обусловила поиск новых возможностей и активной адаптации энергетической стратегии нашей страны к изменяющимся условиям на мировом энергетическом рынке. Обозначим ряд ключевых факторов и тенденций современного развития мировой энергетики, которые требуют серьезного анализа на государственном, корпоративном и экспертном уровне. Это потенциал рынка природного газа, растущий спрос на сжиженный природный газ, «сланцевая революция» и освоение арктического шельфа.

Одной из ключевых тенденций развития мировой энергетики является переход от ресурсной глобализации на мировом энергетическом рынке к стремлению ведущих стран-импортеров к диверсификации поставок и к собственной энергетической самодостаточности, что существенно изменило условия для российского экспорта.

Среди внешних вызовов следует отметить ужесточение конкуренции на ключевых мировых энергетических рынках, в том числе за счет использования альтернативных и нетрадиционных видов энергоресурсов.

Мы наблюдаем стагнацию или невысокие темпы роста спроса на традиционных экспортных рынках для российских углеводородов, в первую очередь в ЕС. Необходимо обратить внимание и на переориентацию в мировой торговле от экспорта-импорта сырья к продаже новых технологий и сервисных услуг. И наконец, в числе новых вызовов для России — внешние экономические и технологические санкции.

Говоря о новых векторах развития российской энергетической дипломатии, необходимо понимать, что эти проблемы сегодня следует рассматривать под призмой глобальной турбулентности мировой геоэкономики и трансформации мировых энергетических рынков.

Сегодня энергетическая безопасность — это, без преувеличения, главный тренд национальной безопасности ведущих стран мира. К основным внешнеэкономическим и внешнеполитическим угрозам в области энергобезопасности мы относим высокую политизированность отношений в энергетической сфере, неустойчивую конъюнктуру мировых финансовых и энергетических рынков в сочетании с нестабильностью военно-политической обстановки в ряде основных регионов добычи энергоресурсов.

Тесную связь проблем обеспечения энергобезопасности с политическими процессами и рисками мы видим на примере ситуаций, которые складываются вокруг Украины и на Ближнем Востоке.

Что касается нашей страны, то сегодня, в условиях санкций, внешние угрозы энергетической безопасности приобрели особую остроту. На сегодняшний день ситуация на мировом рынке энергоресурсов находится в нестабильном состоянии. При этом на нее существенно влияет кризис международных структур, занимающихся регулированием мировых энергетических рынков.

Эксперты считают, что ОПЕК уже не является организацией, которая определяет цену. Главный фактор, который на 80% определяет стоимость нефти — это количество денег, которые крутятся на рынке нефтяных фьючерсов. То есть цена на физическую (то есть потребляемую) нефть зависит от цены бумажной нефти, которая является виртуальной. И ОПЕК не может повлиять на решение этой проблемы.

Отношения России и ЕС. Говоря о внешней энергетической дипломатии России, следует уделить особое внимание энергетическому сотрудничеству России и Европы, которое насчитывает полувековую историю.

По итогам 2012 года[22] Россия стала третьим торговым партнером ЕС по объему товарооборота после США и Китая: импорт ЕС из России составил 12%. В тот же период свыше 50% российского экспорта природного газа, ⅔ экспорта нефти и нефтепродуктов и почти половина объемов угля поступали именно в ЕС. Сотрудничество России и ЕС не ограничивается поставками энергоресурсов: российские и европейские компании длительное время реализовывали сотрудничество по ряду направлений, в том числе в освоении Южно-Русского газового месторождения, проектов Сахалин-2 и Ямал СПГ, Штокмановского месторождения[23].

В настоящее время Российская Федерация и ЕС продолжают оставаться важными партнерами в сфере энергетики, несмотря на возникшие проблемы в сфере энергетического сотрудничества. Важнейшей датой в сфере энергетического сотрудничества России с ЕС стало 30 октября 2000 года, когда на Парижском Саммите Россия — ЕС энергетика была выбрана в качестве компонента двусторонних отношений с наибольшим потенциалом достижения более глубокой, взаимовыгодной интеграции на Европейском субконтиненте. Это стало предпосылкой создания Энергодиалога Россия — ЕС — особого вида партнерства, целью которого является укрепление взаимовыгодного энергетического сотрудничества, повышение уровня доверия и прозрачности в отношениях между двумя сторонами в области энергетики, включая обмен информацией об энергетической политике сторон, о развитии законодательства и нормативно-правовой базы. Основой Энергодиалога стал механизм консультаций государственных институтов с бизнесом в форме Тематических групп (по энергетическим рынкам и стратегиям, энергоэффективности и инновациям, электроэнергетике и атомной энергетике) и Консультативного совета по газу.

Важный шаг в расширении сотрудничества России и ЕС был сделан в марте 2013 года, когда была принята *Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 года*[24], основанная на привержен-

---

[22] Последний доклад Энергодиалога был принят в 2013 году, после чего процесс был заморожен (см. далее).

[23] Энергодиалог Россия-ЕС. 13-й обобщающий доклад, представленный Министром энергетики России А. В. Новаком и Комиссаром Европейской комиссии по энергетике Г. Эттингером (январь 2014 года). [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (дата обращения: 26.11.2016).

[24] Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 года [Электронный ресурс]. URL: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/Roadmap%20Russia-EU%20Energy%20Cooperation%20until%202050_Rus.pdf (дата обращения: 27.11.2016).

ности обеих сторон долгосрочному стратегическому сотрудничеству ЕС и России в области энергетики. Несмотря на то, что Дорожная карта не является юридически обязывающим документом, она призвана служить в качестве основных направлений деятельности Энергодиалога Россия — ЕС. В качестве стратегической цели Дорожная карта указывает формирование пан-Европейского энергетического пространства с функционирующей интегрированной сетевой инфраструктурой, с открытыми, прозрачными, эффективными и конкурентными рынками, которое будет способствовать обеспечению энергетической безопасности и достижению целей устойчивого развития ЕС и России.

Эффективность взаимодействия исторически основывалась на понимании и признании взаимной выгоды сотрудничества России как ключевого поставщика энергоресурсов с ЕС, который насчитывает полумиллиарда потребителей энергии на едином внутреннем рынке. Однако существенное ухудшение энергетического сотрудничества между Россией и ЕС произошло после принятия санкций в 2014–2015 гг., которые в настоящее время являются одним из основных вызовов внешней энергетической политики России. После введения санкций по инициативе Еврокомиссии была заморожена работа Энергодиалога, хотя российская сторона выразила убеждение в том, что возобновление диалога в равной степени отвечает интересам обеих сторон[25]. К сожалению, этот шаг свел на нет все совместные усилия ЕС и России по поиску консенсуса в сфере энергетического сотрудничества и достигнутые в результате Энергодиалога договоренности. Введенные санкции ЕС против нефтегазовой отрасли России запрещают компаниям ЕС поставлять в Россию товары, услуги и технологии для добычи углеводородов в Арктике, на глубоководном шельфе, в сланцевых пластах, а также использовать в некоторых конкретных нефтегазовых проектах. Список продукции, попадающей под запрет на ввоз в Россию включает буровые платформы для работы на шельфе, оборудование для горизонтального бурения, подводное и морское оборудование для работы в условиях Арктики, программное обеспечение для буровых работ и гидроразрыва пласта (ГРП), дистанционно управляемые подводные аппараты, насосы высокого давления, ряд других позиций. По сути, закрывается работа в России западных сервисных компаний. По оценке Института энергетики и финансов, в России из-за санкций и падения мировых цен на нефть могут остановиться самые

[25] Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. [Электронный ресурс]. URL: https://russiaeu.ru/ru/otraslevye-dialogi (дата обращения: 27.11.2016).

затратные проекты в российской добыче углеводородов (арктические шельфы, трудноизвлекаемые запасы) и, в случае неблагоприятного сценария для нефтяной отрасли, падение добычи к 2020 г. может составить 4–5% от уровня 2014 г. (20–25 млн т)[26].

Однако последствия санкций негативным образом отразились не только на российских, но и на европейских энергетических компаниях. За год действия санкций ЕС против РФ был заморожен ряд крупных проектов с участием европейских компаний по разработке трудноизвлекаемых запасов газа и нефти, на арктическом и глубоководном шельфе, что в перспективе негативно отразиться на развитии НГК России и ЕС. Вложившие крупные капиталы в российские нефтегазовые проекты партнеры-инвесторы из Европы (Shell, BP, Total, Statoil, Eni и другие) оказались в рискованном положении. Масса проблем и убытков возникла у многих европейских сервисных компаний, использующих европейское нефтегазовое оборудование в России. По оценкам Центра Международной Торговли, стоимость ежегодно ввозимого нефтегазового оборудования в Россию, попавшего под режим санкций, достигает 1,2 млрд долл.[27]. Компания Saipem (дочерняя компания Eni) имела договор с «Газпромом» на строительство подводной части «Южного потока», но поскольку проект остановлен, ее недополученные доходы оцениваются в 1,2 млрд евро. Последствием санкций стал уход ряда компаний ЕС из российских проектов, поскольку было запрещено поставлять оборудование и разрабатывать шельфовые, глубоководные и сланцевые месторождения. По оценке аналитиков Правительства РФ, суммарные потери компаний ЕС и США от санкций могут превышать 5 млрд долл .

Как позитивные, так и негативные итоги энергетического сотрудничества России и ЕС приводят к выводу о том, что развитие долгосрочного энергетического сотрудничества России и ЕС является необходимостью для обеих сторон. В стратегии ЕС по торговле и инвестициям, одобренной Советом ЕС 27 ноября 2015 года, говорится: «Стратегическим интересом ЕС остается достижение более тесных экономических связей с Россией. Перспективы этого будут, однако, определяться прежде всего внутренней и внешней политикой России, которая до сих пор не дает никаких признаков необходимых изменений». Одновременно

[26] Мустапаров Р.М. Совершенствование энергетического сотрудничества России и Европейского союза в газовой сфере. [Электронный ресурс]. URL: https://guu.ru/files/dissertations/2016/04/mustaparov_r_m/dissertation.PDF (дата обращения: 27.11.2016).

[27] Секторальные санкции: год спустя. Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ, Выпуск №27, август 2015 г. стр. 12. Электронный ресурс. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/6155.pdf (дата обращения: 27.11.2016).

с этим в том же 2015 году Евросовет одобрил создание Энергетического союза, целью которого, по словам председателя Европарламента Мартина Шульца, является снижение зависимости от «непредсказуемых поставщиков, использующих энергоносители в качестве политического оружия», подразумевая российский «Газпром», что выявляет очевидное противоречие в намерениях. Хочется надеяться, что экономические интересы государств возобладают над политической подоплекой санкций, наносящих ущерб всем объективно заинтересованным в сотрудничестве сторонам, и стратегически важное и исторически доказавшее свою эффективность сотрудничество между ЕС и Россией не только вернется на докризисный, но и перейдет на качественно новый уровень.

Отношения с Турцией. Перспективным партнером Российской Федерации, как и Евросоюза, является Турция. В рамках энергетического сотрудничества между Российской Федерацией и Турцией реализуются два крупных проекта: Голубой поток и Турецкий Поток.

Турецкий поток. Несмотря на внешнеполитические трудности, негативные экономические факторы и неблагоприятную международную обстановку, 10 октября 2016 года Москва и Анкара заключили межправительственное соглашение по строительству газопровода «Турецкий поток». Документ подписали министр энергетики России Александр Новак и его турецкий коллега Берат Албайрак в присутствии президентов двух стран Владимира Путина и Реджепа Тайипа Эрдогана. Договор предусматривает прокладку двух ниток газопровода мощностью 15,75 млрд м^3 в год каждая (суммарная мощность 31,5 млрд м^3) с возможностью расширения до четырех ниток на емкость 63 млрд м^3. Первая нитка газопровода предназначена для поставок газа турецким потребителям, вторая — для газоснабжения стран Южной и Юго-Восточной Европы.

Голубой поток. Газопровод «Голубой поток» — уже реализованный крупный проект Турции и России, который предназначен для поставок российского природного газа в Турцию через акваторию Черного моря, минуя третьи страны. «Голубой поток» дополняет газотранспортный коридор из России в Турцию, который проходит через территорию Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии.

«Голубой поток» существенно повысил надежность поставок газа в Турцию, а также способствует развитию газового рынка и газовой инфраструктуры этой страны. Общая протяженность газопровода «Голубой поток» составляет 1213 км. Проектная мощность газопровода составляет 16 млрд куб. м газа в год.

Проекты СПГ. Как отмечено выше, Россия рассматривает страны АТР в качестве основных партнеров в нефтегазовой сфере. Основные

объемы поставок российского сжиженного природного газа будут идти на рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона. СПГ дает большие возможности для диверсификации потребителей, и потенциал для реализации СПГ-проектов у России есть.

В Китае и Японии сегодня существует значительный спрос на сжиженный газ. Сегодня абсолютное большинство российского СПГ поставляется в Японию, при этом доля поставок российского СПГ в общем импорте Японией этого энергоресурса составляет около 10%.

Рост объемов торговли СПГ — это один из основных трендов сегодняшнего энергетического рынка. И отмечая в этой связи перспективность для России азиатского рынка, мы понимаем, что у Азии значительно больший потенциал роста экономики, чем у Европы. Однако и Европа активно включилась в развитие направления энергопоставок, связанных с СПГ, в частности, Литва реализует проект СПГ-терминала в Клайпеде (заключив контракт на поставку СПГ с компанией «Статойл»).

Для России в данном направлении особую важность представляет опережающее развитие соответствующей экспорто-ориентированной инфраструктуры, в том числе новых заводов по сжижению газа в рамках проектов «Ямал-СПГ», «Владивосток-СПГ» и других. Возникшая внешнеполитическая напряженность заставляет сегодня нефтегазовый сектор задумываться об инвестировании дополнительных средств в собственное производство высокотехнологичного оборудования. С одной стороны, это позитивно скажется на модернизации отрасли, с другой — способно увеличить затраты при разработке новых проектов, а в отдельных случаях и привести к переносу сроков их вводов. Наиболее ощутимым это может стать для глубокой переработки нефти и газа, а так же при производстве СПГ.

Арктические проекты. Одним из стратегических приоритетов для России в энергетической сфере является также освоение углеводородного потенциала континентального шельфа арктических морей. К 2050 году, по оценкам ведущих экспертов, арктический шельф будет обеспечивать от 20 до 30% всей российской нефтедобычи. С учетом ключевой роли топливно-энергетического комплекса в экономическом балансе страны, а также проблемы исчерпания углеводородных ресурсов, Арктика представляет особый интерес с экономической и геополитической точки зрения, обеспечивая энергетическую безопасность России. Активное освоение региона ведет к развитию транспортной инфраструктуры, что является одним из приоритетных направлений энергетической политики Российской Федерации. Вопрос транспортировки играет одну из ключевых ролей в контексте освоения ресурсов Арктики

и подразумевает решение ряда задач. В первую очередь необходимо обеспечить безопасность судоходства в ледовой Арктике. Кроме того, необходима существенная модернизация имеющейся инфраструктуры, а также строительство новых объектов (в т.ч. портов, железных дорог, автомобильных дорог и др.) Особого внимания заслуживает уникальный трансконтинентальный маршрут — Северный морской путь. Существует необходимость модернизации арктического флота, включая строительство современных ледокольных судов арктического класса. Немаловажным является современное состояние портовой системы, которая не в полной мере соответствует современному мировому уровню. Кроме того, вдоль маршрута СМП требуется развитие железнодорожной инфраструктуры. Существует также проблема неразвитости сети автомобильных дорог, что приводит к перепробегам автотранспорта и отсутствию доступа некоторых регионов к автодорожной сети России. Таким образом, освоение углеводородных ресурсов арктического региона способствует развитию инфраструктуры транспортной системы региона и, как следствие, его экономическому развитию, что способствует экономическому благосостоянию страны в целом.

По своему совокупному нефтегазовому потенциалу осадочные бассейны российского арктического шельфа сравнимы с крупнейшими нефтегазоносными регионами мира. Российский участок арктического шельфа содержит от 80 до 100 млрд тонн условного топлива, что составляет около 25% мировых запасов. Однако лишь первый этап разработки арктического шельфа требует инвестиций в размере более 500 млрд долларов.

В контексте событий последних лет, с учетом сложной геополитической ситуации арктическое направление приобретает исключительно важное значение. Нашей ведущей компанией «Роснефть» развернуты масштабные проекты по освоению углеводородных ресурсов арктической зоны. Однако в ходе реализации арктических проектов уже возникли ограничения из-за санкций и отказа ряда зарубежных компаний от участия в данных проектах. Как известно, США инициировали введение жестких ограничений на участие американских компаний и использование американских технологий в проектах по добыче трудноизвлекаемой нефти России. Санкции коснулись, в частности, и разработки месторождений на арктическом шельфе.

Повышенный интерес к арктическому региону обусловлен его стратегическим и геополитическим значением, а также исключительными углеводородными, водными и минеральными ресурсами. По некоторым оценкам, именно эти ресурсы станут определяющим фактором

развития экономики России. Кроме того, ресурсный потенциал российской Арктики является объектом повышенного внимания и сточки зрения его роли в обеспечении энергетической безопасности страны. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года рассматривает «освоение углеводородного потенциала континентального шельфа арктических морей и северных территорий России» в качестве стабилизирующего фактора в условиях некоторого сокращения запасов и невысокого уровня разведанности углеводородов.

Заключение. Современными вызовами энергетической дипломатии России является сложная геополитическая обстановка, неблагоприятная экономическая конъюнктура, а также приоритет политических мотивов над экономической целесообразностью. Преодоление данных вызовов возможно только посредством эффективного и плодотворного многостороннего сотрудничество в сфере энергетики.

Литература

1. Салыгин В. И., Гулиев И. А., Литвинюк И. И. Проблемы современной энергетики в контексте устойчивого развития // В сборнике: Наука в современном информационном обществе. Материалы VII международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2015. С. 161–165.
2. Гулиев И. А., Литвинюк И. И., Мехдиев Э. Т. Новейшие тенденции мирового рынка сжиженного природного газа: предпосылки расширения экспортного потенциала Австралии, Канады, России и США // SOCAR Proceedings. 2016. № 2.
3. Салыгин В. И., Гулиев И. А. Формирование стратегических траекторий развития систем трубопроводного транспорта энергоресурсов в условиях современных геополитических процессов // в сборнике УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ КРУПНОМАСШТАБНЫХ СИСТЕМ MLSD'2016 Материалы Девятой международной конференции: в 2-х томах / Под общей редакцией С. Н. Васильева, А. Д. Цвиркуна. 2016 (Том. I Пленарные доклады, секции 1–4) С. 113–122
4. Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/3411790 (дата обращения: 26.11.2016);
5. Мустапаров Р. М. Совершенствование энергетического сотрудничества России и Европейского союза в газовой сфере. [Электронный ресурс]. URL: https://guu.ru/files/dissertations/2016/04/mustaparov_r_m/dissertation.PDF (дата обращения: 27.11.2016)
6. Официальный сайт Министерства энергетики РФ [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (дата обращения: 25.11.2016);
7. Официальный сайт Постоянного представительства Российской Федерации при Европейском союзе. Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 года [Электронный ресурс]. URL: https://russiaeu.ru/sites/

default/files/user/Roadmap%20Russia-EU%20Energy%20Cooperation%20until%202050_Rus.pdf (дата обращения: 27.11.2016).
8. Салыгин В. И. Барьеры на пути к устойчивому развитию в Арктике / В. И. Салыгин, И. А. Гулиев, А. О. Хубаева // Наука в современном информационном обществе VII Vol.1 North Charleston, SC, USA. 2015. P. 171–174.
9. Секторальные санкции: год спустя. Энергетический бюллетень Аналитического центра при Правительстве РФ, Выпуск №27, август 2015 г. Эл. ресурс. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/6155.pdf (дата обращения: 27.11.2016).
10. Салыгин В. И., Гулиев И. А., Литвинюк И. И. Восточный вектор энергетической дипломатии России: трубопроводные проекты с Китаем // В сборнике: Наука в современном информационном обществе. Материалы VII международной научно-практической конференции. н.-и. ц. «Академический». 2015. С. 157–160.
11. Энергодиалог Россия-ЕС. 13-й обобщающий доклад, представленный Министром энергетики России А. В. Новаком и Комиссаром Европейской комиссии по энергетике Г. Эттингером (январь 2014 года). [Электронный ресурс]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (дата обращения: 26.11.2016).

MODERN CHALLENGES FOR RUSSIAN ENERGY DIPLOMACY

Igbal Guliyev

Abstract. *The article highlights the main perspectives and challenges for Russia's foreign policy in the energy sector at the present stage. Particular attention is paid to energy cooperation between Russia and Europe, which has a century-long history. Also, the paper considers the main trends in the development of Russia's relations with the countries of the Asia-Pacific region, Turkey and the members of OPEC. The directions of the development of LNG projects, as well as Arctic projects, which are the most priority at this stage, are singled out separately.*

Keywords: *Energy diplomacy, foreign policy, sanctions, EU, Russia, LNG, the Arctic.*

References:

1. Salygin V. I., Guliev I. A., Litviniuk I. I. Problemy sovremennoi energetiki v kontekste ustoichivogo razvitiia // V sbornike: Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve. Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. n.-i. ts. «Akademicheskii». 2015. S. 161–165.
2. Guliev I. A., Litviniuk I. I., Mekhdiev E. T. Noveishie tendentsii mirovogo rynka szhizhennogo prirodnogo gaza: predposylki rasshireniia eksportnogo potentsiala Avstralii, Kanady, Rossii i SShA // SOCAR Proceedings. 2016. № 2.
3. Salygin V. I., Guliev I. A. Formirovanie strategicheskikh traektorii razvitiia sistem truboprovodnogo transporta energoresursov v usloviiakh sovremennykh geopoliticheskikh protsessov // v sbornike UPRAVLENIE RAZVITIEM KRUPNO-

MASShTABNYKh SISTEM MLSD'2016 Materialy Deviatoi mezhdunarodnoi konferentsii: v 2-kh tomakh / Pod obshchei redaktsiei S. N. Vasil'eva, A. D. Tsvirkuna. 2016 (Tom. I Plenarnye doklady, sektsii 1–4) S. 113–122.
4. Informatsionnoe agentstvo TASS [Elektronnyi resurs]. URL: http://tass.ru/ekonomika/3411790 (data obrashcheniia: 26.11.2016);
5. Mustaparov R. M. Sovershenstvovanie energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i Evropeiskogo soiuza v gazovoi sfere. [Elektronnyi resurs]. URL: https://guu.ru/files/dissertations/2016/04/mustaparov_r_m/dissertation.PDF (data obrashcheniia: 27.11.2016)
6. Ofitsial'nyi sait Ministerstva energetiki RF [Elektronnyi resurs]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (data obrashcheniia: 25.11.2016);
7. Ofitsial'nyi sait Postoiannogo predstavitel'stva Rossiiskoi Federatsii pri Evropeiskom soiuze. Dorozhnaia karta energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i ES do 2050 goda [Elektronnyi resurs]. URL: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/Roadmap%20Russia-EU%20Energy%20Cooperation%20until%202050_Rus.pdf (data obrashcheniia: 27.11.2016);
8. Salygin V. I. Bar'ery na puti k ustoichivomu razvitiiu v Arktike / V. I. Salygin, I. A. Guliev, A. O. Khubaeva // Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve VII Vol. 1 North Charleston, SC, USA. 2015. P. 171–174.
9. Sektoral'nye sanktsii: god spustia. Energeticheskii biulleten' Analiticheskogo tsentra pri Pravitel'stve RF, Vypusk №27, avgust 2015 g. Elektronnyi resurs. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/6155.pdf (data obrashcheniia: 27.11.2016);
10. Salygin V. I., Guliev I. A., Litviniuk I. I. Vostochnyi vektor energeticheskoi diplomatii Rossii: truboprovodnye proekty s Kitaem // V sbornike: Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve. Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. n.-i. ts. «Akademicheskii». 2015. S. 157–160.
11. Energodialog Rossiia-ES. 13-i obobshchaiushchii doklad, predstavlennyi Ministrom energetiki Rossii A.V. Novakom i Komissarom Evropeiskoi komissii po energetike G. Ettingerom (ianvar' 2014 goda). [Elektronnyi resurs]. URL: http://minenergo.gov.ru/node/494 (data obrashcheniia: 26.11.2016).

Информация об авторе
Гулиев Игбал Адиль оглы
К.экон.н., доцент. Заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии, Российская Федерация
Эл.почта: guliyev@miep-mgimo.ru
Igbal Guliyev
PhD (Economics), Associate Professor, Deputy Director, International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University, Russia
E-mail: guliyev@miep-mgimo.ru

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ ВО ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

О. И. ДЕГТЯРЕВА

Аннотация. *В данной статье рассматривается проблема организации фьючерсной биржевой торговли российской нефтью в целях формирования самостоятельного уровня мировой цены без привязки к существующим мировым эталонам. Во введении обосновывается актуальность указанной проблемы для внешней энергетической политики России и социально-экономического развития страны с учетом того феномена, что мировая биржевая торговля нефтью и нефтепродуктами стала играть определяющую роль в выявлении текущей мировой цены и прогнозировании развития конъюнктуры нефтяного рынка.*

В основной части статьи представлен анализ сложившихся на данный момент центров биржевой торговли энергоносителями в мире с выявлением их специфики и ключевых контрактов. С учетом оценки зарубежного опыта автор прослеживает историю развития биржевой торговли энергоносителями в России от первых попыток до настоящего времени, выявляя причины неудач 90-х годов прошлого века и фиксируя текущее состояние дел. Особое внимание уделяется последнему проекту введения фьючерсной торговли экспортной нефтью марки Urals на Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой бирже. Проведен расчет соотношения котировок контракта на российскую марку и котировок двух эталонных сортов Light Crude и Brent, определен уровень дисконта российской марки, сложившийся по результатам первого периода действия нового контракта.

В результатах исследования автор выделяет факторы, которые способствовали формированию ликвидных биржевых рынков в зарубежных странах, и дает оценку перспективам российского биржевого рынка.

Ключевые слова*: биржевая торговля энергоносителями, нефтяные фьючерсы, фьючерсные контракты на российском рынке, эталонные марки нефти*

Введение. Российский рынок энергоносителей начал формироваться с первых лет экономических реформ как стратегический сектор на-

циональной экономики, обеспечивающий основную часть поступлений в государственный бюджет и определяющую долю экспорта. Эта роль сохранилась до настоящего времени и во многом определила специфику этой отрасли, ее стратегию и вклад в социальное развитие страны.

В то же время российская энергетика является весомой частью мировой энергетики, во многом зависящей как от глобальных конъюнктурных факторов, так и от возможностей использования в долгосрочных стратегиях сотрудничества с другими игроками рынка наличия национальных рыночных институтов, аналогичных мировой практике.

Таким рыночным институтом на мировом нефтяном рынке давно уже стали нефтяные биржи, обеспечивающие прозрачное, конкурентное ценообразование, а также независимый ценовой индикатор для всей отрасли. Аналогичный путь проделал и рынок природного газа, на котором формулы цены в контрактах все больше привязываются к спотовым ценам и биржевым котировкам фьючерсов на газ. Открытость такого рынка и открытость данных о фиксируемых ценах обеспечивают равенство участников рынка, а система залоговых депозитов и ежедневного пересчета по рынку обеспечивают серьезное поведение трейдеров и отсутствие кредитного риска. Биржевые котировки являются общепризнанными ценовыми индикаторами, используемыми в формулах спотовых и форвардных энергетических контрактов, а товары, на которые существуют ликвидные биржевые фьючерсы, становятся эталонами для других сортов. Продажа и покупка фьючерсных и опционных контрактов позволяет участникам рынка минимизировать ценовые риски и управлять прибылью. Как писал Джим Роджерс, «фьючерсный рынок стал раем для не желающих рисковать производителей и покупателей сырьевых товаров» [Роджерс, 2008, с. 78].

Вышеназванные особенности современной биржевой торговли определяют актуальность развития биржевых рынков нефти и нефтепродуктов в России. Хотя попытки такого рода предпринимались уже на протяжении двух десятилетий, пройденный путь нельзя признать успешным, что заставляет задуматься о причинах неудач и о будущих перспективах.

Роль современной биржевой и, в частности, нефтяной торговли неоднократно исследовалась в экономической литературе. Так, можно указать на весьма интересную монографию Джима Роджерса «Товарные биржи: самые горячие рынки в мире», вышедшую в 2008 году. Монография Стивена Эррера и Стюарта Л. Брауна «Торговля фьючерсами и опционами на рынке энергоносителей» (2004 г.) дает представление о формировании и развитии нефтяных биржевых рынков и реализуе-

мых на них стратегиях различных участников. Автор также неоднократно обращалась к этой проблеме в ряде работ, в частности в работе «Биржевая торговля в сфере топливно-энергетического комплекса» (2011 г.).

Теоретические основания исследования. Теоретической базой исследования является современное понимание сущности биржевой торговли физическими активами как торговли срочной, с использованием фьючерсных и опционных инструментов, обеспеченных гарантией центрального контрагента в лице расчетной палаты. Обезличенность участников рынка и стандартизация условий фьючерсных контрактов обеспечивают ликвидность рынка и объективность формирующейся цены, которая может рассматриваться в качестве общепризнанного индикатора.

Исследование: основная часть. Гипотеза исследования автора заключается в предположении, что формирование собственного ликвидного биржевого рынка на нефть российской марки Urals поможет «отвязать» цену на экспортную российскую нефть от цен на эталонную нефть марки Brent, что создаст национальный ценовой индикатор и в перспективе, может сделать Urals эталонной маркой для сортов аналогичного качества.

Нельзя сказать, что биржевая торговля не оказывает сейчас своего влияния на российский нефтяной экспорт. Как известно, в экспортных российских контрактах в отношении нефти марки Urals используются ценовые формулы, основанные на данных ведущих ценовых агентств, а также котировках фьючерсных контрактов на нефть марки Brent с включением дифференциала, отражающего разницу в качестве данных сортов. Сам по себе подобный принцип имеет право на существование, однако при этом периодически возникают вопросы об объективности и рыночности исходной эталонной цены, а также о правильности установления дифференциалов к этой цене. Ведь от ошибок в определении цен никто не застрахован, кроме того субъективный принцип и намеренное искажение ценовой информации могут произойти даже при идеальной методике.

Если говорить о практике ведущих ценовых агентств на рынке нефти — Platt's[28] и Argus[29], — то как положительный момент можно отметить

[28] S&P Global Platts (до 2016 г. Platts) — американское информационное агентство, специализирующееся на публикации справочных цен на энергоносители, продукты нефтехимии и металлы

[29] Argus Media — независимое международное ценовое агентство, зарегистрированное в Великобритании, представляющее информацию по ценам на продукцию энергетической отрасли и удобрения

то, что их методики определения цен открыты и могут быть оценены участниками рынка[30]. Как правило, их цены основаны на информации по сделкам спотового рынка с учетом котировок фьючерсных контрактов ведущих биржевых площадок. Это в равной степени относится и к справочным ценам на российскую нефть Urals, которые приводят указанные агентства. В итоге мы можем констатировать, что российские экспортеры нефти не участвуют в формировании цены на собственную нефть, а принимают ту, которую устанавливают ценовые агентства. И если для российских нефтяных экспортеров подобная практика за многие годы стала привычной, то такая вторичность и непрозрачность ценообразования не может не беспокоить национальные ведомства, регулирующие макроэкономическое развитие страны и вопросы бюджета. По этой причине важной задачей для нефтяной отрасли РФ является «отвязка» экспортной цены от маркерного сорта Brent, что позволило бы получить более прочную позицию в переговорах с внешними партнерами.

Однако для решения этой задачи необходимо предложить мировому рынку собственный ценовой индикатор, формирующийся на ликвидном рынке, и отвечающий необходимым требованиям ежедневности, объективности методики и практической применимости. Как нам кажется, в современных условиях таким индикатором может быть только биржевая котировка. Именно по этой причине мы наблюдаем в последние два десятилетия возрастающее число бирж, на которых торгуются контракты на энергоносители. География этих центров совпадает с ключевыми участниками мирового нефтяного рынка как со стороны поставщиков, так и потребителей, а история успехов и неудач в организации такой торговли может помочь в определении национальных перспектив.

Методология. Учитывая представленную гипотезу, методология исследования включала несколько методов. Обобщение опыта функционирования зарубежных нефтяных биржевых рынков осуществлялось с помощью аналитического и сравнительно-исторического подходов. Экономико-статистический анализ был применен в оценке масштабов этих рынков.

Процедура исследования. Логика поставленной автором задачи требовала последовательного рассмотрения деятельности нефтяных бирж и их роли в мировой экономике, а также российского опыта с ана-

[30] См. методологию установления справочных цен на нефть агентства S&P Global Platts https://www.platts.com/methodology-specifications/oil и методологию агентства Argus Media http://www.argusmedia.com/~/media/files/pdfs/meth/argus_crude.pdf/?la=en

Таблица 1
Объемы биржевой торговли контрактами на энергоносители
(в млн контрактов)

	2012	2013	2014	2015
Оборот	925,6	1265,6	1160,9	1437,2

Источник: Futures Industry Association за соответствующие годы [Электронный ресурс]. URL: http://marketvoicemag.org/?q=content/2015-annual-survey-global-derivatives-volume#top (дата обращения 12.01.2017)

лизом достигнутых результатов и их оценкой. Завершающей частью исследования стало рассмотрение последнего российского проекта в этой сфере — поставочного фьючерса на нефть марки Urals, введенного в конце ноября 2016 г. на Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой бирже.

Результаты исследования. Первопроходцем в деле внедрения нефтяных фьючерсов стали США, за ними последовала Западная Европа. Как отмечали С. Эррера и С.Л. Браун «появление фьючерсных и опционных контрактов на энергоносители внесло изменения в методы работы энергетических компаний на рынке» [Эррера, Браун, 2004, с. 1]. Постепенно рынок жидкого топлива пополнился новыми участниками, контракты этой группы появились на японских биржах, на бирже Сингапура, а позже и на биржах Китая, Индии и Бразилии. И хотя в целом в обороте биржевой торговли контракты на энергоносители занимают довольно скромное место (примерно 6% годового объема торговли), но если посмотреть абсолютные цифры заключаемых сделок, приведенные в таблице 1, то они будут весьма значительными.

Падение объемов биржевой торговли энергоносителями на 11,8% в 2014 году объяснялось стабилизацией цен нефтяного рынка и их продолжающимся в течение этого года снижением. Это почти не затронуло два контракта — лидера рынка — фьючерсы на Brent и WTI, но вот объемы торговли фьючерсом на природный газ, бывшим в последние годы вторым по ликвидности, снизились на 12%.

Ликвидными фьючерсами охвачен сейчас весь спектр энергоносителей, как нефть и нефтепродукты, так и природный газ. Объемы торговли отдельными контрактами, как показывают данные таблицы 2, стабильно растут на признанных рынках, но подвержены колебаниям на рынках молодых. Комментируя эти факты, можно следующее утверждение: «Для успеха фьючерсного контракта необходимо наличие трех важных факторов. Во-первых, нужно, чтобы товар был однородным и взаимоза-

Таблица 2
Торговля контрактами на энергоносители
(млн контрактов)

	Контракт (биржа)	2015	2014	2013	2012	2011
1.	Фьючерс на нефть марки Light Sweet (CME)	202,2	145,1	147,7	140,5	175,0
2.	Фьючерс на нефть марки Brent (ICE)	183,9	160,4	159,1	147,4	132,0
3.	Фьючерс на природный газ (CME)	81,8	74,2	84,3	94,8	76,9
4.	Фьючерс на газойль (ICE)	63,2	52,8	64,0	63,5	65,8
5.	Фьючерс на нефть (MCX)	47,8	20,7	39,6	57,8	54,8
6.	Фьючерс на нефть марки WTI (ICE)	39,8	31,6	36,1	33,1	51,1
7.	Фьючерс на бензин (CME)	40,3	30,4	34,5	36,6	31,1
8.	Фьючерс на печное топливо (CME)	36,9	33,9	32,8	36,1	31,8
9.	Опцион на фьючерс на нефть (CME)	39,6	31,1	31,5	32,5	36,7
10.	Фьючерс на природный газ (MCX)	13,5	15,6	23,8	27,9	9,9

Источник: Futures Industry Association за соответствующие годы [Электронный ресурс]. URL: http://marketvoicemag.org/?q=content/2015-annual-survey-global-derivatives-volume#top (дата обращения 12.01.2017)

меняемым. Второе условие успеха фьючерсного контракта — интерес хеджеров на рынке. Третьим условием успеха фьючерсного контракта является ценовая неустойчивость» [Эррера, Браун, 2004, с. 172–173]. Вполне очевидно, что для новых рынков проблемой является наличие хеджеров, которые могут быть неуверенны в возможности реализации разработанных стратегий хеджирования на рынках с непредсказуемой ликвидностью.

Как видим, «топовые» контракты торгуются не только в признанных центрах биржевой торговли США и Великобритании, но и на молодом рынке Индии. Конечно, основным мировым фьючерсным нефтяным рынком уже долгие годы является Нью-Йоркская товарная биржа (New-

York Mercantile Exchange), сокращенно обозначаемая NYMEX. Она первой ввела торговлю контрактами на энергоносители, первой же и добилась успеха со своим контрактом на печное топливо, существующим с 1979 г. С 2008 г. биржа NYMEX стала частью объединенной Чикагской биржи ("CME Group"), включающей две чикагские биржи и NYMEX. В секции торговли энергетическими товарами объединенной биржи зарегистрировано более сотни фьючерсных и опционных контрактов на нефть и нефтепродукты, природный газ, уголь, электроэнергию, этанол и др. Котировка NYMEX на нефть марки Light Sweet используется как мировая цена нефти.

Руководство NYMEX, понимая роль России на нефтяном рынке, уже в начале 2000-х годов предлагало свое сотрудничество в организации нефтяной биржевой торговли. Но в итоге в тот период все закончилось введением на самой NYMEX контракта на российскую нефть марки REBCO в октябре 2006 г. К сожалению, контракт, введенный как поставочный, не вызвал интереса и сделок по нему не заключалось. Однако сам по себе этот факт весьма показателен: ведущая биржевая площадка мира стремилась взять на себя роль ценового индикатора российской нефти.

Существующая сейчас Межконтинентальная фьючерсная биржа Европы (ICE Futures Europe) ранее называлась Международная нефтяная биржа (МНБ) и была организована в Лондоне в ноябре 1980 г. В 2001 г. МНБ стала дочерним подразделением американской биржи InterContinental Exchange (ICE). Торговля на этой бирже идет по широкому списку фьючерсов, свопов, опционов и других деривативных контрактов, базирующихся на нефти, газе, электроэнергии и ряде других товаров. Цена на торгуемый на этой бирже контракт на нефть марки Brent служит мировым ценовым индикатором.

На азиатском континенте биржевая торговля энергоносителями ведется в настоящее время на ряде площадок, старейшей из которых является Токийская товарная биржа (TOCOM). Нефтяные контракты появились на этой бирже в 1999 г. и охватили достаточно широкий круг товаров от сырой нефти (контрактным сортом стала нефть марки Dubai) до нефтепродуктов (газойль, бензин, керосин). Торговля энергоносителями не отличалась стабильностью, по некоторым контрактам падая до нуля, что в определенной степени объяснялось тем, что валютой контрактов является японская иена. В 2015 году наибольшие объемы зафиксировали контракты на нефть марки Dubai (3651 тыс.контрактов) и на бензин (1685,5 тыс.).

Являясь одним из крупнейших потребителей энергоресурсов, Индия постепенно стала и крупным биржевым рынком таких контрактов.

На данный момент торговля фьючерсами на энергоносители ведется в Индии на двух биржах: Универсальной товарной бирже Индии ((Multi Commodity Exchange of India — MCX) и Национальной бирже товаров и производных инструментов (National Commodity and Derivatives Exchange — NCDEX).

Универсальная товарная биржа Индии (Multi Commodity Exchange of India — MCX), образованная в 2003 г., на сегодняшний день является крупнейшей фьючерсной товарной биржей Индии, контролирующей около 84% быстроразвивающегося индийского рынка товарных деривативов. MCX ввела два контракта на нефть: один на поставку нефти, близкой по качеству марке Light Sweet, торгуемой на NYMEX, и второй — на нефть марки Brent. Уменьшив до 100 баррелей объем этих контрактов по сравнению с Нью-Йорком и Лондоном MCX добилась высокой ликвидности, несмотря на использование национальной валюты в торговле. На данный момент MCX является второй биржей по количеству контрактов на природный газ и третьей биржей по количеству контрактов на нефть.

Китай, как известно, значительно зависит от импорта нефти и нефтепродуктов. Естественно было ожидать, что контракты этой группы найдут достойное место в биржевой торговле Китая. Однако можно констатировать, что пока что этого не произошло. Определенную роль в этом играет специфика регулирования биржевой торговли в стране. «В 2012 году законодательно была разрешена деятельность иностранных участников на китайском рынке однако только путем организации совместных с местными фирмами фондов. В настоящий момент регулирование операций на китайских биржах продолжает оставаться достаточно жестким под контролем Китайской Комиссии по регулированию ценных бумаг [Дегтярева, 2016, с. 98]. Так, первый из энергетических контрактов — фьючерсный контракт на мазут, введенный на Шанхайской бирже, быстро набрал обороты и вошел в список мировых фьючерсов на энергоносители, но столь же быстро потерял это почетное место и был заменен фьючерсом на битум. В 2013 году на бирже должен был появиться контракт на сырую нефть. Для организации торговли данным контрактом была образована компания-оператор торговой платформы, резиденцией которой стала новая зона свободной торговли в Шанхае. То, что место торговли было отделено от основной биржи, стало сигналом к тому, что операции на этом рынке будут разрешены иностранным инвесторам. Новая структура получила название Шанхайская международная биржа энергоносителей. Но на данный момент торговля еще не началась.

Вполне естественно было ожидать появления нефтяной биржевой торговли на Ближнем Востоке, где в 2007 г. была создана Дубайская товарная биржа (DME). Биржа разработала и торгует фьючерсным контрактом на нефть марки Oman. После введения этого фьючерса министерство нефти и газа султаната Оман объявило, что будет использовать эти котировки для расчета официальных цен на данную нефть, определяемых как среднеарифметическая величина за текущий календарный месяц, и полученная цена становится официальной для поставок следующего месяца. На выбор марки нефти для торговли повлияло то, что Оман не является членом ОПЕК, и его нефть может свободно, без всяких ограничений, поставляться во все страны мира.

Обратимся теперь к российскому опыту и российским проблемам. Первое упоминание о нефтяных срочных контрактах относится к началу 90-х годов и является результатом «творчества» не организованных рынков, а некоторых российских компаний. Примером такого контракта можно привести контракт «Гермес–1» концерна «Гермес», обращавшийся в 1992 г. на приобретение 10 тонн западносибирской нефти. Эти контракты заключались по ценам покупки контракта с оплатой его авансовой части. Контракты могли перепродаваться после авансовой оплаты и в случае роста цен на нефть и лес давали прибыль (в виде разницы между ценой продажи и покупки контракта). Для получения товара по контракту следовало оплатить его полностью. Кроме того, полностью оплаченный контракт можно было обменять на акции компаний, входящих в концерн «Гермес». Даже столь неполное описание условий этих контрактов ясно демонстрирует, сколь далеки они от настоящих фьючерсов. По сути это были товарные расписки на поставку определенного количества товара в будущем, т.е. форвардные контракты, но отчасти стандартизованные для широкого распространения. Эти контракты не являлись объектом биржевых торгов, а их обращение не имело ничего общего с классическими фьючерсами.

В этот же период (1992 г.) были выпущены в обращение срочные контракты на нефтепродукты Башкирской специализированной товарно-сырьевой биржи «Нефть и продукты ее переработки» (БСТСБ) и Уфимской товарно-фондовой биржи. БСТСБ выпустила контракт на поставку 50 тонн автомобильного бензина по фиксированной цене, а затем организовала сеть пунктов по купле-продаже этих контрактов в ряде городов страны с курсовой надбавкой. УТФБ выпустила целый набор контрактов на бензины и моторные масла. Однако условия их обращения оказались хуже, чем у контрактов БСТСБ. Так, цена контракта

пересматривалась при изменении государственных цен на нефтепродукты в соответствии с индексом инфляции, требовался 50% аванс при покупке.

Опять мы видим, что обе биржи использовали «красивое» название фьючерса для организации торговых операций, далеких по своей сути от биржевой торговли.

Признавая роль биржевой торговли на современном рынке, и, в частности, торговли продуктами нефтяной отрасли, российское правительство за два десятилетия предпринимало немало усилий для организации такой торговли, первоначально на условиях наличного рынка, а позже и рынка срочных контрактов. К сожалению, часто в таких проектах идея возрождения биржи связывалась с государственным принуждением производителей к биржевой торговле нефтью и нефтепродуктами, что не находило понимания у отечественных компаний. Как писала автор «оппозиция некоторых федеральных ведомств, производителей и продавцов сырья оказалась сильнее — биржа не заработала. Инициатива не нашла поддержки у нефтяных компаний — «Лукойла», «Роснефти» , «ТНК-БП», которые заявили, что у них нет экономической мотивации продавать энергоносители через биржу и они смогут заявлять нефть и нефтепродукты на бирже, только если у них возникнут свободные объемы» »[Дегтярева, 2011, с. 231]. К тому же, даже при наличии таких сделок с учетом весьма скромных объемов их цены не могли быть признаны рыночными и не способствовали бы решению ценовых проблем в экспортных контрактах российских компаний.

Дальнейшие попытки организации нефтяной биржевой торговли связаны с деятельностью двух крупнейших биржевых площадок России — Московской биржи, объединившей существовавшие до этого раздельно биржи ММВБ и РТС, и Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи. В 2006 г. на РТС появился фьючерсный контракт на нефть сорта Urals, который стал первым биржевым контрактом на российскую нефть. Сорт Urals занимает существенную долю в мировой добыче и может считаться одним из эталонов на мировом рынке высокосернистой нефти. Фьючерсный контракт был введен расчетным. Физическая поставка нефти по фьючерсному контракту на нефть Urals не предусматривалась. Расчеты осуществлялись в рублях на базе цен спот-рынка по данным биржи ICE Futures Europe и информационного агентства Platt's. Таким образом, фьючерсная и спотовая цены должны были коррелировать между собой через механизм арбитража.

В первый период контракт был весьма ликвидным, он привлек внимание прежде всего инвесторов, а не представителей нефтяной

отрасли. Установленный в контракте объем в 10 баррелей не соответствовал практике нефтяных фьючерсов и явно отражал стремление биржи повысить ликвидность нового инструмента несколько искусственным образом. Отсутствие интереса конкретно к торгуемой марке нефти нашло свое подтверждение с введением на бирже РТС в октябре 2008 года в обращение расчётного фьючерсного контракта на нефть сорта Brent. С появлением нового контракта на более ликвидный актив объём торгов от контракта Urals быстро сместился в сторону нового инструмента, фьючерс на Urals стал быстро терять ликвидность и впоследствии был снят с торговли. Возможно, одной из причин этой неудачи стало то, что фьючерс на Urals был расчетным контрактом, и был слабо связан с реальным рынком энергоносителей в России. Котировки нефти лишь отражали цену фьючерса на Brent, обращающегося на ICE Futures. Что же касается контракта на **Brent на Московской бирже, то в 2015 г. он вошел в мировой список наиболее ликвидных нефтяных контрактов.**

Несколько другим путем пошла СПбМТСБ, организовав торги фьючерсным контрактом на дизельное топливо летнее с отгрузкой с нефтеперерабатывающих заводов Центрального Федерального округа, которые открылись в декабре 2010 года. Ориентированность на внутренний рынок нефтепродуктов и котировка в рублях, а также регулярные торги фьючерсным контрактом должны способствовать созданию в России справедливого индикатора и прогноза цен на нефтепродукты. В качестве базы для срочной торговли на этой же бирже организована спотовая торговля по всем основным группам нефтепродуктов с разными базисами поставки.

С 2012 года на бирже ведется торговля расчетными фьючерсами на индексы нефтепродуктов АО «СПбМТСБ» на летнее дизельное топливо, бензин, мазут и авиатопливо.

В настоящий момент определенные надежды возлагаются на разработанные на СПбМТСБ поставочные фьючерсы на нефть марки Urals с базисом Приморск и нефть марки ВСТО. Торги по первому контракту с 29 ноября 2016 года пока идут в тестовом режиме, а спецификация второго еще не введена в действие. Биржа считает введенный фьючерс первым шагом в создании нового механизма ценообразования на нефть марки Urals путем прямого рыночного формирования цены, без привязки в другим нефтяным сортам[31].

[31] Сайт СПбМТСБ [Электронный ресурс]. URL: http://spimex.com/markets/derivatives/market-portrait/ (дата обращения 12.01.2017).

Разрабатывая условия контракта, биржа учла прошлый опыт: объем контракта в 1000 баррелей является привычным для участников биржевой торговли, контракт является поставочным, а объем поставочной партии в 720 тыс.баррелей (примерно 100 тыс.тонн, что соответствует стандартной танкерной партии), может заинтересовать как поставщиков, так и покупателей[32]. Глубина контракта в 12 месяцев также может считаться положительным моментом. Понятно, что ликвидными являются только первые месяцы, однако глубина позволяет участникам рынка оценить временную структуру рыночных цен и, тем самым, способствует прогнозированию ситуации. Цены котируются в долларах США, однако российские рубли, наряду с другими активами, принимаются в качестве обеспечения сделок.

Результаты исследования. Итак, какие выводы подсказывает международный опыт? Во-первых, можно констатировать, что выбор базисного сорта для торговли является важным фактором: успех индийских контрактов на два маркерных сорта Light Sweet и Brent при более чем скромных результатах торговли марками Dubai и Oman, при том что физические поставки последних двух превалируют. Во-вторых, использование национальной валюты в торговле не является препятствием, если присутствует интерес участников рынка.

Неудачный опыт с товарными фьючерсами в России в первый период развития биржевой торговли (до середины 90-х годов) объясняется как причинами технического характера, так и особенностями российского рынка и экономической ситуации. Среди технических причин можно отметить неразвитость инфраструктуры для становления фьючерсного рынка, как инфраструктуры обращения товаров, так и инфраструктуры рынка вообще. Но большее значение имела специфика российского рынка того периода: высокая монополизация товарных рынков, жесткое государственное регулирование, отсутствие опыта биржевой фьючерсной торговли в прошлом, однозначность ценовой динамики.

Успех нового контракта на нефть на российской бирже, на наш взгляд, будет зависеть не столько от возможных корректировок отдельных положений налогового, таможенного и валютного законодательства, сколько в создании условий, при которых и российские и зарубежные участники торговли нефтью примут складывающиеся на этом рынке цены в качестве референтных для своих сделок. Таким образом, основной проблемой является обеспечение ликвидности этого

[32] Сайт СПбМТСБ [Электронный ресурс]. URL: http://spimex.com/markets/derivatives/urals-crude-futures/contract-description/ (дата обращения 12.01.2017).

Таблица 3
Ценовые дифференциалы NYMEX — ICE — SPIMEX (долл. США)

	NYMEX[1] (Brent)		ICE[2] (Brent)		SPIMEX[3] (Urals)		Дифференциал	
	8.12.	12.01	8.12	12.01	8.12	12.01	8.12	12.01
Март 2017	53,78	55.10	54,2	56.29	50,89	52,32	2,89–3,31	2,78–3,91
Апрель 2017	54,37	55.60	54,79	56.76	51,92	53,30	2,45–2,87	2,30–3,46

[1] Сайт биржи CMEGroup [Электронный ресурс]. URL: http://www.cmegroup.com/trading/energy/crude-oil/brent-crude-oil.html (дата обращения 12.01.2017)
[2] Сайт Межконтинентальной биржи [Электронный ресурс]. URL: https://www.theice.com/products/219/Brent-Crude-Futures/data ((дата обращения 12.01.2017)
[3] Сайт СПбМТСБ [Электронный ресурс]. URL: http://spimex.com/markets/derivatives/trades/delayed-quotes/ (дата обращения 12.01.2017)

рынка, что в современных условиях жесткой конкуренции бирж весьма сложно. Как показал опыт некоторых молодых бирж, ликвидность на новых рынках может как расти, так и стремительно падать. Так, на МСХ контракт на нефть достиг в 2012 г. годового оборота в 57 млн сделок, а через год — в 2013 г. только 39 млн (–31%).

В мировой практике существовали примеры, когда условия фьючерсного контракта неоднократно переделывались для обеспечения удобства участников рынка и привлечения ликвидности, так что работа в этом направлении может вестись, если первые месяцы не покажут роста оборотов торговли. Но вот вопрос о привлечении достаточного количества участников торговли решить будет гораздо сложнее. Многое будет зависеть от позиции самих российских нефтяных компаний. Как отмечено в материалах самой СПбМТСБ, проект разрабатывался совместно с крупнейшими российскими нефтяными компаниями. В таком случае вполне возможно, что они же станут и основными участниками этой торговли, действуя как маркет-мейкеры и подавая заявки как на покупку, так и на продажу. Однако с учетом финансового механизма фьючерсной торговли в этом случае им потребуются значительные финансовые средства для открытия и поддержания своих позиций.

Анализ результатов. В какой степени новый контракт вызвал интерес участников мирового нефтяного рынка и в перспективе может стать «флагманом» российской биржевой торговли должны свидетельствовать результаты торговли. За прошедшие полтора месяца с момента на-

чала торгов активность участников была невелика. Так, в первый день торговли 29 ноября 2016 г. количество открытых позиций на март 2017 г. составило 4 контракта, на апрель 2017 г. также 4 контракта. По другим срокам поставки сделок не было. На 12 января количество открытых позиций на март увеличилось до 18 контрактов, на апрель сократилось до 1 позиции[33].

Как же вели себя цены на СПбМТСБ на нефть Urals по сравнению с котировками на Brent Нью-Йоркского и Лондонского рынка? Что сейчас можно сказать о ценовом дифференциале нашей марки? Для ответа на этот вопрос необходимо сравнить котировки трех бирж. Результаты расчетов представлены в таблице 3.

Как видим, уровень скидки с цены Brent остается в пределах прежних значений. Можно отметить и вторую тенденцию, имевшую место и в прошлом: с повышением общего уровня цен ценовой дифференциал расширяется.

Заключение. Проведенное исследование дает основание сделать ряд выводов. Во-первых, биржевая торговля энергоносителями стала важной составной частью мирового нефтяного рынка, обеспечив его участникам возможность управлять ценовыми рисками и иметь постоянную информацию о текущей цене. Во-вторых, активная торговля фьючерсами на энергоносители может вестись не только на биржах развитых стран, однако для новых биржевых площадок проблемой являются колебания объемов торговли и необходимость поддержания рынка со стороны государства либо крупных финансовых структур. В-третьих, российская практика пока не дает примера успешной биржевой торговли, которая позволила бы не только создать свой ценовой индикатор для экспортных поставок, но и обеспечить нефтяным экспортерам возможность хеджировать свои риски. Как отмечала автор еще ранее «отсутствие биржевого срочного рынка на сегодня предопределяет необходимость для крупнейших российских товаропроизводителей и потребителей хеджировать свои риски на ведущих мировых товарных биржах (вне России) и/или на внебиржевом рынке …во взаимодействии с глобальными мировыми банками» »[Дегтярева, 2011, с. 233].

Конечно, полтора месяца торговли не являются достаточным сроком, чтобы говорить о каких-то итогах. Как известно из практики других рынков, перспективы того или иного фьючерса часто становятся видны на второй год его жизни. В целом же наличие понятных и прозрачных

[33] Сайт СПбМТСБ [Электронный ресурс]. URL: http://spimex.com/markets/derivatives/trades/delayed-quotes/ (дата обращения 12.01.2017)

правил ценообразования на рынке нефти и нефтепродуктов, которые свойственны современной биржевой торговле, позволило бы не только содействовать развитию внутреннего российского рынка, но и усилить влияние России на формирование мировой цены на нефть и нефтепродукты. В случае успеха данного проекта это позволит решить одну из важных задач энергетической политики России.

Литература

1. Дегтярева О. И. Биржевая торговля в сфере топливно-энергетического комплекса. Учебное пособие. Москва: Издательство «МГИМО–Университет», 2011. 262 с.
2. Дегтярева О. И. Биржи стран БРИКС в контексте мировой биржевой торговли: монография. Москва: Магистр, 2016. 208 с.
3. Джим Роджерс. Товарные биржи: самые горячие рынки в мире. Как каждый может инвестировать и получать прибыль. Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. 256 с.
4. Стивен Эррера, Стюарт Л. Браун. Торговля фьючерсами и опционами на рынке энергоносителей. Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 304 с.
5. Официальный сайт Futures Industry Association. [Электронный ресурс]. URL: https://fia.org/ (дата обращения 12.01.2017)
6. Официальный сайт Санкт-Петербургской международной товарно-сырьевой биржи. [Электронный ресурс]. URL: http://spimex.com/ (дата обращения 12.01.2017)

THE ROLE OF MODERN MARKET INSTITUTIONS IN THE FOREIGN ENERGY POLICY OF RUSSIA

Olga I.Degtyareva

Abstract. *This article discusses the problem of the organization of a futures exchange trading of Russian oil in order to create independent level of world prices without reference to existing global benchmarks. In the introduction substantiates the relevance of this problem for the external energy policy of Russia and socio-economic development of the country, considering the fact that the international exchange trade in oil and oil products began to play a decisive role in identifying the current world prices and the prediction of the development of the oil market.*

In the main part of the article the author presents an analysis of the current centres of exchange trade in energy in the world with the identification of their specifics and key contracts. Taking into account the assessment of foreign experience, the author traces the history of the development of exchange trading in energy resources in Russia from the first attempts up to the present time, reveal-

ing the reasons of failures of the 90-ies of the last century and fixing the current state of Affairs. Special attention is given to the latest project of the introduction of futures trade for Russian export oil grade Urals at the St. Petersburg international commodity exchange. The author presents calculation of the ratio of quotations of the contract for the Russian grade and two reference grades of Light Crude and Brent, the level of discount for Russian grades prevailing in the first period of the new contract.

In the concluding part of the research the author identifies the factors that contributed to the formation of a liquid stock markets in foreign countries, and assesses the prospects of the Russian stock market.

***Keywords**: commodity exchange energy trading, oil futures, futures contracts on the Russian market, the benchmark oil grades*

References

1. Degtjareva O.I. Birzhevaja torgovlja v sfere toplivno-jenergeticheskogo kompleksa. Uchebnoe posobie. Moskva: Izdatel'stvo «MGIMO–Universitet», 2011. 262 s.
2. Degtjareva O.I. Birzhi stran BRIKS v kontekste mirovoj birzhevoj torgovli: monografija. Moskva: Magistr, 2016. 208 s.
3. Jim Rogers. Hot commodities: how anyone can invest profitably in the world's best market. Random House, New York (Russian Edition). Moscow: ZAO «Olimp-Biznes», 2008. 256 s.
4. Steven Errera, Stewart L.Braun. Fundamentals of trading Energy Futures and Options. PennWell (Russian Edition). Moscow: ZAO «Olimp-Biznes», 2003. 304 s.
5. Official site of Futures Industry Association. [E-resurs]. URL: https://fia.org/ (data obrashhenija 12.01.2017)
6. Official site Sankt-Peterburg international mercantile exchange. [E-resurs]. URL: http://spimex.com/ (data obrashhenija 12.01.2017)

Информация об авторе
Дегтярева Ольга Ильинична
Кандидат экономических наук, доцент
Профессор кафедры менеджмента, маркетинга
и внешнеэкономической деятельности МГИМО МИД России
E-mail: olgadeg@mail.ru
Olga I.Degtyareva
PhD(Economics), Professor
Department of management, marketing and foreign economic activities
Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В АРКТИКЕ

Л. А. МАТИЯК

Аннотация. *В середине 2000-х годов Арктика как важный нефтегазоносный район, обладающий еще и потенциалом с точки зрения транспортировки углеводородов по северным морским путям, превратилась в новый политико-экономический регион глобального значения. Необходимую теоретико-методологическую базу для анализа сложных механики и логики циркумполярных международных отношений, а также регионального баланса сил предоставляет школа международной политэкономии (МПЭ). МПЭ использует междисциплинарный инструментарий для исследования с различных теоретических ракурсов проблем взаимозависимости политической и экономической областей и вопросов системного управления.*

Всплеск цен на нефтяных рынках в 2000-х годах, сопровождаемый актуализацией темы «пика добычи нефти», привел к переконфигурации энергетического измерения мировой политики и вылился в значительное повышение международного внимания в отношении периферийных нефтегазоносных районов, таких как Африка южнее Сахары. В этом широком глобальном контексте и в свете того, что благодаря технологическим новациям и климатическим изменениям Крайний Север стал гораздо более доступным для добывающей деятельности, Заполярье превратилось в регион, привлекательный для внешнеполитических и финансовых инвестиций. Совокупность данных трансформаций придала новую динамику циркумполярным политическим и экономическим процессам и способствовала формированию нового периода международных отношений в Арктике. Более того, глобальные энергетические тренды способны играть важную роль и в дальнейшем развитии циркумполярной политики. В соответствии с долгосрочными прогнозами, ожидается устойчивый рост цен на нефть и газ, что в свою очередь создаст предпосылки как для повышения рентабельности добывающих проектов в Заполярье, так и в целом мировой востребованности региона.

В последние годы внерегиональные державы, прежде всего, энергодефицитные азиатские государства, значительно увеличили свое институциональное, дипломатическое, экономическое и научно-исследовательское присутствие на Крайнем Севере в целях расширения их энергетических возможностей. В то же время циркумполярный международный ландшафт нельзя рассматривать исключительно сквозь призму оппозиции традиционных и новых игроков. Даже традиционные региональные державы обладают широким числом параллельных статусов, связанных с их членством в межгосударственных организациях (таких как НАТО), энергетических потребностях, который серьезно влияют на их поведение и интенции в Арктике.

Основой региональной стабильности в Заполярье является прочная институционально-правовая архитектура международных отношений, в которой центральное место занимают Арктический совет и Конвенции ООН по морскому праву. Более того, сложившуюся систему можно даже охарактеризовать как особый циркумполярный международный режим. Этот режим уже Доказал свои эффективность и устойчивость, когда на фоне кризисов на Украине и в Сирии региональное сотрудничество удалось даже углубить.

***Ключевые слова**: Арктика, мировая энергетика, Арктический совет, НАТО, международная политическая экономия.*

В современном мире Арктика приобретает все более актуальное внешнеполитическое значение, что обусловлено наличием в регионе богатой ресурсной базы; стратегическим географическим местоположением, а также транспортно-коммуникативным потенциалом северных морских путей. Нельзя не отметить важную роль Крайнего Севера в формировании глобального климата и поддержании устойчивости биосферы. На фоне общемировой значимости углеводородов и в контексте политизации энергетической сферы международной жизни особую роль начинает играть именно нефтегазовый потенциал арктического региона. Циркумполярные месторождения и транспортные акватории рассматриваются специалистами как стратегический резерв всей энергетической системы, поскольку, во-первых, по оценкам специалистов, в Арктике сосредоточено около 13% общемировых неразведанных запасов газа и 20% общемировых неразведанных запасов нефти [Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle, 2008]; во-вторых, на повестку дня выходят вопросы истощения нефтегазовых месторождений в других регионах; в-третьих, инновации в технологиях создают условия для переориентации разведки и освоения природных ископаемых на континентальном шельфе.

В настоящее время в плоскости анализа арктической проблемы обозначилось довольно большое количество исследований, затрагивающих различные аспекты международных отношений в Арктике и анализирующих роли и место широкого спектра внешнеполитических игроков, а также факторов в переконфигурации поля взаимодействия в регионе и его глобального статуса. Однако, несмотря на значительное число трудов о международных отношениях в Арктике, явно прослеживается дефицит исследований, выявляющих значение нефтегазового потенциала Крайнего Севера в сопряжении с конъюнктурой мирового энергетического рынка для становления качественно нового этапа международных отношений в регионе.

Высоким интерпретативным потенциалом для раскрытия паттернов и детерминант современного многостороннего взаимодействия в Заполярье и конфигурации сил на региональном поле обладает школа международной политэкономии (МПЭ), которую американский исследователь Б. Коэн определяет как «союз двух дисциплин, в котором изучение рынка и политический анализ оказываются в едином исследовательском поле» [Cohen, 2008, p. 16]. Возникновение и востребованность МПЭ в начале 1970-х гг. явились следствием изменения миропорядка и баланса сил, а также невозможности политики «высокого уровня», подразумевающей, прежде всего, военную мощь государств, ответить на сущностно новые вызовы конца 1960-начала 1970-х гг. (в частности, кризис Бреттон-Вудской системы и первый энергетический кризис). В этих условиях данная теоретическая школа, представленная таким видными учеными, как Р. Гилпин, Р. Кеохейн, Ч. Киндлбергер, С. Краснер, Дж. Най, С. Стрендж, стала учитывать и анализировать проблемы, исследование которых ранее традиционно осуществлялось в рамках иных областей знания. Трансформирующее воздействие реалий финансово-экономической сферы на материю внешнеполитического взаимодействия предопределило становление междисциплинарного исследовательского подхода.

Парадигма международной политэкономии предоставляет важный инструментарий для познания и интерпретаций процессов, происходящих в Арктике, через ракурс взаимосвязи и взаимозависимости различных политических и энергетических факторов. Она позволяет анализировать воздействие глобальных трендов развития мировой энергетики, динамики цен на углеводородных рынках на международные отношения в регионе, а также вопрос устойчивости циркумполярного порядка в контексте существования на Крайнем севере отдельного международного режима.

Прежде всего, в энергетическом контексте необходимо рассматривать всплеск внешнеполитического интереса к Арктике, наблюдающийся с середины 2000-х годов, когда происходит два крайне значимых с энергетической точки зрения события. В этот период были опубликованы результаты нескольких исследований региональной ресурсной базы. Одна из наиболее авторитетных оценок запасов нефти и газа за Северным полярным кругом содержалась в докладе Геологической службы США 2008 года, продемонстрировавшем колоссальные запасы на Крайнем Севере неразведанных природного газа и нефти [Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle, 2008] Широкий резонанс, который вызвала публикация этих данных, обусловлен также тем, что в период 1990-х — первой половины 2000-х гг. рост цен на углеводороды приобрел характер устойчивой тенденции. Благодаря этому стала рентабельной эксплуатация месторождений с более сложным геологическим строением, что способствовало расширению географии регионов добычи и появлению на нефтегазовом поле тех пространств, что ранее считались периферийными (например, Африка южнее Сахары). Энергетический фактор стал оказывать значительное влияние на внешнеполитические и экономические процессы в новых углеводородобогатых районах.

Изменившаяся общемировая конъюнктура оказала масштабное воздействие и на циркумполярный уровень, задав новую динамику международному взаимодействию в регионе — она обусловила резкий всплеск внешнеполитического интереса к Крайнему Северу в середине 2000-х гг.; резкую активизацию арктических стран по усилению позиций в регионе, выразившуюся в принятии новых стратегических документов о государственной политике в Заполярье с фиксацией иной иерархии приоритетов (от проблем защиты окружающей среды к вопросам нацбезопасности); расширении хозяйственной деятельности, в том числе добывающей; наращивании усилий по решению проблем, связанных с территориальными правопритязаниями в отношении континентального шельфа и двусторонними территориальными спорами.

Переосмысление мировым сообществом энергетической роли Крайнего Севера привело к формированию архисложного регионального международного пейзажа, во многом порожденного ростом внимания к Заполярью со стороны традиционно нециркумполярных стран, которые стали важными участниками арктического дискурса. Новые акторы проявляют активность в плоскости укрепления в международных циркумполярных организациях (в частности, в 2013 году в состав стран-наблюдателей Арктического совета (АС) было принято 6 новых

членов, притом большинство из них являются азиатскими энергодефицитными государствами); наращивания сотрудничества со странами региона, включая участие в совместных энергетических проектах; интенсификации научно-исследовательской деятельности в Заполярье; интересу к развитию северных транспортных магистралей.

В то же время ошибочно рассматривать региональный ландшафт исключительно сквозь призму поляризации игроков на традиционных и новых. Необходимо учитывать, что государства-участники арктического дискурса помимо их статуса в регионе, связанного с географическим положением и наличием циркумполярной самоидентификации, еще и принадлежат к различным формализованным в виде конкретных международных объединений (ЕС, НАТО) или неформальным сообществам, участие в которых обусловлено широким спектром различных национальных характеристик и интересов, в частности, ролью на мировом энергетическом рынке. Игроки в зависимости от региональной ситуации, международной конъюнктуры и национальных приоритетов способны выступать от лица то одного, то другого сообщества. Например, государство может в определенный момент времени солидаризироваться на циркумполярном поле с иными членами НАТО в военно-стратегических интересах, затем, допустим, принять участие в разработке документа ЕС о значении региона на правах участника Союза, в дальнейшем выступить с инициативой о принципах разработки ресурсной базы Заполярья в составе стран-импортеров углеводородов.

Однако одним из наиболее серьезных вызовов стабильности регионального порядка является тот факт, что все страны «пятерки», кроме России, являются членами блока НАТО. В связи с этим американский исследователь Х. Конли, мнение которого важно в том числе и в целях выявления позиции экспертного сообщества США по данной проблеме, подчеркивает два принципиальных аспекта [Conley, 2014, 54–65]. В соответствии с известной ст. 5 Североатлантического договора «договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или несколько из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом», и страна-участница «окажет помощь договаривающейся стороне или договаривающимся сторонам, подвергшимся подобному нападению» [Североатлантический договор, 1949]. Иными словами, государства-члены Альянса на арктическом поле могут рассматриваться в качестве консолидированного вооруженного сообщества. При этом действия, расцененные как нападение, со стороны России в отношении одного из них будут восприняты как атака на НАТО в целом.

Одновременно важно понимать, что подходы различных региональных участников к роли Организации на Крайнем Севере в значительной степени разнятся, то есть «разделительные линии» наблюдаются и в, казалось бы, сплоченной группе арктических участников. Так, Канада выступает против вовлечения НАТО в циркумполярные военно-политические процессы, исходя из того, что не стоит размывать суверенные права стран «пятерки» в Арктике посредством делегирования части полномочий наднациональным структурам. Норвегия, напротив, занимает из всех циркумполярных участников Альянса наиболее активную позицию и выступает инициатором военных учений по линии Организации в северных широтах.

Особенно рельефно проблема роли НАТО в Арктике проявляется ввиду растущей милитаризации Крайнего Севера, а также замораживания контактов нашей страны с Альянсом. В условиях того, что данная проблематика остается вне повестки основных региональных организаций (АС и Совет Баренцева/Евроарктического региона), фактически возникает институциональный вакуум для обсуждения одной из наиболее принципиальных для стабильности Заполярья тем.

Ключевым параметром устойчивости регионального порядка в условиях общемирового роста турбулентности, а также наличия на региональном поле значимых «разделительных линий» является институционально-правовая архитектура международных отношений на Крайнем Севере. Ее опорными элементами выступают Конвенция ООН по морскому праву 1982 года и Арктический совет с одновременным широким спектром иных в плане тематического содержания и спектра участников механизмов взаимодействия.

Сложившуюся институционально-правовую систему можно рассматривать в качестве особого циркумполярного «международного режима». С. Краснер, который ввел в научный оборот данное понятие, определяет его как «совокупность принципов, норм, формализованных или неформального характера соглашений и процедур принятия решений, управляющих особой областью международных отношений» [Krasner, 1982, p. 186]. Важность имеет проблема разграничения международного режима от иных форм сотрудничества. Было предложено два критерия: (1) эффективность (насколько участники придерживаются согласованных правил; каким образом реагируют на их нарушение; получают ли все игроки в той или иной степени выгоду от участия в режиме); (2) устойчивость (сохранение, несмотря на изменение международной расстановки сил) [Levy, 1995, p. 287–295].

Свои эффективность и устойчивость циркумполярный международный режим продемонстрировал с начала ухудшения отношений России с западными странами, связанным с кризисами на Украине и в Сирии, когда региональное сотрудничество удалось не только продолжить, но и укрепить по ряду направлений. В частности, в 2017 году будет принят Полярный кодекс для укрепления безопасности судоходства в Северном Ледовитом океане; стороны прилагают усилия в целях регулирования рыболовства в Центральном бассейне СЛО; в 2015 году был учрежден Арктический форум береговой охраны. В конструктивном ключе развивается сотрудничество между Россией и США в период Председательства Соединенных Штатов в Арктическом совете (2015–2017 гг.).

Важная роль многосторонних институтов сотрудничества в Заполярье обусловлена тем, что отношения между собой основных участников можно охарактеризовать как взаимозависимость. Она связана с разным энергетическим статусом участников, предопределяющим необходимость совместных добывающих проектов; сложными климатическими условиями в Арктике; растущим числом региональных вызовов и угроз. Совокупность данных факторов обуславливает безальтернативность международного сотрудничества по развитию Заполярья в рамках существующих региональных форматов, даже в условиях повышения общемировой напряженности и потенциальной конфликтогенности богатой ресурсной базы Крайнего Севера.

Такая позиция совпадает и с официальным российским подходом, который остается неизменным, несмотря на значительное изменение внешнеполитической конъюнктуры в последние годы. Еще в 2010 году министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров заявил: «Любые проблемы, которые существуют на Севере, поддаются политическому, правовому решению и поэтому кликушество насчет того, что на Севере вот-вот начнется война за ресурсы — этот подход является провокацией» [Лавров, 2010].

В то же время проблемным остается тот факт, что, несмотря на актуальность именно энергетического измерения арктического сотрудничества, данная проблема остается не в фокусе внимания основных региональных наднациональных структур. В повестке дня Арктического совета энергетическая тема находится в определённой степени на периферии, будучи представлена практически исключительно ее природоохранным аспектом. Иными словами, механика международного арктического взаимодействия в данной области, включающего в себя целый блок тематически разных вопросов, находится пока в процессе разработки.

Тем не менее, нельзя не отметить важные меры на этом направлении, принятые в многостороннем формате. Прежде всего, стоит подчеркнуть, что второй юридически обязательный региональный документ — Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности реагирования на загрязнение нефтью моря 2013 года — посвящен именно энергетической проблеме, что показывает ее приоритетность для циркумполярных стран.

Доминантное влияние энергетического фактора на международные отношения в Арктике позволяет связывать интенсивность и характер внешнеполитических процессов в регионе с общим состоянием мировой энергетики, а также более локально, с ценовой динамикой на нефтегазовых рынках. Особую актуальность данная проблема приобретает ввиду детерминирующего воздействия углеводородного потенциала Крайнего Севере на его международную привлекательность. Понижение нефтяных котировок, наблюдаемое с середины 2014 года, уже сейчас меняет общемировую энергетическую конъюнктуру, приводя к разрушению стратегических планов компаний по инвестированию как в добычу и модернизацию производства, так и в геологоразведку [Дынкин, 2015, с. 38]. Дорогостоящие проекты, запущенные в период пиковых цен на углеводороды в 2000-х гг., в изменившихся финансово-экономических условиях теряют свою рентабельность.

Данный глобальный тренд отразился и на Арктике — многие региональные проекты в добывающей отрасли или закрываются, или находятся в стадии заморозки. Наиболее показательным в этом контексте стало полное прекращение деятельности компании «Шелл» в Чукотском море, несмотря на то, что в это предприятие ТНК было вложено около 4 млрд долларов. В исследовательском сообществе энергетическая полезность Крайнего Севера и перспективы его полномасштабного освоения являются довольно дискуссионными проблемами, поскольку ввиду высоких издержек освоения арктической ресурсной базы циркумполярные нефть и газ отличаются низкой конкурентоспособностью даже в сравнении с неконвенционными углеводородами, но в районах с более развитой транспортной и иной сопутствующей инфраструктурой, а также благоприятными климатическими условиями [Загорский, 2015, с. 17].

В то же время при оценке углеводородной привлекательности Арктики следует исходить, прежде всего, из долгосрочных трендов в этой области. По прогнозам российских экспертов, несмотря на наблюдаемые сейчас масштабные изменения на энергетическом рынке данный этап не следует рассматривать как точку бифуркации. Наиболее принципиально,

что в долгосрочной перспективе нефть и газ останутся доминантными энергоисточниками. Более того, мировой спрос на жидкие топлива и газ продолжит расширяться (среднегодовые темпы роста спроса на 0,7% [Макарова, 2016, с. 66] и 1,4% [Макарова, 2016, с. 112] соответственно). При этом основной прирост спроса ожидаемо придется на развивающиеся страны Азии (Китай и Индия в числе лидеров). Более того, после 2020 года около 40% вклада в общемировую добычу внесет нефть с месторождений, которые пока не являются одобренными проектами, включая еще даже неоткрытые и неразведанные [Макарова, 2016, с. 87].

В то же время текущая энергетическая ситуация, характеризующаяся снижением международного ажиотажа вокруг арктических нефтегазовых богатств в связи с новыми экономическими условиями, способна положительно повлиять на международную обстановку на Крайнем Севере. Во-первых, это исключает возможности эскалации в ближайшее время новой «большой игры» за нефтегазоносные территории. Ввиду турбулентности в иных регионах, прежде всего, в Сирии, ни одна из сторон не заинтересована в появлении еще одной конфронтационной точки. Во-вторых, в ходе нового этапа могут быть достигнуты значительные успехи в гармонизации международных политико-экономических отношений в регионе. У циркумполярных государств появляется возможность в штатном режиме продолжить укрепление многосторонних институтов регионального сотрудничества и создание новых международных площадок в Арктике; выработать модусы освоения ресурсной базы в соответствии со стандартами по защите окружающей среды и с учетом проживания на данных землях коренных народов Севера; осмыслить роль и место новых игроков. Таким образом, окончание периода всплеска мирового ажиотажа вокруг территорий за Полярным кругом и их ресурсов способно стабилизировать международную обстановку в Арктике и создать благоприятные условия для укрепления институционально-правового каркаса региональных отношений.

Итак, энергетический фактор можно рассматривать в качестве одного из доминантных в современных международных отношениях в Арктике с учетом его воздействия на возникновение экспоненциального всплеска внешнеполитического интереса к Арктике, обусловленного ростом привлекательности ее нефтегазового потенциала в период роста цен на углеводороды; формирование гетерогенного регионального пейзажа, значимую роль в котором стали играть и новые игроки, нециркумполярные энергодефицитные державы.

Сложность сложившейся расстановки сил связана не только с поляризацией акторов на традиционных и новых, но и с наличием большего

числа прочих «разделительных линий», которые являются следствием союзнических обязательств (прежде всего, в рамках НАТО), а также разной диспозицией основных участников в иных сферах международной жизни, оказывающей влияние и на их поведение и интенции на арктическом поле.

В настоящий момент региональная ситуация во многом развивается под воздействием двух основных внешних факторов. Во-первых, значительное влияние на циркумполярную обстановку и снижение доверия между игроками оказывает кризис в отношениях между Россией и Западом, спровоцированный кризисами на Украине и в Сирии. Во-вторых — обвал цен на нефтяных рынках, наблюдаемый с середины 2014 года, ставит под вопрос целесообразность дальнейшего хозяйственного освоения территорий за Полярным кругом и, как следствие, их востребованности у мирового сообщества.

Тем не менее, анализ международного сотрудничества в Заполярье в последние годы показывает, что оно не только продолжилось, несмотря на общемировую эскалацию напряженности, но даже углубилось по некоторым направлениям. Более того, на региональном поле сохраняется конструктивный диалог и между антагонистами Россией и США. В подтверждение теории международных режимов такое развитие ситуации обусловлено эффективным функционированием циркумполярных институционально-правовых механизмов взаимодействия и «правил игры» между основными участниками, которые поддерживают устойчивость регионального порядка даже в кризисный период.

Исследование прогнозов развития мировой энергетики в свою очередь продемонстрировало, что спрос на углеводороды, в том числе трудноизвлекаемых, в долгосрочной перспективе будет лишь расти. Уже с 2020 года ожидается уверенное повышение цен на мировых нефтегазовых рынках. В таких условиях, а также ввиду отсутствия на текущий момент альтернативных нефти и газу энергоисточников можно ожидать, что Арктика как богатый углеводородоносный регион сохранит свою как энергетическую, так внешнеполитическую привлекательность.

Литература

1. Североатлантический договор. 04.04.1949. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (дата обращения: 15.11.2016). (дата обращения 10.10.2016).
2. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / А. А. Дынкин [и другие]. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 147 с.

3. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / А. В. Загорский [и другие]. М.: Магистр, 2015. 304 с.
4. Выступление и ответы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова на вопросы СМИ на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2010 году. 13.01.2011. [Электронный ресурс]. URL: http://mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/222350 (дата обращения: 15.11.2016).
5. Прогноз развития энергетики мира и России 2016 / А. А. Макарова [и другие]. М.: ИНЭИ РАН-АЦ при Правительстве РФ, 2016. 196 с.
6. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. United States Geological Survey. 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008–3049.pdf (дата обращения 06.07.2016).
7. Cohen B. International Political Economy: An Intellectual History. Princeton: Princeton University Press, 2008. 210 p.
8. Conley H. A Role for NATO in the Arctic // Northern Security and Global Politics. London: Routledge, 2014. P. 54–65.
9. Levy M. The Study of International Regimes / M. Levy, O.Young, M. Zuern // European Journal of International Relations. 1995. Vol. 1. No .3. P. 267–330.
10. Krasner S. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as intervening Variables // International Organization. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 185–205.

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE ARCTIC: ENERGY DIMENSION

Liubov A. Matiyak

Abstract. *In the mid-2000s the Arctic being a significant hydrocarbon province with promising for oil and gas transportation Northern Sea routes appeared as a new global political and economic region. A proper theoretical framework for analyzing complex patterns of the circumpolar international relations and the regional balance of power is international political economy (IPE). IPE uses interdisciplinary tools and theoretical perspectives to understand the phenomena of interdependence between political and economic spheres and the issue of system governance.*

The rise in oil prices in the 2000s coming along with the accentuation of the "peak oil" challenge reconfigured energy dimension of world politics and attracted considerable international attention to new oil & gas frontiers such as Sub-Saharan Africa. Against this global background and due to the fact that technological advancement as well as climate change made the Far North increasingly accessible for energy exploration and production, the Arctic became attractive for political and financial investments. Such developments set a new dynamics of regional political and economic processes and contributed

to forming a new period of the circumpolar international relations. Moreover, global energy trends could play influential role in guiding the evolution of the Arctic politics. According to long-term prognostics, a steady growth of oil & gas prices is expected that will provide the basis for better cost efficiency of the circumpolar drilling activity and enhanced international attractiveness of the Far North as a whole.

In recent years non-regional countries, especially energy-starved Asian states, have significantly increased their institutional, diplomatic, economic and scientific presence in the Arctic in seek of diversifying their energy possibilities. At the same time the circumpolar international landscape could not be characterized as a simple dichotomy "traditional / new actors". Even traditional regional powers have a range of parallel status deriving from their membership in supranational organizations (such as NATO), energy requirements that seriously influence their behavior and intentions in the Arctic.

The cornerstone of the circumpolar regional stability is a solid institutional and legal framework with a central role of the Arctic Council and the Law of the Sea Convention that could be even qualified as a special circumpolar international regime. This regime has already demonstrated its special effectiveness and sustainability since the beginning of the crisis in Ukraine and in Syria when the cooperation in the Far North has been even deepened.

***Keywords**: Arctic, world energy, Arctic council, NATO, international political economy.*

References

1. Cohen, B. (2008). International Political Economy: An Intellectual History. Princeton: Princeton University Press.
2. Conley, H. (2014). A Role for NATO in the Arctic. Northern Security and Global Politics. London: Routledge.
3. Dynkin, A.A. (2015). Rossija i mir: 2016. Jekonomika i vneshnjaja politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and the World: 2016. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy]. Moskva: IMJEMO RAN.
4. Krasner, S. (1982). Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as intervening Variables. *International Organization*, 36, 2, 185–205.
5. Lavrov, S. (2010). Vystuplenie i otvety na voprosy SMI na press-konferencii po itogam dejatel'nosti rossijskoj diplomatii v 2010 godu [Remarks and answers to media questions at a news conference on Russia's diplomacy performance in 2010]. Retrieved 15 November, 2016 from http://mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/222350 .
6. Levy, M. (1995). The Study of International Regimes. *European Journal of International Relations*, 1, 3, 267–330.

7. Makarova, A.A. (2016). Prognoz razvitija jenergetiki mira i Rossii 2016 [World Energy and Russia. Annual Forecast 2016]. Moskva: INJEI RAN-AC pri Pravitel'stve RF.
8. Severoatlanticheskij dogovor. (1949). [The North Atlantic Treaty]. Retrieved 10 October, 2016 from http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm .
9. United States Geological Survey. (2008). Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle. Retrieved 6 July, 2016 from http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008–3049.pdf .
10. Zagorskij, A.V. (2015). Mezhdunarodno-politicheskie uslovija razvitija Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii. [International Political Environment for Developing the Arctic Zone of the Russia Federation]. Moskva: Magistr.

Информация об авторе
Матияк Любовь Анатольевна

аспирант Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; третий секретарь Департамента информации и печати МИД России

E-mail: matiak@mail.ru

Liubov A. Matiyak

post-graduate student of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; she is a third secretary at the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: matiak@mail.ru

РОССИЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ СООРУЖЕНИЯ АЭС: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Ю. В. ЧЕРНЯХОВСКАЯ

***Аннотация**. Во введении представлена разработанность темы исследования в работах российских и зарубежных экспертов. Отмечен недостаточный уровень комплексных научных исследований организационных аспектов с учетом жизненного цикла проекта (ЖЦ) АЭС и потребностей заказчиков на микро, мезо и макро уровнях, что делает анализ актуальным для атомной отрасли и развития методологии продаж высокотехнологичных инфраструктурных проектов.*

Представлены теоретические основания исследования, приводится определение устойчивого развития, которое является ключевым для анализа.

Основная часть исследования содержит описание методологии и процедуры исследования: использован системный подход и алгоритм маркетингового анализа с элементами методологии «конкурентного ромба» М. Портера.

В описании исследования на базе прогноза развития до 2040 г. оценена емкость целевого рынка для России; проведена сегментация рынка. Большинство проектов АЭС реализуются в развивающихся странах и «странах-новичках атомного энергетического клуба», которые стремятся получить несколько преимуществ от запуска атомной программы.

Анализ конкуренции привел к выводу о наличии сформированного «рынка покупателей»; конкуренция возросла из-за новых стран-экспортеров АЭС.

Отмечена роль международных организаций, разрабатывающих мировых «правила игры», что актуально для стран-новичков, априори их принимающих.

Выявлено, что конкурентоспособность оценивается на трех уровнях: микро (проект АЭС), мезо (финансово-организационная модель проекта) и макро (эффекты от проекта на экономику, экологию, общество). Различаются стейкхолдеры переговоров по АЭС (влияющие

на решения): на микро-уровне это компании продавец и покупатель АЭС, на мезо-уровне — промышленные и финансовые организации, на макро-уровне — правительства стран экспортера и импортера АЭС. Локальные «оптимумы» не достижимы, успех сделки по АЭС определяется интегральной оценкой.

Проанализирована эволюция положения России на мировом рынке, систематизированы элементы российской стратегии и тактики: стратегия интегрированных продаж и поэтапного проникновения, которая по принципу «глубокого эшелонирования» призвана обеспечить конкурентоспособность микро, мезо и макро-уровнях. Интегрированные продажи, включающие поставку АЭС, топлива, сервис, финансирование, обучение и проч., являются «производной» потребностей страны-получателя АЭС.

Центральное место при разработке стратегии занимает определение целей и ценности для заинтересованных сторон проекта АЭС на микро, мезо и макро-уровнях, что составляет мультифокусную стратегию продаж. Требования рынка сбыта электроэнергии, финансовых и технологических партнеров определяют конкретную сделку. Комбинация конкурентной стратегии и стратегии долгосрочного сотрудничества составляет гибридных характер стратегии продаж. Существующие и перспективные тактические приемы включают в себя аккаунт-менеджмент, анализ клиентов с использованием метода стратегических сетей, моделирование рынков сбыта электроэнергии и систему управления требованиями.

В анализе результатов и заключении отмечено, что при разработке интегрированной продажи АЭС важно не забывать «казус возничего, лошади и телеги» — взаимосвязь политики, экономики и технологии. В качестве перспективного направления дальнейших исследований указан анализ каждого элемента интегрированных продаж как отдельно, так и во взаимосвязи с другими элементами стратегии, а также факторный анализ конкурентоспособности указанных элементов на всем ЖЦ проекта АЭС.

Ключевые слова: *интегрированные продажи, мультифокусная стратегия, гибридная стратегия, метод стратегических сетей*

Введение. В новом тысячелетии мировой рынок сооружения АЭС сформировался как глобальный. Он развивается, несмотря на экономические и технологические потрясения. Российские и зарубежные исследователи энергетической и атомной отраслей единодушно разделяют точку зрения о сохранении «роли атомной энергии в решении проблем XXI века» и в «мировом энергобалансе» [Велихов, 2011, с. 6–15; Rogner,

2013, pp. 291–295], при этом «число стран с АЭС будет увеличиваться» [Прогноз развития энергетики, 2016, 195 с.][34].

Сооружение АЭС сталкивается с новыми вызовами на рынке. Либерализация рынков электроэнергии затрудняет гарантирование возврата инвестиций. Актуален анализ взаимосвязи «дерегулированных рынков сбыта электроэнергии и затрат (на АЭС)», что детально исследовано в [Nuclear New Build, 2015, 243 p.].

Предложение на мировом рынке сооружения АЭС превышает спрос, сформированный «рынок покупателей» постоянно повышает требования к комплексности сотрудничества, а конкуренция на стороне предложения выросла из-за появления новых экспортеров АЭС (к Франции, США, Японии и России прибавились Южная Корея и Китай).

Для России экспорт АЭС является перспективным для развития с учетом мировой конъюнктуры, национальной конкурентоспособности и достигнутых позиций на рынке. Задача «увеличения экспортного потенциала» атомной энергетики зафиксирована в документах Минэкономразвития[35] и в Энергетической стратегии России, как нынешней до 2030 г.[36], так и в разрабатываемом проекте до 2035 г.[37]

Необходимость расширять позиции на мировом рынке делает актуальным систематизацию и развитие российской стратегии и тактики на базе анализа возможностей. Российская Госкорпорация «Росатом» развивает стратегию интегрированных продаж, научное осмысление и дальнейшее формирование которой является насущной задачей.

Элементы стратегии России на мировом рынке АЭС анализируются российскими учеными, прежде всего, с точки зрения технической и организационной конкурентоспособности по «основному экономическому показателю — стоимости производства электроэнергии» [Двухкомпонентная ядерная энергетическая система, 2016, 160 с.]

---

[34] Lucas W. D. Prospects for Nuclear Power // Journal of Economic Perspectives. Vol. 26. 2012. PP. 49–66. [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.haas.berkeley.edu/ldavis/Davis%202012%20JEP.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

[35] Основные направления развития экспорта на период до 2030 года (проект) / Минэкономразвития России. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSvod/2015020513 (дата обращения: 07.11.2016).

[36] Энергетическая стратегия России на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 г. № 1715-р.

[37] Кулапин А. И. Энергетическая стратегия России до 2035 года (Минэнерго России) // Научно-практическая конференция «Проектное направление «Прорыв»»: материалы. 2016. С. 1–10. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 07–08.06.2016. URL: http://www.innov-rosatom.ru/files/articles/c4bcf5b1329916e8f5b2b339cd2db098.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

В данной статье оценка конкурентоспособности предложений поставщиков АЭС проводится на трех уровнях: микро (проект АЭС), мезо (финансово-организационная модель проекта) и макро (эффекты от проекта на экономику, экологию, общество). Концепция такого подхода к анализу явлений в экономике исследована в [Мезоэкономика, 2010, 994 с.], однако системно для конкурентных стратегий в атомной энергетике пока не применялась. Можно выделить исследования МАГАТЭ и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН влияния атомной отрасли на макро-уровне, выделяющие «макроэкономический»[38] и «технологический»[39] мультипликаторы, а также «мультипликатор занятости»[40] в атомной отрасли. На макро-уровне оценены экологические преимущества АЭС с точки зрения низкого уровня «выбросов парниковых газов на всем жизненном цикле (ЖЦ)» [Tudiver, 2009, pp. 100–111][41].

Важную роль имеют достижения в области междисциплинарных исследований по маркетингу и бизнес-моделям продаж инфраструктурных проектов на рынке B2B, в которых отмечается, что продажи становятся ориентированными на создание «долгосрочных отношений с клиентами», и фокусируются на «повышение эффективности для клиента»; наблюдается «интеграция функции продаж с деятельностью по маркетингу, финансированию и производству» [Storbacka, 2009, pp. 890–906]. Эти подходы перспективно применить при формировании стратегии и тактики на мировом рынке АЭС.

Недостаточный уровень комплексных научных исследований стратегии и тактики продаж на мировом рынке сооружения АЭС на трех уровнях (микро, мезо и макро) делает настоящую работу востребованной не только с точки зрения использования в атомной отрасли, но и для развития методологии продаж на рынках мегапроектов и высокотехнологичных инфраструктурных проектов с длительными инвестиционными и технологическими циклами.

---

[38] Alexeeva V. Macroeconomic Analysis in the IAEA: Status and Perspectives // IAEA Technical Meeting on the Macroeconomic Benefits of Nuclear Power Programs. IAEA, NEPIK/PESS. Vienna-VIC. 21–25 November 2016. PP. 1–25.

[39] Ивантер В.В. Инвестиции — не благотворительность. // Атомный эксперт. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 30.05.2014. URL: http://atomicexpert-old.com/blogs/viktor-ivanter/investicii-ne-blagotvoritelnost (дата обращения: 01.12.2016).

[40] Rothwell G. Employment Generated by the Nuclear Sector // IAEA Technical Meeting on the Macroeconomic Benefits of Nuclear Power Programs. IAEA. Vienna-VIC. 21–25 November 2016. PP. 1–30.

[41] Climate Change and Nuclear Power // International Atomic Energy Agency. Vienna. 2016. PP. 1–100. [Электронный ресурс]. URL: http://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/CCANP16web-86692468.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

Теоретические основания исследования. Исследование проведено с использованием информационных ресурсов Международного энергетического агентства (МЭА), Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), Всемирной атомной ассоциации, Агентства по атомной энергии ОЭСР, а также с учетом концепции ООН об устойчивом развитии, т.е. развитии без истощения экономических, экологических и социальных ресурсов и без переноса непропорционально тяжелого бремени на будущие поколения[42].

При систематизации знаний о стратегии и тактике на мировом рынке АЭС использованы методологические наработки в сфере стратегического менеджмента, B2B-маркетинга, анализа конкурентоспособности.

Исследование: основная часть

Методология исследования. В исследовании использованы системный подход и общенаучные методы познания: аналитический, причинно-следственный и др.

Процедура исследования. Исследование проводилось с использованием алгоритма маркетингового анализа с учетом особенностей мирового рынка сооружения АЭС, а также с элементами методологии «ромба конкурентоспособности» М. Портера:

1. Оценка спроса и предложения:
   a. оценка емкости и прогноз роста рынка;
   b. сегментация рынка по странам, выделение целевых сегментов для России;
   c. конкурентный анализ.
2. Исследование факторов, влияющих на стратегию и тактику:
   a. выявление роли международных организаций;
   b. систематизация методологических подходов к оценке конкурирующих предложений на трех уровнях (микро, мезо и макро).
3. Анализ деятельности России на мировом рынке:
   a. Анализ эволюции позиций России
   b. Систематизация элементов стратегии и тактики.

Описание исследования

Прогноз развития мирового рынка сооружения АЭС

Энергия атома является технологически и коммерчески стабильным источником электроэнергии в промышленном масштабе, способным удовлетворить существенную часть роста энергетического спроса

[42] Sustainable Development // General Assembly of the United Nations. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/en/ga/president/65/issues/sustdev.shtml (дата обращения: 01.12.2016).

в мире. Экологические преимущества — отсутствие выбросов парниковых газов — делают ее важной компонентой «топливной корзины» (т.е. набора источников энергии), обеспечивающей устойчивое энергетическое развитие. Это фундаментальные предпосылки для прогнозирования положительного тренда развития мирового рынка сооружения АЭС.

По состоянию на 2016 г. в 31 стране работает 449 блоков АЭС с общей установленной мощностью 391 ГВт, что обеспечивает 11,5% мировых потребностей в электроэнергии[43]. По прогнозу МЭА, к 2040 г. доля атомной энергетики в глобальной энерговыработке составит около 12%, что потребует увеличения мощности АЭС в мире до 624 ГВт (на 60% в результате ввода 380 ГВт и вывода из эксплуатации 148 ГВт АЭС)[44]. С учетом каптивности (недоступности) ряда рынков (КНР, Франции, Южной Кореи, США)[45] объем доступного рынка для стран — экспортеров АЭС составляет около 70 ГВт (около 50 блоков АЭС), что может потребовать свыше 400 млрд долл. США инвестиций (расчеты автора). Сегодня строятся 60 блоков АЭС в 15 странах.

Сегментация рынка

Развитие мирового рынка АЭС происходит благодаря эволюционному расширению использования атомной генерации в странах, имеющих опыт эксплуатации АЭС, и привлечению стран-новичков «атомного энергетического клуба». Около 50 стран рассматривают возможность ввода первой АЭС. На разной стадии планирования в мире находятся около 160 новых блоков АЭС.

Для выделения целевых сегментов для России и выявления общих потребностей потенциальных заказчиков рассмотрим несколько групп стран:

1. Страны с атомной генерацией (или имеющие опыт эксплуатации АЭС в прошлом):
   1.1 с национальными поставщиками АЭС (Россия, США, Франция, Канада и самые «молодые» члены клуба поставщиков АЭС — Китай и Южная Корея);

---

[43] The Power Reactor Information System (PRIS) // IAEA. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iaea.org/pris (дата обращения: 01.12.2016).

[44] WORLD ENERGY OUTLOOK 2014 FACTSHEET. Nuclear power: retreat, revival or renaissance? / IEA. 2014. P. 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iea.org/media/news/2014/press/141112_WEO_FactSheet_Nuclear.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

[45] Plans For New Reactors Worldwide // WNA. [Электронный ресурс]. Дата обновления: 2016.04. URL: http://www.world-nuclear.org/information-library/current-and-future-generation/plans-for-new-reactors-worldwide.aspx (дата обращения: 01.12.2016)

1.2 страны без национальных поставщиков АЭС, планируют импорт АЭС[46].

2. Страны-новички:
   2.1 страны-новички «первой волны», сооружающие АЭС (Белоруссия, ОАЭ, Турция);
   2.2 страны-новички «второй волны», подписавшие соглашения и/или контракты по сооружению АЭС, развивающие законодательную инфраструктуру и ведущие технико-экономические исследования для первого проекта АЭС (Бангладеш, Египет, Иордания);
   2.3 страны-новички «третьей волны», рассматривающие для себя возможность сооружения АЭС в средне- и долгосрочной перспективе[47].

Первую группу стран (п. 1.1) можно охарактеризовать как закрытые рынки для входа ненациональных поставщиков АЭС (каптивные). Исключение составляет Китай — эта страна ориентирована на привлечение новых технологий АЭС с условием трансфера (передачи) технологий. Остальные группы стран можно рассматривать как потенциальный рынок сбыта российских АЭС.

Страны-новички первой и второй волны уже определились с ключевыми странами-партнерами для развития национальных программ атомной энергетики.

Группа стран-новичков «третьей волны» (п. 2.3), несмотря на свою многочисленность, практически не имеет шансов запустить свою первую АЭС до 2025 г. Это не означает, что за них не ведется конкурентная борьба и не проводится «парад проектов и поставщиков АЭС». Мировой рынок сооружения АЭС отличает долгосрочный характер маркетинговых усилий продавцов по продвижению проектов АЭС: на подготовку сделки по АЭС может потребоваться 10–20-летнее взаимодействие потенциальных продавца и покупателя.

На лицо превалирование количества планов по новым АЭС в развивающихся странах. Только 4 развитые страны присутствуют в списке из 50 стран, планирующих новые АЭС:

---

[46] Аргентина, Армения, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Индия, Иран, Италия, Казахстан, Литва, Мексика, Пакистан, Румыния, Словакия, Украина, Финляндия, Чехия, ЮАР.

[47] Азербайджан, Албания, Алжир, Боливия, Венесуэла, Вьетнам, Гана, Замбия, Израиль, Индонезия, Йемен, Камбоджа, Катар, Кения, Куба, Кувейт, Лаос, Латвия, Ливия, Малайзия, Марокко, Монголия, Мьянма, Намибия, Нигерия, Парагвай, Перу, Польша, Саудовская Аравия, Сенегал, Сербия, Сингапур, Сирия, Судан, Таиланд, Танзания, Тунис, Уганда, Филиппины, Хорватия, Чили, Шри-Ланка, Эквадор, Эстония.

— Финляндия (реализует сооружение АЭС);
— Великобритания (готовится к сооружению АЭС);
— Израиль (обсуждается возможность первой АЭС);
— Италия (единственная страна «Большой восьмерки», которая остановила все АЭС, но обсуждение атомной опции продолжается).

Группа развивающихся стран — потенциальных заказчиков АЭС — неоднородна, как по «зрелости» планов, экономической и технической готовности к реализации первого проекта АЭС, так и по мотивации создания национальной атомной энергетики. Выделим несколько групп стран, планирующих у себя первую АЭС:

1) имеющие действующий исследовательский ядерный реактор, соответственно, законодательную и регуляторную ядерную инфраструктуру, опыт работы с ядерными технологиями и, как правило, долгосрочный интерес к ним[48]; эксплуатируют исследовательские реакторы Израиль и Италия, относящиеся к развитым странам, потенциально заинтересованные в создании национальной атомной генерации;
2) планирующие развитие национальной атомной энергетики уже свыше 40 лет, особенно после энергетических кризисов 1970-х гг. (Египет, Ливия, Нигерия, Польша, Турция, Филиппины);
3) страны-новички «нулевых годов», обращение которых к атомной опции можно трактовать как одно из наследий «атомного ренессанса» 2000-х гг., когда строились оптимистические прогнозы по строительству новых АЭС во всем мире. Этим планам не суждено было реализоваться в полном масштабе, однако, произошла популяризация атомной энергетики, и интерес к атомной генерации стало проявлять большое количество стран, которых объединяет растущие показатели уровня жизни и урбанизации[49], а также желание совершить «скачок» в следующий технологический уклад и стать членом престижного «атомного энергетического клуба»[50].

Несмотря на гетерогенность, большинство потенциальных заказчиков АЭС являются развивающимися странами, перед которыми остро стоят задачи устойчивого экономического, энергетического, экологического и научно-технического развития. Для этих стран запуск первых проектов АЭС привлекателен возможностью получить «в одном пакете» несколько преимуществ от развития атомной энергетики.

[48] Алжир, Бангладеш, Белоруссия, Вьетнам, Гана, Египет, Индонезия, Иордания, Казахстан, Ливия, Малайзия, Марокко, Нигерия, Перу, Польша, Сирия, Турция, Чили.
[49] Боливия, Венесуэла, Индонезия, Малайзия и др.
[50] Саудовская Аравия, Катар, Нигерия и др.

Конкуренция на мировом рынке сооружения АЭС

Конкурентное давление на мировом рынке сооружения АЭС сильно по нескольким причинам. Во-первых, увеличивается предложение: традиционные продавцы — корпорации России, Франции, США и Японии — стремятся достичь эффекта от увеличения масштаба производства. Появляются новые «игроки» из Южной Кореи и Китая, готовые идти на значительные уступки заказчику для получения «входного билета» на рынок.

Во-вторых, несмотря на то, что рост спроса происходит со стороны стран-новичков, требования последних высоки. Этому способствует традиционная информационная открытость атомной отрасли, благодаря которой потенциальные заказчики АЭС имеют хороший уровень осведомленности о достижениях атомной индустрии. За последние 10 лет процесс выбора поставщика АЭС усложнился и стал длиннее. Ужесточение требований заказчиков повышает градус конкурентной борьбы.

Для удовлетворения требований заказчиков в мире наблюдается рост концентрации компетенций и производственных возможностей компаний-поставщиков в рамках развития альянсов и транснациональных цепочек создания стоимости (например, франко-японская кооперация по проекту ATMEA-1200 между АРЕВА и Мицубиси для турецкой АЭС Синоп).

В мире смягчилось геополитическое разделение рынков сбыта АЭС. Самая большая ниша на рынке в виде развивающихся стран не являются чьей-то монопольной территорией политического, экономического и технологического влияния. Все страны — потенциальные реципиенты АЭС — имеют сформированные экономические, технологические, культурно-исторические привязки к той или иной стране-экспортеру АЭС, однако проекты АЭС являются столь масштабными, а конкуренция столь активна, что решение о кооперации по новой АЭС не происходит «автоматически» в рамках рутины межстранового сотрудничества. Конкуренция проходит между технологиями АЭС, поставщиками АЭС и правительствами стран поставщиков.

Политический фактор продолжает играть определенную роль при реализации международных продаж АЭС, однако, логика сделок по новым АЭС строится на основательном фундаменте (макро-)экономических, технологических, социальных и иных соображений, которые потенциально могут быть оценены в денежном выражении (т.е. монетизированы в коммерческой плоскости). Пример тому — продажа российских АЭС в страны Евросоюза (Финляндию в 2013 г., Венгрию

в 2014 г.) при наличии крупного поставщика из Евросоюза — французской АРЕВА. Экономическая подоплека сделок по АЭС «направляет» политическую повестку в широком диапазоне актуальных вопросов международного сотрудничества.

Роль международных организаций

Важную роль в формировании мирового рынка сооружения АЭС как глобального играют международные организации: МАГАТЭ, Всемирная ассоциация организаций, эксплуатирующих АЭС, Ассоциация ядерных регуляторов Западной Европы и др. Среди международных инициатив необходимо отметить «институт» требований европейских эксплуатирующих организаций (European Utility Requirements, EUR) — пример усилий участников атомной отрасли по гармонизации требований к АЭС с легко-водными реакторами. С 2002 г. требования EUR выпускаются и учитываются при выборе поставщика в большинстве проектов АЭС в мире. Благодаря работе международных институтов мировой рынок характеризуется высокой степенью унификации в области стандартов безопасности и организационных алгоритмов подготовки и реализации проектов АЭС, начиная от тендерного отбора поставщика и заканчивая моделями управления проектом[51].

Россия в лице организаций атомной отрасли принимает участие во всех представленных инициативах.

Международные организации являются глобальными центрами выработки «правил» для функционирования мирового рынка. Эти центры фиксируют сложнейшую систему технических и экономических условий, которым должны соответствовать новые проекты АЭС. Для стран-новичков эти условия становятся «золотым стандартом», который принимается априори при развитии национальной атомной энергетики.

Создаваемая «мягкая» инфраструктура (от англ. «soft infrastructure») является мощнейшим инструментом долгосрочной конкурентной борьбы на мировом рынке, поскольку, через «шаг» (в 5–10 лет) выработанные принципы «мягкой инфраструктуры» становятся жесткими требованиями заказчиков АЭС, частью их национальных законодательных и нормативных систем. Проактивное участие в деятельности этих международных институтов для России является стратегически важным.

Особенностью международных «институтов» является их приоритетное внимание к техническим и организационным вопросам, а также

[51] Напр., Managing the First Nuclear Power Plant Project. TECDOC 1555 // International Atomic Energy Agency. 2007. P. 97; Nuclear New Build: Insights into Financing and Project Management / OECD. 2015. P. 243.

к вопросам развития компетенций и распространения знаний. Вопросы коммерческой эффективности, привлечения финансирования, юридического сопровождения деятельности на мировом рынке затрагиваются спорадически и поверхностно. Унификация подходов в данных областях отсутствует.

Ведущую роль в систематизации и распространении передового опыта имеет МАГАТЭ, увеличившее свое внимание к данной теме в последние 15 лет. В связи с расширением интереса к атомной энергетике стран-новичков, эксперты МАГАТЭ разработали фундаментальную методологическую систему подготовки страны-новичка к работе с технологиями АЭС. Сложность сооружения первой АЭС требует развитой ядерной инфраструктуры (ЯИ) и национальной ядерной энергетической программы (ЯЭП)[52]. Согласно МАГАТЭ, от политического решения «построить первую АЭС» до ее пуска в стране проходит 10–15 лет.

Концепция МАГАТЭ выделяет 19 элементов ЯИ: законодательная основа, энергосеть, развитие человеческих ресурсов, привлечение финансирования, охрана окружающей среды, национальная промышленность и др. Для успешной реализации первого проекта АЭС элементы ЯИ должны быть зрелыми. С 2009 г. эксперты МАГАТЭ проводят выездные инспекции зрелости национальных ЯИ и ЯЭП в рамках «Интегрированных миссий» (INIR).

Каждая страна имеет свою «национальную формулу» ЯИ по причине специфики социально-экономического, институционального, промышленного, научно-технического развития страны-реципиента АЭС. При реализации проекта АЭС набор требований заказчика АЭС к поставщику может включать в себя элементы из каждой сферы ЯИ, что необходимо учитывать в стратегии продажи АЭС.

Оценка конкурентоспособности и стороны переговоров на мировом рынке на трех уровнях: микро, мезо и макро

Заказчик сравнивает конкурирующие предложения от разных поставщиков АЭС по широкому спектру критериев. Выделим три уровня, на которых происходит оценка конкурентоспособности предложения: микро, мезо и макро.

В центре внимания на микро-уровне находятся технологии АЭС, которые должны отвечать современным требованиям по референтности, безопасности и экономичности (коммерческой привлекательности).

[52] Milestones in the Development of a National Infrastructure for Nuclear Power. IAEA NUCLEAR ENERGY SERIES No. NG-G-3.1. 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1305_web.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

Это первая точка отсечения — если отсутствует достаточный опыт эксплуатации АЭС по данному проекту, если АЭС не соответствует всем современным требованиям и стандартам по безопасности или производимая ею электроэнергия слишком дорогая (неконкурентоспособная по сравнению с другими источниками энергии), то маловероятно, что заказчик захочет покупать такую АЭС.

На мезо-уровне оценивается конкурентоспособность организационно-финансовой модели проекта АЭС, т.е. конкурентоспособность всех ключевых участников проекта АЭС и эффективность модели их взаимодействия (распределения ответственности и рисков). Ключевую роль на мезо-уровне играют технологические и финансовые партнерства по проектам АЭС, которые, в конечном итоге, имеют влияние на конкурентоспособность стоимости электроэнергии АЭС.

На макро-уровне оценивается долгосрочное многоплановое влияние проекта АЭС на экономику, экологию, общество (социальную среду) страны-реципиента АЭС. Проекты АЭС являются масштабными, охватывая сотни национальных и международных организаций и занимая до ста лет. Стоимость многоблочной АЭС может составлять до 30 млрд долл. США, что является большой величиной при сопоставлении с ВВП многих развивающихся стран. Проекты АЭС являются крупными инфраструктурными проектами, а в региональном масштабе — и системообразующими с точки зрения создания энергопромышленных кластеров и пространственного развития (при экономном использовании отчуждаемой территории). Макроэкономические эффекты от проектов АЭС для страны покупателя охватывают следующие: рост ВВП, бюджетные эффекты, эффекты в области платёжного баланса, рост занятости, развитие инноваций и др.

Атомная генерация электроэнергии не производит выбросов парниковых газов, что обеспечивает экологические эффекты от проектов АЭС на макро-уровне.

Важную роль по оценке конкурентоспособности АЭС имеет общественная приемлемость атомной генерации. Повышение информированности общества о преимуществах атомной энергетики имеет ключевое значение для успешной реализации проектов АЭС.

На трех уровнях различаются участники переговоров по сделке по АЭС и стейкхолдеры (люди или организации, влияющие на принятие решений). Принципиальную роль на микро-уровне играют компании продавец и покупатель АЭС, на мезо-уровне — участвующие в проекте АЭС промышленные предприятия и финансовые организации, а на макро-уровне — правительства стран экспортера и импортера АЭС.

Переговорный процесс при продаже АЭС может быть организован на всех трех уровнях, при этом проблемные вопросы (тупиковые ситуации, по которым стороны не могут достичь соглашения) могут выноситься на более высокие уровни (эскалироваться). На каждом уровне могут проводиться «размены» по комплексу вопросов, и баланс интересов может быть достижим только на более высоких уровнях, а локальные «оптимумы» могут быть не достижимы. Интегральная оценка выгод для сторон сделки по АЭС производится с учетом распределения баланса интересов ключевых стейкхолдеров на микро, мезо и макро-уровнях.

Большое значение приобретает подготовка к переговорам по АЭС и выявление ключевых потребностей заказчика. Важно систематизировать все потребности стороны покупателя и распределить их по трем уровням стейкхолдеров, например:

— на микро-уровне энергокомпании-владельцу и эксплуатирующей организации АЭС важны технико-коммерческие параметры АЭС;
— на мезо-уровне национальной промышленности важно получить заказы в проекте (не будучи прямой стороной переговоров, представители местной промышленности могут обладать лоббистскими возможностями);
— на макро-уровне президенту страны покупателя АЭС может быть важно достичь какого-нибудь ключевого события по проекту АЭС (подписать межправсоглашение или ввести АЭС в эксплуатацию) до конца своего президентского срока, а правительству страны может быть важно в фарватере сделки по АЭС достичь преимуществ по иным направлениям межгосударственного сотрудничества (снижения таможенных барьеров, расширения экспорта национальной продукции и т.п.)

Цели сторон переговоров на разных уровнях могут находится в противоречии друг с другом (например, привлечение местной промышленности может приводить к повышению стоимости проекта АЭС для заказчика). Достижение сложной системы компромиссов и соглашений на всех уровнях является результатом усилий и таланта участников переговоров по проекту АЭС и обеспечит его успешную реализацию.

Эволюция положения России на мировом рынке сооружения АЭС

СССР всегда проводил активную внешнеэкономическую деятельность в области атомной энергетики. Россия получила в наследие от СССР хороший задел с точки зрения референций и позиций на мировом рынке сооружения АЭС: 10 стран имеют опыт эксплуатации АЭС по

советским технологиям[53]. До 1990 г. СССР был монополистом на рынке АЭС этих стран (кроме Финляндии и объединенной Германии), также проводя широкомасштабный трансфер технологий и локализацию производства для АЭС. Вкупе с интенсивным сотрудничеством в образовательной и научно-технической сферах, эти программы являлись результатом детальной долгосрочной «дорожной карты» по развитию системы разделения труда и кооперации в атомной индустрии на всем пространстве, находившемся под влиянием СССР[54]. Это обеспечивало привязку технологической культуры национальных отраслей этих стран к России.

Экспортные проекты АЭС современной эпохи (в Иране, Китае, Индии) являются результатом стратегии России на мировом рынке АЭС, которая реализовывалась в рамках широкой повестки межгосударственных отношений.

Пережив период организационной трансформации до 2007 г., атомная отрасль России вступила в новую эру: создается Госкорпорация «Росатом», утверждаются программы долгосрочного развития. Ставка делается на внутренний рынок сооружения АЭС (до 26 блоков) и наращивание производственных мощностей для обеспечения этого роста. Падающий спрос на электроэнергию скорректировал планы по сооружению АЭС в России. Развитие экспорта АЭС стало ключевой задачей для увеличения коммерческих показателей российских предприятий.

Россию на мировом рынке представляет Росатом, который объединяет 400 предприятий. Эксплуатируя четвертый по величине в мире парк АЭС, Росатом способен обеспечить все потребности АЭС на ЖЦ. Портфель зарубежных заказов Росатома включает 34 блока АЭС в 13 странах[55]. Конкурентоспособность атомного комплекса России обусловлена развитой научно-технической и производственной базой, референциями и опытом реализации проектов АЭС.

[53] Армения, Болгария, Венгрия, Германия (ГДР), Казахстан, Литва, Словакия, Украина, Финляндия, Чехия.

[54] Эта деятельность основывалась на долгосрочной стратегии по вхождению стран СССР и СЭВ в ядерно-энергетический клуб на основе советских технологиях. Важным элементом этой стратегии стало создание сети Центров ядерных исследований с исследовательскими реакторами. Это позволило создать в странах СССР и СЭВ элементы ядерной инфраструктуры, включая создание кадрового и промышленного потенциала. Поэтому выбор советских технологий для создания первых АЭС в этих странах стал естественным не только с политической точки зрения, но также и с технической.

[55] Ежеквартальный отчет АО «АЭПК» за 4 квартал 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://atomenergoprom.ru/invest/q_reports/ (дата обращения: 08.11.2016).

Российская стратегия на мировом рынке сооружения АЭС

Изучая потребности страны-получателя АЭС, Росатом заинтересован предложить оптимальное решение для каждого уровня оценки конкурентоспособности (микро, мезо и макро). «Способы и логика создания ценности для потребителя, обеспечивающие стабильную прибыль для компании, образуют бизнес-модель компании» [Teece, 2010, pp. 172–194]. Этапы разработки и элементы бизнес-модели на микро-уровне для Росатома представлены в табл. 1.

Таблица 1

Разработка бизнес-модели продаж Росатома на мировом рынке сооружения АЭС

Этап разработки бизнес-модели	**Элементы бизнес-модели Росатома (на микро-уровне)**
Выбор ключевой технологии, на основании которой компания предоставляет продукцию клиенту, имеющую для него ценность	АЭС — «продукт-ядро»
Идентификация целевого сегмента рынка сбыта	Развивающиеся и развитые страны, испытывающие острую потребность в развитии электроэнергетики, экономики, промышленности, науки, снижении антропогенной нагрузки на экологию, повышении энергонезависимости; обязательным условием является включение атомной энергетики в национальную программу развития как показатель долгосрочной приверженности правительства страны-заказчика
Определение преимуществ, которые клиент хочет получить в результате покупки продукции компании	Генерация электроэнергии в промышленных масштабах без парниковых газов, независимо от импорта нефти и газа и от погоды (актуально для ВИЭ); стоимость электроэнергии которой стабильна
Подтверждение доступности получения дохода от бизнеса	Оценка возможности вернуть инвестиции в проект АЭС через продажу электроэнергии на рынке, что требует выполнения условий: стоимость атомной генерации конкурентоспособна на локальном рынке сбыта электроэнергии, для владельца АЭС гарантирован выкуп всего объема электроэнергии по стоимости не ниже себестоимости производства электроэнергии
Разработка стратегии донесения ценности для клиента и получения прибыли для компании	Стратегия интегрированных продаж

Особенности целевых сегментов мирового рынка привели к необходимости разработки стратегии интегрированных продаж АЭС, которые являются центральным элементом бизнес-модели продаж Росатома на микро-уровне (см. табл. 1). Пакет интегрированных продаж АЭС индивидуально адаптируется под конкретного заказчика и может включать в себя следующие элементы для сопровождения ЖЦ АЭС[56]:

— поставка АЭС «под ключ»;
— локализация и трансфер технологий (вовлечение местной промышленности);
— поставка продукции и услуг в области ядерного топливного цикла (ЯТЦ);
— сервисные услуги (обслуживание и ремонт), услуги по эксплуатации; вывод из эксплуатации;
— услуги по развитию национальной ЯИ;
— образовательные услуги и подготовка кадров;
— создание научно-исследовательской инфраструктуры на базе исследовательских ядерных установок;
— поддержка в финансировании.

Интегрированные продажи является «производной» от потребностей страны-получателя АЭС. Преимуществом российского подхода является «одиное окно»: заказчик получает перечень услуг, связанных с проектом АЭС на всем ЖЦ.

На мезо и макро-уровнях целесообразно использовать аналогичный алгоритм (см. табл. 1), но для иных «клиентов» — заинтересованных сторон и стейкхолдеров, с выявлением их целей и ценности для них от проекта. Таким образом, формируется мультифокусная стратегия[57] продаж, которая призвана создавать глобальные конкурентные преимущества с помощью учета конъюнктуры рынка и среды реализации проекта АЭС и применения механизмов донесения ценности для клиентов на микро, мезо и макро-уровнях.

Характеристикой стратегии является ее гибридный характер, т.е. стратегия продаж сочетает в себе «конкурентную стратегию и стратегию сотрудничества» [Пивоваров, 2009, с. 358–361]. Проект АЭС является результатом технологической и организационной конфигурации всех участников. Ключевое значение имеют источники финансирования

[56] Черняховская Ю. В. Интегрированные продажи АЭС для устойчивого развития отрасли атомной энергетики // Экономические науки. 2015. № 11 (132). С. 24–27.

[57] С использованием Пузов Е. Н., Яшин С. Н. Внедрение в компании стратегии, ориентированной на создание ее стоимости // Экономический анализ: теория и практика. № 12(117). 2008. С. 36–39.

проекта (собственное финансирование, привлечение финансирования). Стратегия партнерств поставщика АЭС строится из комбинации вариантов: привлечение российских предприятий, местной промышленности (программа локализации зависит от стратегии страны-заказчика), кооперация с компаниями из третьих стран (со связанным финансированием).

При выходе на новые рынки Росатом использует стратегию поэтапного проникновения: сначала заказчику предлагается познакомиться с российскими технологиями, что может привести к проекту исследовательского реактора. Проводником российской технологической культуры являются услуги по развитию ЯИ и подготовке кадров — данные долгосрочные инвестиции трудно переоценить при продвижении технологий АЭС на мировом рынке.

Тактика Росатома на мировом рынке сооружения АЭС

К существующим и перспективным составляющим тактики Росатома (как совокупности средств и приемов для достижения целей) можно отнести следующие:

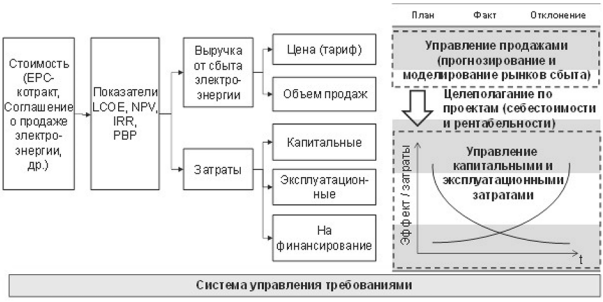
1. Управление отношениями с ключевыми заказчиками (аккаунт-менеджмент)[58] через локальные представительства на зарубежных рынках и развитие Отраслевой автоматизированной защищенной информационной системы международных маркетинга и продаж Росатома (ОАЗИС)[59].
2. Выявление заинтересованных сторон и стейкхолдеров проекта АЭС, анализ их потребностей, целей и ценности от проекта по широкому спектру областей на микро, мезо и макро-уровнях (в рамках подготовки к переговорам); использование метода стратегических сетей.
3. Прогнозирование локального рынка электроэнергии реципиента АЭС для определения целевых технико-коммерческих показателей проекта.
4. Автоматизированные системы управления требованиями.

Метод стратегических сетей, базирующийся на теории графов, «позволяет моделировать поведение игроков отдельной отрасли или кластера, взаимодействующих между собой в общей сети» [Тищенко, 2016, с. 827–834]. Особенность метода стратегических сетей заключается в возможности качественно и количественно отразись взаимосвязь (выгоды и потери) всех игроков друг от друга.

[58] Мертен А. А. Форпост Росатома. // Вестник Атомпрома. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatom.ru/journalist/interview/kak-transformirovat-kontakty-v-kontrakty-pochemu-vazhno-sotrudnichat-s-konkurentami-rasskazal-aleksa/ (дата обращения: 29.11.2016).

[59] Задачи и компетенции ЧУ «Русатом международная сеть». [Электронный ресурс]. URL: http://www.rosatominternational.com/about (дата обращения: 11.11.2016).

Рис. 1. Взаимосвязь моделирования рынков сбыта электроэнергии и показателей проекта АЭС.



Шаги по определению технико-коммерческого предложения по АЭС являются классическими: сопоставляются затраты и выручку на всем ЖЦ проекта. К основным компонентам затрат относятся капитальные, операционные и финансовые (см. рис. 1).

Выручка зависит от объема продаж и тарифа. Используются различные показатели эффективности проекта, прежде всего, чистая приведенная стоимость (NPV), внутренняя норма доходности (IRR), нормированная стоимость электроэнергии (LCOE) и срок окупаемости. Система управления требованиями Росатома позволяет эффективно организовать работу с заказчиком по рассмотрению более 13 тысяч требований к АЭС.

Результаты исследования. Мировой рынок сооружения АЭС исследован по количественным и качественным критериям и по прогнозным показателям; проведен конкурентный анализ, определена роль международных организаций. На базе выявленных особенностей мирового рынка систематизированы методологические подходы к оценке конкурирующих предложений на рынке на макро, мезо и микро-уровнях, которые применены для исследования стратегии и тактики России. Систематизированы составляющие стратегии интегрированных продаж и связанные элементы тактики Росатома.

Анализ результатов.

Мировой рынок сооружения АЭС характеризуется высоким уровнем развития международной торговли, международной кооперации и стандартизации в области безопасности. Большинство проектов АЭС реализуются в развивающихся странах, перед которыми остро стоят задачи устойчивого экономического, энергетического, экологического и научно-технического развития. Емкость целевого рынка для России

составляет около 70 ГВт (около 50 блоков АЭС или 400 млрд долл. США). За рынок этих стран идет острая конкурентная борьба. Особую роль имеют международные организации, развивающие «правила игры» на мировом рынке сооружения АЭС, особенно актуальные для стран-новичков — самого перспективного сегмента рынка.

Оценка конкурентоспособности предложений от разных поставщиков АЭС проводится на трех уровнях: микро (проект АЭС), мезо (финансово-организационная модель проекта) и макро (эффекты от проекта на экономику, экологию, общество). Определение баланса интересов сторон переговоров на каждом уровне и нахождение компромисса между целями всех участников и стейкхолдеров сделки по АЭС является критически важным для успеха.

С учетом особенностей целевых сегментов рынка сбыта Росатом использует стратегию интегрированных продаж и поэтапного проникновения на рынки. Центральное место при разработке стратегии занимает определение целей и ценности для заинтересованных сторон проекта АЭС на микро, мезо и макро-уровнях в рамках мультифокусной стратегии продаж. Требования рынка сбыта электроэнергии, финансовых и технологических партнеров в совокупности определяют адаптированную интегрированную продажу АЭС. Комбинация конкурентной стратегии и стратегии долгосрочного сотрудничества составляет гибридных характер стратегии продаж. Существующие и перспективные тактические приемы включают в себя аккаунт-менеджмент, анализ «клиентов» с использованием метода стратегических сетей, моделирование рынков сбыта электроэнергии и систему управления требованиями.

Заключение. На базе анализа конъюнктуры и прогноза развития мирового рынка сооружения АЭС систематизирована стратегия интегрированных продаж АЭС Росатома, которая по принципу «глубокого эшелонирования» призвана обеспечить конкурентоспособность российского предложения на трех уровнях оценки: микро, мезо и макро. Представляется перспективным дальнейшее исследование элементов стратегии интегрированных продаж как отдельно, так и во взаимосвязи друг с другом, а также факторный анализ конкурентоспособности элементов на всем ЖЦ проекта АЭС.

При разработке интегрированной продажи АЭС важно не забывать «казус возничего, лошади и телеги» — взаимосвязь политики, экономики и технологии. В сделках по АЭС важную роль играют коммерческие параметры. Принятие политических решений в области энергетической политики без наличия экономической целесообразности в долгосрочной перспективе не обеспечивает реализацию масштабных проектов

АЭС. Оценка сугубо экономических параметров не позволяет проводить достоверную оценку и прогнозирование развития в энергетике: все бóльшую роль начинают играть экологические, институциональные, инновационные и прочие аспекты, определяющие устойчивое энергетическое развития стран и регионов. Необходим комплексный подход, который обеспечивается через системную разработку мультифокусной гибридной стратегии интегрированных продаж АЭС с учетом многоплановой окружающей среды.

Литература

1. Велихов Е. П. Энергетика в экономике мира 21 века // Труды МФТИ. 2011. №4(12), с. 6–15.
2. Двухкомпонентная ядерная энергетическая система с тепловыми и быстрыми реакторами в замкнутом ядерном топливном цикле / П. Н. Алексеев [и др.]; под ред. Пономарева-Степного Н. Н. М.: Техносфера. 2016. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.biblioatom.ru/text/dvuhkomponentnaya-yadernaya-systema_2016/go,1/ (дата обращения: 01.12.2016).
3. Мезоэкономика развития / Л. И. Абалкин [и др.]; под ред. Г. Б. Клейнера. Москва. Наука. 2010. 994 с.
4. Пивоваров И. С. Гибридные стратегии международных компаний // Экономические науки. МЭ и МЭО. № 6(55). 2009. С. 358–361.
5. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / ИНЭИ РАН, «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации»; научный руководитель Макаров А. А., руководители Митрова Т. А., Григорьев Л. М. — М. 2016. 195 с.
6. Тищенко С. А. Современные математические методы прогнозирования инновационных процессов в экономике // Экономическая наука и развитие университетских научных школ (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) / Под ред. В. В. Герасименко. — ЭФ МГУ, МГУ. 2016. С. 827–834.
7. Nuclear New Build: Insights into Financing and Project Management / OECD. 2015. P. 243.
8. Rogner H.-H. World outlook for nuclear power // Energy Strategy Reviews. 2013. №1. P. 291–295.
9. Storbacka K. The changing role of sales: viewing sales as a strategic, cross-functional process / Storbacka K., Ryals L., Davies I. A., Nenonen S. // European Journal of Marketing. 2009. Vol. 43, No. 7/8. PP. 890–906. [Электронный ресурс]. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/140054.pdf (дата обращения: 01.12.2016).
10. Teece D. J. Business Models, Business Strategy and Innovation. Long Range Planning. №43. 2010. PP. 172–194. [Электронный ресурс]. URL: http://www.busi-

nessmodelcommunity.com/fs/root/8jig8-businessmodelsbusinessstrategy.pdf (дата обращения: 01.12.2016).
11. Tudiver. S. Greenhouse Gas Emissions from Nuclear Power in 2030: Examining Emissions Estimates and Projected Growth // Yale Journal of International Affairs. 2009. PP. 100–111. [Электронный ресурс]. URL: http://yalejournal.org/wp-content/uploads/2011/01/094208tudiver.pdf (дата обращения: 01.12.2016).

RUSSIA ON THE WORLD MARKET OF NPP CONSTRUCTION: STRATEGY AND TACTICS

Yulia V.Chernyakhovskaya

Abstract. *Introduction contains a literature review in Russian and foreign works. There is insufficient comprehensive research of NPP sales based on life cycle and customers' needs analysis at the micro, meso and macro levels (MMM-levels), which makes article topical for nuclear industry and methodology development of megaprojects sales. Research base and sustainable development are defined, which is key for the analysis.*

The main part includes methodology and research methods, which are system approach and marketing analysis with diamond model methodology by M.Porter.

NPP target market capacity for Russia is estimated; market is segmented. Most of the NPP projects are implemented in developing and newcomers' countries, who strive to get more benefits from nuclear program.

Competition analysis led to the conclusion that there is buyers' market; competition has increased due to new NPP exporters countries. International organizations develop "game rules"; newcomers' countries a priori adopt them.

Competitiveness is assessed at MMM-levels: NPP project, financial and organizational project model and project effects on economy, environment, society. There are different stakeholders of NPP negotiations: NPP buyer and seller company at micro, industrial and financial institutions at meso, the governments of the NPP exporter and importer at macro. Local optima are not achievable; the transaction success is determined by integrated assessment.

Evolution of Russia's position in the global market is comprehended, elements of the Russian strategy and tactics are systematized which composed an integrated sales and incremental penetration strategy which ensures the competitiveness at MMM-levels according to defense-in-depth principle. Integrated sales, including NPP and fuel supply, financing, training, etc., are a "derivative" of the needs of NPP recipient country.

The strategy centerpiece is stakeholders' goals definition at MMM-levels, which comprises multi-focused sales strategy. Requirements of electricity market and financial and technological partners stipulate the particular transac-

tion. The combination of competitive strategy and cooperation strategy implies a hybrid sales strategy. Tactics include account management, customers' analysis using the strategic networks method, electricity markets modeling, requirements management system.

The results analysis and conclusion point out that while developing of NPP integrated sales it's worth remembering a "casus of charioteer, carts and horse", that is a relationship of politics, technology and economics. Perspective directions for further research is analysis of each element of integrated sales both separately and in conjunction with other elements of the strategy, as well as the competitiveness factor analysis of these items throughout the life cycle of NPP project.

Keywords: *integrated sales, multi-focused strategy, hybrid strategy, strategic networks method.*

References

1. Abalkin L. I., Bogomolov O. T., Granberg A. G.,Makarov V. L., Minakir P. A., Nekipelov A. D., … Klejner G. B. (2010) Mezojekonomika razvitija [Meso-economy of development] M.: *Nauka*. 994 s.
2. Alekseev P. N., Alekseev S. V., Andriyanova E. A., Asmolov V. G., Dekusar V. M., Zrodnikov A. V., …Ponomarev-Stepnoy N. N. (2016) Dvuhkomponentnaja jadernaja jenergeticheskaja sistema s teplovymi i bystrymi reaktorami v zamknutom jadernom toplivnom cikle [Two-component nuclear power system with thermal and fast reactors with closed nuclear fuel cycle] M.: *Tehnosfera*. 2016. 160 s. Retrieved from http://elib.biblioatom.ru/text/dvuhkomponentnaya-yadernaya-systema_2016/go,1/
3. Makarov A. A., Mitrova T. A., Grigor'ev L.M. (2016). Prognoz razvitija jenergetiki mira i Rossii do 2040 goda [Forecast of Russian and world energy sector development till 2040]. *INJel RAN, Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii*. 195 s.
4. Nuclear New Build: Insights into Financing and Project Management (2015). *OECD*. P. 243.
5. Pivovarov I. S. (2009) Gibridnye strategii mezhdunarodnyh kompanij [Hybrid strategies of international companies]. *Jekonomicheskie nauki. MJe i MJeO*. № 6(55). S. 358–361.
6. Rogner H.-H. (2013). World outlook for nuclear power. *Energy Strategy Reviews*. №1. P. 291–295.
7. Storbacka K. Ryals L., Davies I. A., Nenonen S. (2009). The changing role of sales: viewing sales as a strategic, cross-functional process. *European Journal of Marketing*. Vol. 43, No. 7/8. PP. 890–906. Retrieved from https://core.ac.uk/download/pdf/140054.pdf. DOI: 10.1108/03090560910961443

8. Teece D.J. (2010). Business Models, Business Strategy and Innovation. *Long Range Planning.* №43. PP. 172–194. Retrieved from http://www.businessmodelcommunity.com/fs/root/8jig8-businessmodelsbusinessstrategy.pdf. doi:10.1016/j.lrp.2009.07.003
9. Tudiver. S. (2009). Greenhouse Gas Emissions from Nuclear Power in 2030: Examining Emissions Estimates and Projected Growth. *Yale Journal of International Affairs.* PP. 100–111. Retrieved from http://yalejournal.org/wp-content/uploads/2011/01/094208tudiver.pdf
10. Velihov E.P. (2011). Jenergetika v jekonomike mira 21 veka [Power sector in world economy of XXI century]. *Trudy MFTI.* №4(12), s. 6–15.

Информация об авторе

Черняховская Юлия Валентиновна

Кандидат экономических наук

Госкорпорация «Росатом», заместитель директора Департамента международного бизнеса

НИЯУ МИФИ, доцент кафедры экономики и менеджмента в промышленности

E-mail: YVChernyakhovskaya@mephi.ru

Yulia V.Chernyakhovskaya

PhD in Economics, Rosatom State Corporation, deputy director Department for International Business

Moscow Engineering Physics Institute, Associate-Professor of Economics and Management Chair

Россия в системе содействия международному развитию

Модератор

А. В. Абрамова

РАСХОДЫ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ РАЗВИТИЮ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕСМОТРА ПРАВИЛ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА[1]

В. И. БАРТЕНЕВ

Аннотация. *Последнее десятилетие в зарубежной девелопменталистике отмечено активными поисками оптимальной модели модернизации системы учета финансовых потоков в целях содействия развитию. Одним из наиболее заметных изменений в данном направлении стало существенное расширение спектра мероприятий в области обеспечения мира и безопасности, квалифицируемых в качестве официальной помощи развитию (ОПР), который, начиная с 2016 г., будет включать, в том числе и меры по предупреждению воинствующего экстремизма. В полной мере ни сами эти изменения, ни их политико-экономическое содержание не осмыслено специалистами в области международных отношений. Данная статья призвана заполнить существующую исследовательскую нишу, используя новые концептуально-теоретические подходы и применяя их к анализу как качественных, так и количественных данных. В концептуально-теоретическом плане статья опирается на полученные ранее результаты изучения парадигмы связки «безопасность-развитие», а также на разработки профессоров Лондонской школы экономики — Дж. Линда и Дж. Хауэлл. Изменения методологии учета концептуализируются в качестве одного из недостаточно исследованных проявлений «секьюритизации развитию» (понимаемой указанными исследователями как подчинение процесса структурирования, разработки и имплементации политики содействия развитию императивам глобальной и национальной безопасности) на мезо-уровне изменений объёмов и направленности*

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15–18–30066).

потоков помощи. На этой основе формулируется гипотеза о том, что изменение методологии учета в конечном счете служит интересам наиболее крупных «традиционных» доноров. Верификация гипотезы производится в два этапа. На первом этапе автор отслеживает процесс внесения изменений в методологию учета соответствующих потоков, сопоставляя инструкции, издававшиеся с определенной периодичностью «клубом доноров» — Комитетом по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР). На втором этапе, с использованием количественных данных, представленных в базе ОЭСР, оцениваются абсолютные и относительные объемы средств по соответствующей категории расходов, выделяемые различными группами доноров и рассматривается — с применением ряда оригинальных параметров — структура их распределения между странами-членами КСР ОЭСР. Проведенный анализ подтверждает высказанную гипотезу и выявляет комплексную политико-экономическую природу исследуемых изменений в статистическом учете. Эти изменения могут быть вызваны как обусловленной политико-стратегическими факторами магистральной тенденцией к большему взаимопроникновению императивов безопасности и развития, так и стремлением ряда довольно влиятельных стран-доноров увеличить свой вклад в СМР в условиях в целом неблагоприятной экономической конъюнктуры. Завершает статью анализ потенциальных возможностей и рисков, сопряженных с произведенными «клубом доноров» изменениями, для стратегических интересов РФ.

Ключевые слова: *официальная помощь развитию, безопасность, мир, урегулирование конфликтов, реформа сектора безопасности, предотвращение вооруженного экстремизма.*

Введение. Глобальная система содействия международному развитию (СМР) в XXI веке переживает фазу глубинной трансформации. Постоянно расширяется состав участников СМР, спектр используемых ими инструментов оказания помощи. Меняются и нормативные основы функционирования этой системы, в том числе стержневая для всей девелопменталистики категория «официальная помощь развитию» (ОПР).

Критерии ОПР регулярно уточняются, и, пожалуй, наиболее заметные изменения последнего времени касаются учета расходов, связанных с обеспечением мира и безопасности. Число «оговорок» касательно отнесения таких расходов к ОПР — при сохранении формального запрета на учет в качестве таковой собственно военной помощи, действующего уже более полувека, теперь заметно превышает число «исключений» во всех других областях. Не обошлось без очередного

расширения списка «оговорок» и в феврале 2016 г. в рамках последнего раунда уточнения критериев ОПР по итогам совещания высокого уровня Комитета по содействию развитию ОЭСР (КСР ОЭСР).

Данные изменения служат одним из важных индикаторов долговременной тенденцию к укреплению т.н. связки «безопасность — развитие» (security — development nexus), которая уже в течение десятилетия является одной из актуальных тем в современной девелопменталистике. За рубежом по данной тематике накоплен уже весьма значительный массив научных работ, отдельные исследования появляются и в Российской Федерации [Бартенев, 2015]. Достаточно большое количество ученых, которые пишут о связке «безопасность-развитие», указывают на «секьюритизацию» и «милитаризацию» помощи [Woods, 2005; Howell and Lind, 2009; Brown and Grävingholt, 2015; Róisín, 2009; Lorenzo-Dus and Marsh, 2012].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть политико-экономическую подоплеку изменений в методологии учета расходов, связанных с обеспечением мира и безопасности в качестве ОПР. Анализ характера этих изменений, минимизация их негативных и максимизация позитивных последствий имеет, впрочем, не только собственно научное (с точки зрения верификации некоторых значимых с точки зрения исследования связки «безопасность — развитие» концептуально-теоретических построений), но и важное прикладное значение для Российской Федерации как донора. Хотя Россия не является членом ОЭСР и «клуба доноров» КСР ОЭСР, и, соответственно, не могла влиять на процесс уточнения критериев ОПР, с 2011 г. Россия предоставляет отчетность в ОЭСР по ОПР в соответствии с разработанной КСР методологией. Это означает, что любое изменение критериев так или иначе оказывает существенное влияние на объем вклада РФ в СМР, что имеет соответствующее политическое и имиджевое значение, требующее внимательного осмысления.

Теоретические основания исследования. В концептуально-теоретическом плане проводимое нами исследование опирается, в первую очередь, на полученные ранее результаты исследований эволюции парадигмы связки «безопасность–развитие» [Бартенев, 2015]. «Связка» является одним из появившихся на рубеже XX и XXI веков «гибридных» терминов, составленных из хорошо знакомых понятий, но призванных отобразить принципиально новую реальность. Став итогом осмысления сначала опыта гражданских войн 1990-х годов, а затем терактов 11 сентября 2001 г. в США, данный термин и сегодня, спустя два десятилетия после утверждения в международно-политическом дискурсе, остается предметом оживленных дебатов в академической среде.

Критики «связки» можно встретить чаще, чем ее апологетов. При этом аргументы, которые они приводят, оказываются более изощренными и проработанными теоретически, чем доказательства их оппонентов. В целом их претензии к концептуализации связки «безопасность — развитие» в качестве научной категории можно свести к четырем основным пунктам: 1) неопределенность содержания; 2) политическая ангажированность; 3) негативные политические последствия; 4) слабость эмпирических оснований [Бартенев, 2015].

Говоря о политической ангажированности концепта, достаточно привести мнение Н. Тширги, которая отмечает: «Увязывание безопасности и развития — это, по сути своей, *политический* проект [курсив наш. — *В. Б.*], который влияет на жизненно важные интересы различных субъектов и на бенефициаров данной политики. Соответственно, при продвижении идей интеграции политики в сфере безопасности и в сфере развития, следует спросить себя: Чья безопасность стоит на кону? Чье развитие под угрозой? Чья повестка дня имеет приоритет?» [Tschirgi, 2006, 44].

Еще более широкое распространение получил тезис о губительных последствиях применения «связки» в практической политике. Подавляющее большинство исследователей указывают на то, что увязывание безопасности и развития может привести только к пагубной «секьюритизации развития».

Под секьюритизацией сферы содействия международному развитию сегодня понимается «подчинение процесса структурирования, обоснования, разработки и имплементации политики содействия развитию императивам глобальной и национальной безопасности» [Lind and Howell, 2009, p. 1280]. По мнению профессоров Лондонской школы экономики Дж. Линда и Дж. Хауэлл, данный процесс проявляется на трех различных уровнях: в заявлениях политических лидеров и языке документов международных организаций (макро-уровень); в изменениях институциональной структуры, объемов и направленности потоков помощи (мезоуровень) и на уровне планирования и реализации конкретных программ и проектов (микроуровень) [Ibidem].

Исследование: основная часть. Поставленные во введении цели и задачи предельно осязаемые. Вместе с тем, их решение в рамках одной ограниченной по объему статьи требует максимальной формализации исследовательского процесса, начиная с формулирования гипотезы и заканчивая описанием самого процесса исследования.

Гипотеза исследования. Основная гипотеза исследования состоит в том, что изменение методологии учета расходов, связанных с пре-

дотвращением конфликтов, обеспечением мира и безопасности, в качестве ОПР не является политически нейтральным действием и обусловлено политико-стратегическими и экономическими интересами наиболее влиятельных«традиционных» доноров.

Методология исследования. Характер исследуемой области международных отношений и поставленных задач, указывает на необходимость базирования методологии на принципах междисицлинарности и совмещения качественных и количественных методов исследования. Синтезирование этих методов будет облегчаться свободным доступом к материалам КСР ОЭСР.

Материалы исследования. Исследование будет основываться на привлечении исключительно официальных источников двух типов. Первый тип источников представляет собой инструкции по статистическому учету, издаваемые с определенной периодичностью КСР ОЭСР. В данных инструкциях содержится описание как общих методологических принципов статистического учета, соответствующих «оговорок» и «исключений», так и каждой конкретной статьи расходов.

Второй тип источников представляет собой выраженную в числовом виде информацию, представленную в различных разделах комплекса статистических данных ОЭСР, которая размещена в открытом доступе на официальном сайте организации[2]. Главным образом, нами будет использоваться база данных DAC5, содержащая данные по помощи, предоставляемой всеми группами доноров — странами-членами КСР ОЭСР, странами, не входящими в КСР ОЭСР, а также многосторонними институтами, в привязке к отдельным секторальным направлениям в соответствии с кодами классификатора, определенными в соответствующих инструкциях КСР ОЭСР.

Процедура исследования. Исследование будет состоять из двух крупных частей, для каждой из которых будут использоваться разные по характеру источники информации.

Первая часть будет посвящена отслеживанию процесса внесения изменений в методологию статистического учета потоков средств, направляемых на цели обеспечения мира и безопасности на материале указанных выше инструкций КСР ОЭСР. Сопоставление описаний, содержащихся в инструкциях разных лет, призвано выявить характерные терминологические изменения, которые будут иллюстрировать динамику эволюции подходов девелопменталистского сообщества к проблемам взаимозависимости безопасности и развития в целом.

[2] База данных OECD.Stat доступна по адресу http://stats.oecd.org

Вторая часть исследования будет целиком и полностью опираться на работу со статистическими данными ОЭСР. В их обработке нас, в первую очередь, будут волновать агрегированные показатели по группам доноров за последние 15 лет.

Они будут рассчитываться по 4 группам: все доноры в целом, «традиционные» доноры (страны-члены КСР ОЭСР), «новые» доноры (страны, не входящие в КСР ОЭСР), многосторонние доноры. По каждой из этих групп будут оцениваться:

— абсолютные показатели объемов помощи по разделу «Предотвращение и урегулирование конфликтов, обеспечение мира и безопасности» (далее — КМБ) (в млрд долл.),
— доля помощи по разделу «КМБ» в общих объемах ОПР от каждой группы доноров (в %) ;
— динамика изменения данных показателей, рассчитываемая простейшим образом как отношение разницы показателей между двумя соседними годами к показателю предыдущего года (в %).

Среди приведенных показателей наибольшие сложности будет вызывать, пожалуй, динамический показатель ежегодных изменений. Все дело в том, что в целом ряде случаев невозможно определить, является ли то или иное увеличение объемов помощи по разделу «КМБ» — следствием реального наращивания соответствующих показателей или же изменения критериев ОПР и включения в статистическую отчетность ранее не учитывавшихся видов оказания помощи.

Кроме того, в целях воссоздания более полной и нюансированной картины нами будут использоваться данные по каждой стране-члену КСР ОЭСР за 2014 г. (это последний год, по которому статистические данные загружены в базу данных уже в полном объеме и не являются предварительными). В целях решения задач, поставленных в статье, нами будут самостоятельно рассчитываться следующие показатели:

Показатель №1: доля помощи по разделу «КМБ» в общих объемах ОПР от всех стран-членов КСР ОЭСР (%).

Показатель №2: доля помощи по разделу «КМБ», предоставляемой той или иной страной, в общем объеме помощи по разделу «КМБ», предоставляемой всеми странами — членами КСР ОЭСР (%).

Показатель №3: доля страны в общем объеме ОПР от членов КСР ОЭСР (%).

Сравнение показателя №2 с показателями №1 и №3 позволит выявить государства, которые не только уделяют больше внимания предоставлению помощи по разделу «КМБ», чем среднестатистический донор, но и «перерасходуют» средства на эти цели в сравнении со сво-

ими показателями по всем разделам, рассчитываемыми как их доля в объемах ОПР от всех членов «клуба доноров» вместе взятых.

Результаты исследования. КСР ОЭСР начал осуществлять мониторинг потоков помощи в развивающиеся страны с 1961 года. Первое определение ОПР было дано в 1969 г., а уже в 1970 г. Генеральной Ассамблеей ООН был впервые установлен ориентир вклада страны в развитие — не менее 0,7% в пересчете к ВНД. Критерии ОПР впервые были ужесточены в 1972 г. Отныне ОПР стала определяться как финансовые средства, предоставляемые странам и территориям, включенным в список стран-реципиентов ОПР КСР ОЭСР и многосторонним институтам, которые предоставляются официальными учреждениями и агентствами, главным образом, в целях содействия экономическому и социальному развитию развивающихся стран на концессионной основе (грант-элемент не менее 25% при фиксированной ставке дисконтирования 10%) [Hynes, Scott, 2013]. Однако в последние десятилетия большая часть изменений носит смягчающий характер — спектр финансовых потоков, которые могут быть квалифицированы как ОПР, постоянно расширяется.

Критерии ОПР изначально исключали оказание помощи вооруженным силам стран-реципиентов, в том числе:

— поставки военной техники и иной военной продукции, независимо от вида финансирования (даже на безвозмездной основе);
— прямая поддержка военного бюджета в странах-партнерах;
— любые формы обучения военнослужащих, в том числе передачу им знаний в любых гражданских областях, включая защиту прав человека;
— расходы на содержание вооруженных сил стран-партнеров, размещенных в странах-получателях помощи, в том числе в чрезвычайных ситуациях.

Окончание «холодной войны» и существенное расширение числа внутренних конфликтов, требовавших внешнего вмешательства, в том числе по линии ООН, потребовало внесения определенных корректив в исследуемой области. Так, например, некоторые крупные доноры, и в частности, США полагали, что сохранение КСР ОЭСР фокуса исключительно на целях содействия развитию, подчеркивая, что фокус Комитета должен быть глобальным и включать такие требования к оказанию помощи, которые максимизируют безопасность, экономическое и социальное развитие, и при этом решают гуманитарные проблемы» [Hynes and Scott, 2013, p. 12]. В развитие данного устремления «глобальной державы» дополнительные расходы на участие вооруженных

сил в гуманитарных операциях, стали учитываться как ОПР с начала 1990-х гг. [Brzoska, 2008, p. 139]. Вместе с тем, стоит отметить, что американские планы были поддержаны их союзниками не в полной мере. По свидетельствам, собранным самим КСР ОЭСР, аргументы противников радикального пересмотра критериев отнесения соответствующих расходов к ОПР сводились к трем основным пунктам: 1) несоблюдение условия нацеленности помощи, в первую очередь, на содействие развитию; 2) политическая чувствительность (и в некоторых случаях, юридические ограничения) оказания помощи в сфере безопасности отдельным странам с учетом негативного опыта оказания помощи силам безопасности, впоследствии оказывавшихся повинными в грубых нарушениях прав человека, осуществления вторжения в соседние страны или совершении других злодеяний; 3) риск перенаправления ограниченных и постоянно снижавшихся в тот момент объемов ОПР со стержневых для девелопменталистской деятельности секторов на мероприятия, которые более логично было финансировать из других статей бюджета [DAC, 2001, 40].

В XXI веке, после терактов 11 сентября 2001 г., обозначивших отчетливую тенденцию к усилению взаимовлияния императивов обеспечения безопасности и содействия развитию соответствующие коррективы в методологию статистического учета стали вноситься регулярно — с периодичностью раз в 3–5 лет. Однако на обретение данными изменениями подлинно системного характера потребовалось время.

Так, например, в 2002 г. в классификаторе ОЭСР еще не было отдельного раздела, посвященного мира и безопасности. Все соответствующие мероприятия учитывались в разделе «Управление и содействие развитию гражданского общества» (Government and civil society). Таковых на тот момент было в общей сложности три вида:

— участие в операциях ООН по постконфликтному миростроительству (включая такие мероприятия, как защита прав человека, наблюдение за выборами, реинтеграция демобилизованных солдат, восстановление критической инфраструктуры, наблюдение за действиями сотрудников органов правопорядка и их переобучение, обучение сотрудников таможни и пограничных служб, техническое содействие в осуществлении макроэкономической стабилизации, демобилизации вооруженных группировок и уничтожение их вооружений разминированию территории и др) (код 15061);
— демобилизация и социальная реинтеграция демобилизованных служащих ВС (код 15064); изъятие мелкового стрелкового оружия, проведение конверсии военных предприятий (за рамками миро-

творческих операций ООН);

— разминирование территории (за рамками участия в миротворческих операциях ООН) (код 15066)[3].

Через 5 лет, в 2007 г. [OECD-DAC, 2007] в классификаторе ОЭСР уже появился отдельный тематический раздел «Предотвращение и урегулирование конфликтов, обеспечение мира и безопасности». Не менее важное значение имело добавление отдельной строчки «Управление и реформирование систем безопасности», под которым подразумевалось оказание технического содействия парламентам, министерствам, органам правопорядка и юстиции развивающихся стран в целях демократизации системы безопасности и усиления общественного контроля над их функционированием (код 15210). Другие мероприятия ОЭСР классифицировались следующим образом: гражданские мероприятия в сфере миростроительства, предотвращения и урегулирования конфликтов (код 15220), участие в операциях ООН по постконфликтному миростроительству (код 15230), реинтеграция бывших комбатантов и контроль за оборотом стрелкового оружия (код 15240) — за рамками участия в миротворческих операциях ООН, разминирование территории в целях развития — за рамках участия в миротворческих операциях ООН (код 15250), предотвращение вербовки детей в солдаты (код 15261).

Кроме того, в 2006 г. страны-члены КСР ОЭСР пришли к согласию о том, что 6% взносов членов «клуба доноров» на участие в миротворческих миссиях под эгидой ООН будут автоматически учитываться как ОПР [OECD, 2011, p. 6] .

На фоне всплеска интереса к проблемам «нестабильных государств», государствостроительства и миростроительства и восприятия мира и безопасности в качестве неотъемлемых условий для устойчивого развития в этот период даже стали озвучиваться идеи создания отдельной статистической категории «официальная помощь в области безопасности» (official security assistance) [Brzoska, 2008]. Однако данную идею были готовы разделить в девелопменталистском сообществе далеко не все.

В условиях, когда потребность в конкретизации и кодификации концептуальных изменений, произошедших за 2000-е гг. в девелопменталистском сообществе в рамках парадигмы связки «безопасность-раз-

[3] Усилия по унитожению ОМУ и борьбы с нераспространением ядерного оружия не упоминались в директивах, но всегда считались не соответствующими критериям ОПР.

вите», ощущалась наиболее остро, в 2010 г. была опубликована новая Директива КСР ОЭСР [OECD-DAC, 2010]. На сей раз в нее впервые в истории был включен отдельный раздел, посвященный расходам, связанным с предотвращением и урегулированием конфликтов и обеспечением мира и безопасности.

В этом документе было подробно описано, какие именно статьи расходов такого рода попадают или не подпадают под критерии ОПР и почему.

В отчетность не могли включаться следующие виды расходов:

— поставки военной техники или услуг (независимо от формы финансирования), обучение вооруженных сил;
— расходы на использование вооруженных сил в целях подавления акций гражданского неповиновения, даже в чрезвычайных ситуациях;
— расходы на обучение методам борьбы с протестной активностью, включая расходы на оплату услуг представителей органов правопорядка стран-доноров,
— расходы на контртеррористические мероприятия — на том основании, что они преимущественно нацелены на борьбу с угрозами безопасности для стран-доноров в той же степени, что и для стран-реципиентов, а не на содействие экономическому и социальному развитию страны-реципиента.

В то же самое время в отчетность дозволялось включать:

— дополнительные расходы, связанные с использованием военнослужащих стран-доноров для оказания гуманитарной помощи и помощи развитию;
— расходы на обучение сил правопорядка методам наблюдения за общественным порядком [OECD-DAC, 2010, p. 12–15].

В этом же документе было зафиксировано и еще одно важное нововведение. В статистике ОПР стали отражаться (частично) не только расходы на миротворческие операции, проводимые непосредственно под эгидой Департамента миротворческих операций ООН, но и осуществляемые на основании принятых Советом Безопасности ООН резолюций другими международными организациями — НАТО, Европейским союзом или региональными объединениями развивающихся стран. Тогда же показатель доли от общих расходов на миротворческие операции, автоматически зачисляемой в ОПР, был увеличен с 6% до 7% по инициативе ФРГ с целью учесть т.н. «проекты с быстрой отдачей» (quick-impact projects — QIPs) (Hynes and Scott, 2013, p. 12), реализовывавшиеся многими донорами в постконфликтных условиях.

В Директиве 2013 г. [OECD-DAC, 2013] добавилась новая оговорка о том, что под критерии ОПР не попадают мероприятия, направленные на обеспечение физической защиты людей или объектов собственности и подразумевающие использование и демонстрацию силы, в том числе и в рамках операций по оказанию гуманитарной помощи. При этом списание долгов по кредитам, выданным ранее на закупку военной продукции, теперь разрешалось учитывать как один из видов прочего официального финансирования (other official flows — OOF — ПОФ) в целях развития [OECD-DAC, 2013, p. 19–22].

Наконец, в феврале 2016 г. в рамках последнего раунда уточнения критериев на совещании высокого уровня КСР ОЭСР [OECD-DAC, 2016] были приняты новые дополнительные оговорки.

1. Дополнительные расходы на использование вооруженных сил и военного оборудования стран-доноров в рамках операций по оказанию гуманитарной помощи или помощи развитию допустимо было включать в отчетность по ОПР только при условии того, что эти услуги не могут быть своевременно и эффективно предоставлены гражданскими акторами.
2. Отныне разрешалось учитывать расходы на обучение военнослужащих стран-получателей помощи, если оно осуществляется либо гражданскими специалистами (предпочтительно), либо совместно гражданскими и военными специалистами, либо только военнослужащими страны-донора (в исключительных случаях) в следующих областях: 1) защита прав человека и верховенство закона; 2) защита женщин в конфликтах и предотвращение сексуального и гендерного насилия; 3) международное гуманитарное право; 4) гуманитарная помощь и помощь при стихийных бедствиях; 5) предотвращение и лечение инфекционных заболеваний 6) борьба с коррупцией, 7) обеспечение общественного контроля за деятельностью правительства. При этом расходы на обучение военнослужащих обращению с летальным оружием и на проведение тренингов, направленных на повышение боевого потенциала ВС, исключались из перечня расходов, соответствующих критериям ОПР [OECD-DAC, 2016, p. 10–12].

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Директиве 2016 г. впервые содержался намек на то, что расходы на содержание военных контингентов, участвующих в миротворческих операциях под эгидой ДМО ООН, *пока* (курсив мой. — *В. Б.*) не учитываются как ОПР [OECD-DAC, 2016, p. 15]. Важно отметить, что КСР ОЭСР уже всерьез обсуждал идею учета всех расходов на миротворческие операции (а не только 7%) в качестве компонента Совокупного официального содействия разви-

Таблица 1
Расходы, связанные с предотвращением и урегулирование конфликтов, обеспечением мира и безопасности, в глобальных потоках ОПР (2000–2015)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ОПР по разделу "КМБ", все доноры (млрд долл.)	183,81	20,17	65,24	74,92	1057,79	1809,21	1868,28	3024,47	3938,14	3816,14	3955,43	4057,15	3470,64	3759,28	3267,81	3757,04
ОПР всего, все доноры (млрд долл.)	90 875,66	95 004,68	102 850,77	107 384,71	112 632,29	143 302,13	139 462,16	131 066,64	147 190,91	147 540,02	154 582,83	159 061,34	152 642,08	167 457,25	178 580,64	182 988,25
Доля ОПР по разделу "КМБ" в общих объемах ОПР, все доноры (%)	0,2%	0,0%	0,1%	0,1%	0,9%	1,3%	1,3%	2,3%	2,7%	2,6%	2,6%	2,6%	2,3%	2,2%	1,8%	2,1%
ОПР по разделу "КМБ", страны-члены КСР ОЭСР (млрд долл.)	0	0	0	0	812,72	1601,86	1742,86	2500,74	3058,1	3131,42	3162,86	2854,7	2729,02	2593,4	2468,25	2559,35
ОПР всего, страны-члены КСР ОЭСР	80 346,02	82 674,3	88 675,15	92 594,35	97 813,29	128 289,43	122 106,5	112 841,16	125 750,33	127 594,72	134 497,12	133 170,03	128 118,79	135 223,07	137 439,05	146 538,22
Доля ОПР по разделу «КМБ» в общих объемах ОПР, страны-члены КСР ОЭСР (%)	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,8%	1,2%	1,4%	2,2%	2,4%	2,5%	2,4%	2,1%	2,1%	1,9%	1,8%	1,7%

	ОПР по разделу «КМБ», многосторонние доноры (млрд долл.)	ОПР всего, многосторонние доноры (млрд долл.)	Доля ОПР по разделу «КМБ» в общих объемах ОПР, многосторонние доноры (%)	ОПР по разделу «КМБ», «новые» доноры (млрд долл.)	ОПР всего, многосторонние доноры (млрд долл.)	Доля ОПР по разделу «КМБ» в общих объемах ОПР, многосторонние доноры (%)
2000	183,81	8896,12	2,1%	0	1633,52	0,0%
2001	20,17	10845,46	0,2%	0	1484,93	0,0%
2002	65,24	9189,99	0,7%	0	4985,63	0,0%
2003	74,92	9875,52	0,8%	0	4914,84	0,0%
2004	245,07	10690,59	2,3%	0	4128,4	0,0%
2005	206,52	11315,41	1,8%	0,83	3697,28	0,0%
2006	125,42	12002,06	1,0%	0	5353,6	0,0%
2007	519,5	12208,9	4,3%	4,23	6016,57	0,1%
2008	880,04	12900,45	6,8%	0	8540,13	0,0%
2009	684,72	13611,14	5,0%	0	6334,17	0,0%
2010	699,53	13336,18	5,2%	93,04	6749,52	1,4%
2011	1119,04	17158,71	6,5%	83,41	8732,6	1,0%
2012	613,65	18434,82	3,3%	127,97	6088,47	2,1%
2013	1155,23	16072,97	7,2%	10,65	16161,21	0,1%
2014	789,91	16451,1	4,8%	9,65	24690,49	0,0%
2015	772,76	16162,62	4,8%	424,94	20287,4	2,1%

тия (COCP-Total Official Support for Development — TOSD) — одним из «застрельщиков», при этом, выступала Франция.

Однако, пожалуй, наиболее значимым — в долгосрочной перспективе — изменением, вызвавшим наиболее оживленную реакцию в девелопменталистских кругах, стало включение в Директиву нового крупного раздела «Предупреждение воинствующего экстремизма».

В Директиве говорилось, что в соответствии с рекомендациями предложенного Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном Плана действий по предупреждению воинствующего экстремизма, такого рода мероприятия учитываются как ОПР в том случае, если они осуществляются представителями структур стран-партнеров и их главной целью является содействие развитию. Не учитываются, в свою очередь, мероприятия, направленные на устранение угроз безопасности стран-доноров и стран-получателей помощи, включая защиту персонала стран-доноров, за исключением тех специалистов, кто участвует в предоставлении гуманитарной помощи или помощи развитию. Классифицируемые как ОПР расходы в области предупреждения воинствующего экстремизма включают в себя:

— Расходы на мероприятия образовательного характера.
— Расходы на мероприятия по обеспечению верховенства закона.
— Расходы на проведение работ со структурами гражданского общества в целях предотвращения радикализации, поддержки реинтеграции и дерадикализации экстремистов.
— Расходы на укрепление потенциала служб безопасности и органов юстиции и обучение их специфическим навыкам, требуемых для предотвращения угроз терроризма и экстремизма.
— Расходы на исследование альтернатив экстремистской деятельности, нацеленное на устранение причин вооруженного экстремизма в развивающихся странах.

Несмотря на всю значимость последнего нововведения, пока оно принято только на доктринальном уровне — отдельных строк в классификаторе ОЭСР пока не появилось. Сказать точно, когда именно это произойдет, невозможно, равно как и оценить влияние включения расходов по предупреждению вооруженного экстремизма на статистику по ОПР. На данный момент при работе со статистическими данными ОЭСР необходимо помнить о том, что последние изменения методологии предоставления отчетности по интересующему нас разделу в них еще не отражены. Вместе с тем, имеющиеся данные (см. Табл. 1).

Анализ данных, представленных в статистических базах ОЭСР, позволяет выявить чрезвычайно любопытную динамику по потокам помощи

по категории «Предотвращение и урегулирование конфликтов, обеспечение мира и безопасности» за последние 15 лет (по многосторонним донорам эти данные доступны с 2000 г., по странам-членам КСР ОЭСР — с 2004 г., по странам, не входящим в «клуб доноров» с 2005 г., но на регулярной основе с 2010 г.). В общей сложности в абсолютных показателях объемы помощи с данным целевым назначением со стороны многосторонних институтов увеличились в 35 раз — с 20 до 772 млн долл., объемы помощи со стороны «традиционных» доноров» — в 3 раза с 812 до 2559 млн долл., наконец объемы помощи со стороны «новых» доноров — с 1 до 425 млн долл. Пиковые показатели пришлись на вторую половину 2000-х гг., после чего рост затормозился, а в случае с «традиционными» донорами интересующие нас показатели и вовсе начали снижаться.

Что касается относительных объемов, то следует признать, что доля помощи по данному разделу в общих объемах помощи остается достаточно скромной. Наибольшей она является в случае с многосторонними донорами — 4,8% в 2015 г., в то время как по «традиционным» и «новым» донорам она составляет соответственно 2,1% и 1,7% соответственно. Чрезвычайно показательно при этом, что доля эта имеет в последние годы тенденцию к снижению. Так, например, с 2008 г., она снизилась с 2,7% до 2,1% по всем донорам, с 2,4% до 1,7% по «традиционным» донорам, с 6,8% до 4,8% по многосторонним донорам. Это указывает на определенную де-милитаризацию потоков содействия развитию после завершения наиболее активной фазы «глобальной войны с терроризмом» при администрации Дж.Буша-мл. В то же самое время произведенные в 2016 г. изменения указывают на то, что в концептуальном отношении внимание к оказанию помощи данной категории сохраняется. Новое расширение критериев теоретически может дополнительный стимул к росту данных объемов.

Весьма показательны и данные по распределению помощи по разделу «КМБ» между отдельными «традиционными донорами» (См. табл. 2).

Значимые объемы помощи по соответствующему разделу (более 100 млн долл.) предоставляют лишь несколько стран-членов КСР, а именно США, Германия, Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария. Почти все указанные страны (кроме США), предоставляют помощь по разделу «КМБ» в значительно большем объеме, чем можно было бы предположить, исходя из их доля в глобальных объема ОПР. Особенно значимой эта разница является для Нидерландов и Норвегии. В то же самое время, ряд крупных стран-доноров, в первую очередь, Франция и Япония, существенно «недорабатывают» на данном направлении.

Таблица 2.
Распределение расходов, связанных с предовтращением и урегулирование конфликтов, обеспечением мира и безопасности между отдельными странами-членами КСР ОЭСР (2014)

	ОПР, всего (млрд долл.)	**ОПР по разделу "КМБ" (млрд долл.)**	**Доля ОПР по разделу "КМБ" в общих объемах ОПР (%)**	**Доля страны в объемах ОПР по разделу «КМБ» в рамках КСР ОЭСР**	**Доля страны в совокупных объемах ОПР в рамках КСР ОЭСР**
Страны-члены КСР ОЭСР	115 142	2 501	2,2%	100,0%	
Австралия	3 498	51	1,4%	2,0%	3,0%
Австрия	672	8	1,2%	0,3%	0,6%
Бельгия	1 460	7	0,5%	0,3%	1,3%
Канада	3 528	39	1,1%	1,6%	3,1%
Чехия	63	3	4,9%	0,1%	0,1%
Дания	2 070	42	2,0%	1,7%	1,8%
Финляндия	814	34	4,1%	1,3%	0,7%
Франция	9 071	61	0,7%	2,5%	7,9%
Германия	17 960	440	2,4%	17,6%	15,6%
Греция	46	0	1,1%	0,0%	0,0%
Исландия	31	1	3,7%	0,0%	0,0%
Ирландия	525	9	1,7%	0,4%	0,5%
Италия	1 533	11	0,7%	0,4%	1,3%

	ОПР, всего (млрд долл.)	ОПР по разделу “КМБ” (млрд долл.)	Доля ОПР по разделу “КМБ” в общих объемах ОПР (%)	Доля страны в объемах ОПР по разделу «КМБ» в рамках КСР ОЭСР	Доля страны в совокупных объемах ОПР в рамках КСР ОЭСР
Япония	16 353	85	0,5%	3,4%	14,2%
Южная Корея	2 378	15	0,6%	0,6%	2,1%
Люксембург	300	1	0,5%	0,1%	0,3%
Нидерланды	3 963	230	5,8%	9,2%	3,4%
Новая Зеландия	568	44	7,7%	1,8%	0,5%
Норвегия	4 241	221	5,2%	8,8%	3,7%
Польша	302	1	0,5%	0,1%	0,3%
Португалия	279	4	1,4%	0,2%	0,2%
Словакия	17	1	8,2%	0,1%	0,0%
Словения	21	2	7,7%	0,1%	0,0%
Испания	883	27	3,1%	1,1%	0,8%
Швеция	4 384	166	3,8%	6,6%	3,8%
Швейцария	3 254	133	4,1%	5,3%	2,8%
Великобритания	8 566	269	3,1%	10,7%	7,4%
США	28 362	595	2,1%	23,8%	24,6%

Анализ результатов. Отслеженные нами изменения в критериях отнесения тех или иных расходов, связанных с предотвращением и урегулированием конфликтов и обеспечением безопасности и развития к категории ОПР, а также анализ соответствующих количественных данных по ключевым группам доноров и ключевым донорам, входящим в состав КСР ОЭСР, позволяют сделать следующие наблюдения:

С одной стороны, соответствующие изменения в критериях ОПР отражают определенные вехи в развитии концептуальных представлений о проблемах взаимозависимости безопасности и развития. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что наиболее значимое — в статистическом плане — на данный момент изменение — включение расходов на оказание содействия реформам сектора безопасности — произошло одновременно с возникновением доктринального консенсуса в рамках «клуба доноров» относительно того, что конфликты и «нестабильность» являются важнейшими препятствиями для развития и реализации повестки Целей развития тысячелетия. Точно так же включение блока касательно «предупреждения воинствующего экстремизма» обозначает новую главу в доктринальном развитии СМР. Смягчение позиции в отношении расходов на обучение военнослужащих стран-реципиентов можно объяснить принятием новой глобальной повестки дня в области развития на перспективу до 2030 года, в том числе включения в нее Цели №16 «Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях».

С другой стороны, нельзя исключать и наличия более меркантильной мотивации со стороны стран-доноров. В условиях, когда, несмотря на все большее внимание к прочим официальным потокам, категория ОПР все равно сохраняет свое значение в качестве стержневого индикатора вклада той или иной страны в глобальное развитие, а ориентир 0,7% от ВНД никем не отменен, «традиционные» доноры — в посткризисных условиях — имеют не так много возможностей по увеличению своих показателей. Смягчение критериев ОПР — особенно в части касающейся борьбы с воинствующим экстремизмом, расходы на которую в последние годы в любом случае имеют тенденцию к увеличению, — с этой точки зрения может опосредованно содействовать улучшению показателей стран-доноров. Особенно это верно в отношении тех стран, в которых доля соответствующих расходов по разделу «КМБ», квалифицируемых как ОПР, существенно выше среднемировых значений.

Заключение. Проведенный в настоящей статье анализ позволяет говорить о комплексной политико-экономической природе изменений в учете расходов, связанных с обеспечением мира и безопасности, в качестве ОПР. Эти изменения теоретически могут быть вызваны как общей тенденцией к большему взаимопроникновению императивов безопасности и развития, так и стремлением отдельных влиятельных доноров увеличить вклад в СМР в условиях в целом неблагоприятной экономической конъюнктуры и бюджетных ограничений. Оценить роль финансово-экономических факторов в полном объеме возможно будет только спустя некоторое время, когда появится возможность сопоставлять числовые данные по ОПР от стран-членов КСР ОЭСР до и после соответствующих изменений, произведенных в 2016 г.

Если прирост будет действительно значимым, то тогда гипотеза о существенном значение финансово-экономических мотивов имеет право на существование, если символическим, то придется признать преобладание соображений политико-стратегического свойства.

В какой степени произведенные в 2016 г. изменения критериев ОПР могут быть выгодны Российской Федерации? С одной стороны, можно предположить, что эта выгода может быть весьма существенной. В последние годы РФ активно укрепляет свой военный потенциал и возможности ВС в сфере оказания гуманитарной помощи и миростроительства, противодействия угрозам терроризма и экстремизма, в первую очередь, на Ближнем Востоке.

С другой стороны, данные по соответствующим статьям расходов, касающиеся, например, участия ВС РФ в оказании гуманитарной помощи Сирии, в обозримом будущем практически наверняка не будут включаться в отчетность, представляемую Министерством финансов в ОЭСР. Вероятность того, что с началом деятельности подкомиссии по вопросам содействия международному развитию, создаваемой в рамках Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции в целях обеспечения координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в области СМР и подготовки предложений Президенту РФ Российской Федерации по определению основных направлений государственной политики России в этой области, ситуация на данном направлении оперативно исправится, увы, не приходится.

Однако, даже если бы российские ведомства нашли техническую возможность включения данных по соответствующим расходам в отчетность хотя бы в агрегированном виде, имиджевый эффект потенциального увеличения вклада РФ в СМР за счет новых статей расходов,

скорее всего, будет нивелирован достижениями крупнейших «традиционных» доноров — США, ФРГ Великобритании, и др. За действиями данных стран по смягчению критериев ОПР стоят еще и политико-стратегические интересы в странах глобального Юга, ради вмешательства во внутренние дела которых «традиционными» донорами используется девелопменталистская риторика. Именно в этом состоял один из главных аргументов России против включения Цели №16 в список ЦУР, и получение странами Запада дополнительных «статистических» стимулов для дальнейшей политизации и милитаризации СМР должно еще больше повысить обеспокоенность российского руководства.

Литература

1. Бартенев В.И. Связка «безопасность-развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 3. С. 78–97.
2. Brzoska, M. (March 01, 2008). Extending ODA or Creating a New Reporting Instrument for Security-related Expenditures for Development? // Development Policy Review. 2008. Vol. 26. №2. P. 131–150.
3. Howell J., Lind J. Changing Donor Policy and Practice in Civil Society in the Post-9/11 Aid Context // Third World Quarterly. 2009. Vol. 30, №7. P. 1279–1296.
4. Hynes W., Scott S. The Evolution of Official Development Assistance: Achievements, Criticisms and a Way Forward // OECD Development Co-operation Working Papers. 2013. №12. [Электронный ресурс]. URL: http://dx.doi.org/10.1787/5k3v1dv3f024-en (дата обращения: 15.01.2017).
5. Lorenzo-Dus N., Marsh S. Bridging the gap: Interdisciplinary insights into the securitization of poverty //Discourse and Society. Vol. 23. №3. P. 274–296.
6. OECD-DAC. Converged statistical reporting directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the annual DAC questionnaire. DCD/DAC(2013)15/FINAL. June 11, 2013. Paris: OECD, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/dac/stats/documentupload/DCD-DAC(2013)15-FINAL-ENG.pdf (дата обращения: 15.01.2017)
7. OECD-DAC. DAC Statistical Reporting Directives. DCD/DAC(2010)40/REV1. November 12, 2010. Paris: OECD, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/dac/stats/38429349.pdf (дата обращения: 15.01.2017)
8. OECD-DAC. Development Assistance Flows for Governance and Peace. Backgrounder. Paris: OECD, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/dac/governance-peace/docs/Dev%20Assistance%20flows%20for%20gov%20and%20peace.pdf (дата обращения: 15.01.2017)
9. OECD-DAC. Reporting Directives for the Creditor Reporting System. DCD/DAC(2002)21. July 30, 2002. Paris: OECD, 2002. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DCD/DAC(2002)21&docLanguage=En (дата обращения: 15.01.2017)
10. OECD-DAC. Reporting Directives for the Creditor Reporting System. DCD/DAC(2007)39/FINAL. September 4, 2007. Paris: OECD, 2007. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd.org/dac/stats/1948102.pdf (дата обращения: 15.01.2017)
11. OECD. DAC High Level Meeting Communiqué. February 19, 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/dac/DAC-HLM-Communique-2016.pdf (дата обращения: 15.01.2017).
12. OECD. The DAC Guidelines. Helping Prevent Violent Conflict. Paris: OECD, 2001. Vol. 1.
13. Róisín S. Playing with Principles in an Era of Securitized Aid : Negotiating Humanitarian Space in Post-9/11 Afghanistan // Progress in Development Studies. Vol. 9. №1. P. 15–36.
14. Tschirgi N. Security and Development Policies: Untangling the Relationship. / New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches. // Klingebiel S. (ed.) Bonn : Dt. Inst. F r Entwicklungspolitik, 2006. P. 39–68.
15. Woods, N. The Shifting Politics of Foreign Aid // International Affairs. 2005. Vol. 81. №2. P. 393–409.

ODA-ELIGIBILE PEACE AND SECURITY-RELATED EXPENDITURES: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF REVISISING REPORTING REQUIREMENTS

Vladimir Bartenev

Abstract. *The last decade in the Western development studies has been marked by a quest for an optimal model of revising reporting requirements for various development flows. One of the most visible changes was a significant broadening of a spectrum of peace and security-related expenditures eligible for reporting as official development assistance (ODA). Starting with 2016, this spectrum will include, inter alia, expenditures related to countering violent extremism. Neither these revisions, nor their political and economic substance has been duly studied by the international relations scholars. This paper fills a gaping niche by implementing novel conceptual approaches and applying them to an examination of both qualitative and quantitative data. Conceptually, the paper draws on the results of previous research on the security-development nexus, as well as the works of the London School of Economics professors J. Lind and J. Howell. The revisions of reporting requirements are being conceptualized as one of the under-researched manifestations of 'securitization of development' (understood as an encapsulation of global and national security interests in the framing, justification, structuring and implementation of development*

and aid policies) at the meso-level of changes in volumes and direction of the development aid flows. This helps to posit a hypothesis that the revisions of reporting requirements serve the interests of the largest established donors. This hypothesis is verified in two steps. First, the author tracks the process of revising reporting requirements by comparing consecutive reporting directives issued by the 'club of donor' — the Development Assistance Committee of the Organisation of Economic Cooperation and Development throughout 2000s. Second, using quantitative data from the OECD database, this paper examines absolute and relative volumes of ODA-eligible peace and security-related expenditures by various groups of donors and studies the distribution of these flows among key DAC members. It helps to confirm the main hypothesis and identify complex political-economic nature of the revisions of reporting requirements. These revisions may equally be explained by a trend towards merging security and development imperatives, as well as by some influential donors' willingness to boost their contribution to international development against the background of not very favorable economic conditions and budgetary constraints. The paper concludes with an examination of potential opportunities and risks related to the aforementioned revisions for strategic interests of the Russian Federation.

Keywords: *official development assistance, security, peace, conflict management, security sector reform, countering violent extremism*

References

1. Bartenev V.I. (2015). Svyazka 'bezopasnost — razvitie' v sovremennykh zapadnykh issledovaniyakh: ot dekonstruktsii k kontekctualizatsii [Security–development nexus in Western bibliography: From Deconstruction to Contextualization]. *Mezhdunarodnye Protsessy [International Trends]*,13, 3, 78–97.
2. Brown, S., & In Grävingholt, J. (2016). *The Securitization of Foreign Aid*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
3. Brzoska, M. (2008). Extending ODA or Creating a New Reporting Instrument for Security-related Expenditures for Development?. *Development Policy Review*, 26, 2, 131–150.
4. Howell, J., & Lind, J. (2009). Changing Donor Policy and Practice in Civil Society in the Post-9/11 Aid Context. *Third World Quarterly*, 30, 7, 1279–1296.
5. Lorenzo-Dus, N., & Marsh, S. (2012). Bridging the Gap: Interdisciplinary Insights into the Securitization of Poverty. *Discourse and Society*, 23, 3, 274–296.
6. OECD (2016) DAC High Level Meeting Communiqué. February 19, 2016. Retrieved 15 January, 2017 from https://www.oecd.org/dac/DAC-HLM-Communique-2016.pdf .
7. OECD-DAC (2002) Reporting Directives for the Creditor Reporting System. DCD/DAC(2002)21. July 30, 2002. Paris: OECD, 2002. Retrieved 15 January, 2017 from

http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=DCD/DAC(2002)21&docLanguage=En .
8. OECD-DAC (2007) Reporting Directives for the Creditor Reporting System. DCD/DAC(2007)39/FINAL. September 4, 2007. Paris: OECD, 2007. Retrieved 15 January, 2017 from http://www.oecd.org/dac/stats/1948102.pdf .
9. OECD-DAC (2010) DAC Statistical Reporting Directives. DCD/DAC(2010)40/REV1. November 12, 2010. Paris: OECD, 2010. Retrieved 15 January, 2017 from http://www.oecd.org/dac/stats/38429349.pdf
10. OECD-DAC (2013). Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. DCD/DAC(2013)15/FINAL. June 11, 2013. Paris: OECD, 2013. Retrieved 15 January 2017 from% https://www.oecd.org/dac/stats/documentupload/DCD-DAC(2013)15-FINAL-ENG.pdf
11. OECD-DAC (2014) Development Assistance Flows for Governance and Peace. Backgrounder. Paris: OECD, 2014. Retrieved 15 January 2017 from https://www.oecd.org/dac/governance-peace/docs/Dev%20Assistance%20flows%20for%20gov%20and%20peace.pdf .
12. OECD (2001) The DAC Guidelines. Helping Prevent Violent Conflict. Paris: OECD. Vol. 1.
13. Róisín, S. (2009). Playing with Principles in an Era of Securitized Aid : Negotiating Humanitarian Space in Post-9/11 Afghanistan. *Progress in Development Studies*, 9, 1, 15–36.
14. Tschirgi, N. (2006). Security and Development Policies: Untangling the Relationship. In Klingebiel S. (ed.) *New Interfaces between Security and Development. Changing Concepts and Approaches* (pp. 39–68). Bonn : Dt. Inst. Fur Entwicklungspolitik.
15. Woods, N. (2005). The Shifting Politics of Foreign Aid. *International Affairs*, 81, 2, 393–409.

Информация об авторе
Бартенев В. И.
к.и.н., доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация
E-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru
Vladimir Bartenev
Ass. Prof., PhD (History)
Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА СОДЕЙСТВИЯ РАЗВИТИЮ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ[4]

Г. М. КОСТЮНИНА

Аннотация. *Японская политика содействия международному развитию (СМР) насчитывает более чем 60-летнюю историю с участия в Плане Коломбо (1954 г.) по оказанию финансового содействия развивающимся странам Азии. Рассматривая такую политику следует учитывать, что эта страна по итогам второй мировой войны выплачивала репарации, что продолжалось по 1976 г.*

Первый японский документ в сфере содействия международному развитию был утвержден в 1978 г. как Среднесрочная цель по официальной помощи развитию (программного характера). В последующие годы были приняты еще четыре таких программы, которые поставили задачи постепенного удвоения объема внешней помощи до 70–75 млрд долл. к 1998 г. Их выполнение содействовало повышению роли Японии рейтинге стран-доноров: 3-е место в 1983 г., 2-е место в 1986 г. и 1-е место в 1989 г.

С 1990-х гг. главным документом, регулирующим содействие развитию, становятся Хартии в сфере официальной помощи развитию, принятые в 1992 г., 2003 г. и в 2015 г. Последняя Хартия изменила название на Хартию сотрудничества в сфере развития. Перечисленные документы определяют философию, цели, приоритеты, принципы и направления японского содействия международному развитию.

Основные тенденции японской политики включают: (1) постепенное сокращение объема внешней финансовой помощи, начиная с 1990-х гг.; (2) в отраслевом разрезе преобладание сферы экономической инфраструктуры; (3) оказание финансовой помощи в основном на двустороннем уровне; (4) в региональном разрезе преобладание стран Азии, хотя с 1980-х гг. география содействия международному развитию

[4] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16–03–00602.

расширилась на страны Латинской Америки и Африки; (5) в разрезе по странам смещение акцента от Китая к АСЕАН-4 (Мьянма и Вьетнам в основном).

В целом, с учетом норм Хартии (2015 г.) произошел отход в японской политике содействия международному развитию от принципов деполитизации и демилитаризации к постепенному переходу к политике оказания финансовой помощи зарубежным странам в увязке с операциями миротворческих сил ООН.

***Ключевые слова**: политика содействия международному развитию (СМР), официальная помощь развитию (ОПР), Япония, Китай, АСЕАН.*

Введение. Содействие международному развитию (СМР) выступает одним из важнейших направлений экономического сотрудничества в рамках «Север–Юг». Развивающиеся государства, особенно наименее развитые страны, нуждаются в финансовом содействии экономическому и социальному развитию, во вложении зарубежных инвестиций в сооружение или модернизацию физической и социальной инфраструктуры, в развитие отдельных отраслей промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг. Такое содействие оказывается, как на уровне международных организаций, так и на двусторонней межгосударственной основе. Государства-доноры включая Японию объединены в Комитет содействия развитию в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Содействие международному развитию является одной из восьми Целей развития тысячелетия, программы ООН, утвержденной в 2000 года[5], и Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года[6]. Другой документ, регулирующий предоставление внешней помощи, — Парижская декларация по повышению эффективности внешней помощи (2005 г.)[7], определившая критерии оказания такого содействия. Имеют место две точки зрения на решение проблемы возрастающей зависимости стран-реципиентов от иностранной помощи. Согласно первой, необходимо повышать эффективность помощи, увеличивая ее объем, параллельно совершенствуя и расширяя практику оценки ее результативности, что создает условия для стабильного экономического развития в стране-реципиенте. Со-

[5] Millennium Development Goals. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.unmillenniumproject.org/goals/index.htm

[6] Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations, 2015. Retrieved 28 December, 2016 from https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld/publication

[7] The Paris Declaration on Aid Effectiveness and the Accra Agenda for Action // OECD. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.oecd.org/dataoecd/11/41/34428351.pdf

гласно второй, ставится вопрос о том, что институт помощи стал сдерживающим фактором на пути экономического роста в развивающихся странах и требует кардинального пересмотра [Абрамова, 2011, с. 106]. В Японии придерживаются первой точки зрения.

Один из главных критериев — доля официальной помощи развитию (ОПР) в ВНП страны-донора. Изначально он был установлен на уровне 0,7% в 1970 г. в рамках ЮНКТАД, затем был снижен до 0,15–0,2%. По итогам 2015 г. этот критерий выполняют все государства, входящие в первую «пятерку» стран-доноров Комитета содействия развитию. В 2015 г. доля в ВНП Японии составила 0,21% в среднем, а в абсолютном выражении совокупный объем финансовой помощи снизился с 10,84 млрд долл. до 10,29 млрд долл. за 1990–2015 годы[8].

Предлагаемая тема нашла освещение в ряде научных исследований японских экспертов. Так, в частности, основные положения японской первой Хартии по официальной помощи развитию (1992 г.) проанализированы в работе К. Сунага [Sunaga, 2004], развитие политики содействия международному развитию в первой половине 2000-х гг. — в работах С. Катада [Katada, 2015], Н. Пан [Pan, 2015], в докладе «Японской политике ОПР 50 лет: оценка азиатской программы» [Japanese ODA, 2015], в коллективном труде НИЦ ВШЭ «Национальные стратегии развития» [Национальные стратегии, 2011]. Тем не менее, в 2015 г. кабинет министров Японии утвердил новую Хартию в сфере СМР, анализ приоритетов и направлений которой нуждается в отдельном освещении, равно как и современные тенденции японской политики содействия международному развитию.

Теоретические основания исследования. В качестве концептуальной базы настоящего исследования использована концепция «содействия международному развитию», которая изложена в документах международных организаций, как ООН и ОЭСР. В них дано понятие СМР как выделение грантов, займов и других форм финансовой помощи развивающимся странам на цели социально-экономического развития, при этом не менее 25% суммы помощи должны составлять субсидии на безвозмездной основе.

Исследование: основная часть

Методология исследования. В основе методологии исследования лежит понимание СМР как системы, включающей совокупность элементов, взаимодействующих с элементами других систем. Подобное взаи-

[8] Данные ОЭСР. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/

модействие рассматривается с учетом специфической предназначенности каждого из элементов, а также с учетом факторов устойчивости развития каждой системы. Предпринята попытка выделения элементов в системе СМР, определяющих цели и направленность ее развития на современном этапе. При проведении настоящего исследования автором использованы такие методы как метод сравнительного анализа, позволяющий выявить специфику японской политики СМР; методы статистического анализа и политического прогнозирования, которые дают возможность выявить современные тенденции оказания содействия международному развитию развивающихся стран со стороны Японии; а также логический концептуальный анализ, позволяющий представить целостную картину японской политики СМР.

Процедура исследования. В ходе проведенного исследования было доказано, что японская политика СМР прошла 60-летнюю эволюцию от политики невмешательства во внутренние дела страны-реципиента к политике обеспечения национальной безопасности. В результате увеличилась взаимозависимость между политикой СМР и внешней политикой, возросла взаимосвязь политики с экономикой в рамках концепции «комплексной безопасности».

Результаты исследования

История японской политики содействия международному развитию

Основой разработки Японией политики в сфере содействия международному развитию (СМР) стали, как политические, так и экономические причины. С политической точки зрения страна стремилась возродить разрушенные в ходе второй мировой войны политические и экономические связи со странами Азии. С экономической точки зрения ставились цели содействия сооружению инфраструктурных объектов на территории последних в целях формирования более благоприятного инвестиционного климата для японских инвестиций и содействия развитию экспортноориентированных отраслей промышленности, что, несомненно, создавало производственную базу в азиатских развивающихся странах.

Практически, содействие международному развитию в Японии берет начало с 1954 г. с участия в плане Коломбо по оказанию финансовой помощи странам Юго-Восточной Азии. Основой стал Сан-Францисский мирный договор по выплате репараций. В 1950-е гг. был подписан договор с Мьянмой (тогда Бирмой) по репарациям, соглашение с Индией по предоставлению займа. В тот период правительство исходило из «соблюдения корпоративных интересов в плане упрощения доступа национальных компаний на внешние рынки и расширения доступа

к природным ресурсам в целях решения проблемы энергетической безопасности» [Katada, 2015, p.6]. В эти годы японская политика фактически носила характер репарационных выплат, а не финансового содействия. Подобная ситуация продолжалась по 1976 г., когда были сделаны последние репарационные выплаты Филиппинам.

В течение первых двух десятилетий (1950–1960-е гг.) финансовое содействие оказывалось в основном Восточной Азии, а с 1970-х гг. приоритеты расширились на развивающиеся страны Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. «На Юго-Восточную Азию (ЮВА) в 1970 г. пришлось более 90% финансового содействия Японии, в 1980 г. — 70%, в 1990 г. — 60%, 2000 г. — 59% и в 2012 г. — 56,2%» [Pan, 2015, p. 13].

Финансовая помощь в сооружении инфраструктуры в Юго-Восточной Азии, крупные потоки ПИИ стимулировали формирование производственной базы, индустриализацию экономик развивающихся стран и рост экспорта, что стало вкладом в достижение экономического роста и сокращение бедности. В итоге с 1990-х гг. происходит сокращение объема ОПР, а акцент смещается в сторону увеличения объема финансового содействия развитию социальной инфраструктуры и деятельности неправительственных организаций.

Нормативно-правовое регулирование политики в сфере СМР

Первым документом в сфере содействия международному развитию стала «Среднесрочная цель в области официальной помощи развитию 1978 г.»[9] (носила программный характер). Она поставила задачу удвоения

Таблица 1

Среднесрочные цели в сфере ОПР Японии

Наименование документа	Задача
I среднесрочная цель 1978–1980 гг.	Удвоение объема ОПР с 1,42 млрд долл. в 1977 г.
II среднесрочная цель 1981–1985 гг.	Удвоение объема ОПР до 10,68 млрд долл.
III среднесрочная цель 1986–1992 гг.	Увеличение объема ОПР до 40 млрд долл.
IV среднесрочная цель 1988–1992 гг.	Увеличение объема ОПР до 50 млрд долл.
V среднесрочная цель 1993–1997 гг.	Увеличение объема ОПР до 70–75 млрд долл.

Источник. Составлено на основе данных МИД Японии. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/oda/cooperation/anniv50/pamphlet/progress2.html

[9] The First Medium-Term Target of ODA. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/oda/cooperation/anniv50/pamphlet/progress2.html

объема финансовой помощи. Всего было принято пять подобных программ, поставленные задачи в рамках которых суммированы в табл. 1.

Выполнение поставленных задач способствовало выходу Японии на 3-е место в мире по объему оказанной финансовой помощи в 1983 г., на 2-е место — в 1986 г. и на 1-е место — в 1989 г.

В стране нет единого акта на законодательном уровне, который регулировал бы цели, направления и инструменты осуществления такой политики. Его роль выполняет Хартия по ОПР, первый вариант которой был утвержден Кабинетом министров в 1992 году[10], второй в 2003 году[11] и третий вариант в 2015 году[12], а также еще один документ под названием Среднесрочная политика по официальной помощи развитию (1999 г.)[13]. Все вышеперечисленные нормативно-правовые акты носят подзаконный характер, так как приняты кабинетом министров. Но этот «недостаток» компенсируется возможностью более оперативно реагировать на меняющуюся ситуацию, избегая длительных процедур в законодательном органе.

Первая Хартия по ОПР принята в июне 1992 г., она включила основу (базовую философию), принципы и приоритеты, меры эффективной реализации политики, содействие взаимопониманию и поддержки социально-экономического развития развивающихся государств. В данном документе определены следующие принципы политики содействия развитию: увязка целей предоставления ОПР с охраной окружающей среды; неиспользование полученных займов в военных целях; необходимость уделять внимание военным расходам, экспорту и импорту вооружений в стране-реципиенте; уверенность в гарантировании прав и основных свобод человека. Хартия 1992 г. нацелена на содействие японской модели развития с учетом накопленного опыта в рамках перехода на политику «мягкой силы».

Разработка второго варианта Хартии по ОПР была вызвана несколькими внешними причинами: (1) окончанием холодной войны в связи

[10] Japan's Official Development Assistance Charter. Cabinet Decisions, June 30, 1992. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1999/ref1.html

[11] Japan's Official Development Assistance Charter / Government of Japan, Ministry of Foreign Affairs, Economic Cooperation Bureau. 29 August 2003. Retrieved 28 December, 2016 from http://www. mofa.go.jp/policy/oda/reform/revision0308.pdf

[12] Development Cooperation Charter. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/files/000067702.pdf

[13] Medium Term Policy on Official Development Assistance. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1999/ref2_01.html

с распадом мировой системы социализма; (2) пересмотром национальной политики многими странами-донорами, а именно смещением акцента оказания финансового содействия с развивающихся государств на бывшие социалистические страны; (3) обострением глобальных проблем, как глобальное потепление, загрязнение окружающей среды, терроризм, эпидемии; (4) углублением дифференциации между развивающимися странами в уровнях экономического развития и объемах среднедушевых доходов; (5) принятием Целей развития тысячелетия в рамках ООН в 2000 г.

В данный период на практику СМР оказали влияние и причины внутреннего характера. Важной причиной такого рода стала необходимость сокращения бюджетных расходов, что было вызвано спадом японской экономики и кризисом в налоговой системе. Из числа других причин можно выделить приоритет предоставления займов, а не грантов как формы ОПР; вложение финансовых ресурсов в крупные инфраструктурные проекты, а не в передачу технологий; слабое взаимодействие с другими странами-донорами; невысокий уровень прозрачности политики ОПР; недостаточно высокую эффективность такой политики; увеличение протестного электората внутри Японии (с 56,8% до 81,0% от количества опрошенных за 1990–2003 гг.), выступающего против проведения подобной политики. В результате японская официальная помощь развитию стала расцениваться как неэффективная и даже расточительная.

Перечисленные причины способствовали внесению изменений в японскую политику в сфере ОПР, что в частности, выразилось в сокращении стоимостного объема финансового содействия на 38%, и нашло отражение в обновленном варианте Хартии, принятой в 2003 г.

Годом ранее, в 2002 г. Премьер утвердил Задачи во внешней политике[14], включая стратегию официальной помощи развитию. Данный документ дает определение ОПР как инструмента достижения политической стабильности в мире и содействия бедным странам. В итоге в нем были определены две группы форм финансового содействия: (1) связанные с национальными интересами Японии; и (2) оказываемые нуждающимся странам мира.

Хартия 2003 г., как и предыдущий вариант 1992 г., призвана содействовать миру и развитию мирового сообщества для обеспечения на-

[14] Basic Strategies for Japan's Foreign Policy in the 21st Century New Era, New Vision, New Diplomacy. November 28, 2002. Task Force on Foreign Relations for the Prime Minister. Retrieved 28 December, 2016 from http://japan.kantei.go.jp/policy/2002/1128tf_e.html

циональной безопасности и процветания нации, оказывать поддержку развитию экономической и социальной инфраструктуры, человеческого капитала, решению проблем бедности и глобальных проблем, как природные катастрофы, предотвращение военных конфликтов и борьба с терроризмом. Аналогичные цели определяет Организация экономического и социального развития (ОЭСР), которым должны следовать страны-доноры в рамках национальной политики финансового содействия.

Важным моментом изменений в Хартию ОПР 2003 г. стал учет собственных национальных интересов страны. Как указано, при разработке политики в сфере официальной помощи развитию следует оптимально сочетать ее цели и национальные интересы Японии (чем и руководствуются официальные органы страны). В результате акцент сместился на гуманитарную помощь (доля равна 7%), что содействовало изменению в положительную сторону отношения населения страны к политике в сфере ОПР.

Ярким примером стала Новая Инициатива Миядзавы на 1998–2000 годы[15] по оказанию финансового содействия странам Восточной Азии в выходе из азиатского финансового кризиса. Пакет помощи составил 30 млрд долл. в форме льготных займов по линии Эксимбанка Японии и официальной помощи развитию. Подобная помощь имела как экономический, так и политический аспекты, и способствовала экономическому развитию азиатских государств, являющихся немаловажными торговыми и инвестиционными партнерами Японии, и в конечном итоге укреплению политического влияния страны восходящего солнца в азиатских экономиках.

В Хартии 2003 г. одну из ведущих ролей играет политический фактор в рамках предоставления ОПР, несмотря на ранее провозглашенный главенствующий принцип «деполитизации». Ведь еще в 1970–1980-е гг. финансовая помощь оказывалась таким странам Азии, как Индонезия, Китай, Малайзия, Филиппины, Шри-Ланка, Южная Корея, где были внутренние конфликты. Хартия определила следующие инструменты реализации политики в сфере ОПР, как «политический диалог, содействие, основанное на политических интересах, эволюция системы помощи, предоставляемой с учетом официальной просьбы руководства страны-реципиента» [Inada, 2015, p. 7].

[15] New Initiative to Overcome the Asian Currency Crisis (New Miyazawa Initiative). Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/economy/asia/crisis0010.html

В 2000-е гг. во многих странах-донорах наблюдается гармонизация политики в сфере ОПР, в том числе на основе формирования совместных фондов. Это позволило оптимизировать использование финансовых средств и повысить их эффективность. Но Япония не стала применять данное направление с учетом исторического акцента на двустороннюю, а не многостороннюю помощь.

ОПР осуществляется по следующим направлениям: поддержание собственных усилий развивающихся государств по экономическому развитию; повышение человеческой безопасности; использование японского опыта и экспертов; партнерство и сотрудничество с зарубежными странами.

Японская Хартия ОПР 2003 г. включила такие приоритеты, как: сокращение бедности; достижение устойчивого роста; решение глобальных проблем; сохранение мира. В региональном разрезе главный приоритет принадлежит Азии. В положения Хартии были внесены два изменения в отношении предоставления ОПР Китаю, бывшему ведущей страной-реципиентом японской помощи, и в отношении поддержки интеграционных процессов в Восточной Азии.

Первое изменение вызвано улучшением экономического положения КНР в мировой экономике и смещением странового приоритета в пользу менее экономически развитых азиатских государств.

Второе изменение связано с поддержкой интеграционных процессов в Восточной Азии благодаря финансированию двусторонних и многосторонних инвестиционных проектов. В стране утверждается концепция соглашений об экономическом партнерстве, первое такое соглашение подписано с Сингапуром в 2002 г.

В результате японская политика в сфере официальной помощи развитию перешла от содействия развитию к политике экономического партнерства, включая содействие сокращению дифференциации в уровнях экономического развития и среднедушевых доходов между восточноазиатскими странами.

Одним из инструментов содействия международному развитию в японской практике стали развернутые планы ОПР[16]. Они разрабатываются для каждой страны–реципиента с целью структурирования деятельности страны по предоставлению конкретной помощи. Такие планы отражают текущие проекты ОПР с учетом приоритетов содействия развитию для каждой отдельно взятой страны. «Их использова-

[16] ODA Japan's Policy Rolling Plans / Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved 28 December, 2016 from http:// www.mofa.go.jp/policy/oda/rolling_plans/index.html

ние позволяет сочетать различные схемы и инструменты содействия развитию (проекты технического сотрудничества, поддержку на основе предоставления грантов, займов ОПР, многосторонней помощи и пр.) при разработке, планировании и реализации проектов в рамках ОПР» [Национальные стратегии, 2011, с. 187].

«В 2013 г. кабинет премьер-министра Абе меняет основы политики в сфере ОПР в пользу идеи национальной безопасности, включая расширение помощи в военных целях по финансированию деятельности ООН по поддержанию мира» [New ODA, 2015, p. 1]. Это привело к отходу от традиционной политики в сфере ОПР, которая многие десятилетия базировалась на принципе демилитаризации. В декабре того же года утверждена «политика стратегического использования ОПР, связывания финансовой помощи зарубежным странам с операциями миротворческих сил» [Dangerous Turn, 2014, p. 1].

Эти изменения происходят на фоне постепенного пересмотра Японией своей внешней политики и роли национальных Сил самообороны.

В настоящее время Силы самообороны Японии в соответствии с Конституцией имеют право применять оружие и участвовать в боевых операциях только в случае прямого нападения или при непосредственной угрозе и не имеют права участвовать в боевых действиях за пределами своего государства. Поскольку в ближайшее время изменить Конституцию, скорее всего, не удастся, Правительство, по-видимому, пойдет по пути ее расширительного толкования. Продолжающиеся в Японии на самых различных уровнях дебаты свидетельствуют, что «размывание» норм Конституции о самообороне будет осуществляться по следующим направлениям: расширение вклада Японии в миротворческие операции под эгидой ООН; официальное признание права на коллективную самооборону с союзниками (прежде всего с США); юридическое закрепление права наносить в случае необходимости превентивные удары по «вражеским базам» (в связи с непредсказуемостью развития ситуации вокруг ракетно-ядерной программы КНДР); дальнейшее смягчение запрета на экспорт вооружений.

В конце 2013 г. правительство Японии приняло пакет программных документов, определяющих государственную стратегию в области обеспечения национальной безопасности на обозримую перспективу, в том числе Стратегию национальной безопасности[17]. Его содержание позволяет говорить об изменении вектора в политике Японии

[17] Retrieved 28 December, 2016 from Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/security/index.html

в сфере безопасности, который будет иметь долгосрочные последствия для всей системы международных отношений в Восточной Азии и оказывать существенное влияние на политику страны восходящего солнца в области СМР (в том числе в форме «мягкого давления» на страны-реципиенты, вынуждая их действовать в выгодном для Японии направлении).

В 2015 г. утвержден третий вариант Хартии в сфере ОПР, но уже с новым названием Хартия по сотрудничеству в сфере развития. Она исходит из широкого понятия «развитие», которое включает не только экономические, но и политические аспекты, в том числе поддержание мира, защиту основных прав человека и свобод, а также гуманитарную помощь. Подобное сотрудничество призвано обеспечить защиту национальных интересов Японии по поддержанию мира и безопасности, процветанию, стабильности, прозрачности и предсказуемости экономического и политического развития.

Ныне действующая Хартия определяет следующие цели японской политики содействия развитию, как активизация поддержания мира и процветания во всем мире и обеспечение национальных интересов Японии.

Хартия включила принципы осуществления рассматриваемой политики: сохранение окружающей среды и устойчивое развитие; непредоставление финансовой помощи в военных целях или для производства оружия массового поражения; выделение финансовой помощи на цели демократизации, развития рыночной экономики, гарантирования основных прав и свобод человека в странах-реципиентах.

Приоритеты политики включают качественный рост и сокращение бедности на основе устойчивого качественного роста; построение устойчивого международного сотрудничества в рамках решения глобальных проблем.

Хартия политики сотрудничества в сфере развития (2015 г.) исходит из четырех направлений реализации:

1. Содействие развитию страны в рамках выявления особенностей и направлений содействия развитию для каждой страны-реципиента на срок в 5 лет на основе комплексной оценки планов экономического развития и потребностей страны, определения приоритетных сфер и направлений японского содействия.
2. Политика в сфере отраслевого развития нацелена на выявление главного направления содействия в таких сферах, как качественное образование, здравоохранение, изменение климата, водоснабжение, гендерные проблемы, сокращение риска природных катастроф.

3. Приоритетные направления сотрудничества в сфере развития в каждом государстве-реципиенте для решения проблем внешней политики и вызовов экономического развития.
4. Составление плана классификации и списка проектов по официальной помощи развитию для каждой отдельно взятой страны-реципиента на условиях «под ключ» — от одобрения до реализации[18].

В итоге, «содействие международному развитию стало одним из важнейших направлений японской внешней политики» [Japanese ODA, 2015, p. 1].

Институциональная структура реализации политики в сфере СМР

Политика разрабатывается и реализуется правительственными ведомствами в зависимости от вида финансовой помощи. Разработка входит в функции министерства иностранных дел (МИД), министерства финансов и министерства экономики, торговли и промышленности, а реализация — Японского агентства по международному сотрудничеству и Японского банка по международному сотрудничеству. Главным органом по предоставлению СМР выступает МИД, которое предоставляет гранты, тогда как Японское агентство по международному сотрудничеству и 13 отраслевых министерств оказывают техническое содействие, а Японский банк по международному сотрудничеству — займы. Финансовая помощь учреждениям ООН предоставляется по линии МИДД, а международным финансовым организациям — министерства финансов страны восходящего солнца, которое также несет ответственность за членство страны в этих организациях.

Начиная с 2005 г., институциональная структура осуществления политики в сфер СМР подверглась изменениям, в результате которых стали действовать три уровня, главным из которых стал Совет по международному экономическому сотрудничеству, в состав которого вошли премьер-министр и руководители отраслевых министерств. Его основная функция — стратегическое планирование политики в сфере СМР. Второй уровень — МИД, функции которого были пересмотрены в плане укрепления его роли по планированию и координацию политики в сфере СМР. Третий уровень составляют Японский банк по международному сотрудничеству для предоставления займов, Японское агентство по международному сотрудничеству для предоставления значительного объема финансовой помощи (до этого занималось только техническим сотрудничеством). С 2008 г. функции Японского

[18] Cabinet Decision on the Development Cooperation Charter. February 10, 2015. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/files/000067701.pdf

агентства по международному сотрудничеству изменились и расширились, что способствовало выходу данной организации на второе место в мире после Всемирного банка по объему двусторонней финансовой помощи (8,5–9 млрд долл. в среднем ежегодно) в форме грантов, займов ОПР и технической помощи.

Тенденции развития японской политики в сфере СМР

В 1989 г. Япония вышла на первое место в мире по объему ОПР (10,45 млрд долл.) и занимала его до 2001 г., когда пальма первенства перешла США. По итогам 2015 г. Япония уже — на 4-ом месте в мире (10,29 млрд долл.). Удельный вес страны в мировом объеме финансового содействия снизился с 9,2% в 2006 г. до 6,0% в 2015 г.

Как видно из рис. 1, за 1991–2015 гг. стоимостной объем японской ОПР снизился с 11,85 млрд долл. до 10,29 млрд долл. За рассматриваемый период максимум был достигнут в 1991 г. (11,85 млрд долл.), а минимум — в 2007 г. (8,09 млрд долл.). Очевидно, что динамика японского содействия международному развитию в целом соответствует темпам прироста ВВП страны. Доля ОПР в национальном валовом продукте снизилась с 0,31% в 1989 г. до 0,21% в 2015 году[19].

Оказываются такие формы финансового содействия (см.табл. 2), как

— Двусторонняя помощь, включая помощь через международные организации в форме грантов (в том числе собственно грантов и технического содействия) и правительственных займов (в том числе займов ОПР и финансирования частнопредпринимательского сектора);
— Официальная помощь развитию;
— Многосторонняя помощь в виде взносов в международные организации, как ЮНИДО, ЮНИСЕФ, Всемирный банк и др.

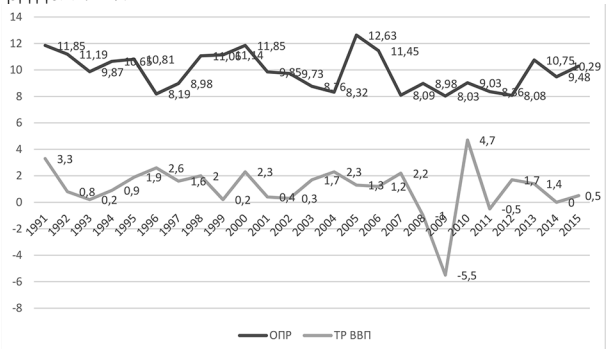
СМР предоставляется странам, перечисленным в списке Комитета по содействию развитию ОЭСР.

В течение 2002–2015 гг. распределение между формами финансовой помощи было «следующим:

— Гранты по линии МИДа и Японского агентства по международному сотрудничеству — 20%. Основные страны-реципиенты — Афганистан, Мьянма, Лаос, Камбоджа, Эфиопия;
— Техническое сотрудничество по линии министерства иностранных дел, Японского агентства по международному сотрудничеству и ряда иных министерств — 30%. Основные получатели по итогам 2014 г. — Вьетнам, Мьянма, Индонезия, Филиппины и Афганистан;

[19] Данные ОЭСР. Retrieved 28 December, 2016 from https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm#indicator-chart

Рис. 1.Динамика объема финансовой помощи развитию и темпов прироста ВВП Японии, млрд долл. и %



Источник. Составлено на основе данных ОЭСР. Retrieved 28 December, 2016 from https://data.oecd.org/oda/net-oda.htm#indicator-chart

— Займы по линии МИДа, министерства финансов, министерства экономики, торговли и промышленности — 25%. Реципиенты — Вьетнам, Индия, Индонезия, Филиппины и Таиланд;
— Многосторонняя помощь по линии МИДа и министерства финансов — 25%» [Okubo, 2015, p.213].

Изначально приоритет отдавался двусторонней финансовой помощи, доля которой составляет 75–80%. Что касается отраслевого разреза, то СМР оказывается главным образом по таким направлениям, как «экономическая и социальная инфраструктура и сфера производства» [Obno, 2014, p. 2] (более подробно см. табл. 2).

Как видно из вышеприведенной табл. 2, за 2006–2015 гг. существенно возрос удельный вес таких сфер японского финансового содействия, как экономическая инфраструктура, помощь в сфере торговли и гуманитарная помощь.

Что касается форм двусторонней внешней помощи Японии развивающимся странам, то 82% приходится на помощь в рамках программ развития, 7% — гуманитарную и продовольственную помощь, 5% — административные расходы, 1% — поддержку неправительственных организаций и 5% прочие. «Удельный вес взносов в международные организации составляет 25–30% всего объема японской помощи развитию» [Okubo, 2015. P. 23].

С учетом географических, исторических, экономических и политических факторов приоритетным регионом оказания японского содей-

Таблица 2.
Отраслевое распределение японской ОПР в 2006–2015 г., %

Сфера	2006 г.		2015 г.	
Отрасль оказания ОПР	**млн долл.**	**%**	**млн долл.**	**%**
I. Социальная инфраструктура	2985,98	22,1	2776,63	17,1
II. Экономическая инфраструктура	3450,61	25,4	7939,66	48,9
III. Сфера производства	1123,59	8,3	1611,63	9,9
VI. Помощь в сфере торговли	184,85	1,3	659,78	4,1
VII. Решение проблемы долга	3739,42	27,6	…	
VIII. Гуманитарная помощь	318,75	2,4	1119,61	6,9
VIII.1. Помощь в решении проблем стихийных бедствий	284,4	2,1	471,06	2,6
Прочие	1474,23	10,8	1657,62	10,5
Всего	13561,83	100	16235,99	100

Источник. White Paper on Development Cooperation (2015). Tokyo. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/files/000168443.pdf P. 213.

ствия развитию выступает Азия. За 2010–2015 гг. изменились доли регионов в японской помощи содействия. Так, доля Азии возросла с 55% до 77%, Африки — с 1% до 7%, Европы — с 1% до 5%, тогда как удельный вес Америки сократился с 27% до 11%.

В разрезе по странам первоначально (с 1979 г.) приоритет отдавался Китаю. «В течение 1979–2007 гг. совокупный объем финансовой помощи Японии КНР составил 1416 млрд йен в том числе 80% в форме займов» [Shen, 2007, p. 71]. Подобный выбор был вызван следующими причинами: (1) необходимость укрепления политической и экономической роли Японии в регионе; (2) экономические потребности Японии в увеличении экспорта в Китай и расширении импорта энергоресурсов; (3) «своего рода компенсация за японское вторжение в период второй мировой войны» [Lu, Fan, 2014, p. 2].

Акцент на Китай в этот период был обусловлен следующими причинами. Роль КНР в мировой экономике возросла благодаря политике открытых дверей, динамичным темпам роста ВВП, повышению доли

в мировом экспорте (1-е место в 2015 г.) и импорте (2-е место в 2015 г.) и мировых ПИИ (1-е место в 2014 г. и 2-е место в 2015 г.) и выходу на первое место в мире по объему ВВП. Это содействовало разработке еще в 2001 г. плана политики в сфере ОПР Китаю, в котором акцент был смещен от содействия китайскому экономическому развитию к решению глобальных проблем, стратегическому развитию, сокращению объема предоставляемых займов и повышению объема финансовой помощи в форме грантов. Начиная с 2000 г., объем японской помощи стал снижаться и за 2000–2002 гг. «японская официальная помощь развитию Китаю сократилась в два раза до 121,2 млрд йен» [Sunaga, 2004, p. 24]. Доля КНР за 2008–2014 гг. снизилась с 4,1% до 1,0% в совокупном объеме СМР Японии. Японское содействие осуществляется в основном по линии технического сотрудничества.

В настоящее время особое место в японской ОПР принадлежит странам АСЕАН, прежде всего, АСЕАН-4 (Вьетнаму, Лаосу, Камбодже и Мьянме), которые участвуют в зоне экономического роста «Большой Меконг». Доля АСЕАН-4 возросла с 11,7% до 29,1% в ОПР Японии за 2008–2014 гг.

Отношения с АСЕАН-4 регулирует Токийская стратегия 2012 по сотрудничеству Японии со странами зоны Меконг[20]. Документ определяет такие основные приоритеты японской политики в отношении АСЕАН-4, как: укрепление связности АСЕАН; совместное экономическое развитие; укрепление человеческой безопасности и устойчивое развитие. Объем финансового содействия на 2013–2016 гг. составил 600 млрд йен. Еще один документ в отношении зоны Меконг — План действий Меконг — Япония по мерам и действиям в реализации японской стратегии в отношении Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы.

Перечисленные страны пользуются приоритетом и на двустороннем уровне. С конца 1980-х гг. проводится политика реформирования национальных экономик на основе таких инструментов, как содействие притоку ПИИ, дерегулирование внешней и внутренней торговли, реструктуризация финансового сектора и реформа ценообразования. В частности, при японском финансовом содействии были сооружены или продолжается строительство таких важных инфраструктурных объектов, как «шоссейная дорога №1 в Камбодже, мост Секонг на юге Лаоса. В сфере энергетики — строительство небольшой ГЭС Раттана-

[20] Tokyo Strategy 2012 for Mekong-Japan Cooperation. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/region/asiapaci/mekong/summit04/joint_statement_en.html

кири в Камбодже, мини ГЭС в Ифугае на Филиппинах, электрификация сельских регионов в Мьянме. В области информационных технологий — модернизация телевещания во Вьетнаме, внедрение электронной системы проведения процедур таможенной очистки грузов и программы «одного окна» в Мьянме, реформирование технологических университетов в Мьянме» [White Paper, 2015, p.219–220].

Страны АСЕАН входят в группу ведущих реципиентов японской помощи содействия развитию, а именно: Вьетнам, Индонезия и Филиппины. Хотя в абсолютном выражении объем финансового содействия Японии государствам Ассоциации снизился за период 2000–2015 гг., но есть все основания предполагать, что в ближайшем будущем роль вышеперечисленных трех стран будет возрастать. Одна из причин связана с обострением ситуации по территориальным спорам в акватории Южно-Китайского моря и с повышением амбиций Китая на роль регионального лидера. Это ведет к формированию нескольких осей сотрудничества: Япония — Вьетнам, Япония — Индонезия, Япония — Филиппины. В этот же период Япония впервые после окончания второй мировой войны начинает военно-техническое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии. В качестве примера можно привести передачу на безвозмездной основе японской боевой техники Филиппинам[21]. Обращает на себя внимание тот факт, что список государств с которыми Япония стремится развивать военно-техническое сотрудничество в своей основе совпадает со странами приоритетного получения экономической помощи в рамках СМР.

В результате проведенного анализа можно выделить следующие тенденции политики содействия Японии, как (1) постепенное сокращение стоимостного объема финансового содействия развивающимся странам, начиная с 2000-х гг., и снижение доли СМР в ВНП страны до 0,2%, а также снижение доли страны в мировом объеме содействия до 6,0%; (2) преобладание двусторонней СМР — 79,3%; (3) акцентирование на экономической инфраструктуре (около ½), социальной инфраструктуре и сфере производства в отраслевом распределении; (4) в региональном разрезе преобладание стран Азии, главным образом, Восточной Азии; (5) в разрезе по странам смещение приоритета от Китая к АСЕАН-4.

Анализ результатов. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

[21] Под сенью Токио: Япония поможет странам Юго-Восточной Азии в сдерживании Китая. [Электронный ресурс]. URL http://south-insight.com/node/218244

1. Главным документом, регулирующим философию, цели, приоритеты и направления содействия международному развитию в японской практике выступает Хартия официальной помощи развитию первоначально утвержденная в 1992 г. пересмотренная в 2003 г. и в 2015 г. Последняя редакция Хартии (2015 г.) исходит из идеи обеспечения национальной безопасности, включая расширение помощи в военных целях на финансирование деятельности ООН по поддержанию мира, а также начало военно-технического сотрудничества со странами АСЕАН (в том числе в отдельных случаях с безвозмездной передачей боевой техники).
2. На современном этапе основные тенденции японского содействия международному развитию включают: некоторое сокращение стоимостного объема финансового содействия развивающимся странам, начиная с 2000-х гг.; преобладание двусторонней помощи; сохранение отраслевых приоритетов финансового содействия; сохранение роли стран Восточной Азии как регионального приоритета финансового содействия; смещение приоритета от Китая к странам АСЕАН-4.
3. Несмотря на сокращение стоимостного объема Япония выполняет установленный ООН критерий доли СМР в ВНП (0,15–0,2%), когда данный показатель равен 0,21% в 2015 г. По абсолютным показателям внешней помощи страна входит в «пятерку» государств-доноров финансового содействия развивающимся странам (по итогам 2015 г. — 4-е место).
4. За 60 лет японская политика СМР прошла эволюцию от политики невмешательства во внутренние дела страны-реципиента к политике увязки этой политики с интересами собственной национальной безопасности. В результате увеличилась взаимозависимость между политикой СМР и внешней политикой, возросла взаимосвязь политики с экономикой в рамках концепции «комплексной безопасности».

Заключение. Основой разработки Японией политики в сфере официальной помощи развитию (ОПР) стали как политические, так и экономические причины, включая восстановление разрушенных вследствие второй мировой войны политических и экономических связей со странами Азии, сооружение инфраструктурных объектов на территории развивающихся стран. В тот период правительство исходило из соблюдения корпоративных интересов в плане упрощения доступа национальных компаний на внешние рынки и расширения доступа к природным ресурсам в целях решения проблемы энергетической безопасности.

Японская политика содействия развитию прошла несколько этапов эволюции.

I этап (1954–1991 гг.) начался с участия в плане Коломбо и выплате репараций.

II этап (1993–2002 гг.) знаменовался принятием Хартии по официальной помощи развитию, определившей цели, принципы и приоритеты и ставшей нормативно-правовым документом в осуществлении политики СМР.

III этап (2003–2014 гг.) связан с внесением изменений в Хартию по ОПР в 2003 г. с учетом национальных интересов страны. Записано, что при разработке рассматриваемой политики следует оптимально сочетать ее цели и национальные интересы, чем и руководствуются официальные органы Японии.

IV современный этап начался с 2015 г. по причине утверждения третьего варианта Хартии. В 2013 г. кабинет премьер-министра Абе меняет основы политики в сфере содействия международному развитию в пользу идеи национальной безопасности, включая расширение помощи в военных целях на финансирование деятельности ООН по поддержанию мира. Это привело к отходу от традиционной политики в сфере СМР, которая многие десятилетия базировалась на принципе демилитаризации.

В целом, японская политика СМР прошла эволюцию от невмешательства во внутренние дела страны-реципиента к политике увязки с интересами собственной национальной безопасности. В результате увеличилась взаимозависимость между политикой СМР и внешней политикой, возросла взаимосвязь политики с экономикой в рамках концепции «комплексной безопасности».

Одновременно с 2000 г. наблюдается сокращение стоимостного объема финансового содействия, что привело к изменению роли страны в мировом рейтинге стран-доноров. Если в 1989 г. Япония вышла на 1-ое место в мире по стоимостному объему ОПР и занимала его до 2001 г., то по итогам 2015 г. Япония находилась на 4-ом месте в мире.

Японский опыт проведения политики содействия развития позволяет выделить несколько уроков для российской практики: (а) предоставление финансовой помощи с учетом экономических интересов страны-донора; (б) выделение финансовой помощи на цели экономического развития страны-реципиента; (в) в отраслевом разрезе следует отдавать предпочтение строительству экономической и социальной инфраструктуры; (г) в разрезе по формам финансовой помощи предпочтительнее предоставление займов и технической помощи.

Литература

1. Абрамова А. В. Эффективность иностранной помощи: сдерживающие факторы и подходы к ее оценке // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 4. С. 105–113.
2. Национальная стратегия содействия международному развитию Японии/ Национальные стратегии содействия международному развитию: учеб.-темат. пособие / А. Б. Векшина и др.; НИУ «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 280 с.
3. Dangerous Turn in ODA Policy // Japan Times, June 12, 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/06/12/editorials/dangerous-turn-oda-policy/#.WHJuWdKLTIU
4. Inada, Juici. Japan's Emerging Role in Peace-Building and Post-Conflict Reconstruction: Have Traditional Norms Changed? //Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program. Special Report. February 2015. #128. P. 6–12.
5. Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program // Special Report. February 2015. #128. 28 p.
6. Katada, Saori N.Toward a Mature Aid Donor: 50 Years of Japanese ODA and the Challenge Ahead // Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program Special Report. February 2015. #128. P. 6–12.
7. Lu, Chen, Fan, Weiwei. The Analysis of the Causes in Changes of Japan's ODA Policies to China. Wuhan, China, 2014. 7p.
8. New ODA Policy Raises Risks // Japan's Times. January 30, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/01/30/editorials/new-oda-policy-raises-risks/#.WHJusdKLTIU
9. Ohno, Izumi. Japan's ODA Policy and Reforms in Comparative Perspective: Policy Making in Japan, the USA and the United Kingdom. [Электронный ресурс]. URL: http://www.grips.ac.jp/forume/IzumiOhno_E/lectures/2014_Lecture_texts/03_KOICA_Ohno_1125.pdf
10. Okubo, Yoshio. Japan's Contribution to Development Through the World Bank // Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program Special Report. February 2015. #128. P. 22–26.
11. Pan, Nam. Japanese ODA to Asian Countries. An Empirical Study of Myanmar Compared with Cambodia, Laos and Vietnam // Policy Research Institute of Ministry of Finance, Japan. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/ws2014_c.pdf
12. Shen, M.H.. Changes to Japan's ODA Policies to China and Their Causes // Journal of Hangzhou Normal University, 2007. #6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scirp.org/journal/PaperInformation.aspx?paperID=64144
13. Sunaga, Kazuo. The Reshaping Japan's Official Development Assistance (ODA) Charter // FASID Discussion Paper on Development Assistance. #3, 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/paper0411

14. White Paper on Development Cooperation 2015. Tokyo, 2015. Japan's International Cooperation. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/files/000168443.pdf

JAPAN'S POLICY OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE AND LESSONS FOR RUSSIA

Galina Kostyunina

Abstract. *The Japan's policy of international development assistance (IDA) has 60-year history with the participation in the Colombo Plan (1954) to provide financial assistance to developing countries in Asia. Japan paid reparation, which lasted to 1976.*

The first document in the sphere of IDA was approved in 1978 as a medium-term target for the official development assistance (ODA). In subsequent years, the government has approved four other programs. They put the problem of gradual doubling financial assistance to $70–75 billion by 1998. Their implementation contributed to increasing the role of Japan's ranking of donor countries: 3rd place in 1983, 2nd place in 1986 and 1st in 1989. Since the 1990-s, the main documents regulating the international development assistance have been taken in 1992, in 2003 and in 2015. The latter changed its name to Charter on Cooperation on Development. These documents define the philosophy, goals, priorities, principles and directions of the Japanese international development assistance.

Major trends of Japanese IDA policy include: (1) the gradual reduction of the volume of financial assistance, starting from the 1990s; (2) the sphere of economic infrastructure dominates by sector; (3) financial assistance provides mainly at bilateral level; (4) in the regional context Asian countries are dominated, although from the 1980s ODA has expanded its geography to Latin America and Africa; (5) the focus has shifted from China to the ASEAN-4 (Myanmar and Vietnam mainly).

In general, taking into account the norms of the Charter (2015), there was a retreat in the Japanese policy of international development assistance from demilitarization and depoliticization, where the provision of financial aid to foreign countries is linked otherwise to the operations of the UN peacekeeping forces.

Keywords*: international development assistance (IDA), official development assistance (ODA), Japan, developing countries*

References

1. Abramova A.V. Effektivnost inostrannoi pomoschi: sderzhivayuschie faktori I podkhodi k ee otsenke [Foreign Aid Effectiveness: Constraining Factors and Approaves to its Evaluation] // Vestnik MGIMO-Universiteta, 2011. #4. S. 105–113.

2. Natsionalniye strategii sodeystviya mezdunarodnomu razvitiyu (2011) // A. B. Vekshina, I. A. Grechukhina, O. V. Esaulova, Yu. K. Zaitsev, M. V. Larionova, V. A. Nagornov, O. V. Perfilyeva, M. V. Rakhmangulov, A. P. Shadrikova, E. A. Shwets. Pod red. M. V. Larionovoy. [The National Strategies of International Development Assistance]. Moskva: NIU Visshaya Shkola Ekonomiki.
3. Dangerous Turn in ODA Policy // Japan Times, June 12, 2014. [Электронный ресурс]. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/06/12/editorials/dangerous-turn-oda-policy/#.WHJuWdKLTIU
4. Inada, Juici. Japan's Emerging Role in Peace-Building and Post-Conflict Reconstruction: Have Traditional Norms Changed? //Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program. Special Report. February 2015. #128. P. 6–12.
5. Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program // Special Report. February 2015. #128.
6. Katada, Saori N.Toward a Mature Aid Donor: 50 Years of Japanese ODA and the Challenge Ahead // Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program Special Report. February 2015. #128. P. 6–12.
7. Lu, Chen, Fan, Weiwei. The Analysis of the Causes in Changes of Japan's ODA Policies to China. Wuhan, China, 2014.
8. New ODA Policy Raises Risks // Japan's Times. January 30, 2015. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/01/30/editorials/new-oda-policy-raises-risks/#.WHJusdKLTIU
9. Ohno, Izumi. Japan's ODA Policy and Reforms in Comparative Perspective: Policy Making in Japan, the USA and the United Kingdom. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.grips.ac.jp/forume/IzumiOhno_E/lectures/2014_Lecture_texts/03_KOICA_Ohno_1125.pdf
10. Okubo, Yoshio. Japan's Contribution to Development through the World Bank // Japanese ODA at 50: An Assessment Asia Program Special Report. February 2015. #128. P. 22–26.
11. Pan, Nam. Japanese ODA to Asian Countries. An Empirical Study of Myanmar Compared with Cambodia, Laos and Vietnam // Policy Research Institute of Ministry of Finance, Japan. 2015. Retrieved 28 December, 2016 from https://www.mof.go.jp/pri/international_exchange/visiting_scholar_program/ws2014_c.pdf
12. Shen, M.H.. Changes to Japan's ODA Policies to China and Their Causes // Journal of Hangzhou Normal University, 2007. #6. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.scirp.org/journal/PaperInformation.aspx?paperID=64144
13. Sunaga, Kazuo. The Reshaping Japan's Official Development Assistance (ODA) Charter // FASID Discussion Paper on Development Assistance. #3, 2004. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/policy/oda/reform/paper0411

14. White Paper on Development Cooperation 2015. Tokyo, 2015. Japan's International Cooperation. Retrieved 28 December, 2016 from http://www.mofa.go.jp/files/000168443.pdf

Информация об авторе
Костюнина Галина Михайловна
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО (университет) МИД России, Российская Федерация
E-mail: galina_kostynina@yahoo.com
Galina M.Kostyunina
Doctor of Economic Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) VFA Russia, Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, Professor
E-mail: galina_kostynina@yahoo.com

ЧТО МЫ ЗНАЕМ И НЕ ЗНАЕМ О РОССИЙСКОМ СМР?

А. В. МАКСИМОВА

Аннотация. *Информированное принятие решений лежит в основе построения эффективной системы содействия международного развития (СМР). Содействовать наличию необходимой информации и знаний — одна из задач научного сообщества.*

В 2015 году впервые с того момента, как Россия вернулась в ряды доноров, ее официальная помощь развитию достигла рекордного показателя в один млрд и 140 млн долларов. Однако мы до сих пор достаточно плохо представляем себе, что стоит за этой цифрой. На основе имеющихся источников, включая базы данных ОЭСР, автор пытается понять, насколько отвечают действительности наши представления о российском СМР в части соотношения двусторонней и многосторонней помощи, особенностей географического распределения и так далее.

Статья также обращается к вопросу о необходимости построения системы доказательного СМР в России. В российских исследованиях в области СМР (в том числе в рамках НИР по заказу госорганов) в настоящий момент доминирует изучение опыта других доноров и рассмотрение возможностей его учета в российской действительности. В то же время за прошедшее десятилетие уже накопился российский опыт, пристальное изучение которого может помочь перейти на новый уровень аналитического и научного сопровождения российского СМР.

Что мы действительно знаем и не знаем о российской помощи, насколько данная ситуация может препятствовать построению эффективной российской политики содействия международному развитию, и какова возможная роль научного сообщества в улучшении нашего понимания российского СМР — к этим вопросам обращается автор. Это приглашение к дискуссии о партнерстве государства и научных кругов, роль которых обозначена в Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденной Президентом России в 2014 году.

Ключевые слова: *содействие международному развитию, официальная помощь развитию, данные*

Введение. Мы живем в эпоху расцвета «больших данных» и во многих сферах государственного управления можно заметить тенденцию к внедрению инструментов принятия решений на основе данных, совокупно обозначаемых как доказательная политика (evidence-based policy). Принятие решений в доказательной политике должно основываться на анализе данных, а не на личном мнении (пусть и опытных и авторитетных людей). Доказательная политика и наука внедряется уже во многих сферах, например, в НИУ ВШЭ запущена магистерская программа «Доказательная образовательная политика»[22]. Однако другим сферам общественных наук, включая политологию, «еще только предстоит великий переход от науки опыта к доказательной науке» [Буторина, 2016, с. 133].

Информированное принятие решений лежит в основе построения эффективной системы содействия международного развития (СМР). Содействовать наличию необходимой информации и знаний — одна из задач профильного научного сообщества. Однако, в настоящий момент в российских исследованиях в области СМР (в том числе в рамках НИР по заказу госорганов) доминирует изучение опыта других доноров и рассмотрение возможностей его учета в российской действительности[23]. Это крайне ценно, так как международное донорское сообщество является источником важнейшего опыта, который стоит внедрять или повторение которого стоит избегать. Но в то же время уже настал момент, когда мы можем и должны начать учиться на своих собственных уроках и опыте. Однако сначала предстоит ответить на вопрос: что мы знаем и не знаем о российском СМР? Какими именно данными о российском СМР мы располагаем, чтобы перейти на новый уровень его аналитического сопровождения?

Первое, что мы знаем о российском СМР — это то, что нет единого источника, в котором систематически была бы собрана информация о нем. Например, для того, чтобы ответить на вопросы о том, какая доля помощи реализуется по линии Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, какие программы Россия реализует в сфере здравоохранения и сколько средств запланировано на 2017 год, нам

[22] В образовании настало время аналитиков, 2014, URL: https://www.hse.ru/news/admission/114713927.html

[23] За последние пять лет только 20% статей, включенных в Российский индекс научного цитирования с ключевым словом «содействие международному развитию», рассматривают российское СМР (в основном, систему оказания помощи) в качестве основного объекта.

придется обратиться к разным источникам данных, а часть ответов и вовсе не будет найдена[24].

Данная статья стремится дать по возможности всестороннее (но не исчерпывающее) представление о доступности информации о российском СМР, которое могло бы, во-первых, быть полезным в дальнейшем поиске путей по улучшению сбора данных и, во-вторых, обозначить контуры возможной исследовательской повестки в рамках изучения российской помощи. Это приглашение к дискуссии о партнерстве государства и научных кругов, роль которых обозначена в Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденной Президентом России в 2014 году.

Что мы знаем о российском СМР?

Источником систематически обновляемых данных о российской официальной помощи развитию (ОПР) на сегодняшний момент являются лишь сведения, которые Россия подает в ОЭСР с 2011 года[25]. В последние годы российская ОПР растет как в абсолютных, так и в относительных объемах (рисунок 1). Динамика российской помощи контрциклична по отношению к финансовым кризисам: Россия стремится смягчить последствия кризиса для своих партнеров, как это было после кризиса 2008 года (в 2009 году ОПР составила рекордные по тем временам 785 млн долларов) и в настоящий период. Считается, что доноры, увеличивающие помощь в период кризиса, больше ориентированы на интересы получателей и поддержку их развития [Бартенев, 2016].

Рост российского ОПР обеспечивается двусторонней помощью. В 2015 году она составила 78% от всей российской помощи. Еще совсем недавно эта доля была менее впечатляющей и порой не доходила до 50%, что вызывало критику при сравнении с такими крупными донорами, как например, США, Великобритания, Япония. Однако, стоит отметить, что подобные сравнения не вполне целесообразны, так как объемы помощи этих стран и России не сопоставимы. Если сравнить российскую ОПР с помощью доноров ее «ранга» (в разные годы это были такие страны как, Польша, Ирландия, Австрия, Финляндия), то картина станет противоположной: Россия гораздо больше полагает-

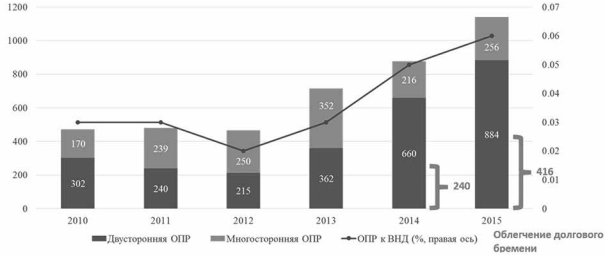
[24] Например, для США, Великобритании, Швеции и других доноров мы можем найти ответы на эти вопросы на соответствующих сайтах: http://beta.foreignassistance.gov/; https://devtracker.dfid.gov.uk/; http://openaid.se/aid/.

[25] Федеральная таможенная служба Российской Федерации также регулярно предоставляет сведения о безвозмездной, гуманитарной и технической помощи, направленной Россией. Однако они публикуются в виде обзора, а не свободных для использования данных.

ся на двустороннюю помощь, чем страны с сопоставимыми объемами помощи.

Как можно объяснить тот факт, что соотношение двусторонней и многосторонней помощи столь резко изменилось? Во-первых, одним объяснением может служить тот факт, что инфраструктура двусторонней помощи гораздо более трудо- и времязатратна, и новые доноры делают выбор в пользу многосторонних каналов, пока создают свою систему. Во-вторых, еще одним весьма вероятным объяснением может служить понимание характера многосторонней помощи. Это взносы в основной бюджет международной организации, которые часто увязаны с членством в ней и определены международным договором. Было бы недальновидным утверждать, что интересы России преследуются только посредством двусторонней помощи, а многосторонняя помощь размывается в общем «котле». Участвуя в международных организациях, Россия может влиять на принятие решений об их значительных ресурсах и этим «рычагом» существенно увеличивать силу своего воздействия. Для того, чтобы быть членом в приоритетных для страны организациях необходимы ресурсы. Для России, по всей вероятности, они колеблются на уровне 250 млн долларов в год. И пока ОПР находилась на уровне 500 млн долларов в год, доля многосторонней помощи была значительной. А в последующие годы рост был обеспечен именно двусторонней ОПР. А вот какое место в двусторонней ОПР занимают программы, реализуемые через многосторонние организации[26] — мы уже не знаем.

Рис. 1. ОПР России в 2010–2015 годах, в млн долларов

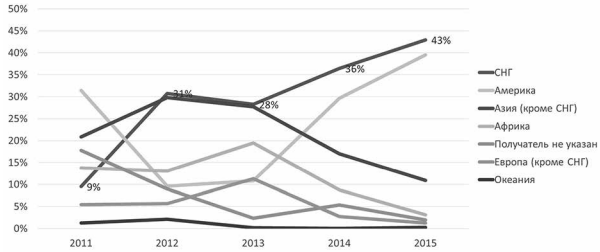


Источник: расчет автора на основе OECD International Development Statistics databases.

[26] Программы, реализуемые через многосторонние организации, учитываются как двусторонняя ОПР, так как донор оставляет за собой право определять получателей и цели расходования средств, контролировать ход реализации программы.

В-третьих, рост двусторонней помощи обусловлен улучшениями в системе учета СМР. Начиная с отчетности за 2014 год Россия начала подавать сведения о действиях по списанию долга. Особенно значительны были операции последних лет с долгом Кубы и Северной Кореи. Традиционно льготные займы учитываются как ОПР в год их предоставления[27], соответственно, при списании долг не учитывается в ОПР во избежание двойного счета. Но Россия списывает долг, который ранее не был учтен в ее отчетности по ОПР (по большей части это займы советского времени), и хотя при операции списания долга новые средства не поступают в страну-получатель, российский бюджет несет определенные расходы. И рост российской ОПР и изменения соотношения двусторонней и многосторонней помощи могут быть скорее обусловлены переменами в том, какие именно данные Россия подает, а не реальными изменениями потоков помощи, так как Россия и до 2014 года списывала долги развивающимся странам. В будущем мы можем наблюдать усиление данного тренда, так как неиспользованные резервы очень велики: до сих пор не учитываются средства, затраченные на прием беженцев, на иностранных студентов из развивающихся стран и так далее. Таким образом, данные о российской ОПР за различные годы не вполне сопоставимы между собой, так как отличается набор потоков, которые были учтены в разные годы.

Рис. 2. Распределение двусторонней ОПР России по регионам мира в 2011–2014 годах



Источник: расчет автора на основе OECD International Development Statistics databases.

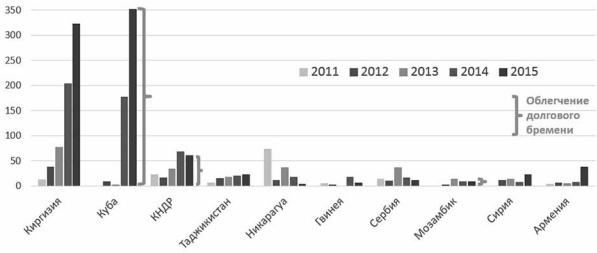
[27] Для финансовых потоков, начиная с 2018 года, будет действовать новая методология ОЭСР, призванная более достоверно отразить вклад доноров. Будет учтена только грантовая составляющая кредита и разные подходы будут применены к кредитам для стран разного уровня экономического развития.

Географическое распределение российской помощи также претерпевает изменения (рисунок 2). Всего за четыре года СНГ вырвалось в лидеры, и вряд ли ситуация изменится в будущем. А вот перспективы Центральной и Латинской Америки не ясны: динамика помощи не выглядит системной и предсказуемой, а рост последних лет обусловлен учетом списания долгов Кубе.

В то время, как значительный рост помощи Кубе и КНДР объясняется учетом списания долгов, стремительное увеличение содействия Киргизии вполне реально: помощь стране более чем удваивается на протяжении 2011–2014 годов (рисунок 3). В 2014 году российская помощь составила 2,83% от ВНД Киргизии или 35 долларов на человека. За исключением Киргизии и Таджикистана динамика помощи остальным странам предсказуема с малой долей вероятности, помощь то увеличивается, то идет вниз, как в случае с Никарагуа. Но в целом основные получатели российской ОПР остаются примерно один и те же из года в год. Попадание Гвинеи в эту десятку объясняется эпидемией Эбола. Рост помощи Армении также вполне логичен, учитывая ее членство в Евразийском Экономическом Союзе. Последовательность в выборе получателей свидетельствует о переходе к более стратегическому планированию. Однако концентрация помощи на основных партнерах не прослеживается так четко, как это наблюдается у других доноров. Свои относительно небольшие ресурсы двусторонней помощи Россия предоставляла в 2014 году 42 странам, в 2013 году 37 странам, в 2012 году 102 странам и в 2011 году 22 странам.

Примечателен тот факт, что Россия настолько же приоритетна для своих основных получателей помощи, как и они для нее. Для Киргизии, Кубы, КНДР и Армении Россия — главный донор. Россия входит в пятерку основ-

Рис. 3. Основные получатели двусторонней ОПР России в 2014 г. и прежняя динамика помощи им, в млн долларов



Источник: расчет автора на основе OECD International Development Statistics databases.

ных доноров Таджикистана, Никарагуа, Гвинеи и Сербии, но не попадает в нее для Мозамбика и Сирии. Наряду с Россией, основные партнеры по развитию десяти рассматриваемых стран, как правило, включают Германию, США, Швейцарию, Японию, Великобританию, Францию, Турцию.

К настоящему времени мы может анализировать потоки российской помощи на высоких уровнях агрегации (общая ОПР, двусторонка и многосторонка, помощь отдельным странам), но отсутствие учета российской помощи на проектной основе ограничивает наши знания на более низких уровнях. Мы с трудом представляем себе, например, за счет чего выросла помощь Армении, содействие в каких секторах оказывается Сербии и так далее. Некое представление нам дают данные из Распоряжений Правительства о выделении средств международным организациям для реализации российских проектов в этих странах. Сбор данных из этих распоряжений хоть и не позволит нам иметь представление о всей российской помощи на проектной основе, но может существенно способствовать анализу российского СМР, так как до сих пор значительная часть его идет через данных много-двусторонние потоки.

Чего мы не знаем о российском СМР?

Одним из основных вопросов, на который мы не знаем ответа на данном этапе развития российского СМР, является вопрос его результативности. Нам может казаться, что раз на российские деньги были закуплены нужные медикаменты, то помощь была результативна. Однако, как показывает практика, эффективность СМР совсем не очевидна. Разрыв между нашими представлениями о результативности той или иной программы и реальностью можно продемонстрировать на примере пилотного проекта в южно-азиатской стране, где большое количество младенцев страдает от недоедания. Проект реализуется в одной провинции, детей обследуют, и, если вес ребенка не соответствует возрастной норме, его включают в программу, где матери предоставляют дополнительное питание и информацию о правильном кормлении детей. За время реализации проекта средний вес младенцев существенно увеличился, они стали более здоровыми. Поэтому донор предполагает, что проект успешен и решает поддержать развертывание этой пилотной программы на всю страну. Однако, в реальности оказывается, что дети стали более здоровыми не благодаря программе. Во всей стране было несколько урожайных годов риса, которые совпали с началом реализации программы. В социальной структуре семьи преобладает свекровь, которая решает, как кормить младенца, поэтому обучение матери ребенка не столь эффективно. Исполнители проекта в деревнях оказались неквалифицированными и так далее. Если бы программа

была развернута на всю страну, то в неурожайные годы она бы «оттягивала» средства на неэффективные меры и ставила под угрозу жизни детей. Это реальная история про Бангладеш, Всемирный банк и 51 миллион долларов [White, 2009] и она очень многому научила донорское сообщество. Донор, заинтересованный в долгосрочном присутствии и влиянии, непременно будет заинтересован в обеспечении результативности и прозрачности своей помощи для получателя.

Для вышеописанной ситуации и для любых других крупных программ, внедряющих инновационные подходы, которые потом предполагается реплицировать, необходимо заранее предусмотреть проведение оценки воздействия, которая включает сбор данных до и после проекта о целевой и контрольной группах бенефициариев. Для менее масштабных и уже опробованных проектов существуют менее затратные, но надежные способы оценки. Оценка может включать в себя изучение выгод, полученных от проекта не только реципиентами, но и донором, как это уже делают Япония и Бразилия. Для определения оптимальных двусторонних и многосторонних стратегий помощи можно провести оценку всего портфеля проектов по этим каналам, как это делают Великобритания и Австралия. Российская концепция госполитики в сфере СМР предполагает проведение оценки эффективности проектов. Вероятнее всего многосторонние организации проводят ее по своим регламентам. Маловероятно, но все же возможно, что министерства также проводят оценку проектов СМР. Однако в открытом доступе отчетов об оценке нет. О наличии системы оценки с четким распределением ролей, едиными подходами и методологической рамкой говорить пока рано.

Исследовательская повестка по вопросу результативности СМР не должна сводиться к оценке проекта или ряда проектов и программ. Необходимо также проводить оценку, результаты которой содействовали бы принятию информированных решений о тех или иных направлениях СМР. Исследователи могут, например, задаться вопросом о том, результативна ли техническая помощь России. Примером похожей работы может служить исследование Aiddata [Custer et al., 2015]. В 2014 году в 126 развивающихся странах специалистами Aiddata были опрошены 6750 респондентов (представители правительства, бизнеса, НКО, эксперты) на предмет того, как часто и по каким вопросам они общаются с донорами с целью получения рекомендаций по выработке стратегий в различных областях (policy advice). Исследователи старались понять, техническую помощь каких доноров получатели предпочитают, а главное — чьим рекомендациям они потом следуют, а чьи труды ложатся в стол. Благодаря масштабной выборке в нее попали и российские

партнеры: 234 анкеты были заполнены на русском языке. 43 человека указали, что имели опыт общения с российской стороной по вопросам выработки стратегий и проведения реформ. Это общение было достаточно частым: раз в несколько месяцев. По показателю частоты коммуникации Россия оказалась на 17 месте среди 57 доноров, а вот по критерию «полезности совета» только на 41 и по критерию «влияния на принятую повестку» (agenda setting influence) лишь на 52 месте. Таким образом, с Россией общаются часто, но малорезультативно. Ответ на вопрос «почему» выходит за рамки описываемого исследования, но вполне может иметь продолжение в российской науке в виде качественного исследования с использованием глубинных интервью в странах-получателях с целью выяснить, где именно находятся те узкие места, которые мешают российской экспертизе быть полезной при выработке стратегических решений в разных областях политики получателя. Что показательно, по результатам исследования Aiddata донором, советы которого, по мнению получателей, были во время проведения реформ наиболее полезны (а не многочисленны) оказалась Ирландия. Ее ОПР в 2015 году составила всего лишь 718 млн долларов, более половины своей двусторонней помощи она сосредотачивает всего на 9 получателях, но зато программы содействия этим странам обозреватели характеризуют как интенсивные, обширные и долгосрочные.

Наряду с отсутствием системы оценки, еще одним уже упоминавшийся препятствием на пути нашей большей осведомленности о российском содействии является все еще формирующаяся система учёта ОПР России. В то время как, ОПР России учитывается и его охват растет с каждым годом, в отношении учета СМР ситуация иная. Консенсуса нет даже в отношении того, что именно должно входить, а что не должно входить в СМР. Если руководствоваться пунктом 11 Концепции 2014 года[28] о формах предоставления СМР, то все они подпадают под понятие ОПР. Единственная серая область — это предоставление развивающимся странам тарифных преференций для доступа производимых ими товаров и услуг на российский рынок, однако можно рассмотреть возможность учета такого содействия как помощь в интересах торговли (aid for trade). Все основные партнёры России, включая Белоруссию, также входят в список получателей ОПР. Беспошлинная поставка энергоносителей не перечислена среди форм оказания СМР в Концепции, однако именно на такого рода

[28] Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/64542

содействие ссылаются многие комментаторы, когда призывают к учету именно СМР, а не ОПР. Важно при этом понимать, какие цели ставятся перед системой учета: способствовать оценке эффективности, служить основой для планирования, содействовать продвижению имиджа России как донора или что-то еще. Подход «ОПР+», которого придерживается, например, Саудовская Аравия, представляется наиболее оптимальным в российской действительности. Он позволяет сохранить учет ОПР и добавить к нему те элементы, которые выходят за рамки ОПР, но входят в СМР. Учитывая всесторонность ОПР, таких элементов окажется не много. Совсем размывать границы СМР в попытке нарисовать впечатляющую цифру было бы ошибкой, так как в таком случае будет еще сложнее, чем сейчас обеспечить координацию и планирование в СМР. Также учитывая, что одной из задач российской политики в СМР является обеспечение узнаваемости России как донора, важно сохранить и существенно улучшить учет ОПР, показателя понятного различным аудиториям, включая элиту стран-получателей и экспертов стран-доноров.

Еще одна характеристика российского СМР, о которой нам мало известно, это секторальное распределение помощи. В отсутствие официальных данных на проектной основе, исследования могут попытаться восполнить данный пробел. Эта задача важна и с точки зрения позиционирования России как донора. Часто при подготовке международных отчетов и обзоров составители не находят данных о вкладе России. Иногда они обращаются к российским экспертам, например, при подготовке глобального отчета о донорской помощи в сфере образования и обзора гуманитарной помощи Сирии. Доступность систематизированной информации (желательно и на английском) крайне важна для узнаваемости России как донора в мире.

Россия стремится к большей узнаваемости как донора в странах-получателях, однако мы практически ничего не знаем о текущем положении дел в этой сфере и прошлой динамике. Системный сбор данных не ведется, хотя включение одного или двух вопросов в регулярные срезы общественного мнения в основных получателях российского СМР, например в Евразийский барометр, не представляется сложным и особо затратным. Например, ежегодный опрос жителей Афганистана на тему развития страны, безопасности и жизни населения, проводимый Asia Foundation[29], содержит вопрос о том, какие доноры по мнению респондента финансируют проекты развития в его районе. Россия всегда по-

[29] The Asia Foundation. A Survey of the Afghan People. // URL: http://asiafoundation.org/where-we-work/afghanistan/survey/resources/

падает в список ответов в ряду первых трех упоминаемых доноров, но с очень небольшой частотой: 1–2%. И хотя методология исследования может служить существенным ограничением[30], можно предположить, что выделение средств приводит к увеличению узнаваемости России как донора с ожидаемым отложенным эффектом в один или два года. Так показатель узнаваемости вырос с 1% до 2% в 2012–2013 годах, после того как было выделено почти 5 млн долларов в 2011 году, и опять вернулся к 1% в 2014–2015 годах после почти отсутствовавшего финансирования в 2012–2013 годах. Безусловно для подтверждения данного предположения нужен более продолжительный ряд данных.

Мы знаем, что российская помощь не сводится лишь к государственным программам. Российский бизнес также вносит свой вклад. Однако полноценного представления о нем мы не имеем, и следовало бы продолжить изучение вопроса привлечения российского бизнеса в программы СМР, начатое российскими исследователями[31]. Важно, чтобы информация собиралась системно и был сформирован сопоставимый массив данных для анализа. Часть российских компаний включает в свои отчеты об устойчивом развитию информацию о развитии местных сообществ в странах присутствия. На основе обзора данных докладов за 2013–2015 годы можно заключить, что портфолио проектов СМР российского бизнеса обширно и включает строительство больниц, школ, детских садов, спортивных комплексов, стипендиальные программы, создание социальной инфраструктуры и многое иное (таблица 1).

Мы еще очень многого не знаем о российском СМР. Не знаем изменилось ли общественное мнение в России по вопросу помощи другим странам после 2010 года, когда был проведен опрос общественного мнения Левада центром в рамках проекта Всемирного банка. Не знаем, насколько успешны российские программы по списанию долга в обмен на программы развития, и принимает ли в них участие российский бизнес, как это предусмотрено соглашениями с Танзанией, Мозамбиком, Гайаной, частично Кубой, Мадагаскаром и так далее. Список того, что мы не знаем о российском СМР, можно продолжать долго.

---

[30] Засчитываются только первые три или два названных донора, что вполне оправдано для большого панельного исследования с более чем 70 вопросами для 10 тыс. респондентами.

[31] Например, РСПП, Вклад российского бизнеса в содействие международному развитию, 2014, URL: http://media.rspp.ru/document/1/e/6/e631e46aa3335ef6aaf8f31b3860a0a7.pdf и Яценко и др. Перспективы участия российского бизнеса в содействии международному развитию в странах СНГ (на примере Киргизии и Таджикистана), 2010, URL: http://www.fundeh.org/files/publications/164/rb_v_smr_v_sng.pdf.

Таблица 1. Страны и сектора программ СМР некоторых российских компаний

	Газпром, включая Газпром Нефть	**Лукойл**	**Русал**
Здравоохранение	Ирак	Узбекистан, Казахстан, Венесуэла, Колумбия	Гвинея, Нигерия
Образование	Ирак, Сербия	Узбекистан, Казахстан, Венесуэла	Гайана, Гвинея, Нигерия
Соцподдержка	Сербия, Армения	Узбекистан, Казахстан, Колумбия	Гвинея
Спорт	Киргизия, Беларусь		Гайана, Гвинея
Водоснабжение		Узбекистан	Гвинея, Гайана, Ямайка
Снабжение электроэнергией	Ирак		Гайана, Гвинея, Нигерия
Инфраструктура			Гайана
Гуманитарная помощь	Сербия	Ирак, Республика Кот-д'Ивуар	

Источник: составлено автором на основе докладов компаний за 2013–2015 годы и их вебсайтов.

Исследовательская повестка на службе более эффективного СМР

Заполнение пробелов в наших знаниях о российском СМР — задача и государственных органов, и экспертного сообщества. Исследования и аналитика не призваны заменить собой полноценный учет СМР, который несомненно стоит и дальше совершенствовать, однако они могут пролить свет на многие вопросы, обозначенные выше. Важным шагом на данном пути будет осознание (как отдельными исследователями, так и государственными органами, размещающими заказы на научное сопровождение СМР), что Россия как донор накопила уже достаточно много опыта для детального изучения.

Стоит развивать прикладное направление исследований, продуктами которого могли бы выступать программные записки (policy paper), документы для обсуждения (discussion paper), базирующиеся на системно собираемых данных и стремящихся дать ответ на актуальные вопросы «здесь и сейчас». Развитие аналитической и научной работы в сфере СМР будет также способствовать более сильному голосу России на международных экспертных площадках СМР.

Качество данных и методология исследований будет играть важную роль. Необходимо внедрять количественные методы анализа, которые практически отсутствуют в современных российских исследованиях

СМР. Замечание Д. Дегтерева в отношении исследований международных отношений релевантно и для СМР: «количественные методы анализа … представляют собой альтернативу субъективным и интуитивным прогнозам» [Дегтярев, 2015, с. 48]. Необходимое сочетание количественных и качественных методов безусловно потребует иной финансовой поддержки исследований, например, включающих сбор данных в поле. Однако без этого вряд ли удастся обеспечить постепенное создание системы аналитического и научного сопровождения российского СМР как прочной базы для информированного принятия необходимых решений на пути к доказательному СМР.

Литература

1. Бартенев В.И. Влияние экономической конъюнктуры на политику содействия развитию: парадоксы измерения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. №60. С. 30–40.
2. Буторина О.В. «Нам еще только предстоит великий переход от науки опыта к доказательной науке…» // Международные процессы. 2016. № 2. С. 133–140.
3. Дегтерев, Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы, 2015. №13. С. 35–54.
4. Custer, S., Rice, Z., Masaki, T., Latourell, R. and Parks, B. Listening to Leaders: Which Development Partners Do They Prefer and Why? // [Электронный ресурс] 2015. URL: http://aiddata.org/listening-to-leaders and http://aiddata.org/sites/default/files/appendices.pdf
5. White, H. Theory-Based Impact Evaluation: Principles and Practice. 2009. // [Электронный ресурс] URL: http://www.3ieimpact.org/media/filer_public/2012/05/07/Working_Paper_3.pdf

WHAT WE KNOW AND WHAT WE DO NOT KNOW ABOUT RUSSIAN DEVELOPMENT ASSISTANCE?

A.V.Maximova

Abstract. *Informed decision-making is key to the building of an effective development assistance system. One of the tasks of the academic and expert community is to assist in making needed information available.*

In 2015, for the first time since Russia has returned to the donor ranks, its official development assistance has reached a record high 1,140 mln. dollars. However, we still have a very vague understanding of what is behind this number. On the basis of the available sources, including OECD databases, the author is trying to see to what extent our perceptions of the Russian development aid correspond to reality, for example in such aspects as bilateral and multilateral aid distribution, geographic allocation and so on.

The article also considers the issue of the need to move to the evidence-based system of Russian development assistance. Russian research on development assistance, including the one funded by the state, is mostly focusing on experience of other donors and how it can be applied in the Russian case. At the same time, examination of the vast experience generated during the last decade can enable moving to a higher level of analytical support of the Russian development aid.

The article focuses on the following questions: what we really know and do not know about Russian assistance, how this situation can hinder building of an effective development assistance system and what is the possible role of academic community in improving our understanding of Russian development aid. This is an invitation to discussion on partnership of state and academic circles, role of which is provided by the Concept of the state policy of the Russian Federation in the area of international development assistance, approved by the President of Russia in 2014.

Keywords: *international development assistance, official development assistance, data*

References

1. Bartenev, V. I. (2016). Vlijanie jekonomicheskoj konjunktury na politiku sodejstvija razvitiju: paradoksy izmerenija [Influence of economic situation on development assistance policy]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija [World economy and international relations],* 60, 30–40.
2. Butorina O. V. (2016) «Nam eshhe tol'ko predstoit velikij perexod ot nauki opyta k dokazatel'noj nauke…» ['We are only about to make a great transition from experience based science to evidence based science']. *Mezhdunarodnye processy [International processes],* 2, 133–140.
3. Degterev, D. A. (2015) Kolichestvennye metody v mezhdunarodnyx issledovaniyax [Quantitative methods in international research]. *Mezhdunarodnye processy [International processes],* 13. 35–54.
4. Custer, S., Rice, Z., Masaki, T., Latourell, R. and Parks, B. (2015) Listening to Leaders: Which Development Partners Do They Prefer and Why? Retrieved from: http://aiddata.org/listening-to-leaders and http://aiddata.org/sites/default/files/appendices.pdf
5. White, H. (2009) Theory-Based Impact Evaluation: Principles and Practice. Retrieved from: http://www.3ieimpact.org/media/filer_public/2012/05/07/Working_Paper_3.pdf

Информация об авторе
Максимова А. В.
Аспирант, НИУ ВШЭ, Россия
A.V.Maximova
PhD student, Higher School of Economics, Russia

СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Н. А. ПИСКУЛОВА

Аннотация. *Исследование нацелено на выявление последних тенденций предоставления экологической помощи развивающимся странам на двустороннем, многосторонней и частном уровне. Экологический фактор играет особую роль для развивающихся стран, где фиксируется ухудшение состояния окружающей среды в результате роста населения, ускоренного экономического роста, чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, загрязнения природной среды, экспорта в них опасной для окружающей среды продукции и переноса «грязных» производств. Вместе с тем во многих из этих стран ощущается значительная нехватка финансовых и технологических ресурсов для зеленого развития. Оказание природоохранной помощи приносит ощутимые выгоды и развитым государствам: способствует решению глобальных проблем, на усугубление которых все больше влияет экономическая деятельность развивающихся стран и которые первые не имеют возможности решить только в пределах своих границ; приводит к улучшению имиджа для собственных избирателей; в ряде случаев преследуются экономические и геополитические цели, в частности, снижение зависимости доноров от поставок энергоресурсов, обеспечение национальной безопасности. Особенности и тренды развития экологического содействия подтверждают доминирование интересов государств-доноров по сравнению с реципиентами. Проявляется неравномерность предоставления помощи, преобладание в ней определенных отраслей и групп стран. Помощь как правило направлена на снижение остроты глобальных проблем в ущерб решению местных задач. Далеко не всегда помощь оказывается странам, которые наиболее в ней нуждаются. Россия присоединилась к числу государств-доноров содействия международному развитию. Экологическая помощь пока составляет незначительную часть российского природоохранного содействия. Вместе с тем она может способствовать удовлетворению и продвижению российских интересов за рубежом.*

Ключевые слова: *экологическая помощь, содействие международному развитию, экологические проблемы, интересы России*.

Введение

Проблемы окружающей среды приобрели планетарный характер и уже оказывают ограничительное влияние на развитие глобальной экономики. В этих условиях международное сообщество выработало стратегию зеленого роста, реализация которой практически неосуществима без оказания содействия развивающимся странам в решении природоохранных проблем. Экологическая помощь является одной из важных составляющих содействия международному развитию (СМР).

Вопросы международной помощи развивающимся странам на цели охраны окружающей среды неоднократно поднимались на международном уровне, начиная со Стокгольмской конференции 1972 г. и вплоть до последних форумов и инициатив (Парижская конференция по изменению климата, инициативы G8 по Африке, инициатива ВТО Aid for Trade, Марракешская конференция по климату в ноябре 2016 г. и др.).

Основные причины необходимости помощи — рост населения и низкий уровень состояния здоровья, а также условий жизни в этих странах, возрастающее потребление ими природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, повышенная уязвимость к воздействию глобальных экологических проблем, сопровождающиеся нехваткой средств и возможностей для их решения.

Экологический фактор играет особую роль для развивающихся стран, где фиксируется основной прирост населения мира, что требует ускорения в них экономического роста. Расширение производства в свою очередь ведет к дальнейшей деградации окружающей среды и истощению природных ресурсов. Развивающиеся государства превращаются в основных мировых потребителей ресурсов и производителей отходов, что усугубляется переносом сюда транснациональными корпорациями экологически опасных производств, в частности, в связи с ужесточением экологических стандартов в развитых странах. В первую очередь это относится к таким крупным азиатским государствам, как Китай и Индия, где, согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, проживает соответственно 19% и 18% мирового населения.

Повышение загрязнения природной среды, прежде всего в развивающихся странах, создает непосредственную угрозу для жизни и здоровья людей и, по данным Всемирной организации здравоохранения, является причиной примерно 25% смертности и заболеваемости людей в мире, а в регионе Африки южнее Сахары — 35%. В этой связи улучше-

ние состояния экологии является средством борьбы с нищетой и плохим здоровьем, что отражено в Целях развития тысячелетия ООН (ЦРТ), где значительное число из 17 целей устойчивого развития направлено на повышение экологической устойчивости.

Глобальные экологические проблемы также затрагивают в первую очередь развивающиеся страны. Так, наиболее сложная для разрешения проблема изменения климата негативно влияет именно на эти страны, что подчеркивают многие эксперты. Например, Roberts и Parks отмечают, что развивающиеся страны сталкиваются с двойной несправедливостью: деградация окружающей среды и климатические изменения имеют для них тяжелые последствия; в то же время от них требуют снизить выбросы парниковых газов за счет экономического развития [Roberts & Parks, 2006]. Глобальное потепление усугубляет положение с нехваткой пресной воды, продовольственную и другие проблемы. Вместе с тем во многих развивающихся странах практически отсутствуют финансовые и технологические ресурсы для зеленого развития.

Оказание содействия представляет собой не только бремя для развитых государств, но и является для них выигрышным: оно способствует решению глобальных проблем, на обострение которых все больше влияет экономическая деятельность развивающихся стран и которые развитые государства не имеют возможности решить только в своих рамках; оно приводит к формированию благоприятного имиджа для «своих» избирателей; в ряде случаев оказанием помощи страны преследуют геополитические цели. Так, идея проекта Desertec по строительству солнечной электростанции в Африке преследует и геополитические цели по снижению зависимости европейских потребителей от поставок ископаемых источников, в частности из России. Для компаний развитых государств предоставление содействия помогает улучшить репутацию и облегчает распространение их товаров и технологий. Анализ целей доноров необходим для понимания возможностей и перспектив аккумулирования средств для помощи странам в реализации стратегии зеленого роста.

Теоретические основания исследования

Существуют многочисленные теории факторов оказания помощи развивающимся странам, которые в основном сводятся к двум моделям: основанным на интересах развитых или развивающихся стран. Первая акцентирует внимание на стратегических и экономических интересах доноров, вторая утверждает, что содействие оказывается исходя из экономических, социальных и политических потребностей принимающих государств [Kostadinova, 2009].

Ряд исследований о результатах оказания помощи подтверждают теорию о преобладании потребностей принимающих стран. Так, содействие способствовало снижению детской смертности и повышению Индекса физического качества жизни [Maizels & Nissanke, 1984]. Вместе с тем объем помощи не зависел от масштабов привлечения реципиентами прямых иностранных инвестиций (ПИИ), хотя теоретически потребности принимающих стран в результате поступления ПИИ должны снижаться [Ali & Isse, 2006].

Классическая теория о преобладании интересов доноров заключается в том, что страны, предоставляют помощь для укрепления своих политических и военных позиций; этих взглядов придерживается большинство исследователей [Lewis; Dreher, Eichenauer, Gehring]. Так, одно из исследований [Maizels & Nissanke] показывает, что объемы содействия отдельным странам зависят от готовности принимающих стран способствовать удовлетворению политических и торговых потребностей доноров, а также интересов их безопасности. Так, доноры оказывают более существенное содействие странам, которые поддерживали их на сессиях ООН, что ярче всего демонстрирует пример Японии, а также Египта и Израиля — государств, которые получали основную помощь со стороны США. Подтверждением экономических интересов доноров служит преимущественное предоставление содействия ЕС странам–бывшим колониям государств-членов союза [Kostadinova, 2009].

Значительно меньше исследований посвящено факторам предоставления содействия в сфере охраны окружающей среды. Так, Lewis (2003) демонстрирует, что фактор сотрудничества в области экономической безопасности является более весомым детерминантом по сравнению с местными природоохранными потребностями и глобальными экологическими выгодами. Исследование экологической помощи на примере Японии и Республики Корея показало, что содействие со стороны Японии в начале 1990-х гг. было напрямую связано с интересами бизнеса. Реализация модели зеленого роста и предоставление экологической помощи Республикой Корея способствовали укреплению ее политических позиций в Восточной Азии и в целом в мире, а также продвижению технологий и опыта [Tonami & Muller, 2014].

Преобладание интересов стран-доноров связано в том числе с одним из основных противоречий — несовпадением приоритетов развитых и развивающихся стран в оказании экологической помощи. В то время как развивающиеся страны в первую очередь заинтересованы в решении локальных проблем природной среды (загрязнение воздуха, воды и почв), развитые государства более ориентированы на решение глобальных проблем, на нарастание которых все больше влияет эко-

номическая деятельность развивающихся стран и которые развитые государства не имеют возможности решить только в своих рамках.

Вместе с тем отсутствуют исследования особенностей оказания экологической помощи в последние годы. Тенденции оказания природоохранного содействия в XXI в. — значимое повышение ее размеров и доли в СМР, изменение структуры и особенности географического распределения, по мнению автора, являются свидетельством доминирования факторов, связанных с преобладанием интересов стран-доноров, что в конечном счете как минимум в некоторых случаев приводит к снижению эффективности помощи.

Существует ряд понятий и классификаций экологической помощи, среди которых главные — Всемирного банка и ОЭСР.

Согласно ОЭСР, экологически ориентированной считается помощь, которая ставит защиту окружающей среды в качестве главной или значительной цели деятельности. Существует также нецелевая помощь, которая хотя и не ставит целью охрану природной среды, но приводит к ее улучшению. Для определения экологического содействия ОЭСР использует т.н. маркеры Рио, включающие такие области как биоразнообразие, борьба с изменением климата, адаптация к климатическим изменениям и опустынивание. Статистика ОЭСР оценивает также неучтенную природоохранную помощь, не подпадающую под определение в соответствии с маркерами Рио.

Экологическая помощь может включать создание социальной инфраструктуры и предоставление услуг (например, охрана водных ресурсов и управление ими, которые учитывают экологические ограничения, управление отходами, которое приводит к улучшению окружающей среды и пр.), экономическую инфраструктуру и услуги (инфраструктурные проекты, нацеленные на защиту окружающей среды, деятельность по стимулированию устойчивого использования энергоресурсов, включая выработку энергии из возобновляемых источников и пр.), а также производственные сектора (устойчивое управление сельскохозяйственными угодьями и водными ресурсами, программы по устойчивому управлению лесами, устойчивое управление морскими ресурсами, внедрение и распространение экологически чистых технологий в производственных процессах, меры по уменьшению или устранению загрязнения земель, воздуха и почв, повышению энергоэффективности производства и пр.).

Всемирный банк подразделяет экологическую помощь на три вида.

1. Основная помощь — деятельность в секторах, которые полностью или преимущественно нацелены на улучшение природной среды (например, охрана биоразнообразия).

2. Основная помощь в сфере экологии, а также водообеспечения и санитарии в дополнение к первому виду включает доступ к питьевой воде и санитарии как части более широкого понятия экологической помощи. Этот вид содействия соответствует Цели развития тысячелетия (ЦРТ) 7, включающей в понятие экологической устойчивости доступ к чистой воде и санитарии.
3. Помощь с преимущественно экологическими целями: в дополнение ко второму виду включает содействие иным отраслям с четко выраженными экологическими целями (в соответствии с маркерами Рио).

В данной статье используются в качестве синонимов термины экологическая помощь (содействие), природоохранная помощь (содействие), помощь (содействие) в сфере охраны окружающей среды.

Экологическое содействие развивающимся странам оказывается по разным каналам, включая международный и двусторонний уровни, а также помощь частных компаний. Одним из важных каналов служит официальная помощь развитию, однако, экологическая составляющая в ней относительно невелика, хотя и имеет тенденцию к росту.

Исследование: основная часть

Главными тенденциями оказания природоохранного содействия развивающимся странам в последние десятилетия стали увеличение выделения средств в экологию, сопровождающееся их постепенным сокращением в проекты, оказывающие неблагоприятное воздействие на окружающую среду, повышение ее доли в общем объеме содействия развитию, а также изменения в структуре и географии помощи.

Обострение природоохранных, в первую очередь, ресурсных, а также других глобальных проблем в конце XIX — начале XXI вв. стимулировало оказание более масштабного экологического содействия развивающимся странам на всех уровнях. Общая оценка его объемов затруднена в связи с отсутствием сравнимых критериев понятия «экологической» помощи, а также полноценных и сопоставимых данных о некоторых его видах на протяжении достаточно длительного периода, масштабах вновь оказываемого содействия и реальном выполнении обязательств. Так, не все члены Комитета содействия развития (КСР)[32] ОЭСР сообщают об экологической нацеленности видов помощи. Ряд стран предоставляют помощь через агентства, другие государства действуют через иные каналы, которые не отражены в статистике.

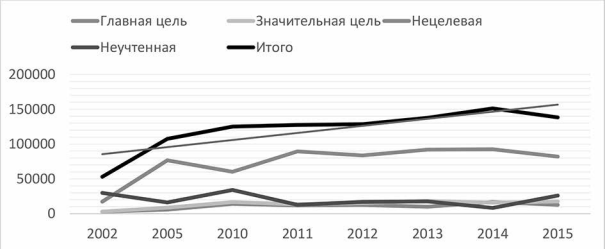
[32] Комитет содействия развитию — главный орган ОЭСР по координации помощи развивающимся странам. В настоящее время членами КСР являются 29 государств-членов ОЭСР.

Содействие развивающимся странам первоначально оказывалась на преимущественно на двусторонней основе. Двусторонняя помощь как правило осуществляется в рамках межправительственных соглашений или других договоренностей. Как показывают исследования [Hicks, Parks, Roberts & Tierney, 2008], двусторонняя помощь более отвечает реальным нуждам стран-реципиентов по сравнению с международным содействием; кроме того, она обычно имеет более комплексный характер. Вместе с тем, двусторонняя помощь в целом более ориентирована на решение глобальных и региональных проблем, чем многосторонняя, что в меньшей степени отвечает интересам развивающихся стран.

В 1980–1990-е гг. объемы помощи на двусторонней основе стран-членов КСР постепенно росли, с 5,8 млрд долл. в 1980–1985 гг. до 27,4 млрд в 1995–2000 гг., что сопровождалось снижением займов и кредитов на проекты, оказывающие неблагоприятное воздействие на окружающую среду. Если в начале 1980-х гг. соотношение помощи на «экологически опасные» проекты к показателю содействия на «экологически благоприятные» проекты оставляло 11:1, то в начале 1990-х гг. эта пропорция снизилась до 4:1, а к концу десятилетия до 2:1 [Hicks, Parks, Roberts & Tierney, 2008].

В 2000-е гг., по данным ОЭСР, отмечалось общая тенденция к увеличению объемов природоохранного содействия, в среднем в 2013–2014 гг. объем прямой экологической помощи оценивался в 30,4 млрд долл., а суммарный — в 107,7 млрд долл. Включая неучтенную помощь, общий объем в 2014 г. оценивался в 151,2 млрд долл.; в 2015 г. он несколько снизился — до 138,3 млрд (график 1).

График 1
Экологическая помощь стран-членов КСР в 2002–2015 гг. (млрд долл.)



Примечание: неучтенная помощь — экологическое содействие, не подпадающее под определение в соответствие с маркерами Рио.

Источник: Aid activities targeting Global Environmental Objectives. OECD Stat. http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=RIOMARKERS# Режим доступа: 07.01.2017.

В 1980–1990-е гг. удельный вес двусторонней целевой экологической помощи стран-членов КСР развивающимся странам был относительно невелик, его доля в общем объеме содействия развитию в 1993–1997 гг. оценивалась в 12%. В отдельные годы последних двух десятилетий XX в. этот показатель был еще ниже — менее 10% [Hicks, Parks, Roberts & Tierney, 2008]. В 1998–2007 гг. произошло его увеличение в среднем до 15%, а в 2013–2014 гг. — до 28% (включая нецелевую помощь).

Основными странами-донорами общей природоохранной помощи в 2013–2014 гг. были США — 25 млрд долл., Япония — 14,3 млрд и Германия — 13,4 млрд. Институты ЕС предоставили 16,4 млрд долл. В то же время крупнейшими донорами целевой помощи выступили Япония, Германия и Франция. Наиболее высокая доля прямой экологической помощи в общем объеме содействия развитию фиксировалась в Исландии — 74%, Японии — 57% и Франции — 53%.

В 2013–2014 гг. самыми крупными сферами предоставления прямого экологического содействия были энергетика — 21% (8% общей природоохранной помощи), защита природной среды в целом — 14% (4%), транспортировка и хранение — 14% (9%), сельское и лесное хозяйство и рыболовство — 12% (6%), а также подача воды и санитария — 10% (5%).

Быстрыми темпами в последнее десятилетие увеличивалось содействие в области решения глобальных и региональных экологических проблем (в основном на предотвращение изменения климата и адаптацию к нему, а также сохранение биоразнообразия). Двусторонняя климатическая помощь членов КСР в 2014–2015 гг. достигла 29 млрд долл. в среднем в год, в том числе 49% пришлось на борьбу с изменением климата, 29% — на адаптацию к нему, а 22% — на оба вида мер. Предпочтение выделения средств на борьбу с глобальным потеплением (т.е. снижение потребления энергоресурсов) по сравнению с поддержкой уязвимых местных сообществ в адаптации к климатическим изменениям свидетельствует о преобладании интересов развитых стран [Halimanjaya, 2013].

Ключевыми секторами содействия стали энергетика, транспорт, подача воды и санитария, а также сельское и лесное хозяйство, их доля составила две трети климатической помощи. В первую очередь содействие оказывается в сфере развития возобновляемых источников энергии и повышения эффективности энергосетей. В области транспорта помощь концентрируется преимущественно в развитии железнодорожного транспорта в больших городах, что способствует снижению загрязнения окружающей среды, повышая экологическую устойчивость на глобальном уровне.

Данные ОЭСР свидетельствуют, что главными реципиентами климатической помощи стран-членов КСР с конца XX в. стали страны Восточной, Южной и Центральной Азии, а также Африки южнее Сахары — соответственно около 40 и более 20%. Основные получатели в 2013–2014 — Индия, Марокко, Вьетнам, Бразилия, Филиппины, Узбекистан, Турция, Индонезия, Бангладеш.

Финансирование борьбы с изменением климата пяти крупнейших доноров (Япония, Германия, Франция, Норвегия, США) осуществляется в более богатые развивающиеся страны; лишь 20% этого вида помощи направляется в наименее развитые и другие государства с низкими доходами. Реципиентами помощи Японии и Франции являются в основном соседние государства, что отражает их геополитические интересы. В то же время финансирование такого содействия, например, Германии направляется в страны Азии, Африки и Латинской Америки, что вероятно обусловлено исторически сложившимися политическими отношениями [Halimanjaya, 2016].

Согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата развитые государства взяли на себя обязательства по мобилизации 100 млрд долл. ежегодно к 2020 г. на борьбу с глобальным потеплением и на адаптацию к изменению климата в развивающихся странах. По данным ОЭСР, в 2014 г. общий объем предоставленных государственных и частных средств вырос до 62 млрд долл. (2013 г. — 53 млрд), причем две трети из них были направлены на снижение эмиссии парниковых газов. Более 70% всего объема составили государственные средства на двусторонней и многосторонней основе.

Новой тенденцией в оказании климатической (и в целом экологической) помощи является участие в ней в качестве доноров развивающихся стран. Так, в 2013 г. более 11% такого содействия представляли собой инвестиции самих развивающихся стран (например, ОАЭ) [Buchner, Stadelmann, Wilkinson, Mazza, Rosenberg & Abramskiehn, 2014]. Финансирование осуществляется как на двустороннем уровне, так и, в первую очередь, банками этих государств, среди которых Исламский банк развития, Новый банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

В то же время растущая в 2000-е гг. помощь развитых стран в решении проблем водоснабжения и улучшения санитарных условий предоставлялась в первую очередь странам Африки южнее Сахары, Южной и Центральной Азии, преимущественно в виде грантов. Получателями основной части финансовых ресурсов стали страны с низкими доходами. Крупнейшим донором стала Япония.

Важным направлением, по данным ОЭСР, стало содействие в решении другой важной глобальной проблемы — сохранения биоразнообразия; такая помощь быстро росла в последнее десятилетие и достигла 6,44 млрд долл. в год в 2012–2014 гг., а ее доля в общей двусторонней помощи составила около 5%. Почти половину всего объема (45%) предоставили Германия, США и институты ЕС.

Помощь развивающимся странам также предоставляется через различные партнерства, государственные, частные, частно-государственные. Например, Китай и ЕС создали партнерство по изменению климата, предусматривающее технологическое сотрудничество с участием деловых кругов.

Международные организации стали оказывать помощь развивающимся странам позднее, чем отдельные государства, и их содействие направлено на более узкий круг проблем окружающей среды. Вместе с тем международные организации обладают более значительными средствами и возможностями по сравнению с двусторонними агентствами. Ими финансируются преимущественно крупные инфраструктурные проекты (например, в области решения проблемы доступа к чистой воде), и в основном с помощью займов, тогда как двусторонняя помощь нередко предоставляется в виде грантов и предназначена для реализации менее масштабных программ, направленных на решение локальных проблем.

На международном уровне природоохранное содействие предоставляют более 200 крупных организаций и фондов, а также многочисленные небольшие трастовые фонды.

Среди международных организаций крупнейшим общественным донором по финансированию проектов по решению экологических проблем является Глобальный экологический фонд (ГЭФ)[33]. ГЭФ предоставляет средства развивающимся государствам и странам с переходной экономикой на реализацию проектов по сохранению биоразнообразия, предотвращению изменения климата, загрязнению международных вод, деградации земель, истощения озонового слоя и др. Фонд действует в партнерстве с компаниями и другими международными организациями — ПРООН, ЮНЕП, Всемирным банком, ФАО, ЮНИДО и др. В последние 25 лет, по данным ГЭФ, фонд профинансировал почти 4 тыс. проектов более чем в 167 странах на общую сумму 14,5 млрд долл.

[33] ГЭФ создан в 1991 г. в преддверии саммита Рио для решения наиболее острых проблем человечества. ГЭФ представляет собой партнерство, объединяющее 183 страны, 18 партнерских агентств и растущее число представителей гражданского общества и представителей частных компаний.

Например, в 2016 г. был завершен проект по повышению энергоэффективности в строительстве, а также управлении зданиями и сооружениями в северо-западных областях России.

ГЭФ осуществляет управление рядом трастовых фондов — Трастовым фондом ГЭФ, Специальным фондом по изменению климата, Фондом наименее развитых стран и рядом других.

Расширяется экологическая помощь со стороны других международных организаций и объединений — Всемирного банка (ВБ), МВФ, Международного фонда сельскохозяйственного развития, Фонда ЮНЕП, Азиатского банка развития, Фонда ОПЕК по международному развитию и др.

Основное содействие сконцентрировано в пяти международных агентствах, в которых сосредоточено до 90% предоставленных средств. Около ⅓ приходилось на Всемирный банк [Hicks, Parks, Roberts, & Tierney, 2008], который играет важную роль в координации деятельности и управлении различными фондами и инициативами.

Одним из ключевых направлений многостороннего финансирования, как и двустороннего, являются климатические проекты, главную роль в мобилизации средств на которые и координации этой деятельности других банков развития и финансовых институтов играет ВБ. В последние годы произошла переориентация в оказании помощи банком в сторону финансирования проектов по борьбе с изменением климата. В настоящее время около 20% инвестиций банка ориентировано на борьбу с изменением климата; к 2020 г. эта доля должна достичь 28% (в том числе, развитие возобновляемых источников энергии, снижение использования традиционных источников с высокими выбросами углерода, развитие зеленого транспорта и устойчивых городов). В будущем все расходуемые средства банка будут учитывать фактор глобального потепления. Помимо ежегодно выделяемых 16 млрд долл. банк планирует мобилизовать дополнительное финансирование из частных источников, в частности, путем софинансирования. К 2020 г. инвестиции только ВБ должны составить 29 млрд долл. в год, т.е. почти треть обещанных 100 млрд климатического финансирования развитыми странами. В целом в 2015 г. климатические инвестиции шести крупнейших банков развития достигли 81 млрд долл.

ВБ помогает развивающимся странам получить доступ к климатическому финансированию других фондов, в частности ГЭФ, климатическим инвестиционным фондам, различным углеродным фондам, фонду Монреальского протокола, Глобальному фонду по снижению опасности стихийных бедствий и восстановлению, Канадской климатической программе МВФ, а также Зеленому климатическому фонду, являюще-

муся крупнейшим вертикальным фондом, созданному к настоящему времени. Финансирование ВБ и других региональных банков развития позволило 72 развивающимся странам инициировать программы низкоуглеродного развития.

Финансирование мер по смягчению последствий глобального потепления в настоящее время осуществляется и через финансовые механизмы Рамочной конвенции по изменению климата, Киотского протокола, а также другие двусторонние и многосторонние каналы помощи.

К новым инициативам в области экологического содействия относится созданное в 2015 г. Партнерство по инвестированию в устойчивое развитие, целью которого является мобилизация в ближайшие пять лет частного финансирования в 100 млрд долл. в инфраструктурные проекты для поддержки зеленого роста. Среди первых девяти — проекты в области транспорта и энергетики в Африке и Латинской Америке. Многочисленные банки развития предоставляют содействие в экологической сфере. Примером может служить Североамериканский банк развития, который финансирует мексиканские проекты в области водоснабжения [Костюнина, 2013].

Крупные компании также увеличивают размеры природоохранной помощи развивающимся странам. Важным направлением является климатическое финансирование, на которое в 2015 г. пришлось 19% всех частных инвестиций [Benn et al., 2016]. Общая оценка частного климатического финансирования[34] развитых стран, мобилизованного через многосторонние и двусторонние каналы помощи, по данным ОЭСР, составила 16,7 млрд долл. в 2014 г. (для сравнения 12,7 млрд в 2013 г.). Примером может служить стартовавший в 2009 г. проект в области энергетики Desertec по обеспечению солнечной энергией африканских стран, а также европейских потребителей[35].

Содействие развивающимся странам стало катализатором активизации их деятельности в сфере экологии. Вместе с тем, как отмечают эксперты и показывают результаты исследований международных институтов (Абрамова, эксперты ВБ, ВОЗ, ФАО и др.), острота социально-экономических, гуманитарных и экологических проблем в странах-реципиентах не только не ослабевает, но и нарастает [Абрамова, 2011].

[34] Включает частное софинансирование членов КСР ОЭСР, двусторонних финансовых институтов развития, а также многосторонних банков развития и фондов. Оценка основана на софинансировании через государственные каналы помощи.

[35] В последующие годы реализация проекта, в котором изначально принимали участие 20 компаний, столкнулась со снижением интереса компаний, ряд которых вышли из него, мотивируя это дороговизной и другими причинами.

Существует значительное число проблем, не позволяющих добиться кардинального изменения ситуации в области охраны окружающей среды. Несмотря на существенное расширение экологической помощи, ее объемы остаются недостаточными для решения наиболее острых проблем природной среды. В большинстве случаев такая помощь определялась менее чем в 0,6% ВВП развитых стран. На практике успешно решались либо социальные, либо экологические задачи, тогда как, согласно первоначальным планам, эти проблемы должны быть урегулированы во взаимосвязи.

Существует значительные расхождения между рекомендациями ученых об оказании определенных видов помощи и требуемыми средствами, на что указывают ряд экспертов [Hicks, Parks, Roberts, Tierney, 2008]. На водные проекты финансирование почти соответствует рекомендациям. Вместе с тем, оказывается недостаточно помощи на решение местных проблем развивающихся стран — землепользования и опустынивания, хотя именно в их урегулировании в первую очередь заинтересованы принимающие страны, и они привели к наибольшей смертности людей в последние два десятилетия. В последние годы выросла помощь на адаптацию к изменению климата и сохранение биоразнообразия, однако, содействие решению проблем улучшения качества питьевой воды и земли имело тенденцию к сокращению. Инвестиционные потребности для выполнения ЦРТ (многие из которых нацелены на защиту природной среды) в развивающихся странах оцениваются ЮНКТАД в Мировом докладе по инвестициям 2014 г. в 3,3–4,5 трлн долл. в год, тогда как ежегодный объем выделяемых средств составляет 1,4 трлн.

Многие экономически менее развитые страны получают незначительную помощь, что подтверждает преобладание интересов развитых государств. Вместе с тем, именно эти страны более всего нуждаются в финансировании экологических проектов. Серьезным препятствием служит выделение наиболее нуждающихся в содействии стран и оценка реально требуемых размеров финансирования.

Значительные трудности возникают при оценке результативности деятельности стран-доноров, которая в ряде случаев оказывается относительно невысокой в связи с отсутствием необходимой институциональной структуры и другими проблемами, ряд которых, вероятно, связан именно с доминированием интересов развитых государств. По данным Всемирного банка, в целом эффективность экологических проектов была значительно ниже других программ помощи: только 25% финансируемых банком проектов получила «удовлетворительный» рейтинг по сравнению со 100% программ на цели образования, 86% —

здравоохранения и 87% — создания инфраструктуры [Hicks, Parks, Roberts, & Tierney, 2008]. Это связано и с недостаточной координацией природоохранной помощи на всех уровнях. На региональном уровне степень координации выше, в том числе вследствие дополнительных возможностей по мониторингу и оценке результативности помощи, что отмечают некоторые эксперты [Ревенко, 2016].

Перед развитыми странами стоит задача дальнейшего снижения финансирования экологически «грязных» проектов, при одновременном его увеличении для реализации «зеленых» проектов и социального развития. Некоторые международные организации, в т.ч. ВБ, уже отказываются от экологически опасных проектов (например, развития углеродоемких производств).

С 1990-х гг. Россия выступала получателем различного вида природоохранной помощи. Так, ГЭФ предоставил гранты на сокращение производства озоноразрушающих веществ (60 млн долл.) и его перестройку на озоносберегающие технологии, сохранение биоразнообразия, охрану Байкальского региона. Особое внимание в последние годы уделяется повышению энергосбережения. В сотрудничестве с ПРООН, ЕБРР и ЮНИДО в России реализована Программа энергоэффективности, предусматривающая внедрение новых стандартов, маркировки, росту энергосбережения зданий и сооружений.

Россия имеет двусторонние соглашения об оказании экологического содействия с Великобританией, Германией, США, Францией, Финляндией, Данией и другими странами. В качестве примеров можно привести реконструкцию Мурманского завода по переработке жидких низкоактивных отходов (США, Норвегия), реализацию проектов «Интегрированный контроль загрязнений» и «Стратегия управления отходами» (Британский экологический фонд «Know-how»), «Организация ландшафтного планирования в Байкальском регионе», «Научные основы комплексного глобального экосистемного мониторинга окружающей среды» (Германия), создание новых природных заповедников и биологических станций, совершенствование управления охраной окружающей среды, управления отходами, улучшение качества водных ресурсов в ряде регионов страны (Нидерланды) и др.

В последние годы Россия стала выступать не только в роли получателя экологической помощи, но и в качестве ее донора на добровольной основе, несмотря на отсутствие обязательств. К сожалению, это направление не относится к приоритетным, хотя природоохранная составляющая помощи может не только способствовать решению трансграничных проблем окружающей среды, но и реализации страте-

гических интересов России. Вместе с тем, Концепция государственной политики РФ в сфере СМР 2014 г. в редакции от 24.05.2016 предусматривает принятие мер, направленных на охрану окружающей среды и решение трансграничных экологических проблем.

Россия уже сотрудничает в сфере экологии с международными организациями. С 2011 г. Россия выделила более 25 млн долл. на проекты с ПРООН в мире, включая Армению, Беларусь, Кубу, Киргизстан, Филиппины, Сирию и Таджикистан. В 2015 г. подписано соглашение о стратегическом партнерстве с ПРООН, где экология обозначена среди приоритетов сотрудничества, и создан совместный с ПРООН трастовый фонд, вклад России в который составит 25 млн долл. до 2019 г. К приоритетным направлениям среди прочих относятся устойчивое управление водными ресурсами и устойчивая энергетика. Большинство первых проектов будут реализованы в Средней Азии — Таджикистане, Киргизстане, Армении и Беларуси. Так, реализация проекта в Киргизстане позволит улучшить доступ к чистой питьевой воде местного населения, снизить потери воды при ирригации, повысить качество выпускаемой сельскохозяйственной продукции вследствие реконструкции ирригационных систем и пр. В 2016 г. был запущен финансируемый Россией на сумму 7,5 млн долл. проект ПРООН по укреплению потенциала малых островных развивающихся государств Тихого океана для предупреждения и ликвидации последствий стихийных бедствий, связанных в т.ч. с изменением климата. Осуществление проекта может способствовать не только реализации политических интересов, но и продвижению российских технологий в этой области.

Совместно с ВБ Россия реализует проект по финансированию и передаче технологий малым и средним предприятиям странам Африки южнее Сахары (Мали, Танзания, Руанда, Сенегал, Кения, Ботсвана).

В рамках траст фондов стран Восточной Европы и Центральной Азии Россия реализует проекты с Евразийским фондом стабилизации и развития. Например, в 2014 г. одобрены проекты по адаптации и снижение последствий изменения климата Центральной Азии, развитию городов в Киргизии, лесному хозяйству и управлению земельными ресурсами в Молдове, восстановлению насосных каскадов в Узбекистане.

Российский бизнес пока мало участвует в оказании международного природоохранного содействия. Примеров такой помощи немного, среди них участие компании UC RUSAL в совместном с нигерийской компанией Water Company of Nigeria проведении работ по восстановлению сети водоснабжения в районе, где расположен контролируемый российской компанией алюминиевый завод ALSCON.

Заключение

В мире наблюдаются тенденции роста экологической составляющей в помощи развивающимся странам, увеличения ее объемов, изменения структуры, расширения числа доноров и появления новых участников на двустороннем и многостороннем уровнях. Основными направлениями содействия все более становятся глобальные проблемы, в первую очередь, изменения климата, в решении которой более всего заинтересованы развитые государства, а не страны-реципиенты, которые более всего в нем нуждаются и интересы которых концентрируются на решении локальных проблем. Подтверждением этого служит распределение климатической помощи, основная часть которой нацелена на борьбу с глобальным потеплением, а не смягчение его последствий. Доноры преимущественно направляют помощь странам, с которыми у них установлены прочные экономические и политические отношения, а также наделенным богатыми природными ресурсами. В перспективе такая помощь будет расширяться в связи с продолжающимся нарастанием остроты глобальных экологических проблем и необходимости решения вопросов развития. Россия в последние годы также вошла в число доноров природоохранной помощи. Вместе с тем этой сфере пока не уделяется должного внимания, хотя именно экологическое содействие может повысить репутацию страны в мире, реализовать геополитические и экономические интересы.

Литература

1. Абрамова А. В. Эффективность иностранной помощи: сдерживающие факторы и подходы к ее оценке // Вестник МГИМО–Университета. 2011. № 4. С. 105–113.
2. Костюнина Г. М. Интеграционные процессы в Западном полушарии. Москва: МГИМО–Университет, 2013. 317 с.
3. Ревенко Л. С. Региональные аспекты международного сотрудничества в сфере продовольственной безопасности // Экономика. Налоги. Право. 2016. №4. С. 59–65.
4. Ali, A. and D. Isse (2006). 'An Empirical Analysis of Determinants of Foreign Aid: A Panel Approach', *International Advances in Economic Research* 12(2): 241–250.
5. Benn, J. et al. (2016), «Amounts mobilised from the private sector by official development finance interventions: Guarantees, syndicated loans and shares in collective investment vehicles», *OECD Development Co-operation Working Papers,* No.26. OECD Publishing, Paris. *htpp://dx.doi.org/10.1787/5jm3xh459n37-en*
6. Buchner B., M. Stadelmann, J. Wilkinson, F. Mazza, A. Rosenberg and D. Abramskiehn (2014), *Global Landscape of Climate Finance*, Venice: CPI (avail-

able at http://climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2014/).
7. Dreher, A.; Eichenauer, V.; Gehring, K. (2014). Geopolitics, Aid and Growth. *CEPR Discussion Paper No. 9904*. Centre for Economic Policy Research, London.
8. Halimanjaya, A. (2013). Climate finance across developing countries: What are the major determinants?, Working Paper 45, DEV Working Paper Series, The School of International Development, University of East Anglia, UK.
9. Halimanjaya, A. (2016): Allocating climate mitigation finance: a comparative analysis of five major green donors, Journal of Sustainable Finance & Investment, DOI: 10.1080/20430795.2016.1201412.
10. Hicks R. L., Parks B. C. Roberts J. T., and Tierney M. J. *Greening Aid? Understanding the Environmental Impact of Development Assistance*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008.
11. Kostadinova, P. Trading for Aid: European Union Development and Pre-Accession Assistance. The Second Conference on the Political Economy of International Organizations, January 29–31, 2009. Geneva, Switzerland. [Электронный ресурс]. URL: http://wp.peio.me/wp-content/uploads/2014/04/Conf2_Kostadinova.pdf (дата обращения: 24.01.2017).
12. Lewis, T. (2003). «Environmental Aid: Driven by Recipient Need or Donor Interests?», *Social Science Quarterly*, №84 (1): 144–161.
13. Maizels, A. and M. Nissanke (1984) «Motivations for Aid to Developing Countries», *World Development* 12(9): 879–900.
14. Roberts J.T., Parks B.C. (2007). A climate of injustice: Global inequality, North-South politics, and climate policy. The MIT Press.
15. Tonami, A., & Müller, A. R. (2014). Trajectories of Japanese and South Korean Environmental Aid: A Comparative Historical Analysis. Journal of Environment & Development, 23(2), 191–219. DOI: 10.1177/1070496513510518.

INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE IN THE ENVIRONMENTAL PROTECTION AREA: RUSSIAN INTERESTS

Natalia A.Piskulova

Abstract. *This research is targeting the latest trends in the allocation of environmental aid to developing countries on the bilateral, multilateral and private level. Ecological factor plays a special role for the developing countries experiencing deterioration of the environment due to population growth, advanced economic development, excessive use of natural resources, pollution, exports to those countries of environmentally dangerous goods and transfer of "dirty" production processes. At the same time many of those countries experience substantial lack of financial and technological resources for the green development. Providing ecological aid is also quite beneficial to the developed*

donor countries: it contributes to the resolution of global problems, which aggravate further due to the economic activities of the developing countries and which can't be resolved just within their own boundaries; boosts the image of the authorities within their own constituencies; in a number of cases economic and geopolitical goals are pursued, i.e. decreasing the donors' dependence on energy resources supplies and the support of national security. Special features and trends of the ecological support confirm that interest of the donor countries dominate over the interests of the recipient countries. It transpires that the aid is allocated unevenly; some specific industries and groups of countries prevail. As a rule, the aid is targeting to alleviate global problems at the cost of local issues. Quite often, the aid is not directed to those countries, that are in the most urgent need. Russia has joined the rank of donor countries contributing to the international development assistance. So far, ecological aid does not play an important role in the total volume of Russian development assistance. However, it can satisfy the needs and promote Russian interests overseas.

Keywords: *environmental aid, official development assistance, environmental problems*

References

1. Abramova A.V. Effectivnost' inostrannoi pomoshi: sderzhivayushiye factori i podkhodi k yeye otsenke // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. № 4. S. 105–113.
2. Kostyunina G. M. Integratsionniye protsessi v Zapadnom polusharii. Moskva: MGIMO–Universitet, 2013. 317 s.
3. Revenko L. S. Regionalniye aspekti mezdunarodnogo sotrudnitchestva v sfere prodovolsvennoy bezopasnosti // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2016. №4. S. 59–65.
4. Ali, A. and D. Isse (2006). 'An Empirical Analysis of Determinants of Foreign Aid: A Panel Approach', *International Advances in Economic Research* 12(2): 241–250.
5. Benn, J. et al. (2016), «Amounts mobilised from the private sector by official development finance interventions: Guarantees, syndicated loans and shares in collective investment vehicles», *OECD Development Co-operation Working Papers,* No.26. OECD Publishing, Paris. *htpp://dx.doi.org/10.1787/5jm3xh459n37-en*
6. Buchner B., M. Stadelmann, J. Wilkinson, F. Mazza, A. Rosenberg and D. Abramskiehn (2014), *Global Landscape of Climate Finance*, Venice: CPI (available at http://climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2014/).
7. Dreher, A.; Eichenauer, V.; Gehring, K. (2014). Geopolitics, Aid and Growth. *CEPR Discussion Paper No. 9904.* Centre for Economic Policy Research, London.
8. Halimanjaya, A. (2013). Climate finance across developing countries: What are the major determinants?, Working Paper 45, DEV Working Paper Series, The School of International Development, University of East Anglia, UK.

9. Halimanjaya, A. (2016): Allocating climate mitigation finance: a comparative analysis of five major green donors, Journal of Sustainable Finance & Investment, DOI: 10.1080/20430795.2016.1201412.
10. Hicks R. L., Parks B. C. Roberts J. T., and Tierney M. J. *Greening Aid? Understanding the Environmental Impact of Development Assistance*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2008.
11. Kostadinova, P. Trading for Aid: European Union Development and Pre-Accession Assistance. The Second Conference on the Political Economy of International Organizations, January 29–31, 2009. Geneva, Switzerland. [Электронный ресурс]. URL: http://wp.peio.me/wp-content/uploads/2014/04/Conf2_Kostadinova.pdf (дата обращения: 24.01.2017).
12. Lewis, T. (2003). «Environmental Aid: Driven by Recipient Need or Donor Interests?», *Social Science Quarterly*, №84 (1): 144–161.
13. Maizels, A. and M. Nissanke (1984) «Motivations for Aid to Developing Countries», *World Development* 12(9): 879–900.
14. Roberts J. T., Parks B. C. (2007). A climate of injustice: Global inequality, North-South politics, and climate policy. The MIT Press.
15. Tonami, A., & Müller, A. R. (2014). Trajectories of Japanese and South Korean Environmental Aid: A Comparative Historical Analysis. Journal of Environment & Development, 23(2), 191–219. DOI: 10.1177/1070496513510518.

Информация об авторе
Пискулова Наталья Аркадьевна
доктор экономических наук, доцент, профессор, МГИМО–Университет МИД России
E-mail: n.piskulova@mail.ru
Natalia A. Piskulova
Doctor of Economics, Professor, MGIMO–University
E-mail: n.piskulova@mail.ru

СПИСАНИЕ СУВЕРЕННЫХ ДОЛГОВ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ РОССИИ В СОДЕЙСТВИИ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ

А. В. СУМИН

Аннотация. *Участие России в содействии международному развитию является важной задачей, требующей теоретического обоснования и практических действий. Данное направление участия страны в международных экономических отношениях стало актуальным в последнее десятилетие в связи с улучшением макроэкономической ситуации и накоплением финансовых ресурсов, достаточных для статуса страны донора. Цель исследования заключается в определении места и роли списания Россией внешней дебиторской задолженности группы развивающихся стран для содействия международному развитию. Рассматриваются объемы списания задолженности, а также их условия, примененные к должникам. Выявляются предпосылки и механизм сотрудничества России с международными организациями, занимающимися проблемами урегулирования внешнего долга развивающихся стран. Проводится обзор законодательной базы, созданной для участия страны в содействии международному развитию. Оцениваются масштабы списания внешнего долга и полученные цифры сравниваются с показателями помощи развитию, оказанной бывшим СССР.*

В результате исследования получены следующие выводы. Списание Россией внешнего долга развивающихся стран, унаследованного от бывшего СССР, является важным вкладом страны в содействие международному развитию. Объемы списания превосходят сопоставимые показатели советской помощи развитию и формально ставят Россию на лидирующие позиции в списке стран-доноров. Однако, значительная доля списаний долга приходится на кредиты, которые не фиксируются в статистике в качестве помощи развитию. Участие в программах облегчения долгового бремени развивающихся стран позволило России получить опыт взаимодействия с международными институтами и организациями, занимающимися данными проблемами.

Ключевые слова: *Россия; содействие международному развитию; списание внешнего долга.*

Введение

Актуальным направлением участия России в международных экономических отношениях является содействие международному развитию (СМР). В то же время, всеобъемлющее участие страны в данном процессе в качестве донора стало активно развиваться только в последнее десятилетие, что связано с преодолением трансформационного спада и улучшением общеэкономических показателей по сравнению с периодом 1990-ых годов. Основной формой участия России в СМР за последнее время является списание задолженности развивающихся стран. Такая ситуация обусловлена унаследованными страной от бывшего СССР финансовыми требованиями к 67 развивающимся странам, большинство из которых являются неплатежеспособными и участвуют в многосторонних международных программах, направленных на облегчение долгового бремени в целях развития.

Теоретические основания исследования

Содействие международному развитию является важным и быстроразвивающимся направлением международных экономических отношений. Оно заключается в проведении комплекса экономических мер, которые предпринимают страны-доноры и которые, в свою очередь, направлены на решение различных социально-экономических задач в странах — получателях (реципиентах) помощи. В число данных мер входит и такое инструмент как облегчение бремени задолженности развивающимся странам, результатом которого является уменьшение суммы внешнего долга, подлежащего выплате[36]. Таким образом, объектом исследования в данной статье является реструктуризация и списание Россией внешнего долга группы развивающихся стран, а также последствий данного процесса для участия страны в СМР.

Следует отметить, что в научной литературе достаточно подробно исследованы различные аспекты участия России в СМР. Данной тематике посвящены работы В. Бартенева, Е. Глазуновой, М. Рахмангулова. Проблемы урегулирования внешнедолговых требований России к развивающимся странам рассматриваются в публикациях Л. Федякиной, Б. Хейфеца. Вместе с тем, процесс облегчения внешнедолгового бремени как вклад России в СМР остается недостаточно исследованным в научной литературе.

[36] Содействие международному развитию. Курс лекций/ Под ред.В. И. Бартенева, Е. Н. Глазуновой. — М.: Всемирный Банк, 2012. — с. 92.

Исследование: основная часть

В случае Российской Федерации, участие страны в СМР имеет уникальные отличительные черты, которые обусловлены историческими причинами. СССР, преследуя свои политические и экономические цели в рамках международной экспансии, направленной на увеличение числа дружественных стран, осуществлял программы экономической помощи группе развивающихся стран. Данная помощь принимала такие разные формы как строительство заводов «под ключ», обучение студентов, льготные кредиты, поставки промышленного оборудования и сырьевых ресурсов по сниженным ценам, а также военно-техническое сотрудничество и т.п.[37] Эти виды экономического сотрудничества по своему функциональному назначению, безусловно, могли бы быть классифицированы как помощь развитию (за исключением военной помощи). Однако, после распада бывшего СССР подобные формы взаимодействия с развивающимися странами для России потеряли экономическое и политическое содержание. Результатом этого стало, с одной стороны, практически полное свертывание сотрудничества в данном направлении, а, с другой стороны, поиск путей урегулирования внешнедолговых требований бывшего СССР.

Наиболее важным направлением, которое отмечает усилия, предпринятые Россией за последние десятилетия для СМР, является решение проблемы внешнедолговых активов бывшего СССР. Прослеживая эволюцию подходов к данной проблеме можно отметить, что, изначально ставя в основном фискальные цели, Россия реализовала масштабный проект по реструктуризации данной задолженности. Такая деятельность потребовала значительных временных затрат, участия в работе международных финансовых организаций и обращения к опыту развитых стран. Итогом явился значительный вклад страны в СМР, а также получение опыта в процессе взаимодействия в данной области с ведущими странами и международными организациями, что является положительным явлением.

Являясь правопреемницей бывшего СССР, Россия унаследовала не только кредиторскую, но и дебиторскую задолженность. Таким образом, Россия стала одной из крупнейших стран-кредиторов. Официальных цифр полученных внешнедолговых требований не существует, однако, различные исследователи приблизительно оценивают их объем на

[37] Содействие международному развитию. Курс лекций./ Под ред.В. И. Бартенева, Е. Н. Глазуновой. — М.: Всемирный Банк, 2012. — с. 200–201.

конец 1991 года в размере 145,2 млрд долларов США[38], 123 млрд долларов США[39] или 160 млрд долларов США[40]. При этом суммы пересчитаны в доллары США по курсу Госбанка СССР 0,58 рубля за доллар США советских переводных рублей. Эти требования распространяются на 67 развивающихся стран и зафиксированы на 1 января 1992 г. Исследователи отмечают неопределенность ситуации: в результате трансформационного экономического спада Россия стала по формальным признаком реципиентом «официальной помощи» вместе с другими переходными экономиками, но, в то же время, продолжала вносить обязательные взносы в многосторонние структуры, предназначенные для помощи развитию, прежде всего в рамках ООН[41]. Однако, внешнедолговые требования оставались важным ресурсом, который, тем не менее, не мог быть использован вследствие ряда трудностей. К ним относились нежелание должников участвовать в переговорах, выдвижение ими требований о предоставлении новых кредитов или вообще непризнание долга. С российской стороны проблемы заключались в отсутствии системного подхода к предоставлению подобных кредитов у бывшего СССР, что в первой половине 1990-х годов объективно препятствовало процессу возврата средств[42].

В 1997 году Россия вступила в Парижский клуб кредиторов (ПКК) в качестве страны-кредитора с целью активизировать взыскание долгов. Последствия данного вступления также имеют двоякое значение. В результате присоединения к многостороннему процессу по списанию долга беднейшим странам на основе Инициативы по облегчению долгового бремени беднейших стран (ХИПК-инициатива), а также Инициативы по облегчению бремени задолженности на многосторонней основе (Инициатива МДРИ), Россия вынуждена была практически полностью списать большую часть задолженности. Данные программы распространялись на задолженность более чем половины стран —

---

[38] Хейфец Б. А. Как возвратить кредиты? Урегулирование задолженности иностранных государств перед Россией/Б. А. Хейфец. — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2005. — с. 19.

[39] Федякина Л. Н. Международные финансы. — СПб.: Питер, 2005. — с. 466.

[40] Сторчак С. А. — Условные обязательства/Сергей Сторчак. — М.:АСТ: Зебра Е, 2009. — с. 389.

[41] Rakhmangulov M. Establishing International Development Assistance Strategy in Russia//. International Organizations Research Journal. 2010. No 5 (31) p. 50–67 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268030701/9.pdf. (дата обращения: 31.01.2017).

[42] Сторчак, указ. соч, с. 330.

российских должников (в основном, это относится к беднейшим странам Африки). Облегчение бремени внешнего долга в рамках участия России в Инициативе ХИПК и Инициативе МДРИ привело к списанию порядка 90% от общей суммы долга стран, на которые распространяется действие данных программ. В данном случае Парижским клубом кредиторов, участником которого стала и Россия, применялись условия Кельна для облегчения долгового бремени, что и выразилось в подобном размере списаний[43]. Однако, более значительная часть внешнедолговых требований была сконцентрирована на небольшой группе крупных должников, среди которых такие страны как Куба, Монголия, Вьетнам, Сирия, КНДР, Ирак, Алжир. Урегулирование требований к данным странам происходило по большей части на двусторонней основе, однако в рамках реструктуризации также подавляющая часть долга была списана (до 100% от суммы долга)[44].

Положительным результатом от вступления России в ПКК стала возможность конвертировать советские расчетные рубли в доллары США по курсу 0,58 рубля за доллар, а также подписывать соглашения с должниками в рамках многосторонних переговоров. Как следует из данных, представленных в таблице 1, в 2000-е годы работа по списанию долгов интенсифицировалась. Итогом данного процесса явилось более чем 90-процентное списание кредитов, выданных бывшим СССР. Но и соглашения, заключенные с должниками на двусторонней основе, также были основаны на подходах, применяемых в рамках ПКК. Поэтому сумма списаний также приближалась к уровням 90–100%. Так, последнее масштабное соглашение об урегулировании задолженности по кредитам бывшего СССР было заключено с Кубой и предусматривало списание 90% от суммы долга[45].

По мере экономического подъема в России, начавшегося в начале 2000-х годов, у страны появилась возможность более активно участвовать в международной деятельности, в том числе с точки зрения СМР.

---

[43] Cologne terms//Paris Club Official website. Retrieved 31 January 2017 from http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/cologne-terms.

[44] Кому Россия прощала долги// Коммерсантъ, 10.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://kommersant.ru/doc/2364889. (дата обращения: 31.01.2017).

[45] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба об урегулировании задолженности Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 10 июля 2014 года N 203-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70592820/#ixzz4WWhzB8Kj. (дата обращения: 31.01.2017).

Таблица 1
Списание Россией внешней задолженности крупнейшим странам-должникам

Страна-должник и год списания	Сумма долга (млрд долларов США)	Списано (млрд долларов США)	Процент списания от суммы долга (%)
Вьетнам (2000)	11,03	9,53	86
Эфиопия (2001,2005)	4,8	4,8	100
Монголия (2003)	11,4	11,1	97
Лаос (2003)	1,3	0,96	73
Никарагуа (1992,1996,2004,2008)	5,95	5,95	100
Сирия (2005)	13,4	9,8	73
Алжир (2006)	4,7	4,7	100
Афганистан (2007)	11,1	11,1	100
Ирак (2008)	12,9	12	93
Ливия (2008)	4,5	4,5	100
КНДР (2012)	10,9	9,8	90
Куба (2014)	35,2	31,7	90

Источник: Кому Россия прощала долги// Коммерсантъ, 10.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://kommersant.ru/doc/2364889. (дата обращения: 31.01.2017); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба об урегулировании задолженности Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 10 июля 2014 года N 203-ФЗ.

Так, во второй половине 2000-х годов стала формироваться правовая база, необходимая для участия страны в данной деятельности. Первым стратегическим документом, в котором были сформулированы базовые положения по участию страны в СМР, следует назвать «Концепцию участия России в содействии международному развитию» 2007 года[46] (далее — Концепция 2007). В дальнейшем, была подготовлена новая редакция документа — «Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию»,

[46] Концепция участия России в содействии международному развитию. Утверждена Президентом РФ 14 июня 2007 г.[Электронный ресурс]. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2007/07/concept_rus.pdf. (дата обращения: 31.01.2017)

принятая в 2014 году[47] и действующая в настоящее время (далее — Концепция 2014). В данных документах уделяется внимание вопросам предоставления льготных кредитов, а также облегчения долгового бремени, как важных форм официальной помощи развитию. Так, в Концепции 2007 года отмечается, что участие России в СМР до настоящего времени ограничивалось списанием внешних кредитов, выданных бывшим СССР, а в данный момент (2007 год) необходимо использовать более разнообразные и эффективные формы помощи развивающимся странам. В Концепции 2014 содержится более детализированный обзор кредитных инструментов для участия страны в СМР, рассматриваются институциональные и правовые основы для данного вида помощи.

В настоящее время, войдя в список стран-доноров, Россия может официально регистрировать данную деятельность как помощь развитию, тогда как списание советских долгов не нашло отражения в статистике, публикуемой, в частности, Комитетом содействия развитию ОЭСР. Так, по данным статистки ОЭСР, российская официальная помощь развитию составила в 2013 году 714 млн долларов США, в 2014 г. — 876 млн долларов США, а в 2015 г. — 1,1 млрд долларов США[48]. Безусловно, данные цифры не отражают фактическую помощь развитию, оказанную Россией с учетом списания внешнедолговых активов бывшего СССР.

Таким образом, на основе вышеприведенных данных о списании внешней задолженности можно сделать вывод о том, что масштабы облегчения долгового бремени были значительными и по этим показателям Россия занимает лидирующие позиции в мире. Общие усредненные объемы списания по всей группе развивающихся стран составили около 90% от суммы долга. Это составляет от 111 млрд долларов США до 144 млрд долларов США, в зависимости от расчета общей суммы долга, приведенной выше. Также следует отметить, что затраты бывшего СССР на международные проекты, которые можно отнести к помощи развитию, составили за период 1954–1991 гг., по некоторым оценкам, сумму около 78 млрд долларов США[49]. Следовательно, российский вклад на

[47] Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействии международному развитию. Утверждена указом Президентом РФ 24.04. 2014 г. № 259 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334. (дата обращения: 31.01.2017).

[48] The Russian Federation´s Official development Assistance//OECD Official website. Retrieved 31 January 2017 from http://www.oecd.org/russia/russias-official-development-assistance.htm

[49] Содействие международному развитию. Курс лекций/ Под ред.В. И. Бартенева, Е. Н. Глазуновой. — М.: Всемирный Банк, 2012. — с. 199.

основе облегчения долгового бремени превышает вклад бывшего СССР. Между тем, данный показатель не отражается в официальной статистике помощи развитию, поскольку кредиты, предоставленные бывшим СССР развивающимся странам (военная помощь, коммерческие кредиты без грант-элемента), не соответствуют действующей классификации инструментов помощи развитию.

Результаты исследования

В данной статье проведено исследование проблемы внешнедолговых активов бывшего СССР, унаследованных Россией. Списание порядка 90% задолженности большой группы развивающихся стран и реструктуризация оставшихся сумм на длительный период в результате участия в международных программах является значительным вкладом России в СМР, который из-за методологических особенностей учета практически не отображен в соответствующей статистике. Списание Россией суверенной задолженности выявило необходимость более активного участия страны в СМР, с учетом стратегических интересов и долгосрочных целей.

Анализ результатов

Результаты исследования подтверждают предположение о том, что списание внешних долгов развивающихся стран, проведенное Россией за последние десятилетия, является значимой составляющей участия страны в СМР. Приведенные оценки свидетельствуют о том, что финансирование СМР в результате списания долгов за данный период превысило затраты бывшего СССР на данные цели, которые могут быть рассчитаны только косвенно. Необходимость урегулирования кредиторской задолженности бывшего СССР потребовала присоединения России к деятельности соответствующих международных структур, как Парижский клуб кредиторов и «Группа Семи», что, в свою очередь, положительным образом повлияло на усиление позиций и роли страны в решении глобальных экономических проблем. Масштабы списания задолженности поставили вопрос об эффективности использования полученных кредитов суверенными заемщиками, выявили необходимость системного подхода со стороны России к дальнейшему финансированию данных государств. Поэтому важным этапом в участии России в решении глобальных проблем развития стало бы вступление страны в Организацию экономического сотрудничества и развития.

Заключение

Приняв на себя финансовые требования по внешнедолговым активам бывшего СССР, Россия столкнулась с проблемой урегулирования долгов значительного количества развивающихся стран — экономических и политических партнеров СССР. Однако низкая платежеспо-

собность большинства должников не позволила получить значимые средства и увеличить доходную часть государственного бюджета. Решением стало присоединение к работе неформальных международных структур, занимающихся проблемами международных долгов (Парижский клуб кредиторов, «Группа Семи»), что с одной стороны, позволило использовать их опыт и методы решения данных проблем, а с другой — привело к фактическому списанию подавляющей части задолженности. Долги были списаны в результате заключения как двухсторонних, так и многосторонних соглашений. В первом случае наиболее ярким примером является списание Кубе 90% задолженности от суммы в размере около 35,2 млрд долларов США в 2014 году. Примером участия в многосторонних процедурах является присоединение к инициативам ХИПК и МДРИ. Подобная реструктуризация долгов не принесла России ожидаемого роста денежных поступлений, но явилась фактическим вкладом страны в содействие международному развитию. Это укрепило перспективы политического и экономического сотрудничества с государствами — участниками данных программ, а также открыло дополнительные возможности по участию России в глобальном управлении. На современном этапе исключение России из «Группы Восьми», а также приостановление процесса вступления страны в ОЭСР негативно отражаются на реализации данных возможностей.

Начиная с середины 2000-х годов, в России поступательно стала формироваться правовая база для участия страны в СМР. Была принята Концепция участия России в СМР, внесены поправки в действующие законодательство в части финансирования международного развития, определены органы государственной власти, ответственные за обеспечение участия страны в данном процессе, интенсифицировалось сотрудничество с ведущими международными организациями в данной области.

В настоящее время процесс реструктуризации и списания внешнедолговых активов бывшего СССР завершен. Тем не менее, особый характер предоставленных, а затем списанных кредитов статистически не был зафиксирован как помощь развитию, но фактически ею являлся. Таким образом, Россия, списав более 90 процентов задолженности, внесла значительный вклад в СМР.

Литература

1. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействии международному развитию. Утверждена указом Президентом РФ 24.04. 2014 г. № 259 [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334. (дата обращения: 31.01.2017).

2. Концепция участия России в содействии международному развитию. Утверждена Президентом РФ 14 июня 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: http://minfin.ru/common/upload/library/2007/07/concept_rus.pdf. (дата обращения: 31.01.2017).
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Куба об урегулировании задолженности Республики Куба перед Российской Федерацией по кредитам, предоставленным в период бывшего СССР. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 10 июля 2014 года N 203-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70592820/#ixzz4WWhzB8Kj. (дата обращения: 31.01.2017).
4. Содействие международному развитию. Курс лекций/ Под ред.В. И. Бартенева, Е. Н. Глазуновой. — М.: Всемирный Банк, 2012.
5. Сторчак С. А. — Условные обязательства/Сергей Сторчак. — М.:АСТ: Зебра Е, 2009.
6. Федякина Л. Н. Международные финансы. — СПб.: Питер, 2005.
7. Хейфец Б. А. Как возвратить кредиты? Урегулирование задолженности иностранных государств перед Россией/Б. А. Хейфец. — М.: ЗАО «Издательство Экономика», 2005.
8. Кому Россия прощала долги// Коммерсантъ, 10.12.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://kommersant.ru/doc/2364889. (дата обращения: 31.01.2017).
9. Rakhmangulov M. Establishing International Development Assistance Strategy in Russia//. International Organizations Research Journal. 2010. No 5 (31) p. 50–67 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268030701/9.pdf. (дата обращения: 31.01.2017).
10. Cologne terms//Paris Club Official website [Electronic resource]. URL: http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/cologne-terms. (дата обращения: 31.01.2017).
11. The Russian Federation´s Official development Assistance//OECD Official website [Electronic resource]. URL: http://www.oecd.org/russia/russias-official-development-assistance.htm. (дата обращения: 31.01.2017).

DEBT RELIEF AS A FORM OF PARTICIPATIOM OF RUSSIA IN INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSICTANCE

Andrey Sumin

Abstract. *Russia's participation in international development assistance is an important task that requires the theoretical study and practical actions. This area of the country's participation in international economic relations has become topical in the last decade due to improvement of the macroeconomic situation and the accumulation of financial resources sufficient for the country's donor status. The purpose of the study is to determine the place and role of debt*

cancellation owed by group of developing countries to Russia in the process of international development assistance. We consider the volume of debt relief, as well as the conditions applied to debtors. Prerequisites are identified and the mechanism of Russia's cooperation with international organizations concerned with the settlement of the external debt of developing countries is examined. The study reveals the system of the legal framework established for the country's participation in international development assistance. We assess the extent of cancellation of the external debt and the resulting figures are compared with those of the development aid provided by the former Soviet Union.

The study provides several conclusions. Russia's debt relief for a group of low-income developing countries is an important contribution to international development assistance. Write-off volumes exceed the comparable figures of the Soviet development aid and formally put Russia in a leading position in the list of donor countries. However, a significant proportion of the debt write-offs are loans that are not recorded in the statistics as a development aid. Participation in debt relief programs for developing countries allowed Russia to gain experience from cooperation with international institutions and organizations concerned with these problems.

Keywords: *Russia; debt relief; international development assistance.*

References

1. Bartenev V. I., Glazunova E. N. (2012). Sodejstvie mezhdunarodnomu razvitiju. Kurs lekcij/.[Lectures on International Development Assistance] — M.: Vsemirnyj Bank.
2. Cologne terms//Paris Club Official Website. Retrieved 31 January 2017 from http://www.clubdeparis.org/en/communications/page/cologne-terms.
3. Fedjakina L. N. (2005). Mezhdunarodnye finansy[International Finance]. — SPb.: Piter.
4. Hejfec B. A. (2005). Kak vozvratit' kredity? Uregulirovanie zadolzhennosti inostrannyh gosudarstv pered Rossiej/B.A.Hejfec.[How to get loans back? Settlement of foreign debts to Russia] — M.: ZAO «Izdatel'stvo Jekonomika».
5. Komu Rossija proshhala dolgi[How did Russia write off foreign debts]// Kommersant, 10.12.2013//. Retrieved 31 January 2017 from http://kommersant.ru/doc/2364889
6. Koncepcija gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere sodejstvii mezhdunarodnomu razvitiju. Utverzhdena ukazom Prezidenta RF 24.04.2014 № 259. [Concept of State Policy of the Russian Federation in the Field of Assisting International Development]. // Retrieved 31 January 2017 from http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334
7. Koncepcija uchastija Rossii v sodejstvii mezhdunarodnomu razvitiju. Utverzhdena Prezidentom RF 14.06.2007.[Concept of Participation of the Russian

Federation in International Development Assistance].// Retrieved 31 January 2017 from http://minfin.ru/common/upload/library/2007/07/concept_rus.pdf
8. Rakhmangulov M. (2010). Establishing International Development Assistance Strategy in Russia. *International Organizations Research Journal*, 5 (31), 50–67. Retrieved 31 January 2017 from http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268030701/9.pdf
9. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kuba ob uregulirovanii zadolzhennosti Respubliki Kuba pered Rossijskoj Federaciej po kreditam, predostavlennym v period byvshego SSSR. Ratificirovano Federal'nym zakonom RF 10.07. 2014 N 203-FZ. [The Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cuba on Settling the Republic of Cuba's Debt to the Russian Federation for Loans Issued during the Soviet Period].// Retrieved 31 January 2017 from http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70592820/#ixzz4WWhzB8Kj
10. Storchak S. A. (2009). Uslovnye objazatel'stva/Sergej Storchak. [Contingent liabilities] — M.: AST: Zebra E.
11. The Russian Federation´s Official development Assistance//OECD Official Website. Retrieved 31 January 2017 from http://www.oecd.org/russia/russias-official-development-assistance.htm

Информация об авторе
Сумин А. В.
к.э.н., доцент, МГИМО МИД России, Россия
Andrey Sumin
Associate Professor, PhD (Economics), MGIMO (University) under the MFA of Russia, Russia

Научное издание

«25 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ»

Сборник материалов X Конвента РАМИ

(Москва, 8–9 декабря 2016 г.)

В пяти томах

Том 4

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР:
ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В двух частях

Часть 1

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка
и художественное оформление *А. С. Туманова*

Подписано в печать 25.10.2017
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 41,5. Уч.-изд. л. 35,6
Тираж экз. Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76